ВОЗЛЕ

А. П. БОРОДИН

Фотография Р. Соболева
Декабрь 1885 года. Петербург

С. А. ДИАНИН

БОРОДИН

Жизнеописание, материалы и документы

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 1960

Под общей редакцией

И. Ф. БЭЛЗА

и В. А. КИСЕЛЕВА

Второе издание

ВВЕДЕНИЕ*

Публикуемый труд С. А. Дианина является результатом многолетней самоотверженной работы, начатой еще отцом автора книги — учеником и другом А. П. Бородина Александром Павловичем Дианиным (1851—1918).

В 1870—1873 годах А. П. Дианин слушал лекции Бородина в Медико-хирургической академии, а затем сделался его ассистентом. После получения степени доктора философии в Иенском университете и, вскоре после этого, степени магистра химии в Харькове** А. П. Дианин в 1880 году был назначен, благодаря хлопотам Бородина, ценившего его способности, адъюнкт-профессором Медико-хирургической академии. Живя на протяжении последних четырнадцати лет жизни Бородина в его квартире, Дианин постепенно сблизился со своим великим учителем, а после его смерти стал душеприказчиком Бородина.

Он бережно хранил рукописи Александра Порфирьевича, его личные вещи, обстановку, собирал материалы для его биографии, которыми делился также с В. В. Стасовым, и вскоре после смерти Бородина опубликовал очерк о его жизни и деятельности***.

Громадную работу по изучению, систематизации и публикации материалов о жизни и творчестве Бородина ведет уже на протяжении десятков лет сын А. П. Дианина, автор публикуемой книги Сергей Александрович Дианин, родившийся 14(26) декабря 1888 года в той самой квартире, в которой жил в 1863—1887 годах Бородин.

---

* Настоящее введение написано к первому изданию книги (1955).

** Докторскую диссертацию А. П. Дианин защитил в Харькове в 1890 году.

*** «Журнал Русского физико-химического общества», 1888, т. 20, вып. IV

«С детства, как себя помню, я был окружен предметами обстановки, принадлежавшими Бородину, видел его портреты, его знакомых, слышал рассказы о Бородине»,— рассказывает С. А. Дианин в автобиографической записке. Математик по специальности, С. А. Дианин опубликовал в 1929—1937 годах ряд научных работ, посвященных различным вопросам математической физики и музыкальной акустики. Однако постепенно С. А. Дианин все более и более отдавал себя работе над изучением жизни и творчества Бородина.

В 1923 году во французской и немецкой прессе появилась его первая статья о Бородине, написанная совместно с А. Н. Римским-Корсаковым *. За этой работой последовал ряд других, в том числе статья «О роли чувства тональности в процессе творчества Бородина», опубликованная в 1927 году**.

Наиболее капитальным трудом С. А. Дианина явился изданный Музгизом в 1928—1950 годах четырехтомник «Письма А. П. Бородина», потребовавший длительных текстологических исследований и обширных комментариев. В последний том этой ценнейшей публикации С. А. Дианин включил также музыкально-критические статьи Бородина.

Первый раздел новой работы С. А. Дианина содержит биографию великого композитора, написанную на основании источников, нередко впервые вводимых в научный обиход и дающих возможность критически пересмотреть некоторые данные, обычно приводившиеся в биографиях Бородина. Много нового содержится в этом разделе книги, посвященном жизнеописанию Бородина и той «трагической повседневности», с которой он героически боролся, самоотверженно выполняя свой долг художника, исследователя, воспитателя и защитника молодежи, гражданина и патриота.

Публикуемые во втором разделе этого тома письма составляют часть изученного и систематизированного С. А. Дианиным архива Бородина. При отборе писем составитель, естественно, руководствовался принципом целесообразности их издания, определяемой исключительно ценностью данных, которые читатель может почерпнуть из публикуемых материалов. Именно в силу этого письма, имеющие сугубо личный, интимный характер, не включены в данную публикацию, основное содержание которой составляют письма М. А. Балакирева, Н. А. Римского-Корсакова, Ц. А. Кюи, В. В. Стасова, Л. И. Шестаковой, Д. М. Леоновой и других деятелей русской музыкальной культуры, русских ученых — Д. И. Мен-

---

* «Borodine ou ses amis?» («Бородин или его друзья?»). «La revue musicale», Paris, 1923. «Borodine oder seine Freunde?» — «Die Musik», Berlin, 1923.

** «De Musica», III.

делеева, Н. Н. Зинина, Н. А. Меншуткина, А. М. Бутлерова, жены Бородина — Екатерины Сергеевны, а также таких выдающихся западноевропейских музыкантов, как Ф. Лист, К. Сен-Санс и другие.

Подготовленная С. А. Дианиным публикация эта содержит свыше ста пятидесяти писем, которые не только подкрепляют фактический материал биографического очерка, составляющего первый раздел данной книги, но и во многом дополняют его. Помимо ярких штрихов, которыми обрисовывается обаятельная личность великого композитора и ученого, письма эти содержат многочисленные данные о различных этапах работы Бородина над своими произведениями, об их первых исполнениях и изданиях, о критических откликах на них, об отношении современников к творчеству Бородина и т. п.

Многие из публикуемых писем существенным образом дополняют картину отношения к Бородину со стороны передовой русской музыкальной общественности, достойно оценившей гений Бородина и величие его творческих замыслов,— прежде всего, разумеется,— «Князя Игоря». Академик Б. В. Асафьев справедливо отметил, что «Игорь» — концепция национально-государственная», ибо «тезис строительства государственного, как обороны и против стихии степи, с ее кочевниками, и против феодально-княжеской раздробленности и безначалия, проведен мощной, можно сказать, «суриковской» рукой через всю оперу,— именно эта сфера содержания «Игоря» обосновывает монументальность музыки, ее основное качество». И далее: «В данном отношении Бородин шел напролом против всех течений, отрицавших в русском народе чувство и мысль о государственном начале, как неизбежной основе национальной жизнеспособности, и полагавших, что русский народ есть некая стихия, безначальная и своенравная, не способная к объединению и сугубо анархическая. Больше того, Бородин исключительно смело и сочно сопоставил два мира государственности: рабьей, кочевой, насильственной — половцев — и оборонной, трудовой, себя защищающей государственности русского великого труженика — крестьянства и дружинного народа во главе с князем, не «насильственным владыкой», а «лучшим воином», сосредоточившим в себе черты народного былинного богатыря и «князя-воителя житий», как Александр Невский, Михаил Черниговский и другие» *.

Не подлежит сомнению, что идейно-художественная концепция оперы Бородина была близка и дорога передовым кругам русской общественности того времени, и участники балакиревского кружка горячо откликнулись на этот замы-

---

* Игорь Глебов [Б. Асафьев]. «Князь Игорь» — опера Бородина. «Советская музыка», второй сборник статей. Музгиз, 1944, стр. 17.

сел, подсказанный Бородину Стасовым, приславшим, как известно, композитору «сценариум» оперы с письмом, впервые публикуемым в книге С. А. Дианина. Отвечая Стасову на это письмо, Александр Порфирьевич писал: «Мне этот сюжет ужасно по душе. Будет ли только по силам? не знаю» *.

Друзья композитора не разделяли его сомнений по этому поводу, считая, что сюжет «Игоря» находится в надежных руках и что осуществление этого замысла приведет к созданию оперы, которая воплотит заветные мечты «Могучей кучки», мечты о продолжении эпической линии «Руслана». Недаром еще 28 декабря 1868 года Стасов писал Бородину о его романсе «Спящая княжна»: «Что за прелесть! правду говорит Даргомыжский, что это просто — страница из «Руслана». Итак, эпическая направленность дарования Бородина, проявившаяся не только в этом романсе, но и в его первой симфонии, и в поразительной по силе «Песне темного леса», была уже тогда вполне понята и оценена по достоинству. Публикуемые в этом томе письма содержат существенные данные о признании, которое гений Бородина получил в кругу строителей русской музыкальной культуры.

В цитировавшемся уже письме от 28 декабря Стасов сообщает Бородину, что его «Спящую княжну» накануне вечером дважды пели у Л. И. Шестаковой. Вошедшие в публикацию С. А. Дианина одиннадцать писем Людмилы Ивановны свидетельствуют о неизменной сердечности и заботливости, с которой она относилась к Бородину и его творчеству. Достаточно прочитать письмо Л. И. Шестаковой от 27 февраля 1877 года, написанное под впечатлением первого исполнения «Богатырской» симфонии, исполнения, сопровождавшегося неудачей (вплоть до шиканья тупиц, каковые «не поняли и дурили») и тем не менее названного «нашим общим праздником» в письме Людмилы Ивановны, которая предсказала композитору, что симфонии его «предстоит стоять на той высоте, как «Руслан»...

Можно представить себе, как поддержали Бородина эти слова, сказанные сестрой автора «Руслана», тем более, что, как мы знаем, композитор был частым гостем в ее доме, и общение с Людмилой Ивановной и ее музыкальным кружком неизменно укрепляло веру Бородина в свои силы. Напомним также, что беседа Бородина с В. В. Стасовым, имевшая решающее значение для возникновения замысла «Князя Игоря», состоялась именно у Л. И. Шестаковой, посвященной в этот замысел и горячо на него откликнувшейся.

---

* Письма А. П. Бородина. Полное собрание, критически сверенное с подлинными текстами. Вып. I (1857—1871). С предисловием и примечаниями С. А. Дианина. Музсектор Госиздата, М., 1927—28, стр. 142, письмо от 20 апреля 1869 года.

Со свойственной ему страстностью и пламенным энтузиазмом относился Стасов к гению Бородина, называл себя его «глубочайшим поклонником» в публикуемом письме от 4 декабря 1876 года, письме кратком, но позволяющем составить себе яркое представление о том, чем были Бородин и его музыка для Стасова. Не менее интересно и письмо Стасова от 30 марта того же года, содержащее характернейший выпад против Кюи, написавшего отзыв о концерте, в котором исполнялся «прославный хор» из «Князя Игоря». Кюи останавливается на внешних сторонах музыки Бородина, на приемах развития и т. п. «Где же само-то создание, где хоть единое слово о характере и смысле этого гениального хора, которому мы все намедни поклонялись?» — гневно спрашивает Стасов, определяя основные задачи музыкальной критики и требуя от нее прежде всего суждения об идейно-эстетической ценности разбираемого произведения, а не «приговоров шульмейстера», как называет Стасов критику Кюи в этом письме, полностью сохранившем глубоко принципиальное значение и для нашего времени.

Стасов зорко разглядел не только масштабы, но и национальную самобытность дарования Бородина, называя Мусоргского его «сиамским близнецом, по силе и оригинальности» (письмо от 8 августа 1879 года) *. И еще один штрих: 1883 год Стасов надеялся начать встречей с Бородиным. Он написал письмо своему любимцу, прося его прийти на следующий день **: «Вся музыкальная компания будет, и отсутствие такого крупного туза, как Alexander Porfiriewitz, заставило бы побледнеть все остальные масти...» А мы знаем, что критерием для стасовских оценок была идейно-художественная значительность того или иного явления, определявшаяся не космополитически-безличным смакованием мастерства, а полнотой выражения национальных черт отечественной культуры. Этот критерий лег в основу книги Стасова о Бородине ***.

Уже первое знакомство с оперой, сочинявшейся Бородиным, убедило его друзей в том, что русская музыка обогатится новым великим творением, а последующие годы еще более укрепили эту уверенность. В письме от 19 сентября 1875 года Стасов пишет Бородину о том, как его ждали накануне с надеждой послушать отрывки из «Князя Игоря», о котором Римский-Корсаков «рассказывает такие чудеса». В предыдущем письме от 17 сентября Стасов пишет Боро-

---

* «Выше этих двух у нас никого не было в эти 20 лет!» — писал Стасов С. Н. Кругликову после смерти Бородина. Письмо от 5 апреля 1887 года. «Советская музыка», 1949, № 5, стр. 61.

** 2 января — день рождения Стасова.

*** В. В. Стасов. Александр Порфирьевич Бородин. Его жизнь, переписка и музыкальные статьи. СПб., 1889.

дину, что «Князь Игорь» черт знает, как нас интересует, особенно вдруг подвинутый вперед львиною хваткою».

И Стасов, и Римский-Корсаков приходили в отчаяние от всего, мешавшего Бородину работать над оперой. «Множество дел по профессуре и женским медицинским курсам вечно мешали ему. Домашнюю обстановку его я уже описывал. Его бесконечная доброта и отсутствие себялюбия делали эту обстановку такою, что заниматься сочинением было для него крайне неудобно»,— вспоминает Н. А. Римский-Корсаков *. А в письме от 6 февраля 1878 года Стасов спрашивает Бородина, «во время праздников ** не подвинулся ли «Князь Игорь»? Или же он так-таки и спит целых 2 года? Если да, это просто непростительно для талантливого человека, как Вы...»

Но участие друзей и соратников Бородина, проявлявшееся по отношению к судьбе его оперы, далеко не ограничивалось только напоминаниями. Автор «сценариума» оперы В. В. Стасов в своей книге пишет: «Бородин отнесся с необычайной внимательностью и тщательностью к сюжету своей оперы. Точь-в-точь, как Мусоргский, когда тот принимался за сочинение «Бориса Годунова» и «Хованщины», Бородин перечитал все, что только могло относиться к его сюжету. Я доставлял ему из Публичной библиотеки летописи, трактаты, сочинения о «Слове о полку Игореве», переложения его в стихи и прозу, исследования о половцах; он читал, сверх того, эпические русские песни, «Задонщину», «Мамаево побоище» (для сцены жен, прощающихся с мужьями), эпические и лирические песни разных тюркских народов (для княжны Кончаковны и вообще всего половецкого элемента). Наконец, от В. Н. Майнова он получил некоторые мотивы из песен финско-тюркских народов и через него же, от знаменитого венгерского путешественника Гунфальви, музыкальные мотивы, записанные им в Средней Азии или у потомков древних половцев, живущих еще и до сих пор несколькими селениями в одном округе Венгрии...» Впервые публикуемое С. А. Дианиным письмо В. Н. Майнова к Бородину является существенным дополнением к ранее известному письму В. Н. Майнова к В. В. Стасову, роль которого в снабжении Бородина обширнейшими материалами для его оперы делается еще более очевидной.

Общеизвестны огромные заслуги Н. А. Римского-Корсакова перед русской музыкальной культурой, заключающиеся не только в создании произведений, составляющих ее славу и гордость, но и в самоотверженной работе над творческим

---

* Н. Римский-Корсаков. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка, т. I. «Летопись моей музыкальной жизни». М., 1955, стр. 121.

** То есть зимних каникул.

наследием других великих мастеров. Еще при жизни Бородина предлагал ему Римский-Корсаков свою помощь, предлагал бескорыстно, с единственною целью — ускорить окончание «Князя Игоря», значение которого для отечественной музыкальной культуры соратники Бородина прекрасно понимали. Именно поэтому считали они своим долгом не только торопить композитора, но и делать все возможное, чтобы способствовать окончанию оперы.

10 августа 1879 года Римский-Корсаков писал Бородину: «Если вы теперь за лето довольно много насочините, да осенью будете поддерживать сочинительский стих, заменяя им до некоторой степени разные филантропические дела, которые на вас нагрянут в Питере (простите, что говорю о предмете, который до меня, может, не должен касаться), то вы имеете вероятность кончить всю вашу оперу к великому посту и представить ее в театре, чтобы она пошла в сезон 1880/81 г., а я берусь вам в вашей работе помогать, перекладывать, переписывать, транспонировать, инструментовать по вашему указанию и т. д., ибо эту зиму я вряд ли буду сочинять что-нибудь свое; а вы совеститься не извольте, ибо, поверьте, мне хочется, чтобы ваша опера пошла на сцене чуть ли не больше вашего, так что я с удовольствием буду помогать, как бы работая над своей собственной вещью».

Это письмо принадлежит к числу примечательнейших документов, позволяющих нам судить о высоком этическом уровне, о редком благородстве отношений между творцами русской классической музыки. Да позволено будет здесь заметить, что история музыкальной культуры всего мира не знает примеров, подобных самоотверженной работе Римского-Корсакова над творческим наследием Бородина и Мусоргского, или работе Танеева — над рукописями Чайковского *...

В пятнадцатой главе «Летописи моей музыкальной жизни» Римский-Корсаков вспоминает: «Перед отъездом на дачу я уговаривал Бородина разрешить мне переписать собственноручно и поработать над отделкою хора и партий гудочников в сцене у Владимира Галицкого в «Князе Игоре». Сцена эта была им сочинена и записана уже довольно давно, но находилась в полном беспорядке; кое-что надо было сократить, другое переложить в иной строй, кое-где написать хоровые голоса и т. п. Между тем дело вперед не шло; он собирался, не решался, откладывал со дня на день, и опера не двигалась. Меня это крайне огорчало. Мне хотелось помочь ему, я предлагал ему себя в музыкальные секретари, лишь бы только подвинуть его чудную оперу. После долгих отнекива-

* См. вступительную статью автора этих строк к 62 тому академического издания Полного собрания сочинений П. И. Чайковского. Музгиз, 1948.

ний и уговоров Бородин согласился, и я взял упомянутую сцену с собой на дачу» *.

Судьба «чудной оперы» и на протяжении последующих лет продолжала волновать Римского-Корсакова ** и всех других друзей и почитателей Бородина. В письме от 28 января 1880 года Д. М. Леонова пишет композитору о «безгранично полюбившемся» ей «Игоре» и возобновляет свою просьбу о присылке ей отрывков из оперы. Друзья Александра Порфирьевича всячески стремятся помочь ему в работе над оперой и думают над тем, от каких забот можно освободить его, чтобы он мог заняться «Игорем». 15 апреля 1882 года Балакирев пишет Бородину, что нашел сестру милосердия, «опытную в ухаживании за больными», и, предполагая, что болезненное состояние жены композитора является одной из помех, стоящих на пути долгожданного «Игоря», прямо спрашивает: «Не пожелаете ли воспользоваться этим случаем устроить хороший уход за дорогой Екатериной Сергеевной и освободить себя для большего занятия оперой, которую следует же, наконец, окончить».

Публикуемые С. А. Дианиным материалы ярко рисуют нам отношение прогрессивных музыкантов к «чудной опере», завершение которой после смерти Бородина было не только данью памяти великого композитора, но и выполнением патриотического долга перед отечественной культурой. Залогом успеха этой работы было, конечно, руководящее участие в ней другого великого русского мастера — Николая Андреевича Римского-Корсакова ***.

Преклонение перед гением Бородина, характерное для всего беляевского кружка, началось еще при жизни композитора, к которому мастера «Могучей кучки» старались приблизить молодое поколение русских музыкантов. Публикуемые документы содержат ценные материалы, непосредственно относящиеся к сближению Бородина с композиторами, составившими впоследствии основу беляевского кружка.

14 января 1878 года Балакирев, приглашая к себе Бородина, писал ему: «У меня будет Лядов, принесет новый свой Этюд — прелестный, и еще кое-что свое. Мне очень хотелось бы его соединить с Вами, и этот талантливый юноша

---

* Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, 6-ое изд., стр. 125.

** Весной 1885 года Николай Андреевич долго работал, например, над «предварительным клавираусцугом» оперы Бородина (см. цитированное в комментариях к «Летописи моей музыкальной жизни» письмо к С. Н. Кругликову. Там же, изд. 5, М., 1935, стр. 225).

*** О масштабах работы Римского-Корсакова и Глазунова над окончанием оперы Бородина дают представление материалы, собранные в исследовании П. А. Ламма. «Авторский текст «Князя Игоря» (см. сборник «Научно-творческая работа ВТО», вып. 3, М., 1948, стр. 35—36).

стоит быть в Вашей компании. Ваше сообщество ему может принести огромную пользу».

Личное и творческое общение Лядова с Бородиным началось еще раньше, ибо уже осенью 1873 года Александр Порфирьевич в письме к жене упоминает об одной из своих встреч с Лядовым * у Кюи. В написанных в том же году юношеских романсах Лядова, в особенности — в «Песне» («Ты не спрашивай») на текст А. К. Толстого, уже явственно ощущается влияние Бородина **, благотворно сказавшееся на творческом развитии Лядова и в дальнейшем, но преломившееся, естественно, через призму своеобразного дарования этого замечательного музыканта.

В 1878 году, к которому относится публикуемое письмо Балакирева, произошло более тесное сближение Бородина с Лядовым, окончившим в этом году Петербургскую консерваторию и начавшим в ней свою многолетнюю педагогическую деятельность. В этом же году Лядов вместе с Бородиным, Римским-Корсаковым и Кюи принял участие в сочинении фортепьянных «Парафраз» на тему детской польки, а затем помогал Бородину в оркестровке «Половецких плясок», объявленных в абонементных концертах Бесплатной музыкальной школы в начале 1879 года. Перечисляя сочиненные Бородиным к этому времени номера «Князя Игоря», Римский-Корсаков вспоминает: «Я выпрашивал у автора эти отрывки для исполнения в концертах школы. Ария Кончака была им оркестрована целиком, но окончания оркестровки половецких плясок и заключительного хора нельзя было дождаться. А между тем вещи эти стоят на программе и уже разучены мною и хором. Пора было и партии уже расписывать. Я в отчаянии упрекаю Бородина. Ему тоже не весело. Наконец, потеряв всякую надежду, я предлагаю ему помочь в оркестровке, и вот он приходит ко мне вечером, приносит свою начатую партитуру плясок, и мы втроем—он, А. К. Лядов и я,— разобрав ее по частям, начинаем спешно доорке-

---

* Письма А. П. Бородина. Полное собрание, критически сверенное с подлинными текстами. Вып. II (1872—1877). Вступительная статья Г. Хубова. Редакция, комментарии и примечания С. Дианина. Музгиз, М., 1936, стр. 50.

** И. И. Витоль в своем очерке о творчестве Лядова пишет, что романс этот «прямо примыкает к складу музыки Бородина; ритм этой песни в $^5/_4$, написанной в чисто русском стиле, едва ли особенно соответствующий тексту, не может скрывать своего происхождения от квартетного скерцо Бородина, позже перешедшего в неоконченную третью симфонию его» (сборник «Ан. К. Лядов». Пгр., 1916, стр. 144). Нам думается, однако, что дело не в сходстве отдельных произведений (тем более, что упомянутое здесь скерцо Бородина написано, как известно, в начале 80-х годов, т. е. почти десятью годами позже лядовской «Песни»), а именно в общем складе музыки Лядова, особенно тесно примыкающем к Бородину в таких произведениях, как например былина «Про старину».

стровывать. Для скорости мы пишем карандашом, а не чернилами. За такой работой сидим мы до поздней ночи» *.

В 1882 году Бородину был представлен и другой талантливейший композитор — молодой А. К. Глазунов, с именем которого связана работа над окончанием «Игоря» ** и записью первых двух частей третьей симфонии Бородина. В публикуемых С. А. Дианиным письмах Е. П. Глазуновой и Н. П. Моласа, относящихся к апрелю—маю 1882 года, содержатся данные, свидетельствующие о том, как в этих домах дорожили присутствием и мнением Бородина. То было время появления ранних сочинений Глазунова: 17 марта 1882 года Балакирев впервые исполнил его первую симфонию, заслужившую высокую оценку Бородина, суждением которого о новых произведениях так дорожили русские музыканты. Вполне естественно поэтому, что мать Глазунова хотела услышать мнение Александра Порфирьевича и о первом струнном квартете своего сына, намеченном к исполнению в доме Глазуновых весной 1882 года.

Сам Глазунов, как известно, особенно дорожил встречами с Бородиным, к эпической мощи которого он тяготел на протяжении всей своей творческой жизни, многое восприняв и усвоив именно от автора «Богатырской» симфонии. Это — «произведение гигантское, «русская 9-я симфония», как справедливо говорит Глазунов»,— читаем мы в одном из писем В. В. Стасова к С. Н. Кругликову ***. С гордостью следил Бородин за развитием могучего дарования Глазунова, называя его, вслед за Стасовым, «нашим милым юным Самсоном» ****.

В эпистолярных материалах, собранных С. А. Дианиным, встречается также имя Ф. М. Блуменфельда, который еще в годы юности познакомился с А. П. Бородиным и, подобно другим членам беляевского кружка, был страстным почитателем автора «Князя Игоря» — «чудной оперы», после смерти автора подготовленной к печати и первому исполнению, как известно, при участии Ф. М. Блуменфельда. В публикуемых материалах содержатся и другие, достаточно многочисленные данные, свидетельствующие о том, что Бородин еще

---

* Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, стр 121.

** См. записку об этой работе, составленную А. К. Глазуновым для В. В. Стасова и опубликованную в «Русской музыкальной газете», 1896, № 2. См. также: Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, стр. 161.

*** «Советская музыка», 1949, стр. 61, № 8, письмо от 24 ноября 1885 года.

**** Письма А. П. Бородина. Полное собрание, критически сверенное с подлинными текстами. Вып. III (1878—1882). С примечаниями С. А. Дианина. Музгиз, М.—Л., 1949, стр. 222.

при жизни пользовался широким признанием со стороны русской прогрессивной общественности, неизменно поддерживавшей композитора во всех его начинаниях, относившейся к нему чутко и заботливо и дорожившей не только его творчеством, но и общением с ним и поэтому стремившейся приблизить к нему композиторскую молодежь, в полной уверенности, что это, выражаясь уже приведенными словами Балакирева, «может принести огромную пользу».

Бородин знал, что его любят и восторгаются его творчеством не только музыканты, но и все те, кому дороги судьбы русской культуры. Постепенно учащались исполнения его произведений, в том числе и отрывков из «Князя Игоря», который еще до первой постановки завоевал признание и популярность. Общеизвестно восторженное отношение учащейся молодежи к Бородину. Еще одним штрихом для суждения об этом является публикуемое С. А. Дианиным письмо, полученное Бородиным в феврале 1883 года от кружка юных поклонников композитора, который в этих простых и бесхитростных строках мог увидеть новое доказательство того, как близко и дорого его искусство русской общественности. Бородин хорошо понимал также, как он нужен молодежи, с трудом пробивавшей себе дорогу к знанию в тяжелых условиях царской России,— недаром «опорой и другом учащихся» назвали Александра Порфирьевича провожавшие его в последний путь женщины-врачи в надписи на надгробном венке, принесенном ими «основателю, охранителю, поборнику женских врачебных курсов».

В кровной связи с родиной черпал Бородин силы для своей многогранной творческой, научной, педагогической и общественной деятельности. Связь эту ощущал он до конца дней своих. Творческая энергия Бородина, вопреки имеющимся в музыковедческой литературе высказываниям, не иссякала у композитора буквально до самого последнего дня его жизни, о чем убедительнейшим образом свидетельствует приводимый С. А. Дианиным рассказ его отца, видевшего Александра Порфирьевича — «взволнованного, радостного, со слезами на глазах», через несколько минут после того, как за стеной химической лаборатории Военно-медицинской академии прогремел «финалище» третьей симфонии. Да и как могла иссякнуть творческая энергия у такого патриота, каким был Бородин?!.

Публикации С. А. Дианина дают много ценного для освещения вопроса о взаимоотношениях Бородина с его зарубежными поклонниками. Подчеркиваем,— именно поклонниками, а не покровителями, ибо встречающаяся зачастую в зарубежной литературе версия о том, что русская музыка завоевала мировое признание якобы благодаря стараниям именитых западных меценатов, не выдерживает ни малейшей

критики при рассмотрении документальных данных, к числу которых относятся и материалы, собранные в этой книге.

Сообщая Бородину в письме от 21 мая 1880 года о триумфальном успехе его первой симфонии, исполнявшейся накануне в Баден-Бадене, профессор Лейпцигской консерватории Карл Ридель отмечает «глубокое уважение и восхищение» слушавших эту симфонию немецких музыкантов. А Лист, присутствовавший на баден-баденском фестивале, подчеркивает, что симфония имела огромный успех не только у знатоков, но и у «многочисленной публики». Вслед за этим дирижер Леопольд Дамрош *, который «слышал столько прекрасного о симфонии» Бородина, обращается к композитору с просьбой выслать ее партитуру и оркестровые голоса для нью-йоркского исполнения.

В апреле 1883 года Ридель пишет Бородину о том нетерпении, с каким Артур Никиш ожидает присылки партий первой симфонии, которую он собирается играть в Лейпциге. О таком же намерении дрезденского дирижера Франца Вюльнера сообщает Ридель Бородину в ноябре того же года, а в марте следующего года к Александру Порфирьевичу с просьбой выслать нотный материал первой симфонии обращается и Герман Кречмар из Ростока. Редактор «Всеобщей немецкой музыкальной газеты» Лессман, выражая желание опубликовать на страницах этой газеты биографические очерки о Бородине, Кюи, Римском-Корсакове, Лядове и Чайковском, прямо пишет в августе 1881 года о том, что немецкая общественность должна усвоить опыт тех «корифеев новой русской музыки», от влияния которых «не должно отгораживаться немецкое искусство». Содержание этого письма нельзя не сопоставить с многочисленными высказываниями Листа о русской музыке, в великую будущность которой он твердо верил **.

«Лист относился к русской музыке не только с большой симпатией, но прямо с каким-то обожанием. Всякие ноты, присылаемые из России, немедленно им просматривались, и он всегда мне говорил: «Давайте скорее проиграем, тут наверное есть что-нибудь хорошее»,— вспоминает А. Зилоти ***. И далее: «В Веймаре я познакомился с А. К. Глазуно-

---

* Еще в 1879 году Дамрош, который был также выдающимся скрипачом, исполнял в Нью-Йорке скрипичный концерт Чайковского.

** См. изданное С. А. Дианиным собрание писем Бородина, содержащее много ценных материалов, освещающих отношение Листа к русской музыке. См. также работу В. А. Киселева «Франц Лист и его отношение к русскому искусству», Москва, 1929.

*** А. Зилоти. Мои воспоминания о Ф. Листе. СПб., 1911, стр. 43. Высказываясь в письме к графине де Мерси-Аржанто о русской музыке, Лист писал 20 января 1885 года: «Не какие-нибудь личные особенности моего вкуса заставляют меня ее пропагандировать, а простое чувство справедливости и мое убеждение в действительной ценности и высоком уровне этих произведений».

вым и покойным А. П. Бородиным, предполагаемый приезд которых Лист ждал, как нечто особенное для нашей веймарской жизни. Он при каждом удобном случае повторял, что Германия и Франция свое музыкальное слово уже сказали и что все новое может явиться только из России...»

Подобное ожидание «света с Востока» характерно и для других представителей прогрессивной музыкальной общественности, восторженно встречавших новые произведения русской музыкальной классики, создававшейся во второй половине XIX века. Несомненно, очень интересен в этом отношении публикуемый С. А. Дианиным цикл адресованных Бородину писем бельгийского композитора и дирижера Теодора Жадуля. Осенью 1883 года, не будучи еще знаком с Бородиным, Жадуль обращается к великому русскому композитору с просьбой принять посвящение романса и попутно дать оценку его произведению, называя симфонии Бородина «прекраснейшими из всех, написанных после Бетховена», а балладу «Море» — «прекраснейшим из всех существующих романсов». А несколько позже, посылая Бородину посвященный ему романс, Жадуль пишет: «Не проходит дня, чтобы мы не сыграли здесь Ваши симфонии и Ваш степной эскиз * в 4 руки. У меня есть ученики, любящие Вашу музыку не менее меня (если это возможно), и они восхитительно поют Ваши романсы...»

Итак, в стенах Льежской консерватории уже в начале 80-х годов прошлого столетия ежедневно звучала музыка Бородина. Вслед за его симфониями и романсами прочную популярность завоевала и симфоническая картина «В Средней Азии», о иенской премьере которой (10 декабря 1883 года) известили композитора Лист и его друг Гилле. А через несколько дней Эдуард Штраус, дирижировавший первым исполнением этой пьесы в Вене, писал Бородину, что его симфоническая картина была повторена по требованию публики. Весной следующего года Жадуль сообщил Бородину, что этот «симфонический эскиз» имел в Льеже «очень большой успех», а затем де Мерси-Аржанто телеграфировала Кюи о «прекрасном успехе», который имела эта пьеса Бородина и в Париже.

Крайне показательно также письмо Жадуля от 16 мая 1884 года, содержащее просьбу рекомендовать новые произведения русских композиторов: «...с тех пор, как я узнал новую русскую школу, я нахожу ее настолько выше других, что люблю теперь только ее музыку». Упоминая о произведениях Бородина, Римского-Корсакова и Кюи **, Жадуль инте-

---

* «В Средней Азии».

** В следующем письме от 23 мая Жадуль сообщает Бородину программу концерта, составленную из произведений этих трех мастеров.

ресуется также творчеством Глазунова, слухи о котором уже тогда дошли до Льежа, где, как мы узнаем из одного из следующих писем Жадуля, вскоре создается кружок любителей русской музыки*, привлекающей самые искренние симпатии широких кругов бельгийской общественности. В начале 1885 года «с поразительным успехом» (как сообщил Кюи Бородину) проходят в Льеже концерты русской музыки. «Спящая княжна» Бородина, исполнявшаяся в этих концертах, «так понравилась, что музыкальные магазины на протяжении нескольких дней не продавали ничего, кроме этого романса»,—как писал композитору Жадуль, назвавший в следующем своем письме его первый струнный квартет «чудом вдохновения и мастерства». Каждое новое произведение Бородина, появлявшееся в продаже и в Бельгии и во Франции, тотчас же расхватывалось многочисленными поклонниками русской музыки. «Ваша маленькая сюита бойко продается — ее беспрестанно спрашивают»,— писала де Мерси-Аржанто Бородину весной 1886 года.

Найденное С. А. Дианиным обращение к Бородину президента международного объединения композиторов — Брюно — содержит просьбу о присылке симфонии для исполнения в концертах фестиваля 1885 года. Но наряду с этим официальным документом заслуживают внимания и такие интимные строки, как восторженные отзывы невилльского кюре Роншена о «блистательном творении» Бородина, как стихи Луизы де Мерси-Аржанто, посвященные «прославленному мастеру, сладостному и блистательному гению», или письма бельгийского поэта Жорисенна (известного под анаграмматическим псевдонимом И. Серженнуа), который, пусть в наивно-вычурной форме, противопоставил вагнеровской мистике здоровые человеческие чувства, воплощенные в музыке Бородина.

Многочисленные зарубежные поклонники, любители музыки и профессионалы буквально засыпают Бородина письмами с выражением своих чувств и благодарности мастеру, который «восторгом дивно упоил» всю Европу. Его просят о присылке портретов, автографов и, прежде всего, произведений — и своих собственных, и мастеров русской школы, которую один из бельгийских поклонников Бородина называет «славой музыкального искусства и той страны, где зародилось это движение» (письмо Г. Дабэна от 12 июня 1886 года), считая Бородина «выдающимся главой этой юной школы». Именно такое положение и занимал, по-видимому, Бородин в глазах западноевропейской общественности того времени, ибо, например, Жюльетта Фольвилль, письма которой

* Циркулярное письмо, извещающее бельгийскую общественность о создании «Русского музыкального кружка», также публикуется С. А. Дианиным.

публикует С. А. Дианин, именует Александра Порфирьевича «великим Бородиным, главой русской школы».

Не подлежит сомнению, что творчество Бородина в сильнейшей степени содействовало развитию и укреплению на Западе интереса и горячих симпатий к русской музыке, к ее высоким реалистическим устремлениям * и жизнеутверждающей силе. Поэтому далеко не случайным было встречающееся и в музыкальной критике того времени, и в публикуемых документах противопоставление молодой русской классики развивавшемуся на Западе мистицизму, который, как высказал предположение Жорисенн в своем письме от 22 июня 1886 года, «будет становиться все менее и менее понятным для реалистически мыслящих рас...»

Таким образом, новые публикации документов из архивов Бородиных и Дианиных, собранные в этой книге, дают немало материалов для суждения о том, чем была русская музыка для прогрессивной общественности Запада еще при жизни Бородина. Предметом восхищения и изучения, а отнюдь не меценатского «покровительства» было на Западе творчество великих русских мастеров, утверждавших славу своей родины и веру в ее светлое будущее, вопреки гнету действительности,— ибо непроходимая пропасть всегда лежала между царизмом и творцами передовой русской культуры, неизменно отмеченной чертами подлинного демократизма, в высокой степени свойственными и музыке Бородина, и его благородному облику человека и гражданина.

К своим зарубежным триумфам Бородин относился как истинный патриот, радующийся больше всего не личным успехам, а прогрессу и признанию отечественной культуры. Подобное отношение в высшей степени характерно для всех великих русских мастеров, которым было свойственно не мелкое тщеславие и себялюбие, а благородное чувство национальной гордости. «Меня вызывают после каждого действия, как представителя Глинки и русской музыки»,— писал Балакирев из Праги в 1867 году после премьеры «Руслана и Людмилы», премьеры, сопровождавшейся, как известно, пламенным проявлением дружбы русского и чешского народов. «Сколько было восторгу, и все это совсем не мне, а голубушке России»,— подчеркивал Чайковский двадцатью годами позже, после своих концертов в Праге, прошедших с огромным успехом. Точно так же и Бородин поездки свои организует, считая их необходимыми «для музыкального дела на-

* В написанном несколько позже очерке Камилла Беллега Мусоргский, например, именуется «великим музыкантом-реалистом» (см. вторую серию его «Etudes Musicales», Paris, s. a.), причем характерно, что в конце очерка говорится также о «великом поэте-реалисте» Некрасове. См. также A. Soubies. Précis de l'histoire de la musique russe. 1893; Pierre d'Alheim. Moussorgski. Paris 1896 и др.

шего», как писал он жене 1 октября 1885 года, отмечая попутно, что высоко ценимый и любимый им Н. А. Римский-Корсаков слишком застенчив и что, таким образом, «решительно, кроме меня и Кюи, нет никого, кто бы мог с честью представлять русский элемент нашего кружка за границей».

В письмах Бородина содержатся поэтичнейшие описания красот русской природы, которую он так горячо любил. «Как здесь хорошо! Какие рощи, леса, бор, поймы! Что за воздух! С первого же дня меня охватило деревней так, что вышибло совсем «заграницу»,—писал он из Давыдова А. П. Дианину *.

Бывая за рубежом, Бородин всегда думал о родной земле и тосковал по ней. Описывая празднование дня объединения Италии в 1861 году, жена (тогда еще невеста) композитора, находившаяся с ним в Пизе, вспоминает, как у вышедшего на улицу Александра Порфирьевича «градом катились слезы, он должен был отворачиваться, чтоб не заметили их. Общее ликование еще более стесняло сердце и возбуждало грусть по милой родине и ее сынам...»

Горячо любил Бородин свою родину, свой народ и проявлял эту любовь не только в творческой и общественной деятельности, но и в повседневном участии к людям, с которыми он так или иначе соприкасался. «Гуманность его не имела границ,— писал А. П. Дианин **.— Он, можно сказать, искал сам случая, где бы он чем бы то ни было и кому бы то ни было мог быть полезен. Это положительно была его потребность. Деньги, советы, всякая активная помощь — сыпались самой щедрой рукой...» «Великодушнейшим из смертных» называет Бородина Анна Николаевна Калинина в письме от 24 апреля 1885 года, отмечая в одном из следующих писем *** его «всегдашнюю готовность откликнуться на судьбу ближнего».

«Ближними» своими считал Бородин далеко не только круг интеллигенции, в котором он обычно вращался. Нельзя без волнения читать письмо крестьянина М. С. Варварина, служителя химической лаборатории, который просил Александра Порфирьевича «не оставить его своим покровительством» и «каким-либо порядком» избавить его от царской рекрутчины. В комментариях С. А. Дианина содержатся сведения о том, что Бородин откликнулся на эту просьбу, выполнение которой, конечно, было связано с большими хлопотами, и не допустил «случиться несчастью».

В уже цитированном нами письме Н. А. Римского-Корсакова от 10 августа 1879 года содержится упоминание о «разных филантропических делах», которым Бородин отда-

---

* Письма А. П. Бородина, вып. II. М., 1936, стр. 165.

** Александр Порфирьевич Бородин. «Журнал русского физико-химического общества», 1888, т. 20, вып. 4.

*** от 24 июля того же года.

вал значительную часть своего времени, о чем свидетельствуют и многие письма его и новые публикации. «Не умею я достаточно выразить Вам, Александр Порфирьевич, того чувства, которое вызывает во мне Ваше участие и все, что Вы сделали для брата»,— пишет Бородину 29 июня 1885 года Е. П. Подвысоцкая, а через три недели Л. Яновский горячо благодарит композитора «за оказанное благодеяние». Несколькими днями позже чернорабочий А. Н. Николаев выражает «их превосходительствам» благодарность за денежную помощь и делится, как с близкими людьми, своими горестями и переживаниями. Не забудем, что это было начало царствования Александра III, что Бородин был высокопоставленным лицом,— и вряд ли многие «превосходительства» царской России писали письма рабочим и крестьянам, поддерживали их морально и материально. Впрочем, сам Бородин имел совершенно определенное представление о чиновной верхушке царского правительства. И всегда, читая письма Бородина, мы ощущаем выраженную в той или иной форме грань, проводимую им между официально-бюрократическими кругами, к которым он относился с презрением, и родиной, которую он горячо любил.

Служением родному народу были и творчество Бородина, и его общественно-педагогическая деятельность, и «разные филантропические дела», совершавшиеся без какого бы то ни было барского оттенка «благотворительности», и, наконец, его плодотворнейшая научная работа *, ценные сведения о которой мы также находим в публикуемых ныне материалах.

Печатаемые письма учителя Бородина — замечательного русского химика Н. Н. Зинина — свидетельствуют о тесной дружбе между обоими учеными. Любопытный штрих, позволяющий догадаться о тяжелом материальном положении Зинина, встречается в письме его от 9 марта 1874 года, содержащем просьбу одолжить сюртук. А ведь это был «дедушка русской химии», как гласила надпись на венке от студенчества на похоронах Зинина, учитель многих русских ученых, испытывавших, впрочем, зачастую такую же нужду в самом необходимом. Царское правительство не считало нужным предоставить в их распоряжение даже сколько-нибудь удовлетворительно оборудованные лаборатории. Этим объясняется, в частности, и то обстоятельство, что русским ученым приходилось в те годы работать в зарубежных лабораториях. Но эти поездки ничего общего не имели с «вояжами» низкопоклонничавших перед Западом аристократов. Еще в ноябре 1859 года Бородин писал матери из Гейдельберга: «Русские

* Научной деятельности Бородина как химика посвящена монография Н. А. Фигуровского и Ю. И. Соловьева, изданная Академией наук СССР в 1950 году.

разделяются на две группы: ничего не делающие, т. е. аристократы Голицыны, Олсуфьевы и пр., и пр., и делающие что-нибудь, т. е. штудирующие; эти держатся все вместе и сходятся за обедами и по вечерам» *.

Слово «штудирующие» здесь надо понимать отнюдь не в смысле только учебы, ибо, как известно, и Менделеев, и Сеченов (с которыми, как пишет Бородин в цитируемом письме, он «короче всех сошелся»), да и сам Бородин вели в иностранных лабораториях вполне самостоятельные разработки намеченных тем. Более того, из впервые публикуемого письма известного боннского механика-конструктора Гейсслера мы узнаем, что в 1863 году в Германии уже изготовлялись менделеевские аппараты для измерения термодилатации. Впрочем, далеко не все западные фирмы и ученые были так щепетильны, как Гейсслер, который ввел в свой прейскурант аппаратуру, носившую имя великого русского химика. Из писем Бородина известно, как защищал он всегда национальный приоритет отечественной науки: одно из писем ** содержит, например, сведения о заявлении, сделанном им в связи с попыткой боннского химика Кекуле присвоить себе приоритет в области работ с валерьяновым альдегидом, предпринятых Бородиным на четыре года раньше Кекуле. Чрезвычайно показательно также то негодование, в которое привела Бородина «непростительная погрешность господ английских комиссаров» (как выразился проф. Ф. Ф. Бейльштейн в публикуемом письме от 4 марта 1877 года), только в третьем издании каталога лондонской выставки 1876 года поместивших сведения о русских коллекциях химических препаратов, не упомянутых поэтому и в обозрении немецкого химического журнала ***.

Достойный продолжатель Н. Н. Зинина, Бородин в речи, произнесенной 9 февраля 1880 года на его похоронах, сказал: «Обладая обширными знаниями, глубоким светлым умом и горячо любя Россию, Николай Николаевич раньше многих других понял, что наука у нас до тех пор не будет дома, пока к разработке ее не будут привлечены молодые силы, в недрах самого отечества...» **** И Александр Порфирьевич всю жизнь следовал заветам своего учителя, воспитывая кадры русских ученых «в недрах самого отечества». Много данных об этой стороне деятельности Бородина содержат новые публикации из его архива, свидетельствующие о

---

* Письма А. П. Бородина, вып. I, стр. 36.

** Там же, стр. 202. Письмо к Ек. С. Бородиной.

*** См. комментарии С. А. Дианина к публикуемым письмам Н. А. Меншуткина и Ф. Ф. Бейльштейна, а также к письмам самого Бородина, относящимся к этому инциденту (Письма А. П. Бородина, вып. II, стр. 123—124 и 263—264).

**** «Письма А. П. Бородина», вып. III, стр. 86.

том, с какой чуткостью, вниманием и заботливостью относился он к своим питомцам, оказывая им поддержку не только в годы учения, но и позже,— всегда, когда он чувствовал, что кому-нибудь нужна его помощь.

«Князь Игорь» ожидал завершения, созревали замыслы новых произведений и научных работ. Но все это отступало на второй план тогда, когда перед глазами Бородина возникали образы живых людей, его современников, и прежде всего молодежи. Из письма доктора Н. И. Уверского от 21 декабря 1875 года мы узнаем, например, какое участие принимал Бородин в деятельности «Общества помощи недостаточным студентам Медико-хирургической академии». Письма сенатора В. А. Арцимовича позволяют нам судить о том, как много времени, по-видимому, отнимали у Бородина принятые им на себя обязанности казначея «Общества для пособия слушательницам Женских врачебных и педагогических курсов». А многие другие публикуемые письма свидетельствуют об участии Бородина во всевозможных общественных начинаниях и о том, что помимо всего этого он находил время и средства для оказания помощи студенческой молодежи по собственной инициативе, минуя благотворительные кружки и общества, и забывал о своих личных интересах. Поступал он так не только в силу своей безграничной доброты и высокой человечности, но и потому, что подобно Н. Н. Зинину придавал огромное значение воспитанию кадров для отечественной науки, для которой он так много сделал и как педагог и как талантливый, смелый исследователь.

Гений Бородина-композитора несколько заслонил его облик ученого, вошедшего, однако, в историю отечественной культуры в качестве создателя целой школы, автора десятков работ и исследований, явившихся ценным вкладом в русскую научную классику и завоевавших мировое признание еще при жизни Александра Порфирьевича, даже несмотря на «непростительные погрешности» чужестранцев. Так же как музыкальное творчество Бородина, многогранная научная деятельность его была предметом ненависти международной реакции, но зато привлекала внимание и симпатии прогрессивных зарубежных кругов. «Д. И. Менделеев говорил, что когда он бывал за границей, его спрашивали: Что нового сделал ваш Бородин?» — свидетельствует А. П. Дианин. «Ваше имя известно в Льежских лабораториях»,— писал Бородину в июне 1886 года Г. Дабэн. Но все то, что мы знаем о Бородине-химике, убеждает нас в неизменной патриотической направленности его деятельности и в этой области, в которой Александр Порфирьевич, так же как Н. Н. Зинин и Д. И. Менделеев, стремился к утверждению приоритета и величия русской науки.

Высокое чувство национального достоинства определяло и отношение Бородина к русскому языку. Текст его оперы, который по праву считается одним из лучших русских оперных либретто, поэтичнейшие строфы «Спящей княжны», «Морской царевны», «Песни темного леса», баллады «Море» и других романсов, написанных композитором на собственные слова,— все это по праву составляет гордость не только отечественной музыки, но и поэзии. Над своими поэтическими текстами Бородин работал подолгу. В особенности кропотливой была работа над либретто «Игоря», наброски к которому, перекликающиеся с образами и поэтическим строем русского эпоса и летописей, мы встречаем на оборотах писем, адресованных композитору, и черновиков его собственных писем. Обилие этих черновиков, вошедших в четырехтомное собрание писем Бородина, говорит об усидчивой, кропотливой работе над отделкой эпистолярного стиля, к простоте, естественности и законченности которого стремились величайшие мастера русского художественного слова,— вспомним «брульоны» писем Пушкина!

И недаром в публикуемом письме В. В. Стасова, относящемся к июлю 1880 года, содержатся такие восторженные строки о письмах Бородина. «Не Вам у меня тут учиться, а мне у Вас»,— писал Стасов, вспоминая, как Балакирев просил его просмотреть с точки зрения литературного стиля одну из музыкально-критических статей Бородина. «Это все пречудесно. Какая картинность, какая живость, как красиво и мило все подумано и сказано!»

Эти взволнованные стасовские слова как бы перекликаются с знаменитым пушкинским определением художественного совершенства:

Какая глубина!
Какая смелость и какая стройность!

Определение это как нельзя лучше характеризует музыкальное, научное и поэтическое творчество Бородина. А биография Александра Порфирьевича и любовно собранные сыном его преданного ученика и друга письма слагаются в повествование о жизни подлинно великого музыканта, ученого и патриота.

Игорь Бэлза

ОТ АВТОРА

Первое издание данной книги вышло в свет в 1955 году. Целью работы было составление документально-обоснованного, точного с фактической стороны жизнеописания Александра Порфирьевича Бородина. В этой биографии исправлены ошибки, вкравшиеся в изданные ранее биографические работы, и объяснены различные недоразумения, касающиеся как жизни композитора, так и истории возникновения его сочинений.

Приложенный к жизнеописанию отдел «Материалы и документы» содержит письма к Бородину и некоторые другие материалы, обосновывающие изложение биографии и не вошедшие в ранее опубликованное под моей редакцией четырехтомное собрание «Писем А. П. Бородина».

В публикуемом ныне втором издании исправлены неточности, обнаруженные мною в тексте первого издания. В частности, изменено и дополнено изложение фактов жизни Бородина в 1860—1861 годах, а равно и соответствующих ссылок на источники в примечаниях. Добавлены краткие указания, касающиеся возникновения некоторых юношеских музыкальных произведений Бородина. В примечаниях к главе первой помещено, в виде приложения, случайно пропущенное в первом издании Свидетельство о рождении А. П. Бородина.

Послесловие к первому изданию во второе издание не включено.

В конце книги приложен подробный список музыкальных произведений Бородина, с указанием мест хранения уцелевших автографов. Этот список содержит значительно больше произведений, чем указывалось ранее.

В получении материалов для списка произведений Бородина и в других делах, связанных с данной книгой, я пользовался помощью ряда людей: С. М. Вильскер, К. Ю. Давыдовой, В. В. Даниловой, О. А. Дмитриева, Е. А. Добрыниной, И. Я. Кацельника, Л. М. Кутателадзе, О. П. Ламм, А. С. Ля-

пуновой, С. А. Погодина, В. Н. Римского-Корсакова, Г. М. Римского-Корсакова, Б. И. Смирнова, А. Н. Сохора, Н. В. Шелкова.

Считаю своим приятным долгом выразить всем этим лицам свою искреннюю, сердечную и глубокую благодарность.

С чувством искренней признательности вспоминаю также умерших друзей, знакомых и незнакомых лиц, оказывавших мне помощь и поддержку в работе над наследством Бородина: прежде всего, Андрея Николаевича Римского-Корсакова, а также М. В. Доброславину, И. Я. Ильина (Маршака), В. Д. Комарову, Н. Я. Мясковского, М. Н. Римского-Корсакова, А. В. Финагина, М. М. Шкапскую и М. О. Штейнберга.

С. Дианин

Давыдово, март 1958 года.

АЛЕКСАНДР ПОРФИРЬЕВИЧ

БОРОДИН

Жизнеописание

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Предки Бородина. Обстоятельства его рождения. Детство и юность (1833—1859)

О предках Александра Порфирьевича Бородина по отцу — князьях Гедиановых — мы располагаем очень скудными данными.

Согласно сохранившемуся в Ленинградском отделении Центрального исторического архива делу бывшего Департамента Герольдии родоначальником князей Гедиановых был «князь Гедея», который, как говорится в деле, «из Орды прииде чесно со свои Татары на Русь» и «по благодати господней восприем святое крещение на Москве при царе Иоанне Васильевиче Грозном, а при святой купели наречен князем Николаем» [1].

В данном случае под «Ордой» следует, вероятно, понимать просто область, населенную кочующими татарами, так как «Орды», как государства, при Грозном уже не существовало. Очень возможно, что Гедеа был по своему происхождению татарин — ногаец с северного Кавказа [2]. Как бы то ни было, но можно считать твердо установленным, что род Гедиановых — татарского происхождения [3]. По-видимому, Гедеа и его сын Степан Гедианович жили в Москве; во всяком случае, это можно утверждать с большой достоверностью относительно внука Гедеа, князя Ивана-Большого [4] Степановича Гедианова. Иван Степанович Гедианов выделился как способный к военному делу человек при защите Москвы от польских войск при царе Михаиле Федоровиче Романове в 1618 году. Как видно из грамоты, подписанной царем Михаилом Федоровичем 11 февраля 1631 года, князю Ивану Степановичу Гедианову «за его к нам и ко всему Московскому государству прямыя службы» и за то, что он «с нами

Великим Государем... в осаде сидел... и на боях и на приступах бился не щадя головы своея и ни на какие Королевича * прелести... не прельстился и будучи в осаде во всем оскудении и нужде терпел» — пожалованы в вотчинное владение его же поместные земли в Вологодском уезде, Тошинской волости, с деревнями Федяйковом и Худодушевом [5].

Этими землями в Вологодском уезде князья Гедиановы владели до начала XVIII века. Обстоятельства, при которых они их потеряли, видны из «челобития» ** деда А. П. Бородина, поручика Степана Антоновича Гедианова; из упомянутого челобития, поданного в Бахмутскую воеводскую канцелярию, видно, что последний представитель старшей линии Гедиановых — прапорщик князь Александр Матвеевич Горбун-Гедианов отдал эти «старинные вологодские земли» — «по душе на помин жонки своей княгини Евдокии и дочки своей Праскевы святому Сергию чудотворцу радоницкому на монастырь», причем вместе со своим «жеребьем» прихватил и земли Степана Антоновича (из младшей линии Гедиановых). Сделал же он это «не от хитрости также подлогу и лихова вымыслу, а в горе по смерти дочки своей без памяти от старости лет». Поэтому Степан Антонович Гедианов примирился с фактом утраты этих своих земель.

Из челобития этого видно также, что дед Бородина С. А. Гедианов жил в то время (в 30-х годах XVIII века) в городе Бахмуте Екатеринославской губернии [6].

На основе отрывочных данных об отдаленных предках Бородина по отцу мы видим, что это были люди обеспеченные, не выдвигавшиеся, если не считать Ивана-Большого Степановича, сколько-нибудь заметной государственной деятельностью. Это относится также к отцу Бородина — князю Луке Степановичу Гедианову, о котором мы располагаем сведениями несколько более подробными, чем о его предках.

Лука Степанович Гедианов родился в 1774 году [7]. Отец его был в это время уже стариком и умер вскоре после его рождения. Судя по сохранившимся портретам [8] и по рассказам самого Александра Порфирьевича Бородина, Л. С. Гедианов отличался резко выраженными восточными чертами лица. Это обстоятельство дает повод для предположения, что мать или бабка Л. С. Гедианова были восточного происхождения. Возможно, что именно в одном из этих колен предков Бородина заключается его связь с имеретинскими князьями: такое предположение объяснило бы предание о происхождении Бородина от «царей имеретинских», сообщаемое его биографами и, несомненно, основанное на рассказах самого Александра Порфирьевича [9].

---

* Т. е. польского королевича Владислава, сына Зыгмунта III.

** Копия с этого «челобития» была выдана С. А. Гедианову 6 февраля 1734 года.

О детстве Л. С. Гедианова ничего не известно; образование его было, вероятно, весьма несовершенным. 16 лет от роду (18 мая 1790 года) он поступил в Великолуцкий мушкатерский полк «из князей... в службе унтер-офицером» и прослужил в этом полку до 23 октября 1797 года; в этот день он был уволен в отставку в чине поручика. Во время службы в армии Л. С. Гедианов «участвовал в боях с неприятелем» [10].

В начале XIX века Л. С. Гедианов женился на Марье Ильиничне Исаковой, дочери поручика Ильи Ивановича Исакова; 26 мая 1804 года у него родилась дочь Александра [11].

После выхода в отставку и женитьбы Л. С. Гедианов жил в Тверской губернии, затем в Москве и в Петербурге. До 1818 года Л. С. Гедианов владел имением в Старицком уезде Тверской губернии, около 1824 года у него было имение в Бежецком уезде той же губернии, а в 1830 году он владел подмосковным селом Перовом [12]. Как известно, Перово было в середине XVIII века резиденцией Елизаветы Петровны и фаворита ее — А. Г. Разумовского: деревянный Перовский дворец был построен Растрелли [13]. По-видимому, Л. С. Гедианов купил Перово у последнего представителя русской линии Разумовских — гр. Петра Алексеевича Разумовского— мота и кутилы, распродавшего все свои владения в 20-х годах XIX века. Л. С. Гедианов недолго владел Перовом: под конец жизни у него уже не было имений, и он владел одной лишь дачей в окрестностях Петербурга — в Лесном [14]. Последние годы Лука Степанович жил безвыездно в Петербурге.

О Л. С. Гедианове мы располагаем отрывочными и крайне немногочисленными данными. Известно, что в молодости вел он довольно разгульную жизнь, участвуя в столь обычных для обеспеченной дворянской молодежи кутежах. Судя по некоторым данным, он был в приятельских отношениях с П. А. Разумовским, бывал у него и участвовал в приобревших скандальную известность оргиях, устраивавшихся Разумовским в Перове [15].

Известно также, что Л. С. Гедианов был одно время увлечен мистическим и пиэтистским движением, возглавлявшимся А. Ф. Лабзиным и приведшим, в частности, к организации «Библейского общества», имевшего своей целью распространение книг ветхого и нового завета в переводах на все языки, но, несмотря на «благонамеренность» этой задачи, показавшегося опасным (отчасти из-за своих международных связей) николаевской реакции, поспешившей ликвидировать это общество.

Об участии Л. С. Гедианова в «Библейском обществе» существуют только косвенные данные [16], во всяком случае,

Лука Степанович, который, по утверждению Александра Порфирьевича, входил в состав общества, не был в числе директоров его комитетов и вряд ли играл в нем активную роль.

Однако сам Л. С. Гедианов придавал, по-видимому, серьезное значение своему участию в этом обществе, так как пожелал изобразить себя на портрете Деньера — через 14 лет после ликвидации «Библейского общества» — с евангелием в руках [17].

Из сопоставления относящихся к отцу Бородина документов с печатными известиями о «Библейском обществе» оказывается возможным сделать некоторые выводы о наиболее близких его знакомых.

Людьми, по-видимому, наиболее близкими Л. С. Гедианову, были князья Петр Сергеевич и Иван Сергеевич Мещерские и члены их семейств [18], их влияние безусловно имело значение в отношении подогревания мистических увлечений Луки Степановича. Мещерские принимали активное участие в делах «Библейского общества», они были, по тому времени, хорошо образованы и имели связи с литературными кругами [19]. Другими знакомыми Л. С. Гедианова, о коих до нас дошли известия, были Голицыны, имевшие некоторую связь с известной авантюристкой Крюденер [20].

Л. С. Гедианов не был особенно счастлив в семейной жизни: после рождения Александры Лукиничны у него не было детей и он подолгу живал врозь с женой [21].

Быть может, эта не особенно удачная семейная жизнь и была одним из поводов к возникновению его длительной любовной связи с матерью Бородина Авдотьей Константиновной Антоновой. А. К. Антонова (р. в 1809 г.) была «солдатской дочерью» родом из Нарвы [22]. Брат А. К. Антоновой — Сергей Константинович Антонов (р. в 1804 г.) выдвинулся благодаря своим способностям из военных писарей петербургского Ордонанс-гауза в мелкие чиновники; был помощником смотрителя Зимнего дворца по строительной части, затем смотрителем французского посольства (запасной половины Зимнего дворца) и, наконец, служил в комиссии по возведению зданий Римско-католической духовной академии. Последние сведения о нем относятся к 1854 году. Сестра А. К. и С. К. Антоновых Устинья Константиновна была замужем за чиновником Казенной палаты Владимиром Петровичем Готовцевым.

Авдотья Константиновна была очень хороша собою [23]. Л. С. Гедианов познакомился с нею около 1831—1832 годов. Как мне рассказывали, он увидал ее первый раз на танцевальном вечере или на публичном уроке танцев [24], происходившем, по-видимому, в «доме служителей придворного ведомства», где, возможно, имел тогда квартиру и С. К. Анто-

нов. Этот дом (ныне № 7 по Гагаринской улице) находится рядом с домом № 9 по той же улице, принадлежавшем тогда некоей Булиной, где в то время занимал квартиру Л. С. Гедианов[25]. К нему вскоре после состоявшегося знакомства переехала А. К. Антонова.

В квартире Л. С. Гедианова, помещавшейся во втором этаже и выходившей окнами на три улицы (Косой пер., Гагаринскую и бывш. Сергиевскую), и родился у Авдотьи Константиновны сын Александр 31 октября ст. стиля 1833 года[26]. Л. С. Гедианов распорядился записать своего внебрачного сына — законным сыном своего дворового человека Порфирия Ионовича Бородина. Таким образом, мальчик оказался, как это нередко случалось в те времена, крепостным своего собственного отца.

О первых годах жизни Александра Порфирьевича нам мало известно. Весьма вероятно, что Авдотья Константиновна прожила вместе с маленьким Сашей у Л. С. Гедианова до 1839 года[27]. Во всяком случае, в раннем детстве Александр Порфирьевич жил вместе со своим отцом, которого он хорошо помнил и иногда в шутку копировал. К этому времени (приблизительно к 1835 году) относится сильный ушиб головы, полученный Александром Порфирьевичем от удара о перила балкона[28],— от этого ушиба у Бородина на всю жизнь остался шрам на виске.

Авдотья Константиновна горячо любила маленького Сашу, хотя всю жизнь и не признавала его официально своим сыном, называя себя его «тетушкой»[29].

Об отношении Л. С. Гедианова к своему сыну у нас нет никаких достоверных сведений. Мне, впрочем, пришлось слышать, будто вскоре после рождения своего сына старый князь высказывал желание отдать его в будущем на выучку к сапожнику[30].

Во всяком случае, нет оснований думать, что Александр Порфирьевич был фактически у Луки Степановича в первые годы жизни на таком положении, на каком обычно были дети крепостных. Мальчик был товарищем игр своих племянников-однолетков Лукашей[31], а также своей соседки—некоей Марьи Семеновны Юрьевич — дочери весьма «чиновного» отца[32]. С другой стороны, Л. С. Гедианов был крестным отцом двоюродной сестры Бородина — дочери его дяди по матери[33]. Таким образом, в доме Л. С. Гедианова не существовало какой-либо резкой демаркационной линии между «благородным» князем и «неблагородными» родственниками его внебрачного сына.

В 1839 году обстановка, в которой рос Саша Бородин, заметно изменилась. Старик Гедианов, желая перед смертью «пристроить» Авдотью Константиновну, выдал ее замуж за военного медика в отставке, коллежского советника Христиа-

на Ивановича Клейнеке[34]. По-видимому, Л. С. Гедианов при этом подарил матери Бородина четырехэтажный дом («в Измайловском полку») или дал ей средства на его покупку[35]. Брак этот был фиктивной сделкой; отчим Бородина не имел заметного значения в жизни своего пасынка и недолго прожил вместе с ним[36].

Связь же Л. С. Гедианова с Авдотьей Константиновной существовала до самой его смерти; на это указывают, в частности, написанные с них Деньером одновременно в 1840 году портреты, а также целый ряд предметов домашней обстановки Гедианова, оставшихся у А. К. Клейнеке и перешедших от нее к Бородину[37].

К концу 30-х и началу 40-х годов относятся первые дошедшие до нас известия о характере и способностях Саши Бородина. Он был в детстве существом болезненным, нервным и, в то же время, бесконечно обаятельным. «Это был,— пишет (со слов лиц, знавших композитора в эти годы) Е. С. Бородина в своей продиктованной С. Н. Кругликову записке,— чудный ребенок, красавец с виду, а по свойствам характера необыкновенно кроткий, ясный».

Его постоянной сверстницей была подолгу гостившая у «тетушки» двоюродная сестра Бородина Мари Готовцева[38]. Маленький Саша играл с ней в куклы, изображал шарманщика, забавлялся устройством импровизированных театральных представлений, в которых роль публики играла мать Бородина и ее экономка Е. Е. Бельцман.

Уже в раннем детстве наблюдались у Бородина первые признаки музыкальной одаренности. Первым творческим опытом была, по-видимому, полька d-moll[39], сочиненная им девяти лет от роду. Историю этой польки и одновременно «первой любви» Бородина Е. С. Бородина рассказывает в своей цитированной уже записке следующим образом:

«Влюбился Саша в первый раз 9 лет. Предметом его страсти оказалась взрослая особа. Звали ее Елена! Это была Елена высокая и толстая! Маленькому, тщедушному Саше приходилось, танцуя с нею, обнимать ее колени, дальше роста его не хватало. Но как ревновал он ее, когда она танцевала с другими! В честь ее он тогда же сочинил польку Hélène...»

«Тетушка» страшно баловала своего Сашу и нежно заботилась о нем. Будучи женщиной умной, она энергично занималась воспитанием и образованием сына, не обращая внимания на уговоры родных, советовавших поменьше учить болезненного Сашу, чтобы не повредить его здоровью. Она наняла ему учительницу французского языка; немецкому его обучала жившая у Авдотьи Константиновны экономка, немка Луизхен. Саша с малолетства отличался большим прилежанием и необычайной памятью.

А. П. Бородин в 15-летнем возрасте.

С портрета, выполненного масляными красками худ. Деньером в 1848 году. Оригинал утрачен. Снимок сделан с репродукции в «Историческом вестнике» 1887 года

Мать А. П. Бородина
— Авдотья Константиновна Клейнеке (Антонова)

Отец А. П. Бородина
— Лука Степанович Гедианов

По весьма неудачным репродукциям «Русской музыкальной газеты» с утраченных оригиналов, принадлежащих кисти Деньера (масло), 1840 год

Отец Бородина умер 21 декабря 1843 года [40], отпустив перед смертью своего сына на волю. Вскоре после этого у Авдотьи Константиновны возникла новая любовная связь [41], и в 1844 году у нее родился сын Димитрий (известный нам из переписки Бородина его брат Димитрий Сергеевич Александров).

Приблизительно около того же времени, а может быть, и несколько раньше Авдотья Константиновна продала свой дом в Измайловском полку и купила другой, помещавшийся недалеко от Семеновского плаца, а именно дом № 13—15 по Глазовской улице [42]. Авдотья Константиновна владела им до 1870 года, Бородин же провел в этом доме часть детства и все отрочество.

Вскоре после переезда на Глазовскую Бородин стал бывать со своей бонной Луизхен на Семеновском плацу, где слушал военный оркестр. Он знакомился с музыкантами, изучал их инструменты и подбирал слышанную на плацу музыку дома. Около этого времени он стал брать уроки игры на флейте у нанятого для того матерью (по полтиннику за час) музыканта из военного оркестра Семеновского полка.

Новый роман Авдотьи Константиновны с отставным учителем немецкого языка Федором Алексеевичем Федоровым [43] послужил поводом к интересному и важному для Саши Бородина знакомству. Ф. А. Федоров познакомил Бородина с Михаилом Романовичем Щиглевым — ровесником Саши, сыном преподавателя математики в Царскосельском лицее и Гатчинском институте Романа Петровича Щиглева. Вскоре Миша Щиглев переехал на жительство к матери Бородина, «чтоб ближе было ходить в 1-ую гимназию, куда меня хотели отдать, и чтобы готовиться по наукам вместе с Сашей Бородиным...» Для этого обоих мальчиков «стали учить учителя, приглашенные отдельно для каждого предмета» [44]. По-видимому, все эти учителя были наняты по рекомендации Р. П. Щиглева, который, таким образом, руководил некоторое время образованием Александра Порфирьевича. Им же был, вероятно, рекомендован и преподаватель по фортепьянной игре — «немец Порман, человек очень методический и терпеливый, но преподаватель не мудрый» [45].

В свободное от занятий время оба мальчика много играли в четыре руки — знакомились с симфониями Гайдна и Бетховена, увлекались Мендельсоном, аккуратно посещали симфонические концерты — в университете под управлением Карла Шуберта, а летом — в Павловске, где тогда играл Иоганн Гунгль*.

* Это указание на посещение летних концертов в Павловске и другие аналогичные косвенные данные позволяют заключить, что Бородин в детстве не уезжал летом далеко от Петербурга, а только, может быть, жил иногда с матерью в пригородных дачных местах.

Александр Порфирьевич выучился самоучкой играть на виолончели. Около 1847 года он сочинил концерт для флейты с фортепьяно и трио G-dur для двух скрипок и виолончели на темы из «Роберта-Дьявола» [46].

Несколько позднее, вероятно, в 1849 году, он сочинил 2 фортепьянные пьесы: «Fantasia per il piano sopra un motivo da J. N. Hummel» и этюд «Le Courant». Как видно из хвалебной рецензии об этих пьесах, подписанной Ѳ-ов (Федор Алексеевич Федоров?) и напечатанной в № 263 от 25 ноября 1849 года газеты «Северная пчела», эти пьесы были опубликованы издателем Робертом Гедримом. (Рецензия Ѳ-ва была найдена и сообщена мне Ольгой Павловной Ламм.)

Параллельно развитию склонности к музыке, еще до знакомства с М. Р. Щиглевым, обозначилась у Александра Порфирьевича страсть к занятиям химией. Началась она с фабрикации фейерверков и прочих забав, но развилась постепенно в более серьезное дело: к тринадцати-четырнадцатилетнему возрасту у Бородина дома имелась целая лаборатория, размещенная по всей квартире; эта лаборатория несколько тревожила «тетушку», страдавшую от запахов химикалий и опасавшуюся пожара.

Любил также Александр Порфирьевич в годы отрочества заниматься гальванопластикой и изготовлением акварельных красок, которыми он сам и писал [47].

Он много читал, по преимуществу научные сочинения и публицистику, и, поглощенный мыслями о прочитанном, был часто очень рассеян.

«Если он чем-нибудь увлекался,— говорит Д. С. Александров в своей записке [48],— или просто был занят, то надо было повторить несколько раз вопрос, прежде чем он на него ответит...»

Летом 1850 года Александр Порфирьевич выдержал при Первой петербургской гимназии экзамен на аттестат зрелости. Он обнаружил, если не считать не особенно блестящей оценки по «священной истории нового завета», «отличные успехи» [49].

Осенью того же года Бородин поступил вольнослушателем на медицинское отделение Медико-хирургической академии. Очевидно, в то время у юноши, несмотря на занятия химией в своей домашней лаборатории, не было еще твердо установленного желания сделаться химиком.

Для держания экзамена зрелости и поступления в Академию Бородину пришлось приписаться к купечеству 3-й гильдии по Новоторжскому уезду, Тверской губернии, так как по тогдашним законам его не приняли бы в число студентов, если бы он продолжал числиться «вольноотпущенным дворовым человеком от поручика князя Луки Степановича Гедианова» [50].

Чтобы облегчить Александру Порфирьевичу условия занятий в Академии, Авдотья Константиновна решила поселиться в наемной квартире на Выборгской стороне и переехала со всеми своими домочадцами (включая Ф. А. Федорова) в дом доктора М. Д. Чарного, что на Бочарной улице против Артиллерийского училища *.

Александр Порфирьевич горячо отдался занятиям в Академии, переходил с курса на курс в числе наиболее успевающих и окончил в 1855 году курс с похвальным отзывом («cum eximia laude»).

В течение первых двух лет занятий в Академии Бородин еще более увлекся химией, слушая блестящие лекции талантливого «дедушки русской химии» Николая Николаевича Зинина, занимавшего в то время в Академии кафедру химии. На 3-м курсе Бородин начал вести в лаборатории Зинина научную работу.

«Крайне деликатный и застенчивый, Александр Порфирьевич долго не решался обратиться к Н. Н. Зинину,— пишет А. П. Дианин,— и, будучи уже на 3-м курсе, пошел, наконец, к нему и заявил, что желал бы работать в лаборатории под его руководством. Николай Николаевич встретил его сначала недоверчиво, но вскоре убедился, что Бородин не только имеет сведения по химии, но и знаком, до некоторой степени, с химической техникой. С этого времени Николай Николаевич стал для Бородина постоянным наставником, другом и руководителем» [51].

В Академии Александр Порфирьевич основательно изучил также ботанику, зоологию, анатомию и кристаллографию; ботанизирование же он так полюбил, что занимался им почти каждое лето вплоть до последних лет своей жизни.

Во всех этих областях естествознания Бородин нашел руководителя также в лице Н. Н. Зинина, обладавшего весьма разносторонними познаниями.

«Живо помнятся мне также прогулки с ним на даче в каникулярное время,— писал Александр Порфирьевич после смерти своего учителя.— Это были настоящие учебные экскурсии. Опытный и страстный натуралист, Н. Н. умел под каждым листком, камешком, на каждом дереве или травке найти интересный предмет для наблюдения и бесед» [52].

При всем разнообразии и увлекательности этих занятий Александр Порфирьевич не забывал и музыки. Дружба с М. Р. Щиглевым и совместные с ним музыкальные занятия продолжались. Кроме того, Александр Порфирьевич познакомился еще в студенческие годы с двумя музыкально одаренными людьми: с певцом Владимиром Ивановичем Кирилловым и его братом — скрипачом Петром Ивановичем [53]. Вме-

* Ныне Бочарная улица называется улицей Комсомола. Дом, о котором идет речь, находится против Военно-технической академии.

сте с ними Бородин посещал музыкальные собрания в частных домах, знакомился с музыкальными произведениями и сам иногда принимал участие в их исполнении.

Рассказывая в письме к жене о встрече с одним нотариусом, у отца коего он «бывал когда-то с Васильевым (певцом) и мусикийствовал», Александр Порфирьевич вспоминает, как он в годы юности «посещал певческие упражнения, где пелись всякие Mia letizia, fra poco, романсы Гурилева, «Пловцы» Варламова и «Моряки» Вильбоа [54].

У молодых музыкантов часто составлялся также квартет, в котором первую скрипку играл П. И. Кириллов (Васильев), вторую — М. Р. Щиглев, А. П. Бородин — виолончель; альтиста обычно приглашали за плату.

«Мы не упускали никакого случая поиграть трио или квартет где бы то ни было, и с кем бы то ни было»,— говорит М. Р. Щиглев.— «Ни непогода, ни дождь, ни слякоть — ничто нас не удерживало и я, с скрипкой под мышкой, а Бородин с виолончелью в байковом мешке на спине делали иногда громадные концы пешком, например, с Выборгской в Коломну, так как денег у нас не было ни гроша» [55].

Одно из наиболее часто посещаемых Бородиным квартетных собраний происходило у любителя музыки И. И. Гаврушкевича—чиновника II отделения «Собственной его величества канцелярии»,— жившего в деревянном домике Лисицына «на Артиллерийском плацу у Преображенского собора» [56]. У этого виолончелиста — дилетанта и вместе с тем радушного хозяина, собирались (в период времени от 1850 по 1860 год) многие музыкальные деятели, в том числе А. Н. Серов, Н. Я. Афанасьев, И. К. Гунке, Ф. К. Дробиш. Исполнялись по преимуществу «от обилия скрипачей и альтистов» не квартеты, а секстеты, септеты и октеты. Репертуар, отчасти по этой причине, был не первоклассный. Играли двойные квартеты Гаде и Шпора, квинтеты Боккерини, Гебеля [57], Онслова и Фейта [58]. Бородин с удовлетворением отмечал у Гебеля «влияние русской Москвы» и согласился с мнением А. Н. Серова, отстаивавшего на одном собрании у Гаврушкевича от нападок «немцев» аранжировку «Арагонской хоты» Глинки для струнного октета, сделанную Гаврушкевичем [59]. На этих музыкальных собраниях Бородин обычно бывал слушателем, «а если не было виолончелиста Дробиша, то участвовал в квартетах в партии второй виолончели. Он слабо владел виолончельной техникой, но был тверд в темпе и живо схватывал красоты гармонические и мелодические» [60].

По свидетельству И. И. Гаврушкевича и М. Р. Щиглева, Александр Порфирьевич продолжал в студенческие годы заниматься композицией. Он написал несколько вокальных произведений, в том числе — романс «Красавица-рыбачка» на слова Гейне, сочиненный для Аделаиды Сергеевны Шаши-

ной (певицы-любительницы и композитора-дилетантки), и песни «Разлюбила красна девица» и «Слушайте, подруженьки, песенку мою»[61]. Насколько нам известно, Бородин не показывал этих сочинений на музыкальных вечерах у Гаврушкевича. По словам Гаврушкевича, он советовал Бородину «воспользоваться знакомством с И. К. Гунке, как опытным руководителем композиции, да и написать квинтет с двумя виолончелями. На это Бородин ответил: «Это очень трудно, потому что здесь две примы и я не в состоянии написать виолончельную партию, чтобы она была красива и в натуре инструмента»[59].

Как показало изучение музыкального архива Бородина, он последовал все же совету И. И. Гаврушкевича и набросал струнный квинтет f-moll с двумя виолончелями. Неполнота сохранившегося чернового автографа этой вещи не дает возможности выяснить, была ли она записана до конца. Во всяком случае, это юношеское произведение Александра Порфирьевича не исполнялось на собраниях у Гаврушкевича.

В середине 50-х годов Бородиным было сочинено вполне законченное камерно-инструментальное произведение — струнное трио на тему песни: «Чем тебя я огорчила». Как справедливо указывает Е. М. Браудо: «В этом трио настолько сильно чувствуется влияние того гениального мастера, которого Бородин чтил превыше всех других музыкантов и памяти которого посвящен его «Игорь», именно Глинки, что, не зная имени автора, можно было [бы] принять эту композицию за отрывок из «Жизни за царя»[62].

К тому же времени относится, по всей вероятности, и другое юношеское сочинение Бородина — его фортепьянное скерцо b-moll, к сожалению, не сохранившееся. По словам М. Р. Щиглева, в этой вещи чувствуется «русский пошиб». Таким образом, уже и в ранних произведениях А. П. Бородина давали о себе знать национальные черты его творчества, получившие впоследствии такое могучее развитие[63].

Музыкальные занятия молодого Бородина вызывали иногда неудовольствие близких к нему людей, видевших в нем талантливого ученого-химика. Так, например, Н. Н. Зинин, по рассказу самого Бородина, заявил ему однажды: «Господин Бородин, поменьше занимайтесь романсами — на Вас я возлагаю все свои надежды, чтобы приготовить заместителя своего *, а Вы все думаете о музыке и двух зайцах»[64].

За отсутствием материалов, мы не имеем возможности дать связный рассказ о жизни Александра Порфирьевича в студенческие годы. Отметим еще здесь некоторые факты из жизни Бородина и его матери, относящиеся к этому времени.

---

* То есть своего преемника по кафедре химии в Медико-хирургической академии.— *С. Д.*

Около 1853 года умерла бонна Бородина Луизхен, прожившая до конца своих дней у Авдотьи Константиновны. Бородин всегда хорошо о ней вспоминал, как о человеке; благодаря ее обучению он в совершенстве владел немецким языком [65].

К этому времени материальное благополучие «тетушки», основанное на доставшемся от Л. С. Гедианова имуществе, стало постепенно разрушаться. Мать Бородина не имела данных для того, чтобы быть «хозяйственной» владелицей дома; к тому же она попала в руки своего управляющего, некоего А. Е. Тимофеева, который ее обманывал и разорял. В этом ему помогала Екатерина Егоровна Бельцман, жившая у Авдотьи Константиновны в качестве экономки [66].

После окончания Медико-хирургической академии Бородин был назначен 25 марта 1856 года врачом-ординатором Второго военно-сухопутного госпиталя *. Сохранился портрет Бородина, относящийся к этому времени **: композитор снят вместе со своей двоюродной сестрой М. В. Готовцевой в ознаменование происшедших в их жизни важных перемен: он сделался врачом, а подруга его детства Марй стала невестой друга Бородина Ивана Максимовича Сорокина. Бородин на этом портрете очень красив — его правильное лицо с несколько восточными чертами напоминает лики святых или царей на византийских или древнегрузинских фресках и мозаиках.

Первые годы после окончания Академии (1856—1859) Бородин провел на своей, мало ему симпатичной, службе в госпитале, причем медицинская практика доставляла ему немало неприятностей.

Так, например, однажды в госпиталь привезли кучера какого-то «высокопоставленного» лица, который подавился костью. Бородину поручили извлечь эту кость. Во время операции ржавый инструмент сломался в горле пациента. Не потеряв присутствия духа, юный хирург, после нескольких неудачных попыток, вынул как кость, так и обломок щипцов. «Кучер,— рассказывал Александр Порфирьевич,— бухнулся мне в ноги; я же с трудом удержался от того, чтобы не ответить ему тем же самым. Подумайте только, что бы было, если бы я завязил обломок щипцов в горле такого пациента! Наверняка я бы был разжалован и попал бы в Сибирь» [67].

Другой тяжелый случай, в котором Бородину пришлось воочию столкнуться, по обязанности службы, с ужасами крепостного права, сообщен Д. С. Александровым. Он рассказывает:

---

* Ныне — клинический госпиталь Военно-медицинской академии.

** Этот портрет опубликован мною в вып. I «Писем А. П. Бородина» перед титульным листом (фронтиспис).

«В первый год службы ординатором госпиталя моему брату, как дежурному, пришлось однажды вытаскивать занозы из спин прогнанных сквозь строй шести крепостных человек полковника В., которого эти люди, за жестокое обращение, заманив в конюшню, высекли кнутами. С братом три раза делался обморок при виде болтающихся клочьями лоскутов кожи. У двух из наказанных виднелись даже кости» [68].

В годы службы в госпитале Александр Порфирьевич занимался также своей первой химической работой («Recherches sur la constitution chimique de l'hydrobenzamide et de l'amarine») *, доложенной 5 марта 1858 года на заседании Физико-математического разряда Российской академии наук, и готовил диссертацию на степень доктора медицины. Музыкой тогда Бородин занимался мало, так как служба и лабораторные занятия поглощали почти все его время.

Александр Порфирьевич жил в то время на одной квартире со своим другом и свойственником И. М. Сорокиным, потерявшим в конце 1856 года свою первую жену, М. В. Готовцеву, умершую от родов; жили они, как кажется, вместе с «тетушкой» на Самсониевском проспекте в доме Климова.

К описанному периоду относится первое знакомство А. П. Бородина с М. П. Мусоргским; об обстоятельствах, при коих это знакомство произошло, мы знаем от самого Александра Порфирьевича:

«Я был,—рассказывает он,—свежеиспеченный военный медик и состоял ординатором при 2-м военно-сухопутном госпитале; М. П. был офицер Преображенского полка, только что вылупившийся из яйца (ему было тогда 17 лет). Первая наша встреча была в госпитале, в дежурной комнате. Я был дежурным врачом, он дежурным офицером. Комната была общая, скучно было на дежурстве обоим; экспансивны мы были оба; понятно, что мы разговорились и очень скоро сошлись. Вечером того же дня мы были оба приглашены на вечер к главному доктору госпиталя Попову, у которого имелась взрослая дочь; ради нее часто делались вечера, куда обязательно приглашались дежурные врачи и офицеры. Это была любезность главного доктора. М. П. был в то время совсем мальчонком, очень изящным, точно нарисованным офицериком: мундирчик с иголочки, в обтяжку, ножки выворочённые, волосы приглажены, припомажены, ногти точно выточенные, руки выхоленные, совсем барские. Манеры изящные, аристократические, разговор такой же, немного сквозь зубы, пересыпанный французскими фразами, несколько вычурными. Некоторый оттенок фатоватости, но очень умеренный. Вежливость и благовоспитанность необычайные. Дамы ухаживали за ним. Он садился за фортепьяно и, вскидывая кокетливо ручками, играл весьма

* Исследование химического строения гидробензамида и амарина.

сладко, грациозно и проч., отрывки из «Троваторе», «Травиаты» и т. д., а кругом его жужжали хором «charmant, délicieux!» и проч. При такой обстановке я встречал М. П. раза 3 или 4 у Попова и на дежурстве в госпитале» [69].

Этот рассказ Бородина прекрасно характеризует его живую наблюдательность и остро ироническое отношение к аристократизму и «светскости», а также описываемую обстановку дилетантского музицирования в «салоне» той эпохи.

В 1857 году Бородин совершил свое первое заграничное путешествие. Он был командирован в качестве врача для сопровождения придворного окулиста Ивана Ивановича Кабата на международный офтальмологический конгресс в Брюсселе. Александр Порфирьевич выехал в начале августа 1857 года, побывал по пути в Берлине и во Франкфурте-на-Майне, проехал по Рейну и провел несколько дней в Париже. Путешествие это было совершено отчасти в обществе «высокопоставленных» пациенток Кабата, в частности родственницы (?) Бородина — «царевны Имеретинской» [70]; об этих спутницах Бородин сообщает матери в письме, отзываясь о них не слишком почтительно. О музыке в этом письме [71] нет ни слова. Бородин описывает в нем свои впечатления, свидетельствующие об его острой наблюдательности, сообщает матери об осмотре лаборатории Бертело. Из пригласительного билета от 8 сентября н. ст. 1857 года мы узнаем, что Александр Порфирьевич был на вечере, организованном Комитетом Брюссельского офтальмологического конгресса. В ту же поездку Бородин в первый раз посетил Италию и, возможно, Англию [72].

В 1858 году Бородин опубликовал упоминавшуюся нами свою первую химическую работу [73] и защитил (3 мая) диссертацию на степень доктора медицины «Об аналогии мышьяковой кислоты с фосфорной в их действии на человеческий организм». Работа эта во многом связана с химическими проблемами.

Вскоре после защиты диссертации, летом 1858 года, Бородин посетил городок Солигалич Костромской губернии. По рекомендации Н. Н. Зинина он был приглашен в Солигалич довольно известным в то время финансистом В. Т. Кокоревым для исследования солигаличских минеральных вод. Александр Порфирьевич провел в Солигаличе все лето и выполнил весьма обстоятельно порученную ему работу. Результаты работы были опубликованы Бородиным в газетной статье, переизданной впоследствии в виде отдельной брошюры [74].

Осенью 1859 года Бородин вновь встретился с М. П. Мусоргским,— на этот раз у профессора С. А. Ивановского. Александр Порфирьевич рассказывает [75]: «Мусоргский был уже в отставке. Он порядочно возмужал, начал полнеть, офицерского пошиба уже не было. Изящество в одежде, в ма-

нерах и проч. были те же, но оттенка фатовства уже не было ни малейшего. Нас представили друг другу; мы, впрочем, сразу узнали один другого и вспомнили первое знакомство у Попова. Мусоргский объявил, что вышел в отставку, потому что «специально занимается музыкой, а соединить военную службу с искусством дело мудреное» и т. д. Разговор невольно перешел на музыку. Я был еще ярым мендельсонистом, в то время Шумана не знал почти вовсе. Мусоргский уже был знаком с Балакиревым, понюхал всяких новшеств музыкальных, о которых я не имел и понятия. Ивановские, видя, что мы нашли общую почву для разговора — музыку,— предложили нам сыграть в четыре руки А-мольную симфонию Мендельсона. М. П. немножко сморщился и сказал, что очень рад, только чтоб его «уволили от Andante, которое совсем не симфоническое, а одна из «Lieder ohne Worte», переложенная на оркестр», или что-то вроде этого. Мы сыграли первую часть и скерцо. После этого Мусоргский начал с восторгом говорить о симфониях Шумана, которых я тогда еще не знал вовсе. Начал наигрывать мне кусочки из Es-дурной симфонии Шумана; дойдя до средней части, он бросил, сказав: «Ну, теперь начинается музыкальная математика». Все это было мне ново, понравилось. Видя, что я интересуюсь очень, он еще кое-что поиграл мне, новое для меня. Между прочим, я узнал, что он и сам пишет музыку. Я заинтересовался, разумеется, и он мне начал наигрывать какое-то свое скерцо (чуть ли не B-дурное) [76]: дойдя до Trio, он процедил сквозь зубы: «Ну, это восточное», и я был ужасно изумлен небывалыми, новыми для меня элементами музыки. Не скажу, чтобы они мне даже особенно понравились сразу; они скорее как-то озадачили меня новизной. Вслушавшись немного, я начал гутировать понемногу...»

В описании этой встречи с Мусоргским особенно интересны, конечно, последние слова Бородина о наслаждении «небывалыми, новыми» для него «элементами музыки». Совершенно ясно, что музыкальное развитие юного Бородина шло по путям, которые вполне подготовили в нем — страстном поклоннике Глинки — приятие новой музыки и творческих исканий его будущих музыкальных друзей.

Вообще можно считать, что к осени 1859 года для Бородина окончились годы ученичества и созрели основные черты его личности и характера.

Обозревая все рассказанное нами о юности Бородина, мы можем сделать некоторые общие выводы.

Александр Порфирьевич вырос в малокультурной среде мещан и близкого к мещанству мелкого чиновничества николаевского времени. Дворянско-помещичья среда, к которой принадлежал отец Бородина, могла также иметь некоторое влияние на него, но именно в самом раннем детстве, дав из-

вестное количество полусказочных легендарных образов, почерпнутых из рассказов отца, и, с другой стороны, послужив, может быть, первой пищей для острой, хотя и добродушной, насмешливости будущего автора «Богатырей» и «Спеси».

В силу неоднородности социального окружения юного Бородина и его личной, возвышавшей его над окружающими, талантливости, в нем рано произошел отрыв от своей среды, рано обозначился интеллигент-разночинец. В этом отношении серьезным толчком было для него знакомство со Щиглевыми. Р. П. Щиглев был образованным, интеллигентным человеком, и его педагогическое влияние на Сашу Бородина могло содействовать накоплению импульсов, отрывавших будущего великого композитора от мещанского окружения, к которому, впрочем, мальчик, судя по всему, относился достаточно иронически. Изучение классической литературы и публицистики, в частности увлечение статьями Белинского, явилось дальнейшим шагом на пути формирования Бородина как интеллигента, чему немало содействовали, разумеется, и многочисленные знакомства со сверстниками — студентами Медико-хирургической академии. Свойственное тому времени — началу общественного движения «эпохи реформ» — тяготение к точным наукам и стремление к утверждению национальной самобытности русской науки дополнили резкими чертами складывающуюся личность Александра Порфирьевича как передового «шестидесятника».

Вместе с тем поглощенность множеством научных занятий и творческих замыслов и особенности личного характера сделали из Бородина человека, не склонного к активной политической борьбе, хотя и интересующегося общественной жизнью.

К рассматриваемому моменту в нем сложились все необходимые элементы для его будущей научной и культурной деятельности. Свободно владея современной ему химической литературой и техникой, обладая солидными познаниями в сопредельных с химией областях естествознания, владея несколькими иностранными языками и обладая несомненным талантом ярко, образно и точно выражать свои мысли, молодой Бородин уже представлял собою тогда значительную и активную научную силу.

Если сравнить тогдашний уровень музыкального развития Александра Порфирьевича с его научно-культурной базой, то приходится признать, что Бородин — музыкант тех дней — несколько отставал от Бородина-химика. По его собственному свидетельству, он свое знакомство с музыкальной литературой «начал со стариков»[77]: к описываемому времени он хорошо знал классиков и Мендельсона, с музыкою же Берлиоза, Листа и Шумана был мало знаком. Называя себя «ярым мендельсонистом», он ценил Бетховена и, пожалуй, больше всего восхищался музыкой Глинки. Сочинял сравнительно не-

много, но уже приобрел некоторый опыт в сочинении романсов и пьес для струнных камерных ансамблей.

Значительную роль в дальнейшем оформлении музыкальных вкусов и творческих замыслов Бородина сыграли ближайшие следующие годы его жизни: к описанию их мы теперь и переходим.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Поездка за границу. Женитьба. Встреча с М. А. Балакиревым и вступление в период творческой зрелости (1859—1863)

27 октября 1859 года Александр Порфирьевич выехал за границу по командировке Медико-хирургической академии для усовершенствования в науках. Инициатором этой командировки был Н. Н. Зинин, настоявший на том, чтобы Бородин был послан за границу и подготовился по возвращении занять должность адъюнкт-профессора Академии по кафедре химии. Таким образом, эта командировка была связана также с оставлением врачебной деятельности, тяготившей Бородина, получившего теперь возможность посвятить себя научно-исследовательской работе и подготовиться также к педагогической деятельности, которой он всегда придавал большое значение.

Сохранилось подробное описание путешествия Бородина из Петербурга в Гейдельберг, сделанное самим путешественником в письме к матери от 5 ноября 1859 года [1]. Как всегда, Бородин проявил в этом письме свою острую наблюдательность и впечатлительность.

Александр Порфирьевич выехал из Петербурга вечером в почтовой карете. Он поместился на наружном месте, которое доставило его музыкальному слуху немало неприятностей, и отметил, что «за тоненькой перегородкой сидит кондуктор, который немилосердно трубит над самым ухом, и вдобавок трубит крайне фальшиво». Со свойственным ему юмором, Бородин описывает детали своего медлительного странствия до германской границы через Нарву, Юрьев, Ригу, Митаву и Шавли на Тауроген: дорога до Кенигсберга отняла у него шесть дней.

Будучи человеком общительным, Александр Порфирьевич перезнакомился со своими спутниками. Об одном из них он отзывается в цитируемом письме с большой симпатией:

«В Дерпте к нам присоединился еще один молодой человек, которого я было принял за дерптского Studiosus'a, но который впоследствии оказался русским *. Это был некто Борщов [2]... он ехал за границу с целью серьезно заниматься естественными науками. Борщов... оказался очень симпатичным юношей, умным, толковым и многосторонне образованным. Он уже специально занимался ботаникою (напечатал несколько работ) и геогнозиею, провел два года в Киргизских степях с Северцевым, около Аральского моря и т. д. Кроме того, он оказался очень хорошим музыкантом: с «н а ш и м» направлением в музыке».

Из этого же письма мы узнаем, что «наше» направление в музыке определяется Бородиным следующим образом: «Борщов рьяный поклонник Глинки и знает оперы его наизусть от доски до доски».

После Дерпта путешествие стало особенно медлительным: «Дороги в Лифляндии... отвратительны... Десять кляч, подкованных самым отвратительным образом, еле-еле плелись тихим шагом вперед. Возница, флегматический латыш, мальчишка лет 15, бил лошадей беспрерывно. Вооруженный двумя кнутами, одним маленьким и другим большим, возница наш систематически стегал сначала большим кнутом передних лошадей, потом, положив под себя большой кнут, брал маленький кнут и стегал немилосердно задних лошадей... Мы делали по 4 и 5 верст в час... чтобы помочь горю, нам прибавили вместо лошадей еще второго кучера... оба возницы, вооруженные один маленьким, а другой — большим кнутом, походили на дядю Митяя и дядю Миняя в Мертвых душах. Это было окончательно невыносимо...»

Переехав 1 ноября 1859 года границу в Таурогене [3], Александр Порфирьевич провел несколько часов в Тильзите вместе со своими дорожными товарищами **.

«Здесь,— рассказывает Бородин,— мы провели время очень весело: отобедали, прогулялись по городу и в заключение пели квартеты немецкие...»

Из Тильзита Александр Порфирьевич вместе с Борщовым отправились через Берлин в Гейдельберг.

«Остановившись в Badischer Hof, мы как раз попали в Hôtel, где обедают все наши русские, живущие в Гейдельберге,— писал матери Бородин в том же письме.— За табльд'отом я увиделся с Менделеевым, Сеченовым и мн. другими.

---

* В то время в Дерптском университете учились большей частью немцы.

** С Борщовым и двумя немецкими коммерсантами.

После обеда мы отправились все к Менделееву: у него очень миленькая лаборатория, чистенькая и даже снабженная газом...»

Отметим, что в цитированном нами письме к Авдотье Константиновне с описанием путешествия в Гейдельберг у Александра Порфирьевича несколько раз встречаются указания, свидетельствующие о его музыкальных интересах, чего мы совсем не находим, например, в упомянутом уже письме из Парижа. Тотчас же по приезде в Гейдельберг Бородин обращает внимание на то, что хозяйка ванн отдает напрокат музыкальные инструменты, а в ожидании ванны Бородин и Борщов играют наизусть увертюру к «Ивану Сусанину».

Наняв себе жилище (Friedrichstrasse № 12) «с бесподобным видом» из окон на гору Kanzel, увенчанную башней, Александр Порфирьевич сейчас же берет напрокат фисгармонию, абонируется на ноты. В один из первых дней жизни в Гейдельберге (между 5 и 13 ноября) он посещает концерт симфонического общества и сообщает матери о впечатлениях своих от этого концерта.

Одновременно Бородин знакомится с местными жителями — немцами и русскими. О немецком мещанстве он дает резко отрицательный отзыв, а о своих соотечественниках пишет: «Русские делятся на две группы: ничего не делающие, т. е. аристократы... и делающие что-нибудь, т. е. штудирующие. Я короче всех сошелся, конечно, с Менделеевым и с Сеченовым,— отличным господином, чрезвычайно простым и очень дельным» [4].

И. М. Сеченов также упоминает в своей автобиографии о завязавшейся у него в Гейдельберге дружбе с Бородиным. Он описывает комнату Бородина на Фридрихштрассе и рассказывает, что Александр Порфирьевич угощал иногда своих гостей музыкой, «тщательно скрывая, что он серьезный музыкант, потому что никогда не играл ничего серьезного, а только, по желанию слушателей, какие-либо песни или любимые арии из итальянских опер. Так, узнав, что я страстно люблю «Севильского цирюльника», он угостил меня всеми главными ариями этой оперы и вообще очень удивлял всех нас тем, что умел играть все, что мы требовали, без нот на память...» [5]

В «Автобиографических записках» И. М. Сеченов рассказывает также о том, как он вместе с Бородиным и Менделеевым ездил в Париж зимой 1859 года. Поездка эта имела место между 12 и 23—24 декабря [6]; именно тогда Александр Порфирьевич, вероятно, познакомился в Париже с знаменитым французским химиком Ш. А. Вюрцем.

Согласно наказу Н. Н. Зинина, Бородин должен был работать в Гейдельберге в лаборатории Р. Бунзена. Но случилось иначе.

Ознакомившись с условиями работы в этой лаборатории, Бородин нашел их для себя неподходящими и решил вести исследовательские свои работы в другом месте.

Вскоре после возвращения из Парижа, то есть в начале января 1860 года, Бородин приступил к занятиям химией в лаборатории молодого химика, приват-доцента Эм. Эрленмейера. (Для обеспечения себя реактивами Бородин совершил, еще в декабре 1859 года, поездку в Дармштадт, к фабриканту Мерку.)

Покинув университетскую лабораторию и не находя нужным систематически посещать слишком для него элементарные лекции гейдельбергских профессоров — Бунзена, Гельмгольца, Кирхгофа,— Бородин все же воспользовался возможностью видеть и слышать этих великих ученых, ознакомиться с их манерой чтения лекций и с их исследовательской работой (например, с исследованиями Кирхгофа, приведшими в начале 60-х годов к созданию спектрального анализа).

Через несколько месяцев после отъезда из России Бородин начал «тосковать»; он сообщил об этом в шутливой форме «тетушке» в письме, помеченном «не то 31 марта, не то 1 апреля» 1860 года:

«...у меня была тоска некоторое время... Примерно простотак, что хоть вон беги... Что ж, говорят мне приятели, познакомься с кем-нибудь. Извольте, говорю я приятелям...» И действительно, около этого времени круг знакомства Бородина в Гейдельберге расширяется. Он начинает бывать в семье «милейшей и добрейшей русской барыни» Анны Павловны Бруггер, знакомится с писательницей М. А. Велинской-Марковичем * и с двоюродной сестрой А. И. Герцена — Т. П. Пассек. Может быть, в связи с этим последним знакомством у Бородина возникает интерес к деятельности Герцена. Наконец, он посещает еще одно «очень музыкальное» немецкое семейство Cuntz; званый вечер в этом семействе юмористически описан Бородиным в письме к И. М. Сорокину [7].

Все это время Александр Порфирьевич интенсивно работает в лаборатории Эрленмейера, в непосредственной близости от которой (на Karpfengasse № 2) он нанял себе новую квартиру. Здесь у него перед окнами «тополя, сад, с другой стороны Неккар и горы...»

Вместе с тем Бородин продолжает заниматься и музыкой. «Прослыл здесь окончательно за музыканта,— пишет он «тетушке» [8].— Все знакомые мои достали себе фортепьяно... даже некоторые из них виолончель... Играл партию флейты на одном музыкальном вечере, буду скоро играть квинтеты». В частности в доме А. П. Бруггер он также занимался игрой

* М. А. Маркович печатала свои произведения под псевдонимом «Марко Вовчок».

в четыре руки «и с виолончелью». Научно-исследовательская работа и музыка всецело поглощают Александра Порфирьевича:

«Я живу хорошо,— пишет он матери 1 мая 1860 года,— необыкновенно спокойно, здоров и совершенно доволен своим состоянием... Работаю много и со вкусом; — наслаждаюсь. Кроме того, три раза в неделю и даже чаще играю в 4 руки и виолончельные дуэты с некоею М-me Штуцман, русскою дамою, живущею постоянно в Гейдельберге. Она очень хорошо играет. Завтра буду играть на 2 фортепьяно в 8 рук с нею и с двумя англичанками Misses Barlow...» [9]

На занятия композициею в письмах этого года нет указаний. Можно, однако, считать несомненным, что к этому периоду относится сочинение виолончельной сонаты си минор, написанной, по всей вероятности, в начале лета 1860 года и построенной на теме сонаты И. С. Баха для скрипки соло *. Соната, как рассказывал автор, возникла под влиянием слушанья скрипача — соседа по квартире,— часто наигрывавшего эту сонату Баха.

Тогда же были сделаны Бородиным транскрипции (для ансамбля с участием виолончели) трех своих юношеских вокальных сочинений, из упомянутых выше, или была произведена их переработка. Исполнялось и, возможно, было перередактировано автором g-moll'ное струнное трио на тему «Чем тебя я огорчила».

В письме от 7 мая 1860 года Бородин сообщал Авдотье Константиновне, что у него «сегодня струнный квартет вечером. Вообще в неделю раз мы играем» [10]. А в письме от 20 июня говорится: «Я раз в неделю аккуратно играю квартеты и квинтеты у Американца [?]... В Музее, коего я член, бывают музыкальные вечера и плясы. На первых я бываю, на вторых, разумеется, нет» [11].

До июля месяца 1860 года жизнь Бородина шла установившимся порядком: все время Александра Порфирьевича делилось между лабораторными занятиями, музицированием и посещением друзей.

Одним из результатов химических работ Бородина за этот период явилась напечатанная в 1860 году статья «Исследование некоторых производных бензидина». Александр Порфирьевич поторопился напечатать эту статью, так как узнал от Н. Н. Зинина, что «Гофман в Лондоне работает на том же поле» [12]; ему не хотелось, чтобы русская химия лишилась какого-либо права на приоритет в открытии новых фактов.

В числе знакомых, с коими тогда виделся Бородин, следует упомянуть его племянницу по отцу Елизавету Николаевну Лукаш и ее брата С. Н. Лукаша. Встреча с ними подала

---

* У И. С. Баха эта тема изложена в d-moll.

А. П. БОРОДИН
Гейдельберг, фотография Шульце, 8/20 июня 1860 года

Ек. С. БОРОДИНА (ПРОТОПОПОВА)

С дагерротипа 50-х годов

ему повод к довольно резкому отзыву о семействе Лукаш и о «глупом воспитании», которое получала дворянская молодежь в те времена [13].

26 июня 1860 года в кружке русских гейдельбержцев, близких Бородину, произошло печальное событие: скончалась от чахотки А. П. Бруггер, в доме которой молодые русские ученые находили привет и участие [12]. Огорченный этой потерей, Бородин, желая хотя отчасти избавиться от тоскливого состояния, покинул Гейдельберг и совершил поездку вниз по Рейну в обществе юной жены химика-технолога профессора М. Я. Китарры, которую он взялся проводить до Бонна [14]. Во время этой поездки он посетил ряд городов Западной Германии. Оставив в Бонне свою спутницу, он проехал в Бельгию, а затем — в Голландию, в Роттердам. В университетских городах Бородин осматривал химические лаборатории.

«По возвращении в Гейдельберг,— сообщал матери в письме от 12 августа 1860 года Александр Порфирьевич,— я, к неописуемой радости, нашел Николая Николаевича *. Он вернулся из Парижа прямо сюда. Мы теперь неразлучны с ним и дожидаемся только хорошей погоды, чтобы отправиться в Швейцарию и Италию» [12].

Около 22—23 августа нового стиля 1860 года Бородин, Зинин и Менделеев отправились в небольшое путешествие по Южной Германии и Швейцарии **. В начале этой поездки путники провели день в швейцарском городе Фрейбурге (Fribourg), где любовались живописными видами, осмотрели знаменитый висячий мост через реку Сарину и слушали огромный Фрейбургский орган. По словам Д. И. Менделеева: «Это кажется наибольший в свете орган: в нем есть трубы в 32 фута ($4^1/_2$ сажени) *** вышиной. Туда ходят слушать игру органиста. За франк получаешь такие минуты наслаждения, что будешь их помнить всегда. Мы пошли вечером. Сумерки. В церкви освещен был только орган и горела одна лампада в алтаре. Среди этой романической обстановки раздались звуки, в которых слышалось все, что никакой оркестр не может выполнить. Особенно поразительны звуки, подражающие человеческому пению».

В городе Веве Менделеев покинул на некоторое время своих спутников, совершив экскурсию в долину Шамуни. Все трое встретились в Женеве, откуда ездили в Цермат.

Из Швейцарии трое русских химиков проехали в Карлсруэ, где приняли участие в международном химическом конгрессе, имевшем большое значение в истории химической науки; заседания конгресса происходили с 3 по 6 сентября но-

---

* Н. Н. Зинина. Цит. письмо, вероятно, датировано по новому стилю.— *С. Д.*

** В Италию, как видно из дальнейшего, они не поехали.

*** Около 9 метров.— *С. Д.*

вого стиля. Бородин, несмотря на свою молодость и малую тогда известность, был избран в число членов комитета конгресса. Во время пребывания в Карлсруэ трое русских химиков жили на одной квартире [15].

После окончания конгресса Бородин и Менделеев вернулись в Гейдельберг, где и пробыли до двадцатых чисел октября 1860 года. По всей вероятности, в течение этих полутора месяцев Бородин жил в одной комнате с Менделеевым, в доме на Schulgasse, 2 [16].

Наброски D-dur'ного фортепьянного трио—сочинения, несомненно относящегося к «Гейдельбергскому периоду» жизни Бородина, а равно и d-moll'ного струнного секстета, были, вероятно, сделаны Бородиным не позднее октября 1860 года*. То же самое можно сказать и относительно исполнения в Гейдельберге, в концерте, бородинского романса «Красавица-рыбачка» певицей Фёгелер [17].

В письме от 16/28 октября 1860 года Бородин писал Авдотье Константиновне: «Думал было ехать в Швейцарию осматривать те местности, которые еще мне были неизвестны: вышло иначе. Прокопавшись несколько в Гейдельберге, я убеждался, что ехать в Швейцарию поздненько» [18].

Вместо этого Александр Порфирьевич «пустился совершенно неожиданно в Рим вместе с Менделеевым» через Базель, Сен-Готар и по Лаго-Маджоре на Геную. «Большую часть дороги через St-Gothard мы совершили пешком. Господи, сколько наслаждения! что за чудная природа! что [за] строгие смелые пейзажи! — особенно хорошо восхождение по старой дороге до Андерматта: с гор бегут ручьи каскадами, под ногами ревет Рейсса, клубясь и пенясь как море [;] грозные черные утесы, вершины которых теряются в облаках, подымаются над головою, вдали ледники и снеговые вершины ослепительной белизны... Чудо!» [18]

Во время дальнейшего странствия Бородину и Менделееву пришлось проехать через принадлежавшую тогда Австрии Ломбардо-Венецианскую область. На границе австрийская полиция арестовала Бородина, приняв его за политического беглеца, итальянского революционного деятеля. Пока австрийские полицейские обыскивали Бородина и убеждались в своей ошибке, разыскиваемый ими итальянец успел перебежать на итальянскую территорию. В результате, Бородин и Менделеев, как невольные спасители итальянца, сделались предметом оваций со стороны пассажиров поезда итальянской

* Это предположение основано: 1) на том факте, что Бородин не жил в Гейдельберге с двадцатых чисел октября 1860 года по конец мая 1861 г.; 2) на малой вероятности занятий Бородина большими камерными сочинениями в течение «второго Гейдельбергского лета» (1861): в это лето он часто покидал Гейдельберг и проводил много времени со своей будущей невестой.

железной дороги, в который они сели после освобождения Бородина [19].

Из Генуи путники поехали в Чивитта-Веккию на пароходе. «Мы, как полагается истинным демократам, едем, разумеется, во втором классе и, разумеется, мы в выгоде: у нас очень веселое общество»,— отмечает Бородин [18], сильно недолюбливавший «сливки общества», заполнявшие первый класс.

О характере этого совместного путешествия двух молодых русских ученых другой его участник Д. И. Менделеев сообщал:

«Пускались мы в дорогу с самым маленьким багажом — с одним миниатюрным саквояжем на двоих. Ехали мы в одних блузах, чтобы совсем походить на художников, что очень выгодно для Италии — для дешевизны; даже почти вовсе не брали с собою рубашек, покупали новые, когда нужда была, а потом отдавали кельнерам в гостиницах, вместо «на чай»... Италией мы пользовались вполне нараспашку после душной замкнутой жизни в Гейдельберге. Бегали мы весь день по улицам, заглядывали в церкви, музеи, но всего более любили народные маленькие театрики, восхищавшие нас живостью, веселостью, типичностью и беспредельным комизмом истинно народных представлений» [20].

За время совместного житья в Риме Бородин и Менделеев побывали, между прочим, в соборе св. Петра и в Сикстинской капелле. В этой капелле они имели возможность не только осмотреть знаменитые фрески Микеланджело, но и наблюдать пышную службу, совершавшуюся Пием IX в сослужении с кардиналами [19].

Бородин прожил тогда в Риме всего неделю [20]. Расставшись с Менделеевым 5 ноября (новый стиль) [21], Александр Порфирьевич отправился в Париж, где поселился в одном отеле с русским химиком Валерианом Савичем. В Париже Бородин пробыл безвыездно до весны 1861 года, выполняя план занятий, намеченный для него в «наказе» Зинина.

Мы мало знаем о жизни Бородина в Париже в 1860—1861 годах; достоверно можно установить лишь следующее.

Бородин тогда усердно занялся повышением своей научной и лекторской квалификации, слушая выдающихся ученых и лекторов по физике, кристаллографии, химии, бактериологии и физиологии. Он изучал способы изложения различных лекторов в целях подготовки к своей будущей профессорской деятельности в Медико-хирургической академии. Ему посчастливилось видеть и слушать талантливых французских ученых, обессмертивших свое имя в истории науки: Клода Бернара (у которого он отмечает необычайную ясность изложения), Ренью, Сеннармона, Сен-Клер-Девилля, Дюма и Пастёра. В частности, используя личные рекомендации, Бо-

родин получил возможность посещать лекции Сен-Клер-Девилля и Пастёра в «Ecole Normale».

Александр Порфирьевич занимался также в ту зиму практическими работами по исследованию поляризации и по стеклодувному мастерству. (Искусством изготовления стеклянных приборчиков он овладел тогда в совершенстве и впоследствии успешно обучал этому своих учеников — молодых химиков.)

Бородин состоял уже тогда членом Парижского химического общества; во время пребывания в Париже он несколько раз докладывал о результатах своих исследовательских работ, сделанных в Гейдельберге. На этой почве у него произошло более близкое знакомство с Вюрцем, Ришем и Тенаром (младшим).

Все эти занятия до такой степени поглощали время у Бородина, что ему, по его словам, оказалось в описываемую зиму «невозможным [...] работать где-либо в лаборатории, а тем более, заниматься самостоятельными химическими исследованиями».

Несмотря на всю занятость, у Бородина, конечно, бывали дни и часы отдыха. Он проводил их частью в обществе знакомых русских: в Париже в ту зиму гостило много членов русского интеллигентского кружка, образовавшегося в 1859/60 годах в Гейдельберге (Н. Н. Бекетов, Л. А. Беккерс, К. И. Лисенко, Марко Вовчок, Т. П. Пассек, Е. Ф. Толстая). Зимой 1860/61 года Бородин познакомился с И. С. Тургеневым. В 1861 году в Париж приехал молодой химик П. П. Алексеев, подружившийся с Бородиным и Савичем и поселившийся в одном отеле с ними.

Бородин посещал иногда театры и танцевальные вечера, следил с интересом за карнавальными развлечениями на парижских улицах.

Определенных данных о музыкальных занятиях Бородина в течение зимы 1860/61 года не имеется. Можно лишь отметить, что в ту зиму Бородин приобрел у парижского нотного торговца две песни для голоса с фортепьяно — обработки мавританских напевов, сделанные Фр. Сальвадор-Даниэлем и опубликованные в его редакции. Эти пьески послужили впоследствии Бородину материалом для сочинения некоторых «половецких» тем, использованных в опере «Князь Игорь».

Вполне возможно, что в течение сезона 1860/61 года Александр Порфирьевич продолжал, по временам, возвращаться к обработке набросанных летом 1860 года камерных своих вещей — D-dur'ного фортепьянного трио и d-moll'ного струнного секстета.

11/23 марта 1861 года конференция Медико-хирургической академии приняла постановление о продлении срока заграничной командировки А. П. Бородина до августа 1862 года[22].

Около 10—11 апреля нового стиля 1861 года Бородин вы-

ехал из Парижа и отправился в Италию. Целью этой поездки, в деловом отношении, было желание «ознакомиться на месте с вулканическими явлениями, процессом образования и добывания серы, борной кислоты и проч.». Во время этой поездки Бородин побывал в Турине, Генуе, Ливорно, во Флоренции, в Сиене, на фабрике борной кислоты в Вольтерра и, наконец, — в Неаполе и в его окрестностях (например, на развалинах Помпеи и на Везувии, где он собирал коллекцию лав для Медико-хирургической академии) [23]. Значительная часть времени пребывания в Неаполе — целых двенадцать суток — была потеряна из-за желтухи, которой тогда заболел Александр Порфирьевич.

14/2 мая Бородин выехал из Неаполя и направился в Гейдельберг («через Геную, Арону, Lago Maggiore, St-Gothard, Озеро 4 кантонов, Люцерн и Базель... ехал 6 дней без отдыха, устал, как собака»). Через 3 дня после отправки письма к П. П. Алексееву, из которого заимствованы только что приведенные строки, Бородин вновь послал тому же корреспонденту письмо, где сообщал об учреждении в Гейдельберге химического общества и жаловался на безденежье, заставившее его временно поселиться у приятеля Н. М. Якубовича на Schulgasse, 2, в комнате, ранее занимавшейся Менделеевым [24].

Несколькими днями позже—27 мая (новый стиль) Бородин познакомился со своей будущей женой, молодой пианисткой Екатериной Сергеевной Протопоповой [25], приехавшей в Гейдельберг лечиться от туберкулеза и поселившейся в пансионе профессора Гофмана на Bergheimerstrasse, 14; в этот пансион вскоре перебрался на житье от Н. М. Якубовича и Бородин [26].

В первый же день по приезде Е. С. Протопоповой в пансионе стало известно, что она — талантливая пианистка; поэтому депутация русских жильцов у Гофмана — Бородин, Лисенко, Майнов и другие — пришли ее просить поиграть им. Екатерина Сергеевна сыграла f-moll'ную фантазию Шопена и Schlummerlied Шумана.

Любовь к музыке сразу же сблизила Бородина с Екатериной Сергеевной, которая впоследствии вспоминала о своих первых встречах с великим композитором:

«Мы часто бывали вместе. День его устраивался так: с 5-ти утра и до 5-ти вечера — химическая лаборатория; с 5-ти до 8-ми наши с ним прогулки по горам. Какие хорошие это были прогулки, чего только мы с ним не переговорили тогда... С 8-ми или 9-ти часов вечера до 12-ти музыка в зале Гофманского пансиона. Но вот прошло 6 дней*, Бородин и говорит мне: «Знаете, матушка Екатерина Сергеевна, ведь Вы мне с Вашим Шуманом — спать не даете. И у вас-то он какой хороший выходит...»

---

* Со дня приезда Е. С. Протопоповой в Гейдельберг.

Именно любовь к музыке способствовала сближению молодых людей. Екатерина Сергеевна рассказывает далее:

«Однажды поехала я с Бородиным в Баден-Баден на музыку... Пока оркестр играл какую-то пьесу, я обратилась к А. П.: «Как,—говорю я,—хорош переход из такой тональности в такую!» Я видела, как изумился Бородин. «Как! Вы так слышите абсолютную тональность? Да ведь это такая редкость!» — воскликнул он и погрузился в какие-то думы, а лицо его и глаза его в то же время были такие ясные, счастливые. Я тогда не поняла, что с ним творится; мне странно было его удивление, я ничего такого важного не находила в этой особенности музыкального слуха. А между тем, как мне потом рассказал Александр, в этот самый вечер, именно после... этих моих слов для него стало несомненно, что он меня крепко, бесповоротно, на всю жизнь любит. И действительно, с этого вечера мы знали уже наверное, каждый сам про себя, что мы любим друг друга...»

Вскоре после этого, 10/22 августа, Александр Порфирьевич во время прогулки по окрестностям Гейдельберга, около так называемого Wolfsbrunnen'a * признался Е. С. Протопоповой в любви, и она стала его невестой [27].

Для молодых влюбленных настала пора первого счастья, они продолжали вместе проводить целые дни в прогулках, ездили на музыку в Баден-Баден, а также в Маннгейм, где слушали до того им не известные оперы Р. Вагнера: «Тангейзер», «Лоэнгрин», «Моряк-Скиталец». Привычными спутниками во время таких поездок и прогулок были П. П. Алексеев [28], И. М. Сорокин, химик-любитель кн. Н. И. Кудашев с женой и некоторые другие друзья Бородина. Кроме того, с Александром Порфирьевичем и его невестой часто встречался знаменитый скрипач Фердинанд Лауб. Екатерина Сергеевна познакомилась с ним в одну из первых своих поездок из Гейдельберга в Баден-Баден и нередко играла с ним дуэты. Лауб правильно оценил громадное музыкальное дарование Бородина и не раз говорил Екатерине Сергеевне: «Wissen Sie, Fräulein, dieser Borodin wird einmal ein grosser Musiker werden!» ** [29]

Изложенные события образуют собою наиболее важные для биографии Бородина факты, относящиеся к лету 1861 года. К сожалению, мы не имеем данных, которые позволили бы, вместо рассказанных отрывочных сообщений, дать систематический рассказ. Мы можем лишь дополнить сказанное некоторыми менее важными фактами, не вполне укладывающимися в единую хронологическую цепь: для этого используем цити-

---

* «Волчий источник» *(нем.)*.

** «Знаете ли, барышня, этот Бородин когда-нибудь станет великим музыкантом!»—*С. Д.*

рованный уже отчет Бородина об его заграничной командировке.

Начнем с местожительства Бородина в Гейдельберге. Он в течение лета 1861 года менял его не один раз. Кроме переезда от Якубовича в пансион Гофмана, он не менее одного раза покидал и этот пансион: одно время он жил в доме 2 на Karpfengasse, в том же доме, где помещался в начале 1860 года. Очень возможно, что эти переезды были связаны с необходимостью, для выполнения заданий Зинина, посетить ряд городов Южной Германии.

В первую половину лета 1861 года Александр Порфирьевич пробыл две недели в Вюрцбурге, посещая лабораторию Шерера, позднее побывал в Гиссене, в лаборатории Коппа и, наконец, совершил поездку по окрестностям Гиссена.

Ведя такой «кочевой» образ жизни и отдавая много времени свиданиям с Екатериной Сергеевной, Бородин в то лето вряд ли имел возможность уделять значительное время сочинению музыки. Он лишь посещал вместе с Е. С. Протопоповой концерты и оперные спектакли и сам иногда принимал участие в оркестровых и камерных ансамблях. Если фортепьянное трио D-dur и d-moll'ный струнный секстет были Бородиным действительно закончены *, то они, возможно, были исполнены с участием автора в одном из этих ансамблей.

В связи со сближением с талантливой пианисткой Е. С. Протопоповой у Бородина, естественно, могло возникнуть желание сочинять произведения для фортепьяно в 4 руки. Весьма вероятно поэтому, что возникновение неизданного Des-dur'ного Allegretto для фортепьяно в 4 руки относится к лету или началу осени 1861 года; на неизданном же E-dur'ном скерцо в 4 руки имеется и соответствующая дата — август 1861 года...

Около половины сентября 1861 года (по новому стилю?) Бородин вновь покинул Гейдельберг, чтобы присутствовать на конгрессе немецких химиков и натуралистов в Шпейере. Как известно, на этом конгрессе А. М. Бутлеров сделал свое знаменитое сообщение: «Нечто о строении химических соединений», положившее начало созданию химической теории строения.

По возвращении в Гейдельберг Бородин узнал, что его невеста опасно заболела.

«С наступлением осени и холодов,— рассказывает Екатерина Сергеевна,— мне, отдышавшейся за лето, снова стало хуже. Я усиленно стала кашлять, кровь пошла горлом. Грудь

* О факте завершения этих вещей мы не имеем достоверных данных, если не считать одной фразы Щиглева о секстете в его воспоминаниях, написанных для В. В. Стасова. От секстета уцелел автографный черновик двух частей и набросок в D-dur, вероятно, начало финала; в рукописи трио отсутствует финал.

ломило, я побледнела, похудела, краше в гроб кладут. Бородин и Сорокин повезли меня к гейдельбергской знаменитости профессору Фридрейху. Тот, видно, не любил с больными церемониться, прямо так и хватил: «И месяца не проживет, если сейчас же не уедет в теплый климат. Пусть едет в Италию, в Пизу, там тепло теперь». Что же делать! Мы тронулись на юг вдвоем. А. П. оставил на несколько дней гейдельбергскую лабораторию, чтобы меня проводить и устроить в Пизе. Там встретил нас итальянский октябрь, не чета германскому: жара, комары, лето совершенное. Мне сразу стало легче дышать; на меня снова повеяло жизнью. А жизни мне хотелось тогда более, чем когда-нибудь. Но дни бежали. Пришел последний час, Александру нельзя было со мной оставаться. Нравственная пытка настала для нас обоих. На меня напал какой-то панический страх остаться одной, совсем одной, без любимого существа, в чужом городе, среди чужих людей, не понимающих моей французской и немецкой речи. Александр уложил свои вещи, в последнюю минуту пошел с официальным визитом к двум известным пизанским химикам: Лукка и Тассинари. Я осталась одна. Сказать нельзя, как мне было больно. Я бросилась на постель и заливалась слезами. Вдруг, ушам не верю, слышу голос Александра: «Катя, вообрази себе, что случилось! Я не еду в Гейдельберг, я останусь здесь с тобой все время. Лукка и Тассинари приняли меня любезнейшим образом. Лаборатория у них превосходная, светлая, удобная; они мне ее предложили в полное мое распоряжение... И как ведь хорошо это вышло: фтористые соединения, к которым я теперь приступаю, требуют опытов на воздухе; в Гейдельберге холодно слишком для этого, здесь же я могу этим заниматься всю зиму». Это было блаженство. Снова полились обильные слезы, но они уже другое значили. И как быстро я поправляться начала!» [30]

Бородин и его невеста поселились в Пизе в одной квартире, состоявшей из двух спален и общей рабочей комнаты; помещение они это наняли в некоем итальянском семействе Чентони. Они прожили там зиму 1861/62 года и весну 1862 года. Скоро оба они научились бегло говорить по-итальянски и обзавелись некоторым кругом знакомых [31].

Александр Порфирьевич усердно занимался работой в лаборатории, проводя там утра, а иногда и целые дни. С одним из руководителей лабораторией — химиком Тассинари он подружился, и они часто посещали друг друга. Плодом работы Бородина в Пизе по химии явились три исследования, напечатанные в журнале «Il nuovo cimento» * за 1862 год.

Вместе с тем Александр Порфирьевич, по своему обыкновению, искал сближения с музыкальной средой: одним из

* «Новый опыт» *(ит.)*

первых его знакомых пизанских музыкантов был некий Каррани. В зимние месяцы занятия музыкой Бородина и его невесты сводились, по-видимому, к участию в любительских камерных ансамблях; Бородин, кроме того, по словам Екатерины Сергеевны, изредка играл в оркестре оперного театра в качестве виолончелиста [32].

У нас есть основания полагать, что Александр Порфирьевич и его невеста, которая особенно увлекалась в эти годы идеями Герцена, не оставались чуждыми революционному движению, развивавшемуся тогда в Европе, и даже, вероятно, имели какую-то связь с его очагами. У нас нет, к сожалению, никаких сведений об этом, кроме одной отрывочной записи в дневнике Екатерины Сергеевны [33].

В свободное время Бородин и его невеста посещали окрестности Пизы — Ливорно, Пешию, Виареджио и очень часто бывали в театрах: слушали в Пизе «Беатриче ди Тенда» и «Норму» Беллини, а в драматических театрах смотрели комедии Гольдони, «Скупого» Мольера, «Tzar di tutte le Russie» Корнелио и разные водевили.

Пользуясь теплой итальянской весной, Бородин и Екатерина Сергеевна часто гуляли ночью по городу, слушая народные песни, а иногда и сами принимали участие в таких импровизированных хорах, которые, как известно, являются неотъемлемой частью итальянского быта.

20 марта (новый стиль) они познакомились у Каррани с директором музыкальной школы Меноччи и стали с тех пор часто бывать у этого старого скрипача, организуя вместе с ним камерные ансамбли: играли сонаты для фортепьяно со скрипкой и виолончелью, трио, квартеты и квинтеты. Между прочим были исполнены: Крейцерова соната, несколько бетховенских трио, трио F-dur Гуммеля и его квинтет ор. 87. Меноччи был преисполнен глубокого уважения к талантам своих новых знакомых. Екатерину Сергеевну он рекомендовал своим друзьям, как «una straordinaria bravissima pianista» *, Александр же Порфирьевич привел его в изумление, сочинив при нем в полчаса небольшую фугу.

Благодаря посредничеству Меноччи Бородин и его невеста получили разрешение играть на органе в пизанском соборе. Екатерина Сергеевна рассказывает, что она своей игрой произвела особенно сильное впечатление на слушателей, «когда раз, во время «Offertorium» сыграла «Силы небесные» Бортнянского».

Через того же Меноччи Екатерина Сергеевна попала на первое исполнение мессы Пачини [34] под личным наблюдением автора в городке Пешии, причем не особенно лестный отзыв об этой мессе, который мы встречаем в дневнике молодой

---

* Необычайная, искуснейшая пианистка.

пианистки, свидетельствует о том, что русские музыканты достаточно критически относились к зарубежной музыкальной жизни.

Во время пасхальных каникул, когда лаборатория была закрыта, Бородин и его невеста ездили во Флоренцию, где пробыли с 19 по 24 апреля 1862 года, остановившись у некоей Саккетти в доме напротив дворца Строцци.

В своих записях Екатерина Сергеевна описывает дни, проведенные ею во Флоренции в обществе Бородина и его товарища по Медико-хирургической академии П. А. Хлебникова. Они осматривали галереи Питти и Уффици, капеллы Санта-Кроче и Сан-Лоренцо, были в театрах Никколини и Borgo ognissante, где слушали оперу «Колумелла» Фиораванти.

22 апреля «вечером бегали от одного театра к другому и решились взять ложу в «Della piazza vecchia»* и смотрели «La austuria e la bonta di Stentarello»**; по окончании этой пьесы одна из актрис декламировала воззвание к народу,— кричала Viva Garibaldi, и играли его гимн. Потом шел еще водевиль. Мы с большим удовольствием слушали».

О «гарибальдийских» симпатиях Бородина свидетельствует запись в дневнике Екатерины Сергеевны от 1 июня. В этот день вечером справлялся в Пизе праздник объединения Италии. Бородин и его невеста «в 9 пошли на Люминару, в трех местах была музыка, город был освещен, толпа неистово кричала «Viva Garibaldi, viva il re galantuomo, Viva l'Unione, Venezia e Roma»*** и пр. У милого С.**** градом катились слезы, он должен был отворачиваться, чтоб не заметили их...»

К весне 1862 года относится ряд композиторских опытов Бородина: помимо уже упоминавшейся фуги, им сочиняется тарантелла D-dur. По-видимому, она появилась на свет вечером 16 апреля (вскоре после отмеченных 11 апреля в дневнике Екатерины Сергеевны разговоров о тарантулах). Запись от 16 апреля гласит: «С. был дома; играл. Он что-то пишет для фортепьяно». Судя по дошедшей до нас рукописи, эта тарантелла не обрабатывалась и была записана как импровизация.

Начиная с 22 мая записи в дневнике Екатерины Сергеевны говорят об интенсивной работе Бородина над сочинением c-moll'ного квинтета. Вот эти записи.

2 мая. «...С. не ходил утром в лабораторию, все утро писал квинтет...»

---

* Театр Старой площади.

** «Суровость и доброта Стентарелло» (так называлась одна из масок флорентийской комедии).

*** Да здравствует Гарибальди, да здравствует король, верный своему слову, да здравствует объединение, Венеция и Рим!

**** То есть Саши.

23 мая. «...С. все играет и пишет свой квинтет... вечером были у Меноччи, но не играли квинтетом, а проиграли только трио (Fa majeur) Гуммеля и одно adagio Бетховена... Как только пришли домой, С. засел за фортепьяно и прописал до 1 часа...»

26 мая. «С. все пишет квинтет и никуда не выходит...»

27 мая. «...С. все пишет квинтет...»

С 28 мая начинаются сборы на дачу. Александр Порфирьевич целыми днями работает в лаборатории и заканчивает свою работу 2 июня. На следующий день он и Екатерина Сергеевна переезжают в дачную местность Виареджио на берегу моря. Об их настроении можно судить по следующей записи в дневнике Е. С. Протопоповой:

«После обеда С. взял стулья на пригорок у моря; мы сидели, рылись в песке, потом пили кофе—и в сумерки сидели у самого моря вплоть до ночи: море было покойно, светил месяц; мы вчетвером * пели итальянские песни. Хорошо было. С. наслаждается...»

Кроме этой записи, сделанной 5 июня 1862 года, мы располагаем крайне скудными сведениями о жизни Бородина и его невесты в Виареджио. Из отметок Екатерины Сергеевны в ее приходо-расходной книжке мы узнаем, что она заставляла местных жителей рассказывать себе сказки, слушала бродячих певцов, что иногда они оба ездили в Лукку, Пизу и Ливорно [35].

17 июля 1862 года Бородин закончил в Виареджио свой квинтет — последнюю вещь «добалакиревского» периода.

Точные даты отъезда Бородина и его невесты из Италии неизвестны. Можно лишь фиксировать (по дневнику Екатерины Сергеевны) день их приезда в Берлин (16 августа), а также день переезда через русскую границу в Вержболово (20 сентября) [36]. Во всяком случае, Александр Порфирьевич приехал в Петербург не в ноябре, как значится в его биографиях, а в конце сентября [37]. Екатерина Сергеевна, по возвращении в Россию, поехала в Москву к матери.

Сразу по приезде в Петербург Бородин был захвачен разнообразной деятельностью в качестве помощника Зинина по Медико-хирургической академии. 8 декабря 1862 года он был избран на должность адъюнкт-профессора и начал читать студентам Академии лекции по органической химии. В числе его слушателей был Алексей Петрович Доброславин — впоследствии один из близких друзей Бородина. В своей записке, составленной для В. В. Стасова, А. П. Доброславин живо описал то впечатление, которое производили на студентов лекции Александра Порфирьевича и его светлая, обаятельная личность.

---

* С неким Ченчи и девочкой Идой.

Поздней осенью 1862 года произошло одно из наиболее важных событий в жизни Бородина: в доме у профессора С. П. Боткина[38] он познакомился с М. А. Балакиревым. В описываемое время Балакирев был уже вполне сформировавшимся музыкантом, возглавлявшим кружок молодых композиторов, который состоял тогда из М. П. Мусоргского, Н. А. Римского-Корсакова и Ц. А. Кюи.

Бородин в своем музыкальном развитии имел одну общую с этими молодыми музыкальными деятелями отправную точку: как он, так и все они были глинкианцами или, если пользоваться употребляемым самим Александром Порфирьевичем термином,— «русланистами». Фортепьянный квинтет Бородина, так же как и некоторые другие его ранние сочинения, со всей непреложностью свидетельствует, что сближение его с балакиревским кружком произошло на почве ясного сознания тех великих задач, которые стояли перед русскими композиторами, призванными утвердить национальную самобытность отечественной музыкальной классики, продолжив дело, начатое гением Глинки.

«Балакирев хотел меня познакомить с музыкою своего кружка и прежде всего с симфонией «отсутствующего» *. Мусоргский сел с Балакиревым за фортепьяно (Мусоргский на primo, Балакирев на secondo)... Я был поражен блеском, осмысленностью, энергией исполнения и красотою вещи. Они сыграли финал симфонии...» Этот отзыв Бородина о корсаковской симфонии[39] ясно показывает, что Александр Порфирьевич сразу принял музыку членов балакиревского кружка, оказавшуюся близкой ему и по содержанию своему и по средствам выразительности, обусловленным этим содержанием.

Вот почему нельзя рассматривать завершение созревания музыкальной личности Бородина, происшедшее под влиянием знакомства с Балакиревым, как резкий переворот[40].

Значение встречи с Балакиревым заключалось для Бородина не в этом мнимом «перевороте», а в сделанном опытным Балакиревым указании на истинное музыкальное призвание Александра Порфирьевича, на скрытые в нем силы.

«Наше знакомство,— писал М. А. Балакирев В. В. Стасову,— имело для него ** то важное значение, что до встречи со мной он считал себя только дилетантом и не придавал значения своим упражнениям в сочинении. Мне кажется, что я был первым человеком, сказавшим ему, что настоящее его дело — композиторство». Это было для Бородина тем более важно, добавим мы, что он вообще способен был иногда слиш-

---

* То есть с первой симфонией Н. А. Римского-Корсакова, в середине октября 1862 года попрощавшегося со своими друзьями и отправившегося в долгое заграничное плавание.

** То есть Бородина.

ком строго относиться к самому себе: сильный ум и глубокое критическое чутье подчас затрудняли его творческую работу...

Влияние Балакирева вызвало у Бородина мощный творческий подъем: он задумал писать первую симфонию.

В конце декабря 1862 года, очевидно во время зимних каникул, он играл Екатерине Сергеевне* «почти целиком первое Allegro своей симфонии...»

При сочинении этой симфонии Балакирев оказал своему новому ученику большую помощь критическими советами. Вряд ли ему надо было объяснять Александру Порфирьевичу «форму сочинения», как он это делал Мусоргскому в 1858 году, но, конечно, критические замечания такого человека должны были принести большую пользу. «Каждый такт проходил через мою критическую оценку, — рассказывает М. А. Балакирев, — а это в нем могло развивать критическое художественное чувство, окончательно определившее его музыкальные вкусы и симпатии...» Конечно, в этих указаниях, как тонко подметил сам их автор, были более важны не столько моменты чисто технические, сколько идеологические: при их обсуждении, с участием всех членов кружка, вырабатывалось «все направление... композиторской деятельности» балакиревцев [41].

В отношении полноты сознания своего творческого пути, в признании своей целью создания в России национальной музыкальной культуры, в преодолении западных влияний, результаты присоединения Бородина к балакиревскому кружку были, конечно, значительными, но результаты эти не представляли собою «переворота», а явились итогом развития сильной творческой личности Александра Порфирьевича, сохранившего, несмотря на влияние Балакирева, индивидуальность своего композиторского облика.

17 апреля 1863 года Бородин женился на Е. С. Протопоповой: их свадьба произошла в Петербурге [42], где из-за выпавших на долю Александра Порфирьевича хлопот по окончании постройки нового здания химической лаборатории и других дел, связанных с его работой в Академии, молодым пришлось провести все лето этого года [43]. С осени Бородины перебрались на новую квартиру в только что оконченном новом здании Естественно-исторического отделения Медико-хирургической академии**, где Александр Порфирьевич и прожил, если не считать сравнительно кратковременных отлучек, до конца своей жизни.

---

* Вероятно, при свидании с нею в Москве, куда он ездил именно в конце декабря 1862 года.

** На углу Нижегородской улицы и Пироговской набережной. Квартира Бородина была в первом этаже по обе стороны нижнего коридора.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Первая симфония. «Богатыри». Романсы (1863—1869)

Первые годы после возвращения из-за границы и получения профессуры в Медико-хирургической академии были для Александра Порфирьевича мирным, счастливым и плодотворным периодом жизни. С увлечением отдаваясь преподаванию химии и научно-исследовательской работе в этой области, живо откликаясь на события окружающей жизни, Бородин находил время и для серьезных занятий музыкой и для творчества.

Вскоре после знакомства с Балакиревым и возобновления дружеского общения с Мусоргским Александр Порфирьевич познакомился с В. В. Стасовым, затем (около 1864 года) — с Ц. А. Кюи и, наконец, — осенью 1865 года — с возвратившимся из дальнего плавания Н. А. Римским-Корсаковым.

Описываемое время было для балакиревского кружка периодом расцвета. В 60-е годы создавалась «музыка русская, новая, великая, неслыханная, невиданная»[1]; эти стасовские слова можно отнести к творчеству кучкистов в целом, к их стремлениям, связанным с общими устремлениями передовой русской общественности того времени, с идеями Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена и других светочей прогресса и демократии.

При всех различиях в творческом и общественном облике, которые существовали между членами балакиревского кружка, их объединяло горячее стремление к подлинной народности в искусстве, к реалистической правдивости, которую «Могучая кучка» противопоставляла западничеству кругов, близких к императорскому дому, поддерживавшему реакционное искусство, далекое от народа и его запросов. «Августейшая покровительница» Русского музыкального общества, великая

княгиня Елена Павловна (осмеянная в «Райке» Мусоргского под именем «Музы Евтерпы») возглавляла «немецкую партию», противодействовавшую борьбе за утверждение национальной самобытности русской музыки. Термин «немецкая партия» применялся балакиревцами для обозначения всех рутинеров, пытавшихся подчинить развитие всего музыкального искусства мертвым схемам, культивировавшимся в Лейпцигской консерватории, о которой так ядовито отзывался Лист. Естественно поэтому, что консерваторы русские и западные враждебно относились к демократическим устремлениям великих русских мастеров. «Отмечу характерный факт: немецкая партия в Бельгии (составляющая там такое же зло, как и у нас) исчерпала все возможные и невозможные средства, чтобы воспрепятствовать исполнению моей второй симфонии в Антверпене»,— писал, например, Бородин жене в одном из писем.

Общность интересов, разгоравшаяся борьба за высокие идеалы «новой русской школы» сплотила балакиревцев. У Бородина, в частности, образовалась тогда со всеми членами кружка прочная дружба, выдержавшая все последующие изменения взглядов и настроений его друзей. Особенно сблизился Александр Порфирьевич, несмотря на разницу в летах, — с Н. А. Римским-Корсаковым [2].

Бородин жил зимой в Петербурге на своей уже упомянутой квартире в Естественно-историческом здании Медико-хирургической академии. Квартира эта, довольно обширная, но неудобная, была разбросана по частям среди казенных помещений: кухня помещалась в подвальном этаже, части же квартиры, находившиеся в первом этаже, были разделены коридором, в который выходили двери академических лабораторий и кабинетов, поэтому там постоянно сновали студенты и служащие. Было немало и других неудобств. Спокойного, уединенного места для работы у Александра Порфирьевича дома не было, не было еще тогда у него и своей отдельной лаборатории, которую удалось оборудовать несколько позже. У Екатерины Сергеевны почти постоянно гостил кто-нибудь из родственников или опекаемых ею людей, причем нередко это стесняло Бородиных, иной раз терпевших даже материальные лишения из-за той помощи, которую они считали своим долгом оказывать всем, нуждавшимся в ней.

Несмотря на все эти неурядицы, Александр Порфирьевич в те годы почти всегда бывал в светлом жизнерадостном настроении, работая с неизменным увлечением то в академической аудитории, то в лаборатории, то за фортепьяно.

«Бородин был в высшей степени душевный и образованный человек, приятный и своеобразно остроумный собеседник. Приходя к нему, я часто заставал его работающим в лаборатории, которая помещалась рядом с его квартирой, —

вспоминает Н. А. Римский-Корсаков. — Докончив работу, он уходил со мною к себе на квартиру и мы принимались за музыкальные действия или беседы, среди которых он вскакивал, бегал снова в лабораторию, чтобы посмотреть, не перегорело или не перекипятилось ли там что-либо, оглашая при этом коридор какими-нибудь невероятными секвенциями из последовательностей нон или септим; затем возвращался и мы продолжали начатую музыку или прерванный разговор...»[3]

Кроме Н. А. Римского-Корсакова, бывали у Александра Порфирьевича и другие балакиревцы: некоторые собрания балакиревского кружка происходили и на квартире Бородина, который в те годы был одним из самых активных деятелей «Могучей кучки».

Весной 1864 года Бородин собирался ехать вместе с женой за границу: в письме к Екатерине Сергеевне от 12 мая 1864 года Александр Порфирьевич сообщает, что он «к субботе должен еще сочинить витиеватый рапорт, в котором надобно выставить с поэтической стороны необходимость ехать за границу»[4]. Эта заграничная поездка не состоялась, и Бородин, как кажется, провел лето 1864 года в Москве.

По всей вероятности, в это лето было сочинено скерцо первой симфонии; такое предположение хорошо согласуется как с указанием Е. С. Бородиной в ее неоднократно упоминавшейся нами записке, так и с обычаем Бородина посвящать музыкальному творчеству свой летний досуг.

26 мая (старый стиль) 1865 года Бородины поехали за границу и провели летние месяцы на юге Австрии, в городе Граце. Они посещали местные театры, путешествовали по гористым окрестностям Граца, словом, вели ту же жизнь, как и в первые месяцы своего знакомства. Как передает нам Екатерина Сергеевна, во время одной из таких прогулок Бородин сочинил середину Andante первой симфонии:

«...Александр вернулся с прогулки по [....] горам близ какой-то беседки одного старого замка. Там ему пришла в голову Des-дурная середина Andante, именно эти, так удачно в ней вышедшие, вздохи качающегося аккомпанемента. Как теперь вижу его за фортепьяно...»

Возвратились Бородины в Россию 18 августа (старый стиль)[5]. Вскоре после этого, осенью 1865 года, возвратился в Петербург и Н. А. Римский-Корсаков; в декабре того же года Бородин присутствовал на первом исполнении его первой (тогда es-moll'ной) симфонии в концерте Бесплатной музыкальной школы[6].

О жизни Бородина в следующем — 1866 году сохранились несколько более подробные сведения благодаря относящейся к весне и началу лета этого года переписке его с женой.

Из этих писем мы узнаем, например, о продолжавшихся

встречах Александра Порфирьевича с друзьями — балакиревцами. Некоторые косвенные указания дают основания предположить, что в конце мая 1866 года Бородин занимался обработкой финала своей первой симфонии[7]. В этих письмах мы находим также сведения бытового характера и возмущенные отклики на реакционные выходки президента Медико-хирургической академии П. А. Дубовицкого, старательно насаждавшего тогда в Академии казарменные порядки[8].

Из тех же писем мы узнаем о длительных хлопотах Александра Порфирьевича в связи с лечением глазной болезни брата жены — А. С. Протопопова и о том, что Бородин, покончив со всеми хлопотами, отнявшими у него немало времени, уехал в июне 1866 года в Москву, где он провел все лето. Написанные в июне и июле письма Александра Порфирьевича к уехавшей в Петербург жене преисполнены нежности к ней и полны неистощимого веселья; в одном из этих писем есть прелестное описание прогулки Бородина в подмосковную усадьбу Свиблово, находящуюся близ Останкина[9].

Осенью 1866 года Александр Порфирьевич ездил в Псковскую губернию — в Хилово — для исследования тамошних минеральных вод: это исследование положило начало организации известного ныне Хиловского курорта. Поездка Бородина продолжалась с 6 сентября по 17 сентября, когда он вернулся в Петербург[10].

По-видимому, вскоре после этого — поздней осенью 1866 года, вернее, во время зимних или весенних каникул 1866/67 учебного года[11] — была закончена первая симфония, создававшаяся, таким образом, на протяжении пяти лет.

Лето 1867 года Бородины проводили в Москве; в конце этого лета Александр Порфирьевич заболел, вследствие чего ему пришлось задержаться с возвращением в Петербург, куда он приехал только 24 сентября.

В это лето Бородин начал работу над музыкой к шуточной пьесе В. А. Крылова «Богатыри». Музыка была задумана как пародия на «большие» оперы Мейербера, Россини и других западноевропейских композиторов, а также на «Рогнеду» Серова.

Вначале предполагалось, что Бородин напишет к «Богатырям» оригинальную музыку в пародийном духе. Однако этот первоначальный план был изменен в связи с желанием В. А. Крылова поскорее поставить «Богатырей» на московской оперной сцене.

В письме к В. А. Крылову, относящемся к августу или началу сентября 1867 года, Бородин высчитывает, что на написание партитуры «Богатырей» ему понадобится «более 70 дней напряженного, сосредоточенного труда, при исключительном занятии одною опереткою». «Не забудьте еще, — продолжает Александр Порфирьевич, — что этот расчет сде-

лан в виду, что все будет написано сразу набело; что не потребуется ни помарок, ни поправок, ни перемен, ни даже переписки; — в действительности же это едва ли возможно. Прибавьте к этому, что процесс сочинения не есть чисто механический; темы, мелодии, гармонические комбинации, голосовые и инструментальные эффекты не приходят в голову каждый день по востребованию... Из всего этого ясно, что, посвящая даже все свое время исключительно писанию оперетки, невозможно окончить ее и в 3 месяца...» Указав далее, что для него «музыка — побочное занятие, отдых от более серьезных трудов» и что ему, следовательно, «невозможно писать в день средним числом более 2 страниц партитуры или 4 страниц фортепьянного аранжемента...», Александр Порфирьевич приходит к окончательному выводу, что для сочинения оригинальной музыки к «Богатырям» ему понадобится почти целый год.

В результате всех этих рассуждений Бородин в том же письме советует В. А. Крылову, если он торопится увидеть «Богатырей» на сцене, снабдить их музыкою «из готового старого театрального репертуара»[12].

Вероятно, после этого письма у В. А. Крылова возникло желание попросить Бородина самого подобрать эту музыку к «Богатырям» «из готового старого репертуара». Бородин согласился выполнить эту работу, причем написал некоторое количество оригинальной музыки, которая в сочетании с остроумно подобранными отрывками известных опер стала замечательной пародией на условности оперного жанра. Как видно из письма Бородина к Н. П. Савицкому, составление музыки к «Богатырям» было им закончено 13 октября 1867 года[13]. С этою музыкою опера-фарс «Богатыри» шла на сцене московского Большого театра 6 ноября 1867 года, в бенефис режиссера Н. П. Савицкого, но успеха не имела. Публика и театральные рецензенты совершенно не поняли пародийного характера музыки, в которой московские меломаны увидели просто собрание перепевов любезных их сердцу мотивов, заимствованных композитором, скрывшим свое имя под тремя звездочками, стоявшими на афише.

Не обошлось и без курьеза. Сотрудник «Московских ведомостей» Н. М. Пановский[14], лично знакомый с Бородиным, сообщил в «Московских ведомостях» незадолго до представления «Богатырей», что в этой шуточной опере изображен один недавно приключившийся в московском пригородном ресторане скандал; по всей вероятности, названный «литератор» хотел этой газетной уткой по-своему «услужить» Бородину, повысив интерес к содержанию «Богатырей». Случилось, однако, обратное. Лица, пришедшие на премьеру «Богатырей» именно из желания увидеть инсценировку какого-то скандала, были крайне возмущены полным отсутствием связи

либретто «Богатырей» с этим скандалом и, кажется, сами довольно бурно выражали неудовольствие по этому поводу.

После первого же представления «Богатыри» были сняты с репертуара; предполагалось поставить их в Петербурге, куда была прислана партитура, но постановка не состоялась.

«Хотя и добродушно-лукавая затея — «Богатыри», на мой взгляд, заслуживают внимания каждого исследователя творчества Бородина, которое, повторяю, без свойственного ему жанра передразнивания и без блестков скоморошества было бы значительно опустошенным. Кто знает, оказалась ли бы столь сочной характеристика Скулы и Ерошки в «Князе Игоре», если бы Бородин не повозился задолго до того над столь нелепой, по-видимому, затеей, как «Богатыри», — справедливо отмечает Б. В. Асафьев, указывая при этом, что пародия Бородина была, по существу, «единственной русской опереттой» [15].

Важно подчеркнуть также, что острие этой «добродушно-лукавой затеи» Бородина было направлено одновременно и против условностей западноевропейской оперы и против считавшегося балакиревцами «псевдорусским» стиля «Рогнеды», пародирование которой обусловило и сюжет «Богатырей». («В кружке Балакирева над «Рогнедой» сильно подсмеивались», — вспоминает Н. А. Римский-Корсаков в «Летописи».)

Действие «Богатырей» происходит «до поры до времени», в удельном княжестве Куруханском на Калдык-реке, где правит князь Густомысл.

В первом действии* чужестранный богатырь Соловей Будимирович дает обещание сыну Густомысла, князиньке Задире, выкрасть его сестру Забаву «при всем честном народе».

Во втором действии Соловей осуществляет свое намерение. Во время торжественного жертвоприношения Перуну в присутствии князя и всего народа он похищает Забаву, убаюкав все собрание песенкой. После пробуждения начинаются длительные сборы богатырей князя Густомысла в поход за похитителем**. Самый главный богатырь Фома Беренников из трусости остается охранять столицу.

В третьем действии, происходящем в терему жены Густомысла — княгини Милитрисы Кирбитьевны — центральным моментом служит появление хора «калик перехожих». Они сообщают о подступившей к столице несметной женской рати с богатыршею Амелфою во главе. Фома выступает на защиту города.

---

* В афише части «Богатырей» названы действиями, в партитуре — картинами.

** Здесь пародируется известная ария Рауля из «Гугенотов», долго уговаривающего «бежать» и стоящего на месте.

В четвертом действии изображается единоборство Фомы и Амелфы. Фома выходит из этой борьбы победителем посредством надувательства и благодаря счастливому случаю. Он, при начале боя, весь дрожа от страха и зажмурившись, начинает подкрадываться к Амелфе. Та же, полагая, что действия Фомы заключают в себе особую военную хитрость, в точности ему подражает. Заметив это, Фома улучает момент, когда у Амелфы совсем закрыты глаза, и сдергивает у нее с головы венец, в котором заключалась вся ее сила.

После победы Фомы, честь которой присваивает себе прятавшийся во время боя Густомысл, являются от Соловья Будимировича послы-сваты, просящие у князя «родительского благословения» на брак Соловья с похищенной им Забавой. Густомысл милостиво удовлетворяет эту просьбу.

В пятом действии изображается свадебный пир у Соловья, в котором участвуют все действующие лица оперы. Пир завершается общим неистовым плясом («куруханской вакханалией»).

Музыка «Богатырей» состоит из 22 отдельных музыкальных номеров и играет в пьесе значительную роль, почти непрерывно сопровождая действие. Действующие лица не везде поют, а иногда просто говорят. К таким чисто разговорным отрывкам относится, например, «дурацкий спич» Густомысла в последнем действии, начинающийся обычным в те времена вступлением к либеральным речам: «В настоящее время, когда...» и внушенный автору либретто Бородиным.

Для того, чтобы дать читателю краткую и ясную характеристику музыки «Богатырей», я позволю себе здесь воспроизвести таблицу, составленную проф. П. А. Ламмом[16] (см. табл. на след. стр.).

Итоговые цифры этой таблицы П. А. Ламма показывают, что 44% музыки «Богатырей» принадлежит Бородину или обработаны им, в отношении же заимствованных частей им определено их чередование, и, в некоторых частях, — изменена оркестровка, в основном выполненная для спектакля дирижером Э. Н. Мертеном.

Необходимо указать, наконец, что В. А. Крылов, так же как и в некоторых других своих произведениях, сделал в этой пьесе немало социально-обличительных намеков. Таков, например, характер действующих лиц (феноменальная глупость князя Густомысла, сребролюбие и лукавство жреца Кострюка и т. п.).

Из многочисленных намеков на современные события и лица цензура изъяла только один — уничтожила фамилию «Длинноруков» одного из действующих лиц, признав в этой фамилии сходство с фамилией тогдашнего московского генерал-губернатора Долгорукова.

№ музыки „Богатырей"	Названия отдельных картин и №№	Количество тактов оригинальной или пародируемой музыки	Названия источников заимствования	Количество тактов заимствованной музыки	Общее количество тактов
	Картина 1. Сватовство богатырское				
1	Хор девушек и песня Соловья	34	МЕЙЕРБЕР. «Роберт-Дьявол». Действие I, № 1	13	148
			РОССИНИ. «Севильский цирюльник». Действие III, трио	16	
			ОФФЕНБАХ. «Болтуны». Действие II, № 10	54	
			РОССИНИ. «Севильский цирюльник». Действие III, финал	31	
2	Каватина Соловья	—	ОФФЕНБАХ. «Синяя борода». Действие II, картина 2, № 16	42	42
3	Куплеты Соловья	8	ОФФЕНБАХ. «Синяя борода». Действие II, картина 1, № 14 (финал)	42	50
	Картина 2. Кража немалая				
4	Шествие Густомысла	92	На тему австрийского военного марша	—	92
5а	Ария Густомысла (с хором)	13	КАВОС. «Князь-невидимка». № 4 (Марш)	17	30
5б	Ария Милитрисы (с хором)	45	—	—	45
5в	Дуэт и сцена	14	МЕЙЕРБЕР. «Роберт-Дьявол». Действие I, № 1 (после баллады)	30	44
6	Сцена жертвоприношения	32	РОССИНИ «Севильский цирюльник». Действие III, № 15	27	150
		91	На мелодию песни: «Как у наших у ворот»	—	
7	Марш богатырей и хор	72	ОФФЕНБАХ. «Прекрасная Елена». Действие I, № 7 bis (куплеты царей)	160	232
8	Пляска Перуна. Хор и сцена	56	На тему из «Рогнеды» СЕРОВА. Действие I, № 3, жертвоприношение Перуну	—	56
9а	Усыпительная песня Соловья	42	СЕРОВ. «Рогнеда». Действие II, № 9. Сказка дурака	8	50
9б	Мелодрама (Сцена похищения Забавы)	1	ОФФЕНБАХ. «Синяя борода». Действие III, № 23. Мелодрама	29	30
10	Финал второй картины	240	—	—	454
		63	На тему из оперы «Рогнеда» СЕРОВА. Действие I, № 3. Жертвоприношение Перуну	—	
		—	ВЕРДИ. «Эрнани». Действие II, № 12. Терцет	151	

№ музыки „Богатырей“	Названия отдельных картин и №№	Количество тактов оригинальной или пародируемой музыки	Названия источников заимствования	Количество тактов заимствованной музыки	Общее количество тактов
			Картина 3. Терем Милитрисы Кирбитьевны		
11	Хор девушек и сцена	49	СЕРОВ. «Рогнеда». Действие IV, № 16. Прелюдия и хор женщин	32	162
		50	На тему из «Рогнеды». Действие IV, № 17. Речитатив и песенка Изяслава	—	
		31	На мелодию народной песни— «Куманечек, побывай у меня»	—	
12	Куплеты Кострюка (повторяются много раз)	30	—	—	30
13	Сцена Калик	43	МЕЙЕРБЕР. «Пророк». Действие I, № 3. Хор анабаптистов	21	158
		—	МЕЙЕРБЕР. «Роберт-Дьявол». Действие I, № 1. Баллада	17	
		29	На тему песни — «Среди долины ровные»	—	
		—	ОФФЕНБАХ. «Синяя борода». Действие I, № 1. Песенка Флоретты	48	
14	Квартет	—	ОФФЕНБАХ. «Прекрасная Елена». Действие II, № 12. Марш гусей	64	64
			Картина 4. Фома-победитель		
15	Любовная песенка Алеши	—	Музыка Ю. Гербера	—	—
16а	Хор богатырей и сцена	—	ОФФЕНБАХ. «Болтуны». Действие I, № 1. Хор	193	193
16б		—	Музыка К. Вальца	—	—
17	Куплеты Ксении	4	ОФФЕНБАХ. «Синяя борода». Действие I, № 7. Хор	66	70
18	Хор богатырей и богатырш	3	Сильно измененная музыка из оперетты «Синяя борода» ОФФЕНБАХА. Действие III, № 22в. Баллада	69	72
19	Поединок Фомы с Амелфой	34	МЕЙЕРБЕР. «Роберт-Дьявол». Действие III, № 9. Прелюдия	29	149

№ музыки „Богатырей"	Названия отдельных картин и №№	Количество тактов оригинальной или пародируемой музыки	Названия источников заимствования	Количество тактов заимствованной музыки	Общее количество тактов
		—	ГЕРОЛЬД. «Цампа». Действие I, № 4. Квартет	70	
		—	То же. Действие II, № 10. Финал (после рондо)	16	
20	Финал четвертой картины	1	РОССИНИ. «Семирамида». Действие I, № 9. Хор жрецов	169	170

Картина 5. Пир у Соловья

21	Заздравный хор и куплеты	22	ОФФЕНБАХ. «Синяя борода». Действие III, № 21а. Свадебный хор	38	144
		—	ОФФЕНБАХ. «Прекрасная Елена». Действие I, № 3bis, Куплеты	84	
22	Финал пятой картины	157	—	—	157
		1256		1556	2812

Есть основание полагать, что Бородин не забывал и впоследствии «Богатырей» и кое-что оттуда показывал своим знакомым. Так, например, Н. П. Дианин, поступивший в университет и познакомившийся с Бородиным около половины 70-х годов, знал всех главных действующих лиц «Богатырей» и кое-какие напевы оттуда.

Как известно, вторая половина 60-х годов принесла ряд творческих замыслов членов балакиревского кружка в области оперного творчества. В этой области они стремились противопоставить свои принципы народности и реализма условностям оперного жанра, высмеянным в «Богатырях».

Мусоргский работал над «Борисом Годуновым», Римский-Корсаков — над «Псковитянкой». Бородин также имел уже в то время намерение заняться сочинением оперы. Как сообщает В. В. Стасов, около 1867 года Балакирев предложил Бородину в качестве сюжета для оперы историческую драму Мея «Царская невеста». Александр Порфирьевич сочинил для

этой оперы несколько «превосходных сцен и хоров (самый замечательный был хор пирующих буйных опричников *), но сюжет этот скоро перестал нравиться Бородину, и он забросил оперу» [17].

В архиве Бородина не сохранилось автографов номеров «Царской невесты». Материалом, который был, по всей вероятности, использован для этих номеров, можно считать хранящиеся ныне в Ленинградской консерватории записи песен, сделанные Александром Порфирьевичем, в особенности, — сказа «Грозный царь Иван Васильевич». (Записи эти, сделанные «сокращенным способом» — без ключа и указания тональности — обнаружены в архивных материалах А. Н. Дмитриевым).

Но если работа над этим первым оперным замыслом Бородина (осуществленным, как известно, впоследствии Римским-Корсаковым) не привела в конечном счете к успешным результатам, то в другой области Бородин в это время достиг многого: он сочинил «Спящую княжну» и «Песню темного леса». Точные даты сочинения этих романсов нам неизвестны. Отметим, однако, что в поздравлении со днем именин (?), написанном 28 августа 1867 года, Екатерина Сергеевна называет Бородина «новеньким Глинкой». Такое название могло возникнуть, скорее всего, именно после сочинения «Спящей княжны», так как именно этот романс в балакиревском кружке часто сравнивали с произведениями Глинки. Следовательно, «Спящая княжна» была создана во всяком случае не позже августа 1867 года.

24 февраля 1868 года М. А. Балакиревым, приглашенным с осени 1867 года на должность дирижера концертов Русского музыкального общества, была устроена в зале Михайловского дворца закрытая репетиция, на которой, наряду с другими новыми вещами русских композиторов, была исполнена первая симфония Бородина [18]. Исполнение было неудачным, так как в переписанных наспех партиях было много ошибок. Несмотря на это, как говорит Н. А. Римский-Корсаков, «все-таки можно было судить о великих достоинствах симфонии и ее превосходной оркестровке» [19].

К весне 1868 года относится сближение балакиревского кружка с А. С. Даргомыжским, у которого стали почти каждую неделю бывать Балакирев, Бородин, Кюи, Римский-Корсаков, Мусоргский, Стасов и другие лица, близкие к «новой русской школе». На этих собраниях исполнялись отрывки из сочинявшегося тогда Даргомыжским «Каменного гостя», а также другие произведения, в том числе и песни Боро-

---

* Вполне возможно, что музыка этого хора легла впоследствии в основу первого хора молодцов Владимира Галицкого, записанного в 1875 году.

дина[20]. В числе исполнительниц выделялись сестры Пургольд — Александра Николаевна (в замужестве — Молас) и Надежда Николаевна (впоследствии вышедшая замуж за Римского-Корсакова). Как кажется, на этих собраниях произошло знакомство Бородиных с сестрой композитора Н. Н. Лодыженского — Анной Николаевной (в замужестве — Калининой). Вскоре Бородины познакомились и с другими представителями многочисленного семейства Лодыженских и по приглашению братьев Н. Н. и И. Н. Лодыженских провели лето 1868 года в Кашинском уезде Тверской губернии в имении Ивана Николаевича Лодыженского — «Маковницы» *.

А. Н. Калинина в то лето серьезно увлеклась Бородиным, который, рассказывая Екатерине Сергеевне в письме от 25 октября 1868 года о своих отношениях с А. Н. Калининой, писал: «в чувстве моем к ней я от тебя ничего не отнимаю, а даю только то, чего не могу дать тебе: «чувство моей любви к детям», т. е. к элементу слабости, молодости, надежд и будущности...» Под влиянием встреч с Анной Николаевной композитор сочинил в июле месяце 1868 года романс «Морская царевна» на собственные слова, а вслед за тем написал и романсы «Отравой полны мои песни» и «Фальшивая нота», в которых звучат отражения его переживаний и некоторой натянутости, создавшейся тогда в отношениях с женой.

Вскоре по возвращении в Петербург — 23 сентября — Бородин посетил Ц. А. Кюи, у которого застал М. П. Мусоргского и Н. А. Римского-Корсакова. В тот день у Кюи была исполнена часть только что им оконченного «Ратклифа», несколько отрывков из начатой Римским-Корсаковым «Псковитянки» и первый акт «Женитьбы» Мусоргского.

Из этих новинок «Ратклиф» заслужил самый положительный отзыв Бородина **, еще более восторженные слова вызвала «Псковитянка»: «Это такое благоухание, такая молодость, свежесть, красота... я просто раскис от удовольствия. Экая громада таланта у этого человечка! и что за легкость творчества!»

Наряду с этим, музыке Мусоргского к «Женитьбе» дается, в полном согласии с мнениями Кюи и Балакирева, оценка весьма сдержанная:

«Потом исполнил Мусоргский первый акт «Женитьбы» Гоголя, написанный прямо на текст этого писателя, без вся-

---

* Часть лета Александр Порфирьевич и Екатерина Сергеевна жили в имении Турово, принадлежавшем Н. И. Калинину. Из Петербурга в тот год они выехали рано — около 15 мая.

** «Кюи познакомил меня со всеми новыми нумерами Ратклифа и с оркестровкою всей оперы. Одна прелесть!»

кого изменения. Вещь необычайная по курьезности и парадоксальности, полная новизны и местами большого юмору, но в целом — une chose manquée — невозможная в исполнении. Кроме того, на ней лежит печать слишком спешного труда»[21].

Участвуя в жизни «Могучей кучки», вынашивая свои новые творческие музыкальные замыслы, Бородин продолжал занятия в Медико-хирургической академии, развивая, вместе с тем, энергичную научную и общественную деятельность. В начале декабря 1868 года он принял, например, участие в первом (учредительном) собрании Химического общества.

«Было очень весело и приятно. Второе заседание назначено на 9 января», — писал он П. П. Алексееву. Как видно из того же письма (от 23 декабря 1868 года), а также из других источников[22], Бородин в то время интенсивно занимался химическими исследованиями, изучая продукты уплотнения валерианового альдегида, а также ставя некоторые опыты физико-химического характера, относившиеся, например, к вопросам о притягивании воды расплывающимися веществами и о выпаривании водных растворов.

В том же декабре 1868 года Александр Порфирьевич, как показывают его письма к М. А. Балакиреву[23], занимался редактированием партитуры и исправлением партий своей первой симфонии для открытого первого исполнения ее в концерте Русского музыкального общества. Эта весьма кропотливая работа вызывает у автора в цитированных только что письмах возмущенные восклицания: «Вранья там была чертова куча!.. Вообще, над симфонией тяготеет какой-то рок: все наши вещи шли в бесплатной школе*, только моей не удалось; все шли своевременно — только моя три года ждет очереди... Все переписывал Гаман, только мою какой-то сукин сын. Остается только, чтобы автора закидали мочеными яблоками...»

Закончив исправления и отсылая симфонию Балакиреву, Бородин писал ему: «Вранья была в партиях пропасть... кроме нарочитых гармонических курьезов, должны были выходить совершенно необычайные сочетания малых секунд, квинт, мажора с минором и черт знает что... Ну, батенька, я никогда не думал, чтобы проверка партий была такая адская работа!»

Первая симфония «композитора, ищущего неизвестности», как называл себя Бородин, была впервые исполнена в концерте Музыкального общества под управлением М. А. Балакирева — 4 января 1869 года.

По воспоминаниям Балакирева[24]: «Первая часть была принята со стороны публики холодно. По окончании ее не-

---

* Т. е. в концертах Бесплатной музыкальной школы.

много похлопали и умолкли *. Я испугался и поспешил начать Scherzo, которое прошло бойко и вызвало ряд рукоплесканий. Автор был вызван. Публика заставила повторить Scherzo. Остальные части возбудили горячее сочувствие публики **, и после финала автор был вызван несколько раз. Тогдашний музыкальный критик Ф. М. Толстой, ненавистник новой русской музыки, стал мне даже нахваливать финал и видимо был растерян от неожиданности. Кологривов радовался от души и сердечно приветствовал Бородина. Умирающий Даргомыжский с нетерпением ждал известия о том, как прошел концерт, но, к сожалению, никто из нас к нему не зашел, боясь тревожить больного поздней ночью. Заехал только приятель его К. Н. Вельяминов, но тот, однако же, не мог рассказать ему обо всем подробно. На утро уже не стало Даргомыжского: он скончался от аневризма около 5-ти часов утра 5-го января... Но всего более доволен был автор исполнением своей симфонии, решившей его судьбу. Успех сильно подействовал на него, и тогда же он принялся за сочинение второй симфонии h-moll, чувствуя в музыке настоящее свое призвание».

К описываемому моменту противоречия между балакиревцами и другими музыкальными кружками достигли значительной остроты; неудивительно поэтому, что со стороны враждебных «Могучей кучке» рецензентов имело место прямое отрицание успеха симфонии Бородина, как это, например, видно из известного отзыва А. Н. Серова [25].

Но если при всем ее успехе симфония не могла еще быть единодушно принята, то для автора день ее первого исполнения действительно был важной жизненной вехой. Бородин почувствовал себя окрыленным этим успехом и ревностно принялся за исполнение новых художественных задач.

О музыкально-эстетических взглядах Александра Порфирьевича, сложившихся к тому времени, дают известное представление его критические статьи, помещенные на протяжении сезона 1868/69 года в газете «С.-Петербургские ведомости», где Бородин временно заменял Ц. А. Кюи, занятого репетициями «Ратклифа». Эти рецензии, рисующие нам взгляды Бородина тех дней, перепечатаны в четвертом выпуске «Писем» А. П. Бородина.

---

* Возможно, что именно после первой части было то «легкое шиканье», о коем упоминает Н. А. Римский-Корсаков (см. Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, стр. 62).

** Эти детали в воспоминаниях Балакирева дополняются свидетельством самого Бородина, писавшего жене, что в том исполнении первой симфонии «всего лучше было принято Andante» (см. Письма А. П. Бородина, вып. I, стр. 168; письмо от 16 ноября 1869 г.).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Начало работы над «Князем Игорем». Семидесятые годы (1869—1879)

В «Спящей княжне» и «Песне темного леса» проявилась одна из сильнейших сторон музыкального творчества Бородина — способность к созданию музыкального эпоса, расцвеченного яркой и оригинальной звукописью.

Это направление в бородинском творчестве с особенной силой дает о себе знать в конце 60-х и начале 70-х годов.

Под влиянием успеха первой симфонии и только что названных эпических песен, Бородин сочинил первые наброски нового произведения в том же стиле — второй («Богатырской») симфонии. Одновременно он вновь возвратился к мысли о сочинении оперы на национально-русский сюжет. Он говорил своим друзьям, что «оперу ему теперь больше хотелось бы сочинять, чем симфонию», и неоднократно обращаться к В. В. Стасову с просьбой найти ему новый оперный сюжет.

В качестве сюжета В. В. Стасов предложил Бородину в апреле 1869 года историческую фабулу, лежащую в основе «Слова о полку Игореве».

Получив сценарий оперы, составленный В. В. Стасовым при помощи «Слова» и Ипатьевской летописи, Александр Порфирьевич ответил 20 апреля 1869 года «радостным согласием» писать оперу на этот сюжет.

Приводим текст этого первоначального сценария, впервые опубликованный Е. М. Браудо в его монографии о Бородине *.

Действие первое

№ 1. Терем княгини Ярославны. Ярославна входит одна на сцену, задумчивая и грустная. Ее тяготит неизвестность

---

* См. Браудо Евг., Александр Порфирьевич Бородин. Его жизнь и творчество. Изд. «Мысль», П., 1922, стр. 126—131.

о муже, ушедшем с войной против половцев. Она не получает о нем вестей, ее беспокоит также странное и буйное поведение брата ее, князя Владимира, который два уже почти года гостит в их доме, с тех пор как изгнан отцом из Галича, а теперь затевает что-то недоброе с новгород-северскими и путивльскими боярами. К тому же она видела нынче ночью страшный, зловещий сон, мутящий ее.

№ 2. В эту минуту в терем Ярославны врывается ее брат, пьяный и буйный, и объявляет, что теперь он здесь хозяин, и ему одному она должна повиноваться, нечего ждать мужа и надеяться на него: он либо убит в бою, либо попался в плен к половцам вместе со своими дружинниками и боярами. А ему, князю Владимиру, надоело так жить без своего престола, и он уговорил бояр путивльских и новгородских, и они сажают его вместо Игоря на престол.

Ярославна в ужасе, не верит ушам своим — брат насмехается и грубо и пьяно трунит над ней. Тщетно она напоминает ему, что Игорь, муж ее, принял его к себе, когда его, изгнанного отцом, никто из князей-родичей не хотел и не смел принять, и теперь уж целых два года он живет в Путивле, как дорогой гость, которому все позволено и открыто, которому прощают все его буйства и насилия. Владимир ничего не слушает и в пьяном азарте объявляет ей, чтобы она покорилась и молчала, не то он сошлет ее в монастырь.

№ 3. За сценой слышится шум, тревога. Вбегают женщины княгининых и говорят ей, что прискакали в Путивль гости (купцы), которые могут ей рассказать нечто про князя Игоря и дружину его. Ярославна велит ввести их, и с ними вместе входят князья, бояре, русские мужи и женщины, а также иностранные сторонники и товарищи Владимира Ярославича. Купцы начинают свой рассказ (перебивая друг друга) и сначала говорят, что все потеряно, сражение проиграно, войско русское разбито, Игорь с сыном в плену. Ярославна падает в обморок, потом долго рыдает, наконец, собравшись с силами, велит рассказать, как все было. Тогда те говорят, что они проезжали со своими обозами близ реки Каялы и были невольными свидетелями битвы. Половцы их отпустили, сказав: три дня длился бой и не мог он кончиться добром. Еще при самом начале похода случилось затмение [следует обширная цитата о затмении из «Слова о полку Игореве»]. Но Игорь понесся с дружиной своей на врага, и в самом деле сначала половцы дрогнули и побежали. Игорь зашел далеко вперед, его ранило в левую руку. Воины его, не видя его, давно истомленные, поворотили тыл и ударились в бегство. Тогда Игорь снял шлем и бросился назад к своим воинам, чтобы они его узнали. Но было поздно. Их окружили половцы и перехватали всех. Этот рассказ прерывается восклицаниями ужаса, рыданиями, то Ярославны, то женщин,

то мужчин. Немцы, венецианцы, греки и моравы из числа товарищей и собеседников Владимира Ярославича поют славу Святославу,—он всегда побеждал половцев,—и тут же проклинают Игоря и насмехаются над ним. К этим насмешкам присоединяется князь Владимир: Игорь-де был легкомыслен и безрассуден, что́ в его храбрости! Вот он теперь и дождался черного дня. Что он в плену, нам же лучше! Теперь уж кончено, он не воротится. Теперь я здесь хозяин и князь.

Иностранцы раболепно поют Владимиру славу. Русские князья и бояре также склоняются на его сторону, а между тем женщины со слезами и рыданиями бегут в разные стороны по домам своим с нерадостной вестью. За ними вслед уходят и все остальные.

№ 4. Ярославна остается одна. Она предается горю, отчаянию, безнадежному ужасу; она не знает, к кому обратиться за помощью. Но не столько она горюет о потерянном княжении, сколько по муже. Вдруг... ей приходит на мысль Овлур, и тотчас она велит его привести к себе. Пока за ним ходят, она, мечась в отчаянии по сцене, припоминает себе, что этот пленный, хотя половец, но у него мать русская, что он весь сердцем и душою принадлежит Руси и ей самой и Игорю.— Овлур,— говорит она ему, при виде его,— ты слышал уже, ты слышал все, что случилось? Я больше не княгиня, у меня нет более ни мужа, ни княжения, — я все потеряла. Но бог вложил мне мысль, ты можешь все для меня сделать, ты один можешь спасти меня и Игоря. Хочешь ли ты сделать, что я тебе скажу?—Овлур уверяет ее в своей любви и преданности. Тогда она требует от него, чтобы он шел в стан половецкий — его, как половца, будто бы бежавшего от русских, примут туда с радостью. Он должен притвориться верным половцем, обмануть Кончака и всех окружающих его и должен дойти до Игоря, говорить с ним, рассказать то, что теперь происходит в Путивле — и потом помочь Игорю бежать от половцев назад на родину. Она его умоляет, упрашивает, припоминает все, что Игорь сделал для него. Овлур с радостью соглашается: это его мечта сделать что-нибудь великое, доброе для Руси, Игоря и Ярославны. Они совещаются еще об исполнении этого плана, и Ярославна отдает приказ, чтобы Овлура выпустили из Путивля.

Действие второе

№ 5. Половецкий стан. В ханской палатке, роскошно убранной, сидят молодой князь Владимир Игоревич и княжна Кончаковна. Сцена любви. Владимир говорит княжне, что он готов для нее все оставить, все забыть, и если отец его Игорь не согласится на брак, то он готов перейти в их

веру, сделаться половцем, только бы иметь ее женой и навеки остаться с ней. Заслышав шум и рога, они уходят.

№ 6. Князь Игорь возвращается с ястребиной охоты в сопровождении нескольких своих русских и нескольких половцев, составляющих почетную его стражу. Игорь мрачен и печален, охота и другие забавы не веселят его, тщетно он ищет в них развлечения. Он постоянно упрекает себя в легкомыслии, заносчивости, самонадеянности, через которые он погубил русскую рать и потерял, быть может, навсегда дорогую «хоть» (любезную) свою Ярославну. Свита не может рассеять его мрачных мыслей.

№ 7. Приходит хан Кончак и журит его ласково и дружелюбно за его грусть и тоску. — Чего тебе еще не достает? — спрашивает он, — кажется, я все для тебя сделал. Вот ты, наш враг, пришел на нас с войском, а я тебя не гоню и не мучу, как всех своих пленников. Русь давно, давно уже знает, что такое грозный хан Кончак: города и деревни кровью он залил, с пламенным мечом проходит он всюду по Руси. — И вот совсем он иной с ним одним, Игорем; оставил его на воле, дозволяет быть, где хочет, делать, что хочет. Но отчего? Оттого, что Кончак помнит старую дружбу их. Шесть лет тому назад, когда его отцу, князю Святославу, захотелось вместо престола черниговского сесть на великокняжеский престол киевский, Игорь пришел просить у него, Кончака, помощи, и эту помощь он ему дал: пошел с ордами своими на Киев, прогнал старого князя, посадил на его место Святослава, и с тех пор дружба их не прерывалась до последнего времени. «Помнишь, — говорит Кончак, — как мы с тобою вместе ходили воевать на князя Рюрика Ростиславовича? Помнишь, как нас разбили, взяли в плен двух моих сыновей и убили моего брата Елтута, и мы с тобой, вскочив в лодку, насилу, насилу спаслись от плена Рюрикова? Мы делили вместе радость и печаль, успех и неудачу, и этого я не забываю. Ты храбрый воин, ты нынче, недавно, многих моих положил мертвыми, но такие воины, как ты да я, не должны быть врагами! Я тебя спас от разъяренных половцев после битвы, я поручился за тебя, я сделал для тебя все, что можно было. Развеселись же! Будь бодр и спокоен духом! Чего тебе еще надо? И стоит ли вспоминать об Руси и жене? Пусть будет тебе отечество с нами, избери себе любую между пленницами-красавицами или между половчанками: они, посмотри, не хуже ваших русских женщин,— и мы заживем здесь жизнью веселой и грозной, жизнью могучих воинов! Лев будет ходить рядом с пардусом и всё они будут делить поровну». После этого он уговаривает еще Игоря позволить сыну жениться на его дочери, Кончаковне; это еще более скрепит их дружбу, а молодые люди уже любят друг друга.

Игорь благодарит Кончака, высказывает ему свою любовь и преданность, но он не хочет принять ни одного его предложения и только мечтает о Руси, Путивле и Ярославне. Сына своего тоже ни за что не хочет женить на Кончаковне.

№ 8. Кончак хмурится, сердится, говорит, что и без его позволения обойдутся, и велит, «махнув рукой», войти всему своему двору. Входит весь половецкий двор (также Владимир с невестой); пляска, хор. Готфские девы звенят русским золотом и насмехаются над русскими (теперь можно: хан сердит на Игоря). Игорь горько чувствует эти насмешки и русский позор и становится все беспокойнее и печальнее. Владимир ничего не слышит и не видит кроме княжны. Входит толпа половцев, воротившихся только что из похода. Они рассказывают, как они взяли и разорили Переяславль, как всё там уничтожили огнем и мечом, резали и били младенцев, полонили жен, уводили стада. Вся присутствующая толпа половецкая дико радуется. Кончак весел и счастлив, Игорь становится еще мрачнее и печальнее. Он еще более упрекает себя. Пляска, пение; толпа уходит, в том числе и княжна с Владимиром.

№ 9. Игорь один с сыном и русскими. В своем отчаянии он проклинает жизнь и обращается с мольбой к богу: дать ему умереть, если он уж ничего не может сделать на помощь родине и жене.

В эту минуту из числа почетной половецкой стражи отделяется один человек и расставляет своих товарищей подалее у входа в палатку. Сам же приближается к князю и говорит ему, что он — Овлур. Князь узнает его, сначала не верит его рассказам о Ярославне и Путивле, но, наконец, принужден, однако ж, поверить. Овлур, видя его страшное волнение, считая время удобным, предлагает ему бежать. Игорь отвечает, что никогда не согласится на такое постыдное дело. Но Овлур рассказами о славных русских мужах поднимает его славолюбие и честолюбие, напоминает ему Мстислава Храброго, князя Тьмутараканьского, сына Владимира Святого, как он в единоборстве умертвил косошского хана Редедю и спас тем отчизну. Потом напоминает подвиги деда Романа Святославовича, наконец, отца его Святослава, в боях против половцев. — Русские, окружающие Игоря, тоже приступают и уговаривают его бежать,— и, наконец, он решается и уславливается с Овлуром, как им делать это дело.

№ 10. Край половецкого стана. Палатка с одной стороны, лес с другой. В глубине река. Ночь. Упившиеся кумысом половцы располагаются около палаток и в палатках, играют, веселятся; наконец, мало-помалу, все засыпают. Входит Игорь с сыном Владимиром и старается уговорить его на бегство вместе с собой. Овлур уже там, за рекой, с конем и

А. П. БОРОДИН
1871 (1872?) год, фотография Андерса

М. А. БАЛАКИРЕВ

Снято в Праге 6 февраля 1867 года

русскими пленниками. Через несколько минут раздастся его свисток — значит, все готово и безопасно. Владимир томится мыслью о родине, но страсть его к княжне сильнее говорит в нем, и он не знает, на что решиться. В эту минуту вбегает княжна. Часть намерений Игоря она уже знает, другую она отгадывает. Она со страстью устремляется к Владимиру и не пускает его. Владимир слабо сопротивляется ей, слушая, однако ж, увещания и мольбы отца. Тут раздается за рекой и лесом свист Овлура. Игорь в последний раз обращается к сыну, но Кончаковна страстно сжимает его в своих объятиях, целует и увлекает к ханской палатке. Игорь бежит к лесу, и в ту же минуту поднимается тревога. Кончак со своими половцами яростно выбегает из стана к лесу. Он посылает воинов в погоню, велит им стрелять из лука по направлению беглеца и предается самым свирепым чувствам ярости и отчаяния, когда возвратившиеся воины приходят и говорят, что Игорь ускакал с Овлуром и русскими пленниками.

Действие третье

№ 11. Вершины крепостной башни в Путивле. Раннее утро. Ярославна сидит одна и плачет зегзицей [кукушкой]. [Следует выписка из «Слова о полку Игореве» — плач Ярославны]. Вдруг раздается вдали топот конский. Ярославна радостно вздрагивает. Предчувствие говорит ей, что это Игорь. Топот ближе. Всадники останавливаются под самой башней. Ярославна бежит к краю башни, смотрит вниз, узнает мужа, шепотом переговаривается с ним, и через секунду он забирается на площадку. Сцена радости, обмен прерывистых, быстрых рассказов. Затем следует соображение, как действовать далее, и супруги во всем уславливаются, рассчитывая на тех бояр путивльских, которые остались верными и преданными. Игорь отомстит домашним врагам, а потом пойдет на половцев.

№ 12. Богатая княжья гридница в Путивле. Действие происходит два года спустя. Великолепная свадьба. Игорь и Ярославна женят сына Владимира на Кончаковне. Молодые люди сами приехали от половцев. Тут среди славлений и венчальных песен упоминается, между прочим, что Игорь засадил в тюрьму Владимира Галицкого и разделался со своими вероломными подданными. Окончание хором: «страны, грады, веселитесь, пойте песнь старым князьям, и потом молодым. Пойте славу Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду и Владимиру Игоревичу. Слава князьям и дружине, поборовшим за христиане на поганые полки! Князьям слава и дружине, аминь!».

Сюжет «Слова о полку Игореве» пришелся «ужасно по душе»[1] Бородину, и, желая подготовиться к сочинению оперы на данную тему, он с увлечением стал изучать различные исторические источники, былины и эпические русские песни. Большую помощь в этом оказывал ему В. В. Стасов.

Летом 1869 года этот процесс своеобразной подготовки к сочинению «Игоря» дополнился еще поездкой Бородиных если и не в Путивль, то в местность, расположенную поблизости от него.

Это лето Бородины провели в имении своего старого знакомого князя Н. И. Кудашева — в Алябьеве, Курской губернии — в двадцати верстах от Курска. Их хозяин представлял собою тип безалабернейшего разорившегося помещика. Бородин приехал в Алябьево раньше Екатерины Сергеевны. Пораженный «порядками» в имении, он писал жене, что дом Кудашева помещается на острове, и хозяин его живет там в полном одиночестве. Когда Кудашеву нужен человек, он свистит в свисток и к нему являются на зов из-за реки, — и вообще этот странный человек «живет самым безалаберным манером: все вещи его сбиты в кучу: табак, белье, бумаги, револьвер, туфли, книги, стеариновые огарки, окурки папирос, цветы, объедки всякие и пр., все это — pêle-mêle покоится на столах, стульях, этажерке, постели, камине, на полу и т. д...» Бородины поместились не в этом вместилище беспорядка, а в небольшом флигеле на другом берегу реки, причем часть лета провели в самом Курске, где у Кудашева была квартира; насколько можно судить по воспоминаниям и последующим письмам Александра Порфирьевича, это лето провели они хорошо и спокойно.

В начале августа Бородины уехали в Москву; здесь Александр Порфирьевич виделся с Балакиревым и был в гостях у П. И. Чайковского[2]. Здоровье жены Бородина, однако, оставляло желать лучшего, так как она продолжала страдать припадками астмы, заставившей Екатерину Сергеевну остаться в Москве.

Для возвратившегося в Петербург (6—7 сентября) Александра Порфирьевича сразу началась привычная трудовая жизнь. Читая лекции, занимаясь со студентами, он интенсивно занимался научной работой и приступил к осуществлению своего оперного замысла. В письме к Екатерине Сергеевне от 21 сентября Бородин уже сообщает о сочинении «Сна Ярославны»:

«Несмотря на множество занятий и притом весьма лихорадочных я успел сделать первый нумер 1 акта «Игоря», хотя и не весь еще. Покуда еще никому не показывал его...» Немного позднее он пишет об этой вещи, что он «ублаготворил» ею «музикусов» и что «...сон Ярославны вышел прелестен»[3].

По всей вероятности, это ариозо Ярославны было задумано еще летом и только записано в сентябре 1869 года.

В том же письме Александр Порфирьевич сообщает, что он находится «в пассии лабораторных работ». До Бородина, неизменно дорожившего приоритетом отечественной науки и защищавшего его от посягательств Запада, в то время дошло известие, что немецкий химик Кекуле работает в близкой его исследованиям области: это заставило Александра Порфирьевича торопиться хотя бы частично завершить и опубликовать начатые еще в 1865 году работы по исследованию продуктов уплотнения валерианового альдегида.

Вся эта разнообразная деятельность отнимала массу времени. В одном из писем, относящихся к этому периоду, он пишет, что у него «нынче» самая лихорадочная деятельность и самая разнообразная... Придет суббота — удивляешься «куда это неделя девалась...» В частности: «...удалось... отстоять суммы лабораторные[4]... надобно писать два мемуара для бюллетеня Академии наук, надобно кончать лабораторные работы некоторые; нужно устраивать мою лабораторийку... И за всем надобно свой глаз. Зато помещение — прелесть... Можно будет работать вдвое больше и вдвое скорее».

При всей этой интенсивной научной работе и организационно-учебной деятельности Александр Порфирьевич находил еще время поддерживать общение с членами «Могучей кучки» и живо интересовался начавшейся в том сезоне борьбою М. А. Балакирева с Петербургским отделением Музыкального общества.

Нет надобности особенно пояснять, что все симпатии Бородина в этой борьбе были на стороне Балакирева. В переписке с женой мы находим, например, резкий отзыв Александра Порфирьевича о программе концертов Музыкального общества с некоторыми анекдотическими подробностями об ее составлении[5].

В другом письме к Екатерине Сергеевне он ярко описывает различие в характере посетителей и концертов обоих лагерей:

«Публики было много, — пишет он о концерте Музыкального общества от 1 ноября 1869 года, — и самая бомондная — кавалергарды, пажи, лицеисты, правоведы, весь двор Е[лены] П[авловны], институтки разные, институтрисы, директрисы... и др. ценители музыки... Самый характер концерта напомнил мне салон: итальянское фиоритурное пение, точно Севильский Цирульник; Мароккский Марш, играемый обыкновенно в Павловском воксале; эполеты, сабли, непозволительные декольте и пр. пр...»

Всему этому дворянско-чиновничьему «бомонду» резким контрастом явилась сменившая их в той же зале группа обычных посетителей Бесплатной школы:

«Замечательно, что после этого концерта в той же зале была репетиция концерта Бесплатной школы, несмотря на позднее время. Зала точно волшебством переменила вдруг свой вид: публика в эполетах и декольте исчезла; на эстраде стоял Милий. На передних стульях сидели: я, Корсинька, Бах * и прочие посетители Бесплатной школы. В воздухе, где едва успели замереть звуки Мароккского Марша и фиоритуры Арто — раздались могучие звуки «Лелио» Берлиоза. На другой день был 2-й концерт Бесплатной школы и с большим успехом; хотя зала не была совершенно полна: ни аксельбантов, ни директоров, ни директрис, ни институтрис, ни пажей, ни голых плеч придворных барынь не было. Зато все музыкальное было в полном составе...» [6]

В имеющихся материалах мы не находим никаких конкретных указаний о дальнейшей работе Бородина над «Игорем» и в последние месяцы 1869 года, после сочинения «Сна Ярославны». По-видимому, в данном случае дело ограничилось попытками использования для «Игоря» музыкальных эскизов, сочиненных для «Царской невесты».

В течение всего этого первого полугодия 1869/70 года Бородин надеялся на возвращение жены в Петербург, но плохие климатические условия зимних месяцев в том году и железнодорожное сообщение, затрудненное после крушения на Мсте, сделали ее приезд невозможным.

Во время зимних каникул Александр Порфирьевич сам поехал в Москву повидать жену; там во время нескольких спокойных дней он задумал музыкальную балладу «Море», первоначально названную им «Рыбак»: он наигрывал отрывки из этой новой вещи Н. А. Римскому-Корсакову, приехавшему тогда в Москву вместе с М. А. Балакиревым [7].

Конец зимы и начало весны 1870 года протекли для Бородина в непрерывной и разнообразной работе, в которой музыка, как всегда, играла в отношении уделяемого ей времени незначительную роль.

Бородин энергично продолжал исследовательскую работу по химии; из числа химиков он в это время регулярно поддерживал дружеские отношения с А. М. Бутлеровым.

Близость разрабатываемой Бородиным темы об уплотнении валерианового альдегида к работам Кекуле вызвала со стороны последнего упрек по адресу Александра Порфирьевича в заимствовании этой темы. Получив об этом известие, Бородин был сильно возмущен:

«Кекуле (в Бонне), — писал он жене 9 марта 1870 года,— упрекает меня в том, что я работу с валериановым альдегидом (которую делаю теперь) заимствовал от него (т. е. не самую работу с фактической стороны, а идею работы). Это

* Прозвище В. В. Стасова.

он напечат[ал] в Berichte Берлинского химич. общества. Такая выходка вынудила меня сделать тут же заявление об открытых мною фактах и показать, что я этими вопросам[и] занимаюсь уже с 1865 года, а Кекуле наткнулся на них только в августе прошлого года. Вот она честность-то немецкая! Хотя наше Химич. общество и знало все это, но я счел нужным заявить для того, чтобы это потом сообщено было, заведенным порядком, в Берлинское общество»[8].

Сначала Бородин, кроме данного заявления в заседании Химического общества, хотел еще написать против Кекуле полемическую статью, но вскоре раздумал.

«С Кекуле я порешил — не отвечать, — писал он Екатерине Сергеевне 20—21 марта, — а просто продолжать работу, а то он подумает, что я в сам[ом] деле испугался его заявления. Когда же работа будет окончена, я сделаю вскользь заметку и о Кекуле, мимоходом, что гораздо более с тактом»[9].

Кроме возникшей по собственной инициативе исследовательской работы, Бородину пришлось в то время еще возиться с выполнением химических анализов почв и горных пород для геолога-любителя герцога Н. М. Лейхтенбергского; эта работа была поручена Александру Порфирьевичу по желанию Н. Н. Зинина. В связи с этим невольным общением с «высокопоставленным» лицом любопытно отметить хорошо рисующее отношение Бородина ко всяким различиям рангов его шутливое замечание. Он сообщает Екатерине Сергеевне в следующей форме об изменившемся к нему отношении начальника Академии Козлова и вообще академического начальства: «Козлов,— пишет он,— и другие относятся ко мне как будто почтительнее немного, точно я издаю от себя запах великого князя*, остающийся во мне вследствие посещений высокого гостя»[10].

Уже в это время начались некоторые недоразумения между Бородиным и его музыкальными друзьями, возмущавшимися его малой музыкальной продуктивностью. В письме от 9 марта 1870 года Александр Порфирьевич отмечает, например: «наши музыканты меня все ругают, что я не занимаюсь д е л о м, и что не брошу г л у п о с т е й, т. е. лабораторных занятий и пр.».

Балакирев добился, в результате многократных напоминаний и взятого с Бородина «честного слова», отсылки в Москву в издательство Юргенсона трех окончательно отредактированных автором романсов: «Спящей княжны», «Фальшивой ноты» и «Отравой полны мои песни»: эта отсылка состоялась в феврале месяце, и романсы вышли в

---

* То есть герцога Н. М. Лейхтенбергского.

свет около конца марта*. По-видимому, Бородин обещал Балакиреву послать в печать не только эти три вещи, а и другие свои песни: это нарушение обещания вызвало обвинения в недостаточном внимании к музыке и пр.

В том же феврале месяце Бородин закончил свою балладу «Море», написанную на собственные слова. Как передает В. В. Стасов, Александр Порфирьевич сочинил первоначально для этой баллады не тот текст, который помещен в печатном издании. По рассказу В. В. Стасова, этот отброшенный по цензурным условиям текст: «рисовал молодого изгнанника, невольно покинувшего отечество по причинам политическим, возвращающегося домой — и трагически гибнущего среди самых страстных, горячих ожиданий своих, во время бури, в виду берегов своего отечества»[11].

«Море» встретило у музыкальных друзей Бородина восторженный прием. «Произведение это ценит[ся] «строгими ценителями» крайне высоко, — писал жене Александр Порфирьевич.— Многие, в том числе и Балакирев, считают его выше «Княжны» — а это очень много. В самом деле, вещь вышла хорошая: много увлечения, огня, блеску, мелодичности, и все в ней очень «верно сказано» в музыкальном отношении. А я, признаюсь, боялся за эту штуку; все думал, что выйдет коряво, неловко и пр. Вышел эффект совершенно неожиданный...» Такое удовлетворение, испытанное как самим автором, так и его друзьями от новой песни Александра Порфирьевича, имело последствием ее скорое появление в печати: она вышла в свет в октябре 1870 года**.

Одновременно с этим проявлением музыкальной активности Бородин опечалил своих друзей, а более всех—В. В. Стасова, категорическим отказом своим от мысли о сочинении «Игоря».

Для этого решения у Александра Порфирьевича было несколько побудительных причин.

С одной стороны, на Бородина, по свидетельству В. В. Стасова, действовало отрицательное отношение к сюжету «Игоря» Екатерины Сергеевны, находившей, что следует для опер брать «сюжеты современные, драмы из нынешней жизни»[12].

С другой стороны, сам Бородин опасался, что «сюжет «Игоря», как ни благодарен для музыки, вряд ли может понравиться публике. Драматизма тут мало, движения сценического почти никакого...»

Опасаясь, что ему не удастся «сделать либретто, удовлетворяющее и музыкальным и сценическим требованиям», он

---

* На экземпляре первого издания романса «Отравой полны мои песни» пометка: «Дозволено цензурой 17 марта 1870 года».

** На экземпляре «Моря» в первом издании имеется пометка: «Дозволено цензурою 12 октября 1870 года».

одновременно указывал, что ему «опера (не драматическая в строгом смысле) кажется вещью неестественной...»

Таким образом, у Александра Порфирьевича в то время не существовало еще приемлемой для него концепции эпической оперы.

Наконец, попытки приспособления для «Игоря» старых материалов и сочинение «Сна Ярославны» не привели к созданию основных тем и лейтмотивов, которые могли бы своей убедительностью бороться против рефлексии и расхолаживающих разговоров окружающих. Естественно, при таких условиях, что Бородин вновь обратился к симфоническому творчеству — сочинению h-moll'ной симфонии: работа над нею вскоре примирила с Бородиным недовольных «музикусов»...

В ближайшее же время после сочинения «Моря» многое отвлекало Бородина от музыки.

По характеру его личности и положения ему приходилось в свободное от работы время посещать кое-кого из друзей, бывать в концертах, на заседаниях ученых обществ. Кроме того, в описываемое время — в конце зимы и весной 1870 года — он еще посещал иногда недавно приобретенных им знакомых — семью художника К. Е. Маковского; жена К. Е., также художница — Е. Т. Маковская — писала в то время с Бородина портрет *.

В апреле месяце, во время весенних каникул, Бородин ненадолго ездил в Москву; во время этой поездки им была сочинена значительная часть первого Allegro h-moll'ной симфонии.

Эту новую вещь Бородина прежде всех других его музыкальных друзей узнал Н. А. Римский-Корсаков.

Бородин рассказывает по этому поводу, что, будучи у Николая Андреевича в гостях, он «ему наигрывал новую симфоническую вещь» и что «Корсец неистовствовал и говорил, что это самая сильная и лучшая» из его вещей.

Узнав об этом новом сочинении Александра Порфирьевича и еще не слыхав его лично, М. А. Балакирев перестал обижаться на музыкальную бездеятельность своего ученика.

Бородин описывает в комической форме сцену встречи с Балакиревым, в которой проявилось это радостное настроение последнего:

«Милий** уморителен! — рассказывает он. — Я тебе писал, что он давно дуется на меня и явно сух, сердит и порой придирчив ко мне. Прихожу к Людме*** — Милия узнать нельзя: раскис, разнежился, глядит на меня любовными гла-

---

* Ныне находится в Государственном центральном музее музыкальной культуры имени М. И. Глинки в Москве.

** М. А. Балакирев.

*** То есть к Людмиле Ивановне Шестаковой, сестре М. И. Глинки.

замами и, наконец, не зная, чем выразить мне свою любовь, осторожно взял меня двумя пальцами за нос и поцеловал крепко в щеку. Я невольно расхохотался! Ты, разумеется, угадала причину такой перемены. Корсинька рассказал ему, что я пишу симфоническую штуку и наигрывал ему кое-что из нее...» [13]

Бородин в 1870 году уехал из Петербурга в конце мая. Лето этого года Бородины провели в подмосковной деревне Давыдково, расположенной в шести-семи километрах от Москвы по Можайской дороге. Это лето для Бородина не было особенно продуктивным в музыкальном отношении. Екатерина Сергеевна, вообще очень мнительная, все время боялась свирепствовавшей в Москве холеры, и это ее настроение действовало угнетающе на Александра Порфирьевича. Рояль у Бородина в то лето [14] имелся [15].

Возвратившись в Петербург около половины сентября, Александр Порфирьевич на этот раз поселился у своего старого друга профессора И. М. Сорокина, жившего на Фурштадтской * улице «близ площади Кузьмы и Демьяна в доме Кононова»: жить в своей квартире ему казалось слишком тоскливо, так как Екатерина Сергеевна опять осталась в Москве — на этот раз для прохождения курса лечения астмы сжатым воздухом.

Бородин в ту осень очень беспокоился за здоровье Екатерины Сергеевны и боялся, что на ее здоровье и настроение вредно повлияет обстановка жизни у ее родственников Ступишиных.

«Мне кажется, немаловажную роль относительно расстройства нервной системы, — писал он, — играет и вся эта московская обстановка и среда — душная, гнетущая своими тяжелыми картинами, своей роковой безысходностью... Не может это не отзываться на субъекте таком впечатлительном, как ты, когда я — во всяком случае, менее восприимчивый к московским влияниям — подчас задыхаюсь в этой атмосфере...» Попутно Бородин резко подчеркивает чуждость ему среды, в которой выросла Екатерина Сергеевна: «...кроме этой стороны несчастий и страданий на меня болезненно действовала вся эта буржуазно-чиновничья обстановка, весь склад мыслей и жизни, весь антураж, которым обставлены Алексей ** и пр. Вся эта масса предрассудков, местных болячек, выработанных московской распущенностью, суеверием и пр., на меня действует всегда убийственно угнетающим образом. Ты этого может быть в десятую долю так не чувствуешь — ты выросла в этой атмосфере всю жизнь твою приучалась

---

* Ныне — ул. Петра Лаврова.

** А. С. Протопопов, брат Е. С. Бородиной.

ко всему этому... Но все же сумма всего этого отзывается и на тебе невольно, бессознательно...»

Желая вырвать Екатерину Сергеевну из этой среды, Александр Порфирьевич хотел ее поселить в Царском селе, но этот план остался, по разным причинам, невыполненным.

Осень у Бородина прошла в различных хлопотах по Академии; работал он мало, отчасти от неналаженности внешних условий жизни — житья в гостях, отчасти из-за болезни глаз.

Со своими музыкальными друзьями Бородин встречался тогда довольно часто и продолжал живо реагировать на все перипетии жизни кружка и его отдельных членов.

С горячим сочувствием Балакиреву писал он жене о неудаче нижегородского балакиревского концерта, о невозможности для М. А. Балакирева организовать в данном сезоне концерты Бесплатной школы.

С *большой радостью сообщал он о состоявшемся под* управлением Балакирева 14 ноября 1870 года концерте в пользу фонда для сооружения памятника Глинке.

Наконец, 19 ноября, «пользуясь не почтовым способом доставки письма»*, Бородин весьма язвительно высмеял великую княгиню Елену Павловну; подробно описав скандал, поднятый этой «августейшей» особой по поводу одного критического фельетона Ц. А. Кюи о Музыкальном обществе, он заключил это описание вопросом «И как старухе-то** не стыдно. Ведь сама себя ставит в дуры...»[16]

В конце ноября выяснилось, что Екатерина Сергеевна решила возвратиться в Петербург: в течение конца ноября и начала декабря Александр Порфирьевич, сильно обрадованный возвращением жены после почти полуторагодичного отсутствия, усиленно хлопотал о благоустройстве своей квартиры. Одновременно ему пришлось возиться с академическими делами в связи с изготовлением всякого рода отчетов к концу года.

«Вследствие всего этого я почти нигде не бываю, — писал он 16 декабря 1870 года.— У Людмилы Ивановны пропустил два понедельника и, наконец, получил от нее приглашение на прошлый понедельник, в сопровождении целого легиона жалких слов и упреков в том, что я забыл милую старушку»[17].

Наконец, после всевозможных неурядиц, отнявших много времени у Александра Порфирьевича, все было приготовлено к приезду Екатерины Сергеевны, и во второй половине декабря она возвратилась в Петербург вместе с воспитанницей Лизой, взятой к себе Бородиным еще в 1868 году, но жившей тогда с Екатериной Сергеевной в Москве[18].

За зиму 1870/71 и, надо полагать, не позднее весны 1871

---

* То есть доставкой с верным человеком, а не по почте, во избежание перлюстрации.

** Елене Павловне.

года Бородиным был сочинен романс «Из слез моих» на слова Гейне, посвященный М. С. Ступишиной [19].

Тою же весной им была закончена (в фортепьянном изложении) первая часть (Allegro) симфонии h-moll, импровизированная годом ранее. По-видимому, у композитора в то время имелись уже наброски Скерцо и Andante той же симфонии [20].

Лето 1871 года Бородины опять проводили в Давыдкове. Сначала Александр Порфирьевич имел намерение поехать с женою в Киев на съезд естествоиспытателей, но эта поездка не состоялась, вероятно, из-за недомоганий Екатерины Сергеевны [21]. Плодом летнего досуга в тот год оказалась оркестровка первой части h-moll'ной симфонии.

Осенью Александр Порфирьевич опять оставил жену в Москве лечиться от астмы, а сам 13—14 сентября возвратился в Петербург с воспитанницей Лизой.

По приезде Бородин застал большие перемены во взаимоотношениях между М. А. Балакиревым и другими членами их музыкального кружка: некоторые известия об этих переменах, связанных с глубоким душевным кризисом Балакирева, были уже сообщены Бородину минувшим летом его петербургскими корреспондентами [22].

Одновременно с печальным сообщением о Балакиреве Бородин получил другое важное известие: на должность профессора Петербургской консерватории был приглашен член балакиревского кружка Н. А. Римский-Корсаков.

В письмах к жене Александр Порфирьевич высказывал со свойственной ему объективностью и доброжелательностью свое отношение к обоим важным фактам из жизни «кучки» [23], члены которой продолжали поддерживать между собой дружеские отношения. Часто посещая друг друга, они знакомились с сочиненными за лето новыми произведениями каждого из них. В частности, из писем Александра Порфирьевича того времени мы узнаем об исполнении на собраниях кружка «Псковитянки» и «Бориса Годунова», о сочувственном отношении друзей к показанной им Бородиным партитуре первой части h-moll'ной симфонии...

Окунувшись в эту дружественную музыкальную атмосферу и отдохнув за лето, Александр Порфирьевич почувствовал прилив творческих сил: в конце сентября 1871 года им была сочинена значительная часть финала симфонии h-moll. В письме к жене от 4 октября он писал:

«У меня были Модя, Корся и Н. Лодыженский, которые все с ума сходят от финала моей симфонии; у меня только не готов там самый хвостик. Зато средняя часть — вышла бесподобная. Я сам очень доволен ею; сильная, могучая, бойкая и эффектная» [24].

Конец этого финала был сочинен в октябре месяце того

же года, так как в письме к Екатерине Сергеевне от 24—25 октября 1871 года Бородин рассказывал о визите к нему Ц. А. Кюи, пришедшего прослушать «конец финала».

Стремясь как-либо смягчить разрыв между Балакиревым и его друзьями, Бородин воспользовался подвернувшимся деловым поводом, чтобы навестить Милия Алексеевича. Мы приведем полностью отчет, данный Александром Порфирьевичем Екатерине Сергеевне об этом свидании с Балакиревым; этот рассказ представляет большой интерес в том отношении, что из него совершенно ясна творческая зрелость Бородина в описываемое время и критическое его отношение к балакиревским советам:

«...в Пятницу * я был у Балакирева,— сообщал Бородин.— Он велит тебе кланяться, был мне ужасно рад, интересовался симфонией и по обыкновению начал сейчас меня просить переделать и переменить разные штуки, и как всегда — говорил мне как раз диаметрально противоположное тому, что говорил весною (напр. когда я прежде хотел дать 2-ю тему 2-й раз в G-dur и всю целиком, он возражал ужасно и все убеждал меня дать только частью и непременно в Es-dur; теперь, когда я ему сыграл этот кусочек, он стал говорить, зачем я так сделал, отчего бы мне не повторить «всю тему целиком и притом не в Es-dur, который совсем тут нейдет, а напр. в G-dur!», т. е. как раз то, что я ему говорил весною. Чудак!). Я собственно ходил выручать партитуру 1-й симфонии, которую он мне ни за что не хотел возвратить в прошлом году, уклоняясь под разными предлогами. А между тем Надежда Пургольд все пристает ко мне; ей хочется сделать фортепьянный аранжемент этой вещи. Балакирев же ни за что этого не хочет, говорит, что он сам это сделает. Разумеется этого никогда не будет. Оказалось, что он держал мою партитуру все ради различных соображений своих о переделке, пересочинении, переоркестровке и пр. различных мест симфонии.

И тут курьез: партитура вся испещрена замечаниями, вроде: «дать кларнетам», или: «виолончелям», «удвоить» и пр., что же оказывается: у меня эти самые места первоначально и даны были именно этим инструментам, но потом, по настоянию Милия, переменены, напр. кларнеты на фаготы, виолончели на альты; дублировка уничтожена и пр. Это курьезно! ведь как нарочно он теперь советует буквально то, против чего он прежде восставал. Насилу отдал мне партитуру и то потому только, что я обещал сообразить все его поправки...» [25]

Помимо этих музыкальных впечатлений и дел, жизнь Александра Порфирьевича до приезда Екатерины Сергеевны,

* 15 октября 1871 года.

то есть до половины ноября, была занята хлопотами по Академии, переустройством некоторых частей своей квартиры, переделками в лаборатории, хлопотами о помещении своей приемной дочери Лизы в школу и т. п.

В эту осень в лаборатории Бородина работали две интересовавшиеся химией женщины — Данненберг [?] и А. Н. Луканина: вскоре эта небольшая помощь Александра Порфирьевича ищущим высшего образования женщинам должна была разрастись в его большое общественное дело — его участие в организации и работе женских медицинских курсов.

После приезда Екатерины Сергеевны у нее и некоторых ее знакомых возникла мысль об организации закрытых танцевальных вечеров. Первый такой вечер «в складчину», устроенный Бородиными в компании с Доброславиным и некоторыми другими профессорами Медико-хирургической академии, состоялся 6 января 1872 года [26]. Этот вечер, равно как и другие, последовавшие за ним, происходил в расположенной рядом с квартирой Бородина фармакологической аудитории; большая часть участников являлась на вечера закостюмированными. В частности, Александр Порфирьевич наряжался то «царем Менелаем», как этот персонаж изображается в «Прекрасной Елене», то китайцем и т. п.

К началу 1872 года относится участие Бородина в одном коллективном музыкальном предприятии — в сочинении музыки к опере-феерии «Млада» на сюжет из жизни западных (полабских) славян, сочиненный тогдашним директором императорских театров С. А. Гедеоновым; либретто этой оперы было написано В. А. Крыловым. В. В. Стасов в то время часто встречался с Гедеоновым по различным поводам; через Стасова Гедеонов и передал четырем членам «Могучей кучки» — А. П. Бородину, Ц. А. Кюи, М. П. Мусоргскому и Н. А. Римскому-Корсакову — предложение написать музыку к «Младе», за исключением балетных номеров *. Вопреки ожиданиям В. В. Стасова, названные композиторы с удовольствием приняли предложение Гедеонова [27].

По рассказу Н. А. Римского-Корсакова, работа над «Младой» была распределена между ее участниками сообразно со склонностями каждого из них.

«1-е действие, как наиболее драматическое, было поручено наиболее драматическому композитору — Кюи; 4-е, смесь драматического и стихийного — Бородину; 2-е и 3-е действия были распределены между мною и Мусоргским, причем некоторые части 2-го действия (бытовые хоры) достались мне, а в 3-ем действии мне была предоставлена первая его половина: полет теней и явление Млады, а Мусоргский взял на себя вторую половину — явление Чернобога, в которую он наме-

* Музыку к балетным номерам должен был писать Минкус.

ревался пристроить оставшуюся не у дел «Ночь на Лысой горе» [28].

Бородин с увлечением взялся за выполнение порученной ему задачи, вполне отвечавшей его стремлениям в области музыкального эпоса и музыкальной фантастики. Ознакомившись с сочинениями по истории балтийских славян, Александр Порфирьевич в весьма короткое время сочинил чудесную, вдохновенную музыку ко всему четвертому акту «Млады» [29].

Его работа над «Младой» происходила в марте и в апреле 1872 года.

Первым номером для этой оперы, созданным Бородиным, был, по-видимому, «Идоложертвенный хор Радегасту», родственный по теме одному месту финала второй симфонии (meno mosso) и одному из мотивов Пролога в «Игоре» (см. примечание 29). На подаренном В. В. Стасову автографе, содержащем некоторую часть этого хора, стоит дата: «5 марта 72 года». За этим хором последовали другие номера: так, дуэты Яромира с верховным жрецом и с Войславой уже существовали в конце марта; второй из этих дуэтов помечен 12 марта. Замечательная сцена «Явление теней» сочинена в конце марта, тогда же сделано и «Обращение Войславы к Морене». В окончательном виде оба последних номера, а равно и конец четвертого акта — «Разлив, буря, гибель храма, явление Млады и Апофеоз» — записаны 14 апреля.

Создание Бородиным музыки к «Младе» сопровождалось у него большим творческим подъемом. Как рассказывает В. В. Стасов:

«В это время... я очень часто виделся с ним и часто заставал его, утром, у его высокой конторки, в минуту творчества, с вдохновенным, пылающим лицом, с горящими, как огонь, глазами и с изменившейся физиономией. Особенно помню одно время: у него было легкое нездоровье, он недели с две оставался дома и почти все время не отходил от фортепьяно. В эти дни он сочинил всего более, все самое капитальное и изумительное, для Млады, и когда я приходил к нему, он тотчас же с необыкновенным увлечением и огнем играл мне и пел все вновь сочиненное...» [30]

При сочинении четвертого акта «Млады» Бородин стремился с большой точностью следовать указаниям сценария относительно времени, отведенного для каждого номера: над нотным автографом каждого из них им точно (до $^1/_2$ мин.) указана длительность *.

Как известно, гедеоновской «Младе» не суждено было получить сценического воплощения; всего вероятнее, дирекция театров отказалась от мысли об этой постановке из-за недо-

* Такой же «хронометраж» производился Александром Порфирьевичем и для «Игоря».

статка денежных средств. После выяснившейся неудачи всей затеи с «Младой» Бородин, по свидетельству В. В. Стасова [31], возвратился к работе над h-moll'ной симфонией, значительная часть которой существовала лишь в виде импровизации и из коей только первая часть была оркестрована.

Лето 1872 года Бородины провели за границей. Как указано в хранившейся в архиве Бородина отрывочной записке Екатерины Сергеевны, Бородины выехали из Петербурга 17 июня и проехали через Кенигсберг в Берлин. Оттуда они отправились в Иену (где останавливались в отеле «Adler») и затем пробыли несколько дней в Дрездене. Наконец, в ту же поездку Бородины жили некоторое время в австрийском курорте Глейхенберг, где Екатерина Сергеевна перенесла тяжелое воспаление бронхов [32].

Судя по относящемуся, по-видимому, именно к этому времени рекомендательному письму секретаря Берлинского химического общества Вихельхауза, который обращался с просьбой к владельцу одной из германских фабрик — С. Мартинсу — разрешить петербургскому профессору Бородину осмотреть его предприятие, Александр Порфирьевич интересовался в это время состоянием зарубежной химической промышленности.

Из-за границы Бородины приехали 27 августа в Москву и, прогостив там около трех недель, возвратились вместе в Петербург 15 сентября [33].

С осени 1872 года к разнообразной деятельности, заполнявшей жизнь Александра Порфирьевича, прибавилось новое дело: в эту осень были учреждены под скромным названием «курс ученых акушерок» первые высшие женские медицинские курсы в России; эти курсы сначала помещались в здании Медико-хирургической академии. Бородин с самого открытия этих курсов состоял на них профессором химии, принимая интенсивное участие в их организации и оборудовании, а равно и организации помощи недостаточным слушательницам [34].

Исследовательская работа в области органической химии продолжала вестись Бородиным довольно интенсивно: в описываемом 1872 году им было напечатано три статьи в «Журнале химического общества»; кроме того, под руководством Бородина была выполнена научная работа его ученицей А. Н. Луканиной, помещенная в «Bulletin de l'Academie des Sciences de St. Petersbourg».

Дружеские связи Бородина с членами балакиревского кружка поддерживались по-прежнему. В частности, Александр Порфирьевич делал несколько раз попытки зазвать к себе М. А. Балакирева, почти совсем устранившегося к этому времени от общения с музыкальным миром. Попытки эти не имели успеха, но Милий Алексеевич даже в это время про-

должал дружески относиться к Бородину. Между прочим, он переслал Александру Порфирьевичу в начале января 1873 года 4 дополнительных стихотворных куплета к романсу «Фальшивая нота», доставленных с Кавказа от неизвестного автора через посредство певицы Л. И. Кармалиной. Стихи эти — более чем банальные — не были, конечно, использованы Бородиным при переиздании романса в 1885 году: они сохранились в его архиве.

В начале 1873 года состоялись две важные в истории «Могучей кучки» театральные постановки: 1 января шла первый раз «Псковитянка», а 5 февраля — 3 сцены из «Бориса Годунова»: оба эти представления прошли с большим успехом. Бородин присутствовал на обеих премьерах [35].

К весне 1873 года h-moll'ная симфония если и не была еще оркестрована, то во всяком случае, по-видимому, уже существовала в виде законченного фортепьянного наброска: такое заключение можно вывести, помимо различных косвенных соображений, из фразы, содержащейся в письме В. В. Стасова к его племяннице:

«Вчера * ночью мы опять слышали львиную симфонию силача Бородина» [36].

Если бы симфония исполнялась не целиком, то В. В. Стасов, наверное, упомянул бы об этом; тем самым данная цитата заставляет предполагать, что симфония тогда уже существовала как законченное целое.

В ту же весну Бородиным были сданы в печать — в издательство В. В. Бесселя — песни: «Из слез моих», «Морская царевна» и «Песня темного леса» (иначе называвшаяся «Старой песней») [37].

По словам А. П. Дианина, при прохождении через цензуру с «Песней темного леса» вышло затруднение: цензор нашел ее «крамольной» и не пропустил. Тогда была проделана, при помощи Н. А. Римского-Корсакова, следующая операция. Римский-Корсаков вложил «Песню темного леса» между двумя своими романсами весьма аполитического характера; цензор, привыкший пропускать корсаковские романсы, не читая, поступил так же и в данном случае и, не читая, подписал к печати и «Песню темного леса». (На экземплярах первого издания всех трех песен Бородина стоит одна и та же цензурная пометка: «Дозв. Цензурою С.П.б. 13 Июня 1873 года»).

Начало лета 1873 года Бородины провели на окраине Москвы, в Сокольниках, на даче у брата Екатерины Сергеевны — Алексея Сергеевича Протопопова. В половине июля Александр Порфирьевич был вызван телеграммой в Петербург ввиду тяжелой болезни его матери, пораженной апо-

* 20 мая 1873 года.

плексическим ударом. В течение шести дней Бородин дежурил у постели больной. Она умерла 23 июля. Хотя в письме к Екатерине Сергеевне (от 18 июля) нет никаких определенных указаний на душевные переживания Александра Порфирьевича и даже есть сообщение о поездке к Римским-Корсаковым в Парголово в период временного улучшения в состоянии больной[38], все же, по-видимому, смерть матери отозвалась на нем тяжело. В качестве указания на отношение Александра Порфирьевича к этому событию в его жизни интересна сохранившаяся в его бумагах записка, в которой он тщательно описал всю историю последней болезни матери, все употреблявшиеся лекарства, все обстоятельства последней ночи агонии и, наконец, час и минуту смерти. Эта записка написана нервным, искаженным почерком и содержит целый ряд описок и орфографических ошибок.

Вскоре после похорон матери Александр Порфирьевич отправился в Казань в качестве представителя от Медико-хирургической академии на съезде естествоиспытателей и врачей. В Казань он приехал значительно ранее дня открытия съезда[39], а поэтому решил провести неожиданно оказавшиеся свободными дни в Самаре у брата жены Сергея Сергеевича Протопопова. Отдохнув в Самаре, Бородин возвратился к 20 августа в Казань и принял деятельное участие в работах съезда естествоиспытателей, будучи избран в члены Распорядительного комитета съезда. Во время своего пребывания в Казани Бородин жил у профессора химии А. М. Зайцева, в одной комнате с Д. И. Менделеевым.

Вообще Александр Порфирьевич встретил на казанском съезде очень хороший прием:

«...меня окружают,— писал он,— невообразимым вниманием, всюду я встречаю радушнейший прием, на каждом шагу отмечают самыми лестными знаками почета и уважения»[40].

Бородин пробыл в Казани до конца заседаний съезда; это время было для него, как он писал сам, счастливым и полезным. Александр Порфирьевич не только активно участвовал в работах химической секции, где сделал семь сообщений о работах своей лаборатории[41] и председательствовал на одном заседании, но и выступал с публичными речами на торжественных обедах: одна из этих речей была посвящена высшему женскому образованию, другая касалась вопроса об учреждении в Казани магнитной обсерватории[42].

Ему довелось также побывать на музыкальных вечерах:

«Вечером сегодня,— писал он 24 августа 1873 года,— я приглашен на музыкальный вечер, где специально интересуются мной как музыкантом».

В последнем письме из Казани Бородин, между прочим, писал:

В. В. СТАСОВ

С портрета, сделанного в начале 70-х годов

Н. А. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ
С рисунка И. Е. Репина, сделанного в 1870 году

«Теперь о себе: я нашел здесь поклонников себе по всем частям, даже по музыке. Мне устроили два музыкальных вечера — квартетных, по содержанию, разумеется, не важных, но и не дурных. Есть даже поклонник нашего кружка, который знает все наши произведения включительно до последней оперы Мусоргского, еще мне даже не вполне известной... Сегодня для членов съезда концерт в Дворянском Собрании: септуор Гуммеля, концерт Шопена и др.» [43]

Александр Порфирьевич покинул Казань 30 августа и отправился в Москву, где пробыл с Екатериной Сергеевной около двух недель: в Петербург он возвратился 15 сентября [44] и сразу окунулся в работу в Академии; у себя в квартире он нашел обычную для этого периода его жизни неурядицу. Об этом беспорядке он писал жене 16 сентября в следующих выражениях:

«Дома у нас я нашел все в порядке, т. е. в том же беспорядке: пыль, блохи, столы пусты, все попрятано и посовано там, где было. Катерина Егоровна * рассыпается мелким бесом...»

Сейчас же после приезда Александра Порфирьевича к нему стали ходить «все народы», то есть всякого рода люди по делу и без дела.

Из-за этой занятости и суеты Бородин довольно долго не мог собраться получить авторские экземпляры своих трех романсов, вышедших в свет в издании Бесселя.

В первую половину осени 1873 года в жизни Бородина музыкальные интересы были, по-видимому, отодвинуты на второй план. В этом отношении можно лишь отметить частые беседы Александра Порфирьевича с Н. А. Римским-Корсаковым по вопросам оркестровки и, в частности, об употреблении в оркестре хроматических медных инструментов. Оба композитора в это время хорошо ознакомились практически с этими инструментами и восхищались открывшейся перед ними перспективой более свободного пользования оркестровой медью. Как рассказывает Н. А. Римский-Корсаков, в результате этих бесед они с Бородиным несколько переоценили возможности медной группы, что привело к излишней грузности в осуществлявшейся тогда оркестровке h-moll'ной симфонии [45].

В первой половине октября 1873 года Александр Порфирьевич заболел (у него были фурункулы на ноге); почти месяц — до 20-х чисел ноября — ему нельзя было выходить из дому. В это время он, между прочим, занимался перепиской нот; по всей вероятности, он переписывал тогда набело готовые части партитуры второй симфонии. По поводу этой работы он писал 22 октября Екатерине Сергеевне:

* Бывшая экономка «тетушки» Е. Е. Бельцман (см. о ней Письма А. П. Бородина, вып. I, прим. 33 к п. 2).

«Эти два дня и прошлое воскресенье, когда у меня Лизутка — я писал ноты, а она читала мне вслух... Я впрочем очень доволен, что есть лектриса и пишу [под ее чтение] очень усердно» [46].

Продолжались во время этой болезни и занятия по изучению оркестровых инструментов:

«Во время «avec le pied» * меня все одолевают посетители, навещающие больного: то Сорокин, то Соколов, Решетин, Зинин, Кюи, то Стасов, даже Щербачев, Корсаков, который для развлечения приносит один инструмент за другим — то флюгельгорн из военного оркестра, то фагот, то кларнет какой-нибудь особенный. На этих инструментах я услаждаю себя, но отнюдь не слушателей» [47].

В конце октября — 28 числа — Бородин присоединил свою подпись к посланной балакиревским кружком поздравительной телеграмме Францу Листу по случаю 50-летнего юбилея его музыкальной деятельности. В известном ответе Листа имеется указание на знакомство с музыкой балакиревцев и на его желание содействовать распространению этой музыки в Западной Европе. Тем самым было положено начало того тесного общения между Листом и «новой русской музыкальной школой», которое должно было впоследствии образоваться при активном участии Бородина.

Около половины ноября возвратилась в Петербург Екатерина Сергеевна; с ее приездом жизнь Бородиных вскоре приняла тот своеобразный характер, который она имела в эти годы. Екатерина Сергеевна ложилась спать обычно около 3—4 часов утра; до этого часа она не давала спать и близким себе людям, в частности — Александру Порфирьевичу. Вставала она обычно поздно — около 3—4 часов дня. Результатом такого образа жизни для Бородина была невозможность нормального и достаточного по времени сна. Одновременно этот распорядок жизни вносил безалаберность и в другие дела: у Бородиных обед нередко подавался в 12 часов ночи. Вредные влияния такого образа жизни, накапливаясь из года в год, сделались одной из причин разрушения здоровья Александра Порфирьевича и, несомненно, ускорили появление сведшей его в могилу сердечной болезни.

Зима 1873/74 года не была плодотворной в музыкальном отношении для Бородина: кроме продолжения оркестровки второй симфонии, он, кажется, не занимался в это время музыкальным творчеством [48].

Бородин продолжал поддерживать оживленное общение с членами балакиревского кружка. В конце ноября круг его музыкальных друзей расширился знакомством с певицей

---

* В то время, когда Александр Порфирьевич принужден возиться «со своей [больной] ногой».

Л. И. Кармалиной, побывавшей у Бородиных перед отъездом из Петербурга и произведшей на них своим пением сильное впечатление.

В качестве событий из жизни музыкальных друзей Бородина в ту зиму следует отметить постановку всего «Бориса Годунова» на Мариинской оперной сцене; Бородин присутствовал на первых представлениях «Бориса» и горячо радовался успеху, выпавшему на долю дорогого и близкого ему М. П. Мусоргского [49].

В мае месяце 1874 года состоялась встреча членов балакиревского кружка, в частности Бородина, с И. С. Тургеневым. Как об этом рассказал В. В. Стасов [50], Тургенев сговорился встретиться с «кучкистами» у самого Стасова и одновременно послушать в тот же вечер игру А. Г. Рубинштейна, и ранее уже соглашавшегося играть для Стасова и его друзей. В тот вечер у Стасова собрались все члены «кучки», кроме не бывавшего в те годы почти нигде М. А. Балакирева. Тургенев приехал несколько ранее Рубинштейна. С приездом последнего, по его желанию, сразу же началась музыка. Рубинштейн исполнил C-dur'ную сонату Бетховена, несколько пьес Шопена, «Вариации» и «Карнавал» Шумана; его замечательное исполнение, по обыкновению, очень сильно подействовало на слушателей. После небольшого перерыва, во время коего Рубинштейн уехал, должна была состояться вторая часть вечера, посвященная исполнению вещей членов балакиревского кружка. Однако это исполнение не состоялось, так как в самом начале «второго отделения» этого импровизированного концерта с Тургеневым сделался жестокий припадок подагры; Бородин, в качестве единственного находившегося налицо врача, оказал больному первую помощь. Состояние Тургенева было настолько серьезным, что ему пришлось уехать домой *.

Так Тургеневу и не пришлось слышать музыку балакиревцев в их собственном исполнении.

Лето 1874 года Бородины провели в очень глухом уголке Владимирской губернии. Пригласила их туда слушательница Врачебных курсов М. А. Миропольская, устроившая их в имении своих знакомых — Куломзиных — в сельце Рожнове (Знаменском тож) Суздальского уезда, расположенном на расстоянии около 55—60 километров от Владимира. Бородины выехали туда вместе со своей воспитанницей Лизой 19 июня. До Владимира ехали по железной дороге, оттуда — на почтовых лошадях. Во время этого переезда коляска, везшая Алек-

* Как известно, об этом вечере вскоре после смерти Рубинштейна была опубликована статья, подписанная МЮГЭ и принадлежавшая перу М. Ю. Гольдштейна. В этой газетной статье было немало совершенно фантастических подробностей (см. Вл. Каренин. В. Стасов, ч. I, стр. 379—380).

сандра Порфирьевича и Екатерину Сергеевну, опрокинулась. К счастью, они при этом отделались легкими ушибами.

В Рожнове Бородины жили в маленьком ветхом домике, когда-то принадлежавшем путешественнику Крузенштерну, без особых удобств. Их общество, кроме живших в нескольких верстах хозяев—Куломзиных, состояло из гостившей там же М. А. Мирольской и проведшего с Бородиными большую часть лета А. П. Дианина, ставшего года за полтора до того учеником Бородина по химии. Кроме того, Бородины, по своему обыкновению, перезнакомились со многими местными жителями — учителями сельских школ, соседними помещиками, жившими у этих помещиков дачниками и т. п.

Живя в этой довольно живописной и здоровой, но почти совершенно безлесной местности, Бородин в то лето много гулял по окрестностям, по своему обычаю — регулярно купался (в речке Уршме, около Рожнова, изобилующей холодными ключами). Он ездил также в Суздаль, где осматривал местные древности.

О его музыкальной работе в то лето мало что известно, Можно только установить, что в его распоряжении было какое-то старое фортепьяно или клавесин [51]. В то лето, насколько мне известно из рассказов, Александр Порфирьевич сочинил шуточный вальс для фортепьяно [52].

В отношении композиций серьезного характера возможно высказать предположение, что уже в это время могла идти работа над A-dur'ным квартетом, хотя достоверно этого утверждать нельзя.

Бородины уехали из Рожнова 12 сентября; по дороге Александр Порфирьевич завез Екатерину Сергеевну к ее матери (в Москве); сам же с Лизой проехал в Петербург и там сразу погрузился в академические дела.

«Я как полковая лошадь, услышавшая трубу, навострил уши,— писал Бородин 18 сентября 1874 года Е. А. Куломзиной[53], — и кинулся со свежими силами в строй академической деятельности...»

По приезде в Петербург Бородин побывал на собрании своих друзей-музыкантов у Н. А. Римского-Корсакова; для активных занятий музыкой у него тогда не было возможности, о чем он иронически сообщал Екатерине Сергеевне в письме от 25 сентября 1874 года [54]:

«Играют все по очереди: А. П. свои вещи и сонату: Адье, Абсанс и Ретур; Ира — Fa-mineur'ную сонату Бетг... ор. 2; Идка — 1-ю часть Cis-moll'[ной сонаты Бетховена]... Я — ничего» *.

---

* Здесь перечисляются лица, жившие в это время в квартире Бородина и игравшие на его рояле: А. П.—А. П. Дианин, Ира — Иринарх Полихроньевич Скворцов, Идка — Ираида Александровна Скворцова.

Но вскоре, после четырехлетнего перерыва, Александр Порфирьевич возвратился к мысли о сочинении оперы «Князь Игорь». Поводом, как рассказывает В. В. Стасов[55], послужил разговор Бородина с одним из его любимых учеников — доктором В. А. Шоноровым, приехавшим в ту осень в октябре месяце в Петербург. Доктор Шоноров, большой поклонник музыки Бородина, тотчас же при встрече осведомился о судьбе «Игоря» и, узнав, что Александр Порфирьевич отказался от мысли о сочинении этой оперы, стал его горячо убеждать переменить свое решение и добился согласия Бородина. Если принять за истину факт этого разговора и его последствия, то приходится допустить, что у самого Бородина в это время имелось намерение возвратиться к работе над своей оперой. Возможно, что одним из толчков к тому были впечатления от знакомства со старинными русскими городами, полученные в последнее лето, а может быть, и со слышанными там песнями.

Как бы то ни было, но 15 октября 1874 года Александр Порфирьевич заявил пришедшему к нему в гости В. В. Стасову, «что снова принимается (и уж окончательно) за... оперу «Князь Игорь».

«Почти весь вечер,— продолжает В. В. Стасов,— мы протолковали о том, как он туда употребит материалы из «Млады», первоначально назначенные для «Игоря»[56]... [А. П.] много играл, воодушевился (par extraordinaire) до того, что в половине третьего часа ночи, когда мы * ушли, он, несмотря на дождь, пошел нас провожать почти до Кирочной и всю дорогу опять толковал про будущую оперу. Сегодня вечером ** я уже отправляюсь к нему с летописями, Карамзиным и «Словом о полку Игореве»...»[57]

Это подъем интереса к «Игорю» продолжал существовать и зимой 1874/75 года, несмотря на разные жизненные неурядицы, на состоявшееся 2 ноября возвращение из Москвы Екатерины Сергеевны[58] и вызванное ее приездом возобновление пагубного для Бородина образа жизни.

По-видимому, уже в этот период занятий «Игорем» Александру Порфирьевичу захотелось заниматься теми частями оперы, действие которых происходит в половецком стане. По всей вероятности, именно тогда он интересовался возможностью получить какие-либо подлинные половецкие напевы.

В связи с этим Бородин лично и через В. В. Стасова обращался к этнографу В. Н. Майнову с вопросом о характере половецкой музыки. В ответ на это обращение В. Н. Майнов сообщил, что согласно указанию известного венгерского уче-

---

* В. В. Стасов и Н. В. Щербачев, бывшие в тот вечер в гостях у Бородина.

** 18 октября 1874 года.

ного и путешественника П. Гунфальви, «Половцы наши * не отличаются в настоящее время от остальных Мадьяр ничем, кроме нескольких архаизмов в языке... Таким образом для вас излишне иметь половецкие песни — они мадьярские; но если Вам угодно, я пришлю Вам несколько штук». Процитировав эти данные из письма к нему Гунфальви, В. Н. Майнов добавил следующее свое заключение:

«Так как у Кончака были под рукою и Половцы и Куманы (последние доподлинно тюрки — алтайские и сродники нашим Чувашам, что говорит в письме своем и Хунфальви), то музыка Половецкая (если Вам угодно будет милостиво дозволить мне высказать мое профанное мнение) должна состоять из смеси чисто в о с т о ч н ы х мотивов (но отнюдь не тех грациозных, каковы «Ложится в поле», Балакиревские, Персидские и т. п., так как Алтайские тюрки не успели еще доразвиться тогда до этих грациозных мелодий, доказательство чего мы находим у их потомков Чувашей, Башкир, Киргизов), состоящих из гортанно-жалеечных звуков и затем тем, послуживших основами для целой массы чардашей, оброчей и т. п., находимых у Листа и других» [59].

Бородин после этого письма, как кажется, все же пожелал иметь упоминаемые Гунфальви песни современных половцев; с целью их получения В. В. Стасов обратился к В. Н. Майнову за литературной справкой, и этот последний прислал ему список сборников венгерских народных песен, приведя также название специального сборника половецких песен [60].

Мы не знаем пока, насколько Бородиным были использованы конкретные половецкие мелодии, но общие сведения, данные В. Н. Майновым, несомненно, были им приняты во внимание.

Первым номером, написанным в зиму 1874/75 года для «Игоря», был половецкий марш, возникновение которого было навеяно чтением описания обряда смертной казни в дореформенной Японии; на одном автографе этого марша имеется дата 16 декабря 1874 года. Несколько позднее в ту же зиму были сочинены ариозо Кончаковны и женский хорик в половецком стане, а также первые наброски половецких плясок.

Наконец, в ту же зиму или в начале весны 1875 года, но, во всяком случае, значительно ранее 15 апреля этого года [61] был сочинен «Плач Ярославны», хотя, вероятно, не совсем в той форме, в какой он дошел до нас. В процессе работы над «Игорем» Бородин не только сочинял новый материал, но и перерабатывал имевшиеся у него номера из музыки «Млады», «Царской невесты» и т. п. И в данный период, если музыка половецкая была чем-то качественно новым, то в «Плаче» были использованы некоторые материалы из финала «Млады».

---

* Венгерские.

Кроме работы над «Игорем», Бородин, вероятно, отчасти занимался и сочинением первого своего квартета. Как я уже говорил, пока нельзя еще точно датировать момент зарождения этого квартета, но, во всяком случае, к апрелю 1875 года первый квартет, по свидетельству самого автора, был уже набросан [62].

Вся эта интенсивная творческая работа над «Игорем» не мешала уделять время и научным исследованиям по химии: в 1874—1875 годах Бородиным была сделана и подготовлена к печати работа «О нитрозоамарине». Отметим здесь также, что в описываемую зиму — в начале 1875 года — появился в печати первый большой музыкальный труд Бородина — четырехручное переложение первой симфонии.

Чтобы правильно представить себе условия жизни и творчества Бородина в то время, необходимо принять во внимание неблагоприятные условия, в которых он жил и работал. Не говоря уже об упоминавшихся нами особенностях образа жизни Екатерины Сергеевны, зимой 1874/75 года отрицательно сказывались и необычайно усложнившиеся дела по химической лаборатории и кафедре, где, за окончательным уходом Н. Н. Зинина, на Бородина легла вся организационная работа; несмотря на колоссальные материальные и другие затруднения, Бородин, получив руководство лабораторией в свои руки, добился такого ее расширения, которое, по словам А. П. Дианина, позволило «дать возможность работать в лаборатории каждому желающему». К тому же Александр Порфирьевич считал своим долгом заниматься делами женских медицинских курсов и участвовать в организации разного рода благотворительных концертов в пользу нуждающихся студентов.

Медико-хирургическая академия в то время переживала переходный период: ее тогда предполагалось передать в Министерство народного просвещения, что вызывало множество различных организационных изменений и неурядиц.

Немудрено поэтому, что Александру Порфирьевичу приходилось тогда с полным основанием жаловаться на невозможность заниматься музыкой.

«Если и есть иногда физический досуг,— писал Бородин Л. И. Кармалиной 15 апреля 1875 года,— то недостает нравственного досуга — спокойствия,— необходимого для того, чтобы настроиться музыкально. Голова не тем занята...» [63]

В отношении своих музыкальных занятий Александр Порфирьевич возлагал тогда надежды на предстоящее лето. И действительно, лето 1875 года оказалось для автора «Игоря» одним из наиболее плодотворных периодов его музыкального творчества. Как это часто бывало у Бородиных, место их летнего отдыха определилось отчасти случайно.

Сначала они предполагали провести лето опять в Суздаль-

ском уезде в одном соседнем с Рожновом поместье, так как в самом Рожнове больше жить было невозможно без капитального ремонта ветхого дома.

Но «вследствие необходимости побывать в течение лета в Петербурге по случаю капитального ремонта лаборатории и организации учебного кабинета я вынужден был,— писал Бородин Е. А. Куломзиной,— отказаться от мысли заехать слишком далеко, и решился остаться в Москве» [64].

Александр Порфирьевич приехал в тот год в Москву 16 июня; несколько дней Бородины провели у родственников Екатерины Сергеевны (у Ступишиных, у А. С. Протопопова). В течение этих дней Бородин написал упоминавшуюся нами статью о нитрозоамарине и вел хлопоты об устройстве на квартире главного доктора Голицынской больницы Н. И. Стуковенко, пустовавшей в то лето. Эту квартиру и мебель для нее дали Бородиным их знакомый смотритель Голицынской больницы Н. Т. Захаров и помощник главного врача К. К. Зенгер; она помещалась в том же доме, где жила мать Екатерины Сергеевны — Екатерина Алексеевна Протопопова. Бородины устроились в этом просторном и удобном помещении — в их распоряжении была 21 комната — к началу 20-х чисел июня. К концу июня у Бородина оказался и рояль [65].

В тихом старинном здании Голицынской больницы, окруженном большим садом и находившемся поблизости от любимого Нескучного и Москвы-реки, Александр Порфирьевич провел спокойно и счастливо летние месяцы, найдя недоставший ему, по его словам, для композиторской работы, — «нравственный досуг». Результатом явилось окончание фортепьянного переложения h-moll'ной симфонии, продолжение сочинения A-dur'ного квартета и создание целого ряда новых номеров для «Игоря», в том числе арии Кончака, половецких плясок с хором [66] и хора первого акта (на пирушке у Владимира Галицкого). Намечены также основные лейтгармонии для характеристики самого Игоря, взятые из «Млады» (те самые гармонии, с которых начинается увертюра оперы).

Этот счастливый для «Игоря» период закончился около половины сентября, когда Бородин вынужден был, по обыкновению, возвратиться к исполнению своей академической службы; Екатерина Сергеевна осталась на квартире Стуковенко, где и пробыла всю осень.

По приезде Александр Порфирьевич нашел у себя в квартире все неурядицы, которые обычно бывают в разгар ремонтных работ.

«...я с трудом переносил и отчасти еще переношу все мерзость и свинство обстановки, которая меня окружает, — писал он 19 сентября 1875 года. — ...Пыль, вонь, известка, холод, сквозной ветер, коридор взрыт... стук по всему зданию; у нас в комнатах и в прихожей точно после пожара: наша

мебель, мебель Шабановой, все вещи из каминной... пройти негде, и на всем этом густой слой пыли и поверх всего Александра Андреевна, как Марий на развалинах Карфагена, закутанная в бесчисленные платки и изучающая акушерскую премудрость...» [67]

Немудрено, что при таких условиях сразу же пришлось погрузиться в бездну всякого рода докучливых и утомительных хлопот. Все же в первые же дни по приезде Бородину удалось найти время повидать своих музыкальных друзей: он нашел у них полное одобрение проделанной им за лето музыкальной работы.

«Признаюсь, я даже не ожидал, что мои московские продукты произведут такой фурор, — писал Бородин через несколько дней после этих первых посещений своих друзей, — Корсинька в восторге, Модест — тоже, Людмила Ивановна приглашает Петровых послушать их. Особенно меня удивляет сочувствие к первому хору *, который мы пробовали в голосах и — без хвастовства скажу — нашли ужасно эффектным, бойким и ловко сделанным в сценическом отношении. Кончак, само собою разумеется, тоже произвел то впечатление, какого мне хотелось, кроме некоторых неловкостей, чисто голосовых (которые надобно исправить); в пении он выходит очень хорошо. Особенно он нравится Корсиньке. Ему же, равно и Модесту, ужасно нравится тот дикий восточный балет, который я сочинил после всего в Москве; помнишь? такой живой в 6/8? Разумеется все хором только и твердят, чтобы я писал поскорее остальное, не откладывая в долгий ящик» [68].

В. В. Стасову, по случайным причинам, не удалось в первые же дни по приезде Бородина услыхать его новые вещи; это вызвало с его стороны два письма к Александру Порфирьевичу; в письме от 17 сентября, между прочим, В. В. писал:

«Вчера вечером... следующие лица собрались у Римских-Корсаковых:

Николай Андреевич,
Надежда Николаевна,
Кюи,
Я [,]
Еще кто-то (фамилии не знаю) **.

* Дело состояло в том, что некто Бородин, всеми нами обожаемый (особливо мною), обещался быть со своею новою музыкою у Римск.-Корс. именно вчера вечером, а «Князь Игорь» черт знает, как нас интересует, особенно вдруг подвинутый вперед львиною хваткою.

---

* Первому хору 1-й картины первого акта.
** Это был М. Р. Щиглев.—*С. Д.*

Но мы Вас прождали понапрасну и разошлись повесив нос. В д в а дня — и д в е неудачи! Третьего дня я Вас не застал (приезжал я со Щербачевым), вчера Вы забыли обещание!!!»

В письме от 19 сентября В. В. Стасов выражал то же нетерпеливое желание услышать новые номера «Игоря»:

«...вчера вечером мы опять ждали вас и... паки не дождались.

Я в ужасе, что́ если мне еще долго не придется услыхать «Игоря», про которого Римлянин* рассказывает мне такие чудеса?!...» [69]

Наконец, 21 сентября Бородин побывал у Стасова; об этом свидании он сообщал жене:

«...был у Стасова, который, само собою разумеется, шумел, бурлил, восторгался; знаешь, что ему всего более нравится? — Та дикая пляска вроде лезгинки, которую я сочинил на последних днях в Москве. Я так и ожидал» [70].

24 же сентября состоялось исполнение новых отрывков «Игоря» у Л. И. Шестаковой в присутствии певцов Петровых, которые «очень сочувственно отнеслись» к этим фрагментам создающейся оперы, «особенно к Кончаку, который имел везде большой успех». Петровы пророчили «Игорю» «хорошую будущность на сцене» [71].

Ободренный этим общим сочувствием к его новым вещам, Александр Порфирьевич пытался и в Петербурге, осенью 1875 года, кое-что писать для «Игоря», несмотря «на всякие мелкие дрязги». Он «переделал» согласно каким-то новым соображениям «кое-что в Ярославне (в плаче)», но общая атмосфера его петербургской жизни и крайняя его занятость скоро положили конец этим попыткам. 1875/76 год был для Бородина столь же трудным, как и предыдущий; в этом году он, сверх прочих своих дел, стал принимать большое участие в делах «Общества вспомоществования слушательницам Женских врачебных курсов», казначеем которого был избран; академическая нагрузка также нисколько не уменьшилась.

Возвращаясь к музыкальной деятельности Бородина, отметим, что его особенно радовало единодушное сочувствие всех членов балакиревского кружка к его новой опере, а равно и такое же отношение к этой опере всех близких «Могучей кучке» лиц. Такое единодушие радовало и несколько удивляло Александра Порфирьевича потому, что к половине 70-х годов между членами «кучки» обнаружились, как известно, расхождения.

«Если думают, что мы разошлись, как люди, с Балакиревым, то это неправда: мы все его горячо любим по-прежнему и не щадим ни времени, ни усилий, чтобы поддерживать

---

* Н. А. Римский-Корсаков.

с ним прежние отношения *... Что же касается до остальных нас, то мы продолжаем интересоваться каждым проявлением музыкальной деятельности друг у друга. Если не все у каждого нравится остальным, то это опять-таки естественно — в частности вкусы и взгляды непременно различны. Наконец, у одного и того же, в различные эпохи развития, в различные времена, взгляды и вкусы в частности меняются. Все это донельзя естественно»,— писал Бородин об этих расхождениях [72].

Такое глубокое и правильное понимание наметившейся в кружке дифференциации, прекрасные личные отношения со всеми членами кружка и, наконец, единодушный положительный отклик балакиревцев на его личное творчество сделали в это время Бородина объединяющим началом в кружке. С этой точки зрения он мог бы стать подлинным «вождем новой русской школы», как его впоследствии именовали за границей, если бы он занимался музыкою как основною специальностью.

В процессе работы над «Игорем» у Бородина окончательно созрели эстетические воззрения, определившие те творческие принципы, которые были положены в основу его оперы.

«Нужно заметить, — писал он в рассматриваемый период его жизни, — что во взгляде на оперное дело я всегда расходился со многими из моих товарищей. Чисто речитативный стиль мне не по нутру, и не по характеру. Меня тянет к пению, кантилене, а не к речитативу, хотя, по отзывам знающих людей, я последним владею недурно. Кроме того — меня тянет к формам более законченным, более круглым, более широким. Самая манера третировать оперный материал — другая. По-моему в опере, как в декорации, мелкие формы, детали, мелочи не должны иметь места; все должно быть писано крупными штрихами, ясно, ярко и по возможности практично в исполнении, как голосовом, так и оркестровом. Голоса должны быть на первом плане, оркестр на втором. Насколько мне удастся осуществить мои стремления — в этом я не судья, конечно, но по направлению опера моя будет ближе к «Руслану», чем к «Каменному Гостю», за это могу поручиться...» [73]

Интересно отметить, что эти взгляды на оперу имеют общность с идеями, получившими свое воплощение в ближайшей в хронологическом отношении опере Н. А. Римского-Корсакова: его «Майская ночь» также носит очень певучий характер и состоит из вполне законченных номеров. Творческая

---

* В зиму 1875/76 года Балакирев уже начал проявлять признаки возрождения интереса к музыке и стал сам заниматься композицией (кончать «Тамару»).

эволюция обоих великих мастеров, если и совершалась поразному, то все же имела много общего.

Связь между Бородиным и Римским-Корсаковым в 1875—1876 годах проявилась еще в одном отношении: Бородин принял живое участие в составлявшемся тогда Николаем Андреевичем сборнике русских народных песен. Доставив Римскому-Корсакову несколько случаев записать старинные песни [74], он сам, в связи с этим, стал расширять свои познания в отношении русских песен. Это отразилось в создании следующего по времени номера «Игоря» — хора славления. Как рассказывал сам автор «Игоря», этот хор был им сочинен во время рождественских каникул в результате вынужденного досуга, вызванного гриппозным заболеванием. Данный хор, в соответствии со стасовским сценарием, предназначался первоначально автором для эпилога оперы и представлял собою довольно большой музыкальный номер.

В средней части этого хора (со слов «С Дона великого») отрывок основной темы:

несомненно, представляет собою вариацию части напева песни про «Горы Воробьевские», помещенного в сборнике Прокунина, изданном под редакцией П. И. Чайковского *:

Вскоре после сочинения этого замечательного хора Бородин принял участие в организации благотворительного вечера в пользу недостаточных студентов Медико-хирургической академии: в связи с этим состоялось, при посредстве М. А. Миропольской, знакомство Бородина с С. И. Танеевым, давшим согласие участвовать в студенческом вечере в качестве пианиста. С тех пор Бородин и Танеев сохраняли завязавшиеся тогда дружеские отношения.

Хор славления сразу же после его импровизации был записан и оркестрован, что сделало возможным его исполнение в концерте Бесплатной музыкальной школы под управлением Н. А. Римского-Корсакова 23 марта 1876 года. Хор имел у публики большой успех и вызвал сочувственные отзывы как со стороны В. В. Стасова, так и со стороны Ц. А. Кюи.

---

* Не исключена возможность, что Бородин пользовался для «Игоря» разными вариантами той же песни и раньше — в плаче Ярославны. Во всяком случае, ее использование в данном хоре и в том же году — в теме Andante первого квартета — несомненно.

Кюи назвал хор «превосходным», указал, что в нем «Прекрасные характерные темы, отлично разработанные и развитые; прекрасная и оригинальная гармонизация, сплошная красивость, много силы...» Особенно ему понравился конец хора. Похвалил он и оркестровку, указав лишь на некоторое злоупотребление духовыми. Одновременно Кюи высказал сомнение, насколько данный хор будет хорош как оперный номер, и подшутил над архаическими именами союзников «Игоря», упоминаемых в этом хоре: «Какие все звучные имена этих союзников! За введение этнографического элемента в программу * г-ну Бородину спасибо, пусть он только не вводит этого элемента в музыку своей оперы» [75].

В. В. Стасов в письме к Бородину от 30 марта 1876 года назвал хор славления «гениальным» и одновременно обрушился на цитированную статью Кюи: особенно возмутили Стасова чисто формалистический подход Кюи к оценке хора, намек на этнографический элемент и отзыв о средней части хора как о более слабой, хотя, собственно, Кюи говорил только о том, что эта часть может показаться на сцене слишком мягкой и недостаточно торжественной.

В глазах самого автора успешное исполнение этого хора как бы возложило на него моральное обязательство дописать до конца начатую оперу.

«Хор славления, исполненный в концерте Бесплатной Школы, имел большой успех, — писал он Л. И. Кармалиной, — а для судьбы моей оперы имел существенное значение. Нужно заметить, что я вообще композитор, ищущий неизвестности; мне как-то совестно сознаваться в своей композиторской деятельности. Оно и понятно. У других она прямое дело, обязанность, цель жизни — у меня отдых, потеха, блажь, отвлекающие меня от прямого моего, настоящего дела — профессуры, науки... Вот почему я, хотя с одной стороны желаю довести оперу до конца, но с другой — боюсь слишком увлекаться ею, чтобы это не отразилось вредно на моей другой деятельности. Теперь же, после исполнения хора из «Игоря», в публике стало уже известно, что я пишу оперу: скрывать и стыдиться нечего... Теперь волей-неволей придется кончать оперу...» [76]

Лето 1876 года Бородины провели недалеко от Москвы. Приехав в Москву в конце мая месяца, они вскоре перебрались в село Старая Руза **, расположенное поблизости от маленького городка Рузы. Туда их пригласил один приятель А. С. Протопопова, учительствовавший в школе села Старая Руза и устроивший им дачу в доме сельского священника

---

* Имена союзников и являются «этнографическим элементом».

** В девяти верстах от ст. Шелковка Моск. Белор.-Балт. железной дороги.

А. Миролюбова, — на высоком холмистом берегу Москвы-реки. Бородины занимали половину дома; их помещение заключало в себе переднюю, залу, гостиную, кабинет и спальню. Все эти крошечные апартаменты отапливались одной голландской печью, находившейся в середине помещения. Спальня и передняя представляли собою темные клетушки. Из мебели имелось три стола, четыре стула и кровать[77].

Окрестности Старой Рузы довольно живописны. Бородин в то лето много гулял, занимаясь собиранием грибов, которых близ Рузы было великое изобилие; он был страстным любителем этого дела и очень любил сам срезать гриб ножиком с корешка, даже если не сам его и находил.

«Не тронь, не тронь, пожалуйста, — говорил он своему спутнику, — я сам срежу, а то испортишь корешок».

О музыкальной работе Бородина в то лето мы имеем мало прямых данных: характеризуя работу этого периода, сам автор неопределенно говорит: «...только летом чуточку подвинул дело»[78]. По свидетельству Екатерины Сергеевны, в конце этого лета был сочинен речитатив Ярославны «Как уныло все кругом...»

«Сентябрь уже наступил и Александру пора уже было в Петербург, — рассказывает Екатерина Сергеевна. — Он поехал, но Москва-река задержала его; она, обыкновенно мирная, с чего-то вздумала разлиться. К тому же поднялся сильный ветер, и переехать не было возможности. А. П. постоял несколько времени на берегу. А берег в том месте крутой, и с него уныло было смотреть на разгулявшуюся реку, на серые, грустно прыгающие и катящиеся волны. А. П. вернулся назад; ему отрадно было лишний день провести со своими, но он не мог отделаться от впечатления, рожденного в нем только что виденной серой картиной. Он сел за фортепьяно, и у него сразу, целиком вылилось ариозо Ярославны: «Как уныло все кругом»[79].

Возможно, что вскоре после этого речитатива были сочинены еще некоторые части будущего четвертого акта: дуэт Ярославны с Игорем и G-dur'ный заключительный хор. Впрочем, вернее сочинение этих номеров отнести уже ко времени после возвращения Бородина из Рузы в Петербург[80]. В эту осень работа над «Игорем» могла идти лишь урывками, так как, возвратившись в город, Бородин узнал, что h-moll'ная его симфония назначена к исполнению в начале 1877 года в концерте Музыкального общества под управлением Направника. Оркестровка симфонии была уже закончена *; надо было начинать расписывать партии. Но когда Александр Порфирьевич пожелал в последний раз просмотреть

---

* По-видимому, оркестровка симфонии h-moll была завершена не позднее конца 1875 года, а может быть, даже летом этого года.

партитуру, то он обнаружил пропажу партитурных подлинников 1-й части симфонии и финала, которые он «куда-то засунул». Пришлось заново оркестровать эти части симфонии. Из-за воспаления лимфатических сосудов в ноге Бородин не ходил на службу и поэтому успел закончить эту работу.

Около того же времени появилось первое печатное издание четырехручного клавира второй симфонии Бородина: 18 января 1877 года Бородин подарил М. В. Доброславиной экземпляр этого издания со следующей собственноручной надписью:

Куме от кума дар;
От пасынка гармонии
Второй его симфонии
Печатный экземпляр [81].

В конце января 1877 года Александр Порфирьевич оказался в положении, «в котором не был, вероятно, ни один из профессоров Императорской Медико-хирургической академии»: две его симфонии должны были исполняться в течение одной недели. Фактически вышло не так... 25 января шла Es-dur'ная симфония под управлением Н. А. Римского-Корсакова в концерте Бесплатной музыкальной школы, а 26 февраля исполнялась в первый раз h-moll'ная симфония под управлением Э. Ф. Направника — в пятом концерте Русского музыкального общества.

Как известно, оркестровка симфонии h-moll, в частности скерцо, оказалась несколько грузной, а поэтому Направник не смог исполнить скерцо в надлежащем темпе. К тому же в зале было много людей, враждебно относившихся к достижениям великих мастеров «Могучей кучки», и, по свидетельству А. П. Дианина, бывшего на описываемом концерте, «публика устроила форменный скандал, напоминающий кошачий концерт» [82].

Автор — чувствительный по природе, застенчивый и недоверчивый к себе — был сильно огорчен неудачей симфонии. Друзья старались его ободрить; в частности, Л. И. Шестакова прислала ему очень теплое письмо, в котором пророчила h-moll'ной симфонии славное будущее и сравнивала неудачу ее первого исполнения с аналогичным фиаско премьеры «Руслана» [83].

Весна 1877 года не принесла для Бородина ничего особенно нового в научном и музыкальном отношении. Александр Порфирьевич возлагал зато большие надежды на предстоящее лето, предполагая сильно подвинуть работу над «Игорем». В письме к Л. И. Кармалиной от 19 января 1877 года он писал:

«Я все тот же поэт в душе: питаю надежду довести оперу до заключительного такта и подсмеиваюсь подчас сам над собой. Дело идет туго, с огромными перерывами... Что выйдет из «Игоря» — не знаю. Хотел бы к следующему

сезону кончить*, но едва ли удастся»[84]. Из этого отрывка видно, что Бородин надеялся за время от февраля до сентября 1877 года (притом, очевидно, главным образом в летние месяцы) написать не существовавшие в то время номера «Игоря» или хотя бы значительную их часть, то есть почти два акта.

Жизнь совершенно опрокинула эти расчеты Александра Порфирьевича. Лето 1877 года сложилось для него совсем не так, как он предполагал зимою. Непосредственным поводом для изменения первоначальных летних планов были хлопоты Бородина об устройстве за границей двух своих любимых учеников— его «сына если не по плоти, то по духу» А. П. Дианина и М. Ю. Гольдштейна. Оба молодых химика готовились первоначально к медицинской карьере, но под влиянием увлекательных лекций Н. Н. Зинина и А. П. Бородина избрали химию своей специальностью. Натолкнувшись на целый ряд препятствий в России, они порешили получить ученую степень сперва в Германии. Александр Порфирьевич решил им помочь в этом деле и, выхлопотав себе заграничную командировку, повез своих «мальчиков» в Иену.

Отправив Екатерину Сергеевну в Москву и закончив свои зимние дела, Бородин 13 июня 1877 года выехал из Петербурга в обществе А. П. Дианина и М. Ю. Гольдштейна. После кратковременной остановки в Берлине путники проехали в Иену, куда прибыли вечером 15 июня. В Йене Александру Порфирьевичу пришлось прожить некоторое время в ожидании выздоровления профессора химии Иенского университета Гейтера, с которым ему хотелось лично переговорить о докторских экзаменах и диссертациях своих «мальчиков».

Случайно прочитанное 30 июня нового стиля в газетах объявление о концерте церковной музыки в Иенском соборе и полученное откуда-то сообщение о возможном приезде на этот концерт Ф. Листа, находившегося в то время близ Иены — в Веймаре, напомнили Бородину об его намерении лично познакомиться с прославленным маэстро. Александр Порфирьевич давно имел это намерение; одной из причин этого желания была симпатия Листа к «новой русской музыкальной школе», известная Бородину от ездившего в Байрейт в 1876 году Ц. А. Кюи. По свойственной Бородину застенчивости, он «все не решался и откладывал». На этот раз он победил свою нерешительность и на следующий день — 1 июля нового стиля — отправился в Веймар.

Отыскав дом Листа и узнав его приемные часы, Бородин в ожидании свидания с ним отправился осматривать Веймар. Полюбовавшись на дома, где жили Шиллер и Гете, и на по-

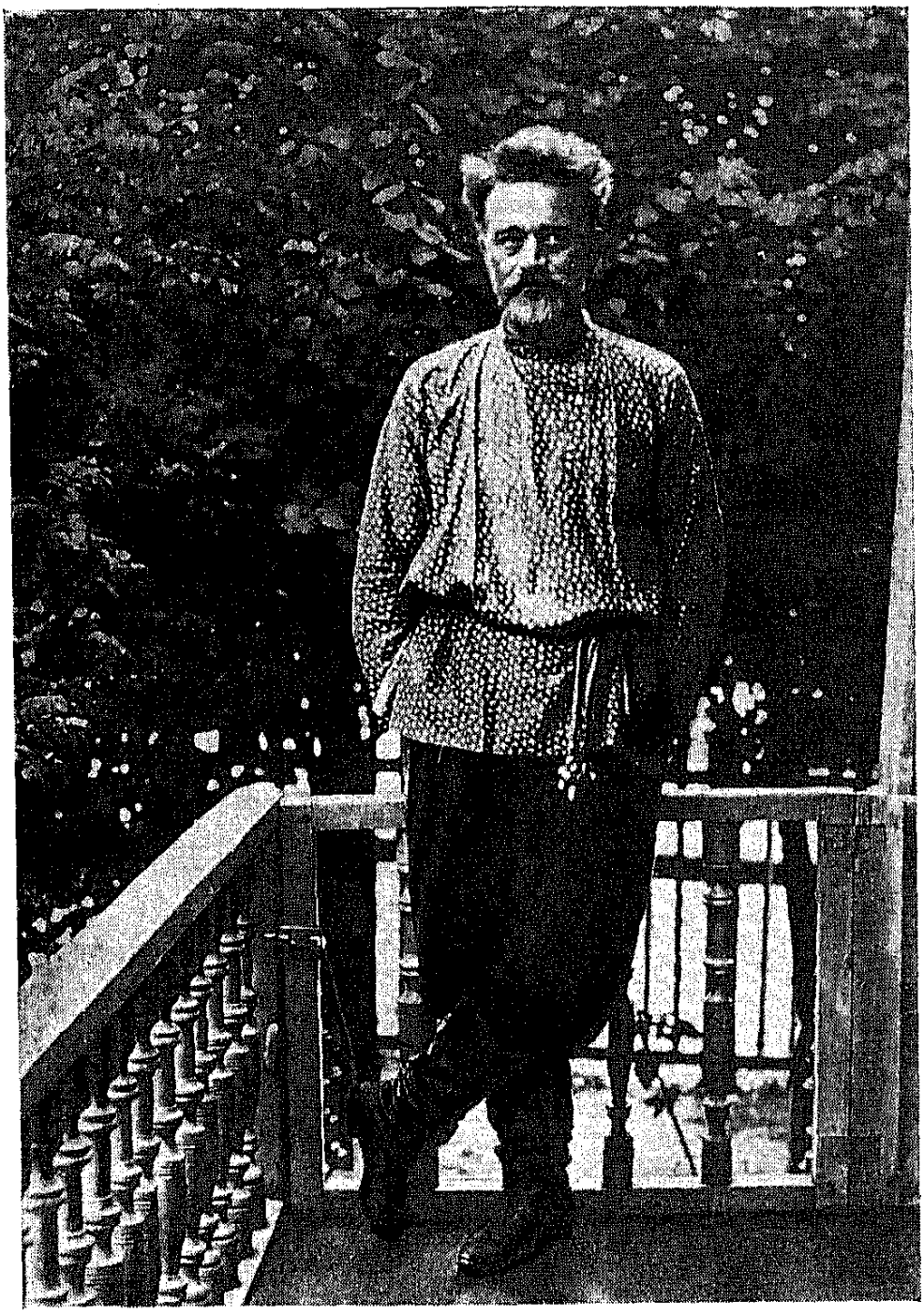
---

* Разрядка моя.—*С. Д.*

Дом в селе Давыдове Владимирского района Владимирской области, где в 1879 году у П. Аф. Дианина жил А. П. Бородин.

Фото А. Волкова, 1951 год

А. П. ДИАНИН
Фотография 1891 года

священный им обоим общий памятник, который немецкие остряки называют «Schultze und Müller» *, Александр Порфирьевич, наконец, пришел к Листу.

Великий музыкант принял Бородина очень приветливо и сердечно, о чем Александр Порфирьевич рассказал в своих письмах к жене [85].

На скромное заявление Бородина, что он «собственно Sonntagmusiker», Лист возразил: «Aber Sonntag ist immer ein Feiertag». «Вы... имеете полное право «Feiern», то есть торжествовать. ...Вам нечего бояться быть оригинальным; помните, что совершенно такие советы давались в свое время и Бетховенам и Моцартам и пр. и они никогда не сделались бы великими мастерами, если бы вздумали следовать таким советам...»

Не менее положительный отзыв со стороны Листа встретила и доставленная Бородиным веймарскому маэстро h-moll'ная симфония: Лист нашел эту симфонию «превосходной» и сам исполнил скерцо из нее в 4 руки (с пианистом Зарембским) на одном из своих музыкальных утренников.

Лист находил у Бородина «громадную музыкальную технику». Он убеждал его продолжать композиторскую деятельность, не обращая внимания на отрицательные отзывы и непонимание:

«Работайте, если бы Ваши вещи даже не игрались, не издавались, не встречали сочувствия; верьте мне: они пробьют себе «почетную дорогу», у Вас громадный и оригинальный талант». Лист подчеркивал полную искренность своих заявлений:

«...я не комплименты Вам говорю; я так стар, что мне не пристало говорить кому бы то ни было иначе, чем я думаю...»

В течение июля месяца (новый стиль) Бородин еще несколько раз виделся с Листом и его учениками: 2 июля — в Иене, у самого же Листа — в Веймаре — 9, 14, 15 и 21 числа.

Распростившись с Листом 21 июля нового стиля, Александр Порфирьевич через Марбург и Бонн ** проехал в Гейдельберг, где очутился в конце июля. Из Гейдельберга он прислал Екатерине Сергеевне замечательное письмо, полное воспоминаний об их первом знакомстве: это письмо ярко обрисовывает его вечно молодую, чистую и светлую душу.

Подъезжая к Гейдельбергу, Александр Порфирьевич «был до того возбужден, до того взволнован, что не заметил даже, как настал вечер... Я пожирал глазами, — писал он, — каждую горку, дорожку, каждый домик, деревеньку — все мне сразу напомнило счастливые времена... я спрятал лицо в ок-

* То есть «староста и мельник».

** В Бонне Бородин, вероятно, виделся с Кекуле (см. выше, глава третья).

но, чтобы скрыть набегавшие слезы, и крепко сжал ручку зонтика, чтобы не разрыдаться как ребенок»[86].

Приехав в гейдельбергскую гостиницу «Badischer Hof», Александр Порфирьевич «взял нумер и, оставшись один, не выдержал (грешный человек), разревелся как дитя.

Наплыв чувств, которые охватили меня, — добавляет Бородин, — я даже не умею тебе описать».

Он посетил те места, где 17 лет назад гулял со своей невестой или встречался с нею:

«Мне все не верилось, — писал он, — что я наяву вижу все это, что я наяву хожу по этим знакомым местам: я трогал стены домов рукой, прикасался к ручке двери знакомых подъездов...»

После двух или трех дней, прожитых в Гейдельберге и посвященных прогулкам и визитам к разным лицам, Александр Порфирьевич проехал в Мюнхен, где повидался со своим старым знакомым профессором Эрленмейером; 7 августа нового стиля он возвратился в Иену. Уладив здесь окончательно все дела своих учеников (А. П. Дианина и М. Ю. Гольдштейна) в течение двух или трех дней, Бородин отправился в Россию. После кратковременной побывки в Вильне у живших тогда там своих обоих братьев, он проехал в село Давыдово Владимирской губернии и уезда, где с 24 июня (старый стиль) жила Екатерина Сергеевна, помещавшаяся в качестве дачницы у отца А. П. Дианина — Павла Афанасьевича Дианина. В Давыдово Бородин приехал 5 августа (старый стиль).

Александру Порфирьевичу очень понравилось это тихое село с его живописными и разнообразными окрестностями.

«Давыдовым я доволен донельзя, — писал Бородин А. П. Дианину. — Как здесь хорошо! Какие рощи, леса, бор, поймы! Что за воздух! С первого же дня меня охватило деревней так, что вышибло совсем «заграницу». Не будь у меня вещественных доказательств пребывания за границею, мне казалось бы, что я все видел во сне... Как я часто вспоминаю Вас, Александрушка — ходим по грибы (которых, впрочем, еще очень мало) как в Рожнове или Старой Рузе... Погода стоит превосходная и я собственно теперь «чувствую» лето, всем существом «чувствую»...»[87]

Вскоре после приезда, а именно — около 13 августа старого стиля, Александр Порфирьевич начал заниматься своим A-dur'ным квартетом; 18 августа Екатерина Сергеевна писала А. П. Дианину:

«Саша засел за квинтет [sic] и играет с утра до ночи; возле рояля у шкапа с посудой прибито его бюро (во второй комнате), тут он пишет...»

Кроме этой работы над квартетом, нет данных о какой-

либо музыкально-композиторской работе Бородина в описываемое лето 1877 года; в частности нет определенных данных о работе над «Игорем» [88].

Отдых для Александра Порфирьевича в то лето вышел хороший: «...хорошо здесь в Давыдове — одна прелесть! — писал он А. П. Дианину и М. Ю. Гольдштейну 24 августа.— Сколько ни живал в деревнях, более здоровой и сухой местности решительно не видал. А леса, бор, поймы — ходи всю жизнь не находишься, гуляй не нагуляешься, гляди не наглядишься». В том же письме он рассказывал, как он организовал по случаю отъезда Н. П. Дианина пение хором: «...пели прощанье охотника *, Катя за первого тенора, я за второго, Федор ** 1-го баса, Никола второго. Перепели все что знали». Эти хоровые упражнения доставили великое удовольствие давыдовским жителям, которые от любопытства «чуть окон не высадили» [89].

Бородины выехали из Давыдова 16 сентября; Александр Порфирьевич пробыл в Москве у матери Екатерины Сергеевны два дня и затем 19 сентября отправился в Петербург, оставив, по установившемуся обычаю, Екатерину Сергеевну на осень в Москве.

По приезде в Петербург Бородин занялся приведением в порядок квартиры, находившейся в обычном безобразном состоянии после ремонта. До приезда Екатерины Сергеевны, то есть в течение месяца с лишним, Александр Порфирьевич жил один, если не считать гостивших у него О. В. Исполатовской и Ф. П. Дианина, а также приходившей по праздникам из института воспитанницы Лизы.

Ввиду отсутствия своего частного ассистента — А. П. Дианина — Бородин был принужден отдавать много времени и сил руководству лабораторными занятиями студентов; немало времени отнимали и поездки в Николаевский военный госпиталь (на Суворовском проспекте), куда были тогда переведены из помещений Медико-хирургической академии Женские врачебные курсы. Продолжалась и деятельность по организации помощи недостаточным студентам и студенткам, по устройству концертов в их пользу и т. п. Ввиду обилия всяких дел Бородин в то время вставал ежедневно около 6 часов утра.

22 октября Бородин приехал в Москву за Екатериной Сергеевной. Возвратились они в Петербург 24 октября.

К описываемому периоду жизни Бородина относится также обмен письмами с И. С. Тургеневым. Бородин обратился к Тургеневу с просьбой о содействии его бывшей ученице А. Н. Луканиной, дебютировавшей в тот год на литературном

---

* Хор Мендельсона.

** Н. П. Дианин и Федор (Ф. П. Дианин) — братья А. П. Дианина.
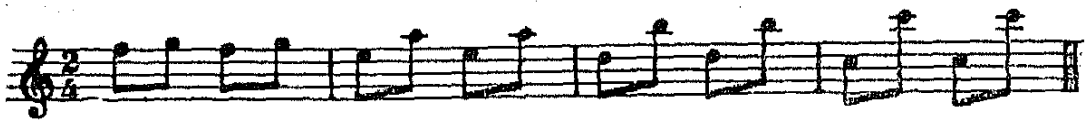
поприще. В своем ответе на это письмо Тургенев, между прочим, сообщил, что h-moll'ная симфония очень понравилась Виардо, которая ее пропагандирует в Париже. Это известие было, как кажется, очень приятно автору симфонии, все еще болезненно вспоминавшему неудачную премьеру 26 февраля 1877 года.

По возвращении в Петербург Екатерина Сергеевна показала некоторым из своих близких знакомых письма Александра Порфирьевича, посвященные описанию свиданий с Листом; в частности, она сообщила эти письма В. В. Стасову, который пришел в большой восторг от яркого изложения Бородина и стал горячо настаивать на опубликовании отрывков упомянутых писем и репродукции портрета Ф. Листа в журнале «Пчела». Несмотря на неоднократные настояния Владимира Васильевича, ему не удалось добиться переработки Бородиным текстов этих писем для печати в течение зимы 1877/78 года.

К концу 1877, а может быть, к началу 1878 года относится следующий эпизод, весьма неполно и неясно рассказанный Екатериной Сергеевной в ее записке. Одна молодая девушка влюбилась в Александра Порфирьевича, и ему стоило большого труда наладить с ней платонические отношения или, как выражается Екатерина Сергеевна, «повернуть ее себе в дочки» [90].

Этот эпизод якобы послужил толчком к сочинению известной каватины Владимира Игоревича («Медленно день угасал»). Судя по некоторым данным, вскоре после того был сочинен и дуэт Владимира Игоревича с Кончаковной [91].

К описываемому времени относится также возникновение замысла «Парафраз» — собрания ряда маленьких пьес на неизменяемый мотив:

«Помнится, — пишет Н. А. Римский-Корсаков, — что мне первому пришла мысль написать совместно с Бородиным ряд вариаций и пьес на эту постоянную неизменяемую тему. Я привлек к этой работе Кюи и Лядова. Помнится, что Бородин сначала отнесся к моей мысли несколько враждебно, предпочитая выпустить в свет одну свою польку, но вскоре присоединился к нам» [92].

К началу лета 1878 года накопилось довольно много материала; закончены были «Парафразы» в том же году. В отношении исполнения музыкальных вещей Бородина в течение сезона 1877/78 года следует отметить проект исполнения Es-dur'ной симфонии на музыкальном празднике в Эрфурте.

Этот проект возник по инициативе Ф. Листа: по его совету председатель Всеобщего германского музыкального союза К. Ридель обратился к русскому издателю В. В. Бесселю с просьбою о доставке партитуры симфонии. Как видно из письма Бесселя Бородину, датированного 22 апреля 1878 года, весь этот проект относился к весне 1878 года. Рукопись партитуры была отослана Риделю, но исполнение симфонии в тот год не состоялось.

Лето 1878 года Бородины вновь проводили в Давыдове, куда они уехали в июне месяце. До конца июня они жили у П. А. Дианина. В эти первые недели летнего отдыха у Бородина не было рояля — он не хотел больше брать с собою рояль А. С. Протопопова, которым раньше пользовался, ввиду недовольства собственника рояля поломками, случившимися в 1877 году. Кроме прогулок и отдыха, время Александра Порфирьевича было тогда занято составлением «Листиады», как назвала Екатерина Сергеевна статью о знакомстве с Листом, написанную на основании упомянутых уже «листовских» писем и некоторых других данных. При жизни Бородина «Мои воспоминания о Листе» не были опубликованы в первоначальной редакции.

В конце июня 1878 года мирная жизнь Бородиных была прервана страшным пожаром, приключившимся в Давыдове. Загорелось ночью (около 4 часов утра) в соседней деревне и перекинуло ветром огонь на Давыдово. Бородины, их квартирохозяин и домочадцы едва успели выбраться из дома, как этот дом также загорелся. Ввиду сильного жара пришлось уйти в соседнее поле, где с Екатериной Сергеевной, страдавшей агорафобией *, сделалось дурно. К утру Бородину при помощи А. П. Дианина и его братьев удалось найти временное пристанище для Екатерины Сергеевны, их воспитанниц и прислуги в соседней деревне. Сам же Александр Порфирьевич и А. П. Дианин улеглись отдохнуть в гробах, хранившихся про запас в сарае при церковной сторожке. Устроившись в этой оригинальной кровати, Бородин, даже и при этих обстоятельствах не утративший чувства юмора, заявил: «Вот уж не думал, Шашенька, что мне придется при жизни отдыхать в месте вечного успокоения...»

30 июня Александр Порфирьевич ездил в Москву, где приобрел за сто рублей в магазине Кампе подержанное фортепьяно фабрики Штюрцваге. За этим инструментом Бородин сочинил много музыки для «Игоря» и ряд других произведений последних лет жизни.

После нескольких дней, прожитых в соседней деревне Филяндине, Бородины наняли себе помещение в несгоревшей части Давыдова, у некой Марии Ивановны Володиной.

---

* Агорафобия — боязнь открытых пространств.

Здесь Бородин закончил составление своих воспоминаний о знакомстве с Листом. К первым неделям пребывания в домике Володиной относится и сочинение стихотворения о ночном стороже села Давыдова и об его собаке: эта шуточная баллада была сочинена Александром Порфирьевичем вместе с Екатериной Сергеевной и исполнялась у Бородиных хором на изобретенный автором мотив.

После перенесенных в ночь пожара треволнений Екатерина Сергеевна боялась спать ночью и не давала спать и окружающим: ложиться спать разрешалось только рано утром, после появления какой-то крестьянки, прозванной ею «статной бабой» и проходившей мимо квартиры Бородиных перед тем как доить корову. Впрочем, в летнее время от этих причуд Екатерины Сергеевны страдали преимущественно лишь воспитанницы Бородиных[93]: сам же Александр Порфирьевич имел все-таки некоторую возможность отдохнуть.

16 июля было доставлено в Давыдово приобретенное композитором фортепьяно фабрики Штюрцваге, и Бородин начал заниматься музыкальной работой. Подробных сведений о сочинявшихся в лето 1878 года вещах мы не имеем. В неопубликованном письме Екатерины Сергеевны к А. П. Дианину от 28 июля 1878 года сообщается только, что «Саша играет до 2 ч. ночи», и говорится о начале сочинения какой-то необычайно красивой музыки, которая должна быть музыкой романса, но подходящих слов для которой не имеется. Екатерина Сергеевна пишет в том же письме, что ей подходящие к этой музыке слова представляются довольно ясно, но что она не решается предложить свой текст. Сам Александр Порфирьевич отзывается о своих музыкальных занятиях этого времени довольно скептически: в письме к А. П. Дианину от 30 июля 1878 года он описывает свое тогдашнее времяпрепровождение следующим образом:

«Окромя служения Аполлону, которое, между нами сказать, идет как-то вяло и лениво, я почитываю журналишки *, хожу за грибами и для моциону занимаюсь иногда посильными сельскохозяйственными работами, как-то — ворошу и убираю сено, помогаю накладывать снопы, хлыщу рожь, таскаю солому — вообще исполняю то, что поручается мальчишкам и девчонкам, еще не искусившимся в полевой работе»[94].

Несколько позднее — в начале августа — «служение Аполлону» стало более интенсивным: Александр Порфирьевич сочинил для первой картины первого акта «Игоря» большую хоровую сцену (пир у Владимира Галицкого) и «княжую песню» Скулы и Ерошки. Сочинение этой музыки сопровождалось большим творческим подъемом: по сообщению Ека-

* То есть химические журналы.

терины Сергеевны [95], Александр Порфирьевич в это время часто играл до 3 часов ночи. «От этой сцены заранее жду одобрительного гудения В. В. Стасова и безешки от М. П. Мусоргского. Она мне, впрочем, действительно очень удалась и в музыкальном отношении, и — как полагаю,— в сценическом. При хорошей игре она должна пройти очень бойко и живо»,— писал Александр Порфирьевич [96].

С 12 по 15 августа 1878 года Бородин пробыл в Москве, куда он отвез гостившую у него летом приемную дочь Е. А. Протопоповой Ганю Литвиненко, своих же двух воспитанниц он тогда же отправил в Петербург.

В первых числах сентября Бородины покинули Давыдово, причем Александр Порфирьевич прямо проехал в Петербург, а Екатерина Сергеевна по обыкновению задержалась в Москве, откуда выбралась около 25 сентября.

В течение зимы 1878/79 года было положено начало последней научной работе Александра Порфирьевича — разработке метода определения азота в мочевине. Текущая научная деятельность сводилась к руководству работами своих учеников и посещению заседаний химического общества, большая же часть времени и сил уходила на учебную, административную и общественную деятельность.

Н. А. Римский-Корсаков возобновил в тот сезон после годичного перерыва концерты Бесплатной музыкальной школы, которые назначил на 16 и 23 января, 20 и 27 февраля 1879 года. Между прочим, были намечены к исполнению в этих концертах новые отрывки из «Князя Игоря» — ария Кончака, заключительный G-dur'ный хор из четвертого акта и половецкие пляски с хором. Для исполнения этих номеров надо было их привести в порядок и оркестровать, так как все они находились в состоянии черновых набросков. В «Летописи» Н. А. Римского-Корсакова рассказаны некоторые подробности этой работы [97].

Из предназначенных к исполнению номеров наиболее благополучно обстояло дело с арией Кончака, которая была целиком оркестрована автором [98]. Значительно хуже обстоятельства сложились с подготовкой партитуры половецких плясок и G-dur'ного хора. 18 января 1879 года Н. А. Римский-Корсаков просил Бородина [99] доставить, «сколько написали половецких танцев, т. е. хора (хорошо если бы 3/4 d-dur было готово [100], ну а нет так и так хорошо). Завтра мне очень удобно отдать их расписывать, чтобы с будущей недели начать учить...»

В конце января хор пленниц «Улетай на крыльях ветра» уже разучивался в Бесплатной школе под наблюдением автора [101], но партитур оркестрового сопровождения этого хора, половецких плясок и заключительного хора еще не существовало.

«А между тем, — рассказывает Н. А. Римский-Корсаков,— вещи эти стоят на программе и уже разучены мною и хором. Пора было и партии уже расписывать. Я в отчаянии упрекаю Бородина. Ему тоже не весело. Наконец, потеряв всякую надежду, я предлагаю ему помочь в оркестровке и вот он приходит ко мне вечером, приносит свою начатую партитуру плясок и мы втроем — он, Ан. Лядов и я,—разобрав ее по частям, начинаем спешно дооркестровывать. Для скорости мы пишем карандашом, а не чернилами. За такой работой сидим мы до поздней ночи. По окончании Бородин покрывает листы партитуры жидким желатином, чтобы карандаш не стирался; а чтобы листы поскорее высохли, развешивает их на веревочках, как белье, у меня в кабинете[102]. Таким образом, нумер готов и идет к переписчику. Заключительный хор я оркестровал почти один, так как Лядова почему-то не было»[103].

Почти одновременно с этой работой понадобилось спешно подготовить к исполнению в концерте Бесплатной школы 20 февраля 1879 года партитуру симфонии h-moll. После неудачной премьеры под управлением Направника автор и Н. А. Римский-Корсаков признали необходимым облегчить оркестровку симфонии. Николай Андреевич рассказывает, что их увлечение медными инструментами к этому времени прошло и что Бородин исправил оркестровку симфонии, уничтожив нагромождение медных в скерцо. Благодаря этому Римскому-Корсакову удалось провести скерцо в надлежащем темпе; вся симфония на этот раз прошла хорошо и встретила у публики сочувственный прием.

Испытавшие столько перипетий в своем окончательном оркестровом оформлении половецкие пляски и заключительный хор были исполнены 27 февраля — в последнем концерте Бесплатной школы того сезона — и также прошли успешно.

По-видимому, настойчивое влияние Н. А. Римского-Корсакова в отношении окончательного оформления сочиненных номеров «Игоря» продолжало свое действие на Бородина и после этого времени. Из письма Н. А. к Бородину от 12 апреля 1879 года[104] видно, что в концерте Филармонического общества в Москве, состоявшемся 9 апреля 1879 года под управлением Н. А. Римского-Корсакова, была исполнена певцом Большого театра А. И. Барцалом ария Владимира Игоревича.

«Барцал пел прекрасно, — пишет Николай Андреевич, — брал даже si-♭ и был несколько раз вызван». Таким образом, эта ария также была приведена автором в порядок в связи с желанием Римского-Корсакова; как я уже говорил выше, она была сочинена, вероятно, в самом конце 1877 года и до данного концерта Н. А. Римского-Корсакова в Москве нигде не исполнялась.

Весной 1879 года были изданы сочиненные по большей части в 1878 году «Парафразы».

Лист, которому по настоянию В. В. Стасова был в мае 1879 года послан экземпляр первого издания «Парафраз», прислал об этом собрании фортепьянных пьесок восторженный отзыв [105] и даже написал на неизменяемую тему, фигурирующую в этом сборнике, собственную вариацию, воспроизведенную fac-simile во втором издании.

Перед отъездом на дачу Н. А. Римский-Корсаков, с самого начала сочинения Бородиным «Игоря» проявлявший большой интерес к этой опере и горячо желавший скорейшего ее окончания, уговорил Александра Порфирьевича дать ему для редактирования начало первого акта. Эта часть оперы была сочинена еще в 1875 году, но находилась в «полном беспорядке: кое-что надо было сократить, другое переложить в иной строй, кое-где написать хоровые голоса и т. п. Между тем дело вперед не шло». Бородин «собирался, не решался, откладывал со дня на день, и опера не двигалась...» «Мне хотелось,— пишет Н. А. Римский-Корсаков,— помочь ему; я предлагал ему себя в музыкальные секретари, лишь бы только подвинуть его чудную оперу. После долгих отнекиваний и уговоров, Бородин согласился и я взял упомянутую сцену с собой на дачу» [106].

Бородин уехал из Петербурга в Давыдово в 1879 году в половине июня, причем сначала с ним поехали только его две воспитанницы Е. Г. Баланева и Е. А. Гусева. Екатерина Сергеевна выехала на несколько дней позже и по дороге остановилась на три недели в Москве у своей матери.

Александр Порфирьевич по приезде в Давыдово поселился сначала, по обыкновению, у П. А. Дианина, но через несколько дней перебрался на житье в дом Володиной, где жил после пожара летом 1878 года. В новом, построенном после пожара домике П. А. Дианина было настолько тесно, и он был в то лето настолько густо населен, что жить там Бородиным показалось очень неудобно. В домике Володиной Бородин нашел в исправности свое фортепьяно и позабытые им там вещи, вплоть до «всяких бумажек, черновых «Игоря» и пр.». Жизнь в этом домике была в первое время весьма неблагоустроена.

«Мебели здесь недочет страшный, — писал Бородин Екатерине Сергеевне, — стулья все поломаны без исключения; один только остался, прорванный; я положил на него доску вместо подушки... Спим все на полу. Печь развалившаяся по-прежнему. Сегодня бабушка с ребятами, обедавшие в 8-м часу утра (!) чуть не задушили нас запахом хлеба и щей с луком; словом запахом казармы...» [107] Ко всем этим неудобствам прибавилась еще крайне ненастная и холодная погода: почти две недели подряд шел непрерывно дождь [108].

Несмотря на все эти мелкие невзгоды, спокойная деревенская жизнь очень нравилась Бородину: 23 июня он писал Екатерине Сергеевне, что очень отдохнул и «принялся за музыку». Он работал тогда одновременно над «Игорем» и над окончательным оформлением партитуры A-dur'ного квартета. В частности, он занимался переделкой некоторых частей сценариума «Игоря», для квартета же написал скерцо, которое раньше «вовсе не было написано» [109]. Эти занятия постепенно разрослись в сильный подъем творческой работы над «Игорем». В течение июля месяца были сочинены: песня Владимира Галицкого («Только б мне дождаться чести») [110] для первой картины первого акта и целый ряд номеров для второй картины того же акта (сцена Ярославны с девушками, сцена Ярославны с Владимиром Галицким). В начале августа Александр Порфирьевич приступил к работе над финалом первого действия. К этому времени была окончена и партитура первого квартета.

Н. А. Римский-Корсаков прислал Бородину в то лето два письма, где сообщал свои предложения об изменениях во взятой им на редактирование первой сцене первого акта «Игоря». Как видно из ответа Бородина, а также из сличения печатного текста «Игоря» с рукописью, приложенной к одному из писем Николая Андреевича, автор «Игоря» принял во внимание некоторые советы Римского-Корсакова относительно данной сцены; другие же соображения не одобрил.

Значительная часть музыкальной работы Александра Порфирьевича в то лето происходила на задворках домика Володиной на небольшом столике или на походном самодельном пюпитре, расположенном под деревьями — «в роскошном огромнейшем кабинете», «с громадным зеленым ковром, уставленным великолепными деревьями, с высоким голубым сводом вместо потолка» [111].

Для финала первого акта «Игоря» Бородин решил воспользоваться темой песни «про горы Воробьевские». Желая освежить в памяти мотив этой песни, а может быть, также и приобрести новый ее вариант, Александр Порфирьевич просил знакомых крестьян привести к нему кого-либо знающего эту песню. Один из таких давыдовских знакомых Бородина—крестьянин деревни Новское И. П. Лапин привел к Александру Порфирьевичу своего двоюродного брата Вахрамеевича — старика, знавшего много старинных песен. Этот Вахрамеевич, как кажется, сообщил автору «Игоря» нужный ему мотив [112].

Насколько возможно судить по различным указаниям, летом 1879 года были сочинены хор бояр и сцена Ярославны с боярами из первого акта [113].

По всей вероятности, почти в то же время, то есть в июле или в августе 1879 года, был сочинен Александром Порфирьевичем и прекрасный хор поселян a cappella для четвертого ак-

та «Игоря»; этот хор также связан тематически с мотивом песни «про горы»[114].

Конец лета 1879 года был благоприятным в метеорологическом отношении; по выражению Бородина: «осенние июнь и июль сменились майским августом». Таким образом, Александр Порфирьевич, кроме радовавшей его творческой работы, мог еще наслаждаться и прогулками по живописным, приветливым и необычайно гармоничным по краскам окрестностям Давыдова. Бородину очень не хотелось в тот год уезжать из Давыдова; он как бы предчувствовал, что ему больше не придется побывать в этом полюбившемся ему уголке Владимирской губернии. В письме к ученому секретарю Медико-хирургической академии А. П. Доброславину, прося его сообщить крайний срок, до которого еще можно быть вне Петербурга, Александр Порфирьевич писал:

«Смерть жалко приволья, свободы, крестьянской рубахи, портков и мужицких сапогов, в которых я безбоязненно шагаю десятки верст по лесам, дебрям, болотам, не рискуя наткнуться ни на профессора, ни на студента, ни на начальника, ни на швейцара»[115].

К сожалению, именно в это столь плодотворное для музыкального творчества Бородина лето ему пришлось рано возвратиться в Петербург — уже к 25 августа.

Сразу по приезде Александра Порфирьевича стали одолевать разные дела и хлопоты; с 3 сентября началось также чтение лекций.

«Бываю в комитетах всяких и пр., — писал Бородин жене 16 сентября, — словом, запрягся уже вполне, кроме лаборатории. Музыки не писал ни строчки»[116]. Все же сравнительно успешная работа над «Игорем» в минувшее лето дала возможность исполнить в концерте Бесплатной музыкальной школы 13 ноября 1879 года новые отрывки из оперы Бородина.

Н. А. Римский-Корсаков отмечает в «Летописи»[117], что в этом концерте «из «Игоря» даны были «Плач Ярославны», песня Владимира Галицкого, сцена Ярославны с девушками, на этот раз оркестрованные самим Бородиным»[118].

В 20-х числах декабря 1879 года Александр Порфирьевич принял активное участие в работе съезда естествоиспытателей и врачей, происходившего в тот год в Петербурге. Участие в работах этого съезда помешало Александру Порфирьевичу присутствовать в концерте певцов русской оперы, где с большим успехом была исполнена Ф. И. Стравинским песня Владимира Галицкого.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Последние годы жизни (1880—1887)

Начало 1880 года ознаменовалось в жизни Бородина сочинением симфонической картины «В Средней Азии». По свидетельству Н. А. Римского-Корсакова, эта симфоническая картина была написана очень быстро. Она вскоре приобрела значительную популярность не только в России, но и за рубежом.

6 февраля 1880 года Бородин понес большую утрату: умер его любимый учитель и друг Николай Николаевич Зинин. В последние годы жизни Зинина Александру Порфирьевичу сравнительно редко приходилось видеть своего старого учителя: они встречались главным образом на заседаниях Химического общества. Тем не менее Александр Порфирьевич сохранил глубокую и искреннюю привязанность к Зинину, и его кончина тяжело на него подействовала, хотя и не была совершенно неожиданной. Бородин принял активное участие в организации похорон «дедушки русской химии» и произнес над могилой его при большом стечении учащейся молодежи горячую и глубоко прочувствованную речь. Кроме того, он составил вскоре после смерти Зинина совместно с А. М. Бутлеровым биографический очерк о покойном своем учителе и стал во главе комиссии по собиранию средств на постановку Н. Н. Зинину памятника в здании Военно-медицинской академии. Помимо этих мероприятий общественного характера, Александр Порфирьевич выразил свое дружеское отношение к умершему энергичными и успешными хлопотами об устройстве жизни побочной его дочери, оставшейся после смерти отца без всяких средств к жизни [1].

Вскоре после кончины Зинина Бородину пришлось принять участие в качестве композитора в концерте, организованном певицей Д. М. Леоновой. Леонова обратилась к Бородину с просьбой предоставить ей для исполнения в этом концерте «Половецкий марш» или «вещь, написанную для живых картин» (то есть «Среднюю Азию»). Александр Порфирьевич дал симфоническую картину «В Средней Азии», которая и была исполнена. Концерт Леоновой под управлением Н. А. Римского-Корсакова состоялся в зале Кононова 8 апреля 1880 года [2].

Перечисляя факты из жизни Бородина в описываемое время, отметим еще, что в зиму 1879/80 года он участвовал в качестве председателя музыкальной комиссии в работе «СПб. кружка любителей музыки», собиравшегося в гостинице Демута; в этом кружке состоял тогда дирижером М. Р. Щиглев, старый друг Александра Порфирьевича.

Весной 1880 года Бородин получил датированное 3 апреля нового стиля письмо от председателя Всеобщего немецкого музыкального союза Карла Риделя с просьбой выслать ему партитуру Es-dur'ной симфонии, так как «существует намерение ее исполнить 19—23/V на музыкальном празднестве в Баден-Бадене». Несмотря на несостоявшееся исполнение той же симфонии в Эрфурте, Бородин решился снова отправить Риделю свою партитуру. На этот раз симфония была исполнена в концерте 8/20 мая под управлением Венделина Вейссгеймера; она имела блестящий успех, о котором К. Ридель тотчас же известил Бородина. Успех был настолько велик, что Ридель назвал его «триумфом».

Зная, что Балакирев всегда выказывает особый интерес к судьбам Es-dur'ной симфонии, написанной под его руководством, Александр Порфирьевич на другой день по получении письма Риделя об успехе симфонии написал Балакиреву об этом [3]. По получении этого письма Балакирев — после девяти лет перерыва — вновь появился у Бородиных.

Весна 1880 года была для Бородина очень трудной.

«Ни один год не было столько срочного и обязательного дела, как нынче, — писал Александр Порфирьевич сестре своей воспитанницы М. А. Гусевой 27 июня 1880 года. — Сплошь и рядом приходилось ложиться в 2 или 3 часа, а вставать в 4—5 часов» [4].

Лето 1880 года также сложилось для Бородина не особенно удачно. В Давыдово Екатерина Сергеевна категорически не захотела больше ехать. После разных других проектов остановились на предложенной А. А. Столяревской даче — усадьбе неких Хомутовых, называвшейся Соколово и расположенной на берегу Волги недалеко от города Кинешмы.

19 июня Бородин, с трудом покончив с делами, отправился из Петербурга со своими двумя воспитанницами: они при-

ехали в Соколово 22 числа. В их распоряжении оказалось обширное и довольно благоустроенное помещение, состоявшее из 5 комнат, большого зала и балкона; имелась налицо и нужная мебель. Окрестности оказались очень живописными и пришлись по душе Александру Порфирьевичу.

«...поселился на высокой, крутой горе, у подножья которой раскинулась чудовищным змеем Волга,—писал он В. В. Стасову на другой день по приезде в Соколово,— верст на 30 раскинулась перед моими глазами своим прихотливым плесом, с грядами да перекатами, зелеными берегами, крутогорьями, луговинами, лесами, деревнями, церквами, усадьбами и бесконечною, дальнею синевою. Вид — просто не спускал бы глаз с него! Чудо что такое!» [5]

В этом письме Александр Порфирьевич жаловался на то, что местные «фортепьяны сделали непривычное усилие передать современное музыкальное бесчинство, — захрипели и замолкли — оказавшись вполне несостоятельными». Поэтому Александру Порфирьевичу пришлось доставлять в Соколово свое фортепьяно Штюрцваге, зимовавшее в Давыдове. Перевезти его удалось только в середине июля.

Но и после этого в силу различных причин работа Александра Порфирьевича над оперой в то лето не сделалась интенсивной. С одной стороны, сказывалась усталость от тяжелой зимы и весны, с другой — возникали всевозможные помехи, не дававшие возможности сосредоточиться.

По-видимому, в то лето был написан лишь первоначальный вариант финальных сцен первого акта оперы — сцены распрей в Путивле и бунта сторонников Владимира Галицкого во время нашествия половцев на Путивль. Как известно, сцены эти были впоследствии исключены самим автором из оперы [6].

По словам А. П. Дианина, Александр Порфирьевич одно время имел в виду использовать все материалы «Игоря», сделав из них две оперы: «Игорь в плену» и «Игорь дома», объединенные в один цикл. Отказавшись впоследствии от этой мысли, автор стал производить отбор музыкальных материалов, вошедших в оперу.

Летнее существование в Соколове закончилось к половине сентября 1880 года. Александр Порфирьевич выехал из Соколова 19 сентября. Екатерина Сергеевна еще 16 сентября отправилась к матери в Москву, где и оставалась до начала октября. Осень описываемого года была заполнена обычными делами по Академии, Врачебным курсам, по различным комитетам, «Кружку любителей музыки» и т. п.

В сентябре Бородин получил от дирижера Леопольда Дамроша письмо с просьбой прислать партитуру Es-dur'ной симфонии, «о которой слышал так много прекрасных отзывов», для ее исполнения в Нью-Йорке. Но композитор, на-

сколько известно, не счел возможным послать в Америку партитуру симфонии, остававшуюся еще в рукописи.

18 октября 1880 года состоялось вторичное исполнение картины «В Средней Азии» во втором симфоническом собрании Петербургского отделения Русского музыкального общества под управлением Э. Ф. Направника. Около того же времени Н. Г. Рубинштейн и П. И. Юргенсон обратились к Бородину с предложением написать сочинение для оркестра или для хора с оркестром для исполнения в Москве на выставке, предполагавшейся по случаю 25-летия царствования Александра II. При этом было высказано пожелание, чтобы данное сочинение по своему названию имело отношение или к 25-летию царствования Александра II или к освящению храма Христа-спасителя. Бородин отказался писать такое сочинение. Тогда те же лица предложили Александру Порфирьевичу написать для исполнения на выставке сочинение на избранную им самим тему. Бородин дал согласие; фактически сочинение для выставки им написано не было.

Тем временем в Петербургском отделении Русского музыкального общества было решено исполнить в одном из квартетных собраний Общества — в конце декабря или в январе — A-dur'ный квартет Бородина; в ноябре приступили к переписке партий.

Наконец, в том же месяце Московское отделение Русского музыкального общества в лице Н. Г. Рубинштейна попросило Бородина выслать в Москву партитуру симфонии h-moll для исполнения в Москве. По этому случаю Александру Порфирьевичу пришлось проделать довольно большую работу по приведению этой партитуры в порядок [7].

4 ноября 1880 года Александр Порфирьевич участвовал в собрании своих музыкальных друзей у Т. И. Филиппова, где М. П. Мусоргский исполнял целиком «конченную» им «Хованщину» [8].

15 декабря 1880 года Александр Порфирьевич отправился в Москву для присутствия при исполнении h-moll'ной симфонии. Московские музыкальные деятели встретили Бородина приветливо.

18 декабря он присутствовал на репетициях своей симфонии, был на экстренном симфоническом собрании Русского музыкального общества, где исполнялась «Литургия» Чайковского, а также участвовал в торжественном обеде у известного исследователя древнерусского обрядового пения Д. В. Разумовского. Наконец, 20 декабря 1880 года состоялся концерт, в котором была исполнена «Богатырская» симфония Бородина.

«Симфония,— писал Бородин жене [9],— прошла хорошо и—к удивлению моему—после каждой части долго хлопали (хотя и не очень сильно); но после всей симфонии долго хло-

пали и вызывали, так что я должен был два раза выходить на эстраду и раскланиваться. Оркестр тоже сильно аплодировал. Профессора консерватории поздравляли и наговорили кучу любезностей...»

Александр Порфирьевич возвратился в Петербург 25 декабря и застал дома письмо от игравшего первую скрипку в квартетном ансамбле Музыкального общества Н. В. Галкина с извещением об имеющей быть 27 декабря генеральной репетиции A-dur'ного квартета; попутно Н. В. Галкин сообщал, что исполнители «от Вашего квартета в восторге». Первое публичное исполнение A-dur'ного квартета Бородина произошло 30 декабря 1880 года.

В январе и феврале 1881 года Александр Порфирьевич сочинил два вокальных произведения в связи с предполагавшимся тогда юбилейным концертом Д. М. Леоновой. Он написал сначала для этого концерта «вещицу на арабскую тему» («Арабскую мелодию») [10], но нашел ее малоподходящей для концерта и написал — на слова Н. А. Некрасова — песню «У людей-то в дому» [11], аккомпанемент к которой был оркестрован автором. Весна 1881 года, по-видимому, не была плодотворной для Бородина в творческом отношении. Он, вероятно, понемногу, урывками продолжал заниматься «Игорем», перерабатывая отдельные части сценария: к этому времени относится также редактирование давно написанной арии Кончаковны [12].
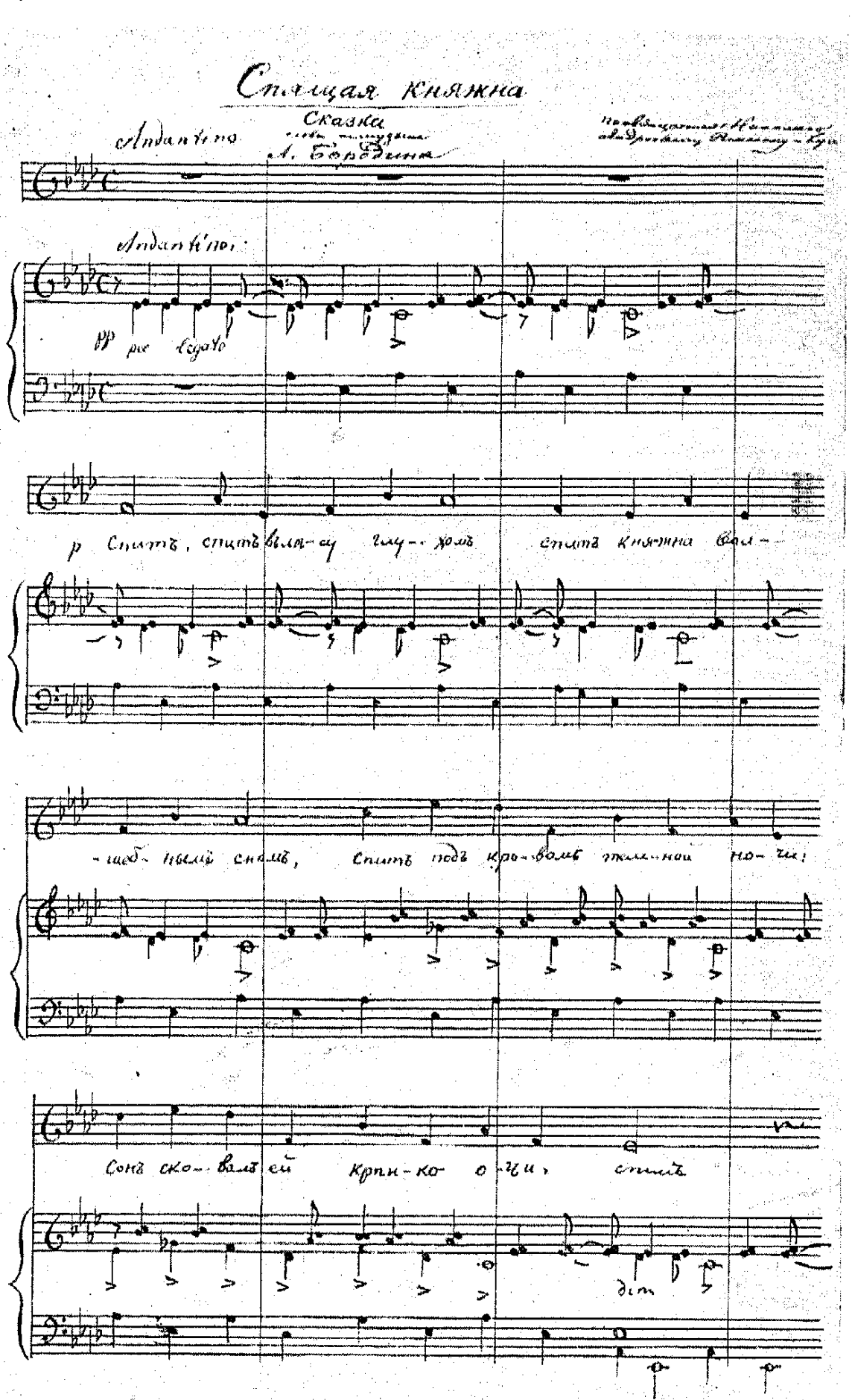
В марте месяце 1881 года заболел тяжело М. П. Мусоргский. Бородину и Стасову удалось поместить больного в Николаевский военный госпиталь, где он пользовался хорошим уходом и где его часто навещали друзья. Последний раз Александр Порфирьевич виделся с М. П. Мусоргским накануне его смерти, последовавшей в ночь на 16 марта 1881 года. Бородин принимал участие в организации похорон Мусоргского и вместе с Н. А. Римским-Корсаковым и Ц. А. Кюи послал в редакцию газеты «Голос» письмо с выражением благодарности администрации госпиталя, доктору Л. Б. Бертенсону и сестрам милосердия, заботившимся о великом композиторе в последние дни его жизни [13].

18 апреля 1881 года состоялся у Д. М. Леоновой домашний концерт, организованный ее почитателями по случаю ее 30-летнего юбилея, взамен публичного чествования, запрещенного в связи с трауром после смерти Александра II. На этом концерте певица исполнила арию Кончаковны.

26 мая Александр Порфирьевич уехал из Петербурга в Германию. Формально эта поездка представляла собою командировку от Военно-медицинской академии, фактически же ее главной целью было свидание с Ф. Листом и посещение музыкального празднества Всеобщего немецкого музыкального союза в Магдебурге. Задержавшись ненадолго в Берли-

С. А. ДИАНИН
1951 год

Автограф «Спящей княжны»
1867 год

не, Бородин прибыл в Магдебург 28 мая; на вокзале от носильщика он узнал, что Лист также уже приехал и остановился в «Koch's Hôtel».

«Через полминуты я был в отеле Koch; в 34 №,— писал Александр Порфирьевич жене 30 мая,— еще через полминуты в № 1, где стоит Лист. Черногорец, его камердинер, сразу узнал меня, обрадовался, рассыпался в итальянских приветствиях, распахнул двери, и через секунды две обе руки мои были в железных руках Листа» [14].

Александр Порфирьевич пробыл в Магдебурге до 2 июня и присутствовал на всех концертах музыкального празднества [15]. Произведения самого Бородина на этом Festspiel'е не исполнялись; из крупных сочинений русских композиторов там прозвучал 30 мая «Антар» Н. А. Римского-Корсакова под управлением тогда еще очень молодого, но уже проявившего свое дирижерское дарование Артура Никиша. Александр Порфирьевич передал дирижеру и оркестру некоторые указания автора «Антара» и подробно описал исполнение этого произведения в письмах к Н. Н. Римской-Корсаковой и Ц. А. Кюи [16].

2 июня (старый стиль) Бородин переехал из Магдебурга в Веймар, желая еще некоторое время пробыть в обществе Листа; кроме того, Бородина интересовала организованная в Веймаре постановка всего «Фауста» Гёте, проведенная в течение двух вечерних представлений (7 и 8 июня ст. ст.) [17]. Во время пребывания в Веймаре Бородин показал Листу «Среднюю Азию»; эта вещь очень понравилась веймарскому маэстро, вследствие чего Александр Порфирьевич посвятил это произведение ему. По желанию Листа Бородин сделал переложение «Средней Азии» для фортепьяно в 4 руки и исполнил эту вещь вместе с Листом в домашнем концерте у кн. Витгенштейн [18]. Из Веймара Александр Порфирьевич, следуя желанию Екатерины Сергеевны, обратился с письмом к Н. Н. Лодыженскому, в котором просил разрешения воспользоваться сделанным ранее Н. Н. предложением — провести конец лета в имении Лодыженского Житове Тульской губернии. Н. Н. Лодыженский ответил чрезвычайно любезным письмом от 26/14 июня 1881 года, адресованным, согласно желанию Бородина, в Москву в Голицынскую больницу, где тогда находилась Екатерина Сергеевна. Из других фактов жизни Бородина в Веймаре следует еще отметить знакомство с Гансом Бюловым, а также поездку в Иену на ежегодный концерт церковной музыки в Иенском соборе (так называемый «Вурстконцерт») [19].

О своем затянувшемся пребывании в Веймаре Бородин писал 18/30 июня А. П. и Е. Г. Дианиным.

«Что касается до Вашего псевдобатюшки — отца Александра (разумей Порфирьевича), то он застрял как видите

в Веймаре. Подобно некоему Тангейзеру я попал в мой Венусберг к моей милой седой Венере — старику Листу и не призываю даже по примеру Тангейзера, святую деву Марию, чтобы выручить меня. Если меня выручит кто отсюда, так разве моя Екатерина Мученица, Петербургская пророчица» [20].

Александр Порфирьевич выбрался из своего «Венусберга» только в конце июня старого стиля и направился в Лейпциг, где он надеялся присутствовать на предполагавшемся там представлении «Кольца Нибелунга»; этой надежде не суждено было осуществиться, так как постановка «Кольца» была отложена до осени. Во время пребывания в Лейпциге Бородин гостил у Карла Риделя и сблизился с ним и его семьей.

Александр Порфирьевич приехал из-за границы в Москву 7 июля и уже 11 числа того же месяца отправился в Житово для осмотра предоставленного Лодыженским помещения и подготовки его к приезду его домочадцев. Ввиду удовлетворительного отзыва о житовской даче, полученного от Александра Порфирьевича, Екатерина Сергеевна также приехала в Житово (15 июля) со своей воспитанницей Г. Литвиненко.

В Житове — небольшой и довольно скромной усадьбе Лодыженских — Бородины жили в старом деревянном доме с большим садом. Вскоре после приезда туда Бородин стал заниматься музыкой. Екатерина Сергеевна была довольна Житовым, что не мешало ей проводить ночи без сна и, по обыкновению, не давать спать окружающим... Все же Александр Порфирьевич отдохнул в Житове и сочинил там второй струнный квартет, а также оркестровал арию Кончаковны.

Бородины пробыли в Житове до 7 сентября: в этот день они переехали в Москву. Отсюда Александр Порфирьевич направился в Петербург, куда прибыл 11 сентября.

Вскоре после возвращения в Петербург Бородину пришлось принять участие в двух музыкально-общественных делах.

Во-первых, он уладил конфликт, возникший между М. Р. Щиглевым и правлением «СПб. кружка любителей музыки» и приведший — еще в мае месяце описываемого 1881 года — к отказу Щиглева от дирижирования оркестром кружка. Воспользовавшись своим влиянием на заправил кружка, Александр Порфирьевич «опять водворил там Щиглюшу дирижером» [21].

Во-вторых, Бородину пришлось принять участие в разрешении вопроса об управлении Бесплатной музыкальной школой. Во второй половине сентября 1881 года Н. А. Римский-Корсаков отказался от заведывания этой школой и Совет школы обратился к М. А. Балакиреву с просьбой вновь взять на себя директорство. Одновременно, боясь отказа со стороны Балакирева, Совет школы в лице М. Миланова обратился

к Бородину с просьбой о поддержке. В письме Миланова, сохранившемся в архиве Бородина, говорилось:

«Мы — члены Совета обратились с просьбой к М. А. Балакиреву принять на себя бразды правления. Помогите нам, многоуважаемый Александр Порфирьевич, устроить судьбу Школы, согласно установившемуся в ней духу и поддержать ее существование. В Пятницу 25-го Сент. в 8 час. вечера в квартире М. А. Балакирева соберется Совет Школы. Не найдете ли Вы нужным и возможным пожаловать самим».

Вследствие служебных дел Бородин не смог лично быть 25 сентября на собрании у Балакирева, но послал ему в этот день письмо, в коем его просил не покидать «свое излюбленное детище, доставлявшее Вам немало хлопот и забот, труда и горя, но немало чести и славы, наслаждения и радости, а главное — пользы русскому музыкальному развитию» [22].

Как известно, Балакирев ответил согласием на просьбу Совета, к великой радости Бородина, считавшего, что согласие Балакирева управлять школой указывает на его «возрождение» — возвращение к активной и творческой музыкальной жизни.

Все это время Александру Порфирьевичу приходилось заниматься делами Медицинской академии и Женских врачебных курсов; по Медицинской академии для Бородина существовала в начале осени перспектива быть назначенным начальником Академии. Когда прежний начальник остался в своей должности, эта возможность, к великой радости Бородина, потеряла свою реальность.

Екатерина Сергеевна вернулась в Петербург в начале октября; вместе с нею приехал ее брат Алексей Сергеевич, находившийся в ту пору в очень стесненном материальном положении. Бородину пришлось, в дополнение к своим бесчисленным делам и хлопотам, заниматься устройством А. С. Протопопова на службу при помощи М. А. Балакирева и Т. И. Филиппова.

28 октября Александр Порфирьевич присутствовал у В. В. Бесселя на исполнении законченной Н. А. Римским-Корсаковым «Снегурочки». Эта опера сразу сделалась одним из наиболее любимых им произведений.

Поздняя осень и зима 1881 года были для музыкальных кругов, близких Бородину, в значительной степени посвящены музыкальным поминкам по недавно умершему М. П. Мусоргскому. 8 ноября 1881 года состоялся концерт из его произведений, половина сбора с которого была предназначена для сооружения надгробного памятника. Этот концерт оживил в памяти Бородина образ недавно скончавшегося друга, невеста которого умерла также безвременно. Под влиянием этого настроения у Бородина создался романс «Для берегов отчизны дальной», сочиненный во время небольшого заболевания [23].

В то время у Бородина не было под рукой стихотворений А. С. Пушкина, экземпляр которых, как это бывало со многими книгами Александра Порфирьевича, был, вероятно, зачитан кем-либо из его друзей. Поэтому Екатерина Сергеевна, помнившая наизусть стихотворение «Для берегов отчизны дальной», написала этот текст по памяти на листке бумаги, сохранившемся в архиве Бородина. Как известно, романс «Для берегов отчизны дальной» не понравился многим из друзей Бородина, в особенности — В. В. Стасову. Возможно, что именно поэтому композитор не отдал в печать своего нового произведения. В связи с этим остались неисправленными отступления от пушкинского текста, имевшиеся в записочке Екатерины Сергеевны [24].

Около того же времени была сочинена или, точнее, окончательно завершена знаменитая ария Игоря («Ни сна, ни отдыха измученной душе») [25].

К концу 1881 года окончательно определилась дата юбилейного концерта Д. М. Леоновой, несколько раз откладывавшегося по различным причинам. Для этого концерта Бородин обещал дать, кроме ариозо Кончаковны, половецкий марш, давно уже сочиненный, но еще не оркестрованный. Это обещание автором «Игоря» не было выполнено. По этому поводу он писал Д. М. Леоновой:

«Искренно и глубоко уважаемая Дарья Михайловна — хоть казните, хоть милуйте, а я перед Вами виноват — Половецкий марш не готов» [26].

Расписывание партий аккомпанемента к песне «У людей-то в дому» для этого концерта, а возможно, и репетиции вызвали у Бородиных беседы о стихотворениях Некрасова. В связи с этим Е. С. Бородина подарила Бородину книгу стихов Некрасова, только что вышедшую в новом издании [27].

22 января 1882 года состоялся юбилейный концерт Д. М. Леоновой под управлением А. К. Лядова; из произведений Бородина в этом концерте были исполнены ария Кончаковны и песня «У людей-то в дому» [28]. По просьбе юбилярши Александр Порфирьевич написал об ее 30-летнем юбилее и ее чествовании на юбилейном концерте заметку в одну из немецких музыкальных газет [29].

Через несколько дней после концерта Д. М. Леоновой — 26 января 1882 года — состоялось первое исполнение D-dur'ного квартета Бородина в квартетном собрании Русского музыкального общества [30].

К весне 1882 года относятся привлекшие внимание Бородина два концерта Бесплатной музыкальной школы под управлением М. А. Балакирева; в первом из этих концертов состоялось чествование Балакирева по случаю его возвращения к музыкально-общественной деятельности [31]. Во втором концерте, состоявшемся 17 марта 1882 года, состоялось пер-

вое исполнение E-dur'ной симфонии совсем еще юного тогда А. К. Глазунова. Бородин тепло приветствовал талантливого молодого композитора, с которым он незадолго до того познакомился.

Первые годы царствования Александра III ознаменовались разгулом реакции. Происходили массовые аресты студентов и студенток. Бородин, тесно связанный со студенческой молодежью, тяжело переживал ее невзгоды и стремился всем, чем только мог, помочь арестованным. М. М. Ипполитов-Иванов рассказывает, что Бородин в одну февральскую ночь (1882?) появился во втором часу на квартире певца-любителя В. Н. Ильинского «занесенный снегом и промерзший до последней возможности; оказалось, что он с восьми часов вечера и до часу ночи провел на извозчике, разъезжая по учреждениям и разыскивая кого-то из арестованных...» [32] Кроме розысков арестованных, справок о них и т. п., Бородин занимался ликвидацией компрометирующих их материалов.

Активизация реакционных сил начала сказываться и на работе дорогих Бородину Женских врачебных курсов. Вновь назначенный военный министр П. С. Ванновский признал невозможным дальнейшее пребывание курсов в Николаевском госпитале; в связи с этим, в целях сохранения курсов, возникли проекты об их передаче в ведение Городской думы или Министерства народного просвещения. Бородин, как один из активнейших деятелей Женских врачебных курсов, принимал вместе с некоторыми другими профессорами всевозможные меры для спасения курсов; это отнимало у него немало времени и сильно расшатывало нервы. Утомляли Александра Порфирьевича и другие служебные дела. Наконец, образ жизни Екатерины Сергеевны также оказывал свое действие.

В такой обстановке работа над «Игорем» неизбежно должна была совсем заглохнуть.

В связи с этим М. А. Балакирев, по-видимому, яснее других понимавший жизненные условия Бородина, написал ему 15 апреля 1882 года письмо, в котором предлагал взять знакомую ему сестру милосердия для ухода за Екатериной Сергеевной, чтобы «освободить себя для большего занятия оперой, которую следует же, наконец, окончить». Подобное предложение, так же как и упреки Н. А. Римского-Корсакова и В. В. Стасова, не принесло реальных результатов. Екатерина Сергеевна, постоянно находившаяся в болезненном состоянии, нуждалась не столько в чисто медицинском уходе, сколько в обществе близких людей. Именно поэтому она собирала у себя в доме людей, не понимая, очевидно, что они мешают работе Александра Порфирьевича. В описываемое время у Бородиных, кроме их обычных домочадцев *, жили еще две

* Воспитанницы Е. А. Гусевой и семейства А. П. и Е. Г. Дианиных с малолетним сыном Борисом; Дианины, впрочем, жили почти особняком.

гостьи — А. В. Готовцева и А. А. Столяревская, а также постоянно бедствовавший А. С. Протопопов. Вдобавок, жена брата Бородина — А. А. Александрова, жившая врозь с мужем, стала проявлять признаки психического расстройства; Бородин, подметив это обстоятельство, ездил ее наблюдать на дачу в Лесной, где она поселилась, и советовался по поводу ее болезни с врачом. Ее муж Д. С. Александров незадолго до того тяжело заболел, и Бородину приходилось часто обращаться к врачам и посылать полученные от них указания в письмах к брату.

Александр Порфирьевич все же не бросал музыкальных занятий, с трудом выкраивая время для подготовки к печати, а затем для правки корректур партитуры Es-dur'ной симфонии, печатавшейся в издательстве В. В. Бесселя.

Бородины предполагали провести лето 1882 года в Житове, где им недурно жилось в минувшем году. Однако сборы на дачу, по милости Екатерины Сергеевны, шли в этом году крайне вяло; откладывая свой отъезд со дня на день, она затянула сборы до конца июня.

В последних числах июня Екатерина Сергеевна опять прихворнула, а после ее выздоровления Бородины решили, что на дачу ехать уже поздно, и стали собираться в Москву на промышленно-художественную выставку, где был организован ряд концертов [33]. Этот проект также не осуществился. В начале июля у давно уже нездоровой А. А. Александровой обнаружилось острое психическое расстройство, и Бородин, все время заботливо следивший за нею, нашел необходимым поместить ее в клинику душевнобольных. Ему пришлось изобрести какую-то фантастическую историю, чтобы уговорить ее ехать, пришлось заботиться о ее материальных делах и т. п. [34]. В результате успешного лечения в состоянии больной вскоре наступило значительное улучшение и ее выписали из больницы. Александр Порфирьевич поселил ее временно у себя. Закончив все хлопоты к 10 августа, он уехал в этот день в Москву для посещения выставочных концертов, оставив в Петербурге вновь заболевшую Екатерину Сергеевну.

Первые дни по приезде в Москву Бородин провел почти целиком в обществе знакомых музыкантов—москвичей и приехавших из Петербурга Н. А. Римского-Корсакова, С. Н. Кругликова, П. И. Бларамберга. У Бларамберга он даже дважды ночевал, не желая беспокоить сильно одряхлевшую свою тещу. Он регулярно посещал репетиции концерта, в котором должна была исполняться симфоническая картина «В Средней Азии». Концерт этот состоялся 15 августа в 2 часа дня под управлением Н. А. Римского-Корсакова [35]. Произведение Бородина имело успех, и автор был дважды вызван. В том же концерте Александр Порфирьевич виделся со многими из

своих знакомых и друзей, в частности с Д. В. Стасовым, Н. Н. Лодыженским и А. Н. Калининой.

17 августа Бородин сделался жертвой свирепствовавшей тогда в Москве желудочно-кишечной эпидемии и принужден был пролежать несколько дней в маленькой квартире своей тещи, обе жилицы которой страдали той же болезнью. Это недомогание лишило его возможности присутствовать на репетиции последнего (восьмого) выставочного концерта. На самом концерте, состоявшемся 22 августа под управлением Н. А. Римского-Корсакова, Бородин, как кажется, присутствовал. 24 августа Александр Порфирьевич уехал в Петербург [36].

Осень 1882 года была для Бородина заполнена его обычными служебными и общественными делами. Следует также отметить вторичное исполнение его D-dur'ного квартета в квартетном собрании Музыкального общества — 11 декабря 1882 года. А. А. Бичурина в концерте певцов русской оперы 26 декабря 1882 года спела песню «У людей-то в дому».

В первую половину зимы 1882/83 года Бородин стал бывать на домашних квартетных собраниях у М. П. Беляева, впоследствии прозванных «беляевскими пятницами». По-видимому, именно в это время для одной из таких «пятниц» было сочинено Бородиным известное скерцо D-dur в $^5/_8$, впоследствии предназначенное автором для третьей симфонии [37].

В отношении «Игоря» описываемое время, как кажется, не было плодотворным, и начало нового 1883 года не принесло ничего нового. «С оперой у меня — «один страм!» — писал Александр Порфирьевич Л. И. Шестаковой 3 января 1883 года [38]. По обыкновению он был по горло завален всякого рода делами, далекими от музыки. Так, февраль и часть марта 1883 года были посвящены организации всероссийской подписки на памятник Н. Н. Зинину: в качестве председателя соответствующей академической комиссии Бородин рассылал множество писем и подписных листов [39]. Одновременно продолжались хлопоты о Женских врачебных курсах, существование которых, в атмосфере усиливавшейся реакции, становилось все более непрочным. В бюрократических учреждениях, куда обращались по делам курсов Бородин и другие профессора, их встречало полное равнодушие: все были заняты, по замечанию Александра Порфирьевича, лишь предстоящей коронацией Александра III, из-за которой все прочие дела совсем остановились.

В начале 1883 года Бородин работал над приведением в порядок рукописных оркестровых партий первой симфонии перед ее исполнением 3 февраля в концерте Бесплатной музыкальной школы под управлением М. А. Балакирева. 7 марта 1883 года Александр Порфирьевич присутствовал на первом исполнении «Тамары» Балакирева в концерте Бесплатной школы. В апреле месяце Бородину пришлось отправить пар-

титуру и партии первой симфонии в Германию, куда затребовал эти материалы Карл Ридель, сообщивший также о предстоящем исполнении F-dur'ного квартета Н. А. Римского-Корсакова. Ридель усиленно приглашал Бородина приехать в Лейпциг, где на этот раз было назначено музыкальное празднество. Александру Порфирьевичу очень хотелось воспользоваться этим приглашением, и он было решился уже на эту поездку, но в последний момент нашел такое путешествие невозможным по недостатку денежных средств [40]. Симфония Бородина была исполнена на лейпцигском празднестве 4 мая нового стиля, причем на этот раз ею дирижировал Никиш.

Лето 1883 года оказалось для Бородина еще более неудачным, чем лето 1882 года. Он надеялся в этом году выбраться на дачу пораньше и провести летние месяцы в Житове, но и это не удалось ему, так как еще в июне месяце у него было множество неотложных дел и хлопот.

Летние неурядицы 1883 года Александр Порфирьевич описывал сам в следующих выражениях: «Сначала, не по нашей вине, ускользнула Житовка. Потом пошли поиски за другими деревенскими приютами. Нашли мы их штук пять. Но, разумеется, как только найдем жилье, так начинаем искать предлога как бы не ехать туда... В конце концов, Катя облюбовала Лесное и говорит, что нигде ей не было так хорошо, как тут, в Лесном» [41].

В Лесном Бородины гостили у нанявшей там дачу А. Н. Калининой, так как нанять отдельное помещение не удалось. Судя по словам Александра Порфирьевича, это лето не принесло ему отдыха: «Прошлый год еще было хорошее лето и купанье у меня. Нынче ни того, ни другого»,— читаем мы в цитируемом письме.

Под влиянием усталости и окружавшей его бестолковщины у Александра Порфирьевича начинают в то лето вырываться более резкие, чем обыкновенно, отзывы о складе жизни своей с Екатериной Сергеевной. 31 августа 1883 года он писал, например:

«Мы, вместо того, чтобы делать дело * гоняем каждый день в Сосновку «с у т р а», которое, разумеется, начинается у нас «в е ч е р о м», а не так, как у добрых людей, причина этого Вам известна. И сейчас — я строчу Вам это письмо, а Катя в объятиях Морфея, хотя теперь уже 2-й час, а мы условились: в 12 ехать в Сосновку с харчами и пр. Верую, однако, что все же мы успеем поехать сегодня «с у т р а...» [42]

В такой обстановке работать, разумеется, было трудно. Все же во вторую половину лета 1883 года Бородин занимался изучением некоторых исторических источников [43] и переработкой сценария «Игоря». В результате этой работы он оста-

* Хлопотать о ремонте квартиры.

новился окончательно на мысли о сочинении Пролога к своей опере и приступил к сочинению его. Из старых материалов для Пролога к «Игорю» были использованы: Идоложертвенный хор в храме Радегаста — для интродукции, C-dur'ный хор «Слава», первоначально предназначавшийся для эпилога, а также — в сильно переработанном виде — «сцена явления теней» из «Млады», послужившая для музыкальной характеристики затмения...

Очередной ремонт квартиры Бородиных закончился в сентябре; 30 сентября Екатерина Сергеевна отправилась в Москву, чтобы провести там осень и повидаться со своею матерью. К этому времени Александр Порфирьевич был уже вновь поглощен учебными и административными делами по Военно-медицинской академии и Женским врачебным курсам. Тем не менее, после отъезда Екатерины Сергеевны его жизнь пошла несколько более спокойно, и он оказался в состоянии понемногу продолжать работу над «Игорем». Для этого Александр Порфирьевич регулярно вставал часов в 5—6 утра и занимался сочинением оперы часов до 10.

«...вчера я с утра писал, как и в те дни, «Игоря»,—сообщал он жене 4 октября 1883 года [44],— а потом в 10 часов укатил в Николаевский Госпиталь, в комиссию, где... проторчал до 3 ч... Утром я обличал денежные и хозяйственные мазурства Вильчковского *, а вечером (в другом заседании.— *С. Д.*) — административные. К счастью, удалось изловить и — если не повесить, то посрамить виновных и помочь слушательницам». Описанный в этом отрывке день является более или менее типичным для данного периода жизни Бородина.

В редкие свободные минуты Александр Порфирьевич в ту осень занимался устройством обстановки в своем кабинете. Он задумал меблировать его в восточном вкусе, для чего приобрел несколько недорогих ковров, повесил подаренную ему А. Н. Калининой драпировку (с надписью из Корана) на окне и поставил вместо кровати турецкую тахту, устланную коврами. Одно время Александр Порфирьевич был так сильно увлечен меблировкой своего уголка, что даже просыпался по ночам и целые часы раздумывал о том, какой ковер лучше подойдет для тахты, какие на нее положить подушки и т. п.

Работа над прологом «Игоря» шла в октябре месяце систематически, и Александр Порфирьевич посвящал ей утренние часы.

«Встаю ужасно рано,— писал Бородин Екатерине Сергеевне 15 октября 1883 года,— часов в 5, в 6 и обыкновенно сажусь писать «Игоря», так что он, голубчик, подвигается не на шутку. Сплю бессовестно мало: часов 5, много 6...» [45]

---

* Начальника Николаевского военного госпиталя.

По обыкновению, Бородины вели между собою оживленную переписку. Прожитая в Москве осень 1883 года оказалась для Екатерины Сергеевны довольно беспокойной. Ее родственники — брат Алексей Сергеевич с семьею — продолжали испытывать серьезные материальные затруднения. Кроме того, администрация Голицынской больницы затеяла в это время выселить мать Екатерины Сергеевны из занимаемого ею помещения. Все эти неурядицы неизбежно отзывались и на жизни Бородина. Ему пришлось много хлопотать лично и письменно о сохранении квартиры тещи, пришлось материально помогать А. С. Протопопову и даже вновь приютить его в своей перенаселенной, как всегда, квартире. Всё же эти хлопоты не выбивали его так из колеи, как болезни и бессонница Екатерины Сергеевны, и в течение всего октября он продолжал систематически заниматься «Игорем». В письме к Екатерине Сергеевне от 31 октября он сообщает, что в этот день «встал в шесть часов и сел, не умываясь, писать Игоря». Из того же письма узнаем, что вечером 31 октября он занимался корректурой печатавшихся тогда у Бесселя оркестровых партий первой симфонии [46]. В этой работе ему помогал Г. О. Дютш.

Около того же времени Александра Порфирьевича известили о намерении исполнить его первую симфонию в Бельгии; он получил, в частности, письмо от бельгийского музыкального деятеля Т. Жадуля, содержащее восторженные отзывы об этой симфонии и просьбу разрешить посвятить Бородину написанный Жадулем романс.

Утренняя работа над «Игорем» продолжалась, по-видимому, в течение значительной части ноября месяца. По всей вероятности, сочинение Пролога было закончено к 21 ноября: в этот день у Александра Порфирьевича состоялся вечером «раут», на котором из числа музыкальных деятелей присутствовали Н. А. Римский-Корсаков, Н. Н. Римская-Корсакова, Н. Н. Лодыженский, А. К. Лядов, А. К. Глазунов, Ф. М. Блуменфельд и В. В. Стасов.

«Музыкальная братия наша,— писал Бородин жене 22 ноября,— прибыла слушать мой пролог» [47].

Вскоре после этого «раута» работа над «Игорем» прервалась. 3 декабря Бородин писал жене, что «Игорь временно затих, за недостатком времени» [48]: пришлось утренние часы отдавать работе по годовым отчетам разных комиссий.

В том же письме сообщалась следующая новость: «В Музыкальном обществе меня избрали в директора... Мои музыкальные друзья на меня дуются за то, что я пошел в дирекцию». Мы узнаем также, что избрание Бородина при смене дирекции было сделано по желанию К. Ю. Давыдова, назначенного тогда директором консерватории. Бородин полагал, что может в качестве директора РМО принести пользу делу

русской музыки, и считал неудобным отказаться также из-за нежелания обидеть дружески к нему относившегося Давыдова. Вскоре после этого Александр Порфирьевич был на музыкальном вечере у Давыдова, который специально для Бородина играл виолончельную сонату Шопена, а пианист д'Альбер прекрасно исполнил обе бородинские симфонии, играя один по четырехручному переложению...

Екатерина Сергеевна возвратилась в Петербург в первой половине декабря. В этом месяце состоялось первое заграничное исполнение «Средней Азии», имевшее место в третьем академическом концерте в Иене [49]. Наконец, в том же месяце к Бородину поступила через К. Риделя просьба дрезденского дирижера Вюллнера о высылке партитуры и партий первой симфонии для предстоящего ее исполнения в одном из концертов.

С начала 1884 года в работе над «Игорем» наступает длительный перерыв. Условия жизни Бородина весьма мало благоприятствовали музыкальному творчеству. Вместе с тем, характер той, преимущественно редакционной работы, которую предстояло еще выполнить для завершения «Игоря», не мог всецело занимать собою творческую фантазию автора оперы, и у него начали возникать замыслы других музыкальных произведений. По всей вероятности, именно к зиме 1883/84 года относятся первые мысли о третьей симфонии и проект переделки квартетного скерцо в скерцо этой симфонии, в которое Бородин решил включить трио на мотив «рассказа купцов».

Многие сочинения Бородина были в ту зиму исполнены в концертах. В частности, к весне 1884 года относятся первые успехи русской музыки в Бельгии, откуда Александр Порфирьевич продолжал получать восторженные письма от Т. Жадуля. Стараниями этого почитателя музыки Бородина, а также известной меценатки графини Луизы де Мерси-Аржанто было устроено исполнение симфонической картины «В Средней Азии» в Льеже 17/29 марта 1884 года. Ввиду большого успеха этого произведения оно было исполнено и в концерте 19 апреля/1 мая 1884 года [50]. Жадуль сообщил также Бородину о проекте организации специального концерта русской музыки в Льеже зимой 1884/85 года и просил выслать для этого концерта партитуру и партии одной из его симфоний.

К концу весны 1884 года у Александра Порфирьевича обнаружилось значительное расстройство здоровья, сопровождавшееся упадком сил, и появились мало свойственные этому необычайно доброму и кроткому человеку приступы раздражительности. Заваленный множеством всяких «дел» бюрократического свойства, вроде участия в пресловутой «Комиссии по аптечной трате», вечно не досыпавший по милости Екате-

рины Сергеевны, почти не находивший возможности заниматься любимым искусством, Александр Порфирьевич особенно тяжело переносил в ту весну обычные хлопоты по снаряжению на дачу Екатерины Сергеевны.

Дача Бородиным на этот раз была рекомендована их новым знакомым, выдающимся русским ботаником С. Г. Навашиным, тогда еще только начинавшим свою ученую деятельность. Навашин собирался провести лето в подмосковной слободе Павловское Звенигородского уезда и звал Бородиных также прожить лето в Павловском. После некоторых колебаний они решились последовать его приглашению.

18 июня Александр Порфирьевич отправил жену в Москву к ее матери, а сам 21 числа выехал с Е. А. Гусевой в Павловское для подготовки дачного помещения к приезду Екатерины Сергеевны. Его раздражение и усталость ярко сказались в письме к жене от 18 июня; жалуясь на хлопоты о своих и чужих делах, он писал: «Нет, мудрено быть одновременно и Глинкой, и — Семеном Петровичем *, и ученым, и комиссионером, и художником, и чиновником, и благотворителем, и отцом чужих детей, и лекарем, и больным... Кончишь тем, что сделаешься только последним. Не только в деревню, а, кажется, к черту отправился бы отсюда...» [51]

Усталый композитор предвидел еще множество хлопот — вплоть до «добывания инструмента»,— прежде чем ему удастся обрести физический и моральный досуг, необходимый для сочинения музыки. Уладив все дачные дела и оставив Е. А. Гусеву на попечении Навашиных, Бородин приехал 25 июня в Москву за Екатериной Сергеевной. Но оказалось, что она страдает тяжелой формой бронхита и находится в подавленном психическом состоянии. Сообщенные ей особенности Павловского (обилие растительности, обильные утренние и вечерние росы, дача, расположенная в котловине) показались ей крайне опасными для ее здоровья, и она захотела искать новую дачу. Александр Порфирьевич нашел ей дачное помещение в ближайших окрестностях Москвы — в Печатниках. На грех, около этой дачи была, судя по сообщению газет, обнаружена и арестована шайка воров; прочтя об этом, Екатерина Сергеевна отказалась туда перебираться. В конце концов, уже в начале месяца, Бородины все же поехали в Павловское в виде опыта хотя бы «на пять дней». Таким образом, Александр Порфирьевич провел значительное время в Москве, в «курятнике» матери Екатерины Сергеевны и был настолько поглощен болезнью жены и дачными делами, что даже не смог достать себе фортепьяно. Из музыкальных дел за это время можно лишь отметить начало переписки Бороди-

---

* Семеном Петровичем Ступишиным — мужем тетки Екатерины Сергеевны. Он упомянут здесь, как типичный образец чиновника.

на с графиней де Мерси-Аржанто, сделавшейся в скором времени ревностной поклонницей и пропагандисткой музыки автора «Игоря». В первом письме к Аржанто, помеченном 29 июня, Бородин обещает своей корреспондентке оркестровать «Море» для предстоящего исполнения этой баллады в Льеже и выслать три сольных номера из «Игоря» (арию Кончака, арию Владимира Игоревича и песню Владимира Галицкого) [52].

В Павловском Бородины устроились довольно удобно и прожили там все лето. По просьбе Екатерины Сергеевны, Навашины уступили Бородиным свое помещение, находившееся на более возвышенном месте, чем первоначально намеченный для Александра Порфирьевича дом, а сами перешли в другую избу. Таким образом, в распоряжении Бородиных оказался довольно большой домик; по словам Александра Порфирьевича, у него оказалась в Павловском такая комната, какой не было еще ни на одной даче.

Нанятый Бородиными дом выходил фасадом на большой луг; за этим лугом и дорогой было расположено кладбище с двумя живописными гробницами. Нравились Александру Порфирьевичу и окрестности Павловского.

Большим недостатком этой дачи было отсутствие фортепьяно.
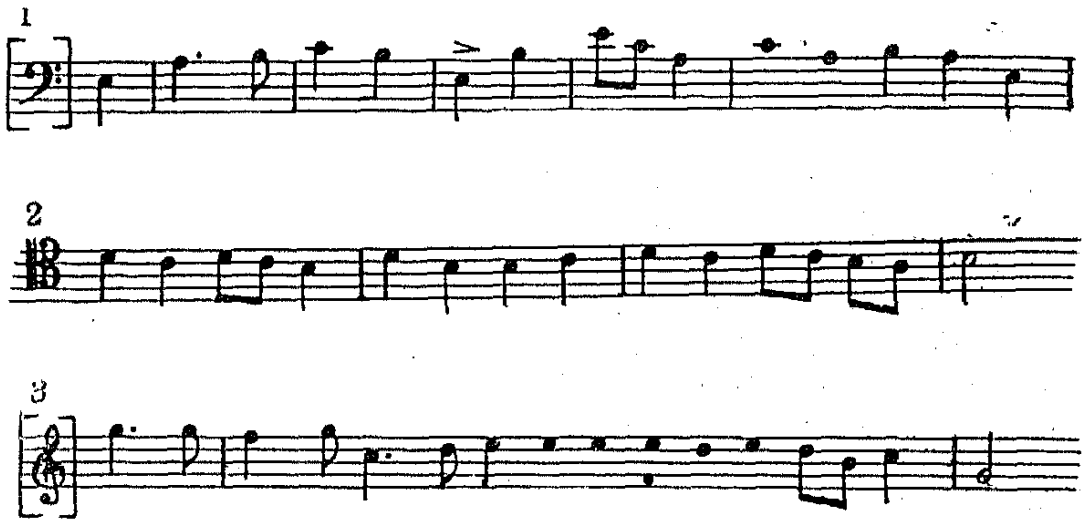
«Правда,— писал Бородин к А. П. и Е. Г. Дианиным 2 августа,— что к моим услугам рояль моей соседки, но это далеко не то; не у себя дома; я стеснен...» [53]

По всей вероятности, это обстоятельство, в связи с сильной усталостью Бородина, послужило причиной малой продуктивности лета 1884 года. Как кажется, он занимался в это лето преимущественно работой над сценарием третьего действия «Игоря», в частности текстом партии Кончаковны в трио, в коем решил использовать из «Млады» мотив Войславы в ее дуэте с Яромиром [54]. Кроме того, Александр Порфирьевич был еще занят оркестровкой «Моря», транспонированного в e-moll [55]. Наконец, с большою вероятностью можно предположить, что именно в это лето Бородиным была сочинена основная тема Andante его третьей симфонии, оставшегося, как известно, незаписанным.
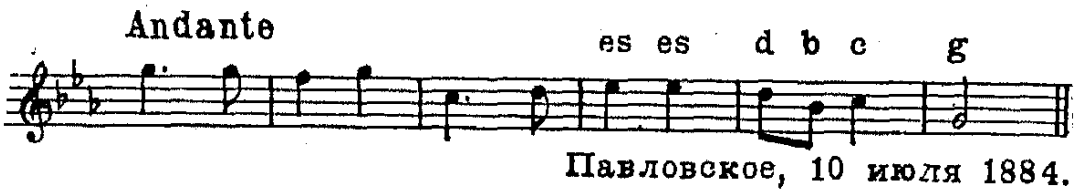
Александр Порфирьевич вообще с интересом изучал народный быт и записывал услышанные им песни, если они почему-либо привлекали его внимание. Павловская слобода доставила ему в этом отношении довольно любопытный материал. Она была в то время населена преимущественно сектантами «беспоповцами». Со свойственным ему юмором Бородин описывал в письмах этого времени различные типы жителей Павловского. Интересных народных песен он там не встретил: «Парни и девушки прогуливаются и поют — к сожалению пакостнейшие песни — «о златом песочке, следочках милой»

и в том же роде»[56]. Зато в отношении обрядовых напевов Александр Порфирьевич наткнулся на очень интересный материал. Для изучения этих напевов он несколько раз посетил в сопровождении Е. А. Гусевой и одной местной жительницы беспоповскую молельню; он нашел, что там «поют преинтересные *старинные молитвы* вроде «Danse macabre» Листа «Dies irae dies illa».

Бородин записал следующие наиболее ему понравившиеся мотивы этих песнопений:

На основе одного из таких мотивов он создал следующую c-moll'ную тему, озаглавленную Andante и записанную на том же клочке бумаги:

Павловское, 10 июля 1884.

Этот мотив послужил впоследствии темой Andante третьей симфонии: по всей вероятности, композитор с самого начала предназначал его именно для этой цели[57].

Насколько позволяло «подлейшее» холодное лето, Александр Порфирьевич, как всегда, развлекался прогулками и собиранием грибов. К началу сентября месяца как он сам, так и Екатерина Сергеевна чувствовали себя заметно лучше. В первых числах сентября оба они уехали в Москву, причем Александру Порфирьевичу пришлось сильно торопить Екатерину Сергеевну, так как она все время оттягивала отъезд и они поэтому несколько раз «собирались начать собираться»[58].

В Петербург Бородин приехал 14 сентября; Екатерина Сергеевна осталась в Москве до ноября месяца.

В эту осень Бородин вел несколько более гигиенический образ жизни — рано вставал, по своему обыкновению, и ложился спать около 12 часов, причем почти весь день Бородина был, как обычно, заполнен учебной работой и всякими общественными делами. Можно предположить, что в последние дни пребывания на даче или вскоре по приезде в Петербург Александр Порфирьевич импровизировал увертюру к «Игорю». Такое предположение основано на сообщении автора «Игоря» о первом свидании со своими музыкальными друзьями после летнего перерыва.

«Все пристают ко мне,— писал Александр Порфирьевич,— с увертюрой «Игоря». Глазунов и Дютш берутся сами переписывать партии, только чтоб я писал эту вещь к концерту Музыкального Общества» [59]. Из этого сообщения Бородина невольно напрашивается вывод, что он играл своим друзьям отрывки из увертюры к «Игорю» или даже импровизировал ее тогда целиком.

Как уже говорилось, у Бородина завязалась переписка с его бельгийскими поклонниками Жадулем и де Мерси-Аржанто, причем в связи с этим возникали новые хлопоты.

Так, например, получив от Аржанто перевод своих романсов, сделанный поэтом Полем Колленом и графиней, а также перевод сольных номеров из «Игоря» *, выполненный Аржанто, Бородин счел необходимым внести в эти переводы свои поправки, дабы устранить комические lapsus'ы, в них имевшиеся. В частности, например, Аржанто поняла буквально выражение «сесть князем на Путивле», причем «Путивль» сочла за «грузинскую кобылу Пультива́», кроме того, в ее переводе песни Владимира Галицкого появились: «амброзия», «польки и кадрили» и т. п. нелепости. Точно так же в переводе «Спящей княжны» лешие превратились в сатиров; были неблагополучия и в переводе «Фальшивой ноты». Александр Порфирьевич внес с большой деликатностью все необходимые изменения. Одновременно начались переговоры об издании романсов с французским и русским текстом, а также об издании «трех Игорей». Для ограждения своих авторских прав Бородину пришлось в декабре 1884 года вступить в число членов французского общества поэтов, композиторов и издателей **.

Кроме всех этих вопросов, в переписке с бельгийскими корреспондентами обсуждался вопрос о том, какую из двух симфоний Бородина назначить к исполнению в организуемом

---

* По терминологии Аржанто — «трех Игорей» (les trois Igors).

** «Société des auteurs, compositeurs et éditeurs de musique» («Sacem»).

в Льеже русском концерте, причем Александр Порфирьевич настоял на исполнении п е р в о й симфонии.

Из Бельгии и Франции приходили все новые и новые вести, показывавшие, что «новая русская музыкальная школа» постепенно завоевывает международное признание. Так, 7/19 октября 1884 года была с большим успехом исполнена в Париже под управлением Ламурё симфоническая картина «В Средней Азии» [60].

Около того же времени в Льеже был организован комитет пропаганды новой русской музыки, на еженедельных собраниях которого исполнялись вновь полученные или специально интересовавшие участников этих собраний музыкальные вещи. В частности, на одном из собраний этого комитета была исполнена на фортепьяно Es-dur'ная симфония Бородина. Она настолько сильно понравилась бывшему в числе гостей директору консерватории в Вервье, что он взял у Жадуля партитуру и партии этой симфонии и исполнил ее в Вервье 17/29 октября 1884 года [61]. Немного позднее Ламурё выразил желание исполнить в Париже «Богатырскую» симфонию.

Во время рождественских каникул 1884/85 года, на протяжении которых был написан для певицы А. А. Бичуриной романс «Спесь», Бородин сочинил, вероятно, также первые четыре пьесы посвященной графине Мерси-Аржанто «Маленькой сюиты» для фортепьяно [62].

В январе 1885 года прошел в Льеже с большим успехом первый концерт из произведений русских композиторов, причем на этом концерте Т. Жадуль дирижировал первой симфонией Бородина. Ввиду блестящего успеха концерта и по требованию многих лиц он был повторен 9/21 января. На этих концертах особенно большой успех, кроме симфонии, имел романс «Спящая княжна».

В конце января того же года вышла из печати в издании Ратера партитура A-dur'ного квартета Бородина. Этот квартет вскоре также завоевал популярность в Европе, а затем и в Америке.

В первых числах февраля 1885 года Бородин получил от председателя «Международного общества композиторов» в Париже Брюно просьбу о высылке в Париж партитуры и партий первой симфонии для ее исполнения на фестивале «общества».

Тем временем из Бельгии продолжали приходить известия об успехах новой русской музыки. 28 февраля (новый стиль) состоялся в Льеже третий русский концерт. На этом концерте были исполнены: первая симфония Бородина, песня Владимира Галицкого, Морская царевна, Спящая княжна *; пес-

* Исполнена на bis; в программе этого романса не было.

ния Леля из «Снегурочки» Римского-Корсакова; хор прислужниц Марины из «Бориса Годунова»; фортепьянная сюита А. К. Глазунова (на тему «Sascha»); Славянская тарантелла Даргомыжского; «Enfant, si j'étais roi», Черкесская песня, хор и секстет из «Кавказского пленника», черкесские танцы из той же оперы, Andante и Scherzo для скрипки с фортепьяно и тарантелла Кюи. Весь концерт прошел с громадным успехом [63]...

6 февраля 1885 года, в пятилетнюю годовщину смерти Н. Н. Зинина, был открыт сооруженный стараниями Бородина памятник Зинину в Естественно-историческом здании Военно-медицинской академии. Организованная Бородиным всероссийская подписка дала столь значительную сумму, что, кроме изготовления памятника, оказалось возможным учредить на оставшиеся деньги стипендии имени Зинина для нуждающихся студентов Академии.

В первую половину 1885 года Бородин продолжал занятия со студенческим оркестром, организованным им еще в 1883 году. В этот период продолжалась также отделка «Маленькой сюиты» и посвященного Жадулю As-dur'ного скерцо. Желая побудить Александра Порфирьевича заняться оперой и приблизить момент ее завершения, Н. А. Римский-Корсаков стал весной описываемого года заниматься изготовлением предварительного клавираусцуга «Игоря».

«Переписываю предварительный клавираусцуг Игоря, приводя его таким образом в порядок, причем добавляю и сокращаю кое-где такты, дописываю речитативы, ставлю нумера модуляциям, транспонирую, что надо, голосоведение устраиваю и т. д. Пролог и 1 картину первого действия окончил, думаю так и дальше продолжать и надеюсь, что к осени Игорь будет кончен и можно будет приняться за инструментовку, а по весне сдать его в театр. Мню, что моими стараниями Бородин пленится и сам что-нибудь да сделает, а в 3 действии требуется и его рука, там многого не хватает...» [64]

Судя по всему, эта редакционная работа Римского-Корсакова в 1885 году не пошла далее второй картины первого акта.

К концу июня Александр Порфирьевич внезапно заболел холериной: припадок болезни был настолько силен, что больного едва удалось спасти впрыскиванием физиологического раствора поваренной соли [65]. Здоровый организм Бородина быстро справился с болезнью и через несколько дней после припадка он уже был в состоянии описать свою болезнь А. Н. Калининой в шуточном стихотворении [66]. Однако эта болезнь, без сомнения, сильно подорвала здоровье Бородина и явилась одним из сильных толчков, подготовивших его последнее смертельное сердечное заболевание...

В двадцатых числах июля Екатерина Сергеевна уехала в Москву и поселилась на лето в подмосковной дачной мест-

ности Раменское у своего давнишнего знакомого, скрипача-любителя Я. С. Орловского. Через несколько дней после ее отъезда, а именно 27 июля, Александр Порфирьевич выехал за границу [67]. Под свежим впечатлением только что перенесенного тяжелого заболевания, а может быть, и под влиянием болезненных ощущений от развивавшейся у него сердечной болезни, Бородин счел необходимым оставить при отъезде записку с некоторыми распоряжениями на случай его смерти [68].

Ко времени отъезда за границу Бородиным были уже закончены все семь фортепьянных пьес, объединенных в «Маленькую сюиту», посвященную де Мерси-Аржанто. Эта сюита представляла собою программное произведение, характер программы которого хорошо уясняется отсутствующим в нотах подзаголовком («Petit poème d'amour d'une jeune fille»), дошедшим до нас вместе с черновым наброском программы сюиты [69].

«Маленькая сюита» и посвященное Т. Жадулю скерцо были сданы в печать в издательство Бесселя, и по дороге за границу Бородин правил корректуры этих произведений.

Приехав в Германию в конце лета, Александр Порфирьевич не застал никого из нужных ему лиц ни в Берлине, ни в Лейпциге. Зато в Веймаре он встретился — в последний раз в жизни — с Ф. Листом.

Встреча отличалась задушевностью, Александр Порфирьевич провел вместе с веймарским маэстро целый вечер у Мейендорф, во время которого Лист проиграл по корректуре «Маленькую сюиту» и «Скерцо», которые ему «ужасно понравились» [70].

Простившись с Листом, Бородин отправился в Льеж, куда прибыл 5/17 августа. Он остановился в замке Аржанто в тринадцати километрах от города; ему была предоставлена маленькая отдельная квартира. Александр Порфирьевич остался очень доволен живописным местоположением замка и радушием оказанного ему приема [71].

Будучи весьма тронут этим приемом, Александр Порфирьевич сочинил во время пребывания в замке Аржанто свой последний романс «Septain» на слова поэта Жоржа Коллена, посвященные парку, замку и его владелице [72].

Через несколько дней по приезде в Льеж —12/24 августа — Бородин съездил на несколько дней в Антверпен, но эта поездка оказалась почти совершенно бесплодной, так как концерты на выставке были отложены на сентябрь, и все антверпенские музыкальные деятели были в отъезде.

Из Антверпена Бородин поехал в Париж, где пробыл до 25 августа/6 сентября.

Из своих русских знакомых, живших в Париже, Бородин никого не застал и проводил большую часть свободного вре-

мени в обществе скрипача П. Ж. Марсика, с которым он познакомился в Льеже, и других французских музыкантов. В эти же дни, проведенные в Париже, Бородин познакомился с Бургò-Дюкудрэ и Сен-Сансом. Тем временем общество антверпенских музыкантов направило Бородину приглашение дирижировать концертами русской музыки на антверпенской выставке. Из этого приглашения Бородину стало известно, что, кроме намеченных уже ранее «В Средней Азии» второй симфонии и романсов, будет также исполнена и первая симфония. От дирижирования концертами Александр Порфирьевич решительно отказался, ссылаясь на непривычку управлять большим оркестром, но счел необходимым присутствовать на всех трех концертах, прошедших с триумфальным успехом и сопровождавшихся овациями в честь русского композитора. В первом из них была исполнена картина «В Средней Азии», во втором — h-moll'ная симфония под управлением Г. Гюберти, на последнем — симфония Es-dur, под управлением Раду. С обоими дирижерами Бородин лично познакомился и даже подружился.

Александр Порфирьевич выехал в Россию из Антверпена на другой день после третьего «русского концерта», то есть 8/20 сентября. По дороге он, проезжая через Лейпциг, повидался в последний раз с К. Риделем и его семьей. В Петербург Бородин вернулся 14 сентября (старый стиль) и вскоре отправился на несколько дней в Москву для свидания с женою. По совету врачей Екатерина Сергеевна решилась провести зиму 1885/86 года в Москве. Она поселилась у старого знакомого и товарища Бородина по Медико-хирургической академии доктора М. В. Успенского, в его казенной квартире, находившейся в здании кадетского корпуса в Лефортове.

Устроив там Екатерину Сергеевну, Александр Порфирьевич возвратился 24 сентября в Петербург и возобновил свою обычную работу.

К этому академическому году, ввиду ликвидации Женских врачебных курсов [73], учебная деятельность Бородина сосредоточилась исключительно в Военно-медицинской академии. Кроме педагогической работы, он принимал участие в целом ряде комиссий военного министерства, в частности в комиссии по снабжению армии дезинфекционными средствами, и даже председательствовал в некоторых из них.

В ноябре 1885 года Бородин вышел из числа директоров Русского музыкального общества, которое он считал цитаделью «немецкой музыкальной партии».

Около того же времени было положено начало музыкальной организации, сыгравшей большую роль в оформлении «беляевского кружка»,— русским симфоническим концертам, основанным М. П. Беляевым. 23 ноября 1885 года Александр Порфирьевич присутствовал на первом таком концерте. В нем

была исполнена «Богатырская» симфония, которая «прошла хорошо и принята была хорошо» [74].

Через четыре дня после этого концерта — 27 ноября — состоялось торжественное открытие памятника М. П. Мусоргскому на его могиле в Александро-Невской Лавре; первая из речей, произнесенных на этом торжестве, была, «по настоянию Стасова», сказана Бородиным [75].

1 декабря Александр Порфирьевич управлял концертом любительского оркестра, организованного им еще в 1883 году в Военно-медицинской академии. Концерт прошел хорошо, причем увертюра к «Руслану» была повторена по требованию публики. Пресса отметила талантливость Бородина как дирижера [76].

В этом сезоне приезжали в Петербург Ганс фон Бюлов и упоминавшийся уже скрипач Марсик. Бюлов дирижировал несколькими концертами Русского музыкального общества и исполнил в одном из них — 21 декабря 1885 года — первую симфонию Бородина.

В начале зимы Александр Порфирьевич и Кюи получили из Бельгии приглашение приехать в Льеж и в Брюссель к концу декабря. В это время там должны были исполняться произведения Бородина и других русских композиторов, а в Льежском театре было тогда же назначено первое представление оперы Кюи «Кавказский пленник». Композиторы выехали из Петербурга 21 декабря старого стиля; в Льеже они очутились 25 декабря.

Последнее пребывание Бородина в Бельгии продолжалось до 12/24 января 1886 года. Все его время, в течение этих прожитых в Льеже и Брюсселе дней, было заполнено посещением репетиций, концертов, представлений «Кавказского пленника», а также множеством разных официальных и неофициальных визитов. Бородин вновь прослушал в прекрасном исполнении обе свои симфонии, ряд романсов и отрывков из «Игоря». Из числа новых встреч с людьми следует отметить знакомство Бородина с его будущим биографом Габэ (Habets) и с брюссельским дирижером Дюпоном. Восхищенный отрывками из «Игоря», Дюпон просил Бородина доставить ему французский перевод либретто и партитуру оперы, которую он непременно хотел поставить на брюссельской сцене. Прием, оказанный публикой русской музыке и, в частности,— произведениям Бородина, был на этот раз еще более горячим...

Усталый, но довольный возвратился Александр Порфирьевич в Петербург и с самого дня приезда — 16 января старого стиля — сразу погрузился в свои обычные занятия. Дел накопилось очень много: они поглощали все его время и даже заставляли его урезать свой ночной отдых.

В письмах к Екатерине Сергеевне, относящихся к концу января и февралю 1886 года, Александр Порфирьевич делится

с ней мечтами о летнем отдыхе и надеждами когда-нибудь избавиться от службы:

«Все мечтаю о лете, о даче, о деревенской жизни, красной рубахе, купанье, приволье! Господи, какие скромные мечты и то не всегда удается выполнить! А время все идет, идет на всех парах, вот уже тридцатый год дослуживаю, шутка ли!.. А черт побери, хотелось бы пожить и на свободе, развязавшись совсем с казенною службою! Да трудное дело! Кормиться надобно; пенсии не хватит на всех и вся, а музыкой хлеба не добудешь. Вот будь я, например, живописец,— другое дело! Маковского (Конст.) «Свадьба» имела в Антверпене успех и моя симфония тоже,— даже последняя еще больший, по существу,— но за картину дали 15 тысяч, а за симфонию — н и ч е г о! — Вот оно музыка-то!» [77]

В половине февраля Бородин ездил на несколько дней в Москву. В начале марта петербургские музыкальные друзья Бородина решили сделать на него новый натиск с целью уговорить поскорее окончить «Игоря». Описывая состоявшийся у него 9 марта музыкальный вечер, Бородин писал Екатерине Сергеевне:

«В прошлое воскресенье были Корсаковы, он и она, Глазунов, оба Блуменфельда, Беляев, Стасов Владимир, Ильинский и Моисеенко (помнишь? товарищ его, большой любитель нашей музыки), Курбанов, Марья Васильевна * и Александра Александровна **. Исполняли исключительно одного Игоря и на стены лезли от восторга. Все это было п р и у г о т о в л е н о в виде комплота, чтобы заставить меня поскорее кончить оперу, и Павлыч *** знал о комплоте, но не хотел мне сказать заранее! Ввиду того же Беляев, который имеет свою фирму в Лейпциге как издатель музыки,— напал на меня и купил право издания оперы — за 3 000 р.! Эту сумму он сам предложил мне; Бессель и tutti quanti более 600 р. много 1 000 р. (да и то — вряд ли!) не дают за оперы. Кроме того, Беляев издает несравненно изящнее; издает и клавираусцуг и оркестровую партитуру п е ч а т н у ю, чего Бессель сделать не в состоянии; наконец, Беляев дает мне сразу все деньги, чистоганом, чего Бессель ни за что, никогда и никому не делает! Так что это дело собственно очень хорошее, на которое я никогда и не рассчитывал» [78].

Сообщая об этом предложении Беляева и состоявшейся покупке права издания «Игоря», Бородин просил держать этот факт в секрете. Впрочем, он сам не особенно строго соблюдал этот секрет, так как через два дня после цитированного письма к Екатерине Сергеевне он написал о том же са-

---

* М. В. Доброславина.
** А. А. Александрова.
*** А. П. Дианин.

мом М. А. Гусевой [79], а вскоре сообщил о заключенном договоре и своим бельгийским друзьям.

Сам Бородин вполне сознавал необходимость выполнения заключенного договора: «Теперь надобно летом приняться серьезно за «Игоря»,— писал он Екатерине Сергеевне 27 марта [80].

В ожидании этого лета Бородин был занят, если не считать переписки по музыкальным делам,— всем чем угодно, но только не музыкой: в Академии шли весенние экзамены, заседали всякого рода комиссии и комитеты. В начале апреля Александр Порфирьевич был переизбран профессором Академии на второе дополнительное пятилетие [81].

В половине апреля, пользуясь пасхальными каникулами, Бородин опять поехал навестить Екатерину Сергеевну. Во время этого пребывания в Москве он нанял для себя и жены дачу в Раменском. Большую часть времени, прожитого в Москве, он проводил в обществе жены и ее новых приятельниц — молоденьких француженок Юдифи и Дельфины, живших недалеко от Екатерины Сергеевны в том же самом Лефортовском корпусе. Юдифь (в замужестве Ракинт) была талантливой пианисткой, ее незамужняя сестра Дельфина — певицей и скрипачкой.

Вскоре после возвращения в Петербург Бородин был вновь вызван телеграммой в Москву из-за обострившейся болезни его тещи — Е. А. Протопоповой. Эта поездка в Москву была связана и с какими-то служебными делами; в письме от 6 мая 1886 года Бородин писал: «Я разъезжал по разным местам ради моего личного и ради казенного интереса и только на днях буду в Питере» [82]. Вернулся он в Петербург в середине мая.

Между тем состояние здоровья Екатерины Сергеевны стало быстро ухудшаться: начались отеки из-за развившейся водянки.

В начале июня состояние больной стало настолько тяжелым, что находившийся в то время при ней А. П. Дианин 3 июня вызвал Бородина телеграммой в Москву.

Прошло четыре мучительных дня, в продолжение которых Бородин почти не спал и с минуты на минуту ждал смерти жены: эти тяжелые переживания сильно потрясли его уже и без того утомленный организм и обострили начинавшуюся болезнь сердца. К 8 июня Екатерине Сергеевне стало легче; Александр Порфирьевич и сам как бы ожил. Но даже после переезда на дачу в Раменское и значительного улучшения в состоянии Екатерины Сергеевны у Бородина не было ни покоя, ни отдыха, а тем более возможности заниматься музыкой.

Лишь к концу июля Екатерина Сергеевна настолько подбодрилась, что Александр Порфирьевич получил возможность

немного отдохнуть. Этот период относительного спокойствия оказался, однако, кратковременным: он был прерван смертельной болезнью матери Екатерины Сергеевны, скончавшейся 6 сентября 1886 года. В связи с этим Бородины переехали с дачи в Москву и наняли квартиру по соседству с местожительством умиравшей Е. А. Протопоповой [83]. Здесь Бородин прожил весь сентябрь месяц; здесь начала создаваться давно уже задуманная третья симфония: Александр Порфирьевич сочинил главную тему первой части и с увлечением работал над этой частью [84].

По всей вероятности, параллельно с этим шла и работа над «Игорем», заключавшаяся в подготовке эскизов третьего акта и в редактировании второго акта; точных данных об этой работе у нас нет.

Бородин приехал в Петербург 5 октября, оставив на московской квартире Екатерину Сергеевну, возле которой находились две служанки и сестра милосердия.

В эту осень, несмотря на необходимость много отдавать сил обычной служебной работе, Александр Порфирьевич, как бы предчувствуя близость смерти, стремился уделять как можно больше времени для музыки. Кроме посещений репетиций русских симфонических концертов и самих этих концертов, переписки с заграничными музыкальными друзьями, дирижирования студенческим оркестром, он регулярно занимался композицией, для чего, по своему обычаю, употреблял ранние утренние часы. С начала осени из издательства Бесселя стали поступать корректуры партитуры «Богатырской» симфонии, которыми Бородин усердно занимался, внося в партитуру множество мелких изменений [85]. Кроме этой правки корректур, утренние часы Бородина были посвящены работе над «Игорем», заключавшейся в окончательном редактировании второго акта оперы. В этот период был сочинен хорик половецкого дозора («Солнце за горой уходит на покой»), разговор Игоря с Кончаком, а также, вероятно, «хор русских пленников», существовавший лишь в виде импровизации и оставшийся незаписанным [86]. В письме к Екатерине Сергеевне от 20 ноября 1886 года Александр Порфирьевич сообщал: «Я кончил 2-й акт Игоря» [87].

В ту же осень Бородин принял участие в сочинении коллективного квартета на тему *be—la—ef*, подаренного Беляеву ко дню его именин 23 ноября 1886 года. По поводу этого сочинения мы находим следующие подробности в цитированном письме от 20 ноября:

«Корсаков сделал 1-ю часть, Глазунов финал, Лядов скерцо, а я вместо andante — испанскую серенаду, прекурьезную и очень удачную... Из последовательности трех нот *be, la* и *f* вышла премилая испанская тема и контрапункт к темам других инструментов. Все вышло очень мило, оригинально,

остроумно чрезвычайно и в то же время очень музыкально. А главное, сделано единым махом пера очень живо...» [88]

Итак, к осени 1886 года у Бородина начался период нового творческого подъема. Однако надорванное здоровье не дало развиться этому подъему. С начала осени Александр Порфирьевич стал по временам ощущать боли в области сердца и неоднократно обращался то к А. П. Дианину, то к знакомым врачам с просьбой его выслушать. Произведенные исследования показали, что состояние сердца — угрожающее; разумеется, больному об этом не было сказано ни слова.

Боясь возможности близкой кончины Александра Порфирьевича, А. П. Дианин обещал Н. А. Римскому-Корсакову и А. К. Глазунову тотчас же давать им знать о каждом новом произведении Бородина, с тем, чтобы, пользуясь феноменальной музыкальной памятью А. К. Глазунова, быть в состоянии восстановить в случае надобности даже незаписанные страницы. Весь декабрь 1886 года до рождественских каникул был у Бородина занят бесполезной и утомительной канцелярщиной: «Пишу тебе на лету́, — сообщал он жене 18 декабря, — ибо утопаю в кипах исписанной бумаги разных комиссий, тону в чернилах, которые обильно извожу на всякие отчеты, отношения, донесения, рапорты, мнения, заключения — ничего путного не заключающие. Господи! Когда же конец этому будет...» [89]

Во второй половине декабря Бородин, воспользовавшись рождественскими каникулами, уехал в Москву к Екатерине Сергеевне и прожил там до 7 января 1887 года. Во время этих последних проведенных с женою дней он занимался композицией, работая над первой частью третьей симфонии [90].

На обратном пути в Петербург Александр Порфирьевич очень устал из-за тесноты в вагоне; однако сразу же по приезде он принялся за свои разнообразные занятия. В письме от 3 февраля 1887 года он с удовольствием сообщил Екатерине Сергеевне об успешном исполнении первой симфонии в Амстердаме под управлением Юлиуса Рентгена, о сделанном С. Блуменфельдом переложении D-dur'ного квартета для фортепьяно в 4 руки и добавил: «Ты знаешь, что у меня есть в зачатке третья симфония, но она еще едва ли скоро появится на свет, потому что много работы за Игорем, который подвигается туго» [91].

Мы не знаем, каковы были последние этапы работы над «Игорем», — есть только основания предположить, что Александр Порфирьевич продолжал делать эскизы третьего акта и увертюры. Но созревший замысел третьей симфонии отвлекал его от этой работы. В последние дни жизни Бородин сочинил медленную часть своей последней симфонии. Некоторые подробности об этом мы знаем из воспоминаний М. В. Доброславиной [92]. Как она рассказывает, Александр

Порфирьевич однажды пришел к Доброславиным к обеду в очень веселом настроении.

«Мы, видя его в хорошем расположении духа, заговорили об Игоре. По обыкновению ему это было неприятно и он рассердился. «Вот, — сказал он, — я пришел к Вам сыграть одну вещь, а теперь, за то что Вы мучаете меня с Игорем, я и не сыграю».

Тогда мы стали просить прощенья, давали слово никогда, ничего об «Игоре» не говорить и умоляли его сыграть. И он сыграл. Это было Andante к третьей симфонии. Оказывается, что, кроме меня с мужем... этого Andante никто не слыхал [93]. Он сам сказал, что он его еще никому не показывал и оно у него еще не записано. Оно и не было записано и так и пропало для музыкальной славы России...

Это была тема с варьяциями. Тема суровая, «раскольничья», как он ее назвал [94]. Сколько было варьяций, я не помню, знаю только, что все они шли crescendo по своей силе и, если можно так выразиться, по своей фанатичности.

Последняя варьяция поражала своею мощностью и каким-то страстным отчаянием.

Я не особенно люблю эту музыкальную форму; мне она кажется деланной, искусственной, а потому иногда утомительной и скучной. Но у Ал. Порф. в его своеобразной, ему присущей гармонии это было так хорошо, что мы с мужем только переглядывались и млели от восторга. Он видел, какое впечатление это производит на нас, играл много и, играя, намечал инструментовку...»

Подъем творческих сил, вызвавший к жизни это Andante, отразился очень сильно на настроении Бородина в последние дни жизни. Последние письма к Екатерине Сергеевне, датированные 3, 9 и 14 февраля, полны света и бодрости. Ему очень хотелось повидать Екатерину Сергеевну и поделиться с нею своей радостью; он собирался на несколько дней отправиться в Москву, воспользовавшись для того праздником масленицы. Однако эта поездка не состоялась, так как ей помешал вызов Бородина к следователю в качестве свидетеля по делу А. Н. Луканиной.

Около 10 февраля Бородин, по-видимому, чувствовал себя некоторое время не совсем хорошо, и у него явилось нечто вроде смутного предчувствия близкой смерти: на это указывает следующий факт, сообщенный А. П. Дианиным. Однажды, придя утром в комнату квартиры Бородиных, называвшуюся «каминной», А. П. Дианин увидел, что Бородин бросает в разведенный в камине огонь пачки писем; среди этих пачек были особенно заметны связки писем Аржанто, выделявшиеся широкими траурными каймами на их почтовой бумаге. На вопрос А. П. Дианина, что означает это занятие, Бородин заявил: «Да вот, батенька, принимаю меры, чтобы все это

не попало после моей смерти какому-нибудь журналисту, который еще, чего доброго, все это вздумает напечатать».

Вероятно, это состояние Александра Порфирьевича было непродолжительно, так как письма интимного характера были им уничтожены далеко не все. Очень возможно, правда, что Бородин был отвлечен от своего занятия каким-нибудь спешным служебным делом.

Числа 12 или 13 февраля А. П. Дианин, — как он мне это неоднократно рассказывал,— работал в полуденное время в химической лаборатории Военно-медицинской академии и слушал игру Бородина, импровизировавшего на рояле в соседней комнате. Эта музыка произвела на А. П. Дианина глубокое впечатление: по его словам, он никогда еще до того не слыхал у Александра Порфирьевича музыки такой мощи и красоты, хотя и другие сочинения его великого учителя всегда ему сильно нравились. Услышанная А. П. Дианиным музыка по стилю и настроению значительно отличалась от всех других произведений Бородина.

«Он довольно долго гремел за стеной, играя эту могучую музыку, — рассказывал мне А. П. Дианин, — потом перестал играть и через несколько мгновений появился в лаборатории взволнованный, радостный, со слезами на глазах.

«Ну, Сашенька, — сказал он, — я знаю, что у меня есть недурные вещи, но это — такой финалище!.. такой финалище!..» Говоря это, Александр Порфирьевич прикрывал одной рукою глаза, а другою потрясал в воздухе... От этого финала не сохранилось ни одной строчки — ничего не было записано»[95].

Помня свой уговор с Н. А. Римским-Корсаковым и А. К. Глазуновым, А. П. Дианин решил в ближайшие же дни сообщить им о новом сочинении Бородина, но не успел организовать их посещения, так как Александр Порфирьевич затеял устроить в один из ближайших дней танцевальный костюмированный вечер.

Об этом вечере Александр Порфирьевич писал в своем последнем письме к Екатерине Сергеевне от 14 февраля 1887 года, сообщая, что будет «grandement beau»; «il y aura de la bougie» как пишут в «Vie en Bohême» у Murget. Сегодня наняли тапёзу... Бал будет в аудитории Сущинского...»[96]

Как рассказывает М. В. Доброславина, «14 февраля 1887 г. он [Александр Порфирьевич] пришел к нам и просил прийти завтра, т. е. 15-го вечером, говоря, что ему хочется повеселить «девчонок» *. Это было на масленой, и он просил, если можно, закостюмироваться, т. к. это придаст веселья и непринужденности. Я соорудила нечто вроде русского костюма...

---

* То есть своих воспитанниц.

От нас он пошел к проф. Егорову и очень просил и их прийти также на вечеринку, уверяя, что будет очень интересно и они увидят нечто такое, чего они еще не видели и никогда больше не увидят...»

Перед самым балом 15 февраля между воспитанницами Бородина произошла какая-то пустячная ссора. Александр Порфирьевич всегда болезненно переживал всякие несогласия; он огорчился и этой ссорой и был немного раздражен [97].

На вечер он явился одетым в темно-красную шерстяную русскую рубаху и синие шаровары [98].

«К назначенному часу, — пишет М. В. Доброславина, — все были в сборе. Общество было небольшое, но очень тесное, и все веселились от души. Вскоре после начала Ал. Порф. провальсировал, не помню с кем, и подошел ко мне. Мы стояли и разговаривали, когда в зал вошел проф. Пашутин и подошел поздороваться с Ал. Порф. и со мной. Он приехал с обеда, был во фраке, и Ал. Порф. спросил его, почему он такой нарядный. Я сказала, что из всей мужской одежды я больше всего люблю фрак; он идет одинаково ко всем и всегда изящен. Ал. Порф. заявил со своей обычной шутливой галантностью, что если я так люблю фрак, то он всегда будет приходить ко мне во фраке, чтобы всегда мне нравиться.

Последние слова он произнес растягивая и как бы закоснелым языком, и мне показалось, что он качается; я пристально взглянула на него, и я никогда не забуду того взгляда, каким он смотрел на меня — беспомощного, жалкого и испуганного. Я не успела вскрикнуть «Что с Вами?», как он упал во весь рост. Пашутин стоял возле, но не успел подхватить его.

Боже мой! Какой это был ужас! Какой крик вырвался у всех. Все бросились к нему и тут же на полу, не поднимая его, стали приводить его в чувство. Понемногу сошлись все врачи и профессора, жившие в Академии. Почти целый час напрягали все усилия, чтобы вернуть его к жизни. Были испробованы все средства и ничто не помогло. Не могу забыть отчаяния одного врача, который сидел, схватив себя за голову, и все повторял, что не может простить себе, что не применил в первую же минуту кровопускания.

И вот он лежал перед нами, а мы все стояли кругом в наших шутовских костюмах и боялись сказать друг другу, что все кончено.

Помню, что последним пришел проф. Манассеин, когда уже все было испробовано. Он наклонился над ним, послушал сердце, махнул рукой и сказал: «Поднимите же его».

И его подняли и положили, и все было кончено...»

Вскрытие тела Александра Порфирьевича было произведено в той же самой аудитории, где им был устроен послед-

ний танцевальный вечер. Вскрытие показало, что причиной смерти был разрыв одной из сердечных артерий, стенка которой в месте разрыва сделалась настолько хрупкой, что не смогла противостоять напору крови. При падении Александр Порфирьевич стукнулся виском об угол печи, около которой стоял; это произвело, как показало вскрытие, небольшое кровоизлияние в мозг. По свидетельству профессора Виноградова, участвовавшего во вскрытии, сердце Бородина оказалось таким изношенным, что представлялось удивительным, как мог человек жить с таким сердцем: при таком состоянии смерть могла наступить каждую минуту.

Похороны Бородина были необычайно многолюдными. Собралось отдать ему последний долг множество самых разнообразных по специальности людей, с которыми он встречался и которым так или иначе помогал во время своей разнообразной деятельности. Гроб несли на руках до самого кладбища студенты Военно-медицинской академии, участвовал в похоронах и студенческий хор, которым управлял заливавшийся слезами преданный друг покойного М. Р. Щиглев. Бородин был похоронен на кладбище Александро-Невской Лавры рядом с М. П. Мусоргским и поблизости от А. С. Даргомыжского. На могиле Александра Порфирьевича сооружен памятник, над устройством которого потрудился В. В. Стасов. Значительную часть расходов по сооружению памятника взял на себя М. П. Беляев, ассигновавший на это дело 3 000 рублей — сумму, ежегодно им отпускавшуюся на премирование русских композиторов.

Друзья Бородина — Н. А. Римский-Корсаков и А. К. Глазунов — приняли на себя приведение в порядок и опубликование музыкального наследства Александра Порфирьевича. В течение весны 1887 года А. К. Глазуновым были подготовлены к печати две части неоконченной третьей симфонии, причем первая ее часть была редактором записана по памяти, а в состав записанного покойным автором скерцо было включено трио, построенное, согласно намерению самого Александра Порфирьевича, на «рассказе купцов» — музыкальном номере, исключенном автором из оперы «Князь Игорь» в 1879 году.

Редакционная работа над «Игорем» заняла лето и осень 1887 года, причем А. К. Глазуновым была записана увертюра [99], досочинен и отредактирован третий акт, а Н. А. Римским-Корсаковым закончено и оркестровано все остальное. Французский и немецкий переводы либретто были выполнены женой брата Бородина — А. А. Александровой. В печатном виде партитура и клавираусцуг «Игоря» появились в конце 1888 года [100].

Екатерина Сергеевна получила известие о смерти Бородина от А. П. Дианина, приехавшего к ней в Москву с этой

ужасной вестью. Это страшное событие роковым образом повлияло на ее и без того уже подточенный организм. Весь остаток зимы и начало весны она была тяжело больна. Затем она почувствовала себя лучше и употребила отчасти возвратившиеся к ней силы на собирание некоторых материалов о жизни и творчестве Александра Порфирьевича для биографического очерка, составлявшегося тогда В. В. Стасовым. Эти материалы были ею сообщены В. В. Стасову в записке, продиктованной С. Н. Кругликову.

В конце весны 1887 года Екатерина Сергеевна переехала на дачу в Раменское. Здесь у нее стала быстро развиваться водянка и сделала ее положение безнадежным. Она умерла 28 июня 1887 года в присутствии А. П. Дианина и его жены.

По оставленному Е. С. Бородиною завещанию, А. П. Дианин был назначен ее душеприказчиком и опекуном над доходами от исполнения музыкальных произведений Бородина.

По прошествии десяти лет со дня смерти Александра Порфирьевича капитал в 50 000 рублей, образовавшийся от отчислений с доходов от представлений «Игоря», был передан, благодаря хлопотам А. П. Дианина и поддержке М. А. Балакирева и Т. И. Филиппова, в Петербургскую консерваторию для выдачи стипендий имени Бородина молодым композиторам.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе первой

[1] «Княжеское № 20 Правительствующего Сената Герольдии дело. «О внесении герба рода князей Гедиановых в общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи». Началось 4 марта 1825 года, решено 8 июня 1827 года». Полулист 7.

[2] На возможность такого происхождения Гедеа мне указал академик А. Н. Самойлович. Дело в том, что при Иоанне Грозном под наименованием «Орды» скорее всего разумелись просто области, населенные кочевниками. Кочевья же татар (ногайцев) были сосредоточены главным образом близ северных отрогов Кавказа.

[3] С татарским происхождением Гедиановых хорошо согласуются и результаты филологического анализа имени Гедеа. По компетентному указанию академика А. Н. Самойловича, это имя есть начало одного из татарско-мусульманских имен:

hidajet-ulla («Путь божий») или
hodie-ulla («Дар божий»).

Наиболее вероятным академик А. Н. Самойлович считает второе имя (hodie), подводя его позднейшую переделку в hidea («Гедеа») под определенный известным фонетическим законом случай эволюции слова посредством перестановки в нем гласных звуков.

[4] Прозвище «Большой» произошло оттого, что у него был брат, также носивший имя Иван и в отличие от него называвшийся «Меньшим» (см. цитированное «Дело» Герольдии, полулист 7).

[5] См. цитированное «Дело» Герольдии, полулисты 2—4.

[6] См. цитированное «Дело» Герольдии, полулист 4, оборот.

[7] Эта дата рождения Л. С. Гедианова установлена на основании, во-первых, данных дворянской родословной книги СПб. губернии (т. 8, 1821—1827 гг.), где в определении о внесении Л. С. Гедианова в 5-ю часть этой книги, помеченном 29 сентября 1823 года, ему показано 49 лет; во-вторых, на основании сообщенной мне покойным Б. Л. Модзалевским надгробной надписи на памятнике Л. С. на кладбище в Сергиевской пустыни (близ ст. Володарская Балтийской ж. д.). Год рождения «1772», написанный на опубликованном портрете Л. С. Гедианова, следует считать поэтому ошибочным.

[8] У меня имелся, но погиб неопубликованный акварельный портрет Л. С. Гедианова, датированный 1836 годом. Кроме того, существовал упомянутый в предыдущем примечании большой его портрет масляными

красками, писанный Деньером в 1840 году и крайне неудачно воспроизведенный в «Русской музыкальной газете» за 1897 год.

[9] При рассмотрении документов о предках Бородина по отцу бросается в глаза резкое противоречие между данными этих документов и началом биографии Бородина, составленной В. В. Стасовым. Согласно указанным документам, род Гедиановых, т. е. предков Бородина по отцу,—татарского происхождения, в стасовской же биографии говорится, что Александр Порфирьевич Бородин происходил «по отцу из рода князей Имеретинских» *. Во французской биографии Бородина, составленной Al. Habets, в основном, по материалам этой книги В. В. Стасова и опубликованной в Париже в 1893 году, добавлено к этому сообщению об имеретинском происхождении Александра Порфирьевича курьезное рассуждение об «естественности» музыкальной одаренности Бородина: в гербе его предков царей Имеретинских якобы имеется музыкальный инструмент — псалтырь Давида **. Тюнеев, впервые обративший внимание на указанное противоречие (в заметке в «Русской музыкальной газете»), считал, что сообщение стасовской биографии об имеретинских предках Александра Порфирьевича следует попросту отбросить, как ошибочное.

Однако в пользу существования грузинских (имеретинских) предков у Бородина говорит ряд данных, имеющих серьезное значение. Прежде всего, существует свидетельство самого Александра Порфирьевича, неоднократно говорившего о своем грузинском происхождении по отцу своим друзьям А. П. Дианину, Е. Г. Дианиной и А. Н. Калининой ***.

Свидетельство это подтверждается характерным складом лица и фигуры у Александра Порфирьевича и у его отца ****, причем у них обоих совсем отсутствуют признаки татарского происхождения.

Как же разрешить это противоречие?

Тут возможны, скорее всего, два предположения.

1) Можно допустить, что родоначальник предков Бородина по мужской линии татарский князь Гедеа происходил от имеретинских Багратидов и правил какой-то частью северокавказских ногайцев,— причем один из предков Гедеа перешел из христианства в магометанство.

2) Можно искать предков имеретинского происхождения по женским линиям, связанным с Гедиановыми путем браков.

Первое из этих предположений во всяком случае не объясняет ярко выраженного грузинского типа в наружности Бородина и его отца. Гедиановы в течение многих поколений (с XVI по XVIII век) жили в Московском царстве (в Москве, в Вологодском крае) и сочетались браками с русскими женщинами: при этих условиях у далеких потомков Гедеа: Луки Степановича (8-е колено от Гедеа) и Александра Порфирьевича (9-е колено) — едва ли мог сохраниться столь ярко выраженный грузинский облик.

Более вероятным является второе предположение. В XVII и XVIII веках члены грузинских царских родов неоднократно посещали Россию, ища здесь защиты от турецкой и персидской агрессии, и зачастую оставались в Москве, где при Петре I, вызывавшем русское дворянство из глухих углов на государственное служение, могли появиться из своей вологодской вотчины и князья Гедиановы: так могли создаться условия

---

* В. В. Стасов. Александр Порфирьевич Бородин. Его жизнь, переписка и музыкальные статьи, стр. 1.

** Как видно из описания герба князей Гедиановых, ничего подобного в данном гербе нет. Этот герб типичен для дворянских родов, происхождение которых восходит к крещеным магометанам.

*** А. П. и Е. Г. Дианины неоднократно рассказывали мне об этом; подобный же рассказ был мне передан племянницей А. Н. Калининой— С. М. Эйнвальд.

**** Бородин очень походил на своего отца; иногда он в шутку даже гримировался под Л. С. Гедионова (Со слов А. П. Дианина.)

для сближения кого-либо из этой обрусевшей татарской семьи с одной из имеретинских царевен. Такой брак мог, скорее всего, иметь место у деда Бородина — Степана Антоновича Гедианова (ум. в 70-х гг. XVIII века) или у его прадеда Антона Степановича (ум. до 1734 г.). Только что изложенная гипотеза наталкивается, однако, на следующее возражение: в документах Гедиановых, нам известных, мы не находим никаких указаний на подобный брак. Это тем более странно, что, казалось бы, для Луки Степановича Гедианова, хлопотавшего об утверждении своего герба и княжеского титула, было бы лестно указать на свое родство с имеретинскими царями. Но гипотетический брак одного из Гедиановых мог быть «морганатическим», мог держаться в тайне *, или, наконец, тут могла иметь место не легализованная браком любовная связь с последующим усыновлением. Данные о подобных фактах, конечно, были бы неуместны в хлопотах об «утверждении в княжеском достоинстве», но неизбежно сохранялись бы в семейных преданиях, отголоски которых мы и встречаем в словах Александра Порфирьевича о его грузинском происхождении.

Внимательно изучив дела департамента Герольдии «о княжеском достоинстве» потомков грузинских и имеретинских царей, я не нашел в них, равно как и в генеалогических книгах, содержащих сведения о Багратидах, никаких данных или указаний о браке с кн. Гедиановым. Неудача эта навела меня на мысль исследовать историю последнего карталинского царя и его потомков, обосновавшихся на Москве в XVII веке, и, обычно, также именуемых князьями Имеретинскими; род этот угас в XVIII веке, и потому в делах Герольдии о нем ничего искать не приходилось — я воспользовался в данном случае печатной биографией одного из членов указанного рода — царевича Александра — в Военно-морском сборнике. Как известно, царь карталинский Арчил Вахтангович бежал в Москву от мусульманского нашествия в царствование Алексея Михайловича и увез с собою своих детей — сына Александра и дочь Дареджану. Его сын Александр Арчилович — «царевич Имеретинский» — был сверстником Петра I в его «потешных» военных делах, а впоследствии стал начальником артиллерии (генерал-фельдцейхмейстером) петровской армии. Во время северной войны Александр Арчилович был взят в плен при Нарве и умер в шведском плену от чахотки. Об его сестре Дареджане Арчиловне имеются указания, что она умерла в 1740 году **; сообщается также, что «имеретинские» этой линии «владели поместьями в Екатеринославской губернии». Последнее обстоятельство возможно сопоставить с пребыванием деда Александра Порфирьевича — князя Степана Антоновича Гедианова в г. Бахмуте Екатеринославской губернии в 1734 году ***. Напрашивается предположение о возможности брака с одной из Имеретинских этой «карталинской» линии у Степана Антоновича или его отца. В этой связи интересно отметить любовь отца Бородина Луки Степановича Гедианова к имени Александр (дочь свою он назвал Александрой, сына Александром). Возможно, что он тут чтил память Александра Арчиловича, хотя этот факт может также объясняться «александрофильством» некоторой части русского дворянства в царствование Александра I и даже позднее.

---

* Такая «тайна» могла казаться необходимой, например, из боязни русского правительства! Известно ведь, что Петр I считал себя наследником карталинских царей и весьма неблагоприятно отнесся к желанию последнего карталинского царя продолжать свой род путем брака своей дочери Дареджаны.

** Я пытался проверить по «С.-Петербургским ведомостям» 1740 года этот факт, найденный мною в одной из энциклопедий, но не обнаружил в указанной газете никаких данных.

*** Упоминание о Екатеринославской губернии следует понимать лишь как указание места — этой губернии тогда еще не существовало.

Изложу, наконец, свои соображения о тех розысках документальных материалов, которые, как я думаю, следовало бы предпринять лицам, заинтересовавшимся моим предположением.

а) Прежде всего, надо попытаться отыскать дела о Гедиановых (например, о покупке и продаже имений) в архивах Старицкого уездного суда (18?—1818). Возможно, что в этих архивах найдутся данные о матери князя Луки Степановича *. Искать этот архив Старицкого суда следует через посредство Калининского областного архивного бюро.

б) Надо разыскать дело, в коем участвовали Гедиановы, имеющееся в архиве Седьмого департамента Правительствующего сената **, переданном впоследствии в московский архив Министерства юстиции *** (на Большой Пироговской).

в) Надо попытаться проследить по делам и приказам Военной коллегии (в Ленинградском отделе Военно-исторического архива) службу князя Степана Антоновича Гедианова, бывшего поручика в Бахмутском гарнизонном полку около 1734 года. Возможно, что среди этих документов найдутся и данные о его браке.

г) Следует также поискать сведения о браке названного Степана Антоновича в метрических книгах бахмутских церквей (в Бахмуте и, может быть, в архиве Днепропетровского облзагса?).

д) По материалам ревизских сказок XVIII века (архив вотчинской коллегии?) надо исследовать вопрос об имениях близ Бахмута и их владельцах.

[10] См. в цит. в примечании 7 определении выписку о службе Л. С. Гедианова в армии, сделанную на основании Указа № 42951 Государственной Военной Коллегии от 23 октября 1797 года.

[11] В «Московском Некрополе» (ч. II, стр. 190) находим о сестре А. П. Бородина — Александре Лукиничне Гедиановой-Лукаш запись: Род. 26 мая 1804 года, скончалась 23 февраля 1834 года; похор. в Спасо-Андроньевском монастыре.

Александра Лукинична Гедианова вышла замуж за «подполковника и кавалера» Н. Е. Лукаш 2 апреля 1819 года и имела от него 6 человек детей. (См. «Дело № 882 правительств. Сената Герольдии по донесению Московского двор. депутатского собрания. О дворянстве рода Лукаш»).

[12] Эти данные о местопребывании Л. С. Гедианова и принадлежащих ему имениях почерпнуты из документов, упомянутых в прим. 1 и 11.

[13] Об этом дворце см. статью И. Бондаренко «Подмосковные дворцы XVIII века» («Старые годы», 1911, кн. 3, стр. 11—30).

[14] См. «Сенатские объявления» за 1844 г., т. 2, № 31, п. 5, р. 17 о вводе вдовы Л. С. Гедианова во владение имуществом после смерти мужа.

[15] Об этом мне рассказывала Е. А. Гусева, которой все подробности таких пиров были сообщены самим Александром Порфирьевичем.

[16] В сохранившихся в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде изданиях Библейского общества мне удалось, например, найти (в «Известиях о действиях и успехах Библейского Общества» за 1824 год, отчет № 2, п. 7) сообщение о денежном пожертвовании на нужды Общества, сделанном А. Л. Гедиановой в 1817 году.

[17] См. примечание 8.

[18] Члены семейства Мещерских постоянно упоминаются в официальных актах, относящихся к семействам Гедиановых и Лукаш (в качестве воспреемников, свидетелей и т. п.). См., например, цитированные уже в примечаниях 1 и 11 «Дела» Герольдии №№ 20 и 882.

---

* На основании дел Старицкого уездного суда составлена генеалогия Гедиановых, изложенная в деле Герольдии № 20.

** Ссылка на это дело имеется в деле Герольдии № 20.

*** Седьмой департамент Правительствующего сената помещался в Москве.

[19] Князь Петр Сергеевич Мещерский был с 1818 года одним из директоров Петербургского комитета Библейского общества; по его личному ходатайству Николай I разрешил, после состоявшегося постановления о закрытии Библейского общества, закончить некоторые уже начатые предприятия общества.

Сын П. С. Мещерского — Элим Петрович — был поэтом, переводившим русские стихотворения на французский язык.

Жена Ивана Сергеевича Мещерского (Софья Семеновна, в девичестве Всеволожская) принимала ревностное участие в делах Библейского общества и занималась литературной деятельностью, сочиняя произведения мистического и нравоучительного характера.

Сын И. С. Мещерского был женат на дочери Н. М. Карамзина.

Наконец, дочь И. С. Мещерского вышла замуж за И. А. Гончарова.

[20] См. публикуемое нами в этой книге письмо отца Бородина к кн. А. С. Голицыной.

[21] Впрочем, в указанном в предыдущем примечании письме Л. С. Гедианова есть указание на его грусть по поводу разлуки с семьей (Л. С. тогда находился в Петербурге, а его жена и дочь с внуками и внучками — в Москве).

[22] В послужном списке брата Авдотьи Константиновны Антоновой — Сергея Константиновича Антонова — об его происхождении имеется запись: «Из солдатских детей Нарвского отделения» (См. «Гоф-Интендантской Конторы № 1 Дело нащет (sic!) представления вахтера по строительной части зимнего дворца Антонова в офицерский чин». Нач. 12 марта 1830, оконч. 5 дек. 1831, полулист 5).

Согласно тогдашним законам, «солдатскими детьми» именовались сыновья и дочери лиц, пробывших не менее определенного числа лет на военной службе рядовыми. Таким образом, дед Бородина по матери— Константин Антонов был строевым солдатом русской армии. Легенда о купеческом происхождении Антоновых, никакими документами не подтвержденная, возникла, вероятно, в связи с припиской Бородина к купеческому сословию (см. ниже) и, может быть, поддерживалась его братом Д. С. Александровым, желавшим скрыть свое настоящее происхождение.

[23] Про красоту А. К. Антоновой в молодости рассказывали многие, знавшие ее в те годы. Ее портрет, писанный Деньером в 1840 году и до 1942 г. находившийся у ее внучки Л. Е. Коноплевой, правда, не показывает ее красавицей, но и не создает того впечатления, как репродукция в «Русской музыкальной газете» за 1897 год, где этот портрет, так же как и портрет Л. С. Гедианова, воспроизведен в изуродованном виде. По всей вероятности, впечатление от этих искаженных репродукций в «Русской музыкальной газете» дало повод В. В. Стасову, в неизданной, хранящейся в Публичной библиотеке его переписке с Н. Ф. Финдейзеном, назвать мать и отца Бородина «какими-то уродами».

[24] Так рассказывали мне Е. А. Гусева и моя мать (Е. Г. Дианина), слышавшая об этом в детстве от людей, близких к Авдотье Константиновне, в том числе от ее экономки Е. Е. Бельцман.

[25] Адрес Л. С. Гедианова в адресном указателе города С.-Петербурга за 1837 год был отыскан, по моей просьбе, Б. Л. Модзалевским, имевшим в своем распоряжении эту редкую книгу. Местоположение дома Булиной выяснено путем сопоставления адреса в указателе 1837 года с данными позднейших адресных указателей.

[26] Как известно, долгое время было принято считать датой рождения А. П. Бородина 31 октября (12 ноября нового стиля) 1834, а не 1833 года. В работе своей «О годе рождения А. П. Бородина»* я показал, что здесь была допущена ошибка. Эта неправильная дата была принята за верную самим Александром Порфирьевичем на основании сообщения, сде-

---

* Эта работа была доложена мною на заседании Исторической секции музыкального разряда Российского института истории искусств 21 марта 1925 года.

данного ему Д. С. Александровым и Е. Е. Бельцман в годовщину его рождения (31 октября 1873 года). Они, как писал Бородин Екатерине Сергеевне 4 ноября 1873 года, «мне преподнесли подарок — им ничего не стоящий, но мне очень дорогой, а именно — год жизни. Они по пальцам доказали, что мне не 40 лет минуло, а 39. Достоверно, что я поступил в Академию 15 лет, а не 16 лет, ибо меня по этому случаю не зачисляли до наступления 16-летнего возраста. С другой стороны, достоверно известно, что я поступил в 1850 году. Теперь 1873 год, следовательно мне 39 лет, а не 40»*.

Александр Порфирьевич рассказывал об этом «подарке» своим друзьям, в результате чего в его биографии возникла неверная дата его рождения. Между тем, то основание, на котором было построено Бородиным рассуждение об его приеме в Академию, оказывается неправильным. Для поступления в Академию требовалось достижение не 16-летнего, а 17-летнего возраста. (См. Устав Медико-хирургической академии, утвержденный 18 декабря 1835 года, гл. VIII, § 87, приложенный к книге «История Военно-медицинской академии», под ред. Ивановского, СПб., 1898). Поэтому Бородина не принимали в Академию до того, пока ему не исполнилось 17 лет, и, следовательно, осенью 1850 года (т. е. к началу учебного года) ему было 16 лет, а 31 октября 1850 года исполнилось 17 лет. Согласно этому рассуждению, Александр Порфирьевич родился не в 1834, а в 1833 году. С таким выводом вполне согласуются и данные документов о рождении. Как в метрическом свидетельстве, хранящемся в архиве Медико-хирургической академии («Документы, № 346»), так и в сохраняющейся в архиве бывш. Губ. загса Ленинградской губернии и лично осмотренной мною в 1925 году подлинной метрической книге церкви Пантелеймона показано, что А. П. Бородин родился в 1833 году.

В подтверждение этого сообщения прилагаю полученную мною метрическую выпись.

Метрическая выпись
об Александре Бородине,
выданная из Архива Лен. Губзагса
«7» февраля 1925 г.
№ 1369

[на обороте]

Пантелеймоновская ц. в С. Петербурге
1833 г.

№ мужеска пола: 83	**Октября**, тридцать первого числа, отставного поручика Луки Стефанова Гедианова у дворового человека Порфирия Ионова Бородина и законной жены его Татьяны Григорьевой от первого их брака родился сын Александр. Молитвовал и крестил священник Алексей Максимов. При крещении	Число крещения 15 ноября	был дьячок Василий Крылов. Восприемники: Ведомства Гоф-Интендантской Конторы Помощник Смотрителя по Строительной части Зимнего дворца Сергей Константинов Антонов. С. Петербургской Казенной Палаты титулярного Советника Владимира Петровича Готовцева жена Устиния Константинова.

За Завед. Столом Губзагса
Архивариус *А. Бронзов.* [*подпись*]
[М. П.
Общ. под-отд. Адм. Отд.
Лен. Губисполкома]

---

* См. Письма А. П. Бородина, вып. II, п. № 217, стр. 68.

[27] Т. е. до своего замужества (см. ниже).

[28] Александр Порфирьевич неоднократно показывал этот балкон (на углу Гагаринской и б. Сергиевской улиц и Косого переулка, «над чайным магазином») близким ему людям, в частности А. П. Дианину и Е. А. Гусевой, и говорил, что он родился в квартире, к коей принадлежал этот балкон. Е. А. Гусева указала мне дом, на котором находился этот балкон: сопоставление ее указания с адресом Л. С. Гедианова по указателю 1837 года окончательно утвердило меня в мысли, что Бородин родился именно в этом доме.

В 1910 году позднейшая владелица этого дома бар. Бюлер надстроила на нем два новых этажа и заменила этот балкон «фонарем» (эркером), о чем она сама мне рассказала.

Из изложенных фактов ясно, что данные, приводимые в записке Д. С. Александрова «Мои воспоминания о брате», о месте рождения Бородина — неправильны (см. выдержки из этой записки в цит. книге В. В. Стасова, стр. 1—2).

[29] Именно так обращался к ней Бородин во всех своих письмах.

[30] Об этом мне рассказывала вдова младшего брата Бородина — В. А. Федорова.

[31] Это видно, например, из письма А. П. Бородина к матери от 5/17 мая 1860 года (см. Письма А. П. Бородина*, вып. I, п. № 7, стр. 48).

В этом письме он рассказывает, как радостно встретилась с ним Е. Н. Лукаш; там же он называет ее брата (своего племянника по отцу) уменьшительным именем «Сережа». С этим согласуется и отношение Е. Н. Лукаш к матери Бородина (в том же письме ей передается «сердечный поклон»).

[32] Об М. С. Юрьевич-Красовской см., например, письмо Бородина к жене от 10 июля 1866 года (Письма, вып. I, п. № 32, стр. 85). Из книги «СПБ Путеводитель» 1854 года видно, что Семен Алексеевич Юрьевич — отец М. С. — «придворный генерал-лейтенант» — жил в собственном доме у Гагаринской пристани, т. е. недалеко от квартиры Л. С. Гедианова.

[33] Он был крестным отцом дочери С. К. Антонова — Ольги (род. 5 октября 1836 г.); крестной матерью была тетка Бородина по матери Устинья Константиновна.

[34] В метрическом свидетельстве двоюродной сестры Бородина Елизаветы, выданном 28 мая 1839 года, мать Бородина, бывшая воспреемницей, записана как «уволенного от службы, коллежского советника и Кавалера Христиана Ивановича Клейнеке жена». С другой стороны, в бумагах Бородина сохранился поздравительный акростих по случаю свадьбы Авдотьи Константиновны, датированный 27 июля 1839 года; очевидно, мать Бородина вышла замуж за Клейнеке весною 1839 года.

[35] Из дела гоф-интендантской конторы «об увольнении С. К. Антонова» (1842—1844) видно, что ни у него, ни у его родителей не было недвижимого имущества (см. полулисты 29—32); таким образом, из всех Антоновых одна только Авдотья Константиновна оказалась материально обеспеченной и даже домовладелицей.

Л. С. Гедианов, несомненно, был относительно богатым человеком; судя по всему, к А. К. Антоновой он был очень привязан и захотел на склоне своих лет дать ей определенное «положение»; наличие же приданого, да еще в такой солидной форме, как собственный дом, вероятно, и побудило старика Х. И. Клейнеке жениться на княжеской любовнице.

[36] Х. И. Клейнеке умер ранее 25 сентября 1841 года, так как в акте о крещении дочери С. К. Антонова — Марии, состоявшемся в этот день,

---

* В дальнейшем для краткости будем обозначать этот источник просто Письма.

мать Бородина, бывшая воспреемницей, записана как «умершего Коллежского Советника Христиана Иванова Клейнеке жена вдова» (полулист 14).

[37] В числе предметов, оставшихся матери Бородина от Л. С. Гедианова, была небольшая икона Николая Мирликийского, писанная, судя по живописи, около XV—XVI столетия и принадлежавшая, вероятно, еще князю Гедеа. Эта реликвия ясно говорит, что в последнее время своей жизни старик Гедианов считал Александра Порфирьевича в большей мере своим наследником, чем своих внуков Лукашей.

[38] Об М. В. Готовцевой («Мари») см. Письма, вып. I, п. № 54, стр. 129 и примечание 11 к этому письму, а также примечание 31 к п. 2.

[39] У В. В. Стасова (цит. книга, стр. 4 и др.) эта полька ошибочно называется F-dur'ной. Впервые полька «Hélène» опубликована проф. П. А. Ламмом в 1946 году.

[40] Дата смерти Л. С. Гедианова имеется в надгробной надписи на его памятнике (см. примечание 7); эта дата согласуется с уже упомянутой в прим. 14 заметкой о вводе во владение вдовы Гедианова. Эта заметка интересна в том отношении, что в ней нет никаких упоминаний об А. К. Клейнеке и А. П. Бородине. Очевидно, Л. С. Гедианов распорядился в их пользу частью своего имущества еще при жизни.

[41] Согласно сообщению В. А. Федоровой, с каким-то знакомым Л. С. Гедианова — «князем Волконским». Об его сыне Д. С. Александрове см. Письма, вып. I, стр. 330 (примечание 38 к п. № 2).

[42] Он же — дом № 20 по Боровой улице. В старых адресных указателях этот дом значится по Глазовской ул. под № 14.

[43] От него родился у нее в конце сороковых годов сын Евгений (брат Бородина — Евгений Федорович Федоров).

[44] Из воспоминаний М. Р. Щиглева об А. П. Бородине, цитируемых, ввиду отсутствия оригинальной рукописи, по выдержкам, приведенным в цит. книге В. В. Стасова, стр. 5.

[45] Там же, стр. 5.

[46] По-видимому, к этому времени относится и сохранившийся экземпляр d-moll'ной польки «Hélène» в переложении в 4 руки. На это указывает и характер почерка Александра Порфирьевича в этой рукописи, более подходящий к 14-летнему, чем к 9—10-летнему возрасту.

[47] У моей матери хранилось несколько рисунков, раскрашенных Бородиным в детстве.

[48] Оригинал этой записки хранится в Стасовском архиве Пушкинского дома Академии наук СССР. Цитируемое место взято из книги В. В. Стасова, стр. 6.

[49] Аттестаты Бородина см. в Архиве Медико-хирургической академии; «документы» № 346. (Ныне в Ленингр. военно-историческом архиве).

[50] См. в этой книге раздел «Документы», № 2.

[51] См. статью А. П. Дианина, цит. на стр. 3.

[52] См. А. П. Бородин и А. М. Бутлеров. Николай Николаевич Зинин. Воспоминания о нем и Биографический очерк («Журнал Русского Физ.-хим. общ.» за 1880 год).

[53] См. воспоминания М. Р. Щиглева (В. В. Стасов, цит. книга, стр. 9).

[54] См. Письма, вып. I, п. № 91, стр. 193—194 и прим. на стр. 368.

[55] См. воспоминания М. Р. Щиглева (В. В. Стасов, op. cit., стр. 9—10).

[56] См. В. В. Стасов, цит. книга, стр. 10. Ныне Артиллерийский плац называется площадью Рылеева.

[57] Франц Ксавер Гебель (1787—1843) — известный в свое время композитор, живший с 1817 года до смерти в Москве в качестве учителя музыки.

[58] Фейт — композитор конца XVIII столетия, автор ряда камерно-инструментальных произведений.

[59] См. В. В. Стасов, цит. книга, стр. 11.

[60] Там же, стр. 10.

[61] Все эти произведения, написанные для голоса с сопровождением фортепьяно и виолончели, опубликованы впервые в сборнике романсов и песен Бородина, изданном Музгизом в 1947 году под редакцией проф. П. А. Ламма.

[62] Е. М. Браудо. Александр Порфирьевич Бородин. Пгр., 1922, стр. 16.

[63] Д. С. Александров сообщает в своей записке, что Бородин, будучи студентом IV курса Академии, сочинял много фуг. О юношеских сонатах с флейтой и с виолончелью упоминает сам Александр Порфирьевич в своем письме к графине де Мерси-Аржанто от 6 ноября 1884 года (см. Письма, вып. IV, стр. 106). Между прочим, из того же письма видно, что Бородин представил полный список всех своих музыкальных произведений (в том числе и юношеских) в парижское «Société des auteurs». Если этот список уцелел в архивах названного общества, то он, в вопросе об установлении количества юношеских музыкальных вещей Александра Порфирьевича и их названий, мог бы сыграть существенную роль.

См. также мой доклад «Описание Бородинской коллекции Ленинградского музея филармонии, сделанное Н. Ф. Финдейзеном». Доклад зачитан на заседании исторической секции Отдела теории и истории музыки Российского института истории искусств 16 июня 1927 года.

[64] Из воспоминаний И. И. Гаврушкевича, написанных для В. В. Стасова. Цит. по книге В. В. Стасова (цит. книга, стр. 11).

[65] См. цит. в примечании 38 письма А. П. Бородина. Хорошие отзывы о Лунзхен слышали от Александра Порфирьевича также А. П. и Е. Г. Дианины.

[66] Такую характеристику роли А. Е. Тимофеева и Е. Е. Бельцман в постепенном разорении «тетушки» слышали от самого Бородина Е. Г. Дианина и Е. А. Гусева.

[67] Изложено со слов М. А. Гусевой, мать которой жила в доме Чарного в то время, когда там же квартировала и Авдотья Константиновна, состоявшая в хороших отношениях с Гусевыми.

[68] См. упоминавшуюся записку Д. С. Александрова, цитируемую в книге В. В. Стасова, стр. 13.

[69] См. записку о знакомстве с М. П. Мусоргским, составленную А. П. Бородиным для В. В. Стасова. Письма, вып. IV, стр. 297—299. См. также Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, стр. 37, где говорится о знакомстве с Мусоргским.

[70] Это была Екатерина Сергеевна, вдова имеретинского царевича Константина, как это видно из «Дела Государственного Совета Департамента законов» «О присвоении потомкам быв. грузинских царей титула Светлости», № 25 (1865), где на полулисте 51 значится, что Е. С. Имеретинской было выдано 3 000 р. на заграничную поездку и именно в 1857 году.

[71] См. Письма, вып. I, п. № 1, стр. 25—28.

[72] О поездке в Италию Бородин упоминает в письме № 6. (См. Письма, вып. I, стр. 46). О том, состоялась ли поездка в Англию, пока ничего не известно.

[73] В 17-м томе «Бюллетеня Академии Наук».

[74] А. П. Бородин. Солигаличские солено-минеральные воды. Москва, 1859. Эта работа была сначала напечатана в виде статьи в № 130 «Московских Ведомостей» за 1859 год, а затем издана отдельной брошюрой, экземпляр которой имеется в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

[75] См. цит. в примечании 69 записку А. П. Бородина. См. также книгу В. В. Стасова, стр. 15.

[76] Это предположение Александра Порфирьевича наиболее вероятно, так как в описываемое время у Мусоргского существовало в законченном виде именно B-dur'ное скерцо.

[77] См. письмо А. П. Бородина к Л. И. Кармалиной от 15 апреля 1875 года. (Письма, вып. II, п. № 270, стр. 89).

К главе второй

[1] См. Письма, вып. I, п. № 2, стр. 28—34.

[2] Илья Григорьевич Борщов (1833—1878) — талантливый русский ботаник. Николай Алексеевич Северцев (1827—1885) — известный зоолог.

[3] Эта дата установлена на основании надписи на заграничном паспорте А. П. Бородина, относящемся к описываемому путешествию.

[4] Письма, вып. I, п. № 3, стр. 36—37.

[5] И. М. Сеченов. Автобиографические записки, Москва, 1907.

[6] Эта дата установлена также на основании указанного в примечании 3 заграничного паспорта Бородина.

[7] Письма, вып. I, п. № 5, стр. 41—45.

[8] Письма, вып. I, п. № 4, стр. 38.

[9] Письма, вып. I, п. № 6, стр. 46.

[10] Письма, вып. I, п. № 8, стр. 50.

[11] Письма, вып. I, п. № 9, стр. 51.

[12] Письма, вып. I, п. № 10.

[13] Письма, вып. I, п. № 7, стр. 48.

[14] См. цит. в прим. 12 п. № 10. М-me Китарры это та самая «мадам К», о которой упоминает в своей книге о Бородине (на стр. 18) В. В. Стасов. Большой ее портрет сохранился в числе фотографий бородинского архива в Государственном институте театра и музыки в Ленинграде.

[15] Изложенные выше факты, относящиеся к путешествию трех русских химиков в Швейцарию и к их пребыванию в Карлсруэ, рассказаны в соответствии с текстом и архивными документами, сод. в книге: М. Н. Младенцев и В. Е. Тищенко. «Дмитрий Иванович Менделеев. Его жизнь и деятельность». Том 1. М.—Л., 1938 (стр. 171, 180—182, 194, 250—258).

[16] В письме Бородина к жене от 30 июля 1877 года (Письма, вып. II, п. № 371) Александр Порфирьевич упоминает «Zimmer в Гейдельберге, где мы жили с Менделеевым». Адрес этой комнаты см. в цит. книге «Д. И. Менделеев» на стр. 179 (сноска). Вероятность того, что это совместное житье имело место в описываемый период, подтверждается анализом писем Бородина к Менделееву, опубликованных в вып. IV Писем на стр. 243—244, 251.

[17] Факт этот был мне рассказан Анной Ивановной Менделеевой со слов Д. И. Менделеева.

[18] См. Письма, вып. I, п. № 11, стр. 53—55.

[19] См. цит. книгу «Д. И. Менделеев», стр. 174, 198.

[20] См. цит. книгу В. В. Стасова о Бородине, стр. 17.

[21] См. цит. в прим. 3 заграничный паспорт А. П. Бородина.

[22] О жизни и занятиях Бородина в Париже в 1860—1861 гг. см. в Письмах, в вып. IV—письма и документы, напечатанные на стр. 241—257. О гейдельбергских знакомых — в цит. книге «Д. И. Менделеев», стр. 175. О знакомстве Бородина с И. С. Тургеневым ср. еще в вып. 4 (1953) «Литературного архива» (письмо Бородина к Тургеневу, стр. 392). Наконец, текст постановления Конференции Медико-хирургической академии о продлении командировки Бородина см. в книге: Н. А. Фигуровский, Ю. И. Соловьев. «Александр Порфирьевич Бородин». М.—Л., 1950, стр. 192—193.

[23] Дата выезда Бородина из Парижа установлена сличением виз на его заграничном паспорте (см. выше, примечание 3) с упоминанием в письме к Менделееву о пребывании в Италии с 13/1 апреля 1861 г. (См. Письма, вып. IV, стр. 249). О целях поездки в Италию см. отчет Бородина о заграничной командировке (Письма, вып. IV, стр. 257).

[24] См. Письма, вып. IV, пп. №№ 11з, 11и; 11к; 11л; 11м; стр. 249—251.

[25] Екатерина Сергеевна Протопопова, дочь штаб-лекаря Голицынской больницы Сергея Степановича Протопопова и дочери смотрителя той же больницы Екатерины Алексеевны Константиновой, родилась в Москве, в Голицынской больнице, 3 января 1832 года, скончалась в селе Раменском близ Москвы 28 июня 1887 года. Е. С. Протопопова была талантливой пианисткой; она училась фортепьянной игре у Дюбюка, Шульгофа, Рейнгарта и Шпаковского.

В 1861 году Екатерина Сергеевна приехала в Гейдельберг для климатического лечения начинавшегося у нее туберкулеза; деньги на эту поездку она заработала посредством фортепьянного концерта, данного ею в Москве 27 апреля 1861 года.

[26] Указание В. В. Стасова (цит. книга, стр. 18) на пребывание Бородина в пансионе Гофмана основано на составленной по просьбе Владимира Васильевича записке Е. С. Бородиной.

[27] Рассказ Е. С. Бородиной об ее знакомстве с Александром Порфирьевичем содержится в уже упоминавшейся записке. В моем архиве сохранялся листок, на котором рукою Бородина написана приведенная дата, окруженная венком из нежных наименований, дававшихся жене Бородиным.

[28] См. письма Бородина к П. П. Алексееву.

[29] Уроженец Праги, Фердинанд Лауб (1832—1875) в последние годы своей жизни был профессором Московской консерватории. Чайковский высоко оценил дарование Лауба, назвав его в одной из своих критических статей «скрипачом-титаном», и посвятил памяти Лауба свой третий струнный квартет. Сведения о знакомстве Бородина с Лаубом почерпнуты из упоминавшейся записки Е. С. Бородиной.

[30] См. записку Е. С. Бородиной.

[31] Некоторые подробности об этом периоде жизни Бородина почерпнуты мною из хранившегося в моем архиве дневника Екатерины Сергеевны, написанного отчасти на полях, отчасти на чистых листках ее приходо-расходной книжки 1862 года. Этот дневник велся с начала февраля 1862 года; с конца марта записи делаются подробнее, последняя запись сделана 5 июня 1862 года.

[32] В своей записке Екатерина Сергеевна говорит, что Александр Порфирьевич «играл на виолончели в оркестре пизанского театра, где все более давались оперы Доницетти». В дневнике же ее мы находим только запись о несостоявшемся участии его в генеральной репетиции «Нормы».

[33] На полях одной из страничек дневника Екатерины Сергеевны (против записи от 30 марта) сделана приписка: «Я написала письмо в парт. ком». По-видимому, этим письмом Екатерина Сергеевна сделала попытку сближения с какими-то революционными кругами (итальянскими?).

[34] Джьованни Пачини (1796—1867) — итальянский композитор, последователь Россини, сильным влиянием которого отмечены все оперы Пачини, сочинявшего также мессы, оратории и кантаты.

[35] ...7 июня За сказку, масло и хлеб 1.50
...30 июня Барбаре за сказки 40
...13 июля Певцу хорошему 60
Певцу курьезному 20
19 июля Дорога в Пизу и обратно 5.60
22 июля Дорога в Ливорно и обратно 2.20
23 июля Дорога в Лукку 2.20

[36] В заграничном паспорте Бородина сделана отметка: «Явлен при проезде в Вержболово 20 сентября 1862 года».

[37] Это ясно следует из даты приезда Бородина в Вержболово: с этой станции он, по тогдашним железным дорогам, мог проехать только в Петербург.

[38] Сергей Петрович Боткин (1832—1889) — знаменитый русский врач-терапевт и общественный деятель.

[39] См. записку А. П. Бородина о знакомстве с М. П. Мусоргским. Письма, вып. IV, стр. 298.

[40] Такой взгляд высказан, например, в записке Екатерины Сергеевны; достаточно напомнить оттуда неоднократно цитировавшуюся фразу: «Плоды только что сложившегося знакомства с Балакиревым сказались баснословным, по силе и скорости, образом, меня окончательно поразившим: уже в декабре, он, этот западник, этот «ярый мендельсонист»... играл мне почти целиком первое Allegro своей симфонии Es-dur...» Изумление по поводу «превращения», случившегося с Бородиным в эту эпоху, мы находим и в книге В. В. Стасова (стр. 27—29). Но, спрашивается, разве фортепьянный квинтет Бородина не примыкал уже вплотную к «кучкистской» эстетике, если не по принадлежности своей к «осужденному» Балакиревым жанру камерно-инструментального ансамбля, то по содержанию своему? К тому же, как известно, есть основания полагать, что квинтет этот, судя по имеющимся авторским пометкам, был предназначен для оркестровки (см. предисловие П. А. Ламма к первой публикации квинтета, 1938).

[41] См. письмо М. А. Балакирева к В. В. Стасову, приводимое последним в его книге о Бородине (стр. 26—27).

[42] Из находящегося в деле № 155 Военно-медицинской академии: «О службе адъюнкт-профессора Бородина» (нач. 28/XII—1862, ок. 1/III—1887) свидетельства о венчании видно, что Бородин венчался с Е. С. Протопоповой 17 апреля 1863 года в домовой церкви земледельческого училища на Удельной; одним из свидетелей записан лаборант по кафедре химии Медико-хирургической академии Н. Х. Зиберт.

[43] См. Письма, вып. I, п. № 12 (стр. 57) и п. № 13 (стр. 58—59).

К главе третьей

[1] Из письма В. В. Стасова к М. А. Балакиреву от 13 февраля 1861 года. Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым. Музгиз, 1935, стр. 91.

[2] См., в частности, главу шестую «Летописи моей музыкальной жизни».

[3] Там же, изд. 6, стр. 36.

[4] Письма, вып. I, п. № 15, стр. 60.

[5] Даты отъезда Бородина за границу и его возвращения оттуда установлены на основании пометок в его заграничном паспорте 1865 года.

[6] Es-moll'ная симфония Н. А. Римского-Корсакова была впервые исполнена в оркестре в концерте Бесплатной музыкальной школы 19 декабря 1865 года (см. Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, стр. 37—38). В приходо-расходной книжке Е. С. Бородиной против записи расходов за это число имеется пометка: «Конц[ерт] Лом[акина]», показывающая, что Бородины присутствовали на указанном концерте Бесплатной школы (Г. Я. Ломакин, как известно, был одним из учредителей Бесплатной музыкальной школы, и концерты этой школы в первые годы ее существования часто назывались поэтому в разговорном обиходе «Ломакинскими»).

[7] См. Письма, вып. I, примечание 3 к п. № 19, стр. 337.

[8] Эти реакционные выходки были связаны с общим усилением реакции после покушения Каракозова на Александра II.

[9] См. Письма, вып. I, п. № 33, стр. 87.

[10] Это видно из пометок Е. С. Бородиной в ее приходо-расходной книжке.

[11] См. Письма, вып. I, прим. 2 и 3 к п. № 35 (стр. 342—343).

[12] См. Письма, вып. I, п. № 39, стр. 95—97.

[13] См. Письма, вып. I, п. № 40, стр. 97—99.

[14] См. о нем Письма, вып. I, прим. 6 к п. № 26, стр. 340.

[15] Игорь Глебов (Б. В. Асафьев). Из забытых страниц русской музыки. «Музыкальная летопись», сб. I, Пгр., 1922.

[16] См. журнал «Советская музыка», 1934, № 1.

[17] В. В. Стасов, цит. книга, стр. 33.

[18] Дата этой репетиции установлена мною на основании записи в приходо-расходной книге Е. С. Бородиной (ср. Письма, вып. I, прим. 4 к п. № 61, стр. 354).

[19] Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, стр. 50.

[20] На страничке, содержащей записи Е. С. Бородиной за 7, 8 и 11 мая 1868 года, имеется пометка: «У Даргом. исполнялись «Радклиф» и «Княжна».

[21] См. Письма, вып. I, п. № 45, стр. 109.

[22] См., например, А. П. Дианин. А. П. Бородин, стр. 6 (по отдельному оттиску).

[23] См. Письма, вып. I, пп. №№ 60, 61 и 62, стр. 139—142.

[24] В его письме к В. В. Стасову. См цит. книгу В. В. Стасова, стр. 35.

[25] «Симфония некоего Бородина мало кому понравилась. Вызывали его и хлопали ему усердно только приятели» (см. газету «Голос» за 1869 год).

К главе четвертой

[1] Письма, вып. I, п. № 64, стр. 142.

[2] См. Письма, вып. I, примечание 2 к п. № 68, стр. 355, а также труд М. И. Чайковского «Жизнь П. И. Чайковского», т. I, стр. 330.

[3] Письма, вып. I, пп. №№ 70 и 71, стр. 150—151.

[4] Письма, вып. I, п. № 73, стр. 154. В этом же письме Александр Порфирьевич рассказывает, что ему удалось обнаружить крупные мошенничества в деле снабжения химической лаборатории Медико-хирургической академии реактивами из казенного аптечного магазина и, тем самым, поставить начальство в такое положение, что оно не решилось урезать бюджет лаборатории, боясь скандала.

[5] См. письмо, цит. в предыдущем примечании, стр. 154—155.

[6] См. Письма, вып. I, п. № 76, стр. 161—162.

[7] См. Письма, вып. I, п. № 92, стр. 197.

[8] См. Письма, вып. I, п. № 96, стр. 202.

[9] См. Письма, вып. I, п. № 98, стр. 211.

[10] См. Письма, вып. I, п. № 95, стр. 199—200.

Данное письмо было ранее опубликовано в цит. книге В. В. Стасова (стр. 73—75), но указанное в тексте место о «запахе великого князя» было выпущено,— очевидно, по цензурным соображениям.

[11] См. В. В. Стасов, цит. книга, стр. 32. Этот текст был заучен В. В. Стасовым на память, он его однажды сообщил Б. В. Асафьеву. К сожалению, Б. В. этого текста не запомнил; в записанной форме он пока нигде не найден.

[12] Там же, стр. 37—38.

[13] См. Письма, вып. I, п. № 102, стр. 221—222.

[14] Начиная с 4 июля 1870 года.

[15] См. Письма, вып. I, п. № 105, стр. 228.

[16] См. Письма, вып. I, п. № 128, стр. 272.

[17] См. Письма, вып. I, п. № 135, стр. 283.

[18] Лиза—Елизавета Гавриловна Баланева, по мужу — Дианина — мать пишущего эти строки. Она была взята к себе Бородиными в 1868 году и прожила с ними до конца их жизни.

[19] Время сочинения этого романса устанавливается со значительной вероятностью следующим образом:

а) Данный романс посвящен М. С. Ступишиной, которая жила в Петербурге и часто бывала у Бородиных до лета 1871 года; летом 1871 года они встречались на даче в Давыдкове. С осени 1871 года Бородин и М. С. Ступишина видались редко. Итак, принимая во внимание, что ро-

манс «Из слез моих» дозволен к печати в июне 1873 года, является вероятным, что он сочинен не позднее лета 1871 года.

б) У Бородина в его домашней библиотеке не было почти совсем беллетристических сочинений до конца 70-х годов, и он пользовался при сочинении романсов не на свои слова текстами или книгами, полученными от добрых знакомых. В частности, по воспоминаниям моей матери, у Бородина довольно долго находилась «Книга песен» Гейне, данная Балакиревым. Наконец, Балакирев взял ее обратно *. Принимая во внимание, что Балакирев не был у Бородиных с весны 1871 года по лето 1880 года, что моя мать с осени 1872 года жила пансионеркой в Еленинском институте и что она твердо помнила, что «Книга песен» была взята лично Балакиревым до ее поступления в Институт, также приходится считать, что данный романс написан не позднее 1871 года.

[20] Это становится весьма вероятным на том основании, что первые такты скерцо (модуляция из h-moll в F-dur) сочинены, согласно свидетельству Н. А. Римского-Корсакова, М. А. Балакиревым. Но Балакирев перестал бывать у своих музыкальных друзей с осени 1871 года, следовательно, данное скерцо существовало раньше этого времени.

Далее, осенью 1871 года сочинялся финал h-moll'ной симфонии. Мало вероятно, чтобы этот финал, следующий без перерыва за Andante, был сочинен раньше последнего. Таким образом, эскизы скерцо и Andante симфонии h-moll, по-видимому, имелись в наличности к весне 1871 года.

[21] Об этом намерении побывать в Киеве и остановиться там у П. П. Алексеева есть упоминание в письме Бородина к П. П. Алексееву из Давыдкова, от 24 июня 1871 года. Письма, вып. IV, п. № 137-а, стр. 293.

[22] См. Письма, вып. I, п. № 138, стр. 285—286.

[23] См., например, Письма, вып. I, п. № 150; стр. 311—312.

[24] См. Письма, вып. I, п. № 147, стр. 303.

[25] См. Письма, вып. I, п. № 149, стр. 307—308.

[26] В письме Е. С. Бородиной к А. П. Бородину от 27 октября 1873 года упоминается, между прочим, что 6 января 1874 года минет ровно два года со дня первого организованного ими костюмированного бала.

После одного из таких вечеров, как кажется, именно в 1872 году, произошел курьезный случай: на другой день после вечера к Бородиным зашла М. В. Доброславина для выяснения наиболее справедливого распределения расходов по вечеру между его участниками. Во время разговора Александр Порфирьевич в шутку надел бутафорскую корону «царя Менелая», лежавшую на столе тут же в комнате. В это время ему сказали, что его спрашивает по делу какой-то доктор: в эти дни Бородин замещал заболевшего ученого секретаря Академии И. М. Сорокина, и к нему ходило немало всякого народу за получением подписи на документах и по другим аналогичным делам.

В данном случае Александр Порфирьевич по рассеянности вышел к посетителю с короной на голове и был крайне удивлен, что пришедший к нему молодой врач вместо изложения своего дела пробормотал несколько бессвязных фраз и поспешно откланялся.

Как оказалось, этот посетитель решил, что «профессор помешался», и потому постарался поскорее от него удалиться... Этот анекдотический случай был мне рассказан М. В. Доброславиной.

[27] См. В. В. Стасов, цит. книга, стр. 38.

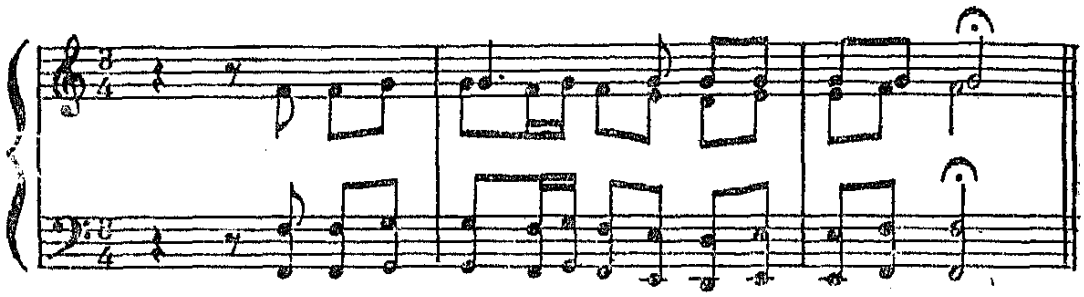
[28] См. Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, стр. 66.

[29] В «Летописи моей музыкальной жизни» (стр. 66) говорится, что «Бородин — немного разочарованный в ту пору в сочинении «Князя Игоря», взяв из последнего много подходящего материала, а некоторое сочинив вновь, написал почти что весь эскиз 4-го действия». Это сообщение

---

* Моя мать хорошо запомнила этот факт, так как очень полюбила эту книжку, переплетенную в красивый красный переплет.

Н. А. Римского-Корсакова представляется сомнительным; как известно, Бородин в первый период своих занятий «Игорем» ничего не сочинил, кроме «Сна Ярославны» и некоторых переделок хоров «Царской невесты», а затем забросил эту работу в начале весны 1870 года. Таким образом, в «Младу» могла разве лишь попасть тема:

родственная финалу симфонии h-moll, использованная в идоложертвенном хоре и впоследствии возвратившаяся в «Игоря» (в Пролог). В общем и целом следует считать весь четвертый акт гедеоновской «Млады» музыкой, вновь сочиненной Бородиным в 1872 году.

[30] См. В. В. Стасов, цит. книга, стр. 39.

[31] См. В. В. Стасов, цит. книга, стр. 41.

[32] Эти данные о заграничной поездке Бородиных в 1872 году взяты не только из записочки Екатерины Сергеевны, но также из воспоминаний об Ионе в письмах ее же к А. П. Дианину от лета 1877 года. Как видно из писем Е. С. Бородиной к А. П. Бородину и к А. П. Дианину, Екатерина Сергеевна болела в одно из своих заграничных путешествий сильным бронхитом во время пребывания в австрийском курорте Глейхенберг. (Она впоследствии свой всякий сильный бронхит называла «Глейхенбергом».) О времени этого пребывания приходится судить путем исключения. Бородины не были там в 1865 году, когда они прожили все лето в Граце. Не были и в 1862 году, когда они проехали без больших остановок из Италии в Берлин, следовательно, остается отнести житье в Глейхенберге к третьему их совместному путешествию за границу, т. е. к 1872 году.

[33] Эти даты взяты из записей в приходо-расходной книжке Е. С. Бородиной.

[34] Согласно хранящейся в НИИ ТМК бумаге, А. П. Бородин был утвержден преподавателем Женского курса ученых акушерок 11 октября 1872 года (отношение № 3027).

[35] В приходо-расходной книжке Е. С. Бородиной записано под 1 января 1873 года: «Извощ. в Псковит. 1.25».

[36] См. письмо В. В. Стасова к Zizi Stassoff от 21 мая 1873 года (цит. по выдержке, напечатанной в книге В. Каренина «Владимир Стасов», ч. II, стр. 409).

[37] Это видно из цензурных пометок на первых изданиях этих романсов.

[38] См. письмо Бородина к жене от 18 июля 1873 года (Письма, вып. II, п. № 193).

[39] См. Письма, вып. II, п. № 196.

[40] См. Письма, вып. II, п. № 199.

[41] Три сообщения о своих работах и четыре — о работах своих учеников (П. Г. Голубева, А. П. Дианина, Лобанова и М. И. Шалфеева). См. «Труды Казанского съезда естествоиспытателей и врачей 1873»; протокол соединенного заседания секций химии, минералогии, геологии и палеонтологии от 22 августа 1873 года.

[42] Средства на эту обсерваторию Казанское городское управление не хотело отпустить. Бородин, делая вид, что он ничего об этом не знает, поздравил городскую думу с организацией при ее помощи магнитной

обсерватории, чем очень сконфузил председателя думы и обрадовал организаторов обсерватории.

[43] См. письмо Бородина к жене от 28 августа 1873 года (Письма, вып. II, п. № 200).

[44] См. письмо Бородина к жене от 15 сентября 1873 года (Письма, вып. II, п. № 201).

[45] См. Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, стр. 83 и 108—109.

[46] См. письмо Бородина к жене от 22 октября 1873 года (Письма, вып. II, п. № 213).

[47] Там же.

[48] Не исключена возможность предположения, что в эту зиму возникли первые эскизы A-dur'ного квартета, но для подтверждения этого предположения пока нет данных.

[49] В те годы М. П. Мусоргский часто бывал у Бородиных и исполнял свои произведения. В частности, он нередко играл целиком «Бориса Годунова»; после этого обычно оказывался сломанным один, а то и большее количество молоточков рояля. Однажды мать Бородина, женщина вообще не музыкальная, была так растрогана исполнением «Бориса» его гениальным автором, что обняла и расцеловала М. П. после конца его игры (*по воспоминаниям* Е. Г. Дианиной).

[50] См. статью В. В. Стасова «Двадцать писем Тургенева и мое знакомство с ним» («Северный вестник» за 1888 год).

[51] Об этом инструменте есть упоминание в переписке А. П. Бородина с А. П. Дианиным за лето 1878 года; в этих письмах только что купленное Бородиным фортепьяно сравнивается с «рожновским клавесином».

[52] Об этом вальсе, равно как и о многих других подробностях пребывания Бородина в Рожнове, мне рассказывали М. А и И. А. Куломзины — сыновья Е. А. Куломзиной.

[53] См. Письма, вып. II, п. № 256.

[54] См. Письма, вып. II, п. № 257, стр. 81.

[55] См. В. В. Стасов, цит. книга, стр. 41.

[56] Очевидно, здесь имеется, в первую очередь, в виду все тот же мотив идоложертвенного хора, а также и другие темы «Млады».

[57] См. письмо В. В. Стасова к Д. В. Стасову от 18 октября 1874 года, цитированное в извлечении в книге В. Каренина (цит. книга, ч. II, стр. 418, *passim*).

[58] В приходо-расходной книжке Екатерины Сергеевны имеется запись: «74 года выехали из Петер[бурга] 19 июня, Я приехала с Алекс. Павл. [Дианиным] 2 ноября».

[59] Цит. по недатированному письму В. Н. Майнова к А. П. Бородину. См. в этой книге, в письмах к Бородину, п. № 20.

[60] Это письмо В. Н. Майнова к В. В. Стасову напечатано в цит. книге В. Каренина (ч. II, стр. 415). В этой книге см. его на стр. 338.

[61] Это вытекает из упоминания о сочинении «Плача Ярославны», как о совершившемся факте, в письме А. П. Бородина к Л. И. Кармалиной от 15 апреля 1875 года. См. Письма, вып. II, п. № 279, стр. 88.

[62] Там же.

[63] Там же.

[64] См. письмо А. П. Бородина к Е. А. Куломзиной от 29 июля 1875 года (Письма, вып. II, п. № 283).

[65] Все подробности об устройстве Бородиных на даче в Голицынской больнице заимствованы из неизданных писем Екатерины Сергеевны к А. П. Дианину, относящихся к лету 1875 года.

[66] Набросаны «Половецкие пляски» еще раньше. См. письмо от 15 апреля 1875 года, где, между прочим, говорится: «Написал... кое-что для танцев (восточных, так как половцы все-таки восточный народ)».

[67] См. Письма, вып. II, п. № 285.

[68] Там же.

[69] См. письма В. В. Стасова к А. П. Бородину от 17 и 19 сентября 1875 года.

[70] См. письмо Бородина к жене от 26 сентября 1875 года (Письма, вып. II, п. № 286).

[71] См. письмо к В. В. Стасову от 19 октября 1875 г. (М. П. Мусоргский. Письма и документы. Собр. А. Н. Римский-Корсаков, 1932, стр. 327).

[72] См. письмо А. П. Бородина к Л. И. Кармалиной от 1 июня 1876 года (Письма, вып. II, п. № 308).

[73] Там же.

[74] При содействии Бородина была организована запись песни «Звон-колокол» от А. Е. Виноградовой, а также песен от Е. С. Бородиной и А. П. Дианина.

[75] См. газету «С.-Петербургские ведомости», 1876 год, № 87, от 28/III, стр. 3.

[76] См. цит. письмо к Л. И. Кармалиной от 1 июня 1876 г.

[77] Эти подробности сообщены на основании письма А. Миролюбова к А. П. Бородину.

[78] См. письмо А. П. Бородина к Л. И. Кармалиной от 19 января 1877 года. (Письма, вып. II, п. № 347).

[79] В. В. Стасов, цит. книга, стр. 42.

[80] G-dur'ный хор был исполнен в концерте Бесплатной музыкальной школы 27 февраля 1879 года и к этому моменту, очевидно, существовал. В продолжение же лета 1877 года и лета 1878 года этот хор не мог быть написан; остается отнести его к осени 1876 года.

[81] По воспоминаниям М. В. Доброславиной. В моем архиве имеется копия той же надписи, сделанная рукою А. П. Дианина. См. Письма, вып. II, стр. 121.

[82] Из неизданной статьи А. П. Дианина к 30-летию со дня смерти А. П. Бородина.

[83] См. стр. 208 нашей книги.

[84] Письма, вып. II, п. № 347, стр. 122.

[85] Там же, пп. №№ 366—370, стр. 130—160.

[86] См. письмо от 30 июля 1877 года (Письма, вып. II, п. № 371).

[87] См. письмо от 13 августа ст. ст. 1877 года (Письма, вып. II, п. № 373).

[88] Ввиду общей тематической основы у Andante A-dur'ного квартета и у хора a cappella из четвертого акта «Игоря» представляется как будто вероятным предположение об одновременности сочинения обоих произведений. Но такое предположение противоречит утверждению А. П. Дианина, согласно коему он был в Давыдове во время создания хора a cappella, а в 1877 году А. П. Дианин все лето и осень провел в Иене.

[89] См. Письма, вып. II, п. № 374.

[90] См. цит. записку Е. С. Бородиной в книге Стасова на стр. 42—43.

[91] Это видно из рассмотрения и сравнения черновых набросков литературного текста каватины и дуэта, хранящихся в моем архиве.

[92] См. Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, стр. 118.

[93] Летом 1878 года у Бородиных жили три девочки: Е. Г. Баланева, Е. А. Гусева и Ганя Литвиненко *, удочеренная матерью Екатерины Сергеевны. Ганя поселилась окончательно у Бородиных с 1884 года.

[94] См. Письма, вып. III, п. № 418, стр. 42.

[95] Письмо к А. П. Дианину от начала августа 1878 года.

[96] См. письмо А. П. Бородина к А. П. Дианину от 12 августа 1878 года (Письма, вып. III, п. № 419, стр. 45).

[97] См. Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, стр. 121.

---

* Агния Степановна Литвиненко. Скончалась около 1919 г.

[98] Судя по записке Бородина к Н. А. Римскому-Корсакову от 5 января 1879 года, партитура арии Кончака была готова к этому дню и отправлена автором на просмотр к Николаю Андреевичу.

[99] В письме от 18 января 1879 года, сохраняющемся в Стасовском архиве Пушкинского дома. См. стр. 213 нашей книги.

[100] Т. е. вся партитура до «пляски мальчиков» (Presto).

[101] См. письмо Бородина к В. В. Стасову от 31 января 1879 года. Письма, вып. III, п. № 453.

[102] Судя по воспоминаниям М. М. Ипполитова-Иванова, такой способ сохранения своих карандашных нотных записей посредством смазывания желатином вообще применялся Бородиным («50 лет русской музыки в моих воспоминаниях», М., 1934, стр. 34).

[103] См. Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, стр. 121.

[104] Стр. 215 нашей книги (письмо № 51).

[105] Письмо Ф. Листа от 9 июня (н. ст.) 1879 года с отзывом о «Парафразах» было впервые опубликовано В. В. Стасовым в газете «Голос» (1879, № 277).

[106] См. Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, стр. 125.

[107] См. письмо Александра Порфирьевича к Екатерине Сергеевне от 21 июня 1879 года. Письма, вып. III, п. № 465, стр. 60.

[108] Об этом затяжном ненастье в лето 1879 года и о заботах Александра Порфирьевича о развлечениях для своих скучавших воспитанниц рассказывала мне Е. Г. Дианина.

[109] См. письмо Александра Порфирьевича к Екатерине Сергеевне от 1 июля 1879 года (Письма, вып. III, п. № 467, стр. 64).

[110] Из писем Александра Порфирьевича к В. В. Стасову и Н. А. Римскому-Корсакову от 4 августа 1879 года, опубликованных в вып. III Писем (№№ 469, 470), вполне ясно, что песня Владимира Галицкого написана именно в июле 1879 года. Поэтому указания «Летописи» на более раннее сочинение этой песни являются ошибочными (ср. Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, стр. 121).

[111] См. письмо А. П. Бородина к А. П. Доброславину от 15 августа 1879 года (Письма, вып. III, п. № 472, стр. 71).

[112] Все это рассказал мне лично в 1928 году И. П. Лапин. Летом 1928 года мне случилось идти вместе с И. П. Лапиным довольно долгое время, возвращаясь в Давыдово из Владимира. Когда я навел разговор на тему об А. П. Бородине, то Иван Петрович сообщил мне, что Бородин очень хотел услышать нужную ему «для театрального представления» старинную грустную русскую песню, «про горы Жигули». И. П. Лапин ввиду этого привел к Бородину из деревни Новой Быковки своего двоюродного брата Вахрамеевича, очень старого человека и знатока старинных песен. Как только Вахрамеевич немного пропел из песни «про горы Жигули», Бородин поблагодарил его, сказал, что ему довольно и что он вспомнил, что хотел. Он поднес певцу стаканчик водки и подарил ему «красненькую» (т. е. десятирублевую ассигнацию).

[113] О сочинении хора бояр в Давыдове в 1879 году и о его записывании на задворках дома Володиной мне передавал (в полном согласии с цитированными в прим. 110 письмами Бородина) мой отец, живший в то лето там же. С другой стороны, мы находим наброски текста хоровой сцены, изображающей «распри» и бунт Галицкого, на обороте черновика письма от конца лета 1880 года *. Это показывает, что сочинение музыки «сцены распрей», вероятно, относится к 1880 году.

[114] На сочинение этого хора именно летом 1879 года указывает еще найденный мною в папке Бородина, озаглавленной «Либретто Игоря и музыкальные дела», черновик, где на одном листке набросаны хор бояр и хор, о коем идет речь.

---

* Письма, вып. III, примечание 7 к п. № 592, стр. 333.

Косвенным указанием служит также свидетельство А. П. Дианина, что этот хор сочинен в его бытность в Давыдове: А. П. Дианин был в этом селе одновременно с Бородиным в июле 1878 года (когда Бородин не писал музыки) и летом 1879 года.

[115] Цит. письмо (вып. III, № 472).

В прогулках, о коих Александр Порфирьевич здесь упоминает, его спутником обычно бывал А. П. Дианин.

[116] См. Письма, вып. III, п. № 473, стр. 73.

Интересно отметить в этом письме одну странную фразу, которая, если не считать ее шуткой, указывает на необычную даже для Бородина рассеянность; Александр Порфирьевич говорит в этой фразе буквально следующее: «Приедешь * напиши, что тебе нужно, я вышлю».

[117] См. Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, стр. 128.

[118] Любопытно отметить, что в этом концерте, как видно из программы, исполнялся хор девушек, в состав коего входит отрывок в $^{5}/_{4}$ «Ты помилуй нас». Между тем неверное указание на сочинение этого хорика летом 1880 года в Соколове, сделанное в цит. записке Е. С. Бородиной, повторяется всеми биографами Бородина. Считаю поэтому нужным привести здесь программу концерта Бесплатной музыкальной школы от 13 ноября 1879 года **.

Вторник 13 ноября 1879 г.

ПРОГРАММА

первого абонементного концерта Бесплатной Музыкальной Школы, состоящая *** под Августейшим покровительством государя наследника цесаревича.

I. 8-я Симфония (F-dur) . . . . . *Бетховена.*
а) Allegro vivace e con brio; б) Allegretto scherzando;
в) Menuetto; г) Allegro vivace.

II. Отрывки из оп. «Псковитянка» (в 1-й раз) *Римского-Корсакова.*
А. Сцена у Печерского монастыря

Исполнят партии:

царя Ивана . . . . . *г. Матчинский*
Николы Салоса . . . . . *г. Стравинский*
а) Вступление.
б) Песня калик перехожих [следует стих об Алексее].
в) Вход царской охоты
[следуют стихи].
г) Гроза и песня девушек
[следуют стихи].
Б. Колыбельная песня (из пролога)
[следуют стихи].
В. Заключительный хор
[следуют стихи].

III. Фантазия на темы «Риголетто» для фортепьяно... . . . *Листа.*
Исп. г-жа Т. А. Якубович.

IV. Ария из оп. «Демон» Б. Шеля
Исп. *г. Матчинский.*

---

* Т. е. «приедешь в Петербург» (где тогда находился Бородин!).

** В приводимой программе мной пропущены тексты «Псковитянки».

*** Так в подлиннике.

V. Отрывки из оп. «Князь Игорь» (в 1-й раз) . . *Бородина.*

Исполнят партии:

Ярославны . . . . . *г-жа Велинская*
Князя Владимира . . . . . *г-н Стравинский*

а) Плач Ярославны.

Ах! плачу я, горько плачу я; слезы лью, да к милому
На море шлю рано по утрам.
Я кукушкой перелетной полечу к реке Дунаю.
Окуну в реку Коялу мой рукав бобровый.
Я омою раны князю на его кровавом теле.
Ох, ты, ветер, ветер буйный,
Что ты в поле веешь,
Стрелы вражьи ты повеял
На дружины князя.
Что не веял ветер буйный вверх под облака,
В море синем корабли лелея.
Ах, зачем ты, ветер буйный,
В поле долго веял,
По ковыль-траве развеял
Ты мое веселье.
Ах, плачу я и проч.
Гой! ты, Днепр, мой Днепр широкий,
Через каменные горы
В Половецкий край дорогу ты пробил
Там посады Святослава
До Кобякова полку,
Ты лелеял, мой широкий, славный Днепр.
Вороти ты мне милова,
Чтоб не лить мне горьких слез,
Да к милому на море
Не слать рано по утрам.
Ох, ты, солнце, солнце красно,
В небе ясном ярко светишь ты,
Всех ты греешь, всех лелеешь,
Всем ты любо, солнце.
Солнце, красно солнце,
Что же ты дружины князя
Зноем жгучим обожгло.
Ах! Что ж в безводном поле
Жаждой ты стрелкам луки стянуло
И колчаны им истомой-горем запекло.

б) Песня Князя Владимира Галицкого.

[Стихов в программе нет]

в) Сцена Ярославны с девушками.

Ярославна

Что тебе?

Няня

Там девушки пришли к тебе, княгиня,
Просить твоей управы.
Позволишь ли впустить?
Позволишь ли войти им?

Ярославна

Ну что ж, впусти их, пусть войдут

(Девушки робко входят).

Почто ко мне пришли вы?
В чем ищете управы
И на кого?

Девушки

Ну что же, отвечай!
Чего же ты молчишь?
Ну что же, говори!
Ну же!
Мы к тебе, княгиня,
Мы к тебе, родная,
Молим, просим, не оставь нас!..
Мы управы просим,
Ты не дай в обиду,
Защити нас, заступися.
Поне ночью вдруг нагрянул наш обидчик,
Девку взял, да силою забрал ее в терем к себе
Мы к нему ходили,
Мы его молили,
Не позорь ты бедной девки,
Выдай девку.
Он не выдал, наругался,
Насмеялся, пригрозил,
Да с *бранью*, с *побоями*
Выгнал он нас.
Вот и просим, молим
Мы твоей управы;
Не оставь ты, защити нас,
Ты не дай в обиду,
Ты вели нам выдать
Нашу девку, заступись,
Пусть вернет он, не позорит,
Пусть он выдаст девку нам.
Вели ему, вели
Девку нам отдать.

Ярославна

А кто же ваш обидчик?
Кто девушку увез?
Скажите, кто?

Девушки

Ну что же, говори.
Ну что же, отвечай?
Чего же ты молчишь?

Ярославна

Когда же? Скажите, кто?

Девушки

Не смеем... нам боязно.
Да что таить, расскажем все,
Надо ж сказать.
Ты помилуй нас,
Не во гнев тебе,
Не во обиду будь,
Это он же все,
Наш благой-то князь.
Володимир-то
Ярославич наш
Князь-от Галицкий.
И допреж сего
И давно уж так
Обижал он всех
На Путивле-то,
Володимир-от
Ярославич-то
Князь-от наш.
А как Игорь-князь
Во поход ушел,
Еще хуже нам,
Горше прежнего;
Ни по городу,
Ни по селам уж
Никому теперь
И житья-то нет,
Все гуляет князь
Володимир-от
Ярославич-то
Князь-от Галицкий
Со дружиною.
Все гуляет он
День и ночь.
Да все пьяные,
Да озорные,
Насмехаются,
Наругаются,
Забижают всех
Да бесчинствуют
Хуже ворогов,
Хуже половцев;
А житья от них
Никому здесь нет.
И унять теперь
Их здесь некому,
Страха нет на них,
На Путивле-то
Князя Игоря
Святославича
С нами нет.
Ты уйми его,
Молим мы тебя.

VI. Увертюра к оп. «Бенвенуто Челлини» . . . . . *Берлиоза.*
Оркестром и хором управлять будет *Н. А. Римский-Корсаков.*
Рояль фабрики Германа Коха и К°.

Начало в 8 часов.

К главе пятой

[1] Для доказательства происхождения этой девушки ее мать доставила Бородину адресованные к ней письма Н. Н. Зинина; эти письма хранились Бородиным в особом конверте с надписью: «Письма Н. Н. З. к М. М. М.»

[2] В «Летописи моей музыкальной жизни» (стр. 130) сообщены неточные данные об этом концерте. Считаю поэтому полезным привести здесь в виде отдельного приложения программу этого концерта, экземпляр коей сохранился в архиве Бородина.

Зал Кононова.

Во вторник 8-го апреля 1880 г.

КОНЦЕРТ Д. М. ЛЕОНОВОЙ

с участием
оркестра русской оперы, под управлением *Н. А. Римского-Корсакова.*

ПРОГРАММА

I-е отделение

1. Увертюра к опере «Псковитянка» . . . *Н. А. Римского-Корсакова.* Исп. оркестр.
2. Заключительная сцена Марфы-раскольницы из последней картины народно-музыкальной драмы «Хованщина» (в 1-й раз) *М. П. Мусоргского.*

Исполняет с оркестром *Д. М. Леонова.*

3. Песнь о царе Фулы *Листа.*

Исполняет *Д. М. Леонова*

4. Музыкальная картина «В Средней Азии» (в 1-й раз) *А. П. Бородина.*

Исполняет Оркестр

(В Средне-азиятской [Sic] пустыне впервые раздается напев мирной русской песни. Слышится приближающийся топот коней и верблюдов, слышатся заунывные звуки восточного напева. По необозримой степи проходит туземный караван, охраняемый русским войском. Доверчиво и безбоязненно совершит он свой длинный путь под охраною грозной боевой силы победителей. Караван уходит все дальше и дальше. Мирные напевы побежденных и победителей сливаются в одну гармонию, отголоски которой долго слышатся в степи и наконец замирают вдали).

5. Песенка Мефистофеля из «Фауста» Гете (в 1-й раз) *М. П. Мусоргского.*

Исп. Д. М. Леонова

II-е отделение.

6. «Тарантелла» . . . . . *Ц. Кюи.*

Исп. оркестр.

7. Драматическая сцена из оп. «Мария Тюдор» в 1-й раз *П. И. Бларамберга.*

Исп. с оркестром *Д. М. Леонова*

8. «Персидки» (игры и пляски персидок за трапезой князя Ивана Хованского).

Из народно-музыкальной драмы «Хованщина» *М. П. Мусоргского.*

Исп. оркестр.

9. а) «Южная ночь», романс *Н. А. Римского-Корсакова.*
б) «Духи неба», романс *М. А. Балакирева.*
в) «Милочка дева», мазурка *Шопена.*

Исп. *Д. М. Леонова.*

10. Вальс-каприччио «Письмо после бала» *Д. М. Леоновой*

Исп. *Д. М. Леонова.*

Аккомпанировать на фортепьяно будет *М. П. Мусоргский.*

Рояль фабрики Шредера.

Начало в 8 час. веч.

Считаю нелишним отметить, что и в организационной работе Н. А. Римского-Корсакова по этому концерту сказалось настойчивое его желание побудить Бородина к занятиям «Игорем». Просьба Леоновой дать для ее концерта «Половецкий марш», по всей вероятности, была внушена Римским-Корсаковым с тою целью, чтобы заставить Бородина оркестровать этот марш. Аналогичную историю с арией Кончаковны и с тем же «маршем» мы отметим ниже, при рассказе о другом концерте Д. М. Леоновой.

[3] См. письмо от 19 мая 1880 г. Письма, вып. III, п. № 579, стр. 100.

[4] Там же, п. № 587, стр. 105.

[5] Там же, п. № 586, стр. 102.

[6] Наброски «сцены раздрей» хранятся в рукописном отделении Публичной библиотеки в Ленинграде.

[7] См. Письма, вып. III, пп. №№ 650—657, стр. 131—134. По всей вероятности, при переделках в оркестровке h-moll'ной симфонии перед ее исполнением в 1879 году новые страницы были вложены вместо старых, были сделаны помарки и т. п.

[8] Этот факт устанавливается на основании письма Т. И. Филиппова к Бородину и черновиков ответов последнего (см. Письма, вып. III, п. № 629, стр. 124, а также п. 70 в этой книге).

Под «окончанием» «Хованщины», очевидно, следует разуметь существование для всей оперы уже сочиненной — хотя, быть может, и не полностью написанной — музыки!

[9] См. письмо Бородина от 22 декабря 1880 года. Письма, вып. III, п. № 666, стр. 137.

[10] См. Письма, вып. III, п. № 707, стр. 148.

[11] Там же.

[12] О переделках в арии Кончаковны см. Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, стр. 111. Самая последняя такая переделка—вставка в текст арии небольших фраз хора, подпевающего Кончаковне, сделана после смерти Бородина Н. А. Римским-Корсаковым.

[13] В архиве Бородина сохранилась набросанная его рукою записка с указанием распределения дежурства и венков на похоронах М. П. Мусоргского. Упомянутое письмо было напечатано в газете «Голос» 20 марта 1881 года (см. Письма, вып. III, примечание 3 к п. № 714, стр. 360).

[14] Там же, п. № 740, стр. 156—157.

[15] Сохранился принадлежавший Александру Порфирьевичу экземпляр программы Музыкального празднества в Магдебурге. На полях этого экземпляра имеется ряд пометок, сделанных рукою композитора.

[16] См. Письма, вып. III, пп. №№ 741 и 749, стр. 157—160, 179—182.

[17] В архиве Бородина сохранилась афиша, относящаяся к этому представлению.

[18] См. письмо А. П. Бородина к Е. С. Бородиной от 7/19 июня 1881 года. Письма, вып. III, п. № 743, стр. 162—163.

[19] Эти концерты получили такое прозвище в обществе учеников и учениц Листа вследствие существовавшего обычая отправляться после концерта всей компанией к другу Листа, К. Гилле, и угощаться у него жареными колбасами. См. письмо Александра Порфирьевича к Екатерине Сергеевне от 3 июля (н. ст.) 1877 года. Письма, вып. II, п. № 366.

[20] Письма, вып. III, п. № 744, стр. 164.

[21] См. письмо Александра Порфирьевича к Екатерине Сергеевне от 27 сентября 1881 года. Письма, вып. III, п. № 768, стр. 201.

[22] Там же, п. № 767, стр. 199.

[23] Е. Г. Дианина рассказывала мне, что она присутствовала при разговоре Бородиных, в котором шла речь о смерти невесты М. П. Мусоргского. Е. С. Бородина цитировала пушкинское стихотворение «Для берегов отчизны дальной» и советовала Бородину сочинить романс на это стихотворение. См. еще об этом романсе в книге М. М. Ипполитова-Иванова «50 лет русской музыки в моих воспоминаниях», стр. 35.

[24] Отступления в словах романса от пушкинского текста являются случайной ошибкой памяти Екатерины Сергеевны, так что предположение Е. М. Браудо о возможности намеренной переделки пушкинского текста—неосновательно (см. Е. М. Браудо, цит. книга, стр. 120).

[25] Время завершения работы над этой арией приблизительно устанавливается на основании следующих фактов и соображений.

В сохранившейся папке Бородина «Либретто Игоря и музыкальные дела» многие черновики отдельных частей либретто написаны на оборотной стороне служебных бумаг и других датированных документов. В частности, в отношении арии Игоря можно установить следующее:

а) Один из черновиков текста арии — сильно отличающийся от печатного — набросан на обороте записки, содержащей текст слов «сцены распрей», и, следовательно, написан позднее 1880 года.

б) Сценарий той части второго акта, где находится ария Игоря, написан карандашом на черновике письма к М. А. Балакиреву об уходе Н. А. Римского-Корсакова из Бесплатной школы, т. е. не ранее последних чисел сентября 1881 года.

в) Черновик арии, близкий к печатному, набросан на обороте бумаги из Военно-медицинской академии от 27 октября 1881 года.

Итак, ария оформлялась окончательно не ранее ноября 1881 года. С другой стороны, в адресованной из Музыкального общества Бородину

записке от 10 мая 1882 года запрашивается у автора партитура и партии «арии Князь Игорь» [sic]. Очевидно, Бородин хотел оркестровать сопровождение арии к весне 1882 года.

Сопоставление всех приведенных выше данных делает вероятным, что данная ария сочинена в течение осени и зимы 1881 года.

Указания «Летописи» Н. А. Римского-Корсакова на значительно более раннее сочинение арии Игоря, вероятно, объясняются тем, что автор «Летописи» имел в виду основные темы этой арии, т. е. лейтмотивы, возникшие, действительно, гораздо раньше; таковы, в частности, лейтгармонии, взятые из музыки гедеоновской «Млады».

[26] Письма, вып. III, п. № 785 (а также 786), стр. 206.

[27] Привожу здесь in extenso стихотворение Екатерины Сергеевны, написанное ею в связи с этим подарком.

Произведение домашнего пиита по случаю поднесения талантливому автору «Игоря» полного издания сочинений Некрасова. Издание Пыпина второе, имеющее появиться в печати и в продаже во 2-й половине января 1882 года.

По духу, по лире, по силе самой выраженья —
Родной ты поэту:
И плачет и тешит по-русски чудесная песня твоя.
В народные, мощные звуки умеешь облечь ты песнь эту,
И русскому уху — та песня родная — своя.
И русская удаль, и русское горе хмельное порой,
Мужицкий загул иль Княгини томленье разлуки,
Обаянье и грезы любви молодой,
И думы, и страсти, восторги и муки
В тебе выразителя русской души обрели.
И так эти песни печальника русской земли
Тебе, как русскому Баяну, имею честь я поднести —
А мне плохое выраженье хорошей мысли ты прости!

31 декабря
1881 г.

[28] Привожу здесь сохранившуюся в архиве Бородина программу этого концерта.

В пятницу * 22 ** Января 1882 г.

Зал Городского Кредитного Общества

КОНЦЕРТ Д. М. ЛЕОНОВОЙ

С участием оркестра русской оперы, под управлением
А. К. Лядова

ПРОГРАММА

Отделение I

1. Увертюра на руссике темы... *Н. А. Римского-Корсакова.*
Исп. оркестр.
2. «Ах, не мне бедному», песня Вани из оп. «Жизнь за царя» *М. И. Глинки.*
3. «Гопак веселых парубков»
Исп. оркестр
4. Песня «Хиври» ***
Исп. в 1-й раз с оркестром *Д. М. Леонова*

} Отрывки из новой оперы «Сорочинская Ярмарка» (инструментована А. К. Лядовым) *М. П. Мусоргского*

---

* Переправлено карандашом над зачеркнутым «Четверг».
** Переделано из «21» (карандашом).
*** Так расставлены кавычки в подлиннике.

Отделение II.

5. «Ночь в Мадриде», фантазия на испанские темы . . . . .
М. И. Глинки.

Исп. оркестр

6. Ариозо «Кончаковны»* из новой оперы «Князь Игорь».... *А. П. Бородина.*

Исп. в 1-й раз с оркестром *Д. М. Леонова.*

7. 2 Mephisto-Walzer *Ф. Листа.*

Исп. в 1-й раз оркестр.

8) а) «Забытый», баллада на слова гр. А. А. Голенищева-Кутузова
М. П. Мусоргского.

б) «У людей-то в дому». Песня на слова *Н. А. Некрасова.*
А. П. Бородина.

Исп. в 1-й раз с оркестром *Д. М. Леонова*

9. Романсы: а) «Свитезянка» *Н. А. Римского-Корсакова.*
б) «Она поет и звуки тают» . . *Ц. А. Кюи*
в) «Мне все равно» . . . *А. С. Даргомыжского*
г) «Милочка дева» мазурка Шопена
исп. с фортепьяно *Д. М. Леонова.*
Рояль фабрики Шредера.

Начало в 8 час. вечера.

[29] Письма, вып. III, п. № 812, стр. 211.

[30] Ввиду того, что факт публичного исполнения D-dur'ного квартета А. П. Бородина в 1882 году идет вразрез с указанием В. В. Стасова, относящего сочинение этого квартета к концу жизни Бородина (цит. книга, стр. 53), я считаю нужным привести здесь сохранившуюся в архиве Бородина программу концерта, в котором состоялось первое исполнение этого квартета.

Императорское
Русское Музыкальное Общество
С.-Петербургское Отделение.

Сезон 1881/82 года

Четвертое квартетное собрание
(третья серия)

26-го Января 1882 года

ПРОГРАММА

1. Квартет, для двух скрипок, альта и виолончели D-dur № 2 (манускрипт), в 1-й раз . . . . . *Бородина*
1. Allegro moderato.
2. Scherzo, Allegro.
3. Nocturne. Andante.
4. Finale. Andante, Vivace.

Исполнители: *Г.г. Галкин, Дегтерев, Резвецов и Кузнецов.*

2. Соната для фортепьяно и скрипки G-dur, № 3, соч. 9 (в 1-й раз) . . . . . *Годара.*

Исполнители: *Г.г. Кросс и Галкин*

---

* Так расставлены кавычки в подлиннике.

3. Квартет, для двух скрипок, альта и виолончели, соч. 59, № 2 . . . . . *Бетховена.*

I. Allegro.
II. Molto Adagio.
III. Allegretto.
IV. Finale. Presto.

Исполнители: *Г.г. Галкин, Дегтярев, Резвецов и Кузнецов*

Начало в 8 часов.

Рояль фабрики Бехштейн, из депо Германа и Гроссмана.

Дирекция С.-Петербургского Отделения покорнейше просит во время исполнения не входить и не выходить из залы.

[31] 1 января 1882 года Т. И. Филиппов прислал Александру Порфирьевичу письмо, в коем просил его устроить так, чтобы Фр. Лист прислал приветственную телеграмму «по случаю явления Милия Алексеевича пред обществом». По-видимому, Бородин во исполнение этой просьбы писал Листу, так как последний прислал Балакиреву ко дню его «явления» весьма сердечное письмо, в коем поздравлял Милия Алексеевича с возвращением к активной музыкальной деятельности.

[32] См. М. М. Ипполитов-Иванов. 50 лет русской музыки... стр. 34. Замечу также, что, по рассказам А. П. и Е. Г. Дианиных и Е. А. Гусевой, Бородин одно время пользовался для справок об арестованных студентах служебным положением своего брата Д. С. Александрова, бывшего тогда помощником начальника «Дома предварительного заключения».

[33] В письме Екатерины Сергеевны к А. П. и Е. Г. Дианиным от 7 июля 1882 года она сообщала: «кажется не поедем уже туда*, а только в Москву на выставку».

[34] Об этих хлопотах Александра Порфирьевича мы знаем частично из многочисленных черновиков его писем к матери и сестре больной, а также и к ее мужу Д. С. Александрову: из этих черновиков видно, что Александр Порфирьевич был сильно взволнован происшедшим и, собираясь писать быстро, набрасывал, по своему обыкновению, множество неудовлетворявших его проектов письма (см. Письма, вып. III. пп. №№ 863—874, 877—879).

Очевидно, именно этот случай имеет в виду Н. А. Римский-Корсаков, говоря в «Летописи» о родственниках Бородина, сходивших с ума (см. Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, стр. 113).

[35] См. письмо Екатерины Сергеевны к мужу от 21 августа 1882 года; в этом письме она приводит часть газетной рецензии. О М. М. Корякине она, на основании той же рецензии, пишет, что он пел нехорошо в музыкальном отношении, но имел громадный успех из-за своего голоса.

Привожу здесь программу выставочного концерта от 15 августа 1882 года.

Императорское
Русское Музыкальное Общество
Московское отделение.

Промышленно-художественная выставка 1882 г.
В воскресенье, 15-го августа
имеет быть

Седьмой симфонический концерт

под управлением
Н. А. Римского-Корсакова

Начало в 2 часа дня.

* В Житово.— *С. Д.*

ПРОГРАММА

1. «Антар», 2-я симфония для оркестра (на сюжет арабской сказки Сенковского) . . . . . *Н. А. Римского-Корсакова*

[следует программа «Антара»].

2. «Ночной смотр [»] . . . . . *М. И. Глинки*

Исполнит *М. М. Корякин.*

Антракт 15 минут.

3. Концерт (4-й) для ф-п. ор. 70 *А. Г. Рубинштейна*

a) Moderato
b) Moderato assai
c) Allegro

Исполнит *Н. С. Лавров.*

4. «В Средней Азии», музыкальная картина для оркестра (в 1-й раз) . . . . . *А. П. Бородина*

В однообразной песчаной степи Средней Азии впервые раздается чуждый ей напев мирной русской песни. Слышится приближающийся топот коней и верблюдов, слышатся заунывные звуки восточного напева. По необозримой пустыне проходит туземный караван, охраняемый русским войском. Доверчиво и безбоязненно совершает он свой длинный путь под охраною русской боевой силы. Караван уходит все дальше и дальше. Мирные напевы русских и туземцев сливаются в одну общую гармонию, отголоски которой долго слышатся в степи и наконец замирают вдали *.

5. Ария Кончака из оперы «Князь Игорь» (в 1-й раз) **

А. П. Бородина.

Исполнит *М. М. Корякин*

6. «Тарантелла» для оркестра (в 1-й раз) ** . . *Ц. А. Кюи*

Рояль фабрики Беккера.

Дирекция покорнейше просит, во время исполнения музыкальных номеров, не входить и не выходить из залы.

Восьмой симфонический концерт имеет быть в Воскресенье 22-го Августа.

[36] Эта дата установлена на основании фразы из письма А. В. Готовцевой к А. П. Дианину от 24 августа 1882 года: «Завтра ждем Александра Порфирьевича в Петербург».

[37] В приходо-расходной книжке А. П. Бородина на страницах, содержащих запись отданных печатных и рукописных нот, записаны отданные им М. П. Беляеву 24 октября «Scherzo» $^5/_8$, D-dur 4-т *** и Квинтет. Запись эта почти наверное относится к 1882 году, ибо она непосредственно следует за записями, датированными этим годом, и непосредственно предшествует записям, относящимся к самому концу 1882 и началу 1883 года.

[38] См. Письма, вып. IV, п. № 968, стр. 9.

[39] Значительное количество черновиков этих писем сохранилось в архиве Бородина. Письма, вып. IV, пп. №№ 982—988 и другие.

[40] Это видно из писем матери Екатерины Сергеевны, адресованных дочери и относящихся к 1883 году.

[41] См. письмо А. П. Бородина к А. П. и Е. Г. Дианиным от 22 августа 1883 года. Письма, вып. IV, п. № 1010, стр. 32.

---

* Я привел здесь вторично программу «Средней Азии», так как она представляет собою другой вариант, в котором нет слов «победители» и «побежденные».

** То есть в 1-й раз в Москве.

*** То есть квартет.

[42] Из письма Бородина к А. П. и Е. Г. Дианиным от 31 августа 1883 года. Там же, п. № 1011, стр. 33—34.

Несколькими строками ниже в том же письме Александр Порфирьевич сообщает, что Екатерина Сергеевна проснулась, но решила ехать не в Сосновку, а в зоологический сад!..

[43] В описываемое время Бородин особенно интересовался т. II «Истории Государства Российского» Карамзина и «Киевской Летописью». См. письмо к В. В. Стасову от 4 августа 1883 года. Там же, п. № 1008, стр. 31.

[44] Там же, п. № 1014, стр. 35—36.

[45] Там же, п. № 1018, стр. 43. Так работал Бородин, которого В. В. Стасов в одном письме к И. Е. Репину назвал «лентяем и разгильдяем».

[46] Там же, п. № 1022, стр. 50.

[47] Там же, п. № 1027, стр. 58—59.

Как мы увидим ниже, к этому времени еще не все номера «Пролога» были записаны.

[48] Там же, п. № 1030, стр. 62.

[49] Сохранилась афиша этого концерта с поздравительной надписью Ф. Листа и К. Гилле. См. в этой книге п. 116.

[50] Сохранились программы первого и третьего концертов «Société libre d'emulation», в которых исполнялась «Средняя Азия».

[51] Письма, вып. IV, п. № 1046, стр. 70.

[52] Там же, п. № 1048, стр. 72.

[53] Там же, п. № 1051, стр. 76.

[54] Один из набросков текста партии Кончаковны в трио III акта «Игоря», сохранившийся в папке «Либретто Игоря и музыкальные дела», написан на обороте черновика письма к В. А. Манассеину от 9 августа 1884 года. См. Письма, вып. IV, прим. 4 к п. 1052, стр. 337.

[55] О переработке «Моря» в процессе оркестровки Бородин сообщал в письме к де Мерси-Аржанто от 6 ноября 1884 года. Письма, вып. IV, п. № 1074, стр. 106.

[56] См. письмо Бородина к Е. Г. Дианиной от 2 августа 1884 года. Там же, п. № 1051, стр. 75.

[57] Эти записи культовых напевов и тема Andante были Бородиным переданы Е. А. Гусевой с наказом их хорошенько сберечь. Я получил эти записи от нее в 1923 году.

[58] См. письмо Бородина к Е. Г. Дианиной от 2 сентября 1884 года. Письма, вып. IV, п. № 1057, стр. 82.

[59] См. письмо Бородина к жене от 23 сентября 1884 года. Там же, п. № 1062, стр. 87.

[60] См. телеграмму Аржанто к Кюи от 9/21 октября 1884 года, а также письмо дирижера Ламурё к Аржанто от 8/20 октября того же года.

[61] См. письмо Жадуля к А. П. Бородину от 13/25 октября 1884 года.

[62] См. письмо А. П. Бородина к де Мерси-Аржанто от 18 января 1885 года. Письма, вып. IV, п. № 1087, стр. 111.

[63] Программа этого концерта установлена на основании сохранившейся рецензии Van der Boorn'a, напечатанной в начале марта 1885 года в льежской газете «La Meuse». Из этой рецензии следует, что песня Владимира Галицкого исполнялась с аккомпанементом фортепьяно, вразрез с желанием автора, выславшего задолго до концерта оркестровую партитуру этого номера.

[64] Цит. по книге: Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, изд. 3-е, стр. 276.

Во время этой предпринятой Н. А. Римским-Корсаковым работы им была записана музыка сцены затмения в Прологе, запись которой у автора была сделана в виде модуляционной схемы*. Хорошо помня им-

* Эта схема опубликована в моей статье «О роли чувства тональности в процессе творчества Бородина» («De musica», 1927, № 3).

провизированные Бородиным вещи, Николай Андреевич в совершенстве их восстанавливал по записям модуляционных схем, так что автор, по воспоминаниям А. П. Дианина, не находил нужным изменять в подобных «реставрациях» ни единой ноты.

[65] По воспоминаниям Е. Г. Дианиной, эту помощь оказал Бородину доктор Вас. Павл. Дианин, случайно зашедший в лабораторию, где с Александром Порфирьевичем как раз приключился самый страшный припадок.

[66] По письмам А. Н. Калининой к А. П. Бородину от 14 июля и 16 августа 1885 года довольно определенно устанавливается время заболевания Бородина холериной, неправильно отнесенное Е. М. Браудо к 1884 году (цит. работа, стр. 87).

[67] Дата выезда Бородина за границу установлена по его заграничному паспорту 1885 года: согласно этому документу Бородин проехал через Вержболово 28 июля; отсюда ясно, что он выехал из Петербурга 27 июля.

[68] Письма, вып. IV, пп. №№ 1120—1121, стр. 123—124.

[69] Там же, п. № 1107, стр. 119—120.

[70] Там же, п. № 1124, стр. 127—128.

[71] Там же, пп. № 1125, 1126, стр. 129—132.

[72] Как видно из письма Бородина к жене от 27 марта 1886 года, Александр Порфирьевич в 1886 году привез из Бельгии печатные экземпляры своего «Septain», изданного в Льеже, и послал Екатерине Сергеевне один из этих оттисков. Отсюда ясно, что «Septain» был написан за границей, причем Александр Порфирьевич не взял с собой в Россию автографной рукописи.

[73] Эта ликвидация произошла в 1885 году. В биографической записке о Бородине, составленной А. П. Дианиным, рассказывается, как тяжело переживал Бородин гибель этого своего любимого детища: когда пришлось приступить к перевозке в Медицинскую академию имущества химической лаборатории закрытых курсов, Александр Порфирьевич не выдержал и разрыдался.

[74] См. письмо Бородина к жене от 30 ноября 1885 года. Письма, вып. IV, п. № 1160, стр. 156.

[75] См. письмо Бородина к жене от 3 декабря 1885 года. Там же, п. № 1162, стр. 158—159.

[76] См. рецензию, подпис. А. Ск., напечатанную в № 325 газеты «Новости» (от 3 декабря 1885 года). Письма, вып. IV, стр. 158.

[77] См. письмо Бородина к жене от 1 февраля 1886 года. Письма, вып. IV, п. № 1182, стр. 180.

[78] См. письмо Бородина к жене от 15 марта 1886 года. Там же, п. № 1184, стр. 183.

[79] Там же, п. № 1185, стр. 185.

[80] Там же, п. № 1187, стр. 188.

[81] См. письмо Бородина к жене от 5 апреля 1886 года. Там же, п. № 1189, стр. 189.

[82] См. письмо Бородина к П. П. Алексееву от 6 мая 1886 года. Там же, п. № 1191, стр. 191.

[83] Е. А. Протопопова (старшая) жила в Голицынской больнице, Бородины поселились на Большой Калужской улице (дом № 43).

[84] Моя мать мне рассказывала, что Александр Порфирьевич учил моего брата Бориса играть на рояле тему первой части третьей симфонии в сентябре месяце 1886 года, когда А. П. и Е. Г. Дианины с сыном остановились у Бородиных на Калужской улице во время переезда из Давыдова в Петербург.

[85] Как известно, Бородину не удалось самому выпустить в свет партитуру второй симфонии, и правка корректуры была после его смерти закончена Н. А. Римским-Корсаковым и А. К. Глазуновым.

[86] Впоследствии хор этот был записан по памяти А. К. Глазуновым.

[87] Письма, вып. IV, п. № 1218, стр. 217.

[88] Там же.

[89] Там же, п. 1224, стр. 223.

[90] На пюпитре фортепьяно в комнате Екатерины Сергеевны после отъезда Бородина остался листок нотной бумаги с темой Moderato из третьей симфонии. А. П. Дианин, приехав к Екатерине Сергеевне с сообщением о смерти Александра Порфирьевича, нашел этот листок на том же месте, где он был забыт композитором.

[91] Письма, вып. IV, п. № 1233, стр. 231—232.

[92] Эти воспоминания написаны М. В. Доброславиной по моей просьбе. Обнаруженные мною в этих воспоминаниях неточности исправлены в тексте пятой главы этой книги.

[93] В рукописи воспоминаний М. В. Доброславиной есть упоминание, что это Andante было также известно моему отцу (А. П. Дианину). Это неверно. Отец слышал импровизацию финала третьей симфонии, и если Бородин в то утро играл также и Andante, то это осталось моему отцу неизвестным.

Существует предание, согласно коему Andante третьей симфонии было также известно и А. К. Глазунову, который якобы не запомнил основную тему вариаций, из коих состояло это Andante. Привожу этот рассказ слышанный мною около 1925 года от Б. В. Асафьева и циркулирующий в музыкальных кругах, без ручательства за его достоверность.

[94] Очевидно, это была та самая тема, которая приведена нами в рассказе о лете 1884 года, или какой-либо ее вариант. Впрочем, М. В. Доброславина не могла найти сходства между показанной ей темой и воспоминанием от слышанной в 1887 году музыки. Она подчеркивала при этом, что во впечатлении от слышанного Andante главную роль играли гармонии.

[95] Среди нотных рукописей Бородина, переданных А. К. Глазуновым в Петербургскую консерваторию, имеются маленькие наброски (в 1—2 такта) с пометками «для Andante». Набросков финала нет.

[96] Письма, вып. IV, п. № 1235, стр. 236.

[97] Моя мать с большим огорчением рассказывала мне, что последние слова, которые она слышала от закостюмированного уже Александра Порфирьевича перед началом вечера, были выражением укора или неудовольствия по поводу этой ссоры.

[98] Этот наряд Бородина моя мать берегла в его конторке. Куда он девался впоследствии — мне неизвестно.

[99] А. К. Глазунов в своей, составленной по просьбе В. В. Стасова записке, напечатанной в «Русской музыкальной газете» за 1896 год, говорит, что увертюра написана им «приблизительно по плану Бородина». Напротив, Н. А. Римский-Корсаков в «Летописи моей музыкальной жизни» (стр. 161) указывает, что при распределении между ним и А. К. Глазуновым редакционной работы над музыкальным наследством Бородина Глазунову было поручено записать «на память увертюру, наигранную много раз автором». На запись увертюры к «Игорю» А. К. Глазуновым по памяти указывает в своей цит. книге и В. В. Стасов (стр. 55).

От А. П. Дианина я слышал по этому поводу следующее. Александр Порфирьевич ему рассказывал, что А. К. Глазунов однажды обратился к автору «Игоря» с просьбой сыграть увертюру к опере. Бородин отказался, заявив: «Увольте меня от этого, батенька, она мне и так надоела». «В таком случае, Александр Порфирьевич, Вы, может быть, позволите мне ее Вам сыграть самому?» «Пожалуйста». Тогда Глазунов сыграл увертюру и, по словам Бородина, все оказалось вполне верно, «до последней нотки».

Сопоставление всех этих данных приводит к заключению, что Глазунов прекрасно помнил авторскую импровизацию увертюры, и что его оговорки вызваны как его большой щепетильностью, так и учетом изменений редакционного характера, введенных при окончательной обработке.

[100] См. Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, стр. 165 и 169.

ПИСЬМА
к
А. П. БОРОДИНУ

1. Г. Гейсслер

Bonn 11 April 1863.

Verehrter Herr Professor.

Hiermit habe ich das Vergnügen Ihnen die in Ihrem werthen Schreiben von 2. d. M. bezeichneten Gegenstände deren Preise zu notiren als

feine Thermometer . . . . . .—1/10° Cels von 0°—50° 7 ½ Thal

ditto . . . . . .0—200° 1/1° 2½—

ditto . . . . . .0—360° 1/1° 3 Thlr

Kali Apparate Geissl . . . .— 13 Sgr.

Buretten mit Glashahn . . . .— 2 ½ Tl

Kleine Scheide —[...] ¹ 1—3 . .— 1 ½

Wurzesche Destillations Rohr —4 Sgr

Glaskugel 300—500 C.C. Dampfdichte Bestimmung . .— 10—15 Sgr.

Apparate zu Spezif Gew Regnault . . . . . .— 8 Sgr.

ditto Mendelejeff für Thermod —9 Thaler

Glashähne nach Grös. 1 Thal 1½ Thal 2 Thal.

Kleine Araeometer 6 Stück zu einem Satz

von 0,700—2,000 Specif. Gewicht mit Cylinder à . . . .—3 ½ Thal.

Araeometer welche die specif . Gewichte . . . . .

zwischen die 3 и. 4-te Decimalstelle angeben

von 0,7 000—2,00 000 19 Stück

1 Satz mit Thermometer im Holz-Kasten à 24 Thal

Die Preise sind dieselben [...][1] ich an alle Institute liefere, und in der angegebenen Hoffnung [...] Ihnen dieselben conveniren [wer]den, halte ich mich unter Zusicherung von grössten Genauigkeit Ihnen geneigten Aufträgen bestens empfohlen, und zeichne mit aller Hochachtung Ergebenster.

H. Geissler
Mechaniker

Бонн 11 Апреля 1863.
[30 марта ст. ст.]

Уважаемый Господин Профессор.

Настоящим я имею удовольствие сообщить Вам цены предметов, указанных Вами в Вашем любезном письме от 2 [числа] с. м., а именно:

Точные термометры — $\frac{1}{10}$ °	Цельс. от	0°—	50°	$7^1/_2$ Тал *
то же	0°	———	200°	$1^0/_1$ $2^1/_2$ —
то же	0°	———	360°	$1^0/_1$ 3 —

Кали-аппарат Гейссл[ера] 13 Згр **
Бюретки со стеклянным краном $2\ ^1/_2$ Тл
Маленькие делительные [воронки?] 1—3 $1\ ^1/_2$
Вюрцевская перегонная трубка 4 Згр
Стеклянные шары 300—500 С. С. для определения плотности пара 10—15 Згр
Аппараты Реньо для определения удельного веса 8 Згр
то же Менделеева для [измерения] теплового расширения 9 Талеров
Стеклянные краны [в зависимости] от величины I Тал. $1^1/_2$ Тал. 2 Тал.

Маленькие ареометры 6 штук в одном наборе от 0,700—2,000 удельн. веса с цилиндром по $3^1/_2$ Тал.

Ареометры, дающие удельные веса [с точностью] от 3 до 4-го десятичного знака [включительно] от 0,7000 до 2,00000 19 штук (в) 1 наборе в деревянном ящике с термометром по 24 Тал.

Цены те же самые, по [каким] я поставляю [товар] во все институты, и надеясь, что они Вам подойдут, и заверяя Вас в точнейшем выполнении Ваших благосклонных поручений, я сохраняю уверенность в Вашем наилучшем ко мне отношении и подписываюсь с глубоким уважением.

Преданнейший
Т. Гейсслер
Механик

2. Ф. С. Цыцурин

Милостивый Государь Александр Порфирьевич.

Вследствие письма Вашего от 18-го мая, честь имею Вас уведомить, что об условиях, на которых Вы изъявили готовность принять на себя исследование Хиловских минеральных

---

* То есть «Талеров».—*С. Д.*
** То есть «Зильбергрошей». — *С. Д.*

источников [1], вместе с сим мною доведено до сведения Военного Министра и что до получения согласия или несогласия его на эти условия, я не могу сообщить ничего положительного по этому предмету.

Примите уверение в моем почтении и преданности.

Покорнейший слуга *Ф. Цыцурин.*

№ 818
«20» мая 1866 г.
Его Высокородию А. П. Бородину

3. Е. С. Бородина

Сряду семь лет, в этот день, я тебя
поздравляла —
Нет нужды повторять вновь все
то, чего прежде тебе я желала.
Помнишь Бинген, Берлин? [1]—И тогда, как
теперь, я хворала.
А теперь пожелаю тебе лишь того, чтоб здорова
была твоя милая жинка,
Чтобы ночи ты спал, чтобы дни ликовал
мой талантливый новенький Глинка [2].
Для себя ж пожелаю я много лет сряду
Поздравлять, целовать и любить тебя
сладко, без яду.

28 Августа 1867—[3]

4. В. В. Стасов

Квартира М. Балакирева, субб.,
28 дек. [1868 года] [1]

Многоуважаемый Александр Порфирьевич, мы с Милием [2] сделали комплот [3]: завтра (Воскр.) нам всем собраться к Пургольдам [4]. Он пишет в настоящую минуту Римскому [5], а я Вам: и умоляю Вас пожаловать завтра вечером в общее сборное место.

Вчера у Людм. Ив. [6] два раза пели Вашу «княжну» [7]: Пургольды были. Что за прелесть! Правду говорит Даргомыжский, что это просто — страница из «Руслана». До свиданья.

Ваш *В. Стасов.*

5. В. В. Стасов

Прилагаю, Александр Порфирьевич, весь готовый scenarium [1]. Я нашел в летописях несколько новых подробностей (о Владимире Галицком и Кончаке), так что пришлось иное изменить, а другое прибавить. Кушайте на здоровье!

Ваш *В. С.*

Пятница
18 Апр. 69.

P. S. Сцену расправы[2] я бы думал выкинуть и заменить — чем, Вы увидите.

6. В. В. Стасов

Вторн., 28 дек. 71.

Александр Порфирьевич, в Воскресенье, 2-го января, день моего рожденья, и вся наша музыкальная компания обещает провести тот вечер вместе со мною. Теперь дело остается только за Вами, самым далеким по месту жительства, но ужасно близким для нас (особенно для меня, смею сказать) по всему остальному. Ужасно бы хотелось, чтоб Вы с нами тут были, и чтоб никакие советы, отчеты etc. не помешали нашему удовольствию. Пишу Вам теперь заблаговременно, но еще зайду упрашивать Вас лично. — Но у меня больная племянница дома, и потому я зову всех в квартиру моего брата Дмитрия[1], что́ еще будет для Вас лучше — несколькими шагами ближе. До свиданья. Пожалуйста не отказывайте.

Ваш *В. С.*

7. А. Н. Луканина

[Весна 1872 года][1]

Дорогой мой Александр Порфирович, я вчера получила ваше письмо и нахожусь в большом горе, потеряв отчасти надежду вас увидеть[2]. Хоть бы вы написали мне, где вы будете поблизости от меня, чтобы я сама могла приехать. Пожалуйста, милый, хороший, напишите. Так много было бы чего рассказать, о чем писать неудобно. Между прочим, расскажу вам сначала о себе, а потом о некоторых здешних делах. Я в настоящую минуту здорова, т. е. только что справляюсь с плевритом, который был у меня тоже на почтовых, как все мои лихие болести. Только бок еще болит, но уж от иода, которым намазан. Занятия у нас в этом семестре кончились и теперь у нас каникулы. Цюрихские обитатели, и мы с Катериной Николаевной[3] (с которой мы настолько сблизились за это время, что стали говорить друг другу «ты») принялись устраивать кассу для помощи нуждающимся Цюрихским учащимся; шуму, споров, комиссий и комитетов было устроено множество, в одном из них заседала Кат. Ник. и наконец из всего этого родилась Касса. Младенец живой и повидимому здоровый. Все весьма горячо к нему относятся. Всякий несет в кассу по возможности один-два франка в месяц. Зная, что вы вообще горячо относитесь к нашим женским делам, я решила написать и вам об этом и попросить

вас помочь нам, не теперь, а когда вы вернетесь в Питер. Если бы вы сказали об этом вашим музыкальным друзьям, а они дали бы концерт в пользу нашего предприятия, то из этого составилась бы для нас немалая лепта. Дорогой мой, сделайте это[4].

Что Катерина Сергеевна[5]? Неужели вы не будете где-нибудь неподалеку? Я как бы нибудь да слетала к вам. Пожалуйста, дайте знать. Мне таким родным веет от вас, от каждой строчки, написанной вами. Прощайте, родной мой, напишите мне еще поскорее. Если бы вы знали, как тепло, когда знаешь, что ни время, ни собственные глупости не в состоянии лишить привязанности добрых и дорогих друзей. Целую вас и Катерину Сергеевну крепко.

Пишу я вам немного не потому, чтобы писать было нечего, а напротив так много и так интересно все то, что меня здесь окружает, что я все берегу для изустного долгого разговора, и примусь писать только тогда, когда потеряю надежду видеть вас. Душевно ваша

А. Луканина.

Катруся вам кланяется.
Это — новое название Катер. Николаевны.

8. М. С. Варварин

Его Высокородию
Господину Александру Порфирьевичу Бородину

Крестьянина деревни Андронниково
Михея Степанова Варварина

Имею честь почтительнейше вас уведомить, что я 31 числа сего Декабря прибыл домой для исполнения рекрутской повинности, и о том на справке был, по которой и оказалось, что я назначен в подставные в 5-м семействе, и думаю, что по случаю назначения прежде меня немного годных людей к поставке в рекруты[1]. Вследствие этого я надежи не имею, чтобы остаться в первобытном состоянии.

О чем всепокорнейше прошу Вашего Высокородия какоелибо да может случиться со мною несчастию[2], по означенному выше сего рекрутству, не оставить меня своим покровительством дабы, избавить каким-либо порядком избавить от рекрутской повинности[3], — Генваря (1) дня 1873 года—

Готов к услугам Вашего Высокородия крестьянин д.— Андронников[о]

Михей Степанов Варварин.

9. М. А. Балакирев

3-е января 1873 г.

Милый и дорогой Александр Порфирьевич!

Очень сожалею, что вчера не видел Вас у Баха[1].

Препровождаю к Вам слова к Вашему романсу[2], присланные Кармалиной вместе с ее письмом, которое прошу Вас возвратить мне с ответом, который я располагаю переслать к ней. Всего Вам доброго и хорошего.

Весь Ваш *М. Балакирев.*

Мой поклон и поздравления дорогой Катерине Сергеевне[3].

10. В. В. Стасов

Вторник. 30 янв. 73.

Александр Порфирьевич, две просьбы:

1) Нельзя ли Вам на 1-е представление «Бориса»[1], в бенефис Кондратьева[2], пожаловать к нам в ложу? Мне так бы хотелось это 1-е представление провести вместе с Вами и Мусоряниным[3] зараз.

2) Нельзя ли Вам пожаловать к нам в Моховую завтра, среда? я в нынешнем году еще Вас не видал и не слыхал, а сверх того нам двум, с Мусоряниным очень хотелось бы показать Вам несколько новых сочинений «флакона» (Щербачова)[4], которыми он просто удивил нас. Кажется, от него надо ожидать очень многого.

Надеюсь, до свидания.

Ваш *В. С.*

11. М. Н. Римский-Корсаков

Милостивый Государь Александр Порфирьевич!

Принося вам искреннюю благодарность за ваши советы, которыми буду стараться воспользоваться к моему собственному благу, я должен сказать, что чрезвычайно польщен возложенным вами на меня поручением и тем доверием к моим умственным способностям, которое вы мне доказали, поручая мне выпутать вас из затруднительного положения; с своей стороны я приложил все старания к тому, чтоб выполнить столь лестную для меня обязанность; я передал игрушку моему папеньке с тем, чтоб он как можно скорей отослал ее в игрушечную лавку, откуда она была взята, чтоб не беспокоить маменьку, по выражению вашему не охотницу до шумных игрушек, которыми папенька так любит играть.

Папенька мой, узнав о нездоровье вашем[1] собирается навестить вас и захватить с собой для вас другую игрушку деревянную, большую, может быть несколько менее шумную, чем медная, но которую мамаша тоже не любит и говорит что она напоминает хрюшку[2].

С искренним почтением остаюсь всегда уважающий советы ваши

М. Римский-Корсаков.

P. S. Мамаша и папаша свидетельствуют вам свое почтение.

19 октября [1873 г.]

12. В. В. Стасов

31-го Декабря 73.

Александр Порфирьевич,

послезавтра, в Среду, 2-го января, мне стукнет 50 лет. По этой оказии у нас, в Надеждинской соберется вся наша компания — позвольте надеяться, что и Вы тоже будете и непременно, и даже с «Младой»[1], которую мы все так давно не слышим, к несчастью.

Вы нам непременно нужны, ради бога не отказывайтесь.

А между тем, поздравляю Катерину Сергеевну и Вас с завтрашним Новым годом, и желаю всего преотличного. Вам же, всего более желаю на 74-й год — чего? Вы сами догадаетесь. Создать еще какого-нибудь Льва или Львицу[2].

Ваш *В. С.*

13. В. В. Стасов

Четв., 31 янв. [1874 г.][1] утро

Александр Порфирьевич, Мусорянин был вчера у меня весь вечер, и, уходя, вспомнил, что забыл уведомить Вас, что продажа билетов на Воскресенье начнется в кассе Мариинского [театра][2] завтра, в пятницу, — для всей публики; поэтому сегодня должны быть взяты из кассы билеты, записанные заблаговременно, так что Вам необходимо послать кого-нибудь сегодня же за Вашей ложей и креслами. — Мусорянин хватился обо всем этом вчера уже очень поздно, и я взялся поправить его недочет, написав Вам с утра сегодня. Что̀ сим и имею честь исполнить.

Ваш *В. С.*

P. S. Не будете ли Вы ужо̀ вечером у брата Дмитрия?[3] Мы все там.

14. Н. Н. Зинин

Сделайте милость, друг Александр Порфирьевич, одолжите мне на завтрашнее утро Вашего форменного сюртука (с бархатным воротником, без галунов). Погоны у меня есть; а мой сюртук моль так поела, что надеть нельзя; между тем завтра (т. е. в воскресенье 10-го Марта) непременно нужно по Начальству явиться или в мундире (коего не имам) или [...][1] в реченом выше сюртуке.

Ваш искренно *Н. Зинин.*

9 Марта
1874 г.

15. Н. Н. Зинин

Добрый друг Александр Порфирьевич, я очень нездоров, страшно болит горло и лихорадка, боюсь чтобы опять не было нарыва. Сделайте милость, скажите глубоко и искренне уважаемой Марье Григорьевне[1], что я завтра, т. е. в четверг, читать лекций не буду, ибо не могу[2]. Прилагаемую опись прочитанного мною о [....][3] потрудитесь доставить ей же, для передачи моим слушательницам. Сделайте, пожалуйста, все это завтра же поутру, до Вашей лекции, чтобы не заставить ждать меня,— ведь это было бы очень неучтиво с моей стороны.

Искренне Ваш *Н. Зинин.*

20 Марта
1874 г.

16. Л. И. Кармалина

Екатеринодар 6-го Апреля 1874 года

Александр Порфирьевич!

Я только что пела Ваши романсы и вся под впечатлением Вашей музыки — пишу Вам несколько слов: я не хочу, чтобы Вы меня забыли.

Известия о Вас имею только из газет. Читала о вечере, устроенном Вами в Академии, о хоре, исполненном прекрасно студентами, — и жалела, что не была в то время в Петерб., а то непременно приняла бы участие... Читала и о «Борисе» — разные критики[1]; мне кажется, что многие из них слишком разбросались в деталях, напирая, напр. на «Попиньку»[2] — когда на эту сферу надо смотреть как на целое... как бы разбирать народность, а не отдельных личностей.

Читала и разборы целой серии концертов... Последние заметки Кюи, как-то более в спокойном тоне.

От Людмилы Ивановны[3] имею маленькое письмо, в котором она пишет, что похварывает.

Как здоровье Вашей жены? Простила ли она мне мое полунощное появление к Вам, которое я от всей души желала загладить своим усердием по исполнению Вашей чудесной музыки, хотя была почти еще без голоса.

Можно ли просить Вас, когда Вы напишете что-нибудь нового, прислать мне скорее. — Я прошу Вас потому, что мой комиссионер Юргенсон[4] иногда медлит высылкой новых вещей, так напр. «Ратклиффа»[5] я получила только в мою бытность в Петербурге[6].

Если Вы ленивы писать или Вам некогда, то не отвечайте. Мое письмо — доказательство, что я Вас хорошо помню. — Сама же — хоть раз в год буду напоминать Вам о

Л. Кармалиной.

17. В. В. Стасов

Надежд., д. Трофимова.
Суббота, 28 Сент. 74 11 ч. утра.

Александр Порфирьевич, Вашу записочку я получил только сию минуту. Ужасно жаль, что в среду не удалось показать Вам новых вещей ни Мусорянина, ни Шевалье[1].

Но оба они горят нетерпением услыхать Ваше мнение. Нельзя ли пожаловать к нам завтра, Воскресенье?

Вот было бы торжество для нас всех!! Вы не знаете, как мы Вас ценим — и как редко слышим в целую зиму.

Ваш *В. Стасов.*

18. Д. И. Менделеев

Друг Александр Порфирович!

Завтра в среду (23 Окт.) ко мне обещалась на чашку чаю быть Лермонтова[1] (ныне доктор химии Гётти[2]), которую желательно познакомить с нашими химиками (она остается здесь только до Субб.), а потому приезжай, пожалуйста, да по пути попроси и Соколова[3], которому впрочем пишу вместе с этим — не знаю ладно [ли] все только адресую.

Твой *Д. Менделеев.*

22 Окт. 1874.

19. П. С. Стасова

Четверг 24 Октября 1874.

Челом бью Вам, Александр Порфирьевич, и усердно прошу Вас пожаловать к нам в Субботу вечером пробовать наш новый рояль. Мне бы хотелось, чтобы в этот вечер на нем исполнил каждый из дорогих нам авторов новой русской му-

зыкальной школы, — что-нибудь свое и этим окрестил бы новый наш Беккер. Пожалуйста же, дорогой и милый ленивец, не откажитесь во 1-х, пожаловать, во 2-х, принесите несколько Ваших творений, а в 3-х, явитесь пораньше. Суббота день свободный, никаких заседаний, лекций, опытов в лаборатории вероятно не будет, — пальчик ваш конечно уже починился и вы явитесь во всеоружии вашей любезности и готовности доставить нам вашей музыкой художественное наслаждение и просто удовольствие видеть вас и говорить с вами.

П. Стасова.

20. В. Н. Майнов

[1874—75 г. (?)][1]

Многоуважаемый профессор!

Сегодня получил я наконец от П. Хунфальви[2], профессора и академика в Пеште ответ на мой запрос. Вот что говорит он: «Половцы наши не отличаются в настоящее время от остальных Мадьяр ничем, кроме нескольких архаизмов в языке, так что они считаются наиболее чистыми Мадьярами; говорят они на диалекте Мадьярского языка, именуемом «палоч». Территория их обнимает три комитата (Борсад, Гомеш и Гевеш), лежащие близ гор Матра. Близ них жили еще в 1077 году язычники Печенеги. Половцев иногда смешивают с Куманами, но Половцы пришли раньше Куманов, которые переселились за несколько лет до 1239 года. Половцы не любят, когда их называют Палоч-ёк, и сами про себя говорят, что они Кун-ёк, считая первое прозвище оскорбительным и равняющимся нашему: дикарь, деревенщина и т. п.». Затем он прибавляет: «Таким образом для вас излишне иметь Половецкие песни — они Мадьярские; но если вам угодно, я пришлю вам несколько штук». Спешу поделиться с Вами [,] многоуважаемый профессор, результатами, добытыми мною через посредство Хунфальви, который признан лучшим знатоком Угорско-Алтайских народов. Так как у Кончака были под рукою и Половцы и Куманы (последние доподлинно тюрки-алтайские и сродники нашим Чувашам, что говорит в письме своем и Хунфальви), то музыка Половецкая (если Вам угодно будет милостиво дозволить мне высказать мое профанное мнение) должна состоять из смеси чисто восточных мотивов (но отнюдь не тех грациозных, каковы: «Ложится в поле»[3], Балакиревские, Персидские и т. п., так как Алтайские тюрки не успели еще доразвиться тогда до этих грациозных мелодий, доказательство чего мы находим у их потомков Чувашей, Башкир, Киргизов), состоящих из гортанно-жалеечных звуков, и затем тем, послуживших основами для целой массы чардашей, оброчей и т. п., находимых у

Листа и других. Простите за высказанное, многоуважаемый профессор, и примите уверение в совершенном почтении и глубочайшей преданности

Готового к услугам Вашим

В. Майнови.

М. Итал. 18—39

21. В. В. Стасов

Надежд., угол Ковенского, д. Трофимова
17 Сент. 75

Александр Порфирьевич, вчера вечером (Вторник) следующие люди собрались у Римских-Корсаковых:
Николай Андреевич [1],
Надежда Николаевна [2],
Кюи,
Я [,]
Еще кто-то (фамилии не знаю) [3].

Дело состояло в том, что некто Бородин, всеми нами обожаемый (особливо мною), обещал быть со своею музыкою у Римск.-Корс. именно вчера вечером, а «Князь Игорь» черт знает, как нас интересует, особенно вдруг подвигнутый вперед львиною хваткою.

Но мы Вас прождали понапрасну и разошлись, повесив нос.

В два дня — и две неудачи! Третьего дня я Вас не застал (приезжал я с Щербачовым), вчера Вы забыли обещанье!!!

И вот мы порешили, на общем совете, просить Вас, если только Вам возможно, приехать с нотами своими, в Субботу вечером к Римским-Корсаковым, так как Над. Никол. уже очень подвинулась далеко в своей беременности, и ей трудно бы было взбираться на нашу лестницу в Надеждинской.

Можно Вам? Согласны? Ради бога поскорее 2 слова ответа.

Ваш *В. Стасов.*

22. Л. И. Шестакова

17-е [сентября 1875 года] [1] 3 часа.

Дорогой мой Александр Порфирович. Решено, что М. П. Мусоргский у меня завтра 18-го в Четверг обедает, по-

радуйте нас (он ничего не знает), приезжайте к 5 часам, весело пообедаем вместе, и захватите свои сочинения непременно.

Ваша *Люд. Шестакова.*

23. В. В. Стасов

Надежд., д. Трофимова
Пятница, 19 Сент. 75.

Александр Порфирьевич, вчера вечером мы опять ждали Вас целой компанией и, к сожалению, паки не дождались.

Я в ужасе, что́ если мне еще долго не придется услыхать «Игоря», про которого Римлянин[1] рассказывает мне такие чудеса?![2]

Вчера же вечером мы порешили с Римлянином написать Вам (что́ сим и исполняю), что если только Вам можно, мы Вас убедительнейше просим пожаловать к нам на Надеждинскую, в Воскресенье, послезавтра — а Субботу считать «non-avenue»*, т. е. как бы разрушенною. Можно Вам? Скажите пожалуйста. Будут: и Римлянин, и Мусорянин, etc.

Ваш *В. Стасов.*

24. Е. К. Альбрехт

С. Петербургское общество
Квартетной музыки
Verein für Kammermusik
in St-Petersburg

30 октября 1875 г.
№ 80

Контора Общества на б. Подьяческой улице, д. № 24, кв. 8

Милостивый Государь Александр Порфирьевич.

Старшины СПб. Общества квартетной музыки, ныне вступившего в четвертый год своего существования, прилагая при сем отчет деятельности Общества за прошедший 1874/5 год, а равно и Устав Общества, позволяют себе надеяться, что Вы, Милостивый Государь, не откажете способствовать своим просвещенным содействием дальнейшему развитию и преуспеянию Общества.

Вместе с тем старшины имеют честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, почтить своим присутствием собрания Общества, которые в настоящем году имеют быть в дни, обозначенные на прилагаемой при сем карточке.

Примите, Ваше Превосходительство, уверение в глубочайшем к Вам почтении.

Евгений Альбрехт
Уполномоченный старшина Общества.

---

* не состоявшеюся *(фр.)*

25. М. А. Балакирев

Дорогой друг Александр Порфирьевич!

Большое спасибо Вам за Ваше предложение, которое с удовольствием готов принять на себя[1], но только условий своих сейчас не могу сообщить Вам, так как над этим вопросом нужно хорошенько подумать, — и посоветоваться кое с кем.— Завтра к вечеру постараюсь представить Вам ответ свой (т. е. условия) городской почтой[2], и не позже как послезавтра Вы их будете иметь.

Большой поклон мой дорогой Катерине Сергеевне.

Душевно любящий Вас по-прежнему.

М. Балакирев.

12 Января
1876 г.

26. А. А. Полякова

Многоуважаемый Александр Порфириевич,

День, выбранный для концерта в пользу женских курсов[1], к великому моему сожалению, оказывается для меня вполне неудобным: я, более месяца тому [назад], обещала принять участие в концерте в память Глинки, Даргомыжского и Серова, который ежегодно дается в Консерватории 2-го Февраля.

Если окажется возможным мне поспеть на оба концерта, то верьте, что я с радостью принесу свою лепту вашему благому делу.

До свидания. Жму вам руку.

А. Полякова.

15 Янв. 76.

27. В. В. Стасов

Надеждинск, 9.
30 марта 76

Наи-высоко-обожаемейший Александр Порфирьевич, пишу к Вам по двум делам.

Во-первых, не знаю, сообщила Вам, или нет, Людмила Ивановна[1] великолепную новость: Балакирев обещал ей, самым положительным образом, написать на бумаге всю свою «Тамару» — а это лучшее его создание!!! Каково, ведь это событие совершенно неожиданное и невообразимое[2].

При этом же личном свиданье он сказал ей, что ему очень приятен был наш с Вами поклон ему и приветствие, в письме Римлянина после концерта[3], и что он по-прежнему помнит и любит нас.

Все это хорошо: значит, он еще не совсем труп, и я все еще не теряю последнюю надежду на его воскресение.

Во-вторых, меня очень раздосадовала статья Кюи в воскресных нынешних «С. П. Б. Ведомостях»[4]. Конечно он Вас хвалит, пожалуй даже — очень. Но что̀ это за похвалы! «Г. Бородин один [из] самых талантливых наших композиторов. Его отличительные черты: легкость и свобода сочинения (какое нелепое определение, да еще в самом начале!!); счастливые темы, часто страстные сильные; прекрасная их полифоническая разработка; гармонизация тонкая, много индивидуальности, блеска и жизни»... и т. д.

Что̀ это такое?!! Все приговоры шульмейстера[5] какого-то: свобода, темы, разработка, блеск. Где же само-то создание, где хоть единое слово о характере и смысле этого гениального хора, которому мы все намедни́сь поклонялись? А потом, эти глупости о «слабой» средней части, об «этнографическом» элементе![6] Все это никуда не годно. Нет, нет, в сотый раз повторяю: Кюи ловкий и блестящий фельетонист, полемик; отпускать забавные штучки о Патти[7], итальянцах — это его дело. Но музыкальный критик — никогда, никогда, он им отроду не бывал и не будет.

Ни на одно мнение его нельзя никогда положиться; нет ни одного такого, которого можно было бы желать услышать от него. Нынешний отзыв Кюи о Бородине совершенно напоминает мне его же отзыв в «Энциклопедическом лексиконе» Березина: «Сочинения г. Бородина отличаются легкостью сочинения и оригинальной гармонизацией».

И это критика!!!!!

До свиданья — надеюсь, скорого.

Ваш *В. С.*

28. Л. И. Кармалина

Екатеринодар 14-го Апреля 1876 г.

Муж мой Н. Н. Кармалин[1] вынес такое приятное воспоминание о знакомстве с Вами, Александр Порфирьевич, что рассказами своими возбудил во мне сильное желание возобновить нашу годичную переписку[2] и перекинуться несколькими мыслями.

Перечитав Ваше письмо, (75 г.) — кстати я прибавлю, что берегу письма знаменитостей, особенно пишущих так хорошо и своеобразно как Вы[3]; — да, — так перечитав Ваше письмо я осталась «при особом мнении»: Вы находите естественным распадение кружка, — птенцов Балакирева; я же его

не понимаю, совсем не понимаю!.. Мне кажется, что всякий человек ищет сочувствия, похвалы, совета, у равного себе по развитию и знанию, у того, чьим мнением он дорожит... Потому, я — музыкант, — мне приятнее, если меня похвалит Бородин, Балакирев, Кюи, Корсаков, Мусоргский, чем Катерин Катеринович Кавос [4] и другие подобные. Обмен мыслями между могучими друзьями подвигал их вперед, к усовершенствованию.

Произведения каждого из членов кружка до того различны и разнообразны по характеру и духу, каждое само по себе такая сила, что не должны были бы порождать соперничества...

Собрания кружка были чем-то редким, невиданным, всякий понимал, что уважение к талантам друг друга связывало эти силы — и прав был тот, кто прозвал этот кружок «Могучей Кучкой» [5].

Право я не могу хорошо написать все, что я думаю,—но, лично говоря с Вами, я убедила бы Вас—наверно. Право!

Да и не верится мне, чтобы кружок распался... Это — временное охлаждение и только; — Вы все хорошие люди и не пойдете на мелочи...

Как же не ценить понимающих музыку, и много ли их,— а остальные, они—и... тому что $H^2O = \frac{H}{H}O$ и не поверят и не знают [6].

Как идет «Игорь», много ли уже готово? Получила я и «Анджело» [7], чудная вещь, помните, как мы все плакали, тогда, с Суворинym [8].— Тогда я знала только 1-е и 4-е действия; из вновь написанного, не все мне ясно — может быть оттого, что слышу в своем исполнении, а не другими...

Муж говорит, что исполняли безбожно [9], и что в Большом театре оркестр заглушал гораздо менее голоса, чем в Мариинском театре.

Не перестаю сожалеть, что мне не приходится пожить в Петерб. хоть одну зиму, почаще видеть Вас, говорить и слушать Вас. Я уверена что вся Могучая Кучка охотно была бы у нас, найдя искреннее радушие, глубокое уважение и полное сочувствие к каждому из них.

Вот может быть в 77 году придется привезти сына в Пажи [10], так пожалуй и прозимую. Семья у меня славная, живем патриархально. Мужа Вы видели... но сказал ли [он Вам], что он поет, что у него хороший и хорошо сохранившийся тенор и что он смыслит новую школу.—А детки мои все поют, у всех хороший слух — даже 3-хлетние — и те пели.

Вы не познакомили моего мужа с Вашей супругой, о чем я жалею, так как он не мог мне сообщить ничего о ее здоровье, а я как-то сразу привязалась к вам обоим.

Л. Кармалина.

29. Л. И. Шестакова

31 Октября утро. Воскресенье. [1876 г.][1]

Дорогой мой Александр Порфирович. Видеть Вас мне необходимо чем скорее, тем лучше. Я сегодня весь день Вас жду. Помогите мне советом. У моей девочки Леночки[2] сделалась страшного рода болезнь, и я ничего не знаю, опасна она, или нет и к кому Вы посоветуете отнестись, умоляю Вас навестить меня сегодня. Я до 10½ вечера готова Вас ждать. До свидания

Ваша душой *Л. Шестакова*

Вы можете вообразить каково мне.

30. В. В. Стасов

Надежд., № 9.
4 Дек. 76.

Александр Порфирьевич, нельзя ли Вам сделать великую радость Вашему глубочайшему поклоннику? Это — быть завтра у меня. Будет также и Мусорянин, — но никого больше.

Уже так давно Вы мне обещаете дать послушать все Ваши новые чудесные вещи разом[1]; все это откладывается, откладывается, и никогда не доходит до исполнения. Так вот, хоть завтра! Ах, как я был бы рад!!!!

Но если ничто Вам не мешает, будьте ради Бога пораньше, наприм. около 8-и, и захватите все ноты «Игоря».

Ваш *В. Стасов.*

31. В. В. Стасов

Надеждинск., 9.
Декабря 7-го 76.

К сожалению, Александр Порфирьевич, я не умею писать стихов, но скажу Вам в прозе, что мы все вчера хохотали Вашим 6-и строкам[1]. Вечером я попал в «Буфф», смотрел талантливую эту Гранье и вдруг смотрю—сидят там тоже и наши адвокаты из Малой Морской[2], я очень был рад, потому что мог поскорее показать стихотворение тоже и им. Как и они хохотали! Вот уж можете сказать себе, что не понапрасну сочиняли и посылали свои 6 строчек. Пожалуйста, чтоб это было не в последний раз!

Теперь еще другая статья.

Мне удалось наладить все с Вашей Малиновской, и я радуюсь, что могу доложить:

«Ваши приказания исполнены,
и вот как скоро!»

Сегодня утром, часов в 12, она была у меня в Библиотеке, приходила благодарить за то, что ее дело теперь совершенно уже уладилось. Нынче утром она отправлялась (как я ей на-

значил) к профессору Чистякову[3], с которым у меня было уже переговорено заранее, и которому я показывал ее рисунки. Он ее проэкзаменовал, допросил о том и другом, и заставил при себе нарисовать какое-то ухо с гипса. Тут он нашел, что она «способна» и должна продолжать с рисованьем, но ничего она, пока, не знает, и ей надо много-премного учиться. Потом, вследствие моей же просьбы, он принял ее в число своих учениц, на дому (и gratis), так что она думает скоро переехать на Вас. остров.—Вот мой доклад. До свиданья. Ваш

В. С.

32. Н. А. Римский-Корсаков

Александр Порфирьевич,
репетиции Концерта Бесплатной Школы в субботу (завтра) в 6 часов, и в понедельник в 9½ часов.

Н. Римский-Корсаков.

Пятница [1877 или 1879 г.][1]

33. Н. А. Меншуткин

Многоуважаемый Александр Порфирович!

Ваше письмо я получил, но еще прежде, на другой день после собрания, получил заметку Бейльштейна[1] по поводу корреспонденции Чеха[2]. Заметка эта будет напечатана в 3-м выпуске — второй выпуск вполне отпечатан, а потому в нем заметка не явится[3]. Заметка заключает учреждения, представившие коллекции, имена экспонентов и число препаратов. Таким образом будет сообщен полный список экспонентов. Если Вы желаете, чтобы были поименованы также и препараты, представленные экспонентами от Мед. Хи[рургической] Академии, прошу дать мне знать. Если от Вас заявления не получу, отпечатаю без названия препаратов.

Н. Меншуткин.

16 февраля 1877

34. Н. Соловов

Милостивый Государь Александр Порфирьевич!

Честь имею уведомить Вас, что репетиции Концерта[1] Имп. Русского Музыкального Общества назначены в Четверг 24-го и в Пятницу 25-го Февраля в 9 ч. утра в зале Дворянского Собрания и Концерт в Субботу 26-го Февраля, а потому и покорнейше прошу Вас на репетицию в Четверг к 9 ч. утра.

Готовый к услугам *Н. Соловов.*

21 февраля 1877 г.

35. Л. И. Шестакова

27-ое Февраля, вечер. [1877 год]

Дорогой мой Александр Порфирович!

Вчера я порывалась из концерта к Корсакам [2] и ежели не поехала, то единственно боясь стеснить их; ведь вчера был наш общий праздник и мне хотелось искренно обнять Вас и поздравить с будущей участью Вашей симфонии, верьте мне, что ей предстоит стоять на той высоте, как «Руслан», ежели было иное дурно исполнено [3], ежели наша осло-образная публика не сочувственно отнеслась к ней [4], это все ничего не значит; все-таки хорошо, что она была исполнена и во всяком случае она не замедлит пробить себе дорогу; сохраните это письмо и через 10-ть лет прочтите его и Вы увидите, что я была права. Вспомните первое представление «Руслана», вернее я Вам передам слова брата о нем, — «Меня шикали и вызывали в одно время, и когда по совету Л. М. Дупельта я показался в директорской ложе,—шиканье усилилось». «А ты что?» спросила я. «Ничего, раскланялся и спрятался». Видите, «Руслана» не поняли, точно так как не поняли и Вашей славной симфонии, и я никак не думаю, чтобы было условленное шиканье, мне кажется просто,—не поняли и дурили; их уши не доросли еще до этой симфонии, да впрочем стоит ли о публике говорить, это такая великолепная ослятина, что для нее стоило бы только играть и петь «Аскольдову могилу» [5]; вчера Вы были свидетелем, кем и чем дорожит наша публика. Исполнялась «Ночь в Мадриде» Глинки, которая, как Вы знаете, исполняется очень редко, и что же? раньше и даже во время самого исполнения, — шумит и расходится публика; ведь это только можно делать в России, попробовали бы подобную шутку сотворить в Германии; но довольно.

Ваша душой

Людмила Шестакова.

36. Ф. Ф. Бейльштейн

Многоуважаемый Александр Порфирич!

Вследствие Вашего заявления в химическом Обществе [1] я обратился с запросом к Г-ну Чеху в Берлине и узнал от него, что он Ваших препаратов потому не видел, что они, в день его посещения, находились в Конторе, для оценки. Кроме того, только в 3-м издании каталога помещен список ваших препаратов. Это непростительная погрешность Гг. английских комиссаров. Чех об этом тотчас известил Меншуткина, но Николай Александрович отказал г-ну Чеху в отпечатании его письма. Вследствие этого г. Чех просит меня изъявить перед Вами свое сожаление, что он

не обратил на Вашу коллекцию должного внимания. Я не знаю, что писал Чех Меншуткину, но, а приори, мне кажется по меньшей мере странно отказать человеку в возможности извиниться.

Искренно преданный Вам

Ф. Бейльштейн.

СПб. Марта 4-го 1877 г.

37. В. В. Стасов

Понедельник [Осень 1877?][1] вечер 9 часов.

Сижу дома, и посылаю себя ко всем чертям за то, что не могу попасть сегодня к Вам.

Я опять простудился: ломит голову, ломит спину и начинает надуваться флюс.

И из-за таких мерзостей быть принуждену не быть у Вас!! Бог знает как обидно и досадно!

Ваш *В. Стасов.*

38. И. С. Тургенев

Париж
50 Rue de Douai
Четверг 8-е Нояб.
27-е Окт. 77.

Милостивый Государь, Александр Порфириевич,

Третьего дня Г-жа Луканина пришла ко мне с письмом от Вас[1] — а вчера прочла она мне по черновой тетради тот рассказ старой няни[2], который она отправила к Вам.—Я был поражен этим произведением — столько в нем жизни, ума и поэзии—и весьма бы желал видеть его напечатанным в «Вестнике Европы» — если Вы с своей стороны не найдете к тому препятствий. Я вчера же написал редактору «В. Е.» Г-ну Стасюлевичу[3] — и предупредил его, что Вы явитесь к нему с рукописью Г-жи Луканиной.—Не сомневаюсь в том, что прочтя ее, он и без моей рекомендации, которую я выразил самыми сильными словами—с особенной охотой поместит в своем журнале такую замечательную вещь. Надеюсь, что Вы еще не успели распорядиться ею—и что Вы согласитесь со мною, что «Вестник Европы» такое издание, в котором лучше всего появиться начинающему писателю.—Весьма был бы Вам обязан если б Вы сообщили мне результат Вашего свидания с Г-м Стасюлевичем.

Лично я Вам очень благодарен за знакомство с А. Н. Луканиной: это сколько я могу судить — очень умная, симпатичная и хорошая женщина.

И с материальной точки зрения помещение этого рассказа в «В. Е.» представит его автору гораздо больше выгод, чем неверные и трудно доставаемые здесь уроки и прочие работы.

Мне весьма памятно наше свидание у Г. Стасова [4]; скажу Вам между прочим, что Г-жа Виардо [5], которая весьма интересуется русской музыкой, нынешней осенью разыграла вместе со своей дочерью привезенное мною из России переложение на 4 руки Вашей 2-й симфонии — и с великими похвалами отзывалась об этом Вашем произведении, с которым она намерена познакомить здешних музыкантов.

Полагаю прибыть в Петербург в конце нынешнего года— и надеюсь иметь удовольствие возобновить наше знакомство; а до тех пор прошу Вас принять уверение в глубоком уважении и таковой же преданности

Вашего покорного слуги

Ив. Тургенева.

39. В. В. Стасов

[22 ноября 1877 года][1]

Сто тысяч миллиардов раз досадно!!!

Если бы мы были с Вами подданные Гоголя, я—Бобчинский тогда — сказал бы Вам—Добчинскому: «Эх, Петр Иванович, не умели Вы и растянуться-то!» Но так как мы вовсе не гоголевцы, и так как Вы слишком—слишком многое умеете, то мне остается посылать ко всем миллионам чертей и все перевозы, и все Невы и Петра I, и всех перевозящих, и всех перевозимых,—кроме В а с разумеется, и всех непоскользнувшихся вчера, кроме м е н я с а м о г о — разумеется.
До свиданья.

Ваш *В.*

С Вашего позволения, сегодня или завтра забегу к Вам, проведать Вас, и, при этой удобной оказии, взглянуть: не написали ли Вы «Визит у Листа» [2].

40. В. В. Стасов

Сергиевская, 79.
18 Дек. 77.

Я понапрасну отыскивал Вас сегодня в концерте, Александр Порфирьевич, и потому пишу Вам — дело с п е ш н о е.

Ка́к я ожидал, та́к и вышло: вчера я нашел дома письмо редактора «П ч е л ы», он пишет мне, что с великою радостью поместит у себя письма [1], о которых я ему столько наговорил, и портрет [2].

Но просит: по возможности скоро прислать ему и то, и другое, особливо портрет, на награвирование которого потребуется 2—3 недели времени.

Итак, ради бога, пришлите мне поскорее (если можно— з а в т р а) и то, и другое.

Текст у меня списала бы вовсе не Наташа [3] и не Всеволод — гимназист, а личности надежные и хорошие, которые нисколько не будут затруднены [4]. Напротив, рады будут сделать, что я назначу.

Жду с нетерпением ответа здесь, или в Библиотеке.

Ваш *В. Стасов.*

41. Н. А. Римский-Корсаков

[1877—1879?] [1]

Милый друг Александр Порфирьевич, все будет сделано согласно вашему требованию, зайду к вам, может быть, сегодня, может быть — в пятницу.

Ваш *Н. Р.-Корсаков.*

Среда.

42. М. А. Балакирев

14 Янв. [1878 г.] [1] Суббота

Дорогой Александр Порфирьевич!

Вы меня чрезвычайно обрадуете, если не откажетесь быть у меня послезавтра в Понедельник вечером. У меня будет Лядов [2], принесет новый свой Этюд — прелестный, и еще кое-что свое. Мне оч. хотелось бы его соединить с Вами, и этот талантливый юноша стоит быть в Вашей компании. Ваше сообщество ему может принести огромную пользу. Кроме Вас и Корсиньки, никого не зову.

Крепко Вас обнимаю, и очень прошу не отказать душевно Вас любящему

М. Балакиреву.

Насчет Вашей 1-й Симфонии уже писано за границу и издателям [3].

43. В. В. Стасов

Сергиевская, 79.
6 февраля 78.

Александр Порфирьевич, — Вы меня совсем зарезали: портрет Листа давным-давно готов, редактор «Пчелы» по Вашему обещанию ждал «писем о Листе» [1] с

первых чисел января — и однако ж вот и до сих пор ничего нет!!!!

Смилуйтесь же и над Листом и над нами, выполните Ваше обещание и пришлите отличные эти письма — а то ведь, право, скоро год будет, как Вы виделись с Доктором Францискусом [2].

Скажите же еще ради бога, во время праздников не подвинулся ли «Князь Игорь»? Или же он так-таки и спит целых 2 года? [3]

Если да, это просто непростительно для талантливого человека, как Вы.

Ваш *В.*

44. В. В. Стасов

Сергиевская, № 79.
31 марта 78.

Александр Порфирьевич, во-первых и больше всего прошу Вас: ответить мне и не оставлять сего моего писания вовсе без ответа, как не раз случалось, к великому моему горю (и удивлению).

Во-вторых: что же письма о Листе? Ведь редактор «Пчелы» сто раз ко мне пристает и просит исполнения обещанного Вами. Портрет Листа давным-давно награвирован, надо печатать — а текста нет, того самого, который Вами обещан был наверное к 1-ым числам января, т. е. 3 месяца назад.

Теперь редактор умоляет Вас (и я тоже) прислать хоть начало, сколько есть, сколько готово — продолжение уже будет следовать потом.

В-третьих, моя сестра Надежда [1] очень просит Вас указать ей, нет ли у Вас в виду хорошего медицинского студента, который желал бы ехать на нынешнее лето в Воронеж, в хорошее семейство, приготовлять маленьких мальчиков к пансиону Бычкова. Требуется латинский язык, и если можно, немного немецкого. Плата — 50 руб. в месяц; также — особая комната, проезд и т. д.

Но если можно — ответ поскорее, а не то — прямо пришлите к нам на Сергиевскую, юношу, если такой найдется.

Ваш *В. С.*

45. Н. А. Римский-Корсаков

Напоминаем вам, Александр Порфирьевич, что в Понедельник вечером [1] мы вас ждем непременно, если возможно пораньше. «Игоря» захватите. Будет Кюи, Лядов и Бах.

Ваш *Н. Р.-Корсаков.*

Суббота [30 сентября 1878 г.] [2]

46. Л. И. Шестакова

17-ое Ноября [1878 г.][1], пятница.

Дорогой мой Александр Порфирьевич.

Во вторник 14-го числа, я вручила В. Н. Ильинскому[2] письмо, для передачи Вам и он мне дал слово доставить ответ на другой день, но вот уже четвертый, а ответа нет.

Дело вот в чем: во-первых, честь имею поздравить, сегодня день моего рождения, пошел 63-й годок, малолетней, но я Вас не зову, потому что еду в театр, а низко кланяюсь и прошу Вас быть у меня 21-го, во вторник, в 4½ часа, чтобы пообедать вместе со мною, Ильинским и другими, а вечером явится Пургольдт[3] и произведем музыку.

Мусинька[4] молодцом. Я слышала Ваш дуэт[5] в прелестном исполнении. На нижеследующее прошу обратить особое внимание: ежели бы 21-го, мосты были разведены, то будьте в 4-е часа, в Лицее, Никольский[6] с каретою будет Вас ждать и обратно, от меня, Вам удобнее будет вместе совершить путешествие, и возьмите с собой всего «Игоря», я так много обязана Никольскому, что мне ужасно больно, что он лишен возможности слушать нашу русскую, хорошую музыку, ведь я по милости его издаю партитуру «Руслана», он мне сам предложил четыре тысячи сереб. на обоюдно выгодных нам условиях; при свидании расскажу подробно[7]. Теперь скажу только, что не те люди высокие и великие, которые кричат о своей честности, в самом деле честны, а честнее те, которые молчат, и это оставит до свиданья,

Душой Ваша

Л. Шестакова.

Пожалуйста, о вторнике чтобы было между нами, потому что я весьма немногих приглашаю.

47. Н. А. Римский-Корсаков

Милый друг Александр Порфирьевич,

доставьте мне завтра, в пятницу до 6-ти вечера сколько написано Половецких Танцев, т. е. хора[1] (хорошо если б ¾ D-dur было готово, ну а нет—так и так хорошо). Завтра мне очень удобно отдать их расписывать, чтоб с будущей недели начать учить. Если найдете время, то сами может быть занесете, я часов с 2-х буду дома и обедать тоже буду дома, а в 6½ — пойду на спевку. Если же неудобно, то пришлите.

В Субботу репетиции с оркестром не будет, а оная будет в Воскресенье в 11 часов утра (у Кононова), вход с главного подъезда с Мойки[2].

Ваш *Н. Р.-Корсаков.*

Четверг 18 Янв. [1879 г.][3]

48. М. А. Балакирев

18 Янв. 1879. Четв.

Душевно любимый Александр Порфирьевич!
Очень прошу Вас доставить мне партитуру Вашей 1-й Симфонии [1], и всего лучше, если б Вы это сделали сами, и пожаловали бы ко мне в Воскресенье вечером. Я буду дома с 8-ми часов, и, кроме Вас, никого к себе не ожидаю.

Ваш всегда *М. Балакирев.*

49. В. В. Стасов

Сергиевск. 79.
24 янв. 79.

Александр Порфирьевич, вчера вечером воротясь из концерта [1], я нашел письмо Балакирева, который (в числе других дел) просит меня, если я увижу Вас в концерте, сказать Вам, что он «очень сожалеет, что в Понедельник Вы не только не приехали к нему, как обещали, но даже не прислали партитуру 1-й симфонии, о чем он давно Вас просил, а Вы конечно забыли [2]. Если Вы не желаете быть у него, то передайте партитуру Римск.-Корсакову, а тот уже доставит ее Балакиреву, через Лядова, или «прямо»...
Что сим и имею честь исполнить.
Ваш всегда

В. Стасов.

Адрес Балакирева: Угол Разъезжей и Загородного проспекта, д. Макарова.

50. В. В. Стасов

Сергиевская 79.
Суббота, 27 янв. [1879 г.][1]

Господин автор «Игоря», у нас в Среду (31-го января) будет, после 9 лет антракта — Балакирев, и объявил, что желал бы быть тут только: с Вами и Мусорянины м. Можно Вам? как я был бы счастлив!!! Вы знаете [2].
Но тогда — захватите пожалуйста оперу и 2-ю симфонию, и пожалуйте с ними сам-третий, к 7-и часам, так как Балакирев грозится рано прийти и рано уйти (от 7 до 10 все его пребывание).
Можно?

Ваш *В.*

51. Н. А. Римский-Корсаков

Милый друг, Александр Порфирьевич, я вчера вернулся из Москвы [1]; Каватина Владимира исполнялась в концерте 9 Апреля [2]; Барцал [3] пел прекрасно, брал даже Si♭ и был несколько раз вызван; по просьбе его, я согласился, чтоб он снял себе копию, думая что вы против этого ничего иметь не будете.

Ваш *Н. Р.-Корсаков.*

12 Апр. [1879 г.] [4]

52. В. В. Стасов

Воскресенье, 17 Июня 79.

Александр Порфирьевич, Лист прислал в ответ следующее письмо [1]:

Weimar, ce... Juin.
[28 мая/9 июня н. ст. 1879 г.] [2]

A M. M. Alexandre Borodine, C. Cui, Anatole Liadoff et Nicolas Rimsky-Korsakoff.

Très honorès Messieurs,

Sous forme plaisante, Vous avez fait oeuvre d'intérêt sérieux. Vos «Paraphrases» me charment. Rien de plus ingénieux que Vos 24 variations et vos 14 petites pièces sur le thême favori et obligé

Voilà enfin un compendium de la science de l'harmonie, du contrepoint, des rhytmes, du style figuré, enfin de tout ce que les Allemands appellent «Formlehre». Volontiers je le proposerai aux professeurs de composition de tous les Conservatoires de l'Europe et de l'Amérique pour servir de guide pratique dans leur enseignement. Dès la première page, les Variations II et III sont de véritables bijoux, et ainsi de suite les numéros continument jusqu'à la «Fugue grotesque» et le «Cortège» qui couronne glorieusement l'ouvrage.

Merci de Votre régal, Messieurs. Et si l'un de Vous publiera une nouvelle oeuvre, je le prie de m'en faire part. Ma haute, sincère et sympatique estime Vous est acquise depuis des années, et pour à présent je Vous prie d'agréer l'assurance de mon dévouement.

F. Liszt.

Вот видите, Александр Порфирьевич, как я был прав предложив Вам всем послать Вашу вещь Листу. Я предчувствовал, что он ее оценит, и что она крепко ему понравится.

Тут у нас вся компания засела за сочинение. Римлянин дописал партитуру[3] (кроме увертюры), и сдал ее в Дирекцию. Будет теперь писать увертюру, а для антракта оркеструет пару своих романсов для зимы.—Балакирев на днях сыграл нам всю «Тамару», разом, с большими новыми вставками, и с чудно-поэтическим вступлением, изображающим пустынную местность и тихий шум реки. Это бесподобно! Теперь только нужны последние удары кисти, да инструментовка.—Мусарион[4] как будто поправился—(не знаю надолго ли), и всякий вечер сидит у Людмилы[5] и уписывает на нотную бумагу уже сочиненное.—Лядов кое-что сообразил, и с 1-го Июля уезжает к знакомым в деревню—писать. Кюи что-то тоже делает—а Вы наверное наделаете чудес за лето. Ведь правда?—Черкните слово.

Ваш *В.*

Веймар, 9 июня.

Г. Г. Александру Бородину, Ц. Кюи, Анатолию Лядову и Николаю Римскому-Корсакову.

Многоуважаемые господа,

Под видом шутки, Вы создали произведение, имеющее серьезный интерес.

Ваши «Парафразы» меня восхищают. Нельзя вообразить себе ничего остроумнее Ваших 24 вариаций и Ваших 14 маленьких пьес на любимую и неизменяемую тему:

и т. д.

Вот, наконец, компендиум науки гармонии, контрапункта, ритмов, фигурированного стиля, вообще — всего того, что немцы называют «Учением о форме». Я охотно предложу его профессорам всех европейских и американских консерваторий в качестве практического руководства в их преподавании. На первой же странице Вариации II и III суть истинные драгоценности и так обстоит дело и с дальнейшими номерами вплоть до «Комической фуги» и «Шествия», достойным образом увенчивающего весь труд.

Спасибо Вам, господа, за Ваше угощение. Если кто-нибудь из Вас опубликует новое произведение, я прошу его мне сообщить. Я уже много лет питаю к Вам глубокое искреннее уважение и симпатию, в настоящий же момент прошу Вас принять уверение в моей преданности.

Ф. Лист

53. Н. А. Римский-Корсаков

Милый друг Александр Порфирьевич, покончив дела с «Майской ночью» (увертюру я написал), я тщательно просмотрел ваш № 1[1] и встретил великие затруднения. Поэтому

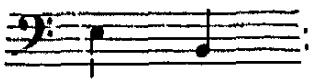
я решился выписать его вам до ариозо Владимира в том виде, как я предполагал бы его устроить, и посылаю его вам, а вас прошу, просмотрев его и заметив на нем карандашом все, с чем вы несогласны и что желаете переменить, прислать его немедленно ко мне обратно, ибо это развяжет мне руки на дальнейшую работу, которую я по всей вероятности к свиданию нашему кончу. Напишите что вы поделываете, что написали и что придумали нового. «Майскую ночь» я сдал в дирекцию и уж много партий там списано. Занимаюсь «Жизнью за царя»[2], а потому и с Милием[3] вижусь. Баха вижу редко, Лядова почти не видал, а теперь он уехал в деревню. Кюи принимается за оперу «Сарацин»[4]. Балакирев собирается заняться «Тамарой». Надя[5] вам кланяется. Кланяюсь Екат. Сергеевне[6] и Александру Павловичу[7]. Жду вашего ответа.

Ваш *Н. Р.-Корсаков*

8 Июля [1879 г.][8]

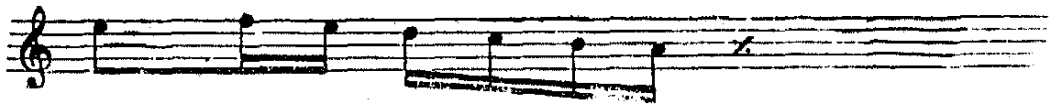
Адрес. С. Петербург. Балтийская железн. дорога, станция Лигово. Дача Лопатниковой № 3. Мне[9].

[11] 6-й такт. Последний член квартового хода у вас.

по-моему лучше F—C, ибо оно и логично и B никуда не разрешается, а C остается лежать в качестве квинты.

8-й такт. У вас фигура:

Это не подходит под лежащую гармонию, а именно последнее A не годится.
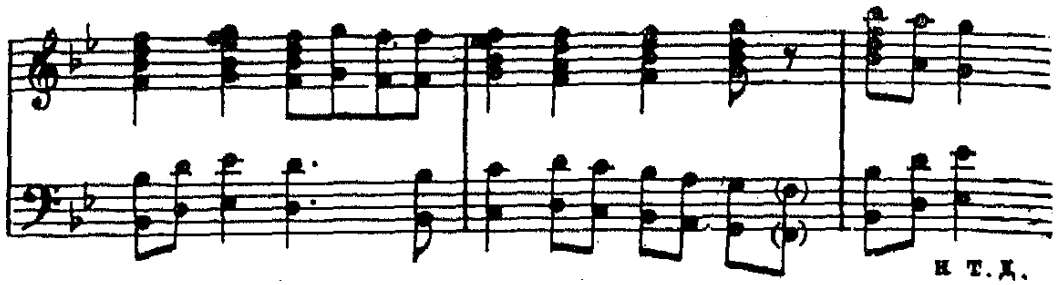
Такты 17, 18, 19, 20, а главное 21, 22, 23 и 24. Тема ваша то:

то

одновременно с первым образцом в оркестре идет тема второго образца в голосах, что не совместимо; тема первого образца худо вяжется с гармонией и потому предпочтительнее второй образец как более чистый; но в том и другом случае происходит неприятная октава:

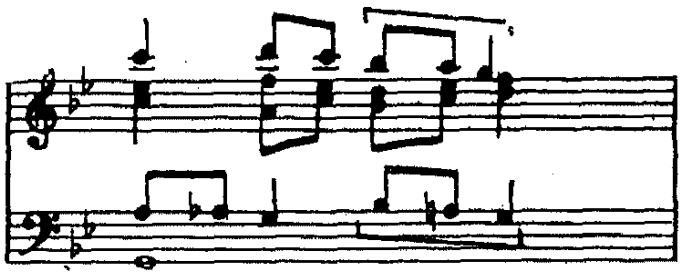

по-моему единственный исход из этого маленькая перемена в 3-м такте темы, как у меня и сделано; характера она не меняет, а еще разнообразие вносит, а для реуньонов [10] в конце с одной стороны возможна, с другой необязательна, так как фигурировать в них может только 1-я часть темы. Это по-моему главный затруднительный пункт. Если придумаете что иначе — так хорошо, но первоначальный вид решительно не годится. В этих же тактах F, выдерживаемый в трубах, по мне не нужен, — лучше и чище без него, а трубам дать B на первых 3-х аккордах, а далее смотря по обстоятельствам. В голосах же F не нужен.

Такты 31 и 32. У вас каденция на B, а я предлагаю на F, тогда на этот раз «Многая лета» придется на Es у теноров, а во второй раз на As у басов (такты 65, 66, 67 и т. д.), там каденция останется прежняя.

Такты 39 и 40. У вас каденция на B-dur, а после образовавшаяся педаль принуждена ни с того ни с сего перескочить на G; я предпочитаю прямо каденцию на g-moll, тогда педаль сразу установится. Если вы согласны на это, но недовольны собственно последним тактом каденции (39 такт), то измените, но по-моему непременно следует g-moll'ная каденция.

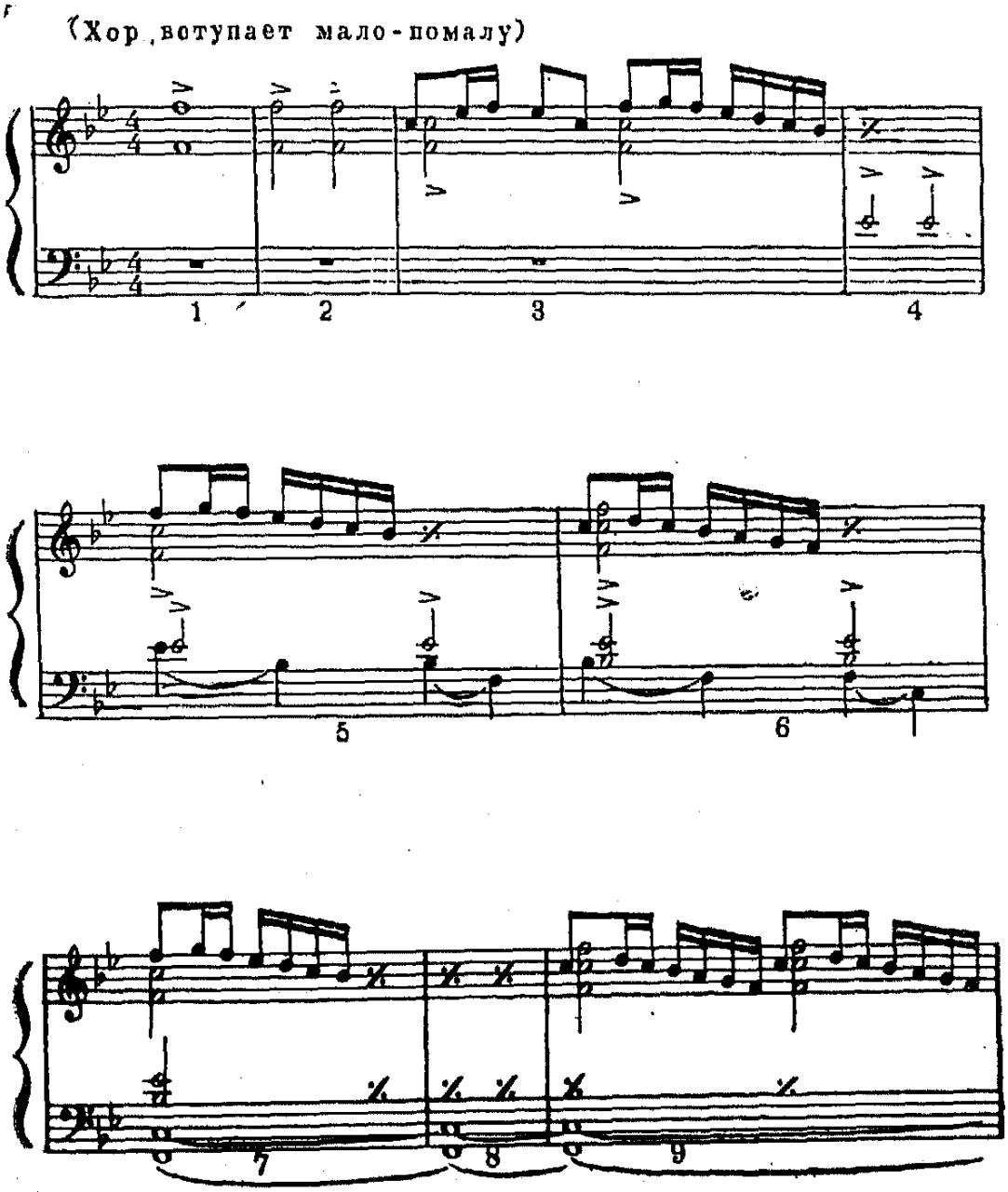
44 такт. У вас:
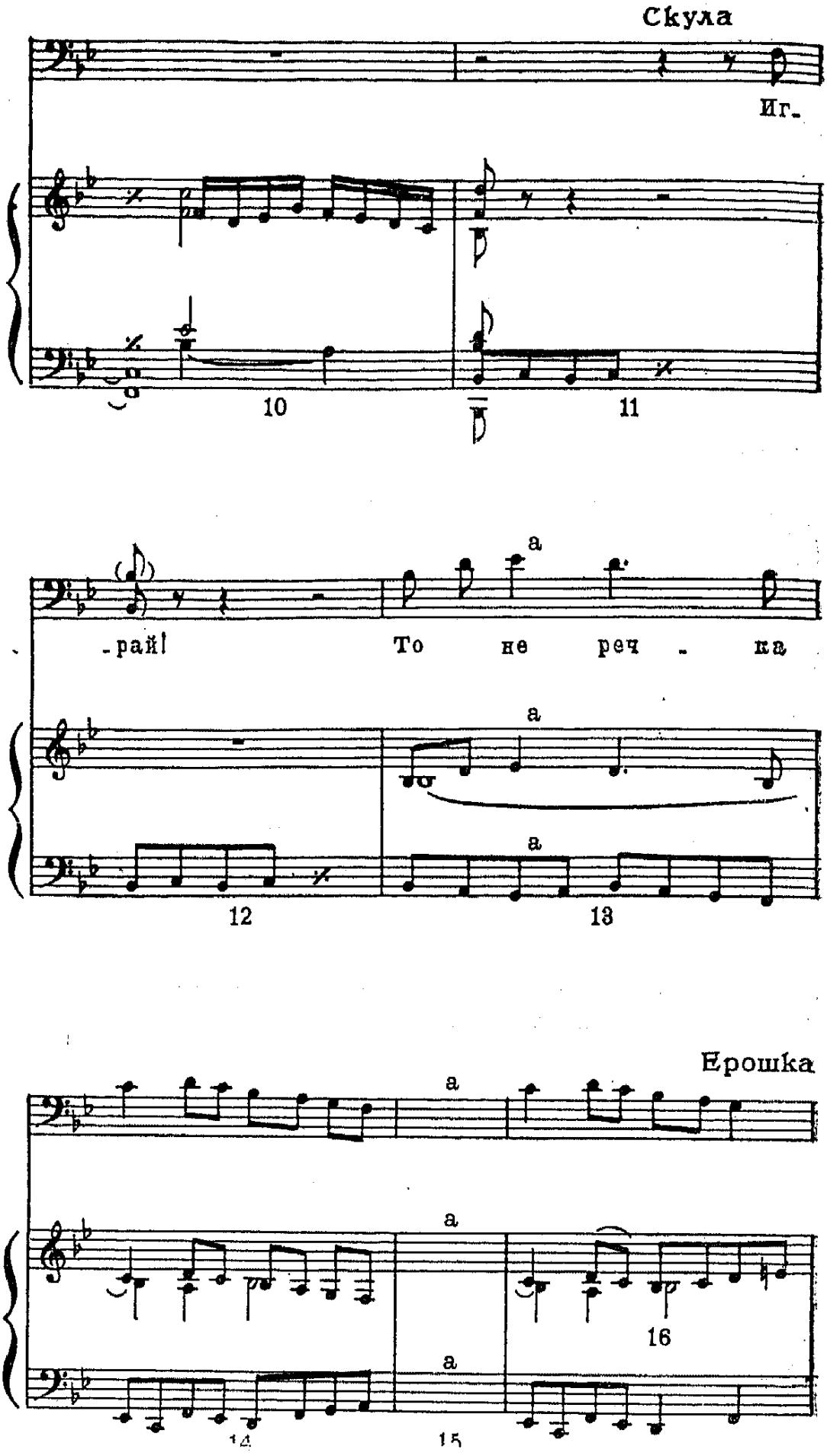

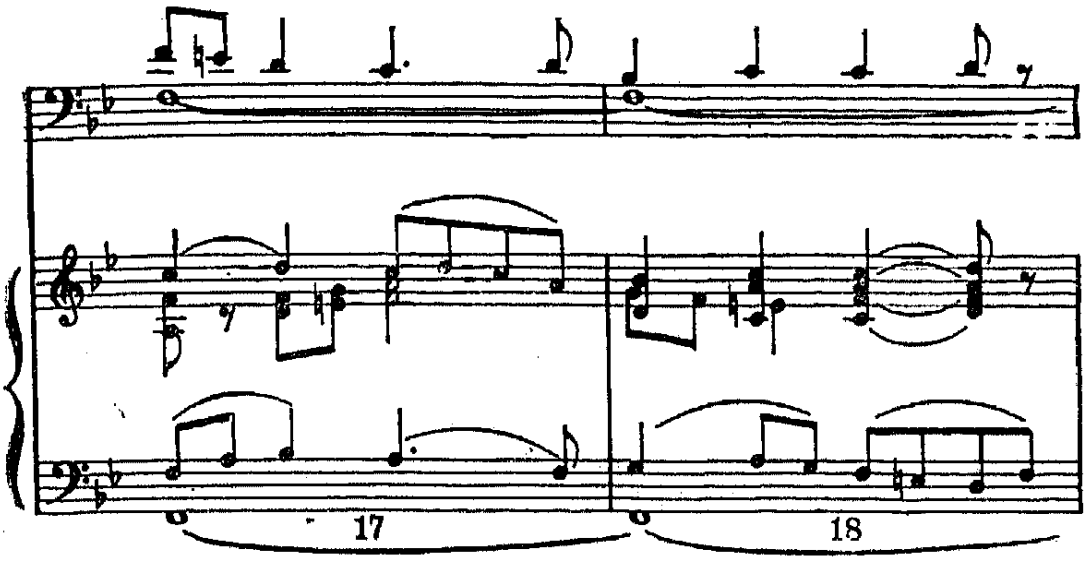
тема делает октавы с «ostinato» в левой руке и сверх того происходит презкое сочетание, которое при некоторой разнузданности этой педали решительно не дает вздохнуть.

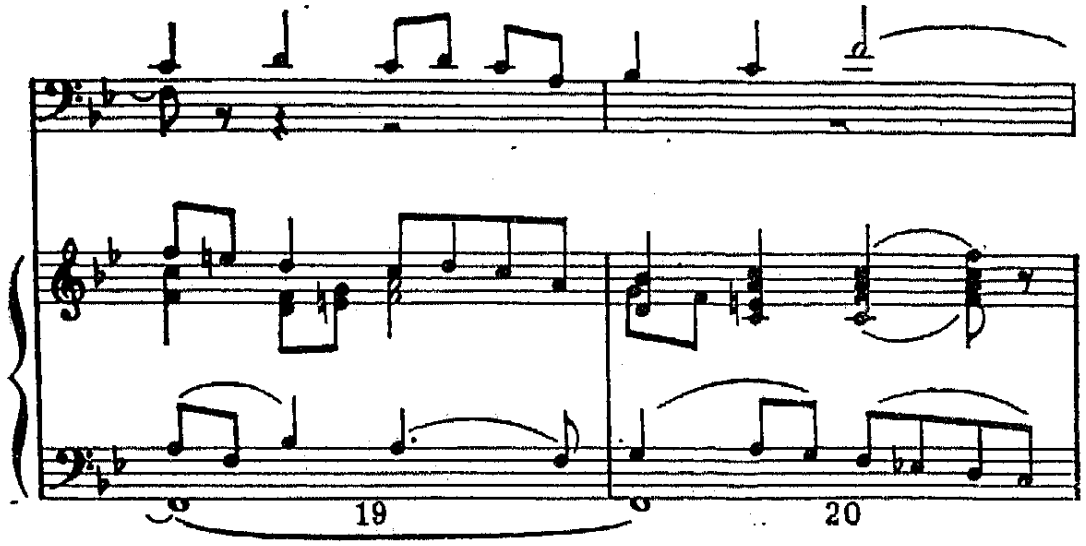
Во многих местах голосоведение исправлено и гармония очищена, против чего вы вряд ли что будете иметь. Некоторые фигуры, образующие что-то вроде педалей, изменены, чтоб более гармонировали и не давали неприятных и неправильных последовательностей. Мне кажется, что теперь поэтому инструментовать будет легко и просто. Относительно же перемены модуляции и тона на словах «Многая лета», скажу, что это место еще несколько раз повторится в прежнем тоне, а потому угрожает однообразием, если не сделать 1-й раз в другом тоне, как написано у меня.
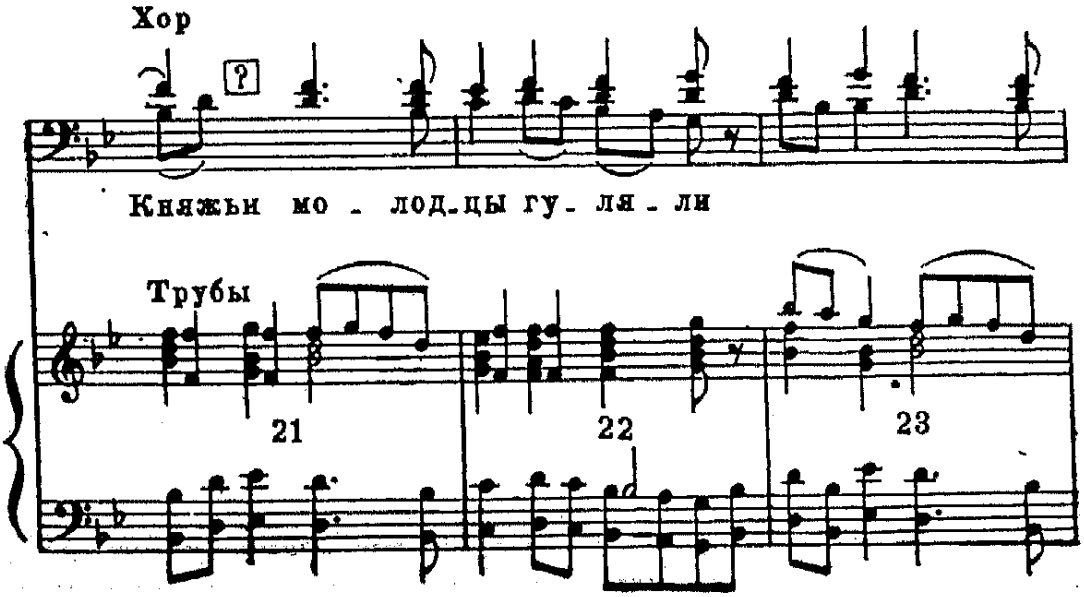
Примеч.: Все названия нот и тонов считаю по новому строю пиесы (B-dur).
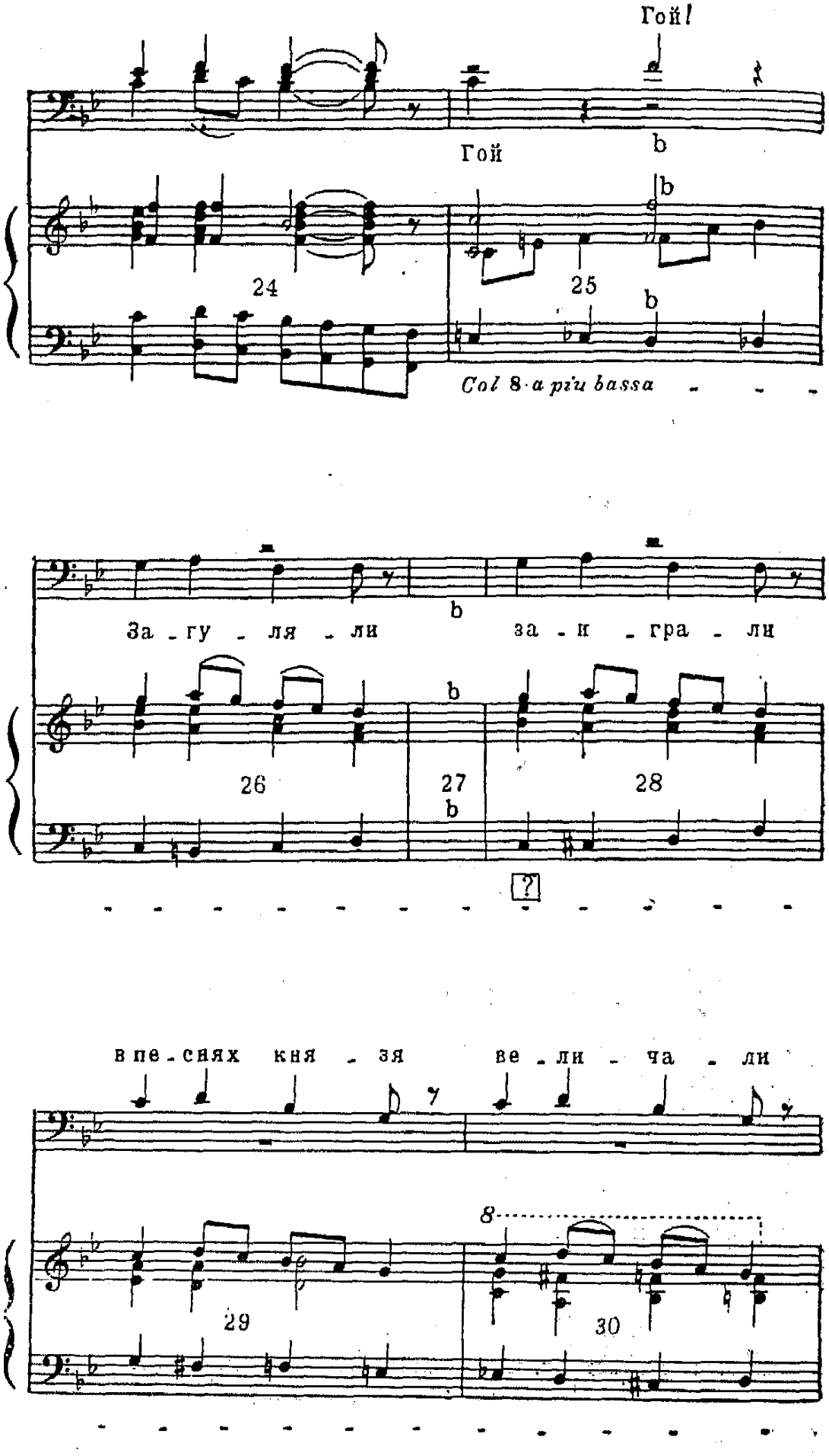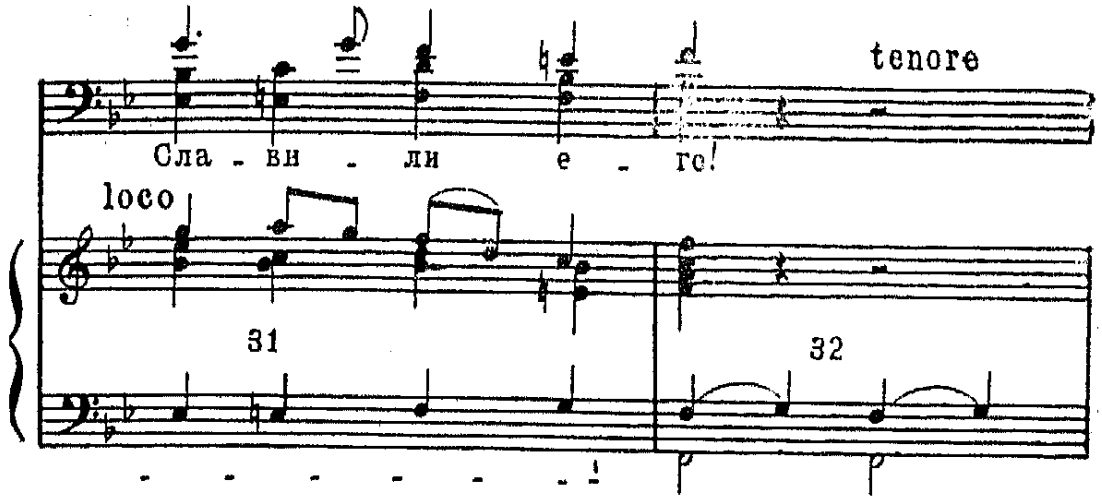

Скула
Иг.
10
11
-рай!
То не реч - ка
a
12
13
Ерошка
16
14
15

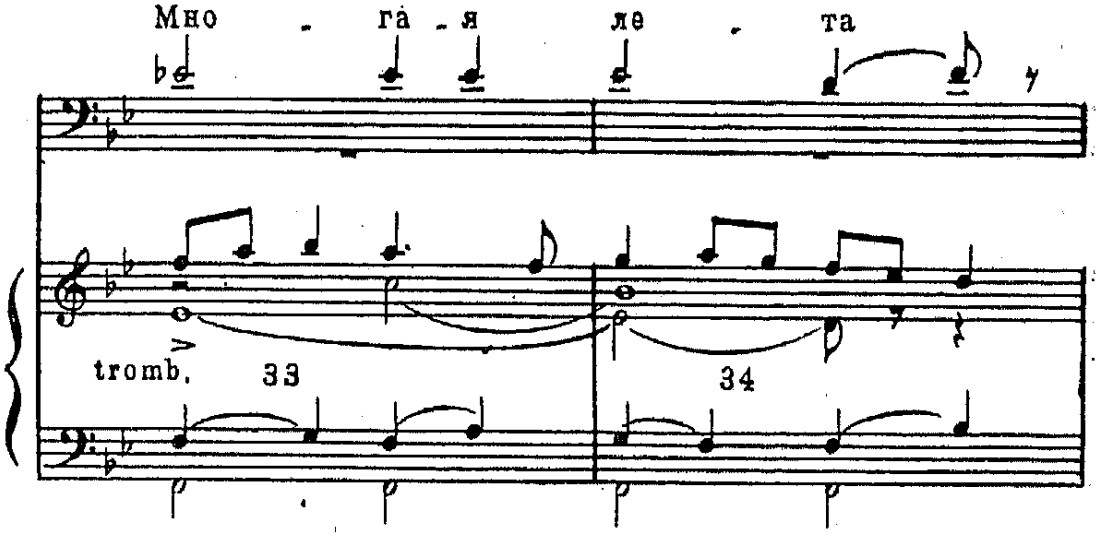

17
18
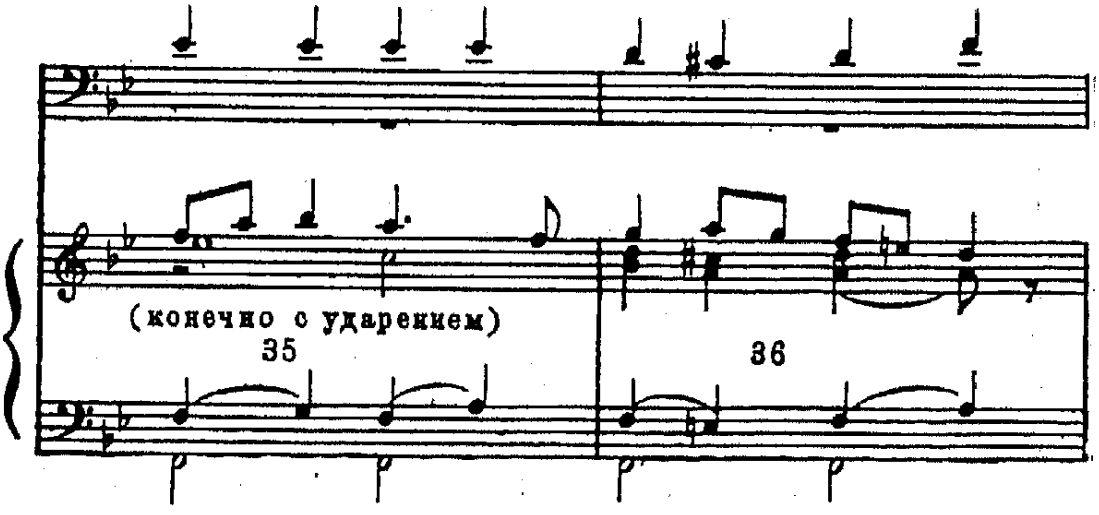

19
20
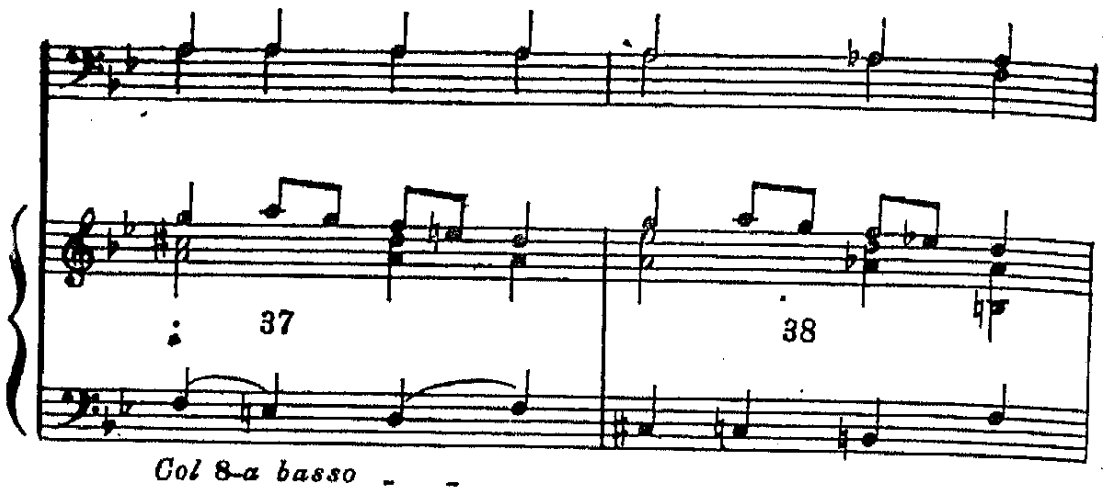

Хор
Княжьи мо - лод-цы гу - ля - ли
Трубы
21
22
23
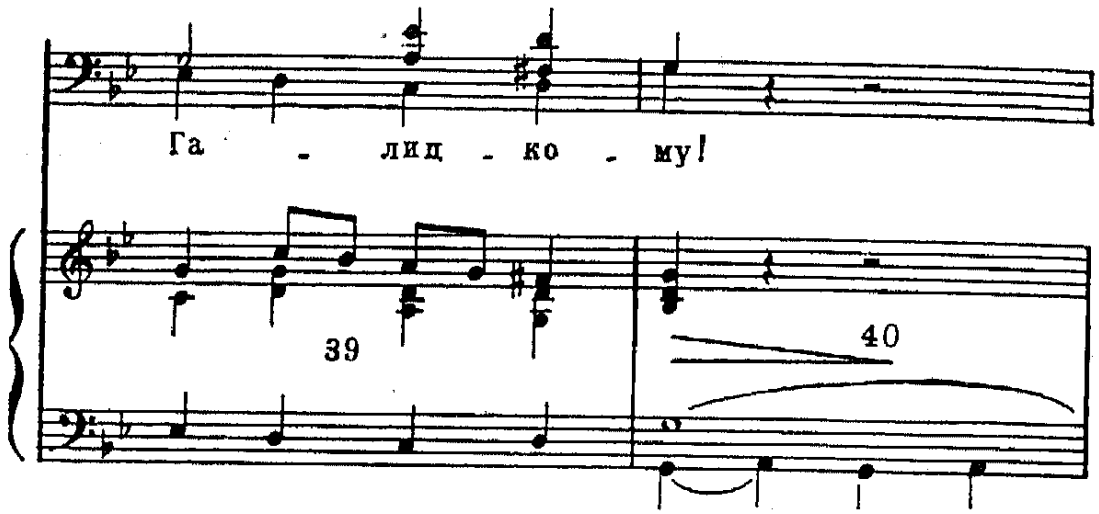

Гой!
Гой
24
25
Col 8-a più bassa
За - гу - ля - ли
за - и - гра - ли
26
27
28
?
в пе - сиях кня - зя
ве - ли - ча - ли
8
29
30
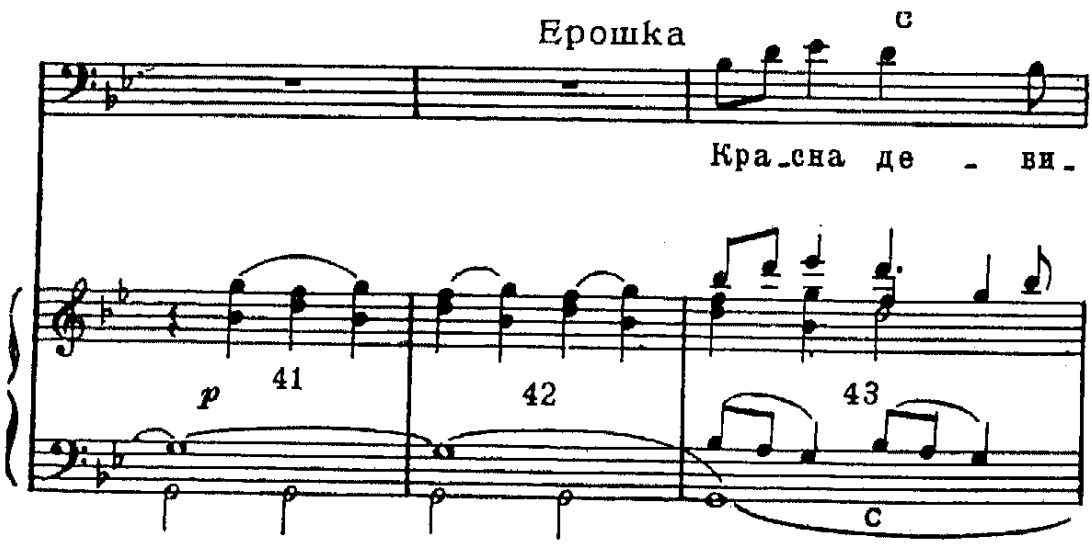

tenore
Сла - ви - ли е - го!
loco
31
32

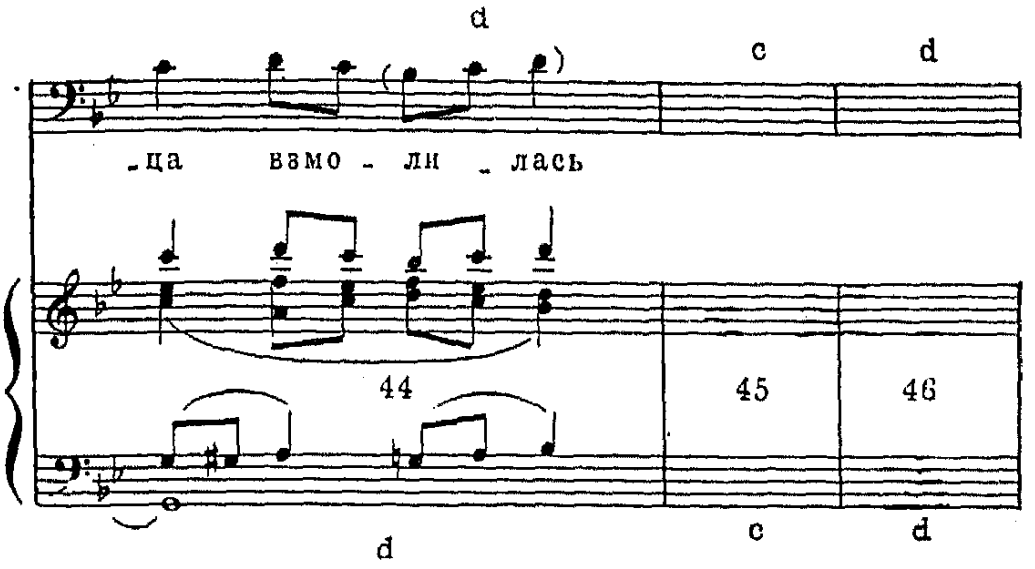

Мно - га - я ле - та
tromb.
33
34
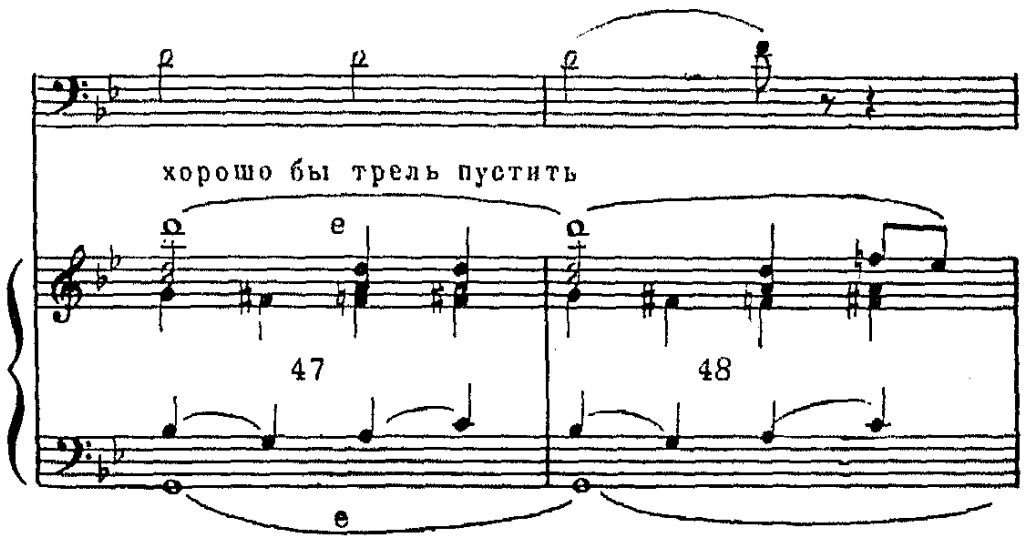

(конечно с ударением)
35
36

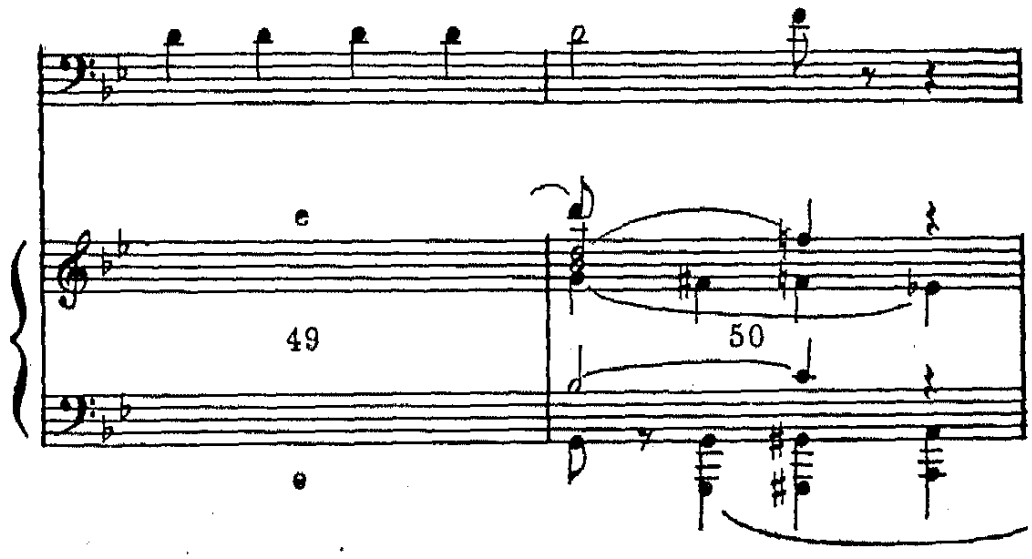

37
38
Col 8-a basso

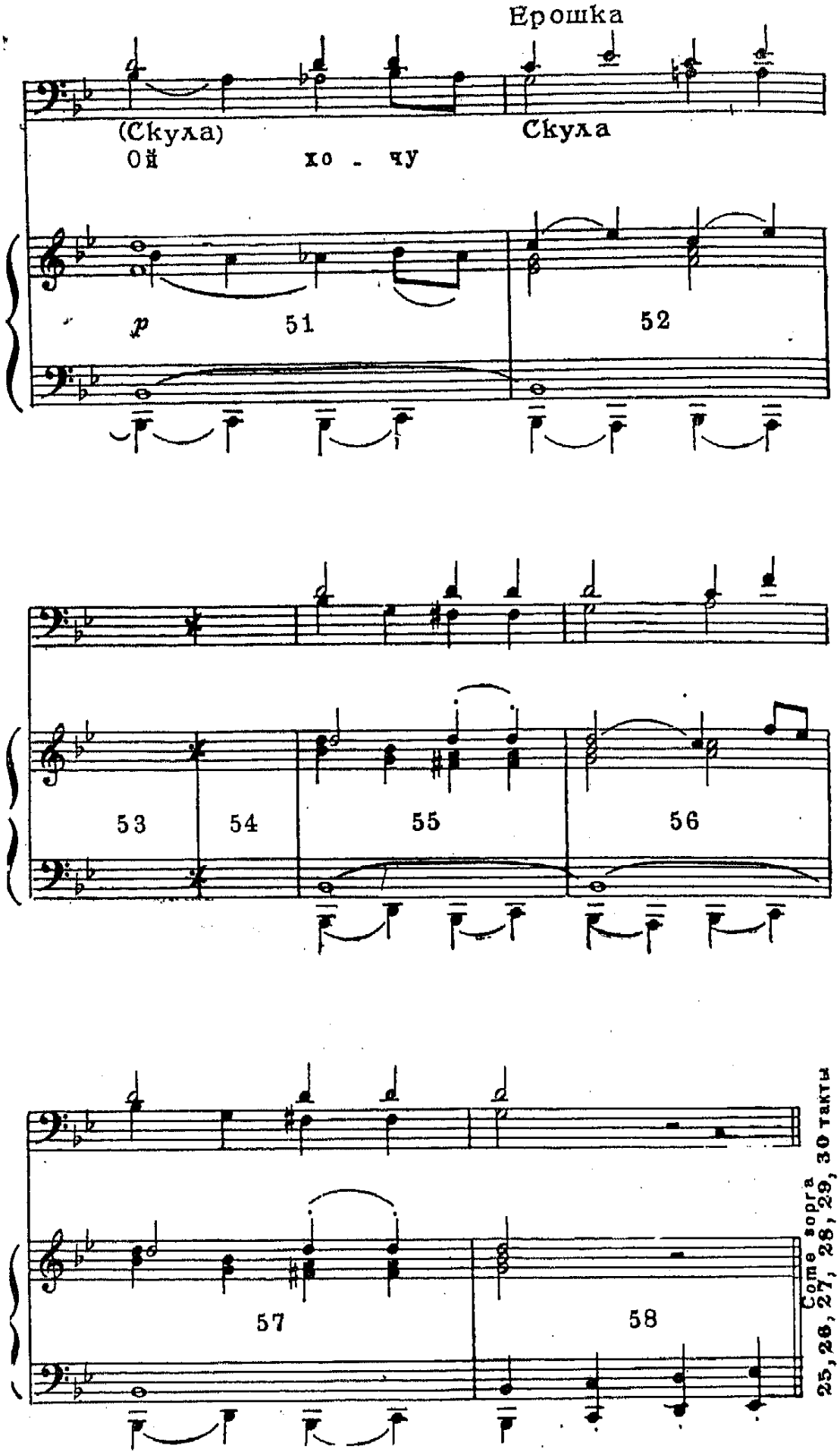

Га - лид - ко - му!
39
40
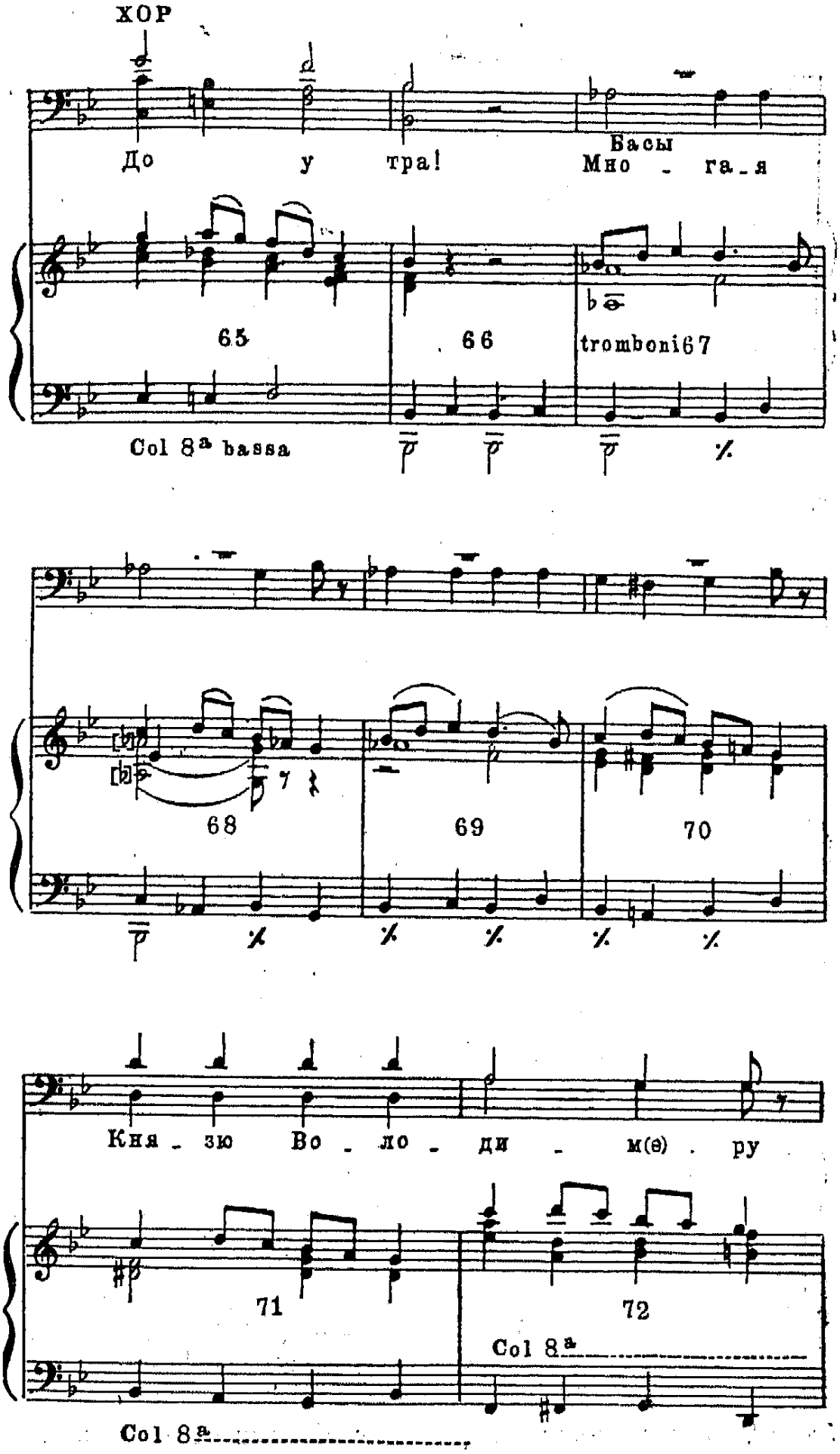

Ерошка
с
Кра-сна де - ви-
p
41
42
43
с
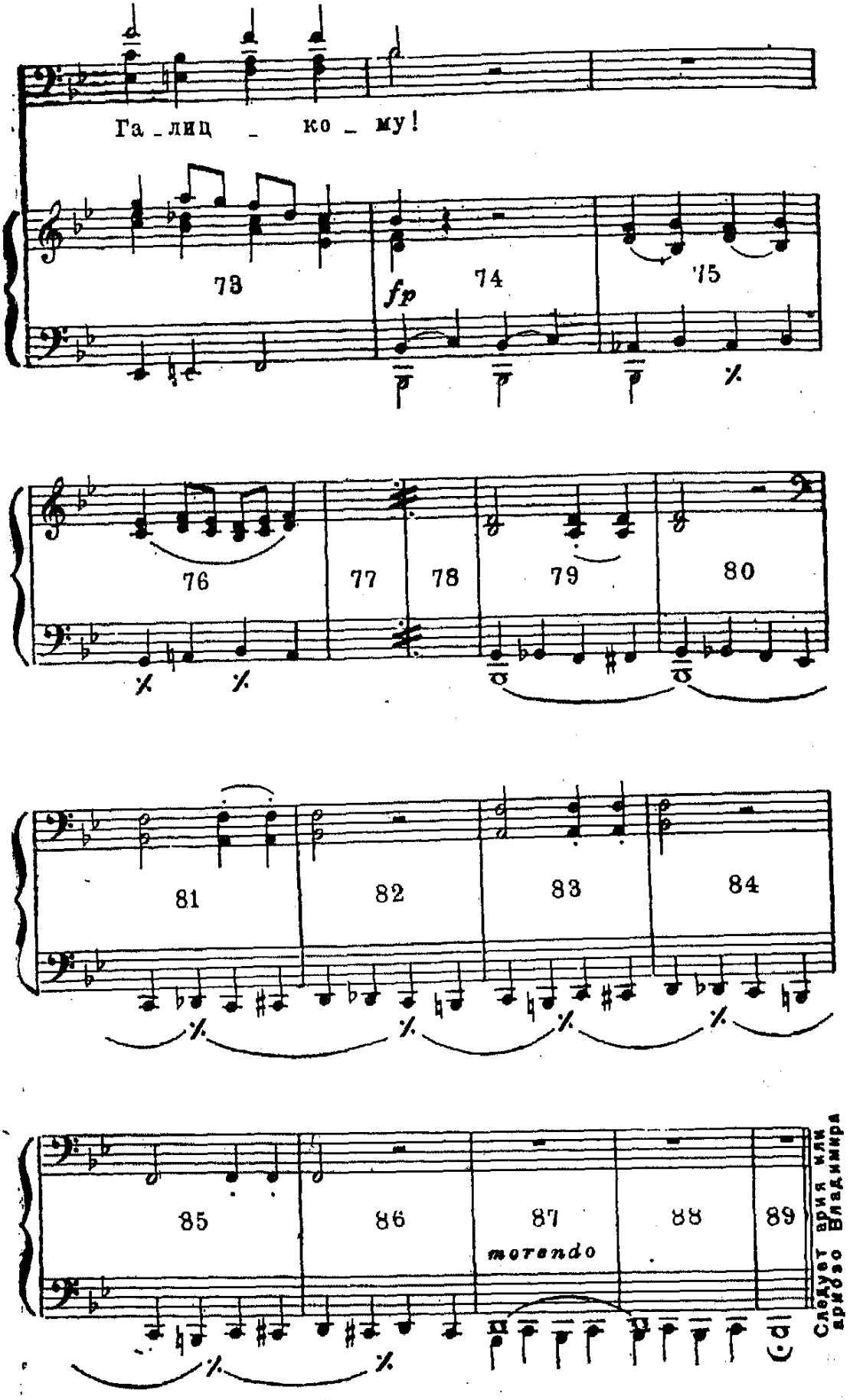

d
c
d
-ца взмо - ли - лась
44
45
46
d
c
d

хорошо бы трель пустить
e
47
48
e

e
49
50
e

Ерошка
(Скула)
Ой
хо - чу
Скула
p
51
52
53
54
55
56
57
58
Come sopra
25, 26, 27, 28, 29, 30 такты

ХОР
До у тра!
Басы
Мно - га - я
65
66
tromboni
67
Col 8a bassa
68
69
70
Кня - зю Во - ло - ди - м(е) - ру
71
72
Col 8a
Col 8a

Этот $^1/_2$ листа прошу возвратить с вашими отметками [12].

54. В. В. Стасов

С. П. Б., 8 авг. 79.

Александр Порфирьевич, по официальному календарю, великолепный день Бородина случится и будет праздноваться только в будущее Воскресенье[1]—для меня он есть налицо, и во всей славе—уже сегодня.—Воротился я домой, часов в 5, по-всегдашнему, и нашел Ваше письмо от 6-го августа[2]. Вот это уже было порядочное торжество, потому что и письмо было чудесное, и новости от Вас — самые капитальные! Еще ли это не знатный «день Бородина»! Но этого мало; через ½ часа явился Гольдштейн[3] (химик), и если у нас с ним началось за упокой, зато кончилось за здравие. Он пришел к нам по очень печальному делу: сошла с ума одна из медицинских студенток, не знаю, известна ли она Вам: некто еврейка Франк, и надо было пристроить ее в клинике у Мержеевского[4] (35 р. в месяц); вот об этом-то сначала и шла речь, так как брата Дмитрия до конца недели нет здесь, он в Москве, а между тем ведь он теперь занимает место председателя[5]. Наконец, это было все переговорено и улажено, и тогда у нас пошла, разумеется, речь—Вы знаете о ком! Другими словами, пошло продолжение «Бородинского дня». Вам, Александр Порфирьевич, м. б. известно, что навряд у Вас есть такая другая пара жарких поклонников, как мы с Гольдштейном, и потому Вам предоставляется вообразить себе сколько тут было переговорено про Вас, и что тут было играно и из Симфонии[6], и из Квартета[7] и из оперы!! Ведь у Гольдштейна самая знатная память (по крайней мере на Ваши вещи), и я его заставил сыграть даже несколько раз andante из квартета, а потом Кончаковну[8], которая и того лучше,—да и мало ли что! Мы оба взапуски напивались пьяны, несмотря на то, что играет он прескверно, надо отдать ему эту справедливость. Ну, да нужды нет, Вы нас и не к этому еще приучили.—А тут у меня было под боком Ваше письмо, которое так и жгло и палило меня известиями о новых сочиненных вещах в оперу; вот я и не мог устоять против искушения прочитать Гольдштейну несколько строк оттуда—перечисление того, что вновь сочинено, и что вновь дальше идет. Ну, уж и радовались же мы взапуски, наперегонки, кто кого перешибет в восхищении. А все Вы, все Вы! Мы порешили общим голосом, что наверное Вы опять привезете chef d'oeuvre'ы, как прошлый год. Я даже—горько каюсь—выговорил тут, на радостях, гнусную и циническую фразу, но так как мой Гольдштейн смеялся от нее до слез, то уж извините, я ее повторю здесь и Вам. Я ему говорю: «Вы бывали в Зоологическом саду, Вы видали, как вдруг слон накладет—целую гору, так что там просто хоть утони, вот так-то и Бородин всегда сочиняет. Вдруг накладет целую го-

ру! Вот ужò Вы увидите, как он воротится:—слон вы.....!!!» Простите, ради всех святых, за это вонючее и не галантерейное подобие, но право в нем есть маленькая долечка правды.—Теперь про Ваше письмо. Вы меня черт знает кàк восхитили и вообще известием о всем сочиненном, и известием о переменах в либретто. Все это выдумано ужасно умно, и чрезвычайно талантливо. Жаль мне купцов, а пожалуй в самом деле по-Вашему будет лучше и выгоднее распорядиться. Только опять боюсь: не слишком ли много грузных хоров? Теперь я с особенным нетерпением и жадностью жду—знаете ли чего? Кàк у Вас выйдет «песня о лесе»? Она уже и теперь крупный chef d'oeuvre, а когда еще разработается Вами, конечно выйдет еще великолепнее [9].

Но вот о чем нет в Вашем письме никакого известия: это об «Увертюре» [10]. А я крепко на нее надеюсь для концертов нынешней зимы, вместе с удивительной арией Кончаковны. Ведь Вы ее давно обещали [11], и давно пора, чтоб все наконец услыхали это чудо из чудес. Ведь правда, Вы не забудете ее для нынешней зимы? А я Вам приготовил на зиму тоже порядочный гостинец: я взял «честное» слово с Антона Рубинштейна [12], что при первом же собрании господ «Davidsbündler'ов» [13] у меня, нынче зимой, он нам сыграет fis-moll'ную сонату Шумана. Уж кàк ему не хотелось, кàк он отнекивался, «учить надо!», говорил он, «а мне нынче тàк это трудно!»; но я ничего не хотел слушать, и настоял на своем: он дал слово, и конечно сдержит его. Ну, тут мы наверное опять услышим «Carnaval» [14], вариации «cis-moll» [15], и мало ли чтò еще чудесное!!

Но, возвращаясь к Вам, если б Вы только видели, кàк меня радовала Ваша работа и забота о либретто. Вот ктò тàк хлопочет и глубоко вдумывается в свою оперу, и сцены, и личности, и положения, только тут и жди настоящего дела, настоящей оперы. Только такую я нахожу нынче у двух моих любезных:

Глюка [16] IV (=Мусорянина)

и:

Генделя [17] II (=это Вы).

Я называю Мусорянина IV-м, потому что II-м был Вагнер, III—Даргомыжский; а у Вас, после Генделя I, до самых сих пор не было еще предшественников. Правду надо сказать, что, кроме Генделя (нынешнего), в Вас еще сидят, по разным этажам и квартирам, где Глинка, где Бетховен, где Шуман — конечно, не как повторение, а как продолжение натуры, но все-таки слоновская и львиная натура Генделя, по-моему, всего чаще в Вас присутствует.

А бедный наш Мусорянин (Ваш Сиамский близнец, по силе и оригинальности) — ведь совсем пропадает: 21-го Июля пустился в путешествие по России, вообразите с кем—с Лео-

новой [18], в качестве ее аккомпаньятора!! Напрасно с ним спорили, отговаривали от холопской роли лакеишки и прихвостника при нашей цыганской Патти. Нет, уперся и ничего не понимает. Говорит: «и Рубинштейн тоже аккомпанирует; он тоже ездит и дает концерты!» Какое сходство!!!!!

Разумеется, вместо 1 000 рублей, как он надеется (для уплаты долгов), он получит вряд ли несколько грошей, и сопьется больше прежнего, потешая везде купцов и вицгубернаторш. Бедный экс-Прометей!

Если можно, черкните еще раз знатное письмо своей Генделевской ручкой.

Ваш *В. С.*

Мы очень радовались с Гольдштейном, узнав вдруг фамилию одного из Ваших действующих лиц: до сих пор мы только говорили: «Ерошка». С сегодняшнего дня обязываемся не величать его иначе, как «Ерошка Голопузый» [19]. Что ж это Вы так долго скрывали эту тайну?

P. S. Итак, почти весь I-й акт будет без перерыва состоять из хоров? Не опасно ли это и для оперы и для исполнителей? У Вас тут хоров больше, чем у Мейербера. Подумайте хорошенько, государь мой!

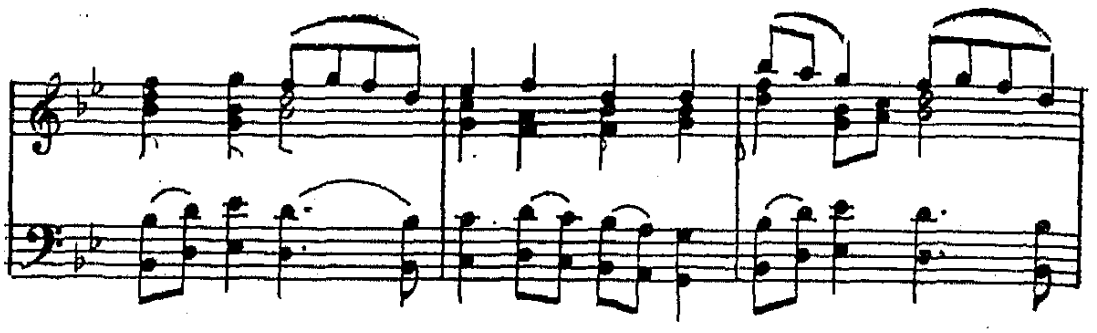
Я воображаю, как Катерина Сергеевна радуется на Ваши новые чудеса. Кланяюсь ей низенько.

55. Н. А. Римский-Корсаков.

Дорогой Александр Порфирьевич,

вы не поверите, как вы меня обрадовали, что много написали в «Игоря». Пишите больше, пользуясь летом, пишите как можно сокращеннее, грязнее, но только скорее. Увертюру (говорю Вам это секретно от Баха [1]) лучше не писать бы теперь, и всегда после успеете, когда опера будет готова. Если вы теперь за лето довольно много насочините, да осенью будете поддерживать сочинительский стих, заменяя им до некоторой степени разные филантропические дела, которые на вас нагрянут в Питере (простите, что говорю о предмете, который до меня, может, не должен касаться), то вы имеете вероятность кончить всю вашу оперу к великому посту и представить ее в театре, чтобы она пошла в сезон 1880/81 г., а я берусь вам в вашей работе помогать, перекладывать, переписывать, транспонировать, инструментовать по вашему указанию и т. д., ибо в эту зиму я вряд ли буду сочинять что-нибудь свое; а вы совеститься не извольте, ибо, поверьте, мне хочется, чтобы ваша опера пошла на сцене чуть ли не больше вашего, так что я с удовольствием буду помогать как бы работая над своей собственной вещью. С другой стороны,

ваша совесть может быть покойна, что я ничего своего в вашу оперу вносить не буду, а если что когда и придет в голову изменить, то это сделано будет с вашего согласия, и, кроме того, в большей части случаев такое, что вы и сами бы сделали со временем помимо меня. В пример приведу: меня после отсылки моего 1-го письма ужасно мучила маленькая переделка вашей B-dur'ной темы и я выдумал наконец следующее:

этим способом и тема сохраняется и октав нет. А то, я думаю, вы там меня побранивали про себя за измененье темы, только мне не написали, а думали «нет, я ему не дам свою оперу в руки, он там все пересочинять будет, а потом неловко будет отказываться». А вы между тем мне прямо бы говорили, что то и то скверно и выбранили бы меня. А я и сам себя за это место теперь ругаю телятиной. Что квартет кончили —хвалю, а что оперу пишете, так за это бы и расцеловал.

Кланяюсь Екатерине Сергеевне и Александру Павловичу[2]. Надя[3] кланяется Екат. Серг.

До свиданья. Ваш *Н. Р.-Корсаков.*

10 августа [1879 г.][4].

56. М. А. Балакирев

[Около 10 декабря 1879 г.][1]

Дорогой Александр Порфирьевич!

Тысячу раз благодарю Вас за Ваше известие о возвращении партитуры Вашей 1-й Симфонии, я не писал Вам до сих пор, надеясь назначить день, чтобы пригласить Вас, но теперь особенные обстоятельства мешают этому, и потому спешу очень, очень поблагодарить Вас письменно.—

Мысленно обнимаю Вас крепко.

Ваш всегда *М. Балакирев*

57. А. Н. Луканина

24 Января 1880

Адрес все тот же, rue du Card. и т. д.

Хотелось бы мне только, дорогой Александр Порфирьевич, чтобы вы видели, что сделалось со мною, когда я узнала ваш почерк на адресе письма—вы бы никогда, слышите ли никогда не решились бы больше так мучить меня своим молчанием. И вы еще говорите что я замолкла! Да ведь я писала вам письма не чернилами, а слезами,—я умоляла вас хоть строчку прислать мне. Я думала нивесть что: и сердитесь-то вы на меня, и наговорили вам что про меня, и я не знаю чего я не думала. А ларчик просто открывался: я просто не понимала вашего отношения ко мне. Вы как-то раз сказали мне «что ум состоит в том, чтобы отдавать себе правильный отчет в соотношении вещей».— Переведя это на чисто личные отношения или, лучше сказать, переходя на почву житейских отношений, я выражусь так: умный человек сумеет отдать себе отчет и в том или тех отношениях, в которых он стоит к людям. Ну, я человек не умный и не сумела. Я судила вполне субъективно — для меня вы были, есть и будете одним из самых дорогих мне людей, а я для вас одна из многих ваших знакомых. Вы постоянно помогали мне всем, чем могли, вы были безукоризненны во всех отношениях, вы делали бог знает сколько для меня... чего же больше? Да ничего! Я-то (глупый т. е. человек) думала, что не только вы мне нужны, но что и я вам хоть немножко, самую капельку, нужна. Ну вышло не так, что же делать, а как вы-то мне нужны, если бы вы только знали! Браните меня, сердитесь на меня, не пишите с досады, с чего хотите, но только не потому что «не писалось!», не потому, что в той частичке вашей души, которая принадлежала мне, осталась пустота. Голубчик, если бы вы знали как тяжело это.

Я знаю что если бы я приехала в Россию, то заставила бы вас опять быть для меня другом, потому что нельзя же относиться безучастно к людям, которые нас тепло и искренно любят, вот так по-детски тепло и искренно, как я люблю вас. Знаете, смешно говорить такие вещи, а у меня есть три таких любви: я так любила свою мать, тетку Надежду Антоновну, да вас. Только конечно есть разница, зависящая от того, что люди вы все разные, но самая суть, самый характер чувства, полная вера, уважение, чувство, что тут ни обмана, ни фальши, ничего такого быть не может, вот что общее. Так, как я вас люблю, любят хороших старших братьев. Я потому говорю про брата, про мать, про тетку, что вы мне «родной», понимаете ли всю задушевность ласкового русского слова «родной». А я для вас—чужая. Вот к этому нужно привыкнуть. Я такая дура, что, дочитав ваше письмо, чуть не

заплакала, потому что там не было слов «по обычаю целую вас». Ну вот подите!—знаете я написала одну сказку о старой женщине, у которой осталось сердце маленькой девочки — вот и я по отношению к вам до седых волос останусь маленькой девочкой, которая горько будет плакать всякий раз, как вы позабудете погладить ее по голове и поцеловать.

Не знаю, сумела ли сказать вам что хотела и поймете ли вы то, что я вам говорю, но иначе не могла бы выразить то, что чувствую. Хотела я было ничего о своих чувствах не говорить, да не могла, очень уж наболело.

О том, что я делаю, сказать многого нельзя. Сижу и у моря погоды жду, а какой — и сама не знаю уж теперь. Строчу повести, живу со дня на день. Научные знания улетучиваются помаленьку — цели впереди не вижу никакой. В душе пусто, впереди темно и тоже пусто. Ничего-то из меня не вышло и не выйдет, а если бы вышло, то применения нет и быть не может. Я начинаю знать страшный недуг — скуку! Жить незачем и не для чего. Объяснять, почему я так говорю, было бы и долго и скучно. Скажу только, что солнышка нет, а мне ужасно хотелось бы хоть одним глазом солнышко увидать. Одним словом, я устала вечно быть в борьбе с чем-то и с кем-то, вот скоро пятнадцать лет. И врага своего не поймаешь — он везде и нигде. Не подумайте, что я с ума сошла — я себя очень хорошо понимаю, если, быть может, для вас моя галиматья не вполне понятна. Дело в том, что ни в какую форму, ни под какую мерку я не подошла, ни к кому и ни к чему не пристала; ни во что не уверовала в частности и верю только в одно, в то, что истина когда-нибудь восторжествует.—Пожалуйста не думайте, что я «брешу», я только очень многое пропускаю и беру там и сям какой-нибудь вывод, сложившийся на основании долгого и сложного психического процесса. Практические результаты моих блужданий и невзгод следующие: медицина без применения мало-помалу улетучивается. С другой стороны, условия литературного труда таковы, что ни прокормить меня не могут, ни дать мне развить ту частичку дарования, какое у меня есть. А разумная литературная деятельность могла бы меня удовлетворить больше, чем медицина. Это зависит отчасти и от моего темперамента. Самый труд этот не в труд мне, а в наслаждение, я мечтательница и художник — без художества!

Но что прикажете делать, когда вам напр. урезывают и зачеркивают, когда ваши умственные дети выходят безголовыми уродцами, подобно всем моим несчастным произведениям. Из «Палаты № 103» в Декабре 79 г. «В. Е.» [1] вычеркнуто напр. около четверти, одним словом, все то, что осмысливало рассказ. Ну да не об этом я хотела писать вам. И потом мне нужно побывать и пожить в России. Невозможно оторваться от родной почвы и остаться чем-нибудь стоящим для родной

стороны. А между тем ехать не могу—денег нет и боюсь. Чего боюсь — сама не знаю. Ничего я не сделала ни противузаконного, ни предосудительного, а боюсь — одно разве — паспорт просрочила. Вот говорят и пишут в здешних газетах, будто какая-то амнистия будет по случаю 25-тилетия царствования государя. Амнистия политическим и даже неполитическим преступникам. Вероятно я под нее не подойду, так как я в сущности и не преступница ни в каких отношениях и вероятно виновата только в глазах тех, «кои в сердцах читают!» говоря по-Щедрински. Но шутки в сторону, если у вас будет минутка и охотка, и вы черкнете мне строчку-другую, то скажите, что верного в этих слухах и не умно ли будет с моей стороны к этому времени приехать в Россию — а я бы уж так или иначе раздобыла денег на дорогу в счет будущих благ хоть от Стасюлевича [2], с которым у меня отношения не дурны. А ведь все вы, все вы. Куда ни оглянусь, за что ни возьмусь, во всем я вам и вам обязана. Ну как же мне вас не любить-то и не чувствовать глубоко всякое отчуждение с вашей стороны. Ну вот я и опять на эту тему запела.— Кажется, до завтра бы все писала и писала вам, но нужно же и честь знать. Если бы вы знали, как бы мне хотелось увидать вас. Скажите — была у вас моя сестра, Надежда Василисина (она родная сестра и замужем за Василисиным), она обещала мне, что съездит к вам и напишет мне все, как Вас и Екатерину Сергеевну нашла, и — взяла да ничего и не написала. Я ей даже письмо дала к вам. Теперь здесь на всю зиму приехала двоюродная сестра моя Лиза Риттер, дочь покойной тетки Анны Антоновны. Пишу вам об этом вот почему. Нужно вам сказать, что Лиза отличная музыкантша и что ее начали настоятельно учить музыке по совету Катерины Сергеевны, которая, зная ее девочкой, предсказала, что у нее будет талант. Во всяком случае это наша семейная легенда, которою сама Лиза очень дорожит. Теперь она приехала и представилась M-me Viardot [3], которая взялась давать ей уроки пения, так как у Лизы хороший mezzo-soprano (tirant sur le contralto *, как у большинства русских, по крайней мере здесь такое мнение). Я конечно плохой судья, но нахожу, что она играет отлично—у нее фортепьяно человеческим почти голосом поет, забываешь, что это не живое существо, и думаешь, что вот-вот возьмет сейчас да и словами запоет. И голос полный, свежий. А что M-me Viardot приняла в число учениц — опять тому вы причиной. Не будь вас, я не была бы знакома с Ив. Серг. [4], и он не отрекомендовал бы Лизы—все вы, да вы.—Знаете, я была у Ив. С. на днях, скоро после появления его письма в «Молве» [5] и нашла его вполне под впечатлением всей этой истории. Я comme une enfant terrib-

---

* приближающееся к контральто *(фр.)*.

le* буркнула ему следующее: и что, мол, вам Ив. Серг. за охота делать этим людям честь и отвечать на доносы.— Ну на это Ив. С. отвечал, что нельзя, что есть причины и т. д. Какие причины, он мне разъяснил отчасти, но писать о них долго.—Но дело в том, что теперь завязалась эта травля—что за гадость. Не могут оставить в покое почтенного человека, который, вот уж правда, никому, кроме добра, ничего не делал. Меня это чуть не до слез злит. Теперь и я знаю до чего добр, Тургенев. До того, что иногда плечами пожимаешь и думаешь, что нужно много совестливости для того, чтобы не абюзировать (от abuser) ** его добротою. И прост и добродушен при этом. Представьте себе, что даже я его не боюсь. А ведь вы знаете, я даже вас побаиваюсь, а вас тоже говорят бояться не нужно.

Ну прощайте, мой дорогой, я видите сколько написала — точно вы меня на цепи держали да и спустили с привязи, я и устремилась без удержу и без оглядки болтаю, болтаю без конца. Да и то сказать, ведь в два года много чего накопилось, на сорока листах не скажешь, не то что на четырех. Пишу, пишу с наслаждением и вдруг что-то за сердце схватит и точно шепнет кто-то — «а ну как твоего письма и до половины не дочитают и бросят»! Неужели это так будет?

Прощайте наконец же и на самом деле. Самым сердечным образом обнимаю вас и Катерину Сергеевну, желаю вам всего лучшего на свете. Прибавлю еще два слова, скажите мне, отчего ваше письмо такое странное, точно не вы его писали или точно вы переменились? Или это мне так показалось. Не забывайте меня больше так долго, мой родной.

Ваша душевно *А. Л.*

58. Д. М. Леонова

Глубокоуважаемый Александр Порфирьевич!

Возвратившееся, наконец, мое здоровье позволяет мне теперь обратиться к заботам о будущем моем концерте, который я предполагаю дать, по примеру прошлого года, постом на шестой неделе. Хотя прошлый год я и безуспешно и просила и молила дорогого и глубокоуважаемого Александра Порфирьевича дать мне что-нибудь от безгранично полюбившегося мне «Игоря», но я все-таки позволяю себе возобновить эту сердечную просьбу на нынешний раз. Я была бы глубоко обрадована, если бы Вы не отказали бы мне включить в программу моего концерта, которая наверно по-

---

* ужасный ребенок, баловень *(фр.)*.

** злоупотреблять *(фр.)*.

любится Вам, когда Вы узнаете ее содержание,— что-либо из Ваших бесценных произведений. Это «что-либо» — мне хотелось бы для оркестра. Много, очень много я слышала вкусного о «Половецком марше». Если бы Вы не отказали бы мне в нем и нашли бы возможным меня им «обрадовать» — как сердечно обязали бы Вы меня!!?! [1] — Нынешнюю зиму я живу уже не в Ораниенбауме, а здесь в городе: у Кокушкина моста, д. 70, кв. 6. Вероятно, иногда Вы бываете на этой стороне и доставили бы мне несказанное удовольствие, если б решились бы когда-нибудь навестить меня! Я буду с нетерпением ожидать Вашего любезного ответа и надеюсь, что Вы не откажете мне в просимом, если только будет какая-либо возможность в исполнении его.

Глубоко и искренно Вас любящая и уважающая

Д. Леонова.

28/II [28 января 1880 г.] [2]

59. Д. М. Леонова

Глубокоуважаемый Александр Порфирьевич!

Боюсь, что посланное недели полторы тому назад письмо к Вам [1] с посыльным не дошло! Беспокою Вас поэтому вторично. Я собираюсь дать концерт на 6-й неделе такой же, как и прошлый год. Программа его, составленная мною совместно с Н. А. Корсаковым и М. П. Мусоргским, такова, что надеюсь заслужить и Ваше дорогое одобрение. Позвольте дружески просить и Вас, дорогой Александр Порфирьевич, не отказать в содействии успеху моего концерта. Не откажите в оркестровой вещи: либо в «Половецком марше», либо позвольте исполнить ту новую вещь, которую предполагалось исполнить в концерте с живыми картинами и находящуюся теперь в Музыкальном Обществе. Если не ошибаюсь это картинка из Средней Азии [2]. Относительно «Половецкого марша» — я знаю, что могу встретить возражение то, что он у Вас еще не оркестрован, но так как до 6-й недели времени еще много, то я бы все-таки осмелилась бы Вас просить, быть может, Вы нашли бы возможным... Я глубоко и сердечно оценила бы Ваше дорогое для меня согласие украсить программу моего концерта Вашими произведениями. Дирижировать оркестром будет Николай Андреевич, с участием всего хора Бесплатной школы. Между прочими оркестровыми пьесами будет исполнено: Скерцо — Ц. А. Кюи,—Увертюра на русские темы Н. А. Корсакова, «Персидки» [3],— вся финальная сцена из «Хованщины»,—«Блоха»—Мусоргского [4], Отрывок из «М. Тюдор» Бларамберга [5] и др. — Я живу нынче в городе, здесь. Мой адрес: у Кокушкина моста, д. 70, кв. 6. Если Вы

бываете на этой стороне, то быть может Вы доставили бы мне удовольствие навестить меня, или если это будет затруднительно, то известили бы меня, когда было бы возможно мне застать Вас, дорогой Александр Порфирьевич дома. С нетерпением буду ожидать Вашего любезного ответа.

Истинно почитающая и глубоко Вас уважающая

Д. Леонова.

12/II [1880 г.][6]

60. Д. М. Леонова

Глубокоуважаемый Александр Порфирьевич!

В Среду 19-го обещали собраться у меня М. П. Мусоргский и Н. А. Р.-Корсаков—потолковать у меня о программе концерта, посоветоваться и пообсудить не нужно ли ее немножечко еще усилить!.. Вы доставили бы мне истинное удовольствие, если б нашли возможным попробовать собственно моего изделия кулебяки, но если б паче чаяния Вам было бы неудобно откушать у меня—я просила бы Вас, сердечно, искренно, горячо, навестить меня в с к о р е ж е после обеда.

Истинно Вам преданная

Д. Леонова.

15/II [1880 г.][1]

61. А. М. Бутлеров

Марта 3-е [1880 г.][1]

Многоуважаемый Александр Порфирьевич,

Нам предстоит, собравшись Комиссией, обсудить по поручению Хим. Об-ва, вопрос об учреждении премий или т. п. в память покойных Н. Зинина и А. А. Воскресенского. Чтобы не заставлять Вас беспокоиться лишний раз, я полагал бы нам сойтись перед заседанием Об-ва, в этот Четверг 6-го Марта, и согласно этому, обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой пожаловать в этот день в Университет в $6^1/_2$ часов. Так как заседание Об-ва должно начаться не позже 8 часов, то весьма желательно, чтобы наша комиссия собралась в означенный час н е о п а з д ы в а я по возможности.

С искренним уважением всегда Вам преданный

А. Бутлеров.

62. А. М. Бутлеров

[Начало апреля 1880 г.][1]

Многоуважаемый Александр Порфирьевич!

Наконец биография Н. Н-ча[2] готова. Виноват, что задержал так ее окончание, хотя на срок печатания это не имеет особенного влияния. Дома ли Вы сегодня, в Пятницу, вечером? Можно ли к Вам явиться для совместного прочтения? Или, быть может, Вам удобнее быть у меня. Распорядитесь мной как знаете и прочтемте сегодня наш труд.

Всегда Вам преданный

А. Бутлеров.

63. А. Н. Луканина

Дорогой Александр Порфирович,

я в самом деле больна и потому мне даже писать трудно; но заболела я всего дней десять и если бы вообще получила ваше февральское письмо, то раньше писала бы вам. Февральское письмо ваше вероятно затерялось в дороге или вы забыли что-либо написать в адресе, но только я его не получала. Больна я была жабой, это бы ничего, ну поболело горло и прошло — но дело в том, что осталась слабость, недомоганье и полное отсутствие какой бы то ни было энергии. Я подозреваю что что-нибудь где-нибудь у меня деется — вероятно в почках—бывают боли, иногда пухнут лицо и ноги и сильнейшие головные боли — до одурения. Ем и сплю плохо. Меланхолия страшная напала на меня. Работы у меня нет, а сама сочинять при теперешнем болезненном состоянии и настроении я не в силах.

«Здоровье»[1] мне посылать перестали, и я перестала туда посылать что-либо после того, как Алексей Петрович[2] советовал мне поделиться тою долею работы, которая у меня была, с проф. Хлебниковым[3]. С работы в «Здоровье» и всего-то рублей на 50 в год было. Теперь вообще нет буквально ничего: доживаю 100 р., присланные мне М. М. Стасюлевичем в с ч е т б у д у щ и х б л а г. Что потом будет—не знаю. Апатия такая, что ни до дум, ни до беспокойства. Прощайте однако—сильно болит голова, да и на вас боюсь тоску нагнать. Прощайте, дорогой мой, продолжайте быть счастливым и меня любите немножечко.

Ваша *А. Л.*

11 Мая [29 апреля ст. ст.] 1880 г.

64. Ц. А. Кюи

[Весна 1880 г.][1]

А. П. Бородину

Примите сие, Александр Порфирьевич, к сведению и к исполнению.

Риману можно писать и по-французски.

В. Ваш

Ц. Кюи.

65. К. Ридель

Baden-Baden
21. 5. 80

Sehr geehrter Herr!

Ich theile Ihnen mit, dass Ihre Es dur-Symphonie gestern Abend den glänzendsten Erfolg gehabt hat: besonders das Scherzo. Herr Kapellmeister Wendelin Weissheimer hier hatte Ihr Werk auf das Sorgfältigste vorbereitet u. hat sehr gut dirigiert. Herr Davidoff kann Ihnen hierüber Näheres erzählen. Er wird Ihnen auch sagen, dass Herr Weissheimer im I Satze einige Kürzungen angebracht hat, die vortheilhaft sind. Die selben beizubehalten, wäre rathsam. Die zahlreich anwesenden Musiker sprechen mit grosser Hochachtung u. Bewunderung von Ihrer Symphonie.

Wir Alle bedauern, dass Sie nicht persönlich hier anwesend und Zeuge Ihres Triumphes gewesen sind.

Mit vorzüglicher Hochachtung.

Ihr sehr ergebe[ner]

C. Riedel

Vorsitzender des allgemeinen deutschen Musik-Vereins.

Баден-Баден
21. 5. 80
[9 мая ст. ст.]

Милостивый государь!

Сообщаю Вам, что Ваша Es-dur'ная симфония вчера вечером имела блистательный успех, в особенности — скерцо. Дирижер Венделин Вейссгеймер[1] самым заботливым образом подготовил Ваше произведение и прекрасно дирижировал. Господин Давыдов[2] может рассказать Вам об этом подробно. Он скажет Вам также, что господин Вейссгеймер произвел в 1-й части некоторые сокращения, оказавшиеся полезными. Было бы целесообразно их сохранить. Многочисленные музыканты, присутствовавшие на празднестве, отзываются с глубоким уважением и восхищением о Вашей симфонии.

Все мы сожалели, что Вы не присутствовали на празднестве и не могли быть свидетелем Вашего торжества.

С истинным и глубоким уважением

преданный Вам
К. Ридель
Председатель всеобщего немецкого музыкального союза.

66. В. В. Стасов

Bedford Hotel Covent Garden

Лондон, Воскрес., 6/18 Июля 80.

Я получил Ваше письмо, Александр Порфирьевич[1], в Четверг вечером, за несколько часов до отъезда сюда, в Лондон, и так был им во-первых обрадован, и во-вторых, восхищен, что мне захотелось сию же минуту на него отвечать — да куда! Перед отъездом из Парижа я должен был написать и поскорее отправить целых пять писем во все концы — и у нас в Париже, и «за границу» (т. е. в Россию); когда я на минуту положил перо в сторону, оказалось, что уже 12-й час ночи, а на утро надо рано вставать и укладываться; по приезде же, Лондон сразу захлестнул меня сотнею лап, знаете в роде того как pieuvre* длинными своими жгутами. Тут не до писем, и вот сколько дней прошло, а я Вам все ни слова. А между тем, меня так и подмывает, поскорее написать Вам. Ведь Ваше письмо—прелестно! Вы еще никогда мне такого не писали. Да еще вдобавок такого длинного — целых 12 страниц!! Как я благословлял судьбу, подтолкнувшую Вашу руку. Если б я не знал Вас вовсе, лично, и кто-то такой совсем посторонний вдруг дал бы мне прочитать вот это самое письмо Ваше, я сказал бы: «Это писал наверное художник!» Столько тут повсюду рассеяно всякой художественности и художественности. Помните, несколько лет тому назад, Балакирев вдруг вздумал, чтоб я просмотрел одну вещь, написанную Вами[2]. И Вы этому кротко покорились. Я тоже. Но вот этому-то и надобно было тогда хохотать до разрыва грудобрюшной преграды—а нынче еще больше. Не Вам у меня тут учиться, а мне у Вас. Право, так, тысячу раз. Ну-с, и потому-то я принимаюсь просить Вас, чтобы Вы не ленились, и написали мне, до конца Августа, т. е. до возвращения Вашего, если уже не целых два раза снова, то по крайней мере хоть один разик. Это все пречудесно. Какая картинность, какая живость, как красиво и мило все подумано и сказано! Я уже не говорю про Ваше живое чувство к Балакиреву (что мне всегда так дорого— в каждом, особливо нынче, когда все его захаяли и вычеркнули, между тем как он по чисто-ге-

---

* спрут *(фр.)*

ниальной натуре своей стóит больше всяких Кюи и кого угодно!), но и все остальное-то у Вас кàк живо и изящно. Признаюсь, ко всему остальному увлекательному, чем меня весь день наполняет Париж, Вы прибавили еще одну чудесную, восхитительную нотку—Вы меня перенесли в свое запущенное барское Соколово, и нарисовали красивую картинку этой старинной старины, столкнувшейся с новой молодой Россией, твердо шагающей вперед по старому еще не остывшему теплому хламу. Да, и Вы тоже принадлежите к молодой и будущей России, даром что на плечах у Вас не только 40 с большим хвостом лет, но еще и эполеты с толстыми жгутами[3]. Иначе и быть не может у того, ктò пишет h-moll'ные симфонии и разные «безделицы» из «Князя Игоря». Только с такими поднимающимися волнами в душе и в настроении могут писаться подобные вещи в музыке. Итак, извольте-ка, сударь, написать мне еще и еще. Всего больше про тò, что Вы сочините в нынешнем году для Вашего «Князя». О! я уверен, что и нынче Вы великие чудеса там наделаете, кàк в прошлом, как в третьем году. И еще я уверен, что как в прошлом году Вы мне превеликолепнейшее письмо написали из деревни про новые свои планы, и про сцены, вновь выдуманные и тàк славно вставленные,— значит, захотите только, тò самое будет и нынче. А мне-то праздник какой! А затем— прощайте. Право нèкогда больше. Лондон накладывает свою громадную лапу и тянет в сторону. Даже и эти немногие строки написал урывками—начал вчера утром, а кончаю только сегодня, Понедельник.

В.

Да, еще одно слово. А ведь непременно надо напечатать партитурой обе Ваши симфонии[4]. Ведь надо, чтоб не только один Баден их знал, но и вся остальная Европа — особливо эту вторую, эту львицу, мою дорогую, мою любезную.

Если б Вы видели, где и кàк пишется Вам это письмо! В sittingroom* лондонского отеля, где все ковры и великолепные столы из дорогого дерева вокруг, освещение узорчатыми матовыми стеклами сверху, зеркала и бронзы, порядок и чинность, торжественные слуги в белых галстуках и с безукоризненным пробором среди шевелюры золотисто-оранжевого цвета,—люди, тихим голосом и прилично наклоняясь подходящие спросить, угодно ли мне великолепных бараньих котлет их, и сандвичей к кофею, а тут же сейчас, за уголком, за желтой колонкой, джентльмен, шевелящий громадным листом «Daily News»[5], где он что-то прилежно отыскивает, рядом со своим завтраком—тут, согласитесь, много не распишешься, а чернил в Bed-room (спальню) подавать не пола-

* гостиная *(англ.)*.

гается,—вишь ты, это не comme il faut * по-английски, это не респектабельно! Ну вот и пиши на эстраде между колонн, публично, словно на римском форуме!! О островитянское приличие!!!

67. Ф. Лист

к А. П. Бородину[1]

Cher Monsieur et Ami,
j'arrive bien tard pour Vous dire ce que Vous devez savoir mieux que moi: c'est que l'instrumentation de Votre très remarquable Symphonie, est faite de main de maître, et parfaitement appropriée à l'oeuvre. Ce m'était un sérieux plaisir de l'entendre aux rèpètitions et au Concert de la «Tonkünstler Versammlung» à Baden-Baden. Les meilleurs connaisseures et un nombreux public Vous y ont applaudi.

M. Weissheimer a dirigé avec un intelligent entrain Votre Symphonie. Ne dédaignez pas les deux ou trois coupures discrètes qu'il s'est permises: elles me semblent de bon profit, et je Vous engage à les maintenir dans l'édition de la partition.

Sincère estime, et
affectueux dévouement

F. Liszt

3 Septembre, 80 — Rome

Дорогой Господин и Друг,

Я весьма запоздал со своим заявлением о том, что Вы должны знать лучше меня: а именно, что инструментовка Вашей в высшей степени замечательной симфонии[2] — сделана рукою мастера и в совершенстве соответствует самому произведению[3]. Мне доставило истинное удовольствие слушать ее на репетициях и в концерте «Музыкального собрания» в Баден-Бадене[4]; Вам там аплодировали как наилучшие знатоки, так и многочисленная публика.

Г. Вейссгеймер[5] дирижировал Вашей Симфонией с пониманием и темпераментом. Не пренебрегайте двумя или тремя скромными сокращениями, которые он позволил себе сделать: они мне кажутся[6] полезными, и я советую Вам их сохранить при издании партитуры[7].

С искренним уважением и сердечной преданностью

Ф. Лист.

[22 августа старого стиля] 3 сентября 80 [г.] — Рим.

68. Л. Дамрош

New Jork, September 22—80 142 E. 47-th Str.

Sehr geehrter Herr!

Ich habe so viel Schönes über Ihre Symphonie gehört, welche bei der letzten Tonkünstlerversammlung aufgeführt

---

* не принято *(фр.)*.

wurde, dass ich mir die Freiheit nehme, Sie um Partitur und Orchesterstimmen von derselben zu ersuchen, wenn Ihnen an eine Aufführung des Werks in New York irgend etwas gelegen ist. Sollte mein Name Ihnen bekannt sein, so darf ich annehmen, dass Sie eine sorgfältige Einstudierung Ihrer Symphonie sicher voraussetzen werden. Wissen Sie aber nichts von mir, dann darf ich hoffen, dass Anderer Berichte über mich Sie mit Vertrauen erfüllen werden zu

Ihnen hochachtungsvoll ergebener

Leopold Damrosch.

P. S. Irgend welche Ihrer Manuscripte für Orchester würde ich mit grossem Interesse begrüssen und für unbeschädigte Rücksendung derselben Sorge tragen.

Нью-Йорк [10]22 сентября 80
142 Ист. 47 ул.

Милостивый государь!

Я слышал столько прекрасного о Вашей симфонии, которая была исполнена на последнем музыкальном празднестве[1], что беру на себя смелость просить Вас о высылке ее партитуры и оркестровых партий, если для Вас имеет некоторое значение ее исполнение в Нью-Йорке. Если мое имя Вам известно, то я могу допустить, что Вы будете уверены в заботливом разучивании Вашей симфонии. Если же Вы обо мне ничего не знаете, то я смею надеяться, что отзывы других лиц обо мне преисполнят Вас доверием к

глубоко Вас уважающему и преданному

Леопольду Дамрошу.

P. S. Я приветствовал бы с большим интересом присылку мне рукописей любого Вашего произведения для оркестра и позаботился бы о благополучном возвращении Вам этих рукописей.

69. Н. Г. Рубинштейн и П. И. Юргенсон

[Конец октября — начало ноября 1880 г.][1]

Милостивый Государь
Многоуважаемый Александр Порфирьевич!

Комитет всероссийской выставки поручил нам заведывание музыкальным отделом на выставке будущего 1881 г.

Желая сообщить художественный, а не увеселительный характер устраиваемым на выставке концертам, придать им возможно более значения, блеска и музыкального интереса, мы находим нужным изгнать банальность, обычную при составлении программ для подобных случаев, и составить их преимущественно (исключительно?) из творений отечественных сочинителей. Мы, имея это в виду, просим Вас принять участие в этих музыкальных праздниках, сочинением какой-

либо пьесы, для хора (избегая соло) с оркестром или одного оркестра.

Ввиду того, что с открытием выставки совпадают: 25-ая годовщина коронования, ныне благополучно царствующего государя императора, и освящение храма Спасителя, в память героев 1812 года, было бы желательно, чтобы текст или название пьесы имело соотношение (связь), с одним из вышеупомянутых торжественных случаев.

Длительность пьесы желательно ограничить 15—30 м. Выбор текста предоставлен композитору.

В случае Вашего согласия, и если Вы того пожелаете, Ваша пьеса будет издана в дешевом клавираусцуге (просим таковой приложить) и будет продаваться на выставке. Само собой разумеется, что сбор и отчет Вам будут доставлены своевременно. Авторское право на издание и оставшиеся экземпляры принадлежат Вам.

Рукопись должна быть доставлена в музыкальный отдел выставки, не позже 10-го Марта 1881 г., чтобы иметь возможность переписать партии и разучивать их.

Если бы Вы пожелали лично дирижировать Вашу пьесу, то благоволите об этом заявить, для заблаговременного уведомления Вас о времени исполнения.

Не откажите дать ответ на это письмо, даже в случае отказа.

Н. Рубинштейн, П. Юргенсон.

70. Т. И. Филиппов

Милостивый Государь, Александр Порфирьевич!

Во вторник (4 Нояб.), в 8 часов вечера, собираются у меня Ваши друзья и единомышленники, чтобы выслушать конченную Модестом Петровичем оперу «Хованщина». Я имел непременное намерение лично быть сегодня у Вас, чтобы покорнейше просить Вас и многоуважаемую Екатерину Сергеевну пожаловать к нам на этот вечер; но обстоятельства помешали мне исполнить это сердечное мое желание и я принужден ограничиться письменною просьбою. Надеюсь, что Вы, а также и Екатерина Сергеевна, по воспоминанию о наших общих с нею друзьях[1], не откажете нам в истинной радости принять Вас у себя.

Искренне и глубоко уважающий Вас

Т. Филиппов.

2 Ноября [1880 г.][2] Угол Невского и Новой улицы, 75/2.

71. П. С. Стасова

Александр Порфирьевич,

Балакирев выразил желание провести у нас вечер вместе с вами и мы с Дмитрием[1] очень обрадовались такой приятной, музыкальной перспективе. Но я, зная, как вы разнообразно заняты в настоящее время, не решаюсь прямо назначить день, а прошу вас сказать, в какой из вечеров будущей недели вы можете посетить нас. Балакирев не свободен только во вторник, а нам кроме субботы удобны все вечера. Жду доброго ответа и крепко пожимаю вам руку.

П. Стасова.

Суббота 15 Ноября 1880 г.

72. П. С. Стасова

Мы будем ждать вас в Пятницу, дорогой Александр Порфирьевич, и просим приехать пораньше ради Балакирева, который всегда любит начать вечер в 7 часов. Крепко жму вам руку и благодарю, что приняли приглашение.

П. Стасова.

Понедельник 17 Ноября 1880 г.

73. И. Р. Тарханов

25-го Ноября 1880.

Многоуважаемый Александр Порфирьевич!

Пользуюсь Вашим любезным предложением и прошу Вас (конечно, если это не составит слишком больших хлопот) снабдить меня химически чистым мочекислым натром; относительно количества предоставляю решение Вашему великодушию, так как просить мало не выгодно для работы; а просить много совестно.

Вперед прошу Вас принять мою глубокую благодарность и буду искренно рад, если представится случай моей лаборатории чем-нибудь служить Вам в свою очередь.

Всей душой Вам преданный

И. Тарханов.

74. Н. В. Галкин

[25 декабря 1880 г.][1]

Многоуважаемый Александр Порфирьевич!

Очень рад, что Вы вернулись[2]. Вы бы доставили нам огромное удовольствие, приехав ко мне в Субботу утром в 1 час на генеральную репетицию Вашего квартета[3].

Не найдете ли Вы возможным пригласить также Цезаря Антоновича [4]. Если найдете, то пригласите, чтобы и он прослушал.

Жду Вас к себе в Субботу в час.

Весь Ваш

Н. В. Галкин.

P. S. Мы все от Вашего квартета в восторге.

75. Н. Соловов

27 января 1881 г.

Милостивый Государь Александр Порфирьевич.

Честь имею уведомить Вас, что в Симфоническом собрании имп. Русского музыкального общества 31-го Января г. Стравинским [1] будет исполнена Ария Кончака [2] из оп. «Князь Игорь» — репетиции назначены в Среду 28-го и в Пятницу 30-го Января в 10½ ч. утра.

Режиссер: *Н. Соловов.*

76. Е. К. Альбрехт

Ваше Превосходительство Александр Порфирьевич.

В ответ на Ваше письмо [1] честь имею уведомить Вас, что заграничные отзывы о Ваших симфониях напечатаны в некоторых музыкальных газетах, из которых у меня находятся в настоящее время только «Neue Zeitschrift für Musik»* и «Musikalisches Wochenblatt»**. Завтра я постараюсь выбрать интересующие Вас нумера и со среды они будут к Вашим услугам. Если Вам благоугодно будет прислать за ними, то меня можно застать дома каждый день до 11 час. утра, или же после обеда с 6—7½.

Пользуюсь случаем просить Вас принять уверение в совершенном уважении и преданности.

Е. Альбрехт.

15 Февр. 81
(Близ Харламова моста)
Екатерингофский пр. № 29

77. Ф. Д. Гриднин

Душевно и глубоко уважаемый Александр Порфирьевич!

Дарья Михайловна [1] просит уведомить Вас, что вследствие не снятия траура [2] после святой—концерты не разрешены.

---

* «Новый музыкальный журнал» *(нем.)*.

** «Еженедельный музыкальный листок» *(нем.)*.

Скрепя сердце и с действительно серьезным сокрушением она должна отложить и концерт и свой юбилей до осени. Для нее— это горе в широком смысле слова. Вы поймете это, дорогой Александр Порфирьевич! От себя сообщу Вам, что друзья ее и почитатели ее, желая сколько-нибудь помочь ей, возместить, так сказать, в бедственном прямо случае — устраивают ей домашний концерт, у ней в доме в Субботу на святой, с числом ограниченным — на сто лиц. На этом домашнем вечере— Дарья Михайловна думает исполнить Вашу характерную песню[3]. Надеюсь, Александр Порфирьевич,—Вы также посетите Дарью Михайловну. Марш же Половецкий позвольте сохранить до осени, а «Кончаковну»—Дарья Михайловна сердечно манит к себе[4] и говорит, что будет душевно осчастливлена Вами, когда Вы позволите ей лично с ней познакомиться и «сдружиться»!

Истинно Вас почитающий и уважающий

Ф. Гриднин.

30/III [1881 г.][5]

78. М. Р. Щиглев

Голубчик Саша, я тебе совершенно забыл сказать и покорнейше просить тебя непременно пожаловать в «Кружок»[1] во вторник 21 числа в 8 часов вечера—заняться с хором, потому что мне одному не справиться. Так как нужно будет проходить хор из «Ратклифа»[2], то захвати с собой твой клавираусцуг, который опять можешь взять обратно.—Тринитатский[3] должен также быть, я ему написал—если увидишь его, то напомни еще раз.

Поклон всем.

Твой *М. Щиглев.*

19 Апреля 1881 г.

79. М. Р. Щиглев

Дорогой друг мой Саша, съезди пожалуйста в Кружок[1] 12-го мая вечером, хоть не надолго в заседание распорядительного комитета и объяви комитету, что я оставляю Кружок, так как не желаю более выносить от Г-на Гродецкого в высшей степени дерзкое и грубое обхождение со мной; это обхождение тем более для меня оскорбительно, что я со своей стороны к тому не подавал ни малейшего повода. Собственно Кружок я оставил уже с среды 6-го Мая и не был на оркестровом собрании, о чем я и уведомил оркестр через Августа Валериановича Рымашевского. Подобного рода письмо мне не хотелось бы писать в распорядительный комитет и потому покорнейше прошу тебя передать это на словах. В интересах

Кружка Комитету будет полезнее узнать об этом до закрытия Кружка, так как Кружок будет иметь достаточно времени летом искать другого дирижера.

Прошу тебя также передать, от меня это хору, который должен собраться во вторник 12-го Мая на репетицию; прошу передать им всем мой поклон [2].

При этом возвращаю тебе ноты твои оперу «Ратклиф» Кюи с великой благодарностью.—

Свидетельствую свое почтение Екатерине Сергеевне и всем твоим.

Твой *М. Щиглев.*

7 Мая 1881 года.

80. О. Лессманн

Redaction
der «Allgem. Deutschen Musikzeitung»

Charlottenburg — (Berlin) den 8/9. 81.
27. Spreestrasse

Hochgeehrter Herr,

Da ich nicht mehr das Vergnügen hatte, Sie nocheinmal in Deutschland resp. Weimar zu sehen, so muss ich ein Anliegen an Sie nun wohl schriftlich zu erledigen suchen. Ich habe den grossen Wunsch, mein lebhaftes Interesse an dem musikalischen Jung-Russland durch eine Reihe von Kunst Biographien der Hauptvertreter der neu-Russischen Schule in meiner Zeitung zu bethätigen. Sie sind mit den Herren bekannt, auch wohl befreudet und ich möchte mir deshalb die Bitte an Sie erlauben, die Herren Borodin, Cui, Rimski, Liadow, Tschaikowski, und diejenigen welche Sie selbst als gleich bedeutend ansehen, gelegentlich in meinem Namen um gef. Einsendung zuverlässiger Autobiographien in engem Rahmen zu ersuchen. Ist irgend etwas geeignet, die Volksstämme einander zu nähern, so ist es sicherlich die Musik, und so wenig, wie Sie und die jüngeren Meister in Russland den Einfluss deutscher Musik auf Ihre Produktion werden in Abrede stellen wollen, ebenso wenig dürfen wir uns dem Einfluss des frischen Elements, das wir in Ihren jüngeren Landsleuten erblicken, auf die deutsche Kunst verschliessen. Unter diesem Gesichtspunkte der Zusammengehörigkeit in der Kunst und der gemeinschaftlichen Interessen werden Sie meine Absicht, die Chorführer der modernen russischen Musik unserem deutschen Publicum, speciell den Musikern, näher zu führen, zu würdigen wissen und mir vielleicht Ihre erbetene Hülfe nicht versagen. Ich möchte Ihnen natürlich keinerlei Zwang auferlegen und wie-

derhole deshalb, dass es sich um ganz gelegentliche Mittheilung an die benannte Herren handelt.

Von Liszt habe ich, Gott sei Dank, bessere Nachrichten, die Sie ja auch interessieren werden. Er wird Mitte dieses Monats endlich die Reise über Bayreuth nach Rom antreten. Die Folgen des Falles haben sich doch sehr lange und in sehr empfindlicher Weise geltend gemacht. Ihnen ist hoffentlich der Aufenthalt in Deutschland eine Quelle angenehmer Erinnerungen worden, ich wünsche in unserem Interesse, dass es so sein möchte. Am 22-n Octbr. hoffe ich mit einer Anzahl Lisztianern in Weimar zusammenzutreffen, man führt dort die H. Elisabeth scenisch auf.

Wenn es Ihnen möglich ist, für die Allgem. Deutsche Musikztg und die von ihr vertretene Sache ein wenig Propaganda zu machen, so soll's mich sehr erfreuen. Vieles Dank voraus und herzlichen Gruss von dem Ihnen ergebenen

Otto Lessmann.

Редакция
«Всеобщей немецкой
Музыкальной газеты».

Шарлоттенбург — (Берлин) 8, 9, 81
27, улица Шпрее
(27 августа ст. ст. 1881 г.)

Милостивый государь,

Так как я не имел удовольствия еще раз повидаться с Вами в Германии, в частности — в Веймаре, то я должен письменно обратиться к Вам вот по какому поводу. У меня есть сильное желание на деле проявить свой живой интерес к музыкальной молодой России путем опубликования в моей газете ряда творческих биографий главных представителей новой русской школы. Вы знакомы, и, вероятно, дружны с этими господами, и я поэтому считаю возможным позволить себе обратиться к Вам с просьбой,—попросить, при случае, от моего имени господ: Бородина, Кюи, Римского, Лядова, Чайковского и всех тех, кого Вы считаете не менее значительными — о любезной присылке мне кратких достоверных автобиографических сведений о себе. Если что-либо способно сближать народы между собою, так это именно музыка, и, подобно тому как Вы и более молодые русские мастера не сможете отрицать влияния немецкой музыки на Ваше творчество, точно так же и мы не должны отгораживаться от влияния на немецкое искусство (со стороны) тех свежих элементов, которые мы видим у Ваших молодых соотечественников. С точки зрения общности интересов и взаимосвязи в искусстве Вы оцените мое намерение сблизить корифеев новой русской музыки с нашей немецкой публикой и с музыкантами — в частности, и, вероятно, не откажете мне в просимой у Вас помощи. Конечно, я не хотел бы затруднять Вас, в каком бы то ни было смысле, и повторяю поэтому, что дело идет лишь об обращении к названным господам — при некотором удобном случае.

От Листа я, слава богу, имею более благоприятные известия, которые наверное Вас также заинтересуют. В середине текущего месяца он, наконец, предпримет путешествие в Рим через Байрейт. Последствия падения, однако, очень долго давали себя знать весьма чувствительным образом. Надеюсь, что пребывание в Германии явилось для Вас источником приятных воспоминаний; в наших интересах я желал бы, чтобы

оно было именно так. 22-го октября я надеюсь встретиться в Веймаре с некоторыми листианцами: там будет исполнена на сцене «Святая Елизавета» [1].

Меня очень порадовало бы, если бы Вам удалось немного популяризировать Всеобщую немецкую музыкальную газету и то дело, которое она особенно представляет. Примите заранее большую благодарность и сердечный привет от преданного Вам

Отто Лессманна.

81. М. А. Балакирев

16 Сентября 1881.

Дорогой друг Александр Порфирьевич!

Милое письмо Ваше[1] я получил, и спешу сообщить Вам что в Пятницу 18-го числа я буду дома вечером и ожидаю к себе Корсиньку. Был бы отменно рад, если б Вам удалось вырваться от Ваших Выборгских друзей и прикатить к 5 углам. —

Поговорили бы о многом, а также и о бедном Алексее Сергеевиче[2], которого поспешите выписать сюда, так как все дело остановилось только на том, что Островскому[3] нужно лично его повидать, а железо куют пока горячо, потому и поспешите его сюда выписать.— Итак, до свиданья! Был бы очень рад, если б пожаловали в Пятницу.

Крепко целую Вас

Ваш *М. Балакирев.*

Будете писать в Москву, то и от меня пошлите большие поклоны Екатерине Сергеевне и дорогой Екатерине Алексеевне [4].

82. М. Р. Щиглев

Дорогой мой Саша, как я ни рад видеть тебя у меня, но, признаться, мне совестно заставлять тебя ехать такую даль, потому, если время терпит, то я сам у тебя буду в понедельник, так как в этот день я должен быть в Фельдшерской школе [1], в противном же случае я дома завтра в Субботу и послезавтра в Воскресенье от 5 часов вечера. В понедельник же могу зайти к тебе не раньше десятого или даже в десять часов вечера. Поздравляю тебя с приездом из путешествия и посылаю поклон всем твоим.

Твой *М. Щиглев.*

18 Сентября 1881.

83. М. Миланов

23 Сент. 1881 г.

Многоуважаемый Александр Порфирьевич!

Спешу сообщить Вам, как человеку, интересующемуся судьбой Бесплатной Муз. Школы, о весьма печальном собы-

тии в ее деятельности. Николай Андреевич[1] решительно отказался быть ее директором. Мы— члены Совета обратились с просьбой к М. А. Балакиреву, принять на себя бразды правления. Помогите нам, многоуважаемый Александр Порфирьевич, устроить судьбу Школы, согласно установившемуся в ней духу и поддержать ее существование.—

В Пятницу 25-го сент[ября] в 8 час. вечера в квартире М. А. Балакирева соберется Совет Школы. Не найдете ли Вы нужным и возможным пожаловать самим[2].—

Я лично уезжаю в Москву на 4 дня, в Пятницу не буду.—

Если что имеете сообщить или узнать касательно Школы, обратитесь к Герману Ивановичу Цирус[3], живущему по Коломенской ул. д. 7 кв. 20.—

Уверенный в Вашем содействии остаюсь готовым к услугам

Мих. Миланов.

84. М. А. Балакирев

27 Сент. 1881.

Дорогой друг Александр Порфирьевич!

Беру перо, чтобы порадовать Вас моим решением вопроса о беспл. школе. Отказаться от нее как от Москвы[1] я не мог, и потому, не желая ее погибели, хочу сделать последнюю попытку, беру школу в свое ведение и буду сам дирижировать двумя концертами—затем результаты решат будущее школы.

Крепко целую Вас. Ваш *М. Балакирев.*

85. В. В. Бессель

Многоуважаемый Александр Порфирьевич!

Хотя Вы уже, конечно, знакомы со «Снегурочкой»[1], я тем не менее решился Вас покорнейше просить быть моим гостем в Воскресенье вечером,—Николай Андреевич[2] обещал меня познакомить с своей новой оперой. Позвольте мне надеяться Вас видеть у себя в тесном кружке Ваших друзей и знакомых.

С истинным почтением, глубоко преданный Вам

В. Бессель.

23 Октября 1881 г.
Адрес: Троицкий пер. д. № 26 кв. 11,
вход со двора.

86. Л. И. Шестакова

25-ое Октября [1881 г.][1]

Дорогой мой Александр Порфирьевич!

Оказывается, что нужно только одно кресло для меня,

в концерт из музыки Мусоргского, в 1-м ряду. Еще оказывается, что нужно, чтобы Вы билет на него принесли сами хотя накануне концерта, я бываю всегда дома от 1 часа дня до 10-ти вечера, только будущее воскресенье 1-е Ноября буду в бегах.

Ваша *Л. Шестакова.*

87. Л. И. Шестакова

29-ое Октября [1881 г.][1]

В газетах прочла сегодня, что концерт[2] 8-го, в воскресенье, значит в пятницу 6-го или в субботу 7-го надеюсь Вас видеть у себя с билетом. В пятницу я дома от 1 часа до 9-и, в субботу от 1 часа до 7-и.

Бах говорил мне, что будет выставлен портрет Мусоргского и рисунок его надгробного памятника, а я позволяю себе посоветовать: близ этого рисунка поставить тарелку для сбора, (но непременно тарелку, а не кружку, в кружку иной и гривенник положит, а на тарелку посовестится), предлагаю же это по той причине, что прочла в афишах, что только половина сбора идет на памятник Мусоргскому, а понятно, что большая часть придет именно в память его, значит, заплатя за билет, верно положат с удовольствием и на тарелку, впрочем мое слово не пирог, можно выбросить и за порог.

А не будете ли раньше неподалеку, у Корсака или еще где, то зайдите взглянуть,—на душой Вашу

Л. Шестакову.

88. Ф. Д. Гриднин

Глубокоуважаемый Александр Порфирьевич!

Дарья Михайловна[1] поручила мне обратиться к Вам с сердечною просьбою по следующему предмету. Концерт ее, как Вам известно, был отложен вследствие траура[2], теперь же она намерена дать его в 1-х числах Декабря. Затем я прослышал, что концерты Бесплатной Школы вряд ли состоятся, а потому Дарья Михайловна всенижайше просит у Вас «Кончаковну»[3] для исполнения в своем концерте. Если Вы не имеете ничего против этого, то кроме радости и счастья, Вы ничего не доставите своим дорогим на то соизволением. Дарье Михайловне очень бы желательно было увидать Вас и ознакомиться с таинственною «Кончаковною». Как бы это сделать? Может ли она приехать к Вам и когда, в какое время? Беспокоить Вас, дорогой Александр Порфирьевич, просьбой навестить ее—мы не решаемся ввиду Ваших всегдашних занятий и дорогого Вам времени. Если Вы обрадуете любезным

ответом, то доставите истинное наслаждение. Адрес Д. М.— все тот же. У Кокушкина моста д. 70 кв. 6.

Искренно Вас почитающий и глубоко

Вам преданный

Ф. Гриднин.

7 Ноября (?) 81.

89. М. А. Балакирев

Воскресенье 29 Ноября [1881 г.][1]

Дорогой Александр Порфирьевич!

Приехал сюда из Москвы Мельгунов[2], который оказался весьма замечательным пианистом по необычайной технике. Ему нипочем сыграть листовского «Дон Жуана»[3], «Исламея»[4], и тому подобные пиэсы по трудности. Как кажется, он только т а к и е и играет.—Завтра вечером он будет играть в фортепьянном магазине Коха (Малая Морская 14). Если Вы расположены послушать его («Исламея» он играет оч. хорошо и Гольдштейну[5] куда—далеко до него), то пожалуйте туда к 8-ми часам.

Целую Вас крепко.

Ваш *М. Балакирев.*

Как было бы хорошо, если б дорогая Екатерина Сергеевна могла приехать с Вами.

90. Ф. Д. Гриднин

Искренно уважаемый Александр Порфирьевич!

Не знаю, получили ли Вы мое письмо, в котором я просил Вас от имени Дарьи Михайловны[1] не отказать в душевной обязательности известить ее: когда Вы будете так добры, что позволите приступить к переписке оркестровых партий «Кончаковны»[2] и «Марша»[3]. Времени до концерта[4] остается уже не особенно много. Хотелось бы сделать это заблаговременно, тем более, что нотная контора сильно торопит этим. Дарья Михайловна и я горячо и сердечно просим Вас не отказать в любезном извещении. Кроме того, Дарья Михайловна просит Вас: не найдете ли возможным на праздниках навестить ее и послушать «Кончаковну». «Она»—уже готова у ней, и ей хочется еще разок окончательно отделать ее при Вашем любезном и дорогом содействии.

Глубоко Вас уважающий

Ф. Гриднин.

29. XII. 81

91. Т. И. Филиппов

1 Января 1882.

С Новым годом!

Глубокоуважаемый Александр Порфирьевич!

Хорошо было бы написать Листу, чтобы ко дню явления Милия Алексеевича пред обществом[1] он прислал ему приветственную телеграмму. Пишу Вам об этом как другу Балакирева и знакомому Листа. Вы, вероятно, знаете и адрес Листа.

От всей души преданный Вам

Т. Филиппов.

92. Н. П. Молас

Ваше Превосходительство Александр Порфирьевич.

В пятницу, 22-го, предполагалось 1-ое представление «Снегурочки», на котором, как нам доподлинно известно, Вы твердо положили присутствовать, следов. этот вечер у Вас свободен. «Снегурочка» откладывается[1], значит можно надеяться, что Вы не откажете подарить нам пятницу. (Конечно основанием такой н а д е ж д ы служит опять-таки н а д е ж д а, что Вы против нас ничего не имеете).—Смягчитесь и... приходите к нам.

Н. Молас.

19 Января [1882 г.][2]

93. С.-Петербургский кружок любителей музыки

29 Января 1882 г.

Милостивый Государь Александр Порфирьевич!

С.-Петербургский кружок любителей музыки, в общем собрании членов 30-го Декабря 1881 года, во внимание принесенной Вами пользы Кружку по званию члена и Председателя Музыкальной комиссии, на основании 9-го § Устава Кружка избрал Вас, Милостивый Государь, в почетные члены Кружка, о чем Распорядительный Комитет с особенным удовольствием имеет честь известить Вас и, вместе с тем, льстит себя надеждой, что Вы и впредь не откажетесь посещать наши собрания и своими советами помочь слабым, но искренним начинаниям музыкальной деятельности Кружка.

Председатель Комитета *В. Константинов.*

Члены Комитета *А. Зайцев*

А. Рымашевский

Мельников

Н. Полянский

И. Степанов.

94. А. Н. Молас [1]

Многоуважаемый Александр Порфирьевич.
В четверг вечером, мы с Феликсом [2] сбираемся к Вам. Если это Вам почему-нибудь неудобно, то мы это сделаем в другой день.

Лаура [3] *Молас.*

Мой поклон Екатерине Сергеевне.
Жду ответа.

1 февраля 1882

95. Л. И. Шестакова

10-ое Февраля [1882—1884] [1]

Дорогой мой Александр Порфирьевич,
Милий [2] упорствует, уверяет, что никакой нет надобности сбывать билеты искусственным образом и потому не знаю, пришлю ли я Вам как думала несколько билетов для раздачи и ежели пришлю, то верно не раньше воскресенья; посмотрим что будет.

Ваша *Л. Ш.*

96. Дирекция Петербургского отделения Русского музыкального общества

13 февраля 1882 г.

Милостивый государь Александр Порфирьевич!
Дирекция СПБ. отделения императорского Русского музыкального общества, принимая в уважение Вашу художественную деятельность на музыкальном поприще, присвоила Вам на основ. ст. 22 Высочайше утвержденного Устава императорского Русского музыкального общества звание члена посетителя СПБ. отделения сего Общества.
Уведомляя Вас, Милостивый государь, о вышеизложенном, Дирекция пользуется настоящим случаем для засвидетельствования Вам чувств совершенного почтения и преданности.

Председатель *В. Гаевский.*
Помощник Председателя *К. Вельяминов.*
Секретарь *А. Климченко.*

Л. И. ШЕСТАКОВА

С портрета 50-х годов

Портрет А. П. Бородина, принадлежавший Л. И. Шестаковой. 1880 г. Подпись, сделанная Бородиным, гласит: «Дорогой всему нашему кружку, горячо любимой и душевно уважаемой Людмиле Ивановне Шестаковой на память от искренне ей преданного автора неоканчиваемой оперы «Князь Игорь». 16 сентября 1882 г. А. Бородин». Нотные автографы: вверху, слева — 1-я симфония, справа — 2-я симфония. Внизу, слева — 2-й квартет, справа — ариозо Ярославны

97. Дирекция Петербургского отделения Русского музыкального общества

16 марта 1882 г.

Милостивый государь Александр Порфирьевич!

В квартетных собраниях СПБ. отделения императорского Русского музыкального общества в текущем сезоне были исполнены следующие Ваши сочинения—квартеты: A-dur и D-dur [1].

На основании утвержденного Дирекцией СПБ. отделения, 17 Окт. 1879 г., положения о вознаграждении русских композиторов за исполнение их сочинений в означенных собраниях, Вам причитается авторский гонорар в размере ста рублей.

Дирекция СПБ. отделения препровождая при сем означенную сумму, имеет честь покорнейше просить Вас в получении оной выдать квитанцию.

За Председателя *К. Вельяминов* [2].
Директор *В. Гаевский.*
Секретарь [подпись неразборчива].

98. Л. И. Шестакова

Четверг 8 Апреля [1882 г.] [1]

Дорогой мой Александр Порфирьевич.

Извольте читать со вниманием и ответ дать с таковым же. Лодий [2] приехал вчера, и сегодня был у меня. (Вы вероятно знаете, что он ангажирован на нашу оперную сцену), его концерт будет 22 в четверг, и я непременно хочу, чтобы он исполнял Вашу ту вещь, которую пел в концерте Бес. школы дубина Донской [3] (чтобы публика видела, каково можно это спеть), но так как у Лодия концерт будет без оркестра, и так как я по нездоровью в его концерте не буду, то убедительно прошу Вас в один из нижеозначенных дней, а именно: во вторник 13-го, четверг 15-го или в субботу 17-го (но удобнее всего вторник 13-го, и эти два тоже удобны, Вы ведь деловой человек, Вам выбирать) придти с нотами ко мне в 6-ть, 7-мь и даже в 8-мь часов, как Вы назначите, чтобы прорепетировать с Лодием Вашу прелестную вещь.

Ежели Вы дома, то извольте дать ответ, ежели же Вы в бегах, по возвращении из оных,—подробно отзовитесь на все пункты: —

1-й) Так как Лодий хочет заранее выпустить афишу, то позволите ли Вы в ней выставить Ваше сочинение?

2-ой) Напишите мне аккуратно как ее обозначить в афише, серенада или ария или как Вы находите нужным.

3-е) Когда именно Вы можете быть у меня, мне это необходимо знать заранее, чтобы я могла предупредить Лодия.

Надеюсь за все это гневаться не будете

на Вашу *Л. Шестакову.*

99. Д. М. Леонова

Глубоко и душевно уважаемый Александр Порфирьевич!

В Субботу, 17-го я устраиваю в Зале Кредитном публичный экзамен моих учениц и учеников: это, в то же время, проверка моих двухлетних занятий. Думаю, и потому усиленно не прошу, что Вы, дорогой и искренно почитаемый, не откажете мне посетить этот вечер как ценный судья общего и дорогого нам искусства.

По прилагаемой программе — я думаю Вы одобрите его.

Если кто-либо из Вашей любезной семьи и из Ваших добрых знакомых поинтересовался бы этим скромным ученическим вечером—я была бы очень счастлива. И была бы очень рада служить бесплатными билетами. Концерт этот не имеет в виду сбора, расходы его уже покрыты, а потому весьма лестно было бы встретить охоту послушать молодые и начинающие голоса.

Итак, если кого интересует подобный вечер—напишите, я тотчас же препровожу в Ваше любезное, дорогое, дружеское распоряжение необходимые билеты.

Искренно Вам преданная и горячо Вас почитающая

Д. Леонова.

12. IV [1882 г.][1]

100. М. А. Балакирев

Четверг 15 Апр. 1882

Имеется сестра милосердия, бывшая на войне[1], опытная в ухаживании за больными, симпатичная с виду, и отлично аттестуемая знающими ее, желающая поступить для ухода за больной за очень скромное вознаграждение (10 р. в месяц). Не пожелаете ли воспользоваться этим случаем устроить хороший уход за дорогой Екатериной Сергеевной[2], и освободить себя для большего занятия оперой, которую следует же наконец окончить. —

Жду Вашего ответа[3] и мысленно целую Вас многажды

Ваш *М. Балакирев.*

101. Н. П. Молас

Александр Порфирьевич.

Во вторник 20-го у нас собираются. Будет Болгарский Консул Н. Н. Лобыжинский [1], с новыми сочинениями.—Не пожалуете ли и Вы; авось Вы свободны.

Н. Молас.

Если Вы не придете — жена вызовет Вас на дуэль.

18/IV [1882] [2]

102. Е. П. Глазунова

[Конец апреля 1882 г.] [1]

Уведомляю многоуважаемого Александра Порфирьевича, что в понедельник 3-го Мая в $7^1/_2$ ч. вечера будут исполняться у нас на квартире квартеты: Афонасьева [2], Глазунова [3] и Бетговена [4] (последний); не пожелаете ли пожаловать — прослушать их? Мне было бы приятно, если бы и супруга Ваша пожаловала к нам в понедельник—запросто; будут г. Стасов, Лядов, Корсаков—одним словом, не чужие Вам люди.

Преданная и уважающая Вас

Елена Глазунова.

Супруге от меня поклон нижайший.

103. Н. П. Молас

Милейший Александр Порфирьевич, в четверг 6-го, ровно в 8 часов, у нас начнется музыка. Будут: Стасов, Глазунов, Балакирев, Ильинский и Блуменфельд. Моя хозяйка надеется, что Вы своим присутствием захотите порадовать все общество. Это у нас последнее собрание до дачи, а затем мы рассчитываем быть у Вас, en petit commité *, в воскресенье, т. е. с нашим сыном Феликсом [1].

Преданный *Н. Молас.*

4/V [1882 г.] [2].

Только что Вы ушли сегодня от нас, как прибыл Влад. Вас. Стасов и потребовал, чтобы в Четверг произвели музыку; Глазунов, мол, просит послушать вокальную музыку.

---

* в тесном кругу *(фр.)*.

104. Е. С. Бородина

21 Августа 82 г.

Еще письмецо от тебя пришло в квартиру проф. Бородина[1], еще обрадовало живущую в ней. Спасибо, большое спасибо хозяину оной квартиры. Я ему только сегодня утром отправила письмо, и теперь пишу опять и посылаю выписку из Москов. корреспонденции «Нового Времени» сегодн. числа:

(Выдержка.) «Седьмой выставочный концерт был посвящен Петербургу[2]. Петербуржец — дирижер, петербуржцы — солисты, композиции петерб. школы—все петербургское. Самый большой успех выпал на долю маленькой, но картинной вещицы г. Бородина «В Средней Азии» и автор был дружно вызван публикой. Понравилась и тарантелла Кюи и, наконец, «Антар» Р.-Корсакова. Автор сам дирижировал свою симфонию и его вызвали единодушно несколько раз».

Далее пишут, что Корякин[3] исполнил твою арию из «Игоря» далеко неудовлетворительно и в чисто вокальном и просто в музыкальном смысле, но успех имел громадный, благодаря своему чудесному голосу и т. д.

Очень поздравляют и очень скорбят, что только читают, а не шушают[4].

Сейчас получила еще письмо от тебя—и—совсем поникла головой... Приезжай, я отлично понимаю, что тебе больше оставаться в Москве нет смысла, мы потолкуем с тобой на свободе и я в первых числах Сентября все-таки поеду к маме[5]. Как-нибудь проживу Сентябрь. Может быть и с Анкой[6] сговорюсь как-нибудь.

Мне тяжело невыносимо—уже такой год задался! Приезжай. Я жду тебя нетерпеливо. Боюсь, что письмо мое не застанет тебя.

Поцелуй мою бедную Мамушку голубушку, поклонись Пе[7]. Наши все шлют поклоны. Жду тебя.

105. Н. П. Молас

Наипремилейший Александр Порфирьевич.

Только что перебрались в город, на новую квартиру (Литейная дом Д-та Уделов № 36 во дворе) и все * добрые знакомые намерены прибыть к нам в субботу, 25-го, вечером. Ждем Вас с нетерпением. Если Вам можно,—приходите,—право все ** будут рады.

Предан[ный] *Н. Молас.*

23 сент. 1882

---

* Не все.

** Все до одного (Оба примечания сделаны А. Н. Молас.—*С. Д.*).

106. Д. М. Леонова

[Начало ноября 1882 года?][1]

Глубокоуважаемый Александр Порфирьевич!

Сердечно благодарю за Ваши дружеские строки. Так как Вы пишете, что Четверг единственно свободный для Вас день, то буду Вас ждать в этот четверг, прямо к обеду.

Душевно обрадуете своим посещением.

Искренне Вам преданная

Д. Леонова.

Угол Ивановской и Николаевской д. 14/55 кв. 12.

107. В. В. Стасов

1-го января 1883.

Александр Порфирьевич, я надеялся начать год тем, что Вас увижу. Но не случился *: я порядком простудился, и сильно расстроен желудком.

Но не в том дело.

Мне тут рассказывали эти дни, что Вы не свободны з а в т р а, 2-го января, и не можете прийти ко мне, на мое р о ж д е н ь е.

Правда это? Это был бы для меня большой удар. Вся музыкальная компания будет и отсутствие такого крупного туза, как A l e x a n d e r P o r f i r i e w i t z[1], заставило бы побледнеть все остальные масти.

Итак, пишу Вам, в надежде, что авось Вы все-таки найдете возможным облагодетельствовать меня своим присутствием, купно с Вашею музыкою бесподобною.

Ваш всегда
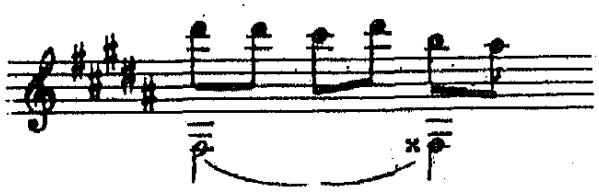
В. Стасов.

108. М. А. Балакирев

Дорогой Александр Порфирьевич!

Выправляя квартет[1] не впадите в ошибку след.:
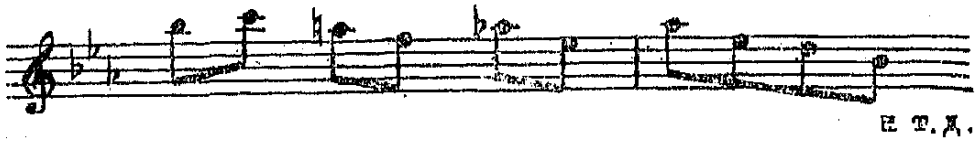
Конец Trio в Scherzo мною переделан: я поместил контрапункт

---

* Так написано в подлиннике.— *С. Д.*

и вследствие того несколько переделал инструментовку. Также педаль в конце 1-й части, и в начале гармония на

и т. д.

Не переправляйте эти мои поправки [2].

Целую Вас, милый пульпультик.

Ваш *М. Балакирев.*

1 Февр. 1883

109. Кружок поклонников

Многоуважаемый Александр Порфирьевич!

Впечатление, произведенное на нас Вашей симфонией [1], так сильно, что заставляет нас письменно выразить Вам душевную благодарность за такой подарок музыкальному искусству.

Надеемся, что Вы снисходительно отнесетесь к дерзости кружка Ваших поклонников.

18 $\frac{3}{II}$ 83

110. К. Ридель

Leipzig 23 März 83

Sehr geehrter Herr und Freund!

Korsakoff's Streichquartett, dessen Vorführung 1882 an dem Widerstand der Primo-Geige scheiterte, soll auf der diesjährigen Tonkünstler-Versammlung zu Leipzig am 5 Mai Vorm. aufgeführt werden.

Mein persönlicher Wunsch ist, Ihre 1880 in Baden-Baden executirte Symphonie auch hier am 4 Mai Abend im Theater concert unter Nikisch zur Aufführung zu bringen. Ich bitte Sie nach Empfang dieses Briefes mir sofort Telegramm zu schicken, ob Sie Güte haben wollen, Partitur und Orchesterstimmen mir umgehend zu schicken! Ich kann allerdings nicht fest versprechen, dass dieses Werk wiederum zur Aufführung gelangt, werde aber meinerseits kräftig dafür plaidiren.

Die Meinigen senden mit mir die besten Grüsse.

Grüssen Sie auch Herr und Frau Rimsky-Korsakoff.

Es wäre schön, wenn die Petersburger Herrschaften unserer Tonkünstler-Versammlung 3. — 6. Mai beiwohnen könnten...

Ihr sehr ergebener

C. Riedel.

Лейпциг 23 марта 1883 г. [11 марта ст. ст.]

Милостивый государь и друг!

Корсаковский струнный квартет, исполнение которого в 1882 г. не состоялось из-за враждебного отношения первого скрипача, должен быть исполнен в этом году на музыкальном празднестве в Лейпциге утром 5 мая [1].

Я лично желаю устроить также здесь 4 мая [2] вечером в театральном концерте под управлением Никиша [3] исполнение Вашей симфонии, сыгранной в 1880 году в Баден-Бадене. Я прошу Вас по получении этого письма ответить мне тотчас же телеграммой, соблаговолите ли Вы срочно выслать мне партитуру и оркестровые голоса. Хотя я не могу твердо обещать, что это сочинение снова будет назначено к исполнению, но со своей стороны я буду его сильно защищать.

Мои шлют вместе со мною сердечный привет.

Кланяйтесь также господину и госпоже Римским-Корсаковым.

Было бы хорошо, если бы петербургские господа могли присутствовать на нашем музыкальном празднестве 3—6 мая...

Преданнейший Вам

К. Ридель.

111. М. А. Балакирев

Дорогой друг Александр Порфирьевич!

С величайшим удовольствием готов снабдить Вас партиями Вашей Симфонии, лишь бы только сыграли ее в Лейпциге, и конечно с тем, что Вы обязуетесь исправно представить их обратно в бесплатную школу, которой они и принадлежат [1]. Посылаю Вам партитуру и листочки с моими исправлениями [2]. Сообщите в Лейпциг, что партии расписаны с исправлениями.—Когда они, т. е. партии, Вам понадобятся, то адресуйтесь прямо к нашему секретарю Александру Ивановичу Попову (Литейная 46, кв. 10), который будет предупрежден.

Пользуюсь случаем переслать Вам партитуру и Clavierauszug Вашего G-dur'ного хора [3].

Крепко Вас целую

Ваш *М. Балакирев.*

17 Марта 1883.

112. Д. В. Стасов

Александр Порфирьевич, завтра в понедельник Рубинштейн [1] будет вечером у нас. Мы вас ждем.

В. В.

Д. Стасов.

20 Марта 1883.

113. В. В. Стасов и А. К. Глазунов

Публ. Б-ка
Суббота. 4 Июня [1883 г.][1]

Самсон[2] и я просим Вас на Понедельник вечер ко мне, Знаменская, № 22.

Можно?

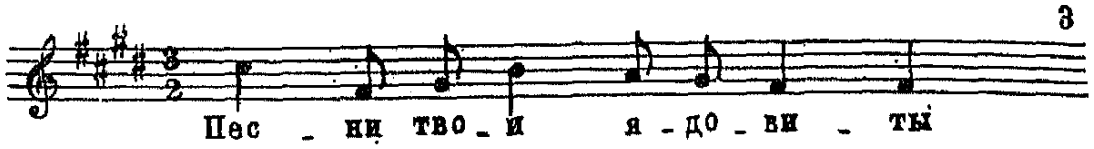
Мы будем только втроем.

В.

Ваш *А. Глазунов.*

Да нельзя ли ноты с Вами?

Самсон особенно просит Scherzo из Квартета D-dur.

114. Дирекция Петербургского отделения Русского музыкального общества

11 июня 1883 г.

Милостивый государь Александр Порфирьевич.

В квартетных собраниях С.-Петербургского отделения императорского Русского музыкального общества в текущем сезоне был исполнен Вашего сочинения квартет D-dur[1].

На основании утвержденного Дирекциею С. П. бургского отделения, 17 Октября 1879 г., положения о вознаграждении русских композиторов за исполнение их сочинений в означенных собраниях, Вам причитается авторский гонорар в размере пятидесяти рублей.

Сообщая о сем, Дирекция С. П. бургского отделения препровождает при сем означенную сумму и имеет честь покорнейше просить Вас в получении оной выдать квитанцию.

Председатель *К. Вильяминов.*

Директор *А. Климченко.*

Секретарь [подпись неразборчива].

115. Т. Жадуль

Vendredi, 2 Novembre [1883]

Monsieur,

Je n'ai pas le plaisir ni l'honneur de vous connaître que par vos compositions musicales, et j'ai une si grande admiration pour votre musique que je viens vous demander si je puis vous dedier une romance pour piano et chant, comme témoignage de cette admiration. Je suis musicien et je fais connaitre le plus possible, vos compositions, et celles de Cui et Rymsky-Korsakoff.

J'espère que l'on executera cet hiver, vos deux symphonies, qui sont certainement les deux plus belles, que l'on ait faites depuis Beethoven, et vôtre Steppen-Skizze.

Quant à vos romances, la Mer, est certainement la plus belle qui existe. Quel dommage qu'il n'y en ait pas davantage! Si vous saviez avec quel zèle je propage vôtre musique, et comme je l'aime, vous verriez, que vous n'avez pas d'admirateur plus fervent que moi. J'espère donc, Monsieur, que vous voudrez bien accepter la dédicace de ma composition et je vous prie de recevoir l'assurance de ma plus vive et plus sincère admiration.

T. Jadoul.

24 rue Trappé, à Liège, Belgique.

Пятница, 2 Ноября [1883 г. 21 октября ст. ст.][1].

Милостивый государь,

Я имею удовольствие знать Вас только по Вашим музыкальным произведениям, и в такой степени восхищен Вашей музыкой, что прошу Вас мне сообщить, могу ли я посвятить Вам, в знак своего восхищения, романс для пения с фортепьяно. Я — музыкант и делаю все возможное, чтобы распространять Вашу музыку, музыку Кюи и Римского-Корсакова. Я надеюсь, что этой зимой будут исполнены две Ваши симфонии — наиболее прекрасные из всех, написанных после Бетховена, и Ваш Степной эскиз[2].

Что же касается Ваших романсов, то «Море», конечно, — прекраснейший из всех, какие существуют. Как жаль, что их так немного! Если бы Вы знали, как я люблю Вашу музыку и с каким рвением я ее пропагандирую, то увидели бы, что у Вас нет почитателя более горячего, чем я. Итак, надеюсь, сударь, что Вы соизволите согласиться на посвящение моего сочинения и прошу Вас принять уверение в моем живейшем и искреннейшем восхищении.

Т. Жадуль.

24, улица Траппэ, в Льеже, Бельгия.

116. Ф. Лист и К. Гилле

[Около 15/3 декабря 1883 г.]

[Надпись на концертной программе третьего «Академического концерта» в Иене 10 декабря 1883 года; под подчеркнутым чернилами № 5 программы: 5) «Eine Steppenskizze aus Mittelasien» für Orchester (zum ersten Male) A. Borodin. — написано, рукою Ф. Листа, крайне неразборчиво:]

Soviel uns bekannt ist première in Deutschland, [....] Programm, [...] mit besten Grüssen von

F. Liszt.

Gillè. *

---

* Насколько нам известно, премьера в Германии, [...][1] программа, [...][1] с сердечным приветом от

Ф. Листа
Гилле.

117. В. В. Стасов

7 Дек. 83.

Александр Порфирьевич, податель сего — мой хороший знакомый, Евгений Иванович Аничков, Ваш бывший слушатель, и только что кончивший курс в Медицинской Академии.

У него есть большая просьба до Вас, и я не сомневаюсь, что Вы, как вечный благодетель студентов, поможете и этому, если Вам возможно будет.

Он сам расскажет, в чем дело.

Ваш всегда *В. С.*

118. Т. Жадуль

Vendredi 21 Décembre [1883]

Cher Monsieur

Votre lettre m'a profondément touché. Elle est tellement aimable et affectueuse que je ne puis assez vous en remercier. Vous recevrez, en même temps que cette missive, la mélodie dont vous avez bien voulu accepter la dédicace. Elle est encore manuscrite, mais dès qu'elle sera gravée, vous en recevrez un second exemplaire. Soyez bien indulgent, je vous prie, sur sa valeur musicale, et ne voyez dans cet hommage que l'intention, car je vous dirai bien humblement, que j'ai le don de la compréhension et de l'interprétation, mais pas celui de la composition, comme vous le verrez du reste. Je vous serai bien reconnaissant de me dire franchement ce que vous en pensez.

Il n'est pas de jour que nous ne jouiions ici vos symphonies et votre Steppen-skizze á 4 mains. J'ai des élèves, qui aiment vôtre musique autant que moi, si c'est possible, et qui chantent vos romances d'une facon ravissante. Celles de Cui, et de Rymsky-Korsakoff, sont certainement très belles aussi en général, mais je trouve les vôtres bien plus élevées et plus originales. Je regrette, de ne pas pouvoir par ecrit vous dire tout ce[que] je pense de vos oeuvres, ce serait trop long. Quant à changer d'idée, je ne sais pas quel est l'auteur qui pourrait détrôner chez moi la royauté que je vous accorde, il est encore à venir. Oserai-je maintenant vous prier de m'envoyer vôtre photographie avec un mot de vous, ce serait pour moi un plaisir dont je vous serai reconnaissant toute ma vie. Au revoir mon cher Monsieur, et à bientôt j'espère le plaisir de recevoir de vos nouvelles. Dès que l'on exécu-

tera une de vos oeuvres en public, je vous écrirai quelle est l'impression qu'elle aura produite.

Votre bien affectionné et dévoué

T. Jadoul.

24 rue Trappé Liège — Belgique.

P. S. Dès qu'il paraitra une nouvelle oeuvre de vous, faites le moi savoir je vous en prie.

Пятница 21 декабря [1883 г.][1]
[9 декабря ст. ст.]

Милостивый государь,

Ваше письмо меня глубоко тронуло[2]. Оно — такое любезное и сердечное, что я не знаю как Вас благодарить за него. Одновременно с этим письмом Вы получите пьесу, посвящение которой Вы соизволили принять[3]. Она пока еще — в рукописи, но как только ее награвируют, Вы получите второй ее экземпляр. Будьте, пожалуйста, снисходительны к ее оценке как музыкальной вещи и рассматривайте этот знак уважения только как [благое] намерение, ибо я должен смиренно признаться, что у меня есть дар понимания и интерпретации, но нет творческого дара: впрочем Вы это увидите. Я буду вам очень признателен, если Вы откровенно скажете то, что о ней думаете.

Не проходит дня, чтобы мы не сыграли здесь Ваши симфонии и Ваш «Степной эскиз» в 4 руки. У меня есть ученики, любящие Вашу музыку не менее меня (если это возможно), и они восхитительно поют Ваши романсы. Романсы Кюи и Римского-Корсакова, конечно, в общем тоже очень красивы, но Ваши мне кажутся более возвышенными и оригинальными. К сожалению, я не могу Вам высказать письменно все, что думаю о ваших сочинениях: это заняло бы слишком много места. Что до изменения моих взглядов, то я не знаю автора, который мог бы свергнуть Вас с возведенного мною Вам королевского престола — такого автора еще нет. Не будет ли теперь слишком смело с моей стороны попросить Вас прислать мне Вашу фотографию с собственноручной надписью: это будет для меня таким удовольствием, за которое я буду Вам благодарен на протяжении всей своей жизни. До свидания, милостивый государь, я надеюсь вскоре иметь удовольствие получить от Вас известие. Как только состоится публичное исполнение какого-либо из Ваших сочинений, я сообщу Вам о произведенном им впечатлении.

Сердечно Вам преданный

Т. Жадуль.

24, улица Траппэ, Льеж—Бельгия.

P. S. Извещайте меня, пожалуйста, о выходе в свет каждого Вашего нового сочинения.

119. Э. Штраус

Wien, 27 Dec. (Kathol.) 1883

Hochgeehrter Herr und Freund!

Ich erlaube mir Ihnen mit diesen Zeilen den Beweis zu [...] bringen, dass ich mein Versprechen gehalten habe.

Ich habe die Steppenskizze (wie Sie aus der Beilage [...] ersehen werden) am 16. Dec. im grossen Musikvereinssaale bei

meinem gewöhnlichen Sonntags-Concert aufgeführt. Wenn auch die Melodie des Ganzen, wie insbesonders das engl. Horn etwas befremdend dem Ohr des Wiener-Publicums klang, so wirkte doch die treffliche Instrumentation des Ganzes so, dass die Pièce zur Wiederhohlung gelangte. Mit der Einstudierung gab ich mir viele Mühe, und das Publikum urtheilte es hätte gerade auch das Colorit der Aufführung sich besonders veranlasst gefunden, eine Wiederhohlung zu begehren. Ich revilire nur — was man mir sagte.

Nach dem Carneval werde ich Sie um einige Sachen angehen welche mir von einem musikalischen Russen besonders anempfohlen wurden. Jetzt fehlt mir alle Zeit, da ich schon an den Carnevals-Compositionen arbeite. Mit freundlichsten Empfehlungen an Ihre Frau Gemahlin, zeichnet [sich] mit wärmsten Hochschätzung und bestem Gruss

Ihr *E. Strauss.*

P. S. Meine Söhne haben sich die Steppenskizze für 4 Hände von Kistner kommen lassen.

Вена 27 дек. (н. ст.) 1883.
[15 декабря ст. ст.]

Глубокоуважаемый господин и друг!

Позволяю себе в этих строках представить Вам доказательство, что я сдержал свое обещание.

Я исполнил «Степной эскиз» (как Вы можете видеть из приложения) 16 дек. в большом зале Музыкального союза на одном из моих обычных воскресных концертов. Хотя мелодия вообще, и английский рожок — в частности, звучала несколько необычно для ушей венской публики, но превосходная инструментовка всей вещи подействовала так, что пьесу потребовали повторить. Я много возился с разучиванием, и публика нашла, что самый колорит исполнения побудил ее требовать повторения. Я только передаю то, что мне было сказано.

После карнавала я обращусь к Вам по поводу некоторых музыкальных произведений, которые мне были рекомендованы одним русским музыкантом. Теперь у меня совсем нет времени, так как я уже работаю над музыкой для карнавала. С дружеским поклоном Вашей супруге горячо и глубоко Вас ценя и посылая Вам сердечный привет подписывается

Ваш *Э. Штраус.*

P. S. Мои сыновья выписали себе от Кистнера[1] 4-ручное переложение «Степного эскиза».

120. Л. Ауэр

Den 5. Januar 1884.

Sehr geehrter Herr Professor,

im nächsten Symphonie Concert wird Ihre Es-dur Symphonie gemacht. —

Es wäre mir lieb wenn Sie mir vor der ersten Probe (9 Januar um 9 Uhr Morgens) Ihre diesbezüglichen Wünsche bekannt haben würden. Ich bin Freitag Abend von 7 Uhr, Sonnabend bis 1 Uhr Vormittag und Sonntag Abend von 7—8 Uhr zu Ihrer Disposition.—

Mit bestem Gruss Ihr

L. Auer.

5 Января 1884.

Многоуважаемый господин профессор,

в ближайшем симфоническом концерте будет исполнена Ваша симфония Es-dur [1].—

Мне было бы приятно, если б Вы сообщили Ваши пожелания по этому поводу до первой репетиции (9 января, в 9 часов утра). Я — в Вашем распоряжении в пятницу вечером от 7 часов, в субботу утром до 1 часу и в воскресенье вечером от 7—8 часов.

С сердечным приветом Ваш

Л. Ауэр.

121. Т. Жадуль

Monsieur,

Vous trouverez ci-joint le programme d'un concert, où j'ai fait exécuter votre Steppen-Skizze, qui a obtenu un très grand succès, et je vous remercie en même temps de vôtre amabilité à mon égard. Recevez je vous prie, Monsieur, mes salutations les plus cordiales.

T. Jadoul.

24 rue Trappé, Liège.

[Март ст. ст. 1884 г.] [1]

Милостивый государь

Вы найдете в приложении программу концерта, в котором я устроил исполнение Вашего «Степного эскиза» [2], имевшего очень большой успех; в то же время я благодарю Вас за любезность по отношению ко мне. Примите, пожалуйста, сударь, мои самые сердечные приветствия.

Т. Жадуль.

24, улица Траппэ, Льеж.

122. Е. П. Глазунова

Многоуважаемый Александр Порфирьевич!

Прошу Вас пожаловать к нам запросто после репетиции [1] завтрашний вечер — чайку напиться и закусить.

Готовая к услугам *Елена Глазунова.*

Понедельник
26 Марта
1884.

123. Т. Жадуль

Liège 12 Mai 1884.

Mon cher Monsieur Borodine,

Je suis au désespoir; je n'ai recu ni vôtre photographie ni la lettre l'accompagnant que devait me remettre Monsieur Stein. Comment se fait-il que ce Monsieur ne se soit pas acquitté de cette chose la. Il y a plus de trois mois que je vous ai envoyé ma romance manuscrite, en vous priant de me dire ce que vous en pensiez, et depuis lors je n'ai plus eu de vos nouvelles. J'espère que vous l'avez recue, et je viens vous prier de bien vouloir me dire si elle vous est parvenue, et si vous l'avez trouvée passable. Je vais aller me faire rephotographier, et je vous enverrai mon portrait dès qu'il sera [pret car] je n'en ai plus pour le moment. Envoyez moi le vôtre avec un petit mot dans vôtre réponse, je vous en supplie, car vous ne vous doutez pas du plaisir que cela me fera. J'ai préféré faire exécuter d'abord vôtre Steppen-Skizze, avant d'entreprendre les symphonies, pour donner au public un avant-goût de vôtre musique et l'amener à mieux apprécier ces oeuvres, qui demandent de la part de l'auditeur une intelligence musicale assez dévéloppée, c'etait plus prudent je crois.

Vous seriez bien aimable aussi de me dire si vous n'avez plus rien composé depuis, et ou je pourrai me procurer ce qui est paru de nouveau de vous, car j'adore votre musique. Pour moi c'est l'idéal dans l'art, elle réunit tout au suprême degré. Répondez moi tout de suite n'est-ce pas, et recevez mes salutations les plus affectueuses.

T. Jadoul.

24 rue Trappé Liège (Belgique)

Льеж 12 мая 1884
[30 апреля ст. ст.]

Дорогой мой господин Бородин,

Я — в отчаянии; я не получил ни Вашей фотографии, ни письма, к ней приложенного, которое мне должен был передать господин Штейн [1]. Как могло случиться, что этот господин не выполнил этого? Я послал Вам свой рукописный романс более трех месяцев тому назад, с просьбой сказать мне, что Вы о нем думаете, и с тех пор я не имею от Вас известий. Я надеюсь, что Вы его получили, и прошу Вас не отказать в любезности мне сообщить, дошел ли он до Вас, и находите ли Вы его сносным. Я сфотографируюсь вновь и пришлю Вам свой портрет, как только он будет готов: в настоящее время у меня его не имеется. Умоляю Вас, пришлите мне Вашу фотографию с небольшой надписью; Вы не представляете себе, какое удовольствие Вы мне этим доставите. Я предпочел устроить исполнение Вашего «Степного эскиза» [2] ранее исполнения симфоний, чтобы дать публике некоторое предвкушение Вашей музыки и, тем самым, дать ей возможность лучше оценить эти про-

изведения, требующие от слушателя довольно высокой музыкальной интеллигентности; мне кажется, что это было благоразумно.

Вы были бы также весьма любезны, если бы сообщили мне, не сочинили ли Вы еще что-нибудь, и где я могу достать Ваши новые вещи; я обожаю Вашу музыку. Для меня — это идеал в искусстве, в ней соединяется все прекрасное в высшей степени. Вы сразу же ответите мне: не так ли? и примите мои самые сердечные приветствия.

Т. Жадуль.

24, улица Траппэ Льеж (Бельгия).

124. Т. Жадуль

Mon cher Monsieur Borodine,

J'éspère que vous aurez reçu ma lettre, et que d'ici à quelques jours vous voudrez bien m'envoyer vôtre photographie avec les quelques renseignements que je vous ai demandé relatifs à vos compositions. Je vous enverrai mon portrait d'ici á quelques jours aussi, et j'espère qu'il vous parviendra puisque j'ai vôtre adresse maintenant.

Serait-ce abuser de vôtre complaisance de vous demander, si dans la nouvelle école russe il n'y a pas de jeunes compositeurs de valeur, dont les productions mériteraient d'être connues. Vous seriez bien aimable de me faire savoir leurs noms, et ce qui existe d'eux, pour piano à 2 et à 4 mains, et pour piano et chant. On m'a parlé d'un nommé Glazounoff, ou Glasimoff, je ne sais pas au juste son nom, comme ayant quelque valeur. Je vous dirai que depuis que je connais la nouvelle école russe, je la trouve tellement supérieure aux autres que je n'aime plus que cette musique là. Et comme maintenant j'ai toutes vos oeuvres, ainsi que celles de Cui et de Rymsky-Korsakoff, je ne sais plus que jouer. Si même les oeuvres des jeunes auteurs que vous me renseignerez, n'etaient pas tout à fait remarquables, je vous serai quand même reconnaissant de bien vouloir me les indiquer. Merci donc à l'avance pour l'ennui que je vous donne, et en attendant vôtre réponse avec la plus grande impatience je vous prie de recevoir mes salutations les plus affectueuses. Je ne désespère pas d'aller un jour à S-t Pétersburg et d'avoir le bonheur de faire vôtre connaissance. En tous cas, si vous veniez en Belgique, ne manquez pas de me le faire savoir, j'irai vous voir. Au revoir, et merci encore une fois.

Vôtre bien dévoué admirateur

T. Jadoul.

24 rue Trappé Liège (Belgique)

Vendredi 16 Mai [1884].

P. S. Si vous vouliez bien dans vôtre reponse me donner l'adresse de Monsieur Stein, je lui écrirai pour savoir ce qu'il

à fait de la lettre et du portrait qu'il devait me remettre de vôtre part.

J'espère faire exécuter bientôt vos symphonies.

Дорогой мой господин Бородин,

Я надеюсь, что Вы получили мое письмо и что Вы через несколько дней соизволите послать мне Вашу фотографию и те справки о Ваших сочинениях, которые я просил у Вас. Я Вам тоже пошлю свой портрет через несколько дней и надеюсь, что он до Вас дойдет, так как у меня теперь есть Ваш адрес.

Не злоупотреблю ли я Вашей любезностью, если спрошу, имеются ли в новой русской школе молодые композиторы настолько значительные, что их сочинения заслуживали бы быть известными. Вы были бы очень любезны, если бы сообщили мне их имена и их произведения для фортепьяно в 2 и в 4 руки и для пения с фортепьяно. Мне говорили об одном из них по имени Глазунов или Глазимов — не знаю точно его фамилию — как о довольно значительном. Я должен Вам сказать, что, с тех пор как я узнал новую русскую школу, я нахожу ее стоящей настолько выше других, что люблю теперь только ее музыку. Зная теперь все Ваши произведения, сочинения Кюи и Римского-Корсакова, я не представляю, что еще играть. Если бы даже произведения молодых авторов, на которых Вы мне укажете, и не оказались особенно значительными, я все же буду Вам благодарен за сообщение о них. Заранее Вас благодарю за хлопоты; ожидая с величайшим нетерпением Вашего ответа, я прошу Вас принять мои самые сердечные приветствия. Я не теряю надежды поехать когда-нибудь в С.-Петербург и иметь счастье познакомиться с Вами. Во всяком случае, если Вы приедете в Бельгию, не забудьте мне об этом дать знать — я Вас повидаю. До свиданья, и еще раз спасибо.

Ваш преданный почитатель

Т. Жадуль.

24, улица Траппэ Льеж (Бельгия).
Пятница 16 мая [1884 г.[1] 4 мая ст. ст.]

P. S. Если бы Вы изволили мне сообщить в своем ответе адрес господина Штейна, то я написал бы ему, чтобы узнать, что он сделал с письмом и портретом, которые должен был мне передать от Вас.

Я надеюсь вскоре устроить исполнение ваших симфоний.

125. Т. Жадуль

Mon cher Monsieur Borodine,

Je me propose de donner l'hiver prochain un concert de musique russe à Liège, et voici mon projet de programme pour ce concert.

Première partie

1. Tarantelle de Cui.
2. Danses de l'opéra «Le prisonnier du Caucase», №-os I et 2 de Cui.
3. Fantaisie Serbe de Rymsky-Korsakoff.

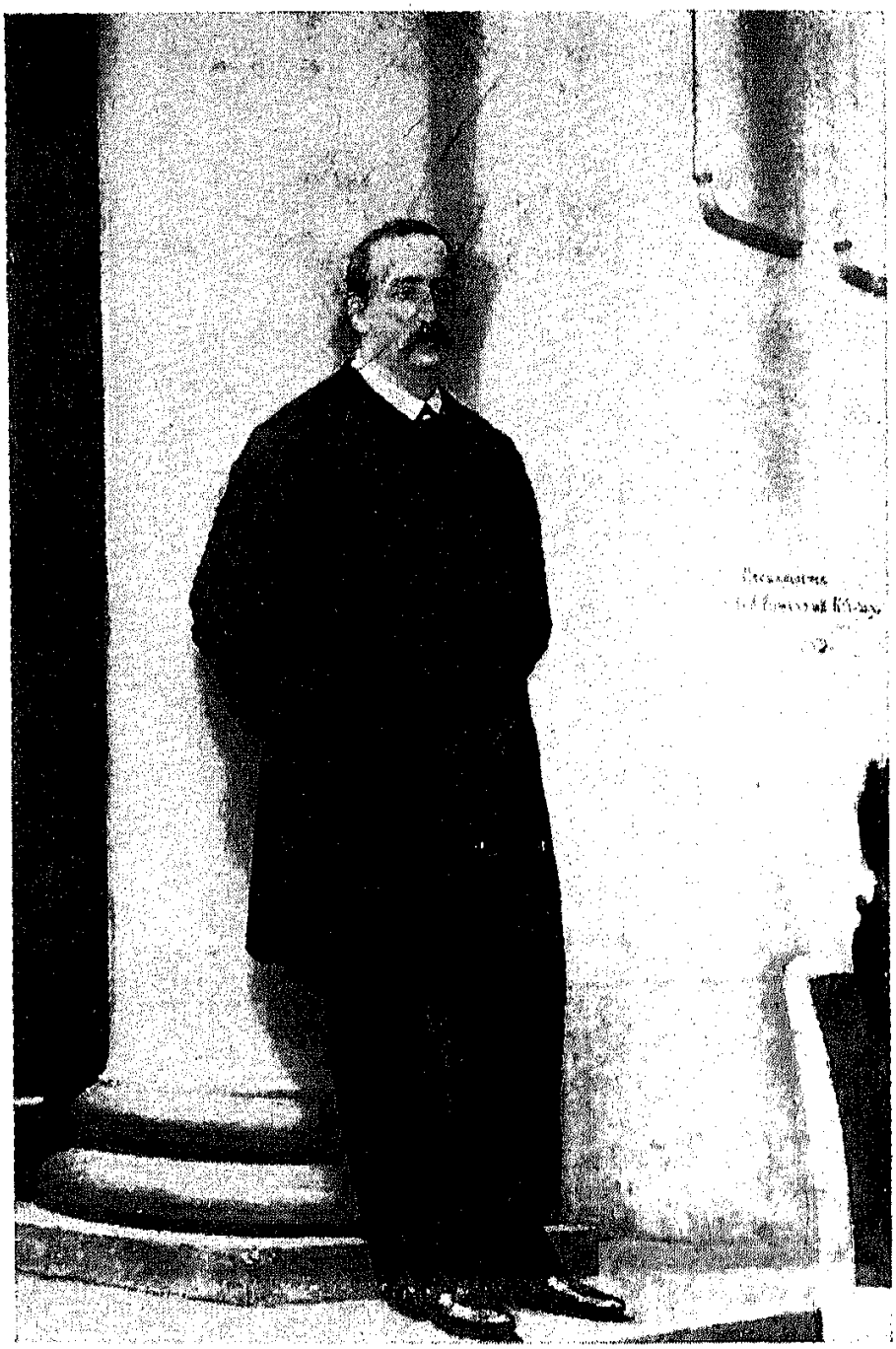
Seconde partie

1. Symphonie № 2 en si mineur de Borodine.

ЛУИЗА ДЕ МЕРСИ-АРЖАНТО

С фотографии 80-х годов, подаренной Н. А. Римскому-Корсакову

Портрет А. П. Бородина
Написан И. Е. Репиным в 1888 году

Comme l'achat de ces musiques me coûterait un argent fou, croyez vous que les auteurs de ces oeuvres, ou les éditeurs, ne me prêteraient pas les partitions et les parties d'orchestre, que je leur renverrai immediatement après le concert.

Les frais d'orchestre sont déjà si grands, que si je devais encore acheter toutes ces oeuvres, il me serait absolument impossible de donner ce concert. Vous voyez que je suis dévoué corps et âme à la nouvelle école russe, et que je travaille sans cesse pour elle.

Je n'ai pas encore reçu vôtre photographie et j'espère l'avoir bien vite.

Je vous demande pardon de tout l'ennui que je vous donne, et en attendant le plaisir d'avoir de vos nouvelles, je vous prie de me croire vôtre bien sincère et dévoué admirateur.

T. Jadoul.

24 rue Trappé, Liège, Belgique.
Vendredi 23 Mai [1884].

Дорогой мой господин Бородин,

Я предполагаю дать будущей зимой концерт русской музыки в Льеже и — вот мой проект программы этого концерта.

Первое отделение

1. Тарантелла Кюи.
2. Танцы из оперы «Кавказский пленник» № 1 и 2 Кюи.
3. Сербская фантазия Римского-Корсакова.

Второе отделение

1. Симфония № 2 си минор Бородина.

Ввиду того, что приобретение нотного материала стоило бы мне безумных денег, не думаете ли Вы, что авторы или издатели могли бы мне одолжить партитуры и оркестровые партии? Я возвращу их немедленно после концерта. Плата оркестру уже настолько велика, что, если бы мне пришлось покупать все эти произведения, то оказалось бы совершенно невозможным дать этот концерт. Вы видите, что я предан телом и душой новой русской школе и что я непрестанно тружусь для нее.

Я еще не получил вашей фотографии и надеюсь ее иметь в самом непродолжительном времени.

Прошу извинения за все причиненное мною Вам беспокойство и, в ожидании удовольствия получить от Вас известие, прошу Вас верить, что я — Ваш вполне искренний и преданный почитатель.

Т. Жадуль.

24, улица Траппэ, Льеж, Бельгия.
Пятница 23 Мая [1884 г.] 11 мая ст. ст.]

126. Т. Жадуль

Mon cher Monsieur Borodine,

Merci mille fois pour votre portrait, il m'a fait un plaisir immense. Je vais le placer sur mon piano au milieu d'autres célébrités musicales, et j'en suis vraiment très fier. Vous rece-

vrez le mien d'ici à quelque temps dès qu'il sera fait. Je suis enchanté de vôtre appréciation sur ma petite production, et je suis on ne peut plus content qu'elle vous ait plu. Quand dans l'avenir il paraîtra quelque chose de vous, ne manquez pas je vous en prie de me le faire savoir. Au revoir donc mon cher Monsieur, et recevez je vous prie avec tous mes remerciements pour vôtre amabilité à mon égard, mes salutations les plus affectueuses.

Votre bien devoué admirateur
T. Jadoul.

24 rue Trappé Liège (Belgique)
Lundi

[Конец мая — начало июня 1884 г.][1]

Дорогой мой господин Бородин,

Тысячу благодарностей за Ваш портрет, он доставил мне огромное удовольствие. Я его поставлю на свое фортепьяно среди других музыкальных знаменитостей; я искренне им горжусь. Вы получите мою карточку через некоторое время: как только она будет готова. Я — в восторге от Вашей оценки моего маленького произведения, и крайне доволен, что оно Вам понравилось[2]. Когда, в будущем, выйдет в свет что-либо из Ваших произведений,— не забудьте, пожалуйста, мне об этом сообщить. Итак до свиданья, дорогой мой господин; примите, пожалуйста, вместе с моей глубокой благодарностью за Вашу ко мне любезность,—мои самые сердечные приветствия.

Ваш истинно преданный почитатель
Т. Жадуль.

24 улица Траппэ, Льеж (Бельгия).
Понедельник.

127. Т. Жадуль

Mon cher Monsieur Borodine,

Voici enfin ma photographie, mais malheureusement elle n'est pas très réussie. Dès que j'en aurai une meilleure, je vous l'enverrai. Je me réjouis de faire la connaissance de vôtre quatuor et je vous serai très reconnaissant de me faire savoir quand il sera paru. Je profite de l'occasion pour vous dire que j'aime vos symphonies de plus en plus, ce sont deux vraies merveilles, de science, de grandeur, d'originalité et de l'inspiration la plus élevée. Ce sont je vous le repète, pour moi, avec quelques unes de Beethowen les plus belles que l'on ait faites. Veuillez je vous prie pour ma tranquillité m'accuser réception de cette lettre, et croyez-moi, vôtre sincère et affectueux admirateur.

24 rue Trappé, Liège, Belgique.

T. Jadoul.

P. S. J'attends toujours vôtre réponse relative aux renseignements que je vous ai demandés.

[Начало июня 1884 г.][1]

Дорогой мой господин Бородин,

Вот, наконец, моя фотография, к несчастью, — не особенно удачная. Как только у меня будет фотография получше, я ее Вам пришлю. Я радуюсь предстоящему ознакомлению с Вашим квартетом[2] и буду Вам очень благодарен за извещение о его выходе в свет. Пользуюсь случаем сказать Вам, что я все более и более люблю Ваши симфонии: это два настоящих чуда мастерства, величия, оригинальности и самого возвышенного вдохновения. Для меня, повторяю, они, наряду с некоторыми симфониями Бетховена — прекраснейшие из всех, какие были созданы. Известите меня, пожалуйста, для моего успокоения, о получении этого письма и верьте, что я — Ваш искренний и сердечный почитатель.

Т. Жадуль.

24 улица Траппэ, Льеж, Бельгия.

P. S. Я все еще жду Вашего ответа относительно тех сведений, которые я у Вас просил.

128. Т. Жадуль

Cher Monsieur Borodine,

Merci mille fois pour vôtre charmante lettre, elle m'a fait un plaisir immense; Vous m'enverrez donc à vôtre retour à St. Pétersbourg la partition et les parties séparées de vôtre admirable symphonie, je vous en remerçie bien sincèrement. Depuis ma dernière lettre, j'ai vu à Liège et à Argenteau M-r Bessel et je l'ai prié de graver ma mélodie. Il m'a promis de le faire, et je crois qu'il vous demandera de bien vouloir en faire une traduction en russe avant de la publier pour qu'elle ait plus de chance d'être vendue. Nous avons beaucoup parlé de vous, et je lui ai bien recommandé de vous dire tout ce que je pense de vos oeuvres. Vous ne vous figurez pas combien je suis touché et enchanté, que vous vouliez bien me dédier un morceau, c'est réellement trop aimable, j'en suis confus. Comme je me réjouis de le recevoir, ce sera certainement une des plus grandes émotions de ma vie. N'oubliez pas je vous prie de me faire savoir quand vôtre quatuor dont vous m'aviez parlé dernièrement sera paru, je le ferai venir tout de suite. Au revoir mon cher Monsieur Borodine, et merci encore pour tout ce que vous voulez bien faire pour moi. J'espére que le concert que nous donnerons cet hiver réussira, et je m'empresserai de vous faire savoir quel aura été le résultat de notre entreprise.

Je vous serre la main de tout coeur.

T. Jadoul.

Samedi 27 [Juin 1884].

P. S. Je crois qu'il me faudra 4 parties de 1-ers, 2-ds violons, altos, violoncelles et contrebasses.

Дорогой господин Бородин,

Тысячу благодарностей за Ваше прелестное письмо [1]; оно мне доставило огромное удовольствие. Итак, после Вашего возвращения в Петербург, Вы мне вышлете партитуру и отдельные партии Вашей чудесной симфонии; искренне Вас за это благодарю. После моего последнего письма я видел в Льеже и в Аржанто г-на Бесселя и просил его награвировать мой романс. Он мне обещал это сделать, и мне кажется, что он попросит Вас сделать русский перевод до опубликования этого сочинения, чтобы оно имело больше шансов быть проданным. Мы много говорили о Вас, и я настоятельно его просил рассказать Вам все, что я думаю о Ваших произведениях. Вы не можете себе представить, как я тронут и очарован Вашим желанием посвятить мне пьесу [2]; это, право, уж слишком любезно: я смущен этим. Как я радуюсь предстоящему получению этой вещи: это будет воистину один из наиболее волнующих моментов моей жизни. Не забудьте, пожалуйста, дать мне знать о выходе в свет Вашего квартета, о котором Вы недавно мне писали; я тотчас же его выпишу. До свидания, дорогой мой господин Бородин; еще раз спасибо за все то, что Вы хотите для меня сделать. Надеюсь, что концерт, который мы дадим будущей зимой, будет удачен, я поспешу дать Вам знать о результате нашего предприятия. Жму Вам руку от всего сердца.

Т. Жадуль.

Суббота [sic] 27 [Июня 1884 [3]; 15 июня ст. ст.]

P. S. Я думаю, что мне понадобятся по 4 партии 1-х, 2-х скрипок, альтов, виолончелей и контрабасов.

129. Т. Жадуль

Mon cher Monsieur Borodine,

Je vous remercie infiniment des bons renseignements que vous avez bien voulu m'envoyer et je vous en suis très reconnaissant. Je viens de lire avec la Comtesse de Mercy-Argenteau, le quatuor de Glasounow, à 4 mains, et je le trouve très beau. Balakireff et Liadow me plaisent médiocrement, et Stcherbatschoff aussi, je les connaissais. Ce sont certainement de très bons musiciens, mais ils manquent d'originalité naturelle, chez eux c'est une originalité forcée. La Comtesse de Mercy-Argenteau est une des femmes les plus accomplies qu'on puisse rêver. Elle adore vôtre musique et remue ciel et terre pour la faire connaître l'hiver prochain à Paris. C'est une musicienne de premier ordre. Elle appartient comme nom, à une des premieres noblesses de l'Europe, et est par dessus le marché d'une beauté remarquable. Elle m'a écrit ce matin en me disant qu'elle venait de recevoir une lettre de vous. Nous faisons de la musique ensemble depuis quinze ans au moins. Vous allez peut être me trouver bien audacieux de ne pas être tout à fait de vôtre avis quant à vôtre symphonie en mi ♭. Le scherzo et le finale à mon avis sont certainement susceptibles de plaire au public. Mais la première partie je crois, et l'andante sont trop au dessus de niveau intellectuel ordinaire, surtout la première partie, pour avoir des chances

de succès. Tandis que la seconde en si mineur quoique aussi savante, à une couleur plus saisissante, et l'andante et le finale sont je crois d'un effet irrésistible. En tous les cas je m'en rapporte à vous, bien entendu et je ferai exécuter celle que vous m'enverrez. Si vous aviez la bonté de me faire expédier la partition d'orchestre afin que je puisse l'étudier à fond, vous me feriez grand plaisir, et je m'engage à en avoir le plus grand soin. Je vous la renverrai sitôt le concert donné. Ne faites donc pas attention aux petites obcervations que je vous ai faites et envoyez moi celle que vous voudrez. Elles sont du reste dans leur genre aussi belles l'une que l'autre. Voilà mon cher Monsieur Borodine, tout ce que j'ai à vous dire pour le moment. J'attends toujours l'apparition d'une oeuvre nouvelle de vous, avec la plus vive impatience. Ne m'oubliez pas je vous en prie, et sâchez que vous avez en Belgique un admirateur passionné et un ami dévoué

T. Jadoul.

24 rue Trappé, Liège, Belgique.
Mardi

[Вторник 22/10 сентября 1884 г.][1]

Дорогой мой господин Бородин,

Я бесконечно Вам благодарен за обстоятельные сведения, которые Вы мне любезно сообщили; большое Вам за них спасибо. Я только что проиграл в 4 руки с графиней де Мерси-Аржанто[2] квартет Глазунова[3] и нахожу его очень красивым. Балакирев и Лядов мне не особенно нравятся, а равно и Щербачев; они мне были известны. Это, конечно, прекрасные музыканты, но им не хватает естественной оригинальности: их оригинальность — деланная. Графиня де Мерси-Аржанто — одна из наиболее совершенных женщин, каких можно себе вообразить. Она обожает Вашу музыку и, чтобы ознакомить с нею Париж будущей зимою, — готова перевернуть небо и землю. Это — музыкантша первого сорта. Она принадлежит, по своему происхождению, к цвету европейской аристократии и, сверх того — выдающаяся красавица. Сегодня утром она мне написала, что только что получила от Вас письмо. Мы с нею занимаемся музыкой вместе на протяжении, по крайней мере, пятнадцати лет. Быть может, Вы найдете слишком смелым с моей стороны то, что я не совсем разделяю Ваше мнение о Вашей симфонии в *ми-бемоль*. Скерцо и финал вполне могут нравиться публике, но, как мне кажется, первая часть и анданте слишком возвышаются над средним уровнем восприятия, особенно первая часть,—чтобы иметь шансы на успех. Напротив, вторая симфония, в си минор, хотя она также исполнена музыкальной учености, имеет более захватывающий характер, и ее анданте и финал производят, как мне кажется, неотразимое впечатление. Во всяком случае, я, разумеется, предоставляю Вам решить этот вопрос и исполню ту симфонию, которую Вы мне пришлете. Вы доставили бы мне большое удовольствие присылкой партитуры, чтобы я имел возможность основательно изучить ее; я обязуюсь беречь ее с величайшей заботливостью. После концерта я тотчас же возвращу ее Вам. Не обращайте же внимания на сделанные мною маленькие замечания и пошлите мне ту симфонию, какую захотите. В конце концов, они обе одинаково прекрасны, каждая в своем роде. Вот все, что я хотел Вам сказать в данный момент, дорогой мой господин Бородин. Я все еще ожидаю с большим нетерпением выхо-

да в свет какого-нибудь Вашего нового сочинения. Не забывайте меня, пожалуйста, и знайте, что у Вас есть в Бельгии горячий почитатель и преданный друг

Т. Жадуль.

24 улица Траппэ, Льеж.
Вторник.

130. Т. Жадуль

Mon cher Monsieur Borodine,

Réflexions faites, envoyez-moi la partition et les parties de la symphonie en mi ♭. Quand on la connaîtra, nous jouerons celle en si mineur. Du reste elles sont aussi admirables l'une que l'autre. Comme vous devez être heureux d'avoir un génie musical aussi immense. C'est la plus grande jouissance qu'un homme puisse éprouver. La Comtesse de Mercy-Argenteau a fait traduire More en français et la traduction est admirablement réussie. Elle fera chanter cet hiver cette admirable mélodie par les plus grands artistes de Paris. Vous voyez que nous n'y allons pas de main morte, et que vous n'avez pas d'admirateurs plus chaleureux que nous. Quand vous aurez un moment de loisir faites je vous en prie une mélodie ou un morceau de piano quelque courts qu'ils soient pour moi, j'en serai fier comme d'un titre de noblesse. Ne fussent-ils que d'une page ou deux ils n'en porteront pas moins la marque de votre génie, et ce serait pour moi un honneur et un souvenir ineffaçables. Au revoir donc mon cher Monsieur Borodine, et pardon de vous ennuyer aussi souvent. J'espère donc avoir bientôt de vos nouvelles et croyez-moi vôtre sincère et dévoué admirateur et ami.

T. Jadoul.

24 rue Trappé, Liège, (Belgique)
Jeudi

[Октябрь 1884 г.][1]

Дорогой мой господин Бородин,

После размышления, я прошу Вас прислать мне партитуру и оркестровые партии симфонии в *ми-бемоль*. Когда она станет известной, мы сыграем и симфонию в си минор. В конце концов, обе они — одинаково восхитительны. Какое должны Вы испытывать счастье, обладая таким громадным музыкальным гением. Это самое большое наслаждение, какое может испытывать человек. Графиня де Мерси-Аржанто заставила перевести «Море»[2] на французский язык, и перевод оказался удивительно удачным. По ее желанию эта вещь будет исполнена будущей зимой крупнейшими парижскими певцами. Вы видите, что мы не сидим сложа руки и что у Вас нет более горячих почитателей, чем мы. Пожалуйста, в свободную минуту, сочините для меня романс или фортепьянную пьесу, хотя бы самую коротенькую; я стану этим так гордиться, как если бы получил дворянскую грамоту. Будь эта пьеса в одну или две страницы, она все равно будет отмечена печатью Вашего гения; это было бы для меня не-

забываемой честью, незабываемым воспоминанием. До свиданья же, дорогой мой господин Бородин; простите, что я Вас часто беспокою. Надеюсь скоро получить от Вас известие. Верьте, что я — Ваш искренний и преданный почитатель и друг.

Т. Жадуль.

24 улица Траппэ, Льеж (Бельгия).
Четверг.

131. Т. Жадуль

Cher Monsieur Borodine,

Merci de tout coeur pour vôtre aimable envoi de la partition et des parties d'orchestre de vôtre symphonie, et croyez à toute ma reconnaissance. Comme je la dirigerai moi-même, je vous promets que j'en soignerai l'exécution on ne peut mieux. Je ferai exécuter à ce concert composé exclusivement que de musique de l'école russe, vôtre symphonie donc, vôtre Steppen-Skizze, et More chantée par un baryton amateur, très bon musicien et possédant une voix magnifique. J'espère que ces oeuvres auront le succès qu'elles méritent, et je m'empresserai de vous faire connaître le résultat. Nous avons fondé à Liège un cercle de propagande composé d'amateurs ayant nos gouts et qui peuvent en amener d'autres qu'ils croient susceptibles de gouter les oeuvres que nous exécutons. Nous nous réunissons le soir une fois par semaine et nous exécutons toutes les oeuvres de l'école russe. Grâce à nôtre zêle, nous faisons beaucoup d'adeptes, et je puis vous certifier qu'avant peu cette admirable musique fera son chemin.

Le directeur du conservatoire de Verviers (Belgique) est venu nous entendre sur nôtre invitation, et il a été tellement enthousiasmé de ce qu'il a entendu, qu'il fait exécuter mercredi prochain vôrte première symphonie à Verviers. Nous irons tous l'entendre. Voilà mon cher Monsieur Borodine toutes les bonnes nouvelles que j'ai à vous annoncer. Vous savez que vôtre Steppen-Skizze a été exécutée à Paris Dimanche avec un grand succès, j'en suis ravi. Ne pourriez vous pas à l'occasion demander pour moi à Rymsky-Korsakoff, et à Glazounoff, leur photographie, vous me feriez un plaisir immense, j'ai la vôtre, celle de Cui, et pas les autres, je désirerais donc beaucoup vous avoir tous. Y penserez-vous, vous seriez tout à fait aimable. N'oubliez pas non plus je vous prie, le morceau que vous voudrez bien me dédier, je l'attends comme bien vous pensez, avec une bien grande impatience. Au revoir cher Monsieur Borodine, et pardon de tous les ennuis que je vous cause.

Bien à vous

T. Jadoul.

Samedi, 25 Octobre [1884]

Дорогой господин Бородин,

Сердечное спасибо за любезную присылку партитуры и оркестровых партий Вашей симфонии [1]; поверьте моей истинной признательности. Так как я буду дирижировать сам, могу Вам обещать позаботиться о самом лучшем исполнении симфонии, какое только возможно. В концерте, посвященном исключительно произведениям русской школы, я исполню Вашу симфонию, Ваш «Степной эскиз» и «Море», которое будет петь баритон-любитель — очень хороший музыкант, обладающий великолепным голосом. Я надеюсь, что эти произведения будут иметь успех, который они заслуживают; я поспешу Вас известить о результате. Мы основали в Льеже кружок пропаганды, составленный из любителей, разделяющих наши взгляды и могущих привлечь еще таких лиц, каких они найдут способными оценить исполняемые нами вещи. Мы собираемся раз в неделю, по вечерам, и исполняем произведения русской школы. Благодаря нашей энергии мы нашли себе много сторонников, и я могу Вас заверить, что в скором времени эта чудесная музыка завоюет широкое признание.

Директор консерватории в Вервье (Бельгия) по нашему приглашению слушал нас и пришел в такой восторг от слышанного, что в ближайшую среду устроит исполнение Вашей первой симфонии в Вервье [2]. Мы все поедем ее слушать. Вот все хорошие новости, какие я имел Вам сообщить, дорогой мой господин Бородин. Вы знаете, что Ваш «Степной эскиз» был в воскресенье исполнен с большим успехом в Париже [3]; я несказанно этому рад. Не можете ли Вы, при случае, попросить для меня у Римского-Корсакова и Глазунова их фотографии; Вы этим доставите мне огромное удовольствие. У меня есть портреты Ваш и Кюи, но нет других; я хотел бы иметь Вас всех. Вы были бы чрезвычайно любезны, если бы вспомнили об этом. Не забудьте также, пожалуйста, о пьесе, которую Вы хотели мне посвятить; как Вы можете представить себе, я жду ее с величайшим нетерпением. До свиданья, дорогой господин Бородин; простите за все причиненное Вам беспокойство.

Всецело Ваш *Т. Жадуль.*

Суббота, 25 Октября [1884. 13 октября ст. ст.] [4]

132. Л. И. Шестакова

16 Октября [1884] [1]

Читайте со вниманием.

Дорогой мой Александр Порфирьевич!

Знаю, что Бах был у Корсака, убедительно прося его: сочинить что-нибудь к открытию памятника брата [2]. Вероятно, он и к Вам явится (ежели уже не был), и потому я прошу Вас, пожалуйста не слушайте его и не делайте ничего: во-первых, мне неприятно, что это делается по наущению Баха; во-вторых, довольно уже и так, по милости его, разных нападок на нашу дорогую музыкальную семью, зачем еще прибавлять. Мне было бы больно, ежели бы в такой торжественный день, как открытие памятника, вышло хотя бы одно слово неприятное.

Вы знаете, я Баха люблю, его не любить нельзя, но подчиняться его разным выдумкам — тоже нельзя.

Вы поймете, что одно истинное чувство к памяти брата и дружба ко всем Вам руководит этим письмом

Вашей *Л. Шестаковой*

Милий [3] получил прелестное письмо от Листа, которое теперь у меня; зайдите прочесть.

133. Л. Бурго-Дюкудрэ

Paris, 7 Décembre [1884]

Monsieur,

Il y a à Paris 2 sociétés des Compositeurs. S'il s'agit de la Société qui a son siège 17 Faubourg Montmartre, comme je le crois, il m'est impossible, malgré mon vif desir de vous être agréable, de vous servir de parrain. M. Cui vous expliquera pourquoi.

— Si cela avait dependu de ma volonté, croyez que j'aurais été heureux de rendre ce service à un homme dont j'aime et j'admire les ouvrages.

Recevez, avec mes regrets, l'expression de mes sentiments les plus distingués.

L. A. Bourgault-Ducoudray.

Париж, 7 декабря 1884 г.
[25 ноября ст. ст.]

Милостивый государь,

В Париже имеется 2 Общества композиторов.—Если, как мне кажется, дело идет об Обществе, помещающемся на улице «предместье Монмартр 17», то, несмотря на мое горячее желание быть Вам полезным, я не могу быть Вашим восприемником [1]. Г. Кюи Вам объяснит почему.— Если бы это от меня зависело, то будьте уверены, что я счел бы за счастье оказать эту услугу человеку, сочинения которого мною любимы и приводят меня в восхищение.

Вместе с моими сожалениями примите выражение моих наилучших чувств.

Л. А. Бурго-Дюкудрэ.

134. К. Сен-Санс

Paris, 7 Décembre 1884

Monsieur.

J'ai été charmé que vous ayez songé à moi pour vous servir de parrain à la Société des auteurs de Paris; je pense que vous n'avez attendu mon autorisation directe pour vous servir de mon nom. Veuillez m'excuser, on mène à Paris une vie si occupée que la correspondance y devient impossible.

Veuillez agréer avec mes compliments les plus empressés l'assurance de ma considération très-distinguée.

C. Saint-Saëns.

Париж, 7 Декабря 1884
[25 ноября ст. ст.]

Сударь.

Я весьма польщен тем, что Вы подумали обо мне в качестве восприемника в Парижском Обществе авторов [1]; надеюсь, Вы воспользовались моим именем, не ожидая моего прямого разрешения. Простите меня

[за опоздание с ответом], в Париже приходится вести столь занятую жизнь, что переписка становится невозможной.

Примите мой самый сердечный привет и уверение в особенном моем уважении.

К. Сен-Санс

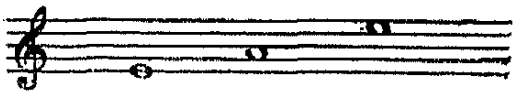
135. Т. Жадуль

Cher Monsieur Borodine,

Vous aurez appris par les comptes-rendus que la Comtesse de Mercy vous a envoyés, le grand succès, de notre concert. Je tiens à vous dire moi-même que cette soirée a fait sensation. Votre admirable symphonie a produit une impression profonde, et a été exécutée dans la perfection, aussi que les autres morceaux. J'espère que vous serez content de moi. Le concert nous est redemandé Mercredi prochain par la société d'Emulation, et par beaucoup de monde, ce qui fait qu'après celui de Mercredi, nous en redonnerons un troisième dans les premiers jours de Février. La belle au bois dormant a tellement plu, que les marchands de musique ne vendent plus que cela depuis quelques jours. N'oubliez pas cher Monsieur Borodine que j'attends toujours avec une joie fébrile le morceau que vous avez bien voulu me dédier, mais comme dans la belle au bois dormant n u l n' a p p a r a î t. J'espère le voir apparaître bientôt. Maintenant je vais vous faire encore des reproches, vôtre quatuor est paru, et vous ne m'avez rien dit, je l'ai vu l'autre jour à Argenteau, mais il m'a été impossible de le lire, il n'y avait que les parties séparées. Au revoir cher Monsieur Borodine, ne m'oubliez pas, moi qui pense tout à vous, et écrivez moi un mot le plus tôt possible.

Je vous serre la main de tout coeur.

Bien à vous et

tiés

T. Jadoul.

24 rue Trappé.
J e u d i 15 [janvier 1885];

Дорогой господин Бородин,

Вы знаете из сведений, посланных Вам графиней де Мерси [1], о большом успехе нашего концерта [2]. Мне лично хочется Вам сказать, что этот вечер вызвал сенсацию. Ваша чудесная симфония произвела глубокое впечатление; в исполнении ее и других пьес было достигнуто совершенство. Надеюсь, Вы останетесь мною довольны. Общество «Соревнований» и многие лица из публики потребовали повторения этого концерта в ближайшую среду [3], вследствие этого мы устроим, после [второго] концерта в среду, третий концерт в первых числах февраля. «Спящая княжна» так понравилась, что музыкальные магазины на протяжении нескольких дней

не продавали ничего, кроме этого романса. Не забывайте, дорогой господин Бородин, что я все еще с лихорадочной радостью ожидаю пьесу, которую Вы любезно решили мне посвятить, но, как говорится в «Спящей княжне»: никто не показывается. Надеюсь, что пьеса вскоре появится. Теперь я сделаю Вам еще упреки: Ваш квартет вышел в свет, а Вы мне ничего не сообщили; я его как-то видел в Аржанто, но не смог проиграть, так как там имелись только отдельные партии. До свиданья, дорогой господин Бородин, не забывайте обо мне, который все время думает о Вас, и напишите мне хоть словечко как можно скорее.

Жму Вашу руку от всего сердца.

Всецело Ваш, с тысячей дружеских чувств[4].

Т. Жадуль.

24 улица Траппэ.
Четверг 15 [января 1885; 3 января ст. ст.][5]

136. Ц. А. Кюи

Вторник [15 января 1885 г.][1]

Наш Концерт в Льеже был повторен 21 Янв. (нового стиля)[2] с таким же поразительным успехом. Ваша «Спящая царевна» и мое «Болеро» были биссованы. Третий концерт состоится 15-го Февр.

Ваш *Ц. Кюи.*

137. В. В. Бессель

С. Петербург 28 Января 1885.

Многоуважаемый Александр Порфирьевич!

В дополнение к нашему устному соглашению, считаю долгом своим Вам сообщить, что я готов сделать нужную затрату по отпечатанию с одним французским текстом трех отрывков из неоконченной Вами оперы «Князь Игорь»[1], но что тем не менее я считаю совершенно необходимым предварительно составить письменное условие, касательно моих прав по изданию этой оперы,— после окончания Вами этого произведения. Чтобы не задержать гравировки этих отрывков, было бы мне весьма желательно, как можно безотлагательнее повидаться с Вами и потому покорнейше прошу Вас назначить мне время, когда я могу Вас застать у себя или пожаловать ко мне для исполнения нужных к сему предмету формальностей.

С совершенным почтением глубоко Вам преданный

В. Бессель.

Г. Профессору Бородину здесь.

138. Т. Жадуль

Cher Monsieur Borodine,

Je viens de reçevoir à l'instant vôtre quatuor que je désirai tant et je suis on ne peut plus touché du petit mot que vous avez bien voulu m'écrire sur la première page. Vous êtes aussi bon et aussi aimable que musicien.

Aussitôt déballé, je n'ai fait qu'un bond vers mon piano pour en prendre conaissance, et je vous écris sous l'empire de l'enthousiasme que vient de me procurer la lecture du premier allegro. Quelle admirable phrase que celle qui commence page 6 lettre B de la partition, et qui revient si heureusement dans le cours de ce premier morceau. Je n'ai pas pu aller plus loin sans vous écrire. Le quatuor est une merveille d'inspiration et de science. Ne manquez pas je vous prie de m'envoyer l'arrangement à quatre mains avec un petit mot, dès qu'il sera paru. Je me réjouis de faire connaître cette oeuvre à Liège. Vous savez que nous allons donner un troisième concert russe à Liège, le 28 de ce mois, et cette fois nous aurons indépendemment de l'orchestre et des solistes, les choeurs de la société d'Emulation, qui chanteront quelques morceaux du Prisonnier du Caucase, et le choeur pour voix de femmes de Boris Godounoff. Ce sera un programme superbe, et nous obtiendrons cette fois encore je crois, un grand succès. N'oubliez pas je vous en prie cher Monsieur Borodine, le morceau promis, j'en serai fier et heureux autant qu'on puisse l'être, et ce sera en même temps un souvenir ineffaçable pour moi. Au revoir cher Monsieur Borodine, et pensez de temps en temps à votre bien dévoué ami et admirateur.

T. Jadoul.

24 rue Trappé, Liège. J e u d i.

[Февраль 1885 г.][1]

Дорогой господин Бородин,

Я только что получил Ваш квартет, который мне так хотелось иметь, и я как нельзя более тронут маленькой надписью, которую Вам угодно было сделать на первой странице. Вы настолько же добры и любезны, насколько талантливы в музыкальном отношении.

Распаковав партитуру, я одним прыжком перескочил к своему фортепьяно, чтобы с ней ознакомиться, и я пишу Вам в том восторженном состоянии, в которое меня привело чтение первого Allegro. Какая чудесная фраза открывает страницу 6, буква В партитуры, и так удачно повторяется на протяжении первой части. Этот квартет — чудо вдохновения и мастерства. Не забудьте, пожалуйста, послать мне четырехручное переложение с небольшою надписью, как только оно появится. Я радуюсь тому, что смогу сделать это произведение известным Льежу. Вы знаете, что мы дадим третий русский концерт в Льеже 28 числа этого месяца, и на этот раз, кроме оркестра и солистов, в нашем распоряжении будут хоры общества «Соревнование», которые споют несколько номеров из «Кавказского пленника» и женский хор из «Бориса Годунова»[2]. Это бу-

дет превосходная программа, и я надеюсь, что и на этот раз у нас будет большой успех. Не забывайте, пожалуйста, дорогой господин Бородин, об обещанной пьесе: я буду горд и счастлив ею до пределов возможного, и это будет для меня неизгладимым воспоминанием. До свиданья, дорогой господин Бородин; вспоминайте от времени до времени о Вашем истинно преданном друге и почитателе.

Т. Жадуль.

24 улица Траппэ. Льеж.
Четверг.

139. М. А. Балакирев

Дорогой Александр Порфирьевич!

Завтра в Гатчине произойдет погребение Гавриила Иоакимовича Ломакина [1], которому мы все обязаны тем, что имеем музыкальное гнездо, называемое бесплатной музыкальной школой. Я и Глазунов завтра отправимся туда, просим и Вас надеть мундир Ваш со всеми регалиями и присоединиться к нам. Выезжаем мы по Варшавск. с поездом 3/4 9-го утра. Прибудем в Гатчину в 10 ч. Надеюсь что Вы не откажете в просьбе.

Искренне Вас любящий *М. Балакирев.*

10 Мая 1885

140. Г. Жориссенн

Cher et illustre maître,

Nous avons fêté dernièrement l'importation féconde de la musique russe en notre pays. Cette fête, il est vrai, nous la renouvellons tous les jours dans l'intimité; mais nous désirions propager nos sentiments et aussi permettre à ceux qui les partagent de les exalter par la communion des oreilles, des coeurs et des esprits. Cela a réussi à souhait.

Votre souvenir grand et affectueux électrisait l'atmosphère de notre soirée musicale. La beauté irrésistible de vos oeuvres et le charme des productions si remarquables aussi de vos compatriotes, particulièrement de ce jeune compositeur, tant admiré par vous, Glasounoff, ont converti les dernières tièdeurs et mis en joie tout ce qui était déjà atteint de russophilie.

Je me permets de vous envoyer un programme de notre concert; vous verrez que, selon la coutume belge et française, nous avion réservé vos chefs d'oeuvre pour le bouquet. Vous dire l'impression de votre quatuor n'est pas possible en peu de mots; je ne vous peindrai la chose que par une seule expression: ce fut une séduction générale! A une première audition, quelques personnes — peu musiciennes — ne savaient comment rendre leur ravissement. Inutile donc de rappeller ce qu'éprouvèrent les autres.

Pour ma femme et pour moi, à qui vos oeuvres sons devenues familières, toutes les occasions de les entendre exécuter sont des réjouissances.

Depuis Beethoven, vous êtes le premier qui rendiez dans sa plénitude et dans son âpreté désolée le sentiment de l'âme humaine moderne. Le colosse Wagner a le défaut de nous replonger dans le mysticisme archaïque et dans l'ingénuité archaïque (ce défaut est, à certain point de vue, une qualité géniale, mais il nous inquiète). Vous partagez avec Beethoven la gloire de complèter, d'illuminer les pensées et les aspirations de tous ceux qui aujourd'hui ont mordu jusqu'aux oreilles au fruit de la science du bien et du mal. Vous êtes les trompettes du jugement... nouveau et toutes les fibres de l'être moderne frémissent en vous entendant.

Oui, cher maître, tel vous êtes, et j'aurais bien des choses à vous dire sur le rôle que vous jouez en ce monde; j'avais souhaité vivement vous les dire à vous-même, dans mon h o m e modeste mais hospitalier, quand vous êtes venu en Belgique, trop chargé de besogne malheureusement et entouré de personnes charmantes auxquelles je n'aurais voulu vous soustraire. J'attends une occasion meilleure; car je n'aimerais pas du tout écrire, sachant les indiscretions de votre administration postale.

Notre passion pour la musique russe nous a valu l'assiduité amicale de Jadoul qui continue à nous initier à tout ce qui parait chez vous. Vous savez que son admiration pour vous va jusqu'à l'idolâtrie. C'est d'ailleurs une nature d'élite. Il sait de mémoire tout ce que vous produisez; il est, toujours prêt à l'exécuter magistralement. C'est un veritable artiste, boûlant du feu sacré.

Je vous prie, en finissant d'accueillir le dédicace d'un petit poème que la mer m'a inspiré. Vous qui avez senti si fortement l'effet moral de la mer sur l'homme, et qui l'avez rendu en poèsie et en musique, vous trouverez peut-être interessante, l'émotion personnelle qu'elle m'a fait éprouver.

Recevez, cher Maître, l'expression de mes sentiments respectueusement affectueux.

D-r G. Jorissenne.

Liège, le 28 Avril, 1886.
Boulevard de la Sauvenière 130.

P. S. Puis-je recourir à votre obligeance, dans le cas où vous le trouveriez convenable, pour vous demander de remettre à Monsieur Glasounoff un des deux programmes que je vous envoie? Il y verra la preuve que sa musique est estimée chez nous comme elle le mérite.

J'ai traduit deux de ses mélodies pour ma femme. Malheureusement je ne sais pas le russe et je dois me contenter d'une première traduction en prose pour adopter ensuite ma pòésie rhythmique à sa musique si distinguée et si expressive.

Дорогой и знаменитый маэстро!

Мы недавно праздновали плодотворное появление русской музыки в нашей стране. По правде говоря, мы каждый день возобновляем, в интимном кругу, этот праздник; однако нам хотелось распространить наши чувства и возбудить их, путем обращения к ушам, сердцам и душам тех, кто разделяет эти чувства. Это удалось как нельзя лучше.

Воспоминание о Вашей личности, полной величия и обаяния, наэлектризовало атмосферу нашего музыкального вечера. Непревзойденная красота Ваших сочинений и очарование столь значительных произведений Ваших соотечественников, в особенности столь любимого Вами молодого композитора Глазунова, победили остатки равнодушия некоторых слушателей и вызвали радость у всех, уже проникнутых любовью к русской культуре.

Я позволяю себе послать Вам программу этого концерта[1]. Вы увидите, что согласно бельгийскому и французскому обычаю, мы приберегли Ваши шедевры для завершения вечера. Невозможно Вам передать, в нескольких словах, впечатление от Вашего квартета; я его Вам опишу лишь при помощи одного выражения: это было всеобщее очарование. После первого прослушивания даже мало музыкальные люди не находили слов для передачи своего восхищения. О впечатлениях лиц более сведущих — нечего и говорить.

Для меня же и моей жены, уже знакомых с Вашими произведениями, всякий случай услышать их доставляет новое наслаждение.

После Бетховена Вы первый во всей полноте, со всей мятежной скорбью передали чувства современной человеческой души. У гиганта Вагнера есть недостаток: он возвращает нас в область архаической мистики и архаической наивности (с известной точки зрения, этот недостаток есть гениальное качество, но оно нас тревожит). Вы разделяете с Бетховеном ту славу, что Вы восполняете и просветляете мысли и стремления всех тех, кто до самых ушей вгрызся в плод познания добра и зла. Вы — трубы... нового суда, и, слушая Вас, содрогаются все частицы современной души.

Да, дорогой маэстро, Вы — таковы, и мне хотелось бы многое сказать Вам о той роли, которую Вы играете в этом мире; я надеялся все это изложить Вам лично, у нашего скромного, но гостеприимного очага, во время Вашего пребывания в Бельгии; к сожалению, Вы были слишком заняты и, притом, окружены прелестными особами, общества которых мне не хотелось Вас лишать. Я выжидаю лучшего случая; ибо совсем не хотел бы писать, зная нескромность Вашего почтового управления.

Наша страсть к русской музыке вызвала частые дружеские посещения Жадуля, который продолжает нам сообщать обо всем, вновь появляющемся у Вас. Вы знаете, что его восхищение Вами доходит до идолопоклонства. Впрочем, это — избранная натура. Он знает наизусть все Ваши сочинения и всегда готов мастерски все это исполнить; это — истинный артист, пылающий священным огнем.

В заключение, я прошу Вас принять посвящение маленькой поэмы, которую мне внушило море. Сильно почувствовав нравственное воздействие моря на человека и передав эти чувства в поэзии и музыке, Вы, быть может, заинтересуетесь моими впечатлениями от моря.

Примите, дорогой Маэстро, выражение моих почтительно-сердечных чувств.

Д-р Г. Жориссенн.

Льеж, 28-го Апреля 1886 [16 апреля ст. ст.]

Бульвар де ля Совеньер 130.

P. S. Могу ли я просить Вас, в случае, если Вы это сочтете удобным, передать господину Глазунову одну из двух посылаемых мною Вам программ. Он в ней увидит доказательство того, что его музыка пользуется у нас заслуженным почетом.

Я перевел, для моей жены, тексты двух его романсов[2]. К несчастью, я не знаю русского языка и принужден довольствоваться предварительно

сделанным прозаическим переводом, чтобы затем уже приспособлять ритмы своих стихов к его столь интересной и выразительной музыке.

141. Г. Дабэн

Monsieur,

Jadoul me remet à l'instant votre bon souvenir. Je m'empresse de Vous en remercier de tout coeur et de Vous assurer qu'il me dédommage amplement du peu que j'ai pu faire non en faveur de l'homme aimable que je n'ai appris à connaître que longtemps après le commencement de la Campagne, mais aussi et surtout pour le vaillant lutteur et dois-je l'avouer le chef éminent de cette jeune école qui fait et fera plus encore sous peu la gloire de l'art musical et du pays d'où est sorti ce mouvement.

Je me rappelle que le brillant musicien est doublé d'un médecin et d'un chimiste certainement aussi complets, et sous ce rapport je puis par mes relations avec le monde universitaire de notre ville aider à repandre vos oeuvres scientifiques. Aussi viens-je en retour de votre amabilité d'hier, vous demander de m'envoyer les ouvrages publiés sur ces données, soit en français soit en allemand, ou si mon desir devait vous occasionner trop de frais, de m'en donner tout au moins une liste avec noms d'éditeurs. Votre nom est connu aux laboratoires de Liège, il importe qu'il le soit mieux encore et c'est dans cette bonne intention que je me risque à vous faire cette proposition marquée n'en doutez pas, au coin de l'interêt le plus vif.

Quoi qu'il en soit, de ma proposition, je vous reitère encore tous mes remerciments, et vous assurant de mon mince concours pour Vous et les vôtres, je vous prie d'agréer, Monsieur, mes civilités les plus empressées.

H. Dabin.

Liège 12/6 1886
A Monsieur.
Al. de Borodine
Pétersbourg.

Милостивый государь,

Жадуль только что передал мне от Вас сувенир[1]. Спешу поблагодарить Вас от всей души и заверить Вас, что я щедро вознагражден этим за то немногое, что я смог сделать не только для любезного человека, с которым я познакомился значительно позже начала кампании, но также и главным образом для мужественного борца и, — нужно ли говорить об этом — для выдающегося главы той юной школы, которая уже является, а в будущем еще более явится славой музыкального искусства и той страны, где зародилось это движение.

Я помню, что блестящий музыкант сочетается в Вас с врачом и химиком, наверное столь же совершенными; в этом отношении благодаря своим связям с университетским миром нашего города я могу содействовать распространению Ваших научных трудов. Поэтому, в ответ на Вашу вчерашнюю любезность, я прошу Вас послать мне Ваши научные труды, как на французском, так и на немецком языках, или же, если это

ввело бы Вас в слишком большие расходы, — сообщить мне, по крайней мере, список этих работ с именами издателей. Ваше имя известно в лабораториях Льежа: необходимо, чтобы эта известность стала еще более значительной; с этой хорошей целью я беру на себя смелость сделать Вам это предложение, вызванное — не сомневайтесь в этом — чувством живейшего к Вам интереса.

Каков бы ни был результат моего предложения, я, во всяком случае, вновь повторяю свою благодарность и, заверяя Вас во всегдашней готовности содействовать в меру своих скромных сил Вам и близким к Вам людям, я прошу Вас, Милостивый государь, принять мои уверения в искреннем почтении.

Г. Дабэн.

Льеж 12/6 1886 [31 мая ст. ст.]
Господину
Ал. Бородину
Петербург.

142. Ж. Фольвилль

Cher Parrain,

Je ne sais vraiment comment m'y prendre pour vous dire combien j'ai été profondément touchée de votre charmante attention. Vous êtes tellement bon, indulgent et affectueux pour moi! ce ne sont point de vaines paroles qui peuvent vous exprimer ma reconnaissance: aussi, permettez moi de vous embrasser de tout coeur.

Je suis bien flattée et bien heureuse de posséder vôtre portrait; quelle délicate attention de l'orner d'un autographe musical, et de choisir précisément le thème du ravissant morceau dont j'ai fait une petite transcription. Je n'ai pas l'audace de me croire digne des choses trop flatteuses que vous me dites. Je pense que l'affection du parrain nuit un peu à l'impartialité du juge, et que vous vous exagérez de beaucoup mon mérite. Néanmoins, de telles paroles, venant de vous, m'encourageront à tout faire pour les mériter.

Et votre lettre, cher parrain! que de bontés, que de choses aimables et affectueuses!

Nous avons été tous profondement émus en la lisant.

Seulement, on ne croirait pas que celui qui l'a écrite est Borodine, le grand Borodine, le chef de l'école russe!

Vous vous oubliez tout-à-fait: jamais un mot de vous. Pourquoi donc ne pas parler de vos oeuvres?

Nous sommes bien tristes de vous voir omettre ce sujet-là, car il nous intéresse tous au suprême degré.

J'éspère que vous nous dédommagerez dans une prochaine lettre, en attendant, je vais répondre à vos questions.

Ma suite d'Orchestre sera exécutée au Kurhaus d'Aix la Chapelle le 22 Juin, à un concert où je me ferai entendre; la partition s'y trouve déja, mais après le concert je me ferai un vrai plaisir de vous l'envoyer: je serai bien heureuse de connaitre votre haute appréciation, et de recevoir vos observations et vos conseils.

Puisque vous voulez bien vous intéresser tant à moi, j'ajouterai que je viens de composer et d'orchestrer la musique d'un poëme de Paul Collin, pour soli, choeur et orchestre, «Noce au Village». Je vais terminer l'étude de la fugue, sous la direction de Monsieur Radoux.

Que je voudrais vous posséder près de moi pour vous montrer tout cela!

Mes parents vous présentent leurs compliments les plus affectueux; je me joins à eux, cher parrain, et vous prie de croire à toute la gratitude de.

Votre reconnaissante filleule

Juliette Folville.

[Начало июня 1886 г.]

Дорогой крестный,

Я, право, не могу найти слов, чтобы высказать Вам, как сильно я была тронута Вашим очаровательным вниманием. Вы так добры, снисходительны и сердечны по отношению ко мне! Но суетные слова не могут Вам выразить мою благодарность: позвольте мне также обнять Вас от всего сердца.

Я очень польщена и счастлива тем, что у меня есть Ваш портрет; как тонко проявилось Ваше внимание ко мне в том, что Вы украсили его музыкальным автографом и выбрали именно тему той восхитительной пьесы, небольшую транскрипцию которой я сделала [2]. Я не осмеливаюсь считать себя достойной тех, слишком лестных для меня вещей, которые Вы мне пишете: я думаю, что чувства крестного отца вредят беспристрастию судьи, и что Вы во мне преувеличиваете мои достоинства. Тем не менее, такие слова, раз они исходят от Вас, ободряют меня к усилиям сделать все, чтобы их заслужить.

А Ваше письмо, дорогой крестный!.. сколько доброты, сколько любезных и сердечных слов!

Все мы, читая его, были глубоко взволнованы.

Даже трудно поверить, что его писал Бородин, великий Бородин, глава русской школы!

Вы совершенно забываете о себе: никогда ни слова о себе. Почему бы не написать о своих сочинениях?

Нам очень грустно видеть, что Вы обходите молчанием эту тему, ибо она интересует нас всех в высшей степени. Вознаградите нас в ближайшем письме; в ожидании этого я отвечу на Ваши вопросы.

Моя оркестровая сюита будет исполнена в Аахенском кургаузе 22-го июня, в концерте, в котором я буду выступать; партитура — уже там, но после концерта я доставлю себе истинное удовольствие прислать ее Вам: мне доставит большое счастье узнать Вашу компетентную оценку, получить Ваши замечания и советы [3].

Так как Вам угодно интересоваться мною, то добавлю, что я только что закончила и оркестровала музыку к поэме Поля Коллена [4] «Деревенская свадьба» — для солистов, хора и оркестра. Я заканчиваю курс фуги, под руководством господина Радý [5].

Как бы мне хотелось видеть Вас подле себя, чтобы показать Вам все это.

Мои родители шлют Вам свои самые сердечные пожелания; я присоединяюсь к ним, дорогой крестный, и прошу верить в полную признательность

Вашей благодарной крестницы

Жюльетты Фольвилль.

Cher ami, votre bonne petite lettre à mon mari lui a fait grand plaisir et l'a infiniment touché. Sans doute, l'état de santé de mon beau-père faisait bien prévoir une issue fatale, seulement on ne la supposait pas si prochaine. Cet évènenent nous plonge dans tous les tracas des affaires, bien que le testament soit parfaitement explicite et formel — mais encore; il y a bien de changements à introduire non pas seulement dans l'administration de la terre, mais même dans l'habitation de la maison. Je m'en vois déménagée, et [...] habiter l'appartement de mon beau-père d'où il y a une belle vue sur la vallée de la Meuse — vous vous en souvenez sans doute. Nous avons renoncé à notre installation à Paris, et nous avons transporté ici les meilleures choses en fait de vases, tableaux, meubles etc. ce qui fait un remaniement général qui entraine beaucoup de détails; c'est intéressant, sans doute, puisque ce sont des améliorations, mais je n'aime pas le désordre, et j'ai hâte de voir tout cela placé définitivement. Ce sera très joli — vous en jugerez j'espère. César m'a envoyé un splendide samowar avec tous ses accessoires — sa femme a voulu me l'offrir, et cet objet très russe, joint au Becker, aux serviettes brodées, et à tous les portraits de mes chers amis va me constituer une petite «Russie» où mes amis seront toujours les bienvenus et se trouveront toujours avec plaisir, j'espère! — Donnez moi [de] vos nouvelles plus en détail: avez vous ecrit un peu pendant votre long séjour à Moscou? «Igor» a-t-il avancé? Si ce n'est pas par trop indiscret, voulez vous me confier encore d'autres fragments d'Igor! C'est tellement beau! Je ne peux pas dire à quel point j'aime ceux que vous m'avez prêtés! — Votre petite suite se vend couramment — on la demande sans cesse. — Vous devriez faire un arrangement des fragments d'Igor; du choeur dansé et du duo, à 4 m. cela aurait un bien grand succès. Adieu cher ami, je suis un peu débordée par la terrible quantité de lettres que j'ai à écrire et de détails de démenagement et de menage à organiser. Ne m'en voulez pas d'écrire si peu.

Mon mari me charge pour vous de tous ses remerciements et amitiés; il est tellement occupé que je ne sais vraiment s'il pourra vous écrire lui même mais il m'a chargée pour vous du message ci dessus avec une si affectueuse insistance que vous ne prendrez certainement pas [...] son silence; ce moment [...] part [...] vient [...] parti pour Ochain où il a des affaires à regler, avec son frère. Me voila débarrassée à tout jamais du séjour à Ochain, vous jugez si j'en suis contente. Au revoir à bientôt. Je vous envoie toutes mes meilleures et tendres amitiés et vous prie de m'écrire et de me raconter toutes

sortes de bonnes petites choses. Moi je n'ai vraiment rien à raconter — tout que je fais est ennuyeux parce que toute la maison est momentanemet sans dessus dessous; donc à bientôt, mon bon filleul, je suis toujours votre bien affectionnée marraine.

[1886 г.; конец мая — начало июня ст. ст.?][1]

Дорогой друг, Ваше милое письмецо к моему мужу[2] доставило ему большое удовольствие и бесконечно его растрогало. Без сомнения, состояние здоровья моего свекра заставляло ожидать роковой исход, но мы не предполагали, что он так близок. Это событие погрузило нас в бездну деловой сутолоки, несмотря на полную ясность завещания; необходимо произвести много изменений не только в управлении землями, но и в устройстве дома. Я переезжаю и буду жить в комнатах моего свекра, из которых открывается такой прекрасный вид на долину Мааса: Вы его наверное помните. Мы отказались от нашего парижского дома и перевезли оттуда сюда все лучшие вазы, картины, мебель и т. д., что влечет за собой общую перестановку вещей со множеством мелких переделок; это, конечно, интересно, ибо все это — улучшения, но я не люблю беспорядка и тороплюсь, чтобы все было поставлено окончательно по местам. Будет очень красиво — надеюсь, Вы сможете судить об этом. Цезарь[3] прислал мне блистательный самовар со всеми принадлежностями — его пожелала мне подарить его жена, и этот истинно русский предмет, в соединении с Беккером[4], с вышитыми салфетками и со всеми портретами моих дорогих друзей, образует для меня маленькую «Россию», где мои друзья всегда будут желанными гостями и всегда будут, надеюсь, себя приятно чувствовать! — Сообщите мне о себе более подробные известия; сочинили ли Вы хоть немного во время долгого пребывания в Москве?[5] Подвинулся ли «Игорь»? Если это не слишком нескромно, то не пришлете ли Вы мне еще новые отрывки из «Игоря»? Это так прекрасно! Я не в состоянии Вам выразить, до какой степени я люблю все те [фрагменты], что Вы мне оставили! Ваша «маленькая сюита» бойко продается — ее беспрестанно спрашивают.—Вам бы следовало сделать переложение в 4 руки отрывков из «Игоря», пляски с хором и дуэта[6], это имело бы очень большой успех. Прощайте, дорогой друг, я несколько недовольна ужасным количеством писем, которое мне надо написать, и подробностями переезда и нового устройства.—Не сердитесь же, что я так мало пишу.—

Мой муж поручает мне Вам передать заверения в его признательности и дружбе; он настолько занят, я, действительно, не знаю, сможет ли он Вам сам написать. Он поручил мне, однако, с такой сердечной настойчивостью передать Вам все вышесказанное, что Вы, конечно, не примете в дурную [сторону][7] его молчание; сейчас [...][8] уезжает [...][8] возвращается [...][8] уехал в Ошэн, где ему нужно уладить некоторые дела с его братом. Вот я, наконец, — навсегда избавлена от житья в Ошэне: можете себе представить, как я этим довольна. До скорого свидания. Шлю Вам свои самые дружеские и нежные пожелания и прошу Вас писать мне и сообщать дружеские занятные вещи. Мне же нечего рассказывать, все, что я делаю, очень скучно, так как сейчас весь дом вверх дном, итак, до скорого свидания, мой добрый крестник. Навсегда сердечно к Вам привязанная крестная.

144. Г. Жориссенн

22 Juin 1886

Monsieur et cher Maître,

J'ai eu l'honneur de vous adresser, il y a deux mois, une lettre que j'ai eu le tort de ne pas recommander à la poste. Elle contenait deux pièces qui ont probablement donné le change à quelque employé infidèle par leur analogie avec des billets de banque; la lettre aura été ouverte et, sans doute, gardée par l'indiscret. Je le regrette, parce que ces deux pièces étaient deux programmes d'une soirée musicale que nous avions donnée chez nous et où nous avions célébré le plus dignement que nous pouvions, nos maîtres russes si aimés. J'avais joint un second programme à celui que vous était destiné, cher Borodine, pour Monsieur Glazounoff dont j'avais traduit deux mélodies pour cette circonstance.

Ces programmes illustrées avaient eu assez de succès, et nos invités ne veulent pas s'en dessaisir; de sorte que je n'en ai plus à vous offrir.

C'est avec une véritable joie que je vous annonçais la chose plus importante, le succès de votre musique auprès de personnes à moitié ou peu initiées à vos oeuvres. Votre quatuor notamment a provoqué l'enthousiasme de tous les assistants qui l'auraient bien bissé, malgré sa longeur. L'étude des sonorités les plus variées, la richesse mélodique, le développement magistral de l'ensemble, l'intensité croissante du sentiment, tout fut admiré sans restriction.

Certes la musique russe, ayant une face nationale, spéciale, une caractéristique nouvelle et concrête, ne peut éveiller chez les populations d'occident les impressions et les sentiments qui lui ont donné naissance. Mais, avant de comprendre, de pénétrer complètement une oeuvre, on peut la goûter pour la qualité de sa forme, on peut même jouir de cette inquiètude singulière que les merveilles neuves de l'art font éprouver à ceux qui les contemplent pour la première fois, inquiètude mêlée d'admiration inconsciente et de résistance plus ou moins hardie au nom des anciens principes. J'en vois beaucoup de ces gens-là, et ce sont quelque-fois de vrais artistes. Je crois que cet état d'esprit dépend souvent (chez ceux qu'on peut appeler maîtres) de la solidité de la formule qu'ils ont adoptée et qu'ils ont si bien moulée sur leur âme que les sentiments prennent un facies convenu dès leur éclosion. Plus on est du métier, plus il en est ainsi.

Pour nous, amateurs, le coeur est plus ouvert à toutes les aspirations étrangères; aucune évolution ne nous est difficile, à moins de parti pris.

Et c'est ainsi que nous répétons souvent avec ma femme que la musique russe a répondu d'emblée à des modalités spontanées de nos sentiments, auxquels ne répondaient, jadis aucune formule musicale. Wagner ne répond qu'a un certain nombre de faces de notre être sentant et pensant; son mysticisme deviendra de moins au moins clair pour les races positives que la science fabrique, et il se peut que l'amour seul, qui se peint dans Tristan et Isolt, soit le véritable chaînon de Wagner avec l'avenir.

La musique russe exprime mieux pour l'homme la lutte éternelle contre la nature, l'immense tristesse de la vision philosophique de l'humanité dans son ensemble, les tortures sociales et la rage (si vous me permettez l'expression) de l'individu. Ce qui ne vous empêche pas d'aimer la nature, semblables à l'enfant qui mord et égratigne le sein de sa mère tout en lui souriant.

Ai-je fait deviner votre pensée cher maître?

En tous cas, je vous aurai dit sincèrement l'effet que votre grande école a produit, en général, sur moi.

Je serai heureux de savoir ce que vous en pensez. Avez-vous eu connaissance de l'interprétation que j'ai publié de votre petite suite pour piano? Vous voyez que je suis exposé à vous trahir si je ne vous comprends pas bien.

J'ai appris avec infiniment de plaisir que votre prince Igor sera imprimé, dans de bonnes conditions pour vous et pour nous. Voilà une partition qui fera bel effet dans notre bibliothèque russe! Nous chantons souvent le grand choeur qui est une chose colossale, digne héritière de la neuvième symphonie de Beethoven.

Dans la lettre que vous écrivez à Jadoul et où vous lui annoncez l'achèvement prochain de votre opéra, nous avons vu annoncer aussi votre portrait. Nous avons enfin admiré celui-ci plus tard. Vous en envoyez un exemplaire à ceux qui vous en ont demandé. Permettez-moi de vous en demander un aussi. Ce n'est pas que votre souvenir ne soit assez vivace pour ne jamais s'effacer de mon oeil intérieur et il en est ainsi chez ma femme également. Elle me dit que chaque fois qu'elle chante la mer, elle vous voit cherchant à dompter les flots. Mais nous serons heureux de montrer à ceux qui n'ont pas eu le plaisir de Vous voir, que la description que nous leur faisons de votre personne, n'est pas flattée — ou, si je blesse votre modestie, cher maître, n'est pas contrefaite.

A ce propos, une anecdote assez amusante. Dans une réunion de cet hiver, on jouait aux Charades en action. Le mot choisi était r u s s o p h i l e. Vous voyez l'affaire d'ici. Or, pour exprimer le tout, nous imaginâmes une représentation du P r i s o n n i e r et une loge où se tenaient la Comtesse, Cui et vous-même, sans oublier Jadoul, le

vrai russophile. Eh bien, c'est mon beau-père, un fort bel homme, qui jouait le rôle de Borodine.

Je vous recopie, cher maître, une poésie que je vous dédie, si vous la trouvez digne de vous, le chantre de la mer; poésie dans laquelle j'ai exprimé ma manière de sentir, ce qui est toujours intéressant pour la psychologie. Elle était dans ma première lettre, que vous n'avez pas reçue.

Agreéz, cher maître, l'expression de ma respectueuse sympathie et de mon dévouement.

D-r G. Jorissenne.

Boulevard de la Sauvenière 130 Liège.

22 Июня 1886 [10 июня ст. ст.]

Милостивый государь, дорогой маэстро,

Я имел честь послать Вам два месяца тому назад письмо, которое не догадался отправить заказным. В письме этом были вложены два листка, которые, вероятно, соблазнили какого-нибудь недобросовестного чиновника своим сходством с банковыми билетами, письмо было вскрыто и припрятано этим нескромным лицом. Я сожалею об этом, так как упомянутые два листка представляли собою две программы устроенного у нас музыкального вечера, на котором мы, по мере наших сил, чествовали столь любимых нами русских мастеров. К экземпляру программы, сударь, Вам предназначенному, я присоединил еще один для господина Глазунова, два романса которого я перевел для этого случая [1].

Эти иллюстрированные программы имели некоторый успех, и наши гости не хотят их вернуть; таким образом, я не имею больше возможности прислать их Вам.

Я сообщил Вам с истинной радостью и о более важных вещах — об успехе Вашей музыки у лиц, до сих пор недостаточно или совсем мало знакомых с Вашими произведениями. В частности, Ваш квартет вызвал восторг всех присутствовавших, которые охотно бисировали бы его, несмотря на его размеры. Использование разнообразнейших оттенков звучности, мелодическое богатство, мастерское построение целого, возрастающая напряженность чувства — все это было предметом безграничного восхищения.

Конечно, русская музыка, имеющая национальный и своеобразный облик, новый конкретно ощутимый характер, не может сразу вызывать породивших ее чувств и впечатлений у народов запада. Но, еще до того, как понять произведение и проникнуть полностью в его содержание, можно оценить совершенство его формы и испытать своеобразное беспокойство, которое новые чудеса искусства вызывают у людей, впервые их созерцающих,—беспокойство, смешанное с бессознательным восхищением и с более или менее активным сопротивлением во имя старых принципов. Я часто встречаюсь с этого рода людьми; иногда это — истинные артисты. Я полагаю, что подобное настроение часто зависит (у тех, кого можно назвать мастерами) от неизменяемости воспринятых ими взглядов, столь хорошо приспособленных к их психике, что у них все чувства, при самом возникновении, принимают соответствующий вид. И чем более человек профессионален, тем сильнее у него это свойство.

У нас, любителей, душа легче раскрывается навстречу незнакомым вдохновениям; для нас легка любая эволюция, если нет предубеждения. Вот почему мы с женой часто повторяем, что русская музыка целиком ответила прирожденным качествам наших чувств, для которых раньше не было подходящего музыкального выражения. Вагнер отвечает лишь на часть запросов нашего мыслящего и чувствующего существа; его мистицизм будет становиться все меньше и меньше понятным для реалистиче-

ски мыслящих рас, возвращенных наукой, и возможно, что одна лишь любовь, изображенная в «Тристане и Изольде», останется действительной связью Вагнера с будущим.

Русская музыка лучше выражает человеку вечную борьбу с природой, необъятную грусть философского представления о человечестве в целом, социальные мучения и (если Вы мне позволите такое выражение)— ярость индивидуума. Это не мешает вам любить природу, уподобляясь детям, кусающим и царапающим грудь матери и улыбающимся ей в то же время.

Разгадал ли я Ваши мысли, дорогой маэстро?

Во всяком случае, я искренне высказал Вам то впечатление, которое производит на меня Ваша великая школа.

Я был бы очень счастлив узнать, что Вы об этом думаете. Известно ли Вам опубликованное мною истолкование Вашей маленькой фортепьянной сюиты? Вы видите, что я рискую Вам изменить, если я понимаю Вас неправильно.

С величайшим удовольствием я узнал, что Ваш «Князь Игорь» будет напечатан на хороших — и для Вас и для нас — условиях. Вот — партитура, которая произведет прекрасное впечатление в нашей русской библиотеке. Мы часто поем большой хор [2] — колоссальное произведение— достойного наследника девятой симфонии Бетховена.

В письме, присланном Вами Жадулю, где Вы ему объявляете о близком окончании Вашей оперы, мы читали также сообщение о Вашем портрете. Позднее — мы им любовались. Вы посылаете портрет тем, кто Вас просит об этом. Позвольте и мне обратиться к Вам с подобной просьбой. Не потому, чтобы воспоминание о Вас не было достаточно живым: оно никогда не изгладится перед моим мысленным взором; у моей жены — точно так же. Она мне говорит, что когда поет «Море», то видит, как Вы стремитесь укротить волны. Но мы были бы счастливы показать тем, кто не имел удовольствия Вас видеть, что даваемое нами описание Вашей особы — не преувеличено лестью, или, если я затрагиваю Вашу скромность, дорогой маэстро,—что оно — неподдельное.

Кстати — довольно забавный анекдот. Этой зимой в одном обществе разыгрывали шарады в лицах. Задуманное слово было р у с о ф и л. Вы догадываетесь сразу, в чем дело. Для изображения целого мы представили представление «П л е н н и к а» [3] и ложу, где находились графиня, Кюи и Вы сами [4]; не забыли и Жадуля, истинного русофила. Ну — вот; роль Бородина играл мой тесть, — очень красивый мужчина.

Я вновь посылаю, дорогой маэстро, копию стихотворения, которое посвящаю Вам, если Вы его найдете достойным себя, певца моря; стихотворение, в котором я выразил свои впечатления, что всегда психологически интересно; оно было и в первом моем, не полученном Вами, письме [5].

Примите, дорогой маэстро, выражение моей почтительной симпатии и преданности.

Д-р Г. Жориссенк.

Бульвар де ла Совеньер 130 Льеж.

145. Л. де Мерси-Аржанто

25 Juillet [1886].

Bon, cher, aimable, spirituel et charmant ami! Vous m'avez écrit une bonne et délicieuse lettre, et j'ai admiré comment vous aviez trouvé moyen de faire des patés (d'encre) dans une lettre écrite au crayon. Je suis à la fois désolée d'apprendre vos terribles inquiétudes au sujet de M-me Borodine et heureuse de vous savoir entouré et consolé par vos char-

mantes jeunes amies. — Mais toutes ces circonstances réunies me font craindre que vous ne veniez pas me voir. Vous savez, et il ne faut jamais oublier que vous etes toujours le bienvenu ici, et plus que jamais, puisque maintenant nous y sommes chez nous — Vous seriez b i e n ici. Un peu de repos vous ferait vraiment du bien, et en ce moment Argenteau est si beau. Nous y sommes seuls, c'est vrai mais ce pays est si riant et si joli qu'on y sent pas d'ennui. Tous les jours je reçois de nouvelles compositions de César. Il est à Ораниенбаум; il compose beaucoup — je regrette qu'il ne fasse pas une grande oeuvre; mais il en fait tant de petites plus ravissantes les unes que les autres que l'on peut seulement admirer cette fraîcheur d'idées, et quelle facilité prodigieuse. Il m'a dédié «deux bluettes pour piano» — composées d'une Valse et d'un Scherzando giocoso. Composés ici pendant son séjour au mois de Mai — il m'a dédié un A v e pour la chapelle — une romance avec texte allemand, a d o r a b l e. Et puis tous les jours je reçois de nouvelles choses, romances, morceaux de piano etc. c'est intarissable.

C'est pour moi une vraie et profonde peine de penser que vous ne pouvez pas trouver le temps de composer dans tous les soucis qui vous accablent. Tâchez donc de trouver dans la composition le soulagement et l'oubli momentané de vos préoccupations. — Votre splendide Igor! nous l'attendons si impatiemment!

Comme j'aurais voulu en connaître les nouveaux fragments! Comme tout cela m'interèsse et me prèoccupe toujours avec le même tendre interèt et la même profonde et enthousiaste admiration! Peut être à défaut d'une oeuvre aussi considérable qu' Igor aurîez vous pu écrire des petites choses, les circonstances ne vous permettant pas un travail suivi et tenace. Ah cher ami, ne laissez pas s'endormir en vous cette superbe inspiration qui rend vos oeuvres si g r a n d e s alors même qu'elles sont petites! — Si peu que ce soit — écrivez car vous êtes sûr de ne pouvoir écrire qu'une belle chose — qu'elle ait quatre mesures ou qu'elles en ait deux cents! — Adieu, je pense b e a u c o u p à vous, avec une infinie affection et un vif désir de vous revoir. — Le jour où vous m'écriverez: je viens passer chez vous quelques jours, sera un jour de fête!

Votre petite *Marraine.*

25 Июля [1886, 13 июля ст. ст.][1].

Добрый, дорогой, любезный, остроумный и прелестный друг! Вы написали мне хорошее, чудесное письмо[2], и я поразилась, как это Вы нашли способ наделать чернильных клякс в письме, написанном карандашом. Я огорчена известием о Вашем страшном беспокойстве за г-жу Бородину и — вместе с тем счастлива, зная, что Вас окружают и утешают Ваши прелестные молодые приятельницы[3]. Но сочетание всех этих обстоятельств заставляет меня опасаться, что Вы не приедете меня повидать. Вы знаете,

и никогда не следует забывать, что Вы здесь — всегда желанный гость, и даже более чем когда бы то ни было, так как мы теперь здесь — у себя. Вам здесь будет хорошо. Небольшой отдых Вам был бы, право, полезен, Аржанто в данный момент так прекрасно. Правда, мы здесь одни, но местность такая веселая и красивая, что у нас не чувствуется скуки. Каждый день я получаю новые сочинения Цезаря [4]. Он — в Ораниенбауме, он много сочиняет, но я жалею, что он не пишет большого произведения; однако он сочиняет так много маленьких пьес одна восхитительнее другой, что приходится только поражаться этой свежести мысли, и какая чудесная легкость! Он мне посвятил «две искорки для фортепьяно», состоящие из Вальса и Scherzando giocoso. Сочинены они здесь во время его пребывания в мае.—Он посвятил мне также Ave для хора a cappella [5]— божественный романс с немецким текстом. И затем я каждый день получаю новые вещи, романсы, пьесы для фортепьяно и т. д. Это неисчерпаемый источник.

Поистине, мне очень тяжело думать, что Вы не можете найти времени для композиторской работы среди всех отягчающих Вас забот. Постарайтесь же искать в творчестве успокоение и временное забвение Ваших хлопот. Ваш блистательный «Игорь»! мы так нетерпеливо его ждем!

Как мне хотелось бы познакомиться с новыми отрывками из него! Как все это меня интересует и занимает, все с тем же нежным участием и с тем же глубоким восторженным восхищением! Быть может, за невозможностью заниматься столь значительной вещью, как «Игорь», Вы могли бы, учитывая обстоятельства, не позволяющие Вам длительно и усердно работать,— писать маленькие вещи. Ах, дорогой друг, не позволяйте засыпать в себе этому великолепному вдохновению, делающему Ваши вещи такими великими, даже когда они — маленькие. Пишите, хотя бы и весьма понемногу — Вы ведь можете быть уверены, что напишете только превосходные вещи — будь в них четыре или двести тактов! Прощайте, я много думаю о Вас, с большой задушевностью и сильным желанием вновь Вас увидеть.— День, когда Вы мне напишете: я проведу у Вас несколько дней, будет праздничным днем!

Ваша маленькая *Крестная.*

146. Л. де Мерси-Аржанто

16 Octobre [1886].

Argenteau par Visé Belgique

Mon cher ami, votre excellente lettre m'a fait énormément de plaisir, énormément de peine, et m'a fait mourir de rire. — Voyez vous, tout en vous plaignant de tout mon coeur, impossible de tenir mon sèrieux en pensant à cet embrouillage des 2 bières, et à la façon vraiment spirituelle et drôle au possible dont c'était raconté! Je pense que vous allez rentrer à Petersbourg. Je vous supplie de m'accorder une grâce — c'est de me confier les parties d'orchestre et les choeurs des danses polowiennes — vous savez que j'ai fait traduire ce magnifique fragment — et si je voyais la possibilité de faire donner cela à Paris, à Bruxelles ou à Liège, je voudrais bien ne pas en manquer l'occasion — Il n'est pas impossible que je vienne vous voir à Petersbourg. Cela dépend un peu de ma santé — je suis un peu indisposée depuis quelque temps et

j'irai peut être me faire soigner par le D-r Metzger à Amsterdam. Il est à ce qu'il parait un masseur hors ligne et comme je souffre un peu dans les articulations, il me fera peut-être du bien. César viendra à Noël, et j'espère bien l'avoir ici avec sa femme et ses enfants pendant un mois ou deux en été. Ne viendrez vous pas voir aussi vos amis de Belgique aux prochaines vacances? Cela vous reposerait un peu de toutes vos fatigues et de vos tristesses! Mon cher ami je vous en supplie remettez-vous à la musique. N'oubliez pas m a symphonie—et votre trio—et de finir «Igor», et l'arrangement à 4 m. de votre quatuor n'est-il donc pas terminé? Vous ne sauriez croire avec quelle impatience tous ceux qui connaissent votre musique attendent ces nouvelles apparitions qui se font désirer si longtemps. Et dire que votre 2-de S-ie n'est même pas gravée! Ce n'est pas pardonnable. Mais si je vous gronde trop vous allez vous fâcher et ne m'écrirez plus — donc je me tais et me sauve, en vous suppliant de m'envoyer la première chose nouvelle de vous qui paraitra et de me donner bientot de vos nouvelles avec un compte rendu exacte et détaillé de toutes vos distractions, et un nombre illimité de patés. Quand vous écrivez au crayon, il n'y a pas de patés et je ne vous reconnais plus — Votre bien affectionnée

petite *marraine.*

16 Октября [1886; 4 октября ст. ст.][1]

Аржантó через Визэ
Бельгия.

Дорогой друг мой, Ваше замечательное письмо[2] доставило мне много удовольствия, много грусти и заставило меня умирать со смеху. Видите, сочувствуя Вам от всего сердца, невозможно сохранить серьезность, представляя себе две перепутавшиеся похоронные процессии[3], и остроумный, доведенный до предела комизма характер рассказа обо всем этом. Я полагаю, что Вы скоро возвратитесь в Петербург[4]. Умоляю Вас оказать мне одну милость, доверить мне оркестровые партии и хоры половецких танцев — Вы знаете, что я велела сделать перевод этого великолепного отрывка, и если бы я увидела возможность его исполнить в Париже, в Брюсселе или в Льеже, то не хотела бы упустить такого случая. Возможно, что я приеду повидать Вас в Петербург. Это зависит до известной степени от моего здоровья — с некоторых пор я чувствую какое-то недомогание и поеду, быть может, полечиться у д-ра Мецгера в Амстердаме. Как кажется, он — необычайно искусный массажист и — возможно, что он поможет мне, так как я страдаю от болей в суставах. Цезарь[5] приедет на Рождестве, а летом я надеюсь его заполучить на месяц или на два с женою и с детьми. Не приедете ли Вы тоже повидаться с Вашими бельгийскими друзьями во время ближайших каникул? Это принесло бы Вам некоторый отдых от всех Ваших огорчений и усталости. Дорогой друг мой, умоляю Вас—займитесь снова музыкой. Не забудьте моей симфонии и Вашего трио[6], и окончания «Игоря»; а переложение в 4 руки Вашего квартета[7]: разве оно еще не закончено? Вы не можете себе представить, с каким нетерпением все знающие Вашу музыку ждут этих новых явлений, заставляющих себя так долго желать. И подумать только, что Ваша 2-я симфония даже еще не награвирована![8] Это — не-

простительно. Однако, если я Вас слишком много стану бранить, то Вы рассердитесь и перестанете мне писать,—итак, я умолкаю и исчезаю, умоляя Вас прислать мне первую же новую Вашу вещь, с подробным и точным отчетом о всех Ваших развлечениях и с неограниченным количеством клякс. Когда Вы пишете карандашом, то клякс нет, и я Вас более не узнаю — Ваша сердечно к Вам расположенная

маленькая *крестная.*

147. Т. Жадуль

Cher ami,

Enfin vous voila ressuscité, vous n'étiez qu'en léthargie, ce dont je suis bien heureux. Merci pour vos observations sur ma romance, je les trouve très justes. Quant à la façon d'êcrire le chant comme ceci, c'est uniquement pour ne pas entrer avec les queues des notes dans le texte qui est en dessous, comme cela pourrait arriver. Il serait gênant de faire descendre la queue de la note dans les notes basses du chant, sans se fourrer dans la poésie, voila pourquoi je les ai écrites de cette façon, et aussi probablement parce que j'avais la tête en l'air. N'oubliez pas je vous prie mon cher ami de m'envoyer dès qu'il sera paru vôtre quatuor (4 mains) car je meurs d'envie de l'avoir. Pour cette fois je vous en supplie ne lambinez pas. J'ai fondé à Liège un cercle musical russe, dont vous trouverez la circulaire ci-jointe, composé de messieurs, dames et demoiselles. Nous exécutons toutes les scènes d'opéras traduits, solis et choeurs, et c'est très gouté. Vous voyez cher ami, que je fais tout ce que je puis pour vous faire connaître et apprécier comme vous le méritez. Nous allons exécuter d'ici à quinze jours, les choeurs du «Prince Igor», et je me réjouis de voir l'effet qu'ils produiront. Je vais demain à Argenteau pour revoir Madame de Merçy, que je n'ai plus vue depuis son départ pour la Hollande. Au revoir mon cher ami, et ne restez plus aussi longtemps sans me donner de vos nouvelles, et n'oubliez pas le quatuor et

Votre ami dévoué

T. Jadoul.

Samedi.

P. S. Je vous écris sur une demi feuille pour que la lettre ne soit pas trop pesante, excusez-moi.

[Начало декабря ст. ст. 1886 г.][1]

Дорогой друг!

Вы, наконец, воскресли, Вы находились только в летаргии, чему я очень рад. Спасибо за Ваши замечания о моем романсе, я нахожу их

очень верными[2]. Что до манеры писать вокальную партию таким образом , то это единственно для того, чтобы хвостики из нот не попали в находящийся под ними текст: это могло случиться. Было бы затруднительно писать хвостами вниз басовые ноты в вокальной партии, не задевая текста: поэтому я их так и написал, а, вероятно, также и потому, что у меня был ветер в голове. Не забудьте, пожалуйста, дорогой друг мой, прислать мне 4-ручное переложение Вашего квартета, как только оно выйдет; я умираю от желания получить его. Умоляю Вас, не будьте на этот раз медлителем. Я основал в Льеже русский музыкальный кружок, циркуляр которого здесь прилагаю[3]: в состав этого кружка входят мужчины, женщины и девушки. Мы исполняем переведенные [на французский язык] сцены из опер — сольные и хоровые,— они очень нравятся. Вы видите, дорогой друг, что я делаю все возможное, чтобы Вас узнали и оценили по заслугам. Через две недели мы исполним хоры из «Князя Игоря», и я радуюсь тому впечатлению, которое они произведут. Завтра я отправляюсь в Аржанто, чтобы вновь повидать госпожу де Мерси, которой я не видел после ее отъезда в Голландию[4]. До свидания, дорогой мой друг, не оставляйте меня так долго без вестей о себе и не забывайте о квартете и о

Вашем преданном друге
Т. Жадуле.

Суббота.

P. S. Я пишу Вам на полулистке, чтобы письмо не вышло слишком тяжелым; прошу меня извинить.

148. В. В. Стасов

10 Дек. 86.

Professore, прилагаю письмо Юлии Никол. Вишневецкой, в ответ на тот вопрос о Ваших хорах, который Вы мне поручили задать ей, еще 27-го ноября. Как Вы увидите, она очень просит поспешить, елико возможно.

Адрес Вишневецкой:

Москва, Самотёк, 1-й Волконский переулок, д. Смоленской. Ваш всегда.

В. Стасов.

Как меня восхитил в Понедельник Ваш Азиятский «couvre feu»*[1]. Это Ваше новейшее сочинение, полное великолепного колорита азиатчины и музыкальщины, показало мне, чего еще теперь надо ожидать от Вас для 2-го Половецкого акта!!! Это просто грех Вам будет, если Вы не сделаете азиятскую арию[2].

В другой раз никогда более такой оказии не будет Вашему талантище разгуляться в этом роде!

Какой странный наш адмирал (Ник. Андр.)[3]. Вы знаете, я его люблю и уважаю до страсти, но он меня иногда поражает какою-то инертностью мысли (как бывало поражал и Вашего родного братца, нашего Мусорянина). Он нынче нашел, что Ваш «couvre-feu» чудесен, как первая

---

* Тушите огни *(фр.)*.

мысль, как начало чего-то, но никакого развития этой первой мысли не дано, а потому ничего почти тут и не выходит. Какая странность!!! Какого к черту «развития» надо в «couvre-feu»! Разве это симфония или соната?! Разве есть «развитие» у couvre-feu Мейербера, в III акте «Гугенотов»?![4] На что его? Для музыкальной стастики, что̀ ли?

И неужели Вы тут станете в самом деле делать «развитие»? Странно, престранно!!!

Ради самого создателя, черкните мне, Porfiriewitz, хоть одно слово, когда думаете послать хоры в Москву?

ПРИМЕЧАНИЯ*

1

НИИ ТМК

Гейсслер Генрих (1814—1879) — механик-конструктор и владелец магазина физико-химических приборов в Бонне. Д. И. Менделеев, высоко ценивший работы Гейсслера, называл его «стеклянных дел маэстро». С Гейсслером А. П. Бородин имел дела по оборудованию химической лаборатории Медико-хирургической академии. Вероятно, в 1877 году в Бонне Бородин был у Гейсслера (см. Письма А. П. Бородина, вып. II, п. № 371).

[1] В подлиннике неразборчивое слово.

2

НИИ ТМК

3-я страница письма — чистая; на 4-й — рукою Бородина написан черновик экзаменационной программы по химии.

Цыцурин Федор Степанович (1814—1875) — известный врач-терапевт. С 1863 по 1867 год состоял управляющим медицинским департаментом Военного министерства.

[1] В Псковской губернии, в имении Ростовцева. Об этом см. Письма А. П. Бородина, вып. I, п. № 24.

3

ГЦММК, ф. 45, № 53.

[1] В Берлине Бородин и Е. С. Протопопова, его невеста, были проездом в августе, сентябре 1862 года при возвращении из Италии в Россию.

[2] Сравнение Бородина с Глинкой делалось людьми, близкими Бородину, в конце 60-х годов в связи с высокой оценкой его романса «Спящая княжна». На этом основании можно предположить, что «Спящая княжна» сочинена до сентября 1867 года.

[3] Данное стихотворение — поздравление Бородина с именинами, праздновавшимися 30 августа.

---

* В примечаниях к каждому письму и документу в этом и в следующем разделах книги сокращенно указывается их место хранения. Приводим список сокращений наименований архивохранилищ:

ГДМЧ — Государственный дом-музей П. И. Чайковского в Клину.

НИИ ТМК — Научно-исследовательский институт театра, музыки и кинематографии в Ленинграде.

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

ГЦММК — Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки в Москве.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР в Ленинграде.

4

ГЦММК, ф. 45, № 420.

[1] Год написания определен по календарю (28 декабря приходилось в субботу в 1868 году) и на основании упоминания в письме о Даргомыжском, как о живом человеке. А. С. Даргомыжский скончался 5 января 1869 года.

[2] Милий Алексеевич Балакирев.

[3] Сговорились (от французского complot).

[4] Сестры Пургольд: Александра Николаевна, в замужестве Молас (1844—1929) — певица (контральто) и Надежда Николаевна, в замужестве Римская-Корсакова (1848—1919) — пианистка и композитор, жили у своего дяди В. Ф. Пургольда. Обе сестры были близки к Балакиревскому кружку и принимали деятельное участие в исполнении музыкальных произведений его членов.

[5] Н. А. Римский-Корсаков.

[6] Шестакова Людмила Ивановна (1816—1906) — сестра М. И. Глинки, известная музыкальная деятельница, видевшая в Балакиреве и его друзьях продолжателей и преемников Глинки.

[7] Романс А. П. Бородина «Спящая княжна», сочиненный в 1867 году.

5

ГЦММК, ф. 45, № 421. Выдержка из письма опубликована в примечании 3 к п. № 64 (Письма А. П. Бородина, вып. I). Ответ А. П. Бородина см. Письма А. П. Бородина, вып. I, п. № 64.

[1] План оперы «Князь Игорь», составленный В. В. Стасовым для А. П. Бородина. После смерти композитора В. В. Стасов взял из бумаг покойного этот сценарий, в настоящее время хранящийся в Стасовском архиве Института русской литературы Академии наук СССР. Этот сценарий впервые опубликован Е. М. Браудо в его монографии «А. П. Бородин. Его жизнь и творчество», П., 1922.

[2] Расправы Игоря с его врагами на Путивле после бегства из половецкого плена.

6

ГЦММК, ф. 45, № 422.

[1] Стасов Дмитрий Васильевич (1828—1918) — известный юрист и музыкально-общественный деятель, один из основателей Русского музыкального общества. Был в дружеских отношениях с А. П. Бородиным с конца 60-х годов.

7

ГЦММК, ф. 45, № 355.

Луканина Аделаида Николаевна, рожденная Рыкачева (1843—1908) — писательница и врач. Познакомилась с Бородиным около 1866 года и некоторое время работала по химии под его руководством. В 1872—1874 годах училась в Цюрихском университете, в 1876 году получила степень доктора медицины в Филадельфии. В 1877—1885 годах жила в Париже, занималась литературной работой. Печаталась в «Вестнике Европы», куда ее рекомендовал по просьбе Бородина И. С. Тургенев. См. о ней «Литературный архив», т. 4, 1953, стр. 346—355.

[1] Письмо относится к весне 1872 года на основании содержания и указания на предстоящую поездку Бородиных за границу и пребывания А. Н. Луканиной в Цюрихе.

[2] Очевидно, Бородин писал Луканиной, что он не рассчитывает быть поблизости от Швейцарии.

[3] Катерина Николаевна — знакомая или родственница А. Н. Луканиной.

[4] Об устройстве такого концерта Бородиным сведений не имеется.

[5] Е. С. Бородина.

8

НИИ ТМК

Варварин Михей Степанович — служитель химической лаборатории Медико-хирургической академии в 70-х годах. Бородин очень ценил его, как дельного, честного и знающего практически химию работника.

[1] Т. е. что среди людей, идущих по очереди в рекруты раньше его, было мало годных для военной службы. Дело это было до введения всеобщей воинской повинности.

[2] В те времена военная служба длилась 25 лет.

[3] Хлопоты Бородина оказались успешными, так как служитель Варварин продолжал работать в химической лаборатории Медико-хирургической академии.

9

ГЦММК, ф. 45, № 216. Ответ А. П. Бородина от 12 января 1873 г. см. Письма А. П. Бородина, вып. II, п. № 171.

[1] Бах — прозвище В. В. Стасова.

[2] Дополнительные куплеты к романсу «Фальшивая нота»; см. примечание 2 к п. № 171 (Письма А. П. Бородина, вып. II).

[3] 3 января — день рождения Е. С. Бородиной.

10

ГЦММК, ф. 45, № 423.

[1] 5 февраля 1873 года состоялась постановка трех сцен из оперы Мусоргского «Борис Годунов» в Мариинском театре под управлением Э. Ф. Направника.

[2] Кондратьев Геннадий Петрович (1834—1905) — певец (баритон), артист русской оперы, главный режиссер Мариинского театра.

[3] Прозвище М. П. Мусоргского.

[4] Щербачев Николай Владимирович (р. в 1853 г.) — композитор, близкий к «Новой русской музыкальной школе». Бородину очень нравилась одна из фортепьянных пьес Щербачева в его сборнике «Zigzags», изображавшая католическую заупокойную службу под звон колокола. «Флаконом», «флакончиком с духами» Щербачева прозвал Стасов, добродушно подсмеивавшийся над вычурностью манер Щербачева, но, как видно из комментируемого письма, ценивший его дарование.

11

ГЦММК, ф. 45, № 410.

Письмо написано Н. А. Римским-Корсаковым «от имени» своего сына Михаила, которому было тогда около двух месяцев от роду. Письмо является ответом на шуточное письмо Бородина, адресованное новорожденному (см. Письма А. П. Бородина, вып II, п. № 211). На этом основании письмо относится к 1873 году.

[1] Бородин с 15 октября по 16 ноября 1873 года болел воспалением лимфатических желез.

[2] По-видимому, фагот.

12

ГДМЧ, ДМ [14], № 256. Ответ А. П. Бородина см. Письма А. П. Бородина, вып. II, п. № 233.

[1] По предложению директора императорских театров С. А. Гедеонова, А. П. Бородин, Ц. А. Кюи, М. П. Мусоргский и Н. А. Римский-

Корсаков сочинили музыку для оперы-феерии «Млада», на либретто В. А. Крылова по сценарию С. А. Гедеонова, из истории западных славян. Опера не была поставлена. А. П. Бородиным в 1872 году была сочинена музыка для четвертого действия оперы. После смерти Бородина Н. А. Римским-Корсаковым был инструментован финал из оперы «Млада» и издан в 1891 году фирмой М. П. Беляева.

[2] В. В. Стасов называл «львицей» вторую симфонию h-moll Бородина, законченную в 1873 году.

13

ГЦММК, ф. 45, № 424.

[1] Год написания письма определен по календарю и по содержанию.

[2] Имеется в виду продажа билетов на одно из ближайших представлений оперы Мусоргского «Борис Годунов», впервые поставленной полностью 27 января 1874 года.

[3] У Д. В. Стасова.

14

НИИ ТМК

З и н и н Николай Николаевич (1812—1880) — знаменитый русский химик, один из основателей русской химической школы; в 1842 году синтезировал анилин. Учитель и друг Бородина.

[1] В подлиннике неразборчивое слово.

15

НИИ ТМК

[1] Е р м о л о в а Мария Григорьевна — почетная инспектриса Женских врачебных курсов с 1872 по 1881 год.

[2] Имеются в виду лекции Н. Н. Зинина на Женских врачебных курсах.

[3] В подлиннике неразборчивое слово.

16

ГЦММК, ф. 45, № 337. Ответ А. П. Бородина от 15 апреля 1875 года; см. П и с ь м а А. П. Б о р о д и н а, вып. II, п. № 279.

К а р м а л и н а Любовь Ивановна, рожденная Беленицына (1836—1903) — певица-любительница (сопрано). Ученица М. И. Глинки и А. С. Даргомыжского. Была близко знакома с М. А. Балакиревым с начала 60-х годов; переписывалась с М. П. Мусоргским; с Бородиным познакомилась в ноябре 1873 года. Была горячей поклонницей и исполнительницей музыки композиторов Балакиревского кружка.

[1] Критические статьи об опере «Борис Годунов» М. П. Мусоргского в связи с первой постановкой ее в Мариинском театре 27 января 1874 года.

[2] Рассказ царевича Федора про «Попиньку». Возможно, что здесь имеется в виду следующее место из статьи Ц. А. Кюи о «Борисе Годунове»: «Мало того, г. Мусоргский способен на замечательную изящную красивость: вспомним рассказ Федора про Попиньку, ответ ему царя и конец «любовного дуэта...» «С.-Петербургские ведомости», № 37 от 6 февраля 1874 года.

[3] Л. И. Шестакова.

[4] Ю р г е н с о н Петр Иванович (1836—1903) — московский нотоиздатель.

[5] «Вильям Ратклиф», опера Ц. А. Кюи, поставленная в Мариинском театре в 1869 году.

[6] Л. И. Кармалина была в Петербурге осенью 1873 года.

17

ГДМЧ, ДМ [14], № 257.

[1] Прозвище Н. В. Щербачева. О нем см. примечание 4 к п. № 10.

18

НИИ ТМК. Единственное сохранившееся письмо Д. И. Менделеева к Бородину.

Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907) — великий русский химик. Сблизился с Бородиным в Гейдельберге зимой 1859—1860 годов. Двенадцать писем Бородина к Менделееву см. Письма А. П. Бородина, вып. IV.

[1] Лермонтова Юлия Всеволодовна (1846—1919) — одна из первых русских женщин-химиков, доктор химии Гёттингенского университета.

[2] Здесь недописанные слова: «Гёттингенского университета».

[3] Соколов Николай Васильевич (1841—1915)—профессор химии Медико-хирургической академии в 1870—1892 годах.

19

НИИ ТМК

Стасова Поликсена (Полина) Степановна, рожденная Кузнецова (1839—1918) — жена Дмитрия Васильевича Стасова. Участвовала в благотворительных общественных организациях («Общество для пособия нуждающимся слушательницам Женских врачебных и педагогических курсов», «Детская помощь» и т. п.); была в дружеских отношениях со всеми членами Балакиревского кружка.

20

ГЦММК, ф. 45, № 358.

Майнов Владимир Николаевич (1845—1888) — известный писатель-этнограф.

[1] Датируется предположительно 1874—1875 годами, так как именно к этим годам относится сочинение Бородиным музыки половецких актов из оперы «Князь Игорь». Именно для этой цели он и собирал сведения о музыке половцев.

[2] Хунфальви П. — известный венгерский путешественник и этнограф, член Академии наук в Пеште. По-видимому, Бородин пользовался одной из этнографических работ Хунфальви (на немецком языке), имевшейся в Публичной библиотеке в Петербурге.

[3] «Ложится в поле» — персидский хор из оперы «Руслан и Людмила» Глинки.

21

ГЦММК, ф. 45, № 425.

[1] Н. А. Римский-Корсаков.

[2] Н. Н. Римская-Корсакова.

[3] Это был Михаил Романович Щиглев, как это видно из письма А. П. Бородина к Е. С. Бородиной от 19 сентября 1875 года (см. Письма А. П. Бородина, вып. II, п. № 285).

22

ГДМЧ, ДМ [14], № 280.

[1] Датируется на основании календаря и по сопоставлению с письмом А. П. Бородина к Е. С. Бородиной от 19 сентября 1875 года (см. Письма А. П. Бородина, вып. II, п. № 285).

23

ГЦММК, ф. 45, № 426.

[1] Н. А. Римский-Корсаков.

[2] Рассказы Н. А. Римского-Корсакова, очевидно, относились к сочиненным Бородиным летом 1875 года частям «Игоря»—первому хору первого акта, арии Кончака и половецким пляскам с хором.

24

НИИ ТМК. Ответ А. П. Бородина от 6 февраля 1876 года см. Письма А. П. Бородина, вып. II, п. № 303.

Альбрехт Евгений Карлович (1842—1894) — музыкальный деятель, инспектор музыки императорских театров, старшина «Общества квартетной музыки». С Бородиным близко знаком не был.

25

ГЦММК, ф. 45, № 217.

[1] В чем заключалось это предложение — неизвестно.

[2] Это письмо М. А. Балакирева неизвестно.

26

НИИ ТМК

Полякова Алина Александровна (рожденная Хвостова)—певица, ученица Г. Ниссен-Саломан. Пела в концертах Бесплатной музыкальной школы, бывала у Л. И. Шестаковой. С Бородиным познакомилась в конце 60-х годов.

[1] Никаких сведений об этом концерте в пользу Женских курсов обнаружить не удалось.

27

ГЦММК, ф. 45, № 427.

[1] Л. И. Шестакова.

[2] Симфоническая поэма «Тамара» М. А. Балакирева, начатая еще в конце 60-х годов, была закончена только в 1882 году.

[3] 23 марта 1876 года состоялся концерт Бесплатной музыкальной школы под управлением Н. А. Римского-Корсакова из произведений русских композиторов. В этом концерте впервые исполнялся «хор славления» из оперы «Князь Игорь», незадолго перед тем сочиненный Бородиным.

[4] Статья Ц. А. Кюи о концерте Бесплатной музыкальной школы напечатана в газете «С.-Петербургские ведомости» № 87 от 28 марта 1876 года.

[5] «Школьного учителя».

[6] Имеется в виду часть хора славления, начинающаяся словами: «С Дона великого». Ц. А. Кюи относился отрицательно к заимствованию композиторами народных тем для своих произведений: по-видимому, он почувствовал в указанной части хора подобное заимствование. Весь этот хор действительно построен на вариантах мотива из напева «Песни про горы Воробьевские» (из сборника Прокунина).

[7] Патти Аделина (1843—1919) — знаменитая итальянская певица (колоратурное сопрано), неоднократно гастролировавшая в России.

28

ГЦММК, ф. 45, № 338. Выдержка из письма опубликована в примечании 6 к п. № 308, являющемуся ответом А. П. Бородина от 1 июля 1876 года (Письма А. П. Бородина, вып. II).

[1] Кармалин Николай Николаевич (1824—1900) — военный губернатор Эриванской области до 1873 года, в 1873—1882 годах — начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска, с 1882 года—член военного совета. С Бородиным познакомился в начале февраля 1876 года (см. Письма А. П. Бородина, вып. II, п. № 302, примечание 7).

[2] Т. е. переписку, сводящуюся к обмену одним письмом в год.

[3] Письма, ценимые Л. И. Кармалиной, были ею переплетены в особый альбом, хранившийся в имении Кармалиных. Дальнейшая судьба этого альбома неизвестна.

Л. И. Кармалина передала В. В. Стасову копии писем к ней Бородина и Мусоргского, однако видеть копии этих писем Бородина мне не удалось.

[4] По-видимому, имеется в виду сын Катарино Альбертовича Кавоса, Иван Катаринович.

[5] Так назвал Балакиревский кружок в одной из своих статей В. В. Стасов.

[6] Это «химическое» рассуждение неясно; по-видимому, автор письма хочет этой «формулой» сказать, что вода состоит из водорода и кислорода (?!)

[7] «Анджело» — опера Ц. А. Кюи на сюжет драмы В. Гюго «Венецианская комедиантка»; закончена в 1875 году.

[8] Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — реакционный журналист, издатель газеты «Новое время».

[9] Возможно, что здесь имеется в виду первое представление оперы «Анджело» Кюи в Мариинском театре 1 февраля 1876 года.

[10] Т. е. в «Пажеский корпус».

29

ГДМЧ. ДМ [14], № 277.

[1] Относится к 1876 году на основании содержания.

[2] Воспитанница Л. И. Шестаковой Елена Антоновна Афанасьева.

30

ГЦММК, ф. 45, № 428.

[1] Имеются в виду новые номера из оперы «Князь Игорь», сочиненные летом 1876 года (главным образом для четвертого действия).

31

ГЦММК, ф. 45, № 429.

[1] Шуточное стихотворение А. П. Бородина, посланное В. В. Стасову 5 декабря 1876 года. См. Письма А. П. Бородина, вып. II, п. № 330.

[2] Д. В. Стасов, живший на Малой Морской в доме Татищева.

[3] Чистяков Павел Петрович (1832—1919) — известный художник и педагог, преподававший в Академии художеств с 1872 по 1912 год.

32

НИИ ТМК

[1] На основании сведений о концертах Бесплатной музыкальной школы под управлением Н. А. Римского-Корсакова, в которых исполнялись произведения А. П. Бородина, возможно, что эта записка была написана в одну из следующих пятниц: 21 января 1877 года, 23 февраля 1879 года, 9 ноября 1879 года.

33

ГЦММК, ф. 45, № 364.

Письмо сохранялось в конверте с надписью рукою А. П. Бородина — «Берга, Бредлера, Чеха, Меншуткина и Бейльштейна». Уцелели лишь письма Меншуткина и Бейльштейна. Ответ А. П. Бородина неизвестен; черновики его см. Письма А. П. Бородина, вып. II, пп. №№ 349, 350 и 351.

Меншуткин Николай Александрович (1842—1907) — выдающийся русский химик, профессор Петербургского университета; в 1869—1900 годах состоял редактором химической части «Журнала Русского физико-химического общества». С Бородиным близок не был.

[1] Бейльштейн Федор Федорович (1838—1906) — химик, профессор Петербургского технологического института, автор известного справочника «Handbuch der organischen Chemie». Был в дружеских отношениях с Бородиным.

[2] Конрад Чех поместил в «Berichte der Deutschen Chemischen Gesellschaft» заметку о коллекциях химических препаратов, экспонированных на выставке в Лондоне в 1876 году; в этой заметке, вызвавшей возмущение Бородина, не было упоминаний о русских экспонатах и, в частности, об экспонатах Медико-хирургической академии.

[3] Эта заметка Ф. Ф. Бейльштейна была напечатана в журнале «Русского физико-химического общества» за 1877 год (ч. 2, стр. 112—113).

34

ГЦММК, ф. 45, № 418.

Соловов Н. — секретарь Петербургского отделения Русского музыкального общества.

[1] В концерте Русского музыкального общества 26 февраля 1877 года была впервые исполнена вторая симфония h-moll А. П. Бородина под управлением Э. Ф. Направника.

35

ГЦММК, ф. 45, № 453. Письмо написано рукой Е. А. Афанасьевой, подпись рукой Л. И. Шестаковой.

[1] Год написания письма определяется по содержанию; оно написано на другой день после первого исполнения второй симфонии h-moll А. П. Бородина в концерте 26 февраля 1877 года.

[2] К Н. А. и Н. Н. Римским-Корсаковым.

[3] В первоначальной инструментовке скерцо симфонии h-moll Бородина было оркестровано несколько грузно, что помешало его исполнить в надлежащем темпе.

[4] Сообщения очевидцев о приеме публикой второй симфонии Бородина в концерте 26 февраля 1877 года несколько разноречивы. М. М. Иппполитов-Иванов пишет: «Симфония имела средний успех» (М. М. Иппполитов-Иванов. 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. М., 1934, стр. 33), А. П. Дианин же в своих воспоминаниях сообщает об обструкции, устроенной частью публики. Судя по комментируемому письму, сообщение А. П. Дианина ближе к истине. См. также в этой книге «Воспоминания М. В. Доброславиной» (стр. 343).

[5] Опера А. Н. Верстовского, некогда весьма популярная.

36

ГЦММК, ф. 45, № 227.

[1] О заметке К. Чеха в «Berichte» и ее последствиях см. п. № 33 и в примечаниях к нему.

37

ГДМЧ, Ю[2], № 148.

[1] Датируется предположительно «осенью 1877 г.» на основании содержания письма.

38

ГДМЧ, ДМ[14], № 263. Впервые опубликовано в газете «Советское искусство», 1940, № 50 и перепечатано в Собрании сочинений И. С. Тургенева, т. 11, изд. «Правда», 1949.

[1] Письмо А. П. Бородина к И. С. Тургеневу от 16 октября 1877 года, см. «Литературный архив», вып. IV, 1953, стр. 392—394.

[2] «Любушка. Рассказ старой няни» — первая повесть А. Н. Луканиной, напечатанная по рекомендации И. С. Тургенева в журнале «Вестник Европы», 1878, № 3.

[3] Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — профессор истории, либеральный публицист, с 1866 года — редактор-издатель журнала «Вестник Европы».

[4] Встреча А. П. Бородина с И. С. Тургеневым у В. В. Стасова состоялась в мае 1874 года. См. В. В. Стасов. Двадцать писем Тургенева и мое знакомство с ним. «Северный вестник», 1888, № 10.

[5] Виардо-Гарсиа Полина (1821—1910) — выдающаяся певица, друг И. С. Тургенева.

39

ГЦММК, ф. 45, № 430.

[1] Датируется на основании сопоставления с ответным письмом А. П. Бородина от 22 ноября 1877 года. См. Письма А. П. Бородина, вып. II, п. № 401.

[2] По инициативе В. В. Стасова А. П. Бородин на основании своих писем к Е. С. Бородиной от лета 1877 года составил «Мои воспоминания о Листе», которые предназначались для печати в журнале «Пчела». По неизвестной причине они напечатаны не были и впервые опубликованы в Письмах А. П. Бородина, вып. III.

40

ГЦММК, ф. 45, № 431.

[1] См. примечание 2 к п. № 39.

[2] Портрет Ф. Листа.

[3] Племянница В. В. Стасова Наталия Федоровна Пивоварова.

[4] Очевидно, В. В. Стасов предлагал Бородину сам организовать переписку бородинских писем о Листе.

41

ГДМЧ, ДМ [14], № 206.

[1] Датируется предположительно на основании содержания. По-видимому, оно послано Н. А. Римским-Корсаковым в связи с репетированием сочинений Бородина к одному из концертов Бесплатной музыкальной школы.

42

ГЦММК, ф. 45, № 218.

[1] Год написания письма определен на основании календаря и по содержанию письма.

[2] Лядов Анатолий Константинович (1855—1914) — выдающийся композитор и педагог, ученик и друг Н. А. Римского-Корсакова: член Беляевского кружка. С А. П. Бородиным встречался еще в 1873 году, ближе познакомился около 1877 года.

[3] Имеется в виду не давшая результатов переписка П. И. Юргенсона с фирмой Шотт об издании партитуры и 4-ручного переложения 1-й симфонии Бородина; переписка эта велась по поручению М. А. Балакирева. См. М. А. Балакирев. Переписка с нотоиздательством П. Юргенсона. М., 1958, стр. 29—32.

43

ГЦММК, ф. 45, № 432.

[1] Обещания доставить «Письма о Листе» именно к первым числам января 1878 года Бородин не давал. См. его письмо к В. В. Стасову от 2 апреля 1878 года (Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 414).

[2] В действительности со времени встреч Бородина с Ф. Листом до момента написания комментируемого письма прошло полгода.

[3] Это преувеличение: в 1877 году была сочинена каватина Владимира Игоревича.

44

ГЦММК, ф. 45, № 433. Ответ А. П. Бородина см. Письма А. П. Бородина, вып. III, п. 414.

[1] Стасова Надежда Васильевна (1822—1895) — сестра В. В. и Д. В. Стасовых — общественная деятельница, много сделавшая для высшего женского образования в России, одна из учредительниц Высших женских курсов («Бестужевских»). Познакомилась с Бородиным, вероятно, около 1877 года. Черновики писем к ней Бородина см. Письма А. П. Бородина, вып. III, пп. №№ 460, 461 и 875.

45

ГЦММК, ф. 45, № 411.

[1] 2 октября 1878 года. Очевидно, на этом музыкальном собрании Бородин должен был ознакомить своих музыкальных друзей с номерами «Игоря», сочиненными летом 1878 года (сцены у Владимира Галицкого).

[2] Дата установлена на основании почтового штемпеля.

46

ГЦММК, ф. 45, № 455. Письмо написано рукой Е. А. Афанасьевой.

[1] Год определен по календарю и на основании содержания письма.

[2] Ильинский Владимир Никанорович — врач, певец-любитель. Обладая чудесным баритоном, великолепно исполнял романсы композиторов Балакиревского кружка на музыкальных вечерах у Л. И. Шестаковой и ее друзей. Был учеником Бородина по химии и находился с ним в дружеских отношениях.

[3] Сестры А. Н. и Н. Н. Пургольд; обе они в 1878 году были замужем, но Людмила Ивановна их называла, по старой манере, девической фамилией.

[4] Так называла М. П. Мусоргского Л. И. Шестакова.

[5] Дуэт Владимира Игоревича и Кончаковны во втором действии оперы «Князь Игорь».

[6] Никольский Владимир Васильевич (1836—1883) — известный пушкинист, профессор русской словесности в Петербургском лицее. Подал М. П. Мусоргскому мысль о сочинении оперы на сюжет пушкинского «Бориса Годунова». Был в дружеских отношениях с Л. И. Шестаковой; с Бородиным был знаком с середины 60-х годов.

[7] В конце 1878 года Л. И. Шестакова издала партитуру оперы «Руслан и Людмила» Глинки под редакцией М. А. Балакирева, Н. А. Римского-Корсакова и А. К. Лядова. А. П. Бородин получил от Л. И. Шестаковой в подарок экземпляр печатной партитуры этой оперы 1 января 1879 года.

47

ИРЛИ

[1] Хор невольниц «Улетай на крыльях ветра» из оперы «Князь Игорь» А. П. Бородина был впервые исполнен 27 февраля 1879 года в четвертом концерте Бесплатной музыкальной школы. Как видно из письма А. П. Бородина к В. В. Стасову от 31 января 1879 года (Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 453), разучивание указанного хора происходило 31 января.

[2] Имеется в виду репетиция состоявшегося 23 января 1879 года второго концерта Бесплатной музыкальной школы.

[3] Год проставлен в подлиннике красным карандашом рукою В. В. Стасова.

48

ГЦММК, ф. 45, № 219.

[1] М. А. Балакирев, под руководством которого А. П. Бородин писал свою первую симфонию Es-dur, неоднократно предлагал автору различные изменения в партитуре этой симфонии, для чего и просил доставить ее. А. П. Бородин не смог тогда удовлетворить желание Балакирева, так как партитура симфонии находилась в Лейпциге у председателя Всеобщего немецкого музыкального союза Карла Риделя.

49

ГЦММК, ф. 45, № 434.

[1] Второй концерт Бесплатной музыкальной школы состоялся 23 января 1879 года.

[2] См. примечание 1 к п. № 48.

50

ГЦММК, ф. 45, № 435. Ответ А. П. Бородина от 31 января 1879 г. см. Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 453.

[1] Год написания письма определен по календарю.

[2] Как видно из ответа, А. П. Бородин не смог из-за разных неотложных дел провести у В. В. Стасова вечер 31 января.

51

ГЦММК, ф. 45, № 412.

[1] Н. А. Римский-Корсаков ездил в Москву весною 1879 года для дирижирования в концерте пианиста П. А. Шостаковского (3 апреля) и в концерте Филармонического общества (9 апреля), основанного Шостаковским.

[2] Каватина Владимира Игоревича из второго действия оперы «Князь Игорь» исполнялась в концерте Московского филармонического общества.

[3] Барцал Антон Иванович (1847—1927) — певец (тенор), артист, впоследствии главный режиссер Большого театра в Москве.

[4] Год указан на основании содержания письма.

52

ГЦММК, ф. 45, № 436.

[1] В ответ на посланный ему печатный экземпляр первого издания «Парафраз» (собрания фортепьянных пьес на неизменяемую тему) А. П. Бородина, Ц. А. Кюи, А. К. Лядова и Н. А. Римского-Корсакова.

[2] В. В. Стасов в копии письма Ф. Листа пропустил дату; она восстановлена в квадратных скобках на основании другой копии этого письма, сделанной Е. С. Бородиной.

Письмо это было тогда же опубликовано В. В. Стасовым в газете «Голос», № 277 от 7 октября 1879 года и вызвало отклики в прессе (см. Письма А. П. Бородина, вып. IV, п. № 1222).

[3] Партитуру оперы «Майская ночь».

[4] М. П. Мусоргский.

[5] Л. И. Шестаковой.

53

ГЦММК, ф. 45, № 413. Музыкальные приложения к письму выписаны на отдельных полулистах бумаги. Ответ А. П. Бородина от 4 августа 1879 года, см. Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 469.

[1] № 1 первой картины первого действия оперы «Князь Игорь» — начало сцены у Владимира Галицкого.

[2] Н. А. Римский-Корсаков вместе с М. А. Балакиревым и А. К. Лядовым редактировал партитуру оперы «Иван Сусанин» Глинки для издания.

[3] М. А. Балакиревым.

[4] Опера «Сарацин» была закончена Ц. А. Кюи только в 1898 году.

[5] Н. Н. Римская-Корсакова.

[6] Е. С. Бородиной.

[7] А. П. Дианину.

[8] Год определен по содержанию письма.

[9] На нотной рукописи, приложенной к письму Н. А. Римского-Корсакова, имеется ряд карандашных поправок, сделанных А. П. Бородиным, а именно:

а) в тактах 3, 5, 6, 7, 9 — вычеркнуты последние ноты фигуры в шестнадцатых,

б) в такте 9 — вычеркнута нота b^1 и приписаны ноты a^1, g^1, f^1.

в) в такте 14 — вычеркнута нота f (последняя восьмушка в реплике Скулы),

г) в такте 21 — в верхнем голосе хора вписано es^1 и, соответственно, в фортепьянном сопровождении — вписана в правой руке на первой четверти октавы f^1—f^2, а на второй четверти, вместо аккорда $\begin{matrix} g^2 \\ b^1 \\ g^1 \end{matrix}$ — помещен септаккорд $\begin{cases} f^2 \\ es^2 \\ a^1 \\ f^1 \end{cases}$.

д) в такте 22 — в правой руке фортепьянного сопровождения вписаны (на 2-й и 4-й восьмых такта) и вычеркнуты октавы f^1—f^2, на 6-й же восьмой зачеркнут бемоль против ноты *си* первой октавы; в левой руке вычеркнута октава *B*—*b* на последней восьмой такта.

е) в такте 23 — в партитуре хора, в нижнем голосе, вместо восьмых d^1—b, на 1-й четверти, вписано b—d^1, на 2-й четверти вместо g^1 написано f^1 и вместо b (?) — e^1. Соответственно, в фортепьянном сопровождении, в правой руке зачеркнут верхний голос и на первых двух восьмых — написано $\begin{cases} f^2 \\ d^2 \\ b^1 \end{cases}$ и a^1, а на 2-й четверти — аккорд $\begin{cases} f^2 \\ es^2 \\ b^1 \\ g^1 \end{cases}$ в левой руке вместо октав d^1—d, b—B—вписаны октавы b—B, d^1—d.

ж) В такте 24 — в фортепьянном сопровождении в правой руке сделаны те же изменения, что в такте 22.

з) В такте 31 — на 4-й четверти зачеркнуто *es* (*e*?) в партитуре хора.

[10] Под «реуньонами» (réunions), очевидно, имеются в виду «соединения тем».

[11] Слева от цифры 6 в подлиннике написано карандашом, почерком А. П. Бородина, «NB», а несколько ниже и левее слово «не»; первые три строчки текста, начиная с цифры 6, отчеркнуты слева карандашной чертой.

[12] При сличении приложенного к комментируемому письму текста № 1 из первой картины первого действия оперы «Князь Игорь» в редакции, предложенной Н. А. Римским-Корсаковым в 1879 году, с окончательной редакцией того же номера в печатном клавираусцуге оперы, выясняется, что указания Н. А. Римского-Корсакова несомненно имели значительное влияние на дальнейшую работу А. П. Бородина, но не были этим последним приняты целиком. Как видно из записки А. К. Глазунова о редактировании оперы «Князь Игорь», после смерти его автора данный номер не перерабатывался редакторами (он, вероятно, получил окончательную редакцию в 1885 году, в результате совместной работы Бородина и Римского-Корсакова).

В частности, в печатном клавираусцуге:

а) Данный номер написан не в B-dur, как предлагал Н. А. Римский-Корсаков, а в G-dur (в этом тоне указаны в дальнейшем изложении все названия нот).

б) Последний член квартового хода в тексте печатного издания, соответствующий шестому такту отрывка, выписанного в приложении к данному письму, тот же, что и предложенный Н. А. Римским-Корсаковым, но на октаву выше, чем у него. То же имеет место и в предыдущем такте, отвечающем пятому такту корсаковской рукописи.

в) Указание Н. А. Римского-Корсакова относительно неудобства встречающихся в тактах 4, 5, 6, 7, 9 ритмических фигур было принято во внимание А. П. Бородиным: последние ноты этих фигур и всех подобных им вычеркнуты так, что предпоследняя нота приобретает длительность $^1/_8$ вместо $^1/_{16}$ или $^1/_4$ вместо $^1/_8$; это изменение имеется и в печатном издании (в печатном клавираусцуге фигуры эти в данном номере начинаются с другой ступени — на терцию ниже).

г) У А. П. Бородина в тактах 31—32 был в первоначальной редакции каданс на тонике. Н. А. Римский-Корсаков, в своей редакции, поместил полукаданс на доминанте. В печатной редакции этих тактов остался, однако, каданс на тонике.

д) В своем ответе А. П. Бородин согласился с предложением сделать перемену тональности, когда хор во второй раз поет «Многая лета». Тем не менее, в печатной редакции такой перемены не сделано (в тактах 33—34 и в тактах 67—68). «Многая лета» поется на один и тот же тон.

е) В тактах 39—40 каданс, первоначально, был на тонике. Н. А. Римский-Корсаков предложил, изменив такт 39, сделать модуляцию в параллельный минор с кадансом на тонике этой последней тональности, чтобы сразу «установилась педаль». В печатной редакции каданс — на тонике, на которой и устанавливается педаль (в дальнейшем — переход не в параллельный, а в одноименный главной тональности минор, что позволяет надолго сохранить педаль без скачков; очевидно, это место было переработано после 1879 года).

ж) 44-й такт отрывка в печатной редакции сильно изменен: ostinato в левой руке, на которое указывает Н. А. Римский-Корсаков (см. примечание 9, нотн. прим.), — выброшено и заменено фигурами того же рисунка, что в тактах 47—48: здесь также имела место позднейшая переработка.

54

ГЦММК, ф. 45, № 437. Ответ А. П. Бородина от 15 августа 1879 г. см. Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 471.

[1] Я не смог выяснить, по какой причине этот день должен называться «днем Бородина». Возможно, что здесь имеется в виду дата окончания какого-нибудь из произведений А. П. Бородина, нам в точности неизвестная.

[2] Очевидно, В. В. Стасов здесь указывает дату по штемпелю на конверте. Он имеет в виду письмо А. П. Бородина от 4 августа 1879 года (Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 470).

[3] Гольдштейн Михаил Юльевич (1853—1905) — химик, ученик А. П. Бородина, брат пианиста и дирижера Э. Ю. Гольдштейна.

[4] Мержеевский Иван Павлович (1838—1908) — известный психиатр, директор клиники для душевнобольных в Медико-хирургической академии.

[5] Д. В. Стасов временно исполнял обязанности председателя «Общества для пособия слушательницам Женских врачебных и педагогических курсов» вместо отсутствовавшего летом В. А. Арцимовича. Этой фразой В. В. Стасов хотел также дать знать А. П. Бородину о состоявшемся освобождении Д. В. Стасова, находившегося под арестом по политическому делу весною 1879 года.

[6] Вероятно, из любимой В. В. Стасовым второй («Богатырской») симфонии Бородина.

[7] Из первого квартета А. П. Бородина (A-dur), тогда еще не вполне законченного.

[8] Ариозо Кончаковны из второго акта оперы «Князь Игорь».

[9] Существовал проект переработки «Старой песни» Бородина для хора с увеличением объема произведения и оркестровкой сопровождения. Возможно, что первым лицом, высказавшим мысль о желательности такой переработки, был Ц. А. Кюи, замечание которого в этом смысле имеется в рецензии, помещенной в № 258 «С.-Петербургских ведомостей» за 1873 год. Возможно, однако, что уже в 1879 году у Бородина существовало намерение использовать «Песню о лесе» в «сцене распрей» (откинутой впоследствии) в конце I акта «Игоря».

[10] Увертюра к опере «Князь Игорь» была импровизирована автором в конце жизни (летом 1884 года?) и осталась незаписанной.

[11] Бородин обещал оркестровать сопровождение ариозо Кончаковны и окончательно отредактировать этот номер. Обещание было исполнено только к концу 1881 года для концерта Д. М. Леоновой.

[12] Рубинштейн Антон Григорьевич (1829—1894) — пианист и композитор, основатель Русского музыкального общества и Петербургской консерватории. Был знаком с Бородиным.

[13] «Членов Давидова союза» (объединения борцов с мещанской рутиной, существовавшего в воображении Шумана, назвавшего один из своих фортепьянных циклов «Танцами Давидсбюндлеров»). В данном случае под этим наименованием разумеются композиторы «Новой русской музыкальной школы», друзья В. В. Стасова.

[14] Фортепьянный цикл Шумана.

[15] «Симфонические этюды» Шумана (вариации на cis-moll'ную тему).

[16] Глюк Кристоф Виллибальд (1714—1787) — выдающийся австрийский композитор, реформатор оперы.

[17] Гендель Георг Фридрих (1685—1759) — выдающийся немецкий композитор. Автор многочисленных опер и ораторий, хоровые номера которых поражают своей грандиозностью и мастерством полифонии. Сравнивая Бородина и Генделя, В. В. Стасов подчеркивает, что для такого уподобления главным основанием служит грандиозность хоров у Бородина (в «Князе Игоре»). Хоры эти, неизменно сохраняющие ярко выраженную национальную, русскую окраску, построены совсем иначе, чем у Генделя: Бородин — «нынешний» Гендель, имя которого в данном случае употребляется как нарицательное.

[18] Леонова Дарья Михайловна (1829—1896) — певица (контральто), в 1852—1873 годах пела на казенной оперной сцене в Петербурге. Летом 1879 года совершила с М. П. Мусоргским концертное турне по югу России. С Бородиным познакомилась около 1880 года.

[19] Ерошка (тенор) и Скула (бас) — гудошники, действующие лица в опере «Князь Игорь».

55

ИРЛИ. Опубликовано частично в монографии В. В. Стасова «Н. А. Римский-Корсаков», 1890, и полностью в «Русской музыкальной газете», 1909, № 22—23.

[1] Т. е. от В. В. Стасова, очень настаивавшего на скорейшем окончании увертюры к опере «Князь Игорь».

[2] Е. С. Бородиной и А. П. Дианину.

[3] Н. Н. Римская-Корсакова.

[4] Относится к 1879 году на основании сопоставления с письмом А. П. Бородина к Н. А. Римскому-Корсакову от 4 августа 1879 года (Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 469).

56

ГЦММК, ф. 45, № 220.

[1] Датируется «около 10 декабря 1879 г.» на основании сопоставления с письмом А. П. Бородина к М. А. Балакиреву от 3 декабря 1879 года (Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 497), на которое является ответом.

57

ГЦММК, ф. 45, № 356. Черновики ответа А. П. Бородина см. Письма А. П. Бородина, вып. III, пп. №№ 538, 539.

[1] Повесть А. Н. Луканиной «Палата № 103» напечатана в декабрьской книжке журнала «Вестник Европы» за 1879 год.

[2] См. примечание 3 к п. № 38.

[3] См. примечание 5 к п. № 38.

[4] И. С. Тургенев жил тогда в Париже. А. Н. Луканина часто виделась с И. С. Тургеневым в 1877—1883 годах и оставила воспоминания о нем, напечатанные в журнале «Северный вестник» за 1887 год, кн. II—III.

[5] Письмо И. С. Тургенева под заглавием «Ответ иногороднему обыва-

телю» напечатано в № 358 газеты «Молва» от 29 декабря 1879 года. Это письмо явилось ответом на донос «Иногороднего обывателя» (Б. М. Маркевича) о связях И. С. Тургенева с революционной эмиграцией, напечатанный под заглавием «С берегов Невы» в № 313 «Московских ведомостей» за 1879 год. Письмо Тургенева вызвало газетную полемику, закончившуюся неблагоприятно для Маркевича (см. М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева, 1934, а также брошюру «И. С. Тургенев и Московские ведомости. Мнение одного из публики Н. Стечкина», 1880).

58

ГЦММК, ф. 45, № 347.

[1] Речь идет об оркестровке «Половецкого марша» из третьего действия оперы «Князь Игорь», имевшегося лишь в фортепьянном наброске.

[2] В подлиннике ошибочно поставлена цифра II. Письмо несомненно написано «28 января 1880 г.» (на основании содержания и сопоставления с последующими письмами).

59

ГЦММК, ф. 45, № 348.

[1] См. п. № 58.

[2] Симфоническая картина «В Средней Азии» была сочинена незадолго до января 1880 года и впервые исполнена в концерте Д. М. Леоновой 8 апреля 1880 года.

[3] «Пляска персидок» из оперы «Хованщина» М. П. Мусоргского.

[4] «Песня о блохе» из «Фауста» Гёте, музыка М. П. Мусоргского.

[5] Опера П. И. Бларамберга «Мария Тюдор».

[6] Относится к 1880 году на основании содержания письма.

60

ГЦММК, ф. 45, № 349.

[1] Относится к 1880 году на основании содержания письма.

61

НИИ ТМК

Бутлеров Александр Михайлович (1828—1886) — знаменитый русский химик, осуществивший ряд замечательных синтезов органических веществ. Автор «теории строения». С Бородиным был в дружеских отношениях.

[1] Относится к 1880 году на основании календаря и по содержанию письма.

62

ГЦММК, ф. 45, № 253.

[1] Датируется приблизительно на основании сопоставления с черновиками ответа А. П. Бородина (см. Письма А. П. Бородина, вып. III, пп. №№ 560—562) и по содержанию письма.

[2] Очерк о Н. Н. Зинине написан совместно А. П. Бородиным и А. М. Бутлеровым и опубликован в апрельской книжке «Журнала Русского физико-химического общества» за 1880 год.

63

ГЦММК, ф. 45, № 357.

[1] «Здоровье» — популярный гигиенический журнал, выходивший в 70-х и 80-х годах в Петербурге, под редакцией А. П. Доброславина.

[2] Доброславин Алексей Петрович (1842—1889) — профессор гигиены Медико-хирургической академии; в 1876—1885 годах — ученый секретарь конференции этой академии. Был в дружеских отношениях с Бородиным с 1869 года.

[3] Хлебников Петр Алексеевич — медик по образованию. В 1861—1873 годах был профессором физики в Медико-хирургической академии. В конце 60-х и в 70-х годах был фактическим редактором научно-популярного журнала «Знание».

64

ГЦММК, ф. 45, № 409.

[1] Это сопроводительное письмо датируется на основании содержания и написано на обороте следующего печатного обращения Г. Римана:

Bromberg und Leipzig. April 1880
P. P.

Für die Herausgabe eines Musik-Lexikons erlauben sich die Unterzeichneten Sie um baldgefällige Mittheilung biographischer Notizen zu ersuchen, welche, Ihr Geburtsjahr und-Tag, Geburtsort, Bildungs- und Entwickelungsgang, öffentliche Laufbahn etc. enthalten, damit die in anderen lexikalischen Schriften und kunstliterarischen Werken befindlichen Angaben ergänzt, resp. richtig gestellt werden können.

Für Ihre freundliche Bemühung sagen wir Ihnen im voraus den verbindlichsten Dank und bitten Sie, das nebenstehende Formular[1] ausgefüllt an den mitunterzeichneten Dr. Hugo Riemann in Bromberg umgehend zurücksenden zu wollen.

Mit Hochachtung
Dr. Hugo Riemann in Bromberg, als Verfasser.
Bibliographisches Institut in Leipzig, als Verleger.
Бромберг и Лейпциг, Апрель 1880.

Для издания Музыкального словаря нижеподписавшиеся позволяют себе просить Вас срочно сообщить (о себе) биографические сведения, с указанием года, дня и места рождения, данные об образовании и развитии, общественной деятельности и т. п., чтобы было возможно дополнить и исправить данные, имеющиеся в других словарях и историко-литературных сочинениях.

Заранее выражая Вам искреннюю благодарность за Ваше дружеское содействие, мы просим Вас оказать любезность и, заполнив прилагаемую анкету, переслать ее одному из нижеподписавшихся Д-ру Гуго Риману в Бромберг.

С глубоким уважением
Д-р Гуго Риман в Бромберге, составитель
Библиографический институт в Лейпциге,
издатель.

Риман Гуго (1849—1919) — немецкий музыковед, составитель одного из наиболее распространенных музыкальных словарей. В печатаемом обращении дело идет о собирании сведений для вышедшего в 1882 году первого издания музыкального словаря Римана.

Упоминаемая анкета не сохранилась в бумагах Бородина. Бородин послал Г. Риману о себе биографические данные, которые Риман использовал, внеся в них ряд изменений. Черновик посланных Бородиным Риману сведений о себе см. Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 590.

65

ГЦММК, ф. 45, № 401. Текст письма приведен в письме А. П. Бородина к В. В. Стасову от 23 июня 1880 года, см. Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 586. Черновик ответа А. П. Бородина от 15/27 мая 1880 года, см. Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 572.

Ридель Карл (1827—1888) — немецкий историк музыки и общественный деятель, профессор Лейпцигской консерватории, председатель «Всеобщего немецкого музыкального союза». Был другом Листа, деятельно пропагандировал произведения Римского-Корсакова и Бородина, с которым был в переписке с 1878 года. Лично познакомился с Бородиным в 1881 году.

[1] Вейссгеймер Венделин (1838—1910) — немецкий дирижер, 8/20 мая 1880 года исполнил первую симфонию А. П. Бородина в Баден-Бадене на концерте «Всеобщего немецкого музыкального союза».

[2] Давыдов Карл Юльевич (1838—1889) — знаменитый виолончелист, композитор, музыкально-общественный деятель; в 1876—1886 годах был директором Петербургской консерватории.

66

ГЦЦМК, ф. 45, № 438.

[1] Письмо А. П. Бородина к В. В. Стасову от 23 июня 1880 года см. Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 586.

[2] Музыкально-критические статьи, написанные Бородиным для «С.-Петербургских ведомостей» по просьбе Ц. А. Кюи.

[3] Имеется в виду тогдашняя военная форма генерала, которую Бородин носил как профессор Медико-хирургической академии и действительный статский советник.

[4] Партитура первой симфонии А. П. Бородина была издана В. В. Бесселем в 1882 году, партитура же второй симфонии печаталась в том же издательстве в начале 1887 года и вышла в свет уже после смерти автора.

[5] «Дейли Ньюс» — название лондонской газеты.

67

ГПБ. Отдел рукописей. В 1-м издании этой книги текст комментируемого письма был воспроизведен по книге La Mara «Liszt's Briefe», Band VIII, № 382.

По любезному сообщению А. С. Ляпуновой автограф находится в ГПБ; мы публикуем здесь точный текст подлинника, доставленный Анастасией Сергеевной.

[1] Эти слова надписаны над текстом карандашом, рукою В. В. Стасова; в печатном тексте в книге La Mara над письмом помещен заголовок: «An Alexander Borodin in St. Petersbourg».

[2] Имеется в виду первая симфония Бородина.

[3] Последние 5 слов пропущены в тексте, опубликованном La Mara.

[4] 8/20 мая 1880 года.

[5] После этого слова в тексте, опубликованном La Mara, следуют слова: «maître de chapelle», которых не имеется в подлиннике.

[6] Текст от начала последней фразы до этого знака выноски весьма неточно передан в его публикации в книге Ла Мара.

[7] Бородин не сделал этих сокращений в печатном издании партитуры своей первой симфонии; при исполнении этой симфонии в Германии он обычно давал указания о принятых «для заграницы» сокращениях. В печатном экземпляре партитуры первой симфонии, принадлежавшем Бородину, купюры были сделаны карандашом его рукой.

68

ГЦММК, ф. 45, № 273.

Дамрош Леопольд (1832—1885) — дирижер, скрипач, композитор. С 1871 года Дамрош развил большую музыкально-организаторскую и дирижерскую деятельность в Соединенных Штатах, где энергично пропагандировал сочинения Берлиоза, Вагнера, Листа и русских композиторов.

[1] Первая симфония Бородина исполнялась на музыкальном празднестве в Баден-Бадене 8/20 мая 1880 года.

69

ГЦММК, ф. 45, № 415. Текст написан рукою П. И. Юргенсона. Ответ А. П. Бородина от 6 ноября 1880 года, см. Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 632.

Рубинштейн Николай Григорьевич (1835—1881) в 1880 году был назначен заведующим музыкальным отделом Всероссийской художественно-промышленной выставки. Был в дружеских отношениях с М. А. Балакиревым и его кружком.

[1] Датируется предположительно, на основании ответа А. П. Бородина от 6 ноября 1880 года.

70

ГЦММК, ф. 45, № 445. Черновики ответа А. П. Бородина см. Письма А. П. Бородина, вып. III, пп. №№ 628 и 629.

Филиппов Тертий Иванович (1825—1899) — государственный деятель, большой любитель музыки; в молодости участвовал в литературном кружке вместе с А. А. Фетом, А. Н. Островским и А. А. Григорьевым; занимался собиранием народных песен. В 1882 году П. И. Юргенсон опубликовал сборник «40 народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизованных Н. А. Римским-Корсаковым». Был дружен с Балакиревым. В последние годы жизни М. П. Мусоргского оказывал композитору материальную поддержку. После смерти М. П. Мусоргского был его душеприказчиком и владельцем его музыкального наследия.

[1] Е. С. Бородина была в приятельских отношениях с кружком «молодого» «Москвитянина», бывала у А. А. Фета, переписывалась с А. А. Григорьевым.

[2] Относится к 1880 году на основании содержания письма.

71

ГДМЧ, ДМ [14], № 258.

[1] Д. В. Стасов.

72

ГДМЧ, ДМ [14], № 259.

73

НИИ ТМК. Черновики ответа А. П. Бородина см. Письма А. П. Бородина, вып. III, пп. №№ 643—647.

Тарханов (кн. Тархан-Моуравов) Иван Романович (1846—1908) — известный физиолог, в 1876—1895 годах профессор в Медико-хирургической академии. Был с Бородиным в дружеских отношениях.

74

ГЦММК, ф. 45, № 255.

Галкин Николай Владимирович (1850—1906) — скрипач и дирижер, профессор Петербургской консерватории, член квартета Петербургского отделения Русского музыкального общества.

[1] Датируется на основании письма А. П. Бородина к Н. В. Галкину от 25 декабря 1880 года. Черновики его см. Письма А. П. Бородина, вып. III, пп. №№ 667 и 668.

[2] А. П. Бородин вернулся из Москвы, где присутствовал на исполнении своей второй симфонии 20 декабря 1880 года под управлением Н. Г. Рубинштейна в восьмом симфоническом собрании Русского музыкального общества.

[3] Первый квартет A-dur Бородина впервые был исполнен 30 декабря 1880 года в квартетном собрании Петербургского отделения Русского музыкального общества.

[4] Ц. А. Кюи. Письмо А. П. Бородина от 26 декабря 1880 года с приглашением на репетицию квартета, см. Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 669.

75

ГЦММК, ф. 45, № 419. Письмо написано на печатном бланке Петербургского отделения Русского музыкального общества.

[1] Стравинский Федор Игнатьевич (1843—1902) — выдающийся певец (бас), артист Мариинского театра. В опере «Князь Игорь» исполнял роль Скулы.

[2] Ария Кончака из второго действия оперы «Князь Игорь».

76

ГЦММК, ф. 45, № 213.

[1] Письмо А. П. Бородина к Е. К. Альбрехту от 13 февраля 1881 года, см. Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 699.

77

ГЦММК, ф. 45, № 263.

Гриднин Федор Дмитриевич — журналист, близкий друг Д. М. Леоновой. В 1883 году издавал журнал «Искусство», в котором была помещена статья А. П. Бородина «Лист у себя дома в Веймаре».

[1] Д. М. Леонова.

[2] Траур по случаю смерти Александра II.

[3] Песню «У людей-то в дому».

[4] Д. М. Леонова хотела получить от Бородина ариозо Кончаковны из второго действия оперы «Князь Игорь».

[5] Относится к 1881 году на основании содержания письма.

78

ГЦММК, ф. 45, № 466.

Щиглев Михаил Романович (1834—1903) — музыкальный педагог, дирижер и композитор, друг детства Бородина. В 60-х годах был близок с А. С. Даргомыжским. В начале 80-х годов дирижировал в «Петербургском кружке любителей музыки», позднее преподавал в Придворной капелле.

[1] «Петербургский кружок любителей музыки».

[2] Опера Ц. А. Кюи «Вильям Ратклиф».

[3] Тринитатский Александр Матвеевич (р. в 1854 г.) — врач, любитель музыки, знакомый Бородина. В начале 80-х годов пел в хоре «Петербургского кружка любителей музыки».

79

ГЦММК, ф. 45, № 467.

[1] «Петербургский кружок любителей музыки».

[2] В результате вмешательства А. П. Бородина весь этот конфликт был улажен и М. Р. Щиглев с осени 1881 года продолжал свою деятельность в «Петербургском кружке любителей музыки» в качестве дирижера.

80

ГЦММК, ф. 45, № 352. Письмо на печатном бланке «Всеобщей немецкой музыкальной газеты».

Лессманн Вильгельм Иоганн Отто (р. в 1844 г.) — музыкальный критик, педагог и композитор; редактор «Allgemeine Deutsche Musikzeitung» («Всеобщей немецкой музыкальной газеты»). Познакомился с А. П. Бородиным в Магдебурге летом 1881 года.

[1] Оратория «Легенда о св. Елизавете» для хора и оркестра, сочинена Ф. Листом в 1861—1862 годах.

81

ГЦММК, ф. 45, № 221.

[1] Письмо А. П. Бородина от 15 сентября 1881 года, см. Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 758.

[2] Брат Е. С. Бородиной, А. С. Протопопов. Т. И. Филиппов, занимавший пост государственного контролера, по просьбе М. А. Балакирева, хлопотал об определении А. С. Протопопова на службу в Петербурге в министерство государственных имуществ.

[3] Островский Михаил Николаевич (1817—1901) — с 1881 по 1893 год — министр государственных имуществ, брат драматурга.

[4] Протопопова Е. А. (старшая) — мать Е. С. Бородиной.

82

ГДМЧ, Ю [2], № 149.

[1] Военно-фельдшерская школа находилась рядом с Естественно-историческим зданием Военно-медицинской академии, где помещалась кварти-

ра А. П. Бородина. М. Р. Щиглев состоял в 80-е годы преподавателем пения в Военно-фельдшерской школе.

83

ГЦММК, ф. 45, № 371.

Миланов Михаил — один из активных деятелей Бесплатной музыкальной школы в 70—80-х годах.

[1] Н. А. Римский-Корсаков.

[2] Бородин, узнав об отказе Н. А. Римского-Корсакова быть директором Бесплатной музыкальной школы, написал 25 сентября 1881 года М. А. Балакиреву письмо, в котором убеждал его вновь принять на себя директорство в Бесплатной музыкальной школе (см. Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 767).

[3] Цирус Герман Иванович — активный деятель Бесплатной музыкальной школы.

84

ГЦММК, ф. 45, № 222. Комментируемое письмо является ответом на письмо А. П. Бородина от 25 сентября 1881 года (см. Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 767).

[1] Осенью 1878 года П. И. Чайковский вышел из состава профессуры Московской консерватории, и его место было предложено Н. Г. Рубинштейном М. А. Балакиреву, который, однако, отказался от профессуры в Москве.

85

ГЦММК, ф. 45, № 228.

Бессель Василий Васильевич (1843—1907) — музыкальный издатель, опубликовавший многие произведения балакиревцев. Издавал музыкальные журналы: «Музыкальный листок» (70-е годы) и «Музыкальное обозрение» (80-е годы). С Бородиным был в хороших отношениях.

[1] «Снегурочка» Н. А. Римского-Корсакова была сочинена летом 1880 года (оркестровка закончена 26 марта 1881 года) и поставлена впервые в Мариинском театре 29 января 1882 года.

[2] Н. А. Римский-Корсаков.

86

ГЦММК, ф. 45, № 456. Письмо написано рукою Е. А. Афанасьевой, подпись — рукою Л. И. Шестаковой.

[1] Относится к 1881 году на основании содержания письма.

87

ГЦММК, ф. 45, № 457.

[1] Относится к 1881 году на основании содержания письма.

[2] Концерт в память М. П. Мусоргского из его произведений. Часть дохода от концерта предназначалась на сооружение памятника на его могиле.

88

ГЦММК, ф. 45, № 264.

[1] Д. М. Леонова.

[2] См. прим. 2 к п. № 77.

[3] Ариозо Кончаковны из второго действия оперы «Князь Игорь», аккомпанемент к которому был оркестрован Бородиным летом 1881 года.

89

ГЦММК, ф. 45, № 223.

[1] Относится к 1881 году на основании содержания письма.

[2] Мельгунов Юлий Николаевич (1846—1893) — пианист и музыкальный теоретик, составитель сборника народных песен.

[3] Фортепьянная фантазия Ф. Листа на темы из оперы Моцарта «Дон-Жуан».

[4] «Восточная фантазия» М. А. Балакирева.

[5] Гольдштейн Эдуард Юльевич (1851—1887) — пианист, дирижер, композитор, знакомый Бородиных.

90

ГЦММК. ф. 45, № 265.

[1] Д. М. Леонова.

[2] См. примечание 3 к п. № 88.

[3] Половецкий марш из третьего действия оперы «Князь Игорь». Оркестровку этого номера Бородин не выполнил, она была сделана Н. А. Римским-Корсаковым после смерти автора.

[4] Концерт Д. М. Леоновой состоялся 22 января 1882 года.

91

ГЦММК, ф. 45, № 446.

[1] Первое выступление М. А. Балакирева в качестве дирижера концерта Бесплатной музыкальной школы, после его возвращения к управлению школой, состоялось 15 февраля 1882 года.

92

ГДМЧ, ДМ [14], № 161.

Молас Николай Павлович (1843—1917) — художник-пейзажист, любитель. Служил в Министерстве уделов. Муж А. Н. Пургольд. Благодаря жене сблизился с А. П. Бородиным и его друзьями.

[1] См. примечание 1 к п. № 85.

[2] Относится к 1882 году на основании содержания письма.

93

ГЦММК. ф. 45. № 471. Письмо написано на печатном бланке «С. П. Б. кружка любителей музыки».

94

НИИ ТМК. Ответ А. П. Бородина от 3 февраля 1882 года, см. Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 819.

[1] Об А. Н. Молас см. примечание 4 к п. № 4.

[2] Блуменфельд Феликс Михайлович (1863—1931) — пианист, дирижер и композитор, близкий к балакиревскому кружку, а затем видный участник беляевского кружка. В течение многих лет состоял дирижером Мариинского театра. Был знаком с Бородиным.

[3] Среди членов Балакиревского кружка А. Н. Молас прозвали «Лаурой» за художественное исполнение ею партии Лауры в опере «Каменный гость» А. С. Даргомыжского.

95

ГДМЧ, ДМ [11], № 279.

[1] Год написания письма определен приблизительно на основании содержания. В указанные годы М. А. Балакирев стал вновь активно участвовать в музыкальной жизни и дирижировать концертами Бесплатной музыкальной школы.

[2] М. А. Балакирев.

96

ГЦММК, ф. 45, № 473. Письмо на печатном бланке Петербургского отделения Русского музыкального общества.

97

ГЦММК, ф. 45, № 474. Письмо на печатном бланке Петербургского отделения Русского музыкального общества.

[1] Первый квартет А. П. Бородина был исполнен во втором квартетном собрании Петербургского отделения Русского музыкального общества 6 октября 1882 года. Исполнители: Ауэр, Пиккель, Вейкман и Верржбилович. Второй квартет (в 1-й раз) исполнялся в четвертом квартетном собрании того же общества 26 января 1882 года. Исполнители: Галкин, Дегтярев, Резвецов и Кузнецов.

[2] Вельяминов Константин Николаевич — певец-любитель, генерал, приятель А. С. Даргомыжского. С Бородиным был знаком с 1868 года.

98

ГДМЧ, ДМ[14], № 278.

[1] Относится к 1882 году на основании содержания письма.

[2] Лодий Петр Андреевич (1855—1920) — певец (тенор), артист Мариинского театра с 1876 по 1880 год и с 1882 по 1884 год.

[3] Донской Лаврентий Дмитриевич (1858—1917) — певец (тенор), ученик Д. М. Леоновой. Впоследствии артист московского Большого театра. В концерте Бесплатной музыкальной школы 17 марта 1882 года исполнил каватину Владимира Игоревича из оперы «Князь Игорь» А. П. Бородина.

99

ГЦММК, ф. 45, № 350.

[1] Относится к 1882 году на основании календаря и содержания письма.

100

ГЦММК, ф. 45, № 224.

[1] Очевидно, на русско-турецкой войне 1877—1878 годов.

[2] Сделанное М. А. Балакиревым предложение не было принято, так как сестра милосердия была приглашена к Е. С. Бородиной только летом 1886 года.

[3] Ответ А. П. Бородина на это письмо неизвестен.

101

ГДМЧ, ДМ[14], № 162.

[1] Фамилия искажена. Имеется в виду Лодыженский Николай Николаевич (1843—1916) — композитор-дилетант, член балакиревского кружка. Служил в министерстве иностранных дел; в 80-х годах был русским консулом в Болгарии.

[2] Относится к 1882 году на основании календаря и содержания письма.

102

ГЦММК, ф. 45, № 256.

Глазунова Елена Павловна — мать композитора А. К. Глазунова. Была любительницей музыки, обладала значительными музыкальными способностями (брала уроки фортепьянной игры у Ф. Лешетицкого, музыкальной теории — у М. А. Балакирева и Н. А. Римского-Корсакова).

[1] Приблизительная дата указана на том основании, что 3 мая приходилось на понедельник в 1882 году.

[2] По-видимому, квартет «Волга» Н. Я. Афанасьева.

[3] Первый квартет D-dur op. 1 А. К. Глазунова, сочиненный в 1881—1882 годах.

[4] Квартет Бетховена F-dur op. 135.

103

ГЦММК, ф. 45, № 376.

[1] Ф. М. Блуменфельд назван в шутку сыном.

[2] Относится к 1882 году на основании календаря.

104

ГЦММК, ф. 45, № 241.

[1] Письмо А. П. Бородина из Москвы от 20 августа 1882 года, см. Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 896.

[2] 15 августа 1882 года в Москве на Всероссийской художественно-промышленной выставке состоялся седьмой симфонический концерт под управлением Н. А. Римского-Корсакова по следующей программе: «Антар» Римского-Корсакова; «Ночной смотр» Глинки в инструментовке автора для голоса с оркестром (исп. М. М. Корякин); Концерт № 4 d-moll для фортепьяно с оркестром Рубинштейна (исп. Н. С. Лавров); «В Средней Азии» Бородина (в 1-й раз в Москве); ария Кончака из оперы «Князь Игорь» Бородина (исп. М. М. Корякин, в 1-й раз в Москве); «Тарантелла» для оркестра Кюи (в 1-й раз в Москве). А. П. Бородин присутствовал на этом концерте и в письме от 17 августа 1882 года описал Е. С. Бородиной подробности концерта (см. Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 891).

[3] Корякин Михаил Михайлович (1850—1897) — певец (бас), артист Мариинского театра.

[4] Т. е. «не слушают».

[5] В 1882 году Е. С. Бородина так и не собралась в Москву.

[6] Калинина (рожд. Лодыженская) Анна Николаевна (1846—1919) — сестра композитора Н. Н. Лодыженского. Была знакома с А. П. Бородиным с 1868 года.

[7] «Па» — Прасковья Тимофеевна Коновалова, прислуга Е. А. Протопоповой.

105

ГДМЧ, ДМ [14], № 163.

106

ГДМЧ, ДМ [14], № 138. Ответ А. П. Бородина от 15 ноября 1882 года, см. Письма А. П. Бородина, вып. III, п. № 937.

[1] Датируется предположительно, на основании ответа А. П. Бородина.

107

ГЦММК, ф. 45, № 439.

[1] Стасов шутливо воспроизводит одну из неудачных попыток иностранной прессы найти правильное транскрибирование отчества Бородина.

108

ГЦММК, ф. 45, № 225.

[1] Партии струнного квартета Первой симфонии А. П. Бородина (перед ее исполнением в концерте Бесплатной музыкальной школы 3 февраля 1883 года под управлением М. А. Балакирева).

[2] М. А. Балакирев неоднократно предлагал те или иные редакционные изменения в первой симфонии Бородина, причем новые поправки нередко противоречили прежним.

109

ГЦММК, ф. 45, № 472.

[1] Очевидно, авторы письма слышали первую симфонию Бородина в концерте Бесплатной музыкальной школы 3 февраля 1883 года и написали это письмо сразу после концерта. Судя по несколько неустойчивому, школьно-каллиграфическому крупному почерку, оно написано, по всей вероятности, подростком.

110

ГЦММК, ф. 45, № 404.

[1] Исполнение струнного квартета F-dur Н. А. Римского-Корсакова предполагалось, по инициативе Ф. Листа, на музыкальном празднестве в

Цюрихе в 1882 году. Он был исполнен на музыкальном празднестве в Лейпциге 4 мая 1883 года.

[2] Первая симфония Es-dur А. П. Бородина, с успехом исполненная на музыкальном празднестве в Баден-Бадене 8/20 мая 1880 года под управлением В. Вейссгеймера, по инициативе К. Риделя, была исполнена и на музыкальном празднестве в Лейпциге 4 мая 1883 года под управлением А. Никиша.

[3] Никиш Артур (1855—1922) — выдающийся венгерский дирижер, неоднократно гастролировал в России. Высокую оценку Никишу дал А. П. Бородин в письмах к Н. Н. Римской-Корсаковой от 1/13 июня 1881 года и к Ц. А. Кюи от 12 июля 1881 г. (см. Письма А. П. Бородина, вып. III, пп. №№ 741 и 749).

111

ГЦММК, ф. 45, № 226.

[1] Данное письмо М. А. Балакирева — ответ на письмо А. П. Бородина от 17 марта 1883 года (см. Письма А. П. Бородина, вып. IV, п. № 990). В своем письме А. П. Бородин в связи с запросом К. Риделя просил предоставить для исполнения в Лейпциге рукописные оркестровые голоса своей Первой симфонии, которые еще не были изданы и принадлежали Бесплатной музыкальной школе.

[2] М. А. Балакирев настаивал на исполнении первой симфонии Бородина со своими поправками.

[3] Хор «Встреча князя» из четвертого действия оперы «Князь Игорь».

112

ГЦММК, ф. 45, № 443.

[1] А. Г. Рубинштейн.

113

ГЦММК, ф. 45, № 440. Записка написана В. В. Стасовым и только подпись и нотная приписка на полях принадлежат А. К. Глазунову.

[1] Относится к 1883 году на основании календаря и по содержанию письма.

[2] «Самсон» — прозвище, данное В. В. Стасовым А. К. Глазунову.

[3] Нотный пример из юношеского романса А. К. Глазунова «Песни мои ядовиты» на слова Г. Гейне, сочиненного 24 октября 1882 года и оставшегося неизданным. Слово «мои» заменено словом «твои» — намеренно. Слово «твои» в подлиннике подчеркнуто.

114

ГЦММК, ф. 45, № 475. Письмо написано на печатном бланке Петербургского отделения Русского музыкального общества.

[1] Второй квартет D-dur А. П. Бородина был исполнен в третьем квартетном собрании Петербургского отделения Русского музыкального общества 11 декабря 1882 года. Исполнители: Ауэр, Пиккель, Вейкман и Вержбилович.

115

ГЦММК, ф. 45, № 285.

Жадуль Теодор (р. в 1848 г.) — бельгийский пианист, дирижер и композитор. С середины 80-х годов всецело отдался пропаганде музыки «новой русской музыкальной школы» (главным образом — Бородина). В его композициях ясно чувствовалось влияние русской школы. Лично Жадуль познакомился с Бородиным в августе 1885 года.

[1] Относится к 1883 году на основании календаря и по содержанию письма.

[2] Симфоническая картина «В Средней Азии». Ее название здесь приведено в том виде, как оно появилось на страницах немецкой прессы.

116

ГЦММК, ф. 45, № 536. Подлинник написан на следующей программе концерта:

Jena, Montag den 10 Dezember 1883.

Drittes academ, concert

PROGRAMM

1) Sinfonie (Nr. 3. D-dur. op. 37) — (zum ersten Male) *A. Klughardt*
2) Concertstück (op. 79) für Klavier mit Orchester *C. M. v. Weber*
3) Scene und Arie «Die stille Nacht entweicht» aus der oper «Faust» . . . . . *Spohr*
4) Klaviersoli:
   a. Knospen (Nr. I. G-dur)
   b. Tänze *van der Stucken*
      1) der Gnomen
      2) der Schnitter
5) «Eine Steppenskizze aus Mittelasien» für Orchester (zum ersten Male) *A. Borodin*
6) «Zigeunerweisen» *Tausig*
7) Lieder am Klavier:
   a. «Aus alten Weisen winkt es» *R. Schumann*
   b. «Schlaf ein, holdes Kind» *R. Wagner*
   c. «Wildfang» *Taubert*
8) Klaviersoli:
   a. Consolations 1, 2 *F. Liszt*
   b. Pesther Carneval

Gesang: Fräulein Helene Oberbeck aus Berlin
Klavier: Herr Alexander Siloti aus Moskau

В подлиннике название № 5—подчеркнуто чернилами. Левее и ниже этой черты сделана комментируемая надпись.

Гилле Карл (1813—1899) — близкий друг Листа, учредитель «Иенских академических концертов», член правления «Всеобщего немецкого музыкального союза». Познакомился с Бородиным летом 1877 года и относился к нему с неизменной симпатией.

[1] В подлиннике совершенно неразборчивые слова.

117

ГЦММК, ф. 45, № 441. На обороте подлинного письма был нарисован А. П. Бородиным ребус на слова «Елена Антоновна Гусева»: от Е. А. Гусевой и получена эта стасовская записка.

118

ГЦММК, ф. 45, № 286.

[1] Относится к 1883 году на основании календаря и по содержанию письма.

[2] Ответ А. П. Бородина на письмо Т. Жадуля от 2 ноября 1883 года неизвестен.

[3] Имеется в виду посвященный Бородину романс Т. Жадуля «Lamento» на слова Philippe Dorisme. Автограф романса, присланный автором Бородину, хранится в Публичной библиотеке в Ленинграде (архив Н. А. Римского-Корсакова, № 171, д).

119

ГЦММК, ф. 45, № 465.

Штраус Эдуард (1835—1916) — венский капельмейстер и композитор, младший брат Иоганна Штрауса.

[1] Кистнер — немецкое музыкальное издательство в Лейпциге.

120

ГЦММК, ф. 45, № 214.

Ауэр Леопольд Семенович (1845—1930) — скрипач и дирижер, с 1868 по 1917 год — профессор Петербургской консерватории.

[1] Первая симфония Es-dur А. П. Бородина была исполнена в седьмом симфоническом собрании Петербургского отделения Русского музыкального общества 14 января 1884 года под управлением Л. С. Ауэра.

121

ГЦММК, ф. 45, № 288. Черновик ответа А. П. Бородина от 6 мая 1884 года см. Письма А. П. Бородина, вып. IV, п. № 1045.

[1] Относится к 1884 году на основании содержания письма.

[2] К письму приложена программа «Большого концерта» 17/29 марта 1884 года, в котором исполнялась симфоническая картина «В Средней Азии» Бородина.

122

НИИ ТМК

[1] 27 марта 1884 года состоялась устроенная М. П. Беляевым «Репетиция сочинений А. К. Глазунова» под управлением Н. А. Римского-Корсакова и Г. О. Дютша. Эта репетиция послужила основою Русских симфонических концертов, начатых Беляевым с 1885 года.

123

ГЦММК, ф. 45, № 289.

[1] Штейн Федор Федорович (1819—1893) — пианист, профессор Петербургской консерватории.

[2] Исполнение «В Средней Азии» состоялось в концерте 17/29 марта, 1884 года; см. п. № 121 и примечание 2 к нему.

124

ГЦММК, ф. 45, № 290.

[1] Относится к 1884 году на основании календаря и по содержанию письма.

125

ГЦММК, ф. 45. № 291.

[1] Относится к 1884 году на основании календаря и по содержанию письма.

126

ГЦММК, ф. 45, № 292.

[1] Датируется приблизительно, на основании сопоставления с предыдущими письмами.

[2] Романс, сочиненный Т. Жадулем и посвященный Бородину. См. примечание 3 к п. № 118.

127

ГЦММК, ф. 45, № 293.

[1] Датируется приблизительно, на основании сопоставления с предыдущими письмами.

[2] Первый квартет Бородина, партитура которого тогда печаталась.

128

ГЦММК, ф. 45, № 295.

[1] Упоминаемое письмо А. П. Бородина неизвестно.

[2] А. П. Бородин посвятил Жадулю свое скерцо As-dur для фортепьяно.

[3] Относится к 1884 году на основании календаря и по содержанию письма. В дате письма день недели (суббота) указан ошибочно.

129

ГЦММК, ф. 45, № 296.

[1] Датируется на основании календаря и по упоминанию Жадуля о письме Бородина к Мерси-Аржанто от 3/15 сентября 1884 года.

[2] Графиня де Мерси-Аржанто Луиза (1837—1890) — известная бельгийская аристократка, музыкальная писательница, пианистка и композитор. Начиная с 1884 года усиленно пропагандировала музыку «новой русской музыкальной школы». Из деятелей этой школы она сначала познакомилась с Ц. А. Кюи, с Бородиным стала переписываться с лета 1884 года. Лично с ним познакомилась в августе 1885 г.

[3] Четырехручное переложение первого квартета А. К. Глазунова было издано А. Иогансеном.

130

ГЦММК, ф. 45, № 297.

[1] Датируется приблизительно, на основании сопоставления с предыдущим письмом.

[2] «Море» — романс А. П. Бородина на собственный текст, написанный в январе 1870 года.

131

ГЦММК, ф. 45, № 298.

[1] Бородин прислал Жадулю партитуру и оркестровые голоса своей первой симфонии.

[2] Исполнение первой симфонии Бородина в Вервье 17/29 октября 1884 года — первое ее исполнение в Бельгии.

[3] «В Средней Азии» Бородина была исполнена в Париже 7/19 октября 1884 года под управлением Ш. Ламурё.

[4] Относится к 1884 году на основании календаря и по содержанию письма.

132

ГЦММК, ф. 45, № 458. Письмо написано рукой Е. А. Афанасьевой, подпись — автограф Л. И. Шестаковой.

[1] Относится к 1884 году на основании содержания письма.

[2] Открытие памятника М. И. Глинке в Смоленске состоялось 20 мая 1885 года.

[3] М. А. Балакирев.

133

ГЦММК, ф. 45, № 252.

Бурго-Дюкудрэ Луи-Альбер (1840—1910) — французский композитор, музыкальный теоретик и собиратель народных песен. Лично познакомился с Бородиным в сентябре 1885 года.

[1] Намереваясь вступить в члены французского общества авторов, Бородин по совету Мерси-Аржанто обратился к К. Сен-Сансу и Л. Бурго-Дюкудрэ с просьбою быть его «восприемниками». Вследствие отказа Бурго-Дюкудрэ в комментируемом письме, восприемниками Бородина были К. Сен-Санс и Л. Мерси-Аржанто.

134

ГЦММК, ф. 45, № 416.

Сен-Санс Шарль-Камилл (1835—1921) — выдающийся французский композитор, пианист и дирижер.

[1] См. примечание 1 к п. № 133.

135

ГЦММК, ф. 45, № 299.

[1] Это письмо Мерси-Аржанто, содержащее сведения о первом русском концерте в Льеже, не сохранилось.

[2] Первый русский концерт в Льеже состоялся 7 января 1885 года. В нем под управлением Т. Жадуля были исполнены произведения А. П. Бородина: первая симфония, «В Средней Азии», романс «Море».

[3] Второй русский концерт в Льеже состоялся 21 января 1885 года. В нем под управлением Т. Жадуля исполнялись те же сочинения А. П. Бородина, что и в первом концерте, за исключением романса «Море», замененного «Спящей княжной».

[4] Во французском тексте последняя фраза записана частью в виде последовательности трех нот. Этот «ребус» основан на созвучии прочтенных подряд нот *ми, ля, ми* этой последовательности с началом фразы: «Mille amitiés».

[5] Относится к 1885 году на основании календаря и по содержанию письма.

136

ГЦММК, ф. 45, № 346.

[1] Датируется предположительно на основании содержания письма.

[2] См. примечание 3 к п. № 135.

137

ГДМЧ, ДМ [14], № 33.

[1] По просьбе графини Мерси-Аржанто А. П. Бородин согласился на издание фирмой В. Бесселя трех отрывков из оперы «Князь Игорь» с французским текстом. Были изданы: ария Кончака, каватина Владимира Игоревича и ария Владимира Галицкого.

138

ГЦММК, ф. 45, № 300.

[1] Датируется на основании содержания письма.

[2] Хор прислужниц Марины Мнишек из оперы «Борис Годунов».

139

ГДМЧ, ДМ [14], № 14.

[1] Ломакин Гавриил Иоакимович (1812—1885) — известный хоровой дирижер и музыкально-общественный деятель. В 1862 году, вместе с М. А. Балакиревым, основал Бесплатную музыкальную школу.

140

ГЦММК, ф. 45, № 304. К письму приложен текст поэмы «Море» Г. Жориссенна.

Жориссенн Г. (псевд. И. Серженнуа) — бельгийский поэт. Перевел на французский язык многие романсы русских композиторов, изданные фирмой М. Беляева.

[1] Эта программа не сохранилась.

[2] По-видимому, два романса А. К. Глазунова из ор. 4, изданные фирмой В. Бесселя осенью 1885 года.

141

ГЦММК, ф. 45, № 272.

Установить, кем был Г. Дабэн, не удалось.

[1] Бородин, уступая настойчивым просьбам своих бельгийских поклонников, послал некоторым из них свой портрет. Среди лиц, получивших этот подарок, был и Дабэн, живо интересовавшийся не только музыкой, но и научной деятельностью Бородина.

142

ГЦММК, ф. 45, № 447.

Фольвилль Евгения-Эмилия-Жюльетта (1870—1946) — бельгийская скрипачка, пианистка, композитор и дирижер. Бородин вместе с Мерси-Аржанто были «восприемниками» при вступлении ее в члены французского «Общества авторов».

[1] Датируется на основании содержания письма.

[2] Ж. Фольвилль сделала переложение для фортепьяно в две руки симфонической картины «В Средней Азии».

[3] Сюита для оркестра «Scènes champêtres» Ж. Фольвилль была ею послана для просмотра А. П. Бородину. Его отзыв об этом произведении неизвестен, см. Письма А. П. Бородина, вып. IV, п. № 1216а.

[4] Коллен Поль (р. в 1843 г.) — французский поэт. Перевел на французский язык тексты романсов А. П. Бородина: «Море», «Отравой полны мои песни», «Из слез моих выросло много».

[5] Раду Жан Теодор (1835—1911) — бельгийский композитор и дирижер, директор Льежской консерватории.

143

ГЦММК, ф. 45, № 365.

[1] Датируется на основании содержания письма.

[2] Письмо А. П. Бородина к мужу графини Л. де Мерси-Аржанто неизвестно.

[3] Ц. А. Кюи.

[4] Рояль русской фабрики Беккер, купленный графиней де Мерси-Аржанто в январе 1886 года.

[5] А. П. Бородин прожил в Москве три недели в апреле 1886 года из-за болезни Е. А. Протопоповой-старшей.

[6] Половецкие пляски с хором и дуэт Владимира Игоревича с Кончаковной.

[7] В подлиннике пропущено какое-то слово.

[8] В подлиннике неразборчивое слово.

144

ГЦММК, ф. 45, № 306. На письме сделана надпись карандашом рукою А. П. Бородина: «7 Août 1886. посл. фотографию».

[1] См. примечание 2 к п. № 140.

[2] Хор славления из оперы «Князь Игорь», сочиненный в 1876 году. Первоначально предназначался для последнего действия оперы, но в 1883 году был перенесен автором в измененном виде в пролог оперы.

[3] Опера «Кавказский пленник» Ц. А. Кюи.

[4] А. П. Бородин вместе с Ц. А. Кюи и графиней де Мерси-Аржанто присутствовал на первом представлении в Льеже оперы «Кавказский пленник», состоявшемся 1 января 1886 года.

[5] Имеется в виду п. № 140.

145

ГЦММК, ф. 45, № 368.

[1] Относится к 1886 году на основании содержания письма.

[2] Упоминаемое письмо А. П. Бородина к графине де Мерси-Аржанто неизвестно.

[3] В начале июня 1886 года Е. С. Бородина, проживавшая в Москве, тяжело заболела. А. П. Бородин приехал в Москву и познакомился с близкими друзьями Е. С. Бородиной: Юдифью Антоновной Ракинт и ее сестрой Дельфиной.

[4] Ц. А. Кюи.

[5] «Ave Maria» для соло и женского хора ор. 27 Ц. А. Кюи.

146

ГЦММК, ф. 45, № 370.

[1] Относится к 1886 году на основании содержания письма.

[2] Упоминаемое письмо А. П. Бородина к графине де Мерси-Аржанто неизвестно.

[3] Очевидно, речь идет о похоронах тещи А. П. Бородина, состоявшихся около 10 сентября 1886 года.

[4] Осенью 1886 года Бородин возвратился в Петербург 5 октября.

[5] Ц. А. Кюи.

[6] Возможно, что Бородин хотел посвятить графине Аржанто третью симфонию, первую часть которой он начал сочинять в августе—сентябре 1886 года. О каком трио упоминается в письме, неизвестно.

[7] Первый квартет Бородина.

[8] Партитура второй симфонии Бородина стала печататься (в издании В. Бесселя) незадолго до смерти автора; это издание было закончено Н. А. Римским-Корсаковым и А. К. Глазуновым.

147

ГЦММК, ф. 45, № 302.

[1] Датируется приблизительно на основании содержания письма.

[2] Письмо А. П. Бородина к Т. Жадулю с замечаниями о романсе последнего неизвестно.

[3] К письму приложен следующий отпечатанный на гектографе циркуляр:

Liège, le 25 Novembre 1886.

Cercle musical russe

M.

Nous venons de fonder un cercle qui se consacrera à l'étude exclusive des oeuvres musicales de l'école russe moderne.

Les réunions auront lieu le samedi à 8 heures du soir, provisoirement au local Stahl rue Souverain-Pont. Elles dureront deux heures environ; la 1-ère est fixée au samedi 4 Décembre. La cotisation sera de fr. 10 par famille pour les membres effectifs et, par personne, pour les membres protecteurs.

Notre intention est d'en faire un cercle fermé et de limiter le nombre des membres effectifs.

Dans le cas où vous désireriez faire partie de ce cercle, nous vous prions de remplir le bulletin ci-dessous. Votre adhesion nous sera particulièrement agréable.

Recevez, M. . . . . , l'expression de notre concidération la plus distinguée.

Par Le comité provisoire
Le Directeur
Th. Jadoul.

Bulletin d'adhesion

Je soussigné désire faire partie du cercle musical Russe en qualité de membre { effectif [1] / protecteur

Nom et adresse
à renvoyer à M-r Jadoul
rue Trappé, 24,
a Liège

signature

[1] Le chef de famille peut se contenter de signer seul!

Льеж, 25 ноября 1886 г.

Русский музыкальный кружок

М. Г.

Мы только что основали кружок, деятельность которого будет посвящена исключительно изучению музыкальных произведений новой русской школы.

Собрания кружка будут происходить по субботам в 8 часов вечера, временно — в зале Сталь на улице Суверен-Пон. Они будут продолжать-

ся около двух часов; первое собрание назначено на субботу 4 Декабря. Членский взнос — установлен в 10 фр. за семью для действительных членов и в такую же сумму с каждого лица — для членов-покровителей.

Мы намерены создать закрытый кружок, ограничив число действительных членов.

В том случае, если бы вы пожелали вступить в этот кружок,—мы просим вас заполнить прилагаемый бланк. Ваше участие будет нам особенно приятно.

Примите, М. Г. . . . . ., заверение в нашем особенном уважении.

От имени временного комитета
Директор
Теод. Жадуль.

Приемный бланк

Я, нижеподписавшийся . . . . желаю войти в состав Русского музыкального кружка в качестве

члена { действительного *
покровителя

Имя и адрес
Отправить г. Жадулю
Улица Траппэ, 24
Льеж

Подпись
* [Здесь] достаточно подписи главы семьи.

[4] Во время этой поездки графиня Мерси-Аржанто подготовила исполнение в Амстердаме произведений Бородина и Кюи, состоявшееся под управлением Юлиуса Рентгена 21 января 1887 года.

148

ГЦММК, ф. 45, № 301. Письмо написано на обороте следующего письма певицы Ю. Н. Вишневецкой, знакомой В. В. Стасова, из Москвы.

1886 г. 7-го декабря.

Многоуважаемый Владимир Васильевич!

Благодарю Вас очень за письмо и за присылку статьи, которую еще не получила. Пишу сегодня всего несколько слов, так как нездорова, простудилась в концерте в пользу естественных курсов, где пела две вещи Балакирева. Народу было много, жара страшная, ну и как-то меня прохватило. Сейчас у меня гостья одна из Петербурга остановилась вдобавок. Из этого всего видите, что времени нет на большое письмо. Просите А. П. Бородина прислать все три хора, если можно поскорей, надо переписывать и репетировать, да и самой мне знать наизусть вещи эти. Если нельзя, то мужской и смешанный. Да, спросите его же, нет ли у него хоров à cappella для исполнения, в концерте?

Пока жму Вам крепко руку и благодарю Вас за все.

Юлия Вишневецкая.

P. S. Я уже начинаю выслушивать такого рода замечания: «Вы поклонница новаторов». Это с презрением говорят мои же братья по профессии. Какой я спор держала на юге в Крыму это лето с одной видной артисткой художницей по поводу наших отечественных композиторов, — когда-нибудь расскажу Вам.

[1] Имеется в виду один из последних сочиненных Бородиным номеров оперы «Князь Игорь»: хор половецкого дозора из второго акта («Солнце за горой уходит на покой»).

[2] Имеется в виду вторая ария Кончака в третьем действии оперы «Князь Игорь» («Наш меч нам дал победу»); эта ария была сочинена А. К. Глазуновым после смерти Бородина, на основе замысла автора.

[3] Н. А. Римский-Корсаков.

[4] Имеется в виду хор «На землю спустилася ночь»

ПИСЬМА
ДОКУМЕНТЫ
ВОСПОМИНАНИЯ
о
А. П. БОРОДИНЕ

1. Л. С. Гедианов — А. С. Голицыной

Ее Сиятельству Милостивой Государыне Княгине
Анне Сергеевне Голицыной.

Милостивая Государыня Княгиня Анна Сергеевна.

Давно с вами невидавшись инеговоривши я обрадован случаю хоть набумаге несколько слов с вами молвить, вы поручили мне похлопотать по заемному письму с бланком кн. С. С. — александр богданович [1] отдал мне то письмо и я понем справлялся для принятия мер ковзысканию; то открылось, что заемное письмо от лица неимеющего никакого имения и собственности, а должник настоящий — отец его которому было продано вино, и в книгах его сей долг записан, а он между тем впал в банкротство, то чтоб сохранить право истинного отцовского долга, для получения с него заплаты поконкурсу на равне с протчими, он дал законный купеческий вексель наимя одного из знакомых александру богдановичу из купеческого сословия, ибо надворян векселя не даются, а сей[...] им вексель, протестует его и предъявит вконкурс.— более ничего зделать было нельзя нужного для пользы вашей — в уплату сего долга александр богдановичь успел забрать вином 541 р. 95 к. которые деньги вы отнего получите как находку. азатем вексель с припиской процентов написан на 1700 р. 5 к. который с правом нанего пришлется при доверенности на имя ваше от того лица, начье имя написан, все оное пришлет к вам александр богдановичь.— авам остается теперь пополучении доверенности и векселя поручить его как хозяйке сей суммы, кому вы заблагорассудите; и всего ближе которому либо из племянников ваших живущих постоянно в петербурге, для получения по тому векселю из конкурса удовлетворения, чтоже касается до меня, то я сего дела на себя взять немогу потому, что незаправской житель петербургской, и ежедневно думаю отом только как бы мне переселить-

ся нажитье к своей семье[2] в москву. и потому мне только остается пожелать вам от искреннего сердца доброго здоровья, и просить опродолжении вашего благорасположения как был иесмь навсегда с душевным к вам почитанием ваш навсегда в протчем

покорнейший слуга

Князь *лука Гедианов.*

ч. 30 декабря
1829 года
С. П. Б.

2. Справка из Тверской казенной палаты

Отделением Тверской Казенной Палаты 3 Ноября 1849 года записан в Новоторжское 3-й гильдии купечество вольноотпущенный Поручика князя Луки Степановича Гедианова дворовый человек Саратовской губернии Балашевского уезда сельца Новоселок, Александр Порфириев Бородин. Записка эта состоялась вследствие просьбы Бородина и представленных при оной отпускного акта и метрического свидетельства, по которым означенный Александр Порфириев Бородин значится родившимся 31 Октября 1833 года, от дворового человека князя Гедианова Порфирия Ионова Бородина и законной жены его Татьяны Григорьевой.

3. Л. И. Шестакова — М. А. Балакиреву

4 ноября [1873 г.][1]. Спешу сообщить Вам, Милий Алексеевич, что Бородину лучше, а было очень худо, но и теперь еще ходить не может, когда будете навещать его, зайдите и ко мне. Благодарю за обещание carte-portrait *, очень хочется иметь его

Вашей *Людм. Шестаковой.*

4. В. Н. Майнов — В. В. Стасову

[1874—1875 г?][1]

Милостивый государь Владимир Васильевич.

При сем позвольте передать Вам список сборников народных венгерских песен, с отметкою тех, которые рекомендует проф. Хунфальви; на третьей странице списка Вы сами изво-

---

* Портрет визитного формата *(фр.)*.

лите увидеть специальный сборник Половецких песен. Очень буду рад, если угодил Вам.

С чувством истинного почтения
имею честь быть готовым к услугам Вашим

Влад. Майнов.

адрес: 5 лин. д. 38 кв. 8.

5. Л. И. Шестакова—М. А. Балакиреву

1-ое Октября [1880 г.][1], вечер.

Коля свободен вечерами по средам и четвергам, и все воскресенье, и желает больше воскресенье, но, конечно, как Вы и учитель решите, так и будет; пожалуйста, переговоря с ним окончательно, зайдите сами ко мне, чтобы все устроить и чем скорее, тем лучше.— Вчера был Бородин с письмом из Нью-Йорка, в котором просят его доставить его первую симфонию[2], Вы верно порадуетесь этому как и Ваша душой

Л. Ш.

6. Ш. Ламурё — Л. де Мерси-Аржанто

[8/] 20 Octobre 1884.

Chère Madame,

A la hâte: je vous annonce que l'Esquisse de Borodine a bien marché et a eu du succès. Ci-joint un programme qui ne vous laissera aucun regret — Celui que vous avez reçu est le programme-sommaire que je fais adresser chaque semaine à la presse et aux abonnés.

Dieu, que je suis en retard avec vous! Accordez-moi quelques jours encore, je vous prie, et j'essaierai de faire excuser mon long silence.

Votre serviteur dévoué

Ch. Lamoureux.

[8/] 20 октября 1884.

Сударыня,

Спешу известить Вас, что Эскиз Бородина прошел хорошо и имел успех[1]. Прилагаю программу[2], которая не оставит в Вас никакого сожаления. Та, которую Вы получили, была краткой программой, рассылаемой мною каждую неделю прессе и абонентам.

Боже, как я виноват перед Вами! Дайте мне, пожалуйста, еще несколько дней; я тогда постараюсь заслужить извинение за свое долгое молчание.

Преданный Вам слуга *Ш. Ламурё.*

7. Л. де Мерси-Аржанто — Ц. А. Кюи

Телеграмма.

Colonel Cui 38 Fontanka Petersbourg
Concert Lamoureux beau succes pour Steppen Skizze dites a Borodine.

Mercy-Argenteau

Полковнику Кюи 38 Фонтанка Петербург.
Из Аржанто 9/21 октября 1884 г.
В концерте Ламурё прекрасный успех Степного эскиза[1], скажите Бородину.

Мерси-Аржанто.

8. Вырезка из парижской газеты «Фигаро»

от 25 февраля/9 марта 1885 г.

Liège, 7 mars — La campagne organisée par M-me la comtesse de Mercy-Argenteau en faveur de la jeune école russe s'est terminée avec un éclat superbe par le troisième concert qui a été donné ces jours-ci. Cette séance a presque dépassé les deux précédentes. Les oeuvres de Borodine, de César Cui, d'Alexandre Glazounow, de Dargomyski ont été magistralement exécutées et ont obtenu un succès énorme.

La grande artiste qui a organisé ces concerts a vaillamment contribué au succès de l'école russe qu'elle a, pour ainsi dire, révélée au monde musical.

Nous espérons que les dillettantes Parisiens auront bientôt l'occasion d'apprécier les oeuvres des maîtres russes.

Льеж, 7 марта.— Мероприятия, организованные графиней де Мерси-Аржанто в честь молодой русской школы, закончились с большим блеском третьим концертом, который имел место на днях[1]. Этот вечер, пожалуй, превзошел оба предыдущие. Сочинения Бородина, Цезаря Кюи, Александра Глазунова, Даргомыжского были исполнены мастерски и имели огромный успех.

Великая артистка, устраивавшая эти концерты, значительно содействовала успеху русской школы, которую она, так сказать, открыла музыкальному миру.

Мы надеемся, что парижские любители музыки будут вскоре иметь случай сами оценить произведения русских мастеров.

9. Т. Радý — Л. де Мерси-Аржанто

Bruxelles le 13/7-bre 1885.

Madame la Comtesse,

Je viens d'accepter de diriger le Concert Russe et slave qui aura lieu à Anvers Samedi prochain.

Nous exécuterons la I-ère Symphonie de Borodine, la Festklänge de Liste et la Jota Aragonesa de Glinka, ou bien la Fantaisie Serbe de Rimski-Korsakoff, si je puis l'avoir.

Ne pourriez-vous m'adresser de suite la délicieuse berceuse-ballade de Borodine? Je tacherai de la faire chanter. Hotel S-t Antoine—Anvers.

Bien à vous tous mes compliments respectueux.

J. T. Radoux.

Брюссель [/]13 сентября 1885.

Графиня,

Я только что дал согласие дирижировать Русским и славянским концертом, который состоится в Антверпене в ближайшую субботу [1].

Мы исполним 1-ю симфонию Бородина, «Festklänge» Листа и «Арагонскую хоту» Глинки или же Сербскую фантазию Римского-Корсакова, если мне удастся ее достать.

Не могли бы Вы прислать мне немедленно восхитительную балладу-колыбельную Бородина? [2] Я постараюсь устроить ее исполнение.

Гостиница св. Антония—Антверпен.

Искренне Ваш, с почтительным приветом

Ж. Т. Раду.

10. Два стихотворения Л. де Мерси-Аржанто

à X oct. 1883.

J'étais dans le brouillard toute seule, éperdue,
Dans mes veines le froid avait glacé mon sang,
Quand tout à coup je vis s'illuminer la nue
Et les rayons à flots inonder l'Orient.
Je sentis dans mon coeur se réveiller la vie,
Et les songes dorés revenir tour à tour...
Qui es tu donc, Rayon? — qui es tu, Harmonie?
«Je suis», dit une Voix, «l'Art, la Vie, l'Amour!
«Je viens de l'horizon où la Neige sévère
«Jette un voile glacé sur ma chaude lumière,
«Et cherche à l'empecher d'arriver à ton coeur!
«Ne crains pas les rigueurs du temps ni de l'absence
«Regarde mes rayons, écoute ma voix tendre
«Abandonne ton âme, je veux te la prendre,
«Suis moi, je suis l'Espérance!
«Suis moi, je suis le Bonheur!»

à Sascha.

Maître illustre — suave et splendide génie,
Noble et doux à la fois, cher et grand Borodine,
Dont le coeur si humain et l'âme si divine
Inspirent de leurs chants les voix de l'Harmonie;
Astre toujours brillant qui jamais ne décline,
Et jamais n'affaiblis ton rayon éclatant,

Quand verrai je attentive, émue, émerveillée
Aux sons d'or de ta lyre tendre, ensoleillée,
Toute une foule t'acclamant?!

Tandis que l'on t'oublie ou bien que l'on t'ignore,
Mon âme te devine et mon coeur t'adore
Atôme s'élevant au ciel!
Et petite — fidèle — le front dans la poussière,
Je prodigue l'encens, l'amour et la prière,
A te célébrer — Immortel!

17 nov. 85

к X окт. 1883.

Растерянная, одинокая, я блуждала в тумане,
От холода застыла в моих жилах кровь.
Внезапно я увидела, как загорелись облака
И волны света затопили Восток.
Я почувствовала, что в моем сердце пробуждается жизнь,
И что, один за другим, возвращаются ко мне золотые сны...
Кто ж ты, Луч?—Кто ты, Гармония?
«Я Искусство, Жизнь, Любовь,— ответил какой-то голос,—
Я иду от того горизонта, где строгий снег
Набрасывает ледяное покрывало на мой горячий свет
И стремится помешать ему дойти до твоего сердца!
Не бойся суровости времени и разлуки,
Смотри на мои лучи, слушай мой нежный голос,
Отдай мне свою душу, я хочу ее взять у тебя,
Следуй за мною, я — Надежда!
Следуй за мною, я — Блаженство!»

Саше

Прославленный мастер, сладостный и блистательный гений
Одновременно и благородный, и нежный, чарующий и великий Бородин,
Чье сердце, такое человечное и душа такая божественная
Вдохновляют голоса Гармонии своими напевами;
Всегда блистающее не заходящее светило,
Твой ослепительный луч никогда не слабеет.
Когда же увижу я, чуткая, взволнованная, очарованная,
Как целая толпа рукоплещет тебе,
Под золотые звуки твоей нежной, солнечной лиры?!

Пока тебя не знают, или забывают о тебе,
Моя душа,— атом, несущийся к небесам —
Тебя разгадывает, сердце же мое — тебя обожает!
Маленькая, верная, с челом, повергнутым в прах,
Я расточаю фимиам, любовь и молитвы,
Чтобы прославить тебя, Бессмертный!

5/17 Ноября 85

11. Л. де Мерси-Аржанто — Ж. Фольвилль

A M-elle Folville.

Ma chère enfant, quel malheur, n'est-ce pas? Notre pauvre cher grand ami est tombé foudroyé au milieu d'une phrase,

au milieu d'un mot, dans une petite soirée chez lui, qu'il donnait pour la fin du carnaval. Il venait de chanter et de jouer des fragments de sa 3-me Symphonie: il était gai, content, tout-à-fait bien portant et tout d'un coup il s'est abattu foudroyé, une rupture au coeur. Ah, c'est terrible! J'en suis malade de chagrin et vous serez bien affligée aussi, j'en suis sûre.

Je vous embrasse de tout coeur. Votre marraine

Chimay Mercy-Argenteau.

[Начало марта 1887 г.][1]

Мадемуазель Фольвилль.

Дорогое мое дитя, подумайте, какое несчастье! Бедный наш дорогой, знаменитый друг упал как бы пораженный молнией, не закончив фразу, на полуслове, во время устроенной им, по случаю конца масленицы, вечеринки. Незадолго до того он напевал и наигрывал отрывки из 3-й симфонии, он был весел, доволен, чувствовал себя совершенно здоровым и внезапно упал от разрыва сердца. Это ужасно! Я заболела от горя и Вы, наверное, тоже сильно опечалитесь.

Обнимаю Вас от всего сердца.

Ваш крестная

Шимэ Мерси-Аржанто.

12. В. В. Стасов — А. П. Дианину

С. П. Б. Импер. Публ. Б-ка
29 сент. 90.

Многоуважаемый Александр Павлович, ко времени юбилея Н. А. Римского-Корсакова, в декабре[1], я печатаю его биографию[2], для которой у меня есть не мало хорошего, и важного материала, в том числе его некоторые письма к Мусоргскому, ко мне и другим; кажется, и Кюи даст мне нечто в том же роде, т. е. несколько писем Римлянина к нему, из 60-х и 70-х годов (если найдет такие у себя, т. е. если такие уцелели).— Вот я и обращаюсь теперь также и к Вам с просьбой: не уцелело ли в наследстве Бородина — писем Римлянина из той же эпохи, с интересным и важным содержанием? И если да, то не дадите ли Вы мне их списать, для напечатания[3]. Это было бы превосходно! Пожалуйста, ответьте поскорее, и если ответ будет утвердительный, я тотчас прискачу к Вам для дальнейших переговоров наших.

Надеюсь на Вас, и издали жму Вам руку.

Ваш всегда

В. Стасов.

13. Воспоминания Марии Васильевны Доброславиной

[1925 г.]

Многое сообщить об Александре Порфирьевиче я не могу; думаю, что лица, стоявшие к нему ближе в его интимной

жизни, сделают это лучше меня. Постараюсь записать все, что можно. Увидела я его в первый раз, когда мой муж, тогда мой жених, привез меня невестой к ним, перед отъездом за границу. Не помню, какое он произвел на меня тогда впечатление; я была тогда занята другим и мало обращала внимания на все окружавшее меня. Помню только, что была очарована игрой Екатерины Сергеевны, которая сыграла две новеллетты Шумана.

Во второй раз я увидела его через два года, по возвращении из-за границы, и тогда только я увидела перед собою человека, который произвел на меня чарующее впечатление, и обаяние его личности охватило меня и осталось во мне и до сих пор.

До сих пор он сам, его портреты, каждая написанная им строчка составляют для меня святыню. Помню, что был он в то время очень красив; да по-моему красоту эту он сохранил до конца своей жизни, хотя за последние годы он располнел. Впрочем в последнее время он похудел и полным назвать его было нельзя.

Как быстро завязались у нас те дружеские, близкие отношения, которые продолжались до самой его смерти, я теперь не помню. Начало этому положила, конечно, его дружба с моим мужем, который боготворил его, так же как и я. Вскоре после нашего знакомства он предложил мне заниматься с ним теорией музыки. У нас составилось трио: я, Ольга Яковлевна Чистович [1] и Наталья Петровна Хлебникова [2] — дочь профессора физики в Академии [3]. Занятия наши далеко не пошли: у меня было двое крошечных детей и я часто не имела времени, чтобы сделать заданные мне упражнения.

Не надо говорить, как близка к сердцу была нам его музыкальная деятельность. Само собою разумеется, что мы не пропускали ни одного концерта, где бы исполнялось какое-либо из его произведений. Как радовались мы его успехам, возмущались, если исполнение стояло не на высоте произведения, и как огорчались, если нам казалось, что вещь его была принята недостаточно горячо. Помню, как однажды его второй квартет был исполнен во втором квартетном обществе [4] (первая скрипка Крюгер [5], остальных не помню). Квартет был сыгран очень плохо, очевидно с листа, с ошибками, и без надлежащих темпов. Я стала критиковать исполнение, Ал[ександр] Порф[ирьевич] заступался за них и в пылу спора я назвала их не музыкантами, а «сапожниками», на что он рассердился. «Могли бы и совсем его не играть, сказал он, и Вы бы его не услышали». «И лучше бы сделали, ответила я, а такое исполнение я и слушать не хочу. Меня это оскорбляет за Вас».

Но долго сердиться он не мог, и если играли его квартеты, то он заранее сообщал: «Кажется на днях играют мой квартет». «А кто играет?» «Ну, не волнуйтесь — не «сапожники».

Одним из неприятных воспоминаний является исполнение в первый раз его h-мольной симфонии в концерте Русского музыкального общества под управлением Направника [6]. Симфония не имела успеха. Мы с Екатериной Сергеевной и А. П. Дианиным были на хорах, в зале Дворянского собрания, и сидели с правой стороны от входа. Как сейчас вижу его стоящим в конце зала у колонны с левой стороны с заложенными назад руками.

Первая часть принята была очень холодно и на попытки аплодировать послышалось шиканье. Вся симфония была принята таким же образом и автора не вызывали.

Что мы все чувствовали в это время я и теперь не могу вспомнить без волнения. И это та самая симфония, которая потом вызывала восторги и в которой удивительное скерцо не проходило без повторения. А как она всегда принималась за границей — в Германии [7] и Бельгии — это мы знаем из многих писем с выражением восторга, которые Ал[ександр] Порф[ирьевич] получал после ее исполнения. Помню, что он все-таки был расстроен и мы доказывали ему, что гений, потому он и гений, что стоит выше толпы и пониманию ее недоступен. Сколько насмешек вынес Вагнер. «Музыка будущего» — вот как ее называли и правильно; только теперь толпа доросла до ее понимания. А «Руслан»? Я еще помню то время, когда при его исполнении театр был всегда пуст. Как известно, Репин написал его портрет, где он изображен стоящим у колонны в зале Дворянского собрания. Портрет этот всегда напоминает мне вечер исполнения его h-мольной симфонии. Он написан после его смерти и для стана позировал мой муж, который в этом был с ним сходен.

По выходе в свет четырехручного переложения h-мольной симфонии Ал[ександр] Порф[ирьевич] принес мне экземпляр ее со следующей надписью:

Куме от кума дар;
От пасынка гармонии
Второй его симфонии
Печатный экземпляр.

При этом было еще стихотворение «конфиденциально», которое я не привожу [8].

Все им написанное было нам дорого и свято. Его охлаждение к «Игорю», после всего написанного им для оперы, огорчало всех страшно; но говорить с ним об этом было нельзя; ему это всегда было неприятно. Такой период охлаждения к «Игорю» был и в зиму его смерти. «Игоря» он бросал и возвращался к нему несколько раз. Но в эту зиму он мало им интересовался и занялся третьей, неоконченной симфонией, в которой была уже написана и исполнялась первая часть и скерцо в $^5/_4$ [9].

Помню, пришел он к нам однажды неожиданно к обеду, после которого мы, видя его в хорошем расположении духа, заговорили об «Игоре».

По обыкновению ему это было неприятно и он рассердился.

«Вот,—сказал он,—я пришел к Вам сыграть одну вещь, а теперь, за то что Вы мучаете меня с Игорем, я и не сыграю».

Тогда мы стали просить прощенья, давали слово никогда, ничего об «Игоре» не говорить и умоляли его сыграть. И он сыграл. Это было Andante к третьей симфонии. Оказывается, что, кроме меня с мужем и А. П. Дианина [10], этого Andante никто не слыхал. Он сам сказал, что он его еще никому не показывал и оно у него еще не записано. Оно и не было записано и так и пропало для музыкальной славы России.

Как жаль, что его не слышал А. К. Глазунов. Со своей колоссальной памятью он восстановил незаписанную увертюру «Игоря» [11] и наверное восстановил бы и это Andante [12].

Это была тема с варьяциями. Тема суровая, «раскольничья», как он ее назвал. Сколько было варьяций, я не помню, знаю только, что все они шли crescendo по своей силе и, если можно так выразиться, по своей фанатичности.

Последняя варьяция поражала своею мощностью и каким-то страстным отчаянием.

Я не особенно люблю эту музыкальную форму; мне она кажется деланной, искусственной, а потому иногда утомительной и скучной. Но у Ал[ександра] Порф[ирьевича] в его своеобразной, ему присущей гармонии это было так хорошо, что мы с мужем только переглядывались и млели от восторга. Он видел, какое впечатление это производит на нас, играл много и, играя, намечал инструментовку.

Как сейчас вижу я его за фортепьяно; его немного сутуловатую фигуру и полные руки, которые как-то неуклюже двигались по клавишам. Играя, он всегда немного посапывал и глаза у него делались какие-то неопределенные и загадочные. Как хотелось мне всегда в такие минуты найти слова, которые выразили бы ему весь мой восторг и обожание.

Не помню в каком месяце это было; но вероятно незадолго до его кончины, потому что за фортепьяно я видела его в последний раз.

14 февраля 1887 г. он пришел к нам и просил прийти завтра, т. е. 15-го вечером, говоря, что ему хочется повеселить «девчонок» [13]. Это было на масленой, и он просил, если можно, закостюмироваться, т. к. это придаст веселья и непринужденности. Я соорудила нечто вроде русского костюма, а Ал[ександр] Порф[ирьевич] надел, если не ошибаюсь, голубую шелковую рубашку и пунцовые шаровары [14].

От нас он пошел к проф. Егорову [15] и очень просил и их прийти также на вечеринку, уверяя, что будет очень интересно

и они увидят нечто такое, чего они еще не видели и никогда больше не увидят.

К назначенному часу все были в сборе. Общество было небольшое, но очень тесное, и все веселились от души. Вскоре после начала Ал[ександр] Порф[ирьевич] провальсировал, не помню с кем, и подошел ко мне. Мы стояли и разговаривали, когда в зал вошел проф. Пашутин [16] и подошел поздороваться с Ал[ександром] Порф[ирьевичем] и со мной. Он приехал с обеда, был во фраке, и Ал[ександр] Порф[ирьевич] спросил его, почему он такой нарядный. Я сказала, что из всей мужской одежды я больше всего люблю фрак; он идет одинаково ко всем и всегда изящен. Ал[ександр] Порф[ирьевич] заявил со своей обычной шутливой галантностью, что если я так люблю фрак, то он всегда будет приходить ко мне во фраке, чтобы всегда мне нравиться. Последние слова он произнес растягивая и как бы закоснелым языком, и мне показалось, что он качается; я пристально взглянула на него, и я никогда не забуду того взгляда, каким он смотрел на меня — беспомощного, жалкого и испуганного. Я не успела вскрикнуть «Что с Вами?», как он упал во весь рост. Пашутин стоял возле, но не успел подхватить его.

Боже мой! Какой это был ужас! Какой крик вырвался у всех. Все бросились к нему и тут же на полу, не поднимая его, стали приводить его в чувство. Понемногу сошлись все врачи и профессора, жившие в Академии. Почти целый час прилагали все усилия, чтобы вернуть его к жизни. Были испробованы все средства и ничто не помогло. Не могу забыть отчаяния одного врача, который сидел, схватив себя за голову, и все повторял, что не может простить себе, что не применил в первую же минуту кровопускания.

И вот он лежал перед нами, а мы все стояли кругом в наших шутовских костюмах и боялись сказать друг другу, что все кончено.

Помню, что последним пришел проф. Манассеин [17], когда уже все было испробовано. Он наклонился над ним, послушал сердце, махнул рукой и сказал: «Поднимите же его».

И его подняли и положили, и все было кончено.

М. Д.

ПРИМЕЧАНИЕ

ГПБ. Это единственное известное нам письмо князя Л. С. Гедианова. Письмо воспроизводится со всеми грамматическими ошибками подлинника. Автограф хранится в архиве Ю. Крюденер.

Гедианов Лука Степанович, князь (1774—1843) — отец А. П. Бородина. Подробнее о нем см. в первой главе биографии А. П. Бородина в настоящем томе.

О княгине Анне Сергеевне Голицыной никаких сведений найти не удалось.

[1] Миллер Александр Богданович — титулярный советник, делец, вероятно, выполнявший разные поручения Л. С. Гедианова.

[2] Кроме жены, имеется в виду семейство дочери, бывшей замужем за полковником Н. Е. Лукашом.

2

ИРЛИ. Воспроизводится по книге В. Каренина «Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности», часть вторая. Л., 1927, стр. 434. В книге Каренина этот документ сопровождается следующим комментарием: «Между прочим, когда Стасов собирал биографические материалы о Бородине в 1887 году, то писал однажды брату, что товарищ Дм. Вас. по Правоведению, сенатор Ник. Отт. Тизенгаузен, бывший 5 июля в Парголове у Стасова, рассказал, что «в 1849 г., когда он служил в Твери там у его родственника какого-то хлопотали о приписке Бородина в мещане или купцы тамошние, причем он числился незаконным. Бородину было тогда 16 лет, и ему надо было поступить в Медицинскую Академию. Почему понадобилась тут Тверь, как и что, он ничего не знает, поэтому я его попросил написать тотчас же к знакомым в Казенную Палату в Тверь, что он и сделал. Вероятно скоро придет ответ». Ответ этот В. В. получил от г. Жизневского, озаглавившего его: «Справка из Тверской Казенной Палаты». Далее следует текст приводимого документа.

3

ГЦММК, ф. 45, № 499.

[1] Относится к 1873 году на основании почтового штемпеля.

4

ГПБ

[1] Датируется предположительно 1874—1875 годами, т. к. именно к этим годам относится сочинение Бородиным музыки половецких актов оперы «Князь Игорь». Именно для этой цели В. В. Стасов помогал ему в собирании сведений о музыке половцев. Текст выверен по оригиналу А. С. Ляпуновой.

5

ГЦММК, ф. 45, № 500. Письмо написано рукой Е. А. Афанасьевой.

[1] Относится к 1880 году на основании почтового штемпеля.

[2] Имеется в виду письмо Л. Дамроша от 10/22 сентября 1880 года (см. п. № 68).

6

ГЦММК, ф. 45, № 490. Письмо написано на бланке «Société des Nouveaux concerts».

Ламурё Шарль (1834—1899) — известный французский дирижер, основатель «Société des Nouveaux concerts» в Париже.

[1] В концерте 7/19 октября 1884 года под управлением Ш. Ламурё впервые в Париже была исполнена симфоническая картина «В Средней Азии» Бородина.

[2] Упомянутая программа была вместе с письмом Ш. Ламурё переслана графиней Мерси-Аржанто А. П. Бородину и сохранилась в его архиве (ГЦММК, ф. 45, № 540).

7

ГЦММК, ф. 45, № 491.

[1] См. примечание 1 к п. № 6.

8

ГЦММК, ф. 45, № 555. Эта вырезка была прислана А. П. Бородину, по-видимому, графиней Мерси-Аржанто или Ц. А. Кюи.

[1] 16/28 февраля 1885 года.

9

ГЦММК, ф. 45, № 494. Письмо на бланке дирекции Льежской консерватории.

[1] Концерт Антверпенского музыкального общества состоялся 7/19 сентября 1885 года. По приглашению председателя Общества О. Менцеля, А. П. Бородин, находившийся в это время в Париже, сам должен был дирижировать в этом концерте. Из-за его отказа дирижировал концертом Т. Раду.

[2] Романс Бородина «Спящая княжна» был исполнен в этом концерте.

10

ГЦММК, ф. 45, № 57а.

Адресат первого стихотворения неизвестен. По своему содержанию оно является как бы вариацией на тему «Свет с Востока» (Ex Oriente lux) и принадлежит к числу довольно распространенных во французской поэзии уже в те годы попыток лирической передачи впечатлений от знакомства с русской и вообще славянской музыкой.

11

Письмо опубликовано в книге Carlo Bronne «La comtesse de Mercy-Argenteau et la musique russe», Paris, 1935.

[1] Датируется на основании содержания письма. Приведенные подробности смерти А. П. Бородина заимствованы Мерси-Аржанто из некролога Бородина, написанного Ц. А. Кюи и напечатанного в газете «L'Indépendance Belge» № 66 от 7 марта 1887 года.

12

ГЦММК, ф. 45, № 496.

[1] Двадцатипятилетие композиторской деятельности Н. А. Римского-Корсакова праздновалось 19 декабря 1890 года.

[2] «Николай Андреевич Римский-Корсаков» — биографический очерк В. В. Стасова был издан отдельной брошюрой и напечатан в журнале

«Северный вестник», № 12 за 1890 год. В этом очерке В. В. Стасов использовал известные ему письма к Римскому-Корсакову А. П. Бородина, Ц. А. Кюи и М. П. Мусоргского.

[3] После смерти А. П. Бородина весь его архив находился у А. П. Дианина. В ответ на комментируемое письмо А. П. Дианин передал Стасову два письма Н. А. Римского-Корсакова к А. П. Бородину от 18 января и 10 августа 1879 года. Второе из них частично было опубликовано В. В. Стасовым в его биографическом очерке «Н. А. Римский-Корсаков». Оба письма печатаются в настоящем томе.

13

ГЦММК, ф. 45, № 71. Воспоминания написаны М. В. Доброславиной в 1925 году по моей просьбе.

Доброславина, рожд. Потемкина, Мария Васильевна (1847—1932) — жена А. П. Доброславина, профессора Медико-хирургической академии. Доброславины были знакомы с А. П. Бородиным с 1869 года.

[1] Чистович Ольга Яковлевна — дочь начальника Медико-хирургической академии Я. А. Чистовича. Училась в Петербургской консерватории по классу фортепьяно у профессора В. П. Толстова.

[2] Хлебникова Наталия Петровна — дочь профессора Медико-хирургической академии П. А. Хлебникова.

[3] В этом кружке музыкальных учениц А. П. Бородина в Медико-хирургической академии участвовала также М. П. Решетина, сестра А. П. Доброславина. Кружок существовал около 1872—1873 годов.

[4] По-видимому, имеется в виду «Петербургское общество камерной музыки». Факт прижизненного исполнения второго квартета Бородина в указанном обществе мне был не известен.

[5] Крюгер — скрипач, артист оркестра Мариинского театра в Петербурге.

[6] Это исполнение состоялось 26 февраля 1877 года.

[7] М. В. Доброславина ошибается. Вторая симфония Бородина при жизни автора в Германии не исполнялась.

[8] См. Письма А. П. Бородина, вып. II, п. № 344.

[9] Первая часть третьей симфонии a-moll была лишь импровизирована Бородиным и несколько раз проиграна друзьям. Она не была записана. Записал ее после смерти Бородина А. К. Глазунов. Скерцо D-dur без трио было записано. Оно не в $^5/_4$, а в $^5/_8$.

[10] М. В. Доброславина ошибается. А. П. Дианин ничего не знал о факте сочинения Бородиным Andante из третьей симфонии.

[11] Увертюра к опере «Князь Игорь» была написана А. К. Глазуновым по плану автора на основе слышанных им авторских импровизаций. Сам Глазунов не считал возможным утверждать, что он записал ее точно, по авторскому изложению. См. примечание 99 к главе 5 этой книги.

[12] По свидетельству академика Б. В. Асафьева, А. К. Глазунов слышал и запомнил Andante из третьей симфонии, но не счел полезным его записать. См. «Советская музыки», второй сборник статей, М., 1944, стр. 16.

[13] Т. е. своих воспитанниц.

[14] М. В. Доброславина ошибается. Бородин был одет в красную шерстяную рубашку и темносиние шерстяные шаровары. Вещи эти бережно сохранялись моей матерью, и я их много раз видел.

[15] Егоров Николай Григорьевич (1849—1909) — профессор физики в Военно-медицинской академии.

[16] Пашутин Виктор Васильевич (1845—1901) — патолог, с 1885 года ученый секретарь, впоследствии — начальник Военно-медицинской академии.

[17] Манассеин Вячеслав Авксентьевич (1841—1901) — известный терапевт, профессор Военно-медицинской академии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. БОРОДИНА

Составил С. А. ДИАНИН

Принятые сокращения:

ЛГК — Ленинградская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова

ЦМБ — Центральная музыкальная библиотека Государственного академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова

НИИ ТМК — Научно-исследовательский институт театра, музыки и кинематографии (Ленинград)

ГПБ — Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина

ГЦММК — Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М. И. Глинки

ГДМЧ — Государственный дом-музей П. И. Чайковского в Клину

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР в Ленинграде

Время сочинения	Название произведения	Первое издание	Место хранения подлинника	Примечания
1	2	3	4	5
	I. Сочинения для музыкального театра			
1867	«Богатыри». Опера-фарс в 5 действиях-картинах. Текст В. Крылова.	Не издана.	ЦМБ. Эскиз финала 5-й картины — в библиотеке музык. рукописей Стэнфордского университета (США).	См. Otto E. Albrecht. A Census of Autograph Music Manuscripts of European Composers in American Libraries. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1953, p. 47.
1867—1868	«Царская невеста». Опера на сюжет драмы Л. Мея. Наброски.	Не издана.	Не сохранилась.	См. Стасов В. В. А. П. Бородин. Музгиз, М., 1954, стр. 33, а также в этой книге стр. 71 и примечание 17 к главе III.
1869—1870, 1874—1887	«Князь Игорь». Опера в 4-х действиях с прологом. Либретто и слова автора. *Посв. памяти М. И. Глинки*	Партитура, перелож. для пения с сопр. ф.-п. и для ф-п. соло *. — Изд. М. Беляева, 1889.	ГПБ, несколько набросков—в НИИТМК. 5 отрывков в партитуре—в библиотеке Конгресса (Вашингтон, США), ГЦММК—тема Кончаковны (набросок карандашом) и половецкая пляска, перелож. для ф-п. (не закончено). 1-я ария Игоря («Зачем не пал я...»)—в частных руках. Наброски—в ЛГК.	См. цит. выше издание, стр. 47.

* В графе 3-ей настоящего списка указываются переложения, выполненные автором. Все остальные выносятся в графу «примечания».

1	2	3	4	5
1872 √	«Млада». Опера-балет в 4-х действиях, действие четвертое. Либретто В. Крылова, сценарий С. Гедеонова. 1. Идоложертвенный хор Радегасту. 2. Сцена между Яромиром и верховным жрецом. 3. Явление теней древних славянских князей. 4. Дуэт Войславы и Яромира. 5. Сцена обращения Войславы к Морене. Явление Морены. 6. Разлив, буря, гибель храма и проч. 7. Явление Млады. 8. Апофеоз.		№№ 2—8—в ГПБ. Набросок № 2 (5 стр.) — в ИРЛИ.	М. Беляевым в 1892 г. изданы №№ 5—8 в обработке Н. А. Римского-Корсакова: «Финал оперы-балета «Млада» А. Бородина» (партитура, голоса и перелож. для ф-п. в 4 руки). Автограф № 1 утрачен.
	II. Симфонические произведения			
1862—1867 √	Первая симфония, Es-dur. 1. Adagio (es-moll). Allegro (Es-dur). 2. Scherzo. Prestissimo (Es-dur), Trio. Allegro (gis-moll). 3. Andante (D-dur). 4. Allegro molto vivo (Es-dur). *Посв. М. А. Балакиреву*	Перелож. для ф-п. в 4 руки — изд. В. Бесселя, 1875. Партитура — изд. В. Бесселя, 1882, орк. голоса — 1883.	Перелож. для ф-п. в 4 руки — ГЦММК. 1 часть (вариант) — ГПБ. Неполный черновик партитуры (77 листов) — в НИИ ТМК. Отрывок — в ГПБ.	Полная чистовая партитура, по-видимому, утрачена.
1869—1873, 1876	Вторая симфония, h-moll. 1. Allegro moderato (h-moll). 2. Molto vivo. Trio. Allegretto (F-dur). 3. Andante (Des-dur).	Перелож. для ф-п. в 4 руки — изд. В. Бесселя, 1877. Партитура — изд. В. Бесселя, 1887.	ЛГК — фрагменты партитуры.	

1	2	3	4	5
	4. Allegro (H-dur). *Посв. Е. С. Бородиной*		ГПБ — полная чистовая партитура, частично написанная Н. А. Римским-Корсаковым и А. К. Глазуновым.	Партитура издана посмертно при участии Н. А. Римского-Корсакова и А. К. Глазунова.
1880	«В Средней Азии». Симфоническая картина. Allegretto con moto (a-moll — A-dur). *Посв. Ф. Листу*	Перелож. для ф-п. в 4 руки — изд. Д. Ратера, 1882. Партитура — изд. Д. Ратера, 1882.	ГПБ, ГЦММК — корректура с исправлениями автора. ГПБ, ГЦММК — черновая партитура. ЛГК—черновые наброски тем.	
1882, 1886—1887	Третья симфония, a-moll. 1. Moderato assai (a-moll—A-dur). 2. Vivo (D-dur). Trio. Moderato (B-dur). 3. Andante (c-moll?) 4. Finale.	Не закончена автором.	Наброски — в ЛГК и у С. А. Дианина, Скерцо (5/8, без трио) — в ГПБ.	Первая часть записана А. К. Глазуновым (автограф его записи хранится в ГПБ). Партитура и перелож. для ф-п. в 4 руки изданы М. Беляевым в 1888 г. Вторая часть симфонии (Vivo) вошла также (в изложении для струнного квартета) в коллективный квартет «Пятницы». О III и IV частях см. на стр. 152—154 и 346 этой книги.

1	2	3	4	5
	III. Камерные сочинения для различных инструментальных составов			
1847	Концерт для флейты с фортепьяно, D-dur — d-moll.	Не издан.	Не сохранился	См. об этих сочинениях Стасов В. В. А. П. Бородин. Музгиз, М., 1954, стр. 6 и в этой книге стр. 34.
1847 ✓	Первое трио для 2-х скрипок и виолончели на мотивы из оперы «Роберт-Дьявол» Дж. Мейербера, G-dur.	Не издано.	**Не сохранилось.**	
1852—185[6?]	Второе («Большое») трио для двух скрипок и виолончели, G-dur. 1. [Allegro] (G-dur). 2. Andante (D-dur). 3. Scherzo (не закончено).	Партитура и голоса (I и II части) — Музгиз, 1949. Ред. Б. Доброхотов и Г. Киркор.	Три части (22 стр.) — в НИИ ТМК.	Третья часть трио, Скерцо, представляет собой небольшой отрывок, не включенный редакторами в издание 1949 г.
1852—185[6?]	Квартет для флейты, гобоя, альта и виолончели, D-dur. 1. Allegro (D-dur). 2. Adagio (h-moll). 3. Menuetto [Moderato] . (D-dur). Trio [poco meno mosso] (d-moll). 4. Finale. Rondo (D-dur).	Партитура и голоса — Музгиз, 1949. Ред. Б. Доброхотов и Г. Киркор.	НИИ ТМК	Как доказал Г. Головинский (см. «Сов. музыка», 1954, № 7, стр. 113), I и 4 части этого квартета представляют собой переложение двухчастной сонаты для фортепьяно И. Гайдна (ор. 93).
1853—1854	Квинтет для 2-х скрипок, альта и 2-х виолончелей, f-moll. 1. Allegro con brio (f-moll). 2. Andante ma non troppo (As-dur). 3. Menuetto (f-moll). Trio (F-dur). 4. Finale (f-moll — F-dur).	Не издано.	Партитура (99 стр.) — в НИИ ТМК.	Третья часть имеет заголовки Menuetto. Trio. Menuetto da capo. Сочинение не закончено: кода финала отсутствует.

1	2	3	4	5
1855	Третье трио для 2-х скрипок и виолончели на тему русской народной песни «Чем тебя я огорчила», g-moll, одна часть. *Посв. П. И. Васильеву*	Партитура и голоса — Музгиз, 1946. Ред. проф. П. А. Ламм.	НИИ ТМК	Переложение в 4 руки М. Р. Щиглева — в НИИ ТМК.
1850-е гг. (?)	Четвертое трио для 2-х скрипок и виолончели, G-dur (одночастное?).	Не издано.	Начало партитуры (2 стр.) — в НИИ ТМК.	
1860	Соната для виолончели с фортепьяно (на тему фуги И. С. Баха), h-moll. 1. [Allegro] (h-moll). 2. Pastorale [Andante dolce] (F-dur). 3. [Finale. Maestoso. Presto] (h-moll—H-dur).	Не издана.	Отрывки — в НИИ ТМК (начало первой части) и в частных руках.	Тема Баха заимствована из фуги сонаты № 1 для скрипки соло. Обозначения, заключенные в квадратные скобки, сделаны другой рукой.
1860—1861	Секстет для 2-х скрипок, 2-х альтов и 2-х виолончелей, d-moll. 1. Allegro (d-moll). 2. Andante (e-moll). 3. ? 4. ?	Партитура — Музгиз, 1946. Ред. проф. П. А. Ламм.	40 стр. — в НИИ ТМК. Набросок начала финала (D-dur)—в ГПБ.	Последние две части сочинения не сохранились, но, по-видимому, существовали См. Бэлза И. Ф. А. П. Бородин. Музгиз, М., 1947, стр. 48.
1860—1861	Трио для скрипки, виолончели и фортепьяно, D-dur. 1. Allegro con brio (D-dur). 2. Романс («Romanza»). Andante (E-dur). 3. Интермеццо. Tempo di minuetto (D-dur). Trio (C-dur).	Музгиз, 1950. Ред. Б. Доброхотов и Г. Киркор.	НИИ ТМК	Вероятно, существовал и финал этого трио.

1	2	3	4	5
1862	Квинтет для 2-х скрипок, альта, виолончели и фортепьяно, c-moll. 1. Andante (c-moll). 2. Scherzo. Allegro non troppo (a-moll). Trio (C-dur). Scherzo da capo. 3. Finale (c-moll—C-dur).	Партитура и голоса — изд. «Искусство», 1938. Ред. проф. П. А. Ламм.	ГПБ	
1874—1879	Первый квартет для 2-х скрипок, альта и виолончели, A-dur. 1. Moderato. Allegro (A-dur). 2. Andante con moto (fis-moll). Fugato. Un poco più mosso (d-moll). 3. Scherzo. Prestissimo (F-dur) Trio. Moderato (A-dur). 4. Finale. Andante. Allegro risoluto (a-moll — A-dur). *Посв. Н. Н. Римской-Корсаковой*	Партитура — изд. Д. Ратера, 1884. Перелож. для ф-п. в 4 руки — изд. Д. Ратера, 1887.	Наброски — в ГПБ и ЛГК.	
1881	Второй квартет для 2-х скрипок, альта и виолончели, D-dur. 1. Allegro moderato (D-dur). 2. Scherzo. Allegro (F-dur). 3. Nocturne. Andante (A-dur). 4. Finale. Andante. Vivace (D-dur). *Посв. Е. С. Бородиной*	Партитура — изд. М. Беляева, 1888.	ГПБ Наброски — в ЛГК.	Переложение для ф-п в 4 руки сделано С. М. Блуменфельдом.
1886	«Испанская серенада» («Serenata alla spagnola») для 2-х скрипок, альта и виолончели, B-dur. *Посв. М. П. Беляеву*	Партитура, голоса и перелож. для ф-п. в 4 руки — изд. М. Беляева, 1887.	ГПБ Набросок — в ЛГК.	Вошло в коллективный квартет «B-la-f», изданный М. Беляевым в 1887 г.

1	2	3	4	5
1882	Скерцо для 2-х скрипок, альта и виолончели, D-dur, 5/8.		ГПБ	Вошло позже в 3-ю симфонию, для этого варианта был сочинен средний раздел — трио. Включено в коллективный квартет «Пятницы» под названием «Русское скерцо».
	IV. Камерные сочинения для фортепьяно			
1843, 184[6?]	Полька «Hélène» в 4 руки, d-moll.	Музгиз, 1946. Ред. проф. П. А. Ламм.	НИИ ТМК	
184[9?]	Фантазия на тему И. Гуммеля	Изд. Р. Гедрима, 1849.	Не сохранилась.	Сведения об этих сочинениях см. в газ. «Сев. Пчела» от 25 ноября 1849 года.
184[9?]	Этюд «Le courant» («Поток»).	Изд. Р. Гедрима, 1949.	Не сохранился.	
1851—1852	Фуги.	Не изданы.	Не сохранились.	См. Стасов В. В. А. П. Бородин. Музгиз, 1954, стр. 22.
1852	Скерцо, b-moll.	Не издано.	Не сохранилось.	
1852—185[5?]	Попурри на тему из оперы Доницетти «Лукреция Борджиа», A-dur (отрывок).	Не издано	ГПБ	Вероятно, ф-п. партия камерного ансамбля.
1861	Allegretto в 4 руки, Des-dur.	Не издано.	НИИ ТМК	Заимствовано из середины (трио) 3-й части квинтета f-moll.

1	2	3	4	5
1861 (август)	Скерцо в 4 руки, E-dur.	Не издано.	ГПБ — 10 страниц.	
1862	Фуга.	Не издана.	Не сохранилась.	См. Стасов В. В. А. П. Бородин. Музгиз, 1954, стр. 34.
186[2?]	Тарантелла в 4 руки, D-dur.	Музгиз, Л., 1938. Предисловие С. Л. Гинзбурга по материалам И. Я. Кацельника.	ГПБ — автограф без посл. стр. НИИ ТМК — копия автографа (полная).	
1870-е гг.[?]	«Эй, ухнем!» — обработка народной песни для фортепьяно в 2 (4?) руки (черновой эскиз).	Не издано.	ГПБ, ЛГК	
187[4?]—1878	Polka, Marche funèbre, Requiem и Mazurka для фортепьяно в 4 руки.	Изд. Д. Ратера, 1879, №№ 2, 3, 12. Изд. М. Беляева, 1893, также и № 14.	ГПБ. Эскиз польки — в НИИ ТМК, эскиз «Реквиема» — в ЛГК.	«Полька», «Похоронный марш», «Реквием» и «Мазурка» (напечатанная впервые в изд. М. Беляева) входят в коллективный сборник под названием «Парафразы, 24 вариации и 14 пьес для фортепьяно на неизменяемую известную тему. Посвящаются маленьким пианистам, способным сыграть тему одним пальцем каждой руки, авторами Александром Бородиным, Цезарем Кюи, Анатолием Лядовым и Николаем Римским-Корсаковым».

1	2	3	4	5
187[9?]	Пьеса для фортепьяно в 2 руки Es-dur (отрывок).	Не издано.	ГПБ	
1885	Маленькая сюита. 1. Au convent. Andante religioso (cis-moll). 2. Intermezzo. Tempo di menuetto (F-dur). 3. Mazourka. Allegro (C-dur). 4. Mazourka. Allegretto (Des-dur). 5. Rêverie. Andante (Des-dur). 6. Sérénade. Allegretto (Des-dur). 7. Nocturne. Andantino (Ges-dur). *Посв. Л. Мерси-Аржанто*	Изд. В. Бесселя, 1885.	Британский музей (Лондон) — автограф (№ 2, 3, 4, 5, 6 и скерцо). ГПБ — корректурные листы с правками автора, а также автограф первоначальной редакции «Rêverie», (№ 5).	
1885	Скерцо (Allegro vivace), As-dur *Посв. Т. Жадулю*	Изд. В. Бесселя, 1885.		Это сочинение, озаглавленное автором как «оркестровое», не было им инструментовано. Вошло как № 7. Finale в оркестровое переложение «Маленькой сюиты», сделанное А. Глазуновым. В перелож. «Маленькой сюиты» для ф-п. в 4 руки, сделанном И. Филиппом, обозначено как № 8.

1	2	3	4	5
	V. Камерные вокальные произведения			
1852—185[5?]	«Что ты рано, зореньк а». Слова неизвестного автора. Обработка народной песни для голоса с сопровождением фортепьяно, fis-moll.	Музгиз, 1947. Ред. проф. П. А. Ламм.	ГПБ	В предисловии к изданию 1947 года проф. П. А. Ламм отмечает: «Автограф очень черновой, и расшифровка его приблизительная».
1852—185[5?]	«Боже милостивый, правый». Слова неизвестного автора. Песня для голоса с сопровождением фортепьяно, E-dur (не закончено).	Не издано.	НИИ ТМК	
1853—185[5?]	«Разлюбила красна девица» («Затуманились все радости»). Слова неизвестного автора. Песня для голоса с сопровождением виолончели и фортепьяно, D-dur.	Музгиз, 1947. Ред. проф. П. А. Ламм.	НИИ ТМК	
1853—185[5?]	«Слушайте, подруженьки, песенку мою». Слова неизвестного автора. Песня для голоса с сопровождением виолончели и фортепьяно, e-moll.	Музгиз, 1947. Ред. проф. П. А. Ламм.	НИИ ТМК	
1854—1855	«Красавица-рыбачка». Слова Г. Гейне. Романс для голоса с сопровождением фортепьяно, Des-dur. Аранжировка автора в D-dur для голоса с сопровождением виолончели и фортепьяно. *Посв. А. С. Шашиной*	Музгиз, 1947. Ред. проф. П. А. Ламм.	НИИ ТМК	

1	2	3	4	5
1867	«Спящая княжна» («Спит, спит в лесу глухом»). Слова А. Бородина. Сказка для голоса с сопровождением фортепьяно, As-dur. *Посв. Н. А. Римскому-Корсакову*	Изд. П. Юргенсона, 1870.	ГПБ ГЦММК	Партитура и голоса (обработка и инструментовка Н. А. Римского-Корсакова) — изд. П. Юргенсона, 1904.
1867—1868	«Песня темного леса» («Темный лес шумел»). Слова А. Бородина. Песня для голоса с сопровождением фортепьяно, fis-moll. *Посв. Л. И. Шестаковой*	Изд. В. Бесселя, 1873.	ГПБ ГЦММК	Называлась также «Песнь о темном лесе» и «Старая песня». Как сообщает проф. П. А. Ламм в предисловии к сборнику «Романсы и песни А. Бородина» (Музгиз, 1947), была использована в народной сцене финала первого действия оперы «Князь Игорь», но не вошла в печатное издание. Партитура, голоса и перелож. для мужского хора с сопр. ф-п., сделанные А. К. Глазуновым, изданы В. Бесселем в 1893 г.
1868	«Морская царевна» («Приди ко мне ночной порой»). Слова А. Бородина. Романс для голоса с сопровождением фортепьяно, F-dur. *Посв. А. Е. Маковской*	Изд. В. Бесселя, 1873.	ГПБ ГЦММК	

1	2	3	4	5
1868	«Фальшивая нота» («Она все в любви уверяла»). Слова А. Бородина. Песня для голоса с сопровождением фортепьяно, Des-dur. *Посв. М. П. Мусоргскому*	Изд. П. Юргенсона, 1870.	ГПБ ГЦММК	
1868 ✓	«Отравой полны мои песни». Слова Г. Гейне в русском переводе [А. Бородина?]. Романс для голоса с сопровождением фортепьяно, es-moll. *Посв. Ц. А. Кюи*	Изд. П. Юргенсона, 1870.	ГЦММК	
1869, декабрь — 1870, февраль ✓	«Море» («Море бурно шумит»). Слова А. Бородина. Баллада для тенора с сопровождением фортепьяно, gis-moll. *Посв. В. В. Стасову*	Изд. П. Юргенсона, 1870.	ГПБ ГЦММК	В 1884 г. Бородин сделал оркестровый вариант сопровождения, но остался им не удовлетворен. Рукопись этого варианта хранится в ГПБ. Сочинение было оркестровано Н. А. Римским-Корсаковым и в 1904 г. издано П. Юргенсоном (партитура и голоса).
1870—1871	«Из слез моих». Слова Г. Гейне в переводе А. Бородина. Романс для голоса с сопровождением фортепьяно, H-dur. *Посв. М. С. Ступишиной*	Изд. В. Бесселя, 1873.	ГДМЧ	

1	2	3	4	5
1881	«Арабская мелодия» («Не беги от меня»). Слова А. Бородина. Романс для голоса с сопровождением фортепьяно, F-dur.	Изд. М. Беляева, 1889.		В этом сочинении автор воспользовался подлинной народной мелодией. См. Es quisse historique de la musique arabe aux temps anciens avec dessins d'instruments et quarante mélodies notees et harmonisées par Nicolas Christianowitsch. Cologne,— 1863. Musique ancienne, p. XIX, а также Дмитриева А. Н. К истории оперы Бородина «Князь Игорь». «Советская музыка», 1950, № 11, стр. 84 и Гордеева Е. «Композиторы Могучей кучки о народной музыке», Музгиз, М., 1957, стр. 9—10 и 183—184.
1881	«У людей-то в домуˇ». Слова Н. Некрасова. Песня для голоса с сопровождением оркестра или фортепьяно, F-dur. *Посв. Д. М. Леоновой*	Партитура и голоса — изд. М. Беляева, 1890.	ГПБ—оркестровая партитура, ЛГК — черновые наброски и фрагменты	Переложение для пения с сопр. ф-п. сделано Г. Дютшем, издано М. Беляевым в 1890 году.
1881	«Для берегов отчизны дальной». Слова А. Пушкина. Романс для голоса с сопровождением фортепьяно, cis-moll *Посв. Е. С. Бородиной*	Изд. М. Беляева, 1890.	ГПБ	

1	2	3	4	5
1884	«Спесь» («Ходит Спесь надувaючись»). Слова А. Толстого. Романс для голоса с сопровождением фортепьяно, F-dur. *Посв. А. А. Бичуриной*	Изд. М. Беляева, 1890.	ГПБ ЛГК — копия автографа с пометками автора.	
1885	«Septain». Слова С. J. (на франц яз.). Романс для голоса с сопровождением фортепьяно, Des-dur. *Посв. Л. Мерси-Аржанто*	Изд. «Veuve Muraille», 1885 (Бельгия, Льеж). Изд. В. Бесселя, 1887.	ЛГК—черновые эскизы.	В русском переводе (А. Бородина?) под названием «Чудный сад» впервые издано в приложении № 6 к журн. «Муз. Обозрение», год 2-й, 1886—1887.
	VI. Сочинения для хора или вокальных ансамблей			
	«Misera me, barbaro sorte». Слова неизвестного автора. Дуэт для тенора и баса с сопровождением фортепьяно, f-moll (не закончен).	Не издан.	НИИ ТМК	
186[9?]	«Слава Кириллу! Слава Мефодию!» Слова неизвестного автора. Для 4-голосного (мужского?) хора с сопровождением фортепьяно, C-dur (не закончено).	Не издан.		
1868—1871[?]	«Серенада четырех кавалеров одной даме». Слова А. Бородина. Комический квартет для четырех мужских голосов с сопровождением фортепьяно, Des-dur.	Изд. М. Беляева, 1889.	НИИ ТМК	Сочинена с целью подшутить над Н. Н. Пургольд («дамой»). «Кавалеры», впервые исполнившие «Серенаду», были М. П. Мусоргский, А. П. Бородин, Н. А. Римский-Корсаков и В. В. Стасов. В ГПБ — рукописная копия, сделанная М. П. Беляевым.

1	2	3	4	5
	VII. Музыкальные шутки и импровизации, большей частью не записанные автором			
186[6?]	«Южная ночь». Пародия на романс Н. Римского-Корсакова. Музыкальная шутка для фортепьяно.			См. М. Ю. Г—ъ. [Гольдштейн М. Ю.]. Кое-что новое о Бородине. «Русская муз. газета», 1899, № 38, стлб. 905.
1867	«60 Variationen über ein böhmisches Thema für das Pianoforte, componiert und Herrn Mily Balakireff zugeeignet von A. Borodin».		Автограф письма с 1 вариацией — в ЛГК	Шуточное произведение на псевдочешскую тему, сообщенную М. Балакиревым. Сочинена, видимо, одна вариация (см. Письма А. П. Бородина, Музсектор Госиздата, 1928, вып. I, стр. 93—94).
1870-е годы	Вальс на тему песни Варлаама «Как едет ён» из оперы «Борис Годунов» М. Мусоргского. Музыкальная шутка для фортепьяно.			Об этих сочинениях см. у Гольдштейна М. в приведенной выше статье.
	Кадриль на мотивы из оперы «Псковитянка» Н. Римского-Корсакова. Музыкальная шутка для фортепьяно.			
	«Гусар, на саблю опираясь». Музыкальная шутка для фортепьяно на мотив известного романса.			
	Лансье в церковных тонах. Музыкальная шутка для фортепьяно.			
1874	«Кучки», шуточный вальс для фортепьяно.			См. Письма А. П. Бородина, вып. II, стр. 242 (прим. 6 к п. 283).

БИБЛИОГРАФИЯ

Составил Б. С. Яголим

Принятые сокращения

Место издания

Л. — Ленинград
М. — Москва
П. — Петроград
Спб. — С-Петербург

Названия журналов и газет

Ап. — «Аполлон» (Спб.)
Арт. — «Артист» (М.)
Б. Вед. — «Биржевые Ведомости» (Спб.)
В. Е. — «Вестник Европы» (Спб.)
ЕИТ — «Ежегодник императорских театров» (Спб.)
Ж. И. — «Жизнь искусства» (Л.)
З. Р. — «Золотое Руно» (М.)
Изв. — «Известия»
Комс. Пр. — «Комсомольская правда»
Кр. Г. — «Красная газета» (Л.)
Л. и И. — «Литература и искусство» (М.)
М. Вед. — «Московские ведомости»
М. и Р. — «Музыка и революция» (М.)
М. Сов. — «Музыкальный современник» (П.)
Муз. — «Музыка» (М.)
Н. Вр. — «Новое время» (Спб.)
Н. Дня — «Новости дня» (М.)
Нов. — «Новости» (Спб.)
Пб. Г. — «Петербургская газета»
Р. Вед. — «Русские ведомости» (М.)
Р. и Ж. — «Рампа и жизнь» (М.)
Р. и Т. «Рабочий и театр» (Л.)
РМГ — «Русская музыкальная газета» (Спб.)
Р. Сл. — «Русское слово» (М.)
Р. Ут. — «Раннее утро» (М.)
С. Иск. — «Советское искусство»
С. Муз. — «Советская музыка»
Спб. Вед. — «С.-Петербургские ведомости»
Т. и И. — «Театр и искусство» (Спб.)
стб. — столбец

I. Музыкальные статьи А. П. Бородина
Письма А. П. Бородина и к А. П. Бородину

1. (Бородин) ъ. Концерты Русского музыкального общества (1-й, 2-й). Спб. Вед., 1868, № 339, 11. XII.

Отрывки из драматической симфонии Берлиоза «Ромео и Джульетта», скрипичный концерт Шпора, 2-я симфония Шумана, отрывки из «Руслана и Людмилы» Глинки, увертюра Мендельсона «Морская тишь и благополучное плавание».

2. Б (ородин). Концерты Русского музыкального общества (4-й, 5-й и 6-й). Спб. Вед., 1869, № 39, 8. II.

3-я симфония Бетховена, «Реквием» Моцарта, увертюра Гольдмарка «Сакунтала», 4-й ф-п. концерт Литольфа, танцы из оп. Чайковского «Воевода», 2-й ф-п. концерт Листа (в исполнении Н. Г. Рубинштейна), симфония А. Рубинштейна «Океан». Сравнительная характеристика А. Г. и Н. Г. Рубинштейнов. 4-я симфония Шумана, эпизоды из «Фауста» Листа, скрипичные концерты Бруха и Мендельсона, увертюра к оп. Сметаны «Проданная невеста».

3. (Бородин) ъ. Концерт Бесплатной музыкальной школы. Концерты Русского музыкального общества (7-й и 8-й). Спб. Вед., 1869, № 78, 20. III.

«Te Deum» Берлиоза, 6-я симфония Бетховена, Неоконченная симфония Шуберта, «Фантазия на финские темы» Даргомыжского, увертюра к оп. Вагнера «Нюрнбергские певцы», симфония Римского-Корсакова «Антар», ф-п. концерт Гензельта.

Статьи 1—3 перепечатаны в кн. (Стасов В.) Александр Порфирьевич Бородин. Спб., 1889, стр. 275—316; в Письмах А. П. Бородина, вып. IV, 1950, стр. 264—293; в кн. «А. П. Бородин. Музыкально-критические статьи. Вступительная статья и редакция текста В. Протопопова». Музгиз, М.—Л., 1951.

4. Б(ородин)ъ А. Мои воспоминания о Листе (1878). Впервые опубликовав в Письмах А. П. Бородина, вып. III, 1949, стр. 13—39. Перепечатано в книге «А. П. Бородин. Воспоминания о Ф. Листе». Музгиз, М., 1953.

5. Бородин А. Лист у себя дома в Веймаре (Из личных воспоминаний). «Искусство», 1883, №№ 11 и 12. Перепечатано в названной книге В. Стасова, стр. 317—330; в Письмах А. П. Бородина, вып. IV, 1950, стр. 13—22; в книге «А. П. Бородин. Воспоминания о Ф. Листе». Музгиз, М., 1953.

6. (Стасов В.) Александр Порфирьевич Бородин. Его жизнь, переписка и музыкальные статьи. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1889. Письма (1869—1887), стр. 61—272.

7. Письма А. П. Бородина. Полное собрание, критически сверенное с подлинными текстами.

Вып. I (1857—1871). С предисловием и примечаниями С. А. Дианина. Музсектор Госиздата, М. 1927/28.

Рецензии — в журнале «Пролетарский музыкант», 1929, № 5, стр. 35—36; «Музыкальное образование», 1928, № 6, стр. 91—93; «Музыка и революция», 1928, № 7/8, стр. 56—57.

Вып. II (1872—1877). Вступительная статья Г. Хубова. Редакция, комментарии и примечания С. Дианина. Музгиз, М., 1936.

Вып. III (1878—1882). С примечаниями С. А. Дианина. Музгиз, М.—Л., 1949.

Вып. IV (1883—1887). С примечаниями С. А. Дианина. Музгиз, М.—Л., 1950.

Рецензии: В. К. Письма А. П. Бородина. Вып. I. Ж. И., 1929, № 14; Кісельов В. Письма А. П. Бородина. Вып. I. «Музика — масам», 1929, № 1; Береншгейн Н. Третий выпуск писем Бородина. С. Муз. 1950, № 5, стр. 95—97; Бернандт Гр. Письма А. П. Бородина. С. Муз., 1952, № 4, стр. 110—111.

8. Письма А. П. Бородина к Л. И. Кармалиной (1875), С. Я. Морозову (1880—1885) и М. Р. Щиглеву (1879—1884). Вводная статья В. Стасова «Неизданные письма Мусоргского и Бородина». РМГ, 1897, № 2.

9. Из неизданной переписки Бородина. РМГ, 1907, № 8. Письма к В. В. Стасову, жене, А. И. Громовой, О. А. Кочетовой (8 писем, 1873—1886).

10. А. П. Бородин в домашней жизни. (Из неизданных писем его). Сообщила О. В-ва. РМГ, 1912, № 11.

11. Неизданные письма Бородина и Мусоргского. РМГ, 1913, № 51/52.

12. Неизданные и забытые письма А. П. Бородина. Предисловие О. З. «Муз. Летопись». Сб. 1. П., 1922. 25 писем к М. А. Балакиреву

(1863—1883), 2—Н. А. Римскому-Корсакову (1876 и 1879), по 2—Д. В. и П. С. Стасовым (1874—1881).

13. Неизданные письма и черновики А. П. Бородина. С предисловием Н. Финдейзена. «Музык. Новь», 1923, № 3.

14. Неопубликованные письма А. П. Бородина (к П. И. Юргенсону и Н. Г. Рубинштейну). С комментариями З. Савеловой. С. Иск., 1937, 1. III.

15. Неопубликованное письмо И. С. Тургенева к А. П. Бородину. Сообщила М. Рудановская. С. Иск., 1940, 14, IX.

16. Письма А. П. Бородина к Д. И. Менделееву. Вводная статья Т. В. Волковой. «Успехи химии», т. IX, вып. 9. М., 1940 (8 писем, 1860—1862).

17. Неизданные письма А. П. Бородина к С. И. Танееву. Подготовил к печати Гр. Бернандт. С. Муз., 1940, № 7. (3 письма 1881—1885).

17а. Бородин А. П. Письмо к И. С. Тургеневу [от 16 окт. 1877 г.] Публикация и коммент. Е. М. Хмелевской. — В кн.: Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. Т. 4. Изд. Акад. наук СССР. М.—Л., 1953. Стр. 392—396.

Рекомендательное письмо об ученице А. П. Бородина, докторе А. Н. Луканиной.

17б. А. П. Бородин. О музыке и музыкантах. (Из писем). Состав. В. А. Киселев. М., Музгиз, 1958.

II. Биографические работы. Общая характеристика творчества

18. (Кюи Ц.) Бородин А. П. «Русский энциклопедический словарь» И. Н. Березина. Т. IV. Спб., 1874.

19. Стасов В. В. Модест Петрович Мусоргский. В. Е., 1881, №№ 5 и 6. Перепечатано в «Собрании сочинений», т. III, Спб., 1894, см. «Указатель главнейших имен» в конце книги; в «Избранных сочинениях», т. 2, М., 1952.

20. Стасов В. В. Двадцать пять лет русского искусства. Наша музыка. Гл. V. В. Е., 1883, № 10. Перепечатано в «Собрании сочинений», т. 1, Спб., 1894, см. стб. 688—691; в «Избранных сочинениях», т. 2, М., 1952.

21. (Кюи Ц.) Первое квартетное собрание Русского музыкального общества. «Муз. Обозрение», 1885, № 2, 3.

Дана общая характеристика творчества Бородина.

22. Стасов В. В. А. П. Бородин. Некролог. Н. Вр., 1887, 17. II.

23. Дианин Ал. К некрологу А. П. Бородина (Дополнение к некрологу В. В. Стасова). Н. Вр., 1887, 19. II.

24. Иванов М. М. Музыкальные наброски. А. П. Бородин. Общая характеристика его таланта и его деятельности. Н. Вр., 1887, 23. II.

25. Стасов В. В. Александр Порфирьевич Бородин. «Историч. Вестник», 1887, № 4, также отд. изд. Спб., 1887. См. выше, № 6, стр. 1—57 (в расшир. редакции); перепечатано в «Избранных сочинениях», т. III М., 1952; также отд. изд. М., Музгиз, 1954.

26. Ларош Г. А. Музыкальная хроника. Некролог. (А. П. Бородин). «Русский вестник», 1887, октябрь, стр. 850—854.

27. Трифонов П. А. Александр Порфирьевич Бородин. Биографический очерк. В. Е., 1888, №№ 10 и 11, также отд. изд. Спб., 1888.

28. Дианин А. П. Бородин. Биографический очерк и воспоминания. «Журнал Русского физико-химического общества», 1888, т. XX, вып. 4.

29. Стасов В. В. Лист, Шуман и Берлиоз в России. «Северный вестник», 1889, кн. 7 и 8. Отд. изд. (РМГ). Спб., 1896. Перепеч. в «Избранных сочинениях», т. 3, М., 1952.

Отношение Листа к творчеству Бородина. Встреча Бородина с Листом.

30. Баскин В. А. Бородин. «Труд», 1889, № 19.

31. Чечотт В. А. А. П. Бородин. Очерк музыкальной деятельности. Изд. журнала «Баян». Спб., 1890.

32. Борецкий М. А. П. Бородин и его переписка. «Нувеллист», 1891, №№ 2, 3, 4.

33. Соловьев Н. Бородин (А. П.) как композитор. «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона. Полутом 7. Спб., 1891.

33а. Шестакова Л. И. Мои вечера. ЕИТ, сезон 1893/94 г. Приложения, кн. 2. См. стр. 139—140.

34. Дианин Ал. А. П. Бородин. К десятилетию смерти, Н. Вр., 1897, 15. II.

35. Липаев Ив. По поводу десятилетия смерти А. П. Бородина. РМГ, 1897, № 4.

36. У Ганслика (Высказывания Эд. Ганслика о Бородине). «Нувеллист», 1897, № 2.

37. Чистов Вл. А. П. Бородин. Т и И., 1897, № 7.

38. Березовский В. Русская музыка. Критико-исторический очерк национальной музыкальной школы в ее представителях. Спб., 1898. См. стр. 142—168.

39. Стасов В. В. Искусство в XIX веке. Отд. IV. Музыка. В книге «XIX век». Изд. А. Маркса. Спб., 1901. Перепечатано в «Собрании сочинений», т. IV. Спб., 1906. См. стр. 309—312; в «Избранных сочинениях», т. I, М., 1952, стр. 732—734.

40. Чайковский М. Жизнь Петра Ильича Чайковского, т. II, М., 1901.

Стр. 73 и 75 — мнение Чайковского о Бородине. См. также «Алфавитный указатель имен» в конце т. III.

41. Э(нгель) Ю. Бородин А. П. «Музыкальный словарь» Г. Римана. М. (1904).

42. Биографии композиторов с IV по XX век. Под ред. А. Ильинского. М., 1904. См. стр. 505—513.

43. Кругликов Сем. Русская музыка. Вступительная статья к русскому отделу книги «Биографии композиторов». М., 1904. См. стр. VI—VIII.

44. Коптяев А. Бородин (К 20-летию смерти А. П. Бородина). Б. Вед., 1907, 16. II. Перепечатано в его книге «Эвтерпэ». Спб., 1908, стр. 59—61.

45. Ф(ингейзен) Ник. Стасов и его музыкальная деятельность. Гл. VI. Стасов и новая русская школа. РМГ, 1907, № 44, 46—47.

46. Миклашевский Иос. А. П. Бородин. «В мире искусств». Киев, 1908, № 11—13.

47. Кашкин Н. Очерк истории русской музыки. М., 1908. О Бородине, стр. 135—138.

48. Грушке Н. Бородин А. П. «Русский биографический словарь», т. III. Спб., 1908.

49. Энгель Ю. Бородин А. П. «Энциклопедический словарь» Т-ва Гранат, т. 6.

50. Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. Спб., 1910; 6-е изд., исправленное и дополненное. Музгиз, М., 1955.

О Бородине особ стр. 112—113; см. также «Указатель имен» в конце книги.

51. Яповский Б. А. П. Бородин. Муз., 1911, № 24.

52. Каратыгин В. А. П. Бородин, «Речь», 1912, 15. II.

53. Куров Ник. А. П. Бородин. Р. Ут., 1912 15. II.

54. Сахновский Ю. А. А. П. Бородин. Р. Сл., 1912, 15. II.

55. Энгель Ю. А. П. Бородин. Р. Вед., 1912, 15. II.

56. Гвидон. А. П. Бородин (К 25-летию со дня кончины). «Студия», 1912, № 21, 25. II.

57. Маслов А. Музыкальное творчество А. П. Бородина. «Музыка и жизнь», 1912, № 2.
58. Вальтер Виктор. Александр Порфирьевич Бородин. (К 25-летию со дня его смерти). «Соврем. мир», 1912, № 2.
59. Яновский Б. А. П. Бородин. Р. и Ж., 1912, № 7.
60. Черногорский (Каратыгин). К 25-летию со дня смерти А. П. Бородина. Т. и И., 1912, № 8.
61. Тюнеев Б. А. П. Бородин (Опыт характеристики). РМГ, 1912, № 11.
62. Тимофеев Гр. Бородин. Жизнь, творчество, неизданные письма. «Современник», 1912, №№ 8 и 9.
63. Куров Н. А. П. Бородин. «Театр», 1912, № 1019.
64. Геника Рост. Очерки истории музыки, т. II. История русской музыки. Спб. (1912). Изд. РМГ. См. стр. 91—96.
65. Энгель Ю. Д. Музыка в России после 60-х годов. В кн. «История России в XIX веке», т. VII. Изд. Т-ва Гранат (М., 1912). См. стр. 256—257.
66. Кочетов Н. Очерк истории музыки. М., 1913. См. стр. 123—125.
67. Кар(атыгин). Бородин и его творчество. (О лекции Г. Тимофеева). «Речь», 1914, 25. III.
68. Тимофеев Гр. Бородин, музыкальная деятельность. «Новый энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона, т. 7, Спб., б. г.
69. Глебов Игорь (Асафьев Б. В.). Соблазны и преодоления. «Мелос», кн. I, П., 1917. Характерные черты в творчестве Бородина — см. стр. 17.
70. Кашкин Н. Из воспоминаний об А. П. Бородине. Газ. «Русская воля», 1917, 15. II. Перепечатано в книге «Н. Д. Кашкин. Статьи о русской музыке и музыкантах». Музгиз, М., 1953, стр. 35—44.
71. Каратыгин В. Памяти Бородина. М. Сов. Хроника, 1917. № 17.
72. Браудо Е. А. П. Бородин (К 30-летию его кончины). Ап., 1917, № 2—3.
73. Гольденблюм М. Памяти А. П. Бородина. «Зритель», П., 1917, № 110.
74. Крейн Евг. М. И. Глинка и А. П. Бородин. К 35-летию со дня смерти Бородина. «Экран», 1922, № 23.
75. Браудо Евг. Александр Порфирьевич Бородин. Его жизнь и творчество. Изд. «Мысль», П., 1922.
Рецензия (В. Вальтера) — «Еженедельник Петрогр. гос. ак. театров», 1922, № 6, стр. 39.
76. Браудо Е. А. П. Бородин. Очерк его жизни и творчества. К 35-летию со дня его кончины. Изд. Петрогр. Гос. Филармонии. П., 1922.
77. Иванов-Боренкий М. Могучая кучка. «Музык. новь», 1924, № 11.
78. Яковлев В. А. П. Бородин. Материалы к характеристике. М. и Р., 1927, № 1.
79. Конский П. А. П. Бородин. Р. и Т., 1927, № 9.
80. Браудо Е. Бородин А. П. «Большая Советская Энциклопедия», т. 7, М., 1927.
81. Дианин С. О значении чувства тональности в процессе творчества Бородина. «De Musica». Вып. III, Л., 1927, стр. 117—125.
82. Каренин Вл. (Комарова-Стасова В. Д.) Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности. I и II части. Л., 1927. См. «Указатель имен» в конце II ч., особ. стр. 408—422.
83. Браудо Е. М. Сжатый очерк истории музыки. М., 1929. См. стр. 245—246.
84. Асафьев Б. В. (Игорь Глебов). Русская музыка от начала XIX столетия. М.—Л., 1931. См. стр. 23—25, 73—74, 161, 177—178, 247.

85. Громан-Соловцов А. Классовые корни «кучкизма» в свете ленинских взглядов на общественное развитие России. «Пролетарский музыкант», 1932, № 2.

86. М. П. Мусоргский. Письма и документы. Собрал и приготовил к печати А. Н. Римский-Корсаков. М.—Л., 1932. См. «Алфавитный указатель имен» в конце книги.

87. М. П. Мусоргский. К пятидесятилетию со дня смерти. Статьи и материалы. Под ред. Юрия Келдыша и Вас. Яковлева. М., 1932. См. «Алфавитный указатель имен» в конце книги.

88. Хубов Г. Бородин и его симфонизм. С. Муз., 1933, № 5 (сентябрь — октябрь).

89. Малков Н. А. П. Бородин (К столетию со дня рождения). Р. и Т., 1933, № 34.

90. Дианин С. Путь композитора и ученого. С. Иск., 1933, 20. XI.

91. Хубов Г. Творческий путь А. Бородина. С. Иск., 1933, 20. XI.

92. Хубов Георгий. А. П. Бородин. Гос. муз. изд. М., 1933. Рецензия — С. Муз., 1934, № 10, стр. 87.

93. Кремлев Ю. А. П. Бородин. Ленингр. Филармония, Л., 1934. Рецензия — С. Муз., 1935, № 11, стр. 105—107.

94. Городинский В. А. П. Бородин. Комс. Пр., 1934, 27. I.

95. Хубов Г. А. П. Бородин. «Правда», 1934, 14. XI.

96. Ипполитов-Иванов М. М. 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. М., 1934. Характеристика А. П. Бородина — см. стр. 33—36.

96а. Репин И. Е. Далекое близкое. М., 1937 (2-е изд. 1944, 3-е изд. 1949, 4-е изд. 1953). См. «Указатель имен» в конце книги.

97. Хубов. Г. А. П. Бородин. К 50-летию со дня смерти. «Правда». 1937, 25. II.

98. Хубов Г. А. П. Бородин. Муз., 1937, № 2, 26. II.

99. Бугославский С. А. Гениальный русский композитор. Веч. М., 1937, 25. II.

100. Попова Т. А. П. Бородин. К 50-летию со дня смерти. С. Иск., 1937, 1. III.

101. Попова Т. А. П. Бородин (Серия «Жизнь замечательных музыкантов»). Музгиз, 1937.

102. Рацкая Ц. А. П. Бородин (Краткий очерк). Изд. Моск. Гос. Филармонии, М., 1938.

103. Браудо Е. М. А. П. Бородин — композитор и ученый. «Сов. наука», 1939, № 2.

104. Россихина В. П. Композитор А. П. Бородин. Методическая разработка к программе по музыке для учителей средней школы. Изд. Центрального Дома художественного воспитания детей. М., 1939.

105. Попова Т. А. П. Бородин. Жизнь и творчество. Изд. Всесоюзного Дома народного творчества. М., 1940.

106. Орлов Георгий. Летопись жизни и творчества М. П. Мусоргского. М., 1940. См. «Указатель имен» в конце книги.

107. Блох М. А. А. П. Бородин (Химик и композитор). «Химия в школе», 1941, № 2.

108. Бэлза Игорь. А. П. Бородин. Музгиз. М.—Л., 1944, 2-е изд. Музгиз. М.—Л., 1947.

109. Бэлза Иг. А. П. Бородин. М., 1945. (Стенограмма публичной лекции.)

110. Бэлза И. Ф. А. П. Бородин. Популярный очерк. М., 1946.

110а. Келдыш Ю. История русской музыки. Часть II. М., 1947. Гл. седьмая (стр. 179—214).

111. Научно-творческая работа Всероссийского Театрального Общества. Вып. III. М., 1948.

(Содержание докладов, прочитанных на сессии ВТО, посвященной А. П. Бородину, — Ю. А. Шапорина, В. В. Яковлева, И. Ф. Бэлзы, П. А. Ламма).

111а. Глебов И. (Б. В. Асафьев). Из моих записок о Стасове — слушателе русской музыки (Глинка и Бородин). В кн.: Владимир Васильевич Стасов. 1824—1906. М.—Л., 1949. Стр. 47—61. Перепеч. в кн.: Асафьев Б. В. Избранные труды. Том III.

112. Асафьев Б. Русский народ, русские люди. С. Муз., 1949, № 1, стр. 59—70.

113. Фигуровский Н. А., Соловьев Ю. И. Александр Порфирьевич Бородин. Изд. Академии Наук СССР. М.—Л., 1950.

Рецензии: Карышева Т. Книга об А. П. Бородине. С. Муз., 1951, № 6, стр. 125—127; Лерер Л. Книга о композиторе и ученом. «Техника молодежи», 1951, № 6, стр. 31; Воскресенский П. Великий композитор и химик. «Новый мир», 1951, № 4, стр. 272—274.

114. Ярустовский Б. М. Бородин А. П. «Большая Советская Энциклопедия», изд. 2-е, т. 5, М., 1950.

115. Дмитриев А. Из творческой лаборатории А. П. Бородина. С. Муз., 1950, № 10, стр. 81—87.

116. Ливанова Т. Критическая деятельность русских композиторов-классиков. Музгиз. М.—Л., 1950, II гл. (стр. 19—39).

117. Стуриков Н. А. П. Бородин в Давыдове. Газ. «Призыв», Владимир, 1951, 24. III.

118. Ремезов Н. Н. А. П. Бородин. Лекция. Музгиз. М.—Л., 1952.

119. Попова Т. Бородин (Школьная библиотека). Музгиз. М., 1953.

120. Ильин М. и Сегал Е. Бородин. Журнал «Техника молодежи», 1952, № 11.

121. Ильин М. и Сегал Е. Александр Порфирьевич Бородин. Изд. «Молодая гвардия», М., 1953; 2-е изд., 1957; также М., Гослитиздат, 1957.

Рецензии: Антонов Д. Композитор, ученый, общественный деятель. Книга о жизни и трудах А. П. Бородина. Газ. «Вечерний Ленинград», 1953, 21. IX; Осетров Е. Новые книги. «Бородин». Газ. «Призыв», г. Владимир, 1953, 21. IX; Житомирский Д. Популярная книга о Бородине. С. Муз., 1954, № 1, стр. 138—139.

122. Яковлев В. Бородин и Чайковский. С. Муз., 1954, № 1, стр. 66—74; в тексте статьи (стр. 67—71) публикация: Кашкин Н. Из воспоминаний об А. П. Бородине (к 30-летию его кончины).

122а. Дианин С. А. А. П. Бородин в селе Давыдове, Лит.-худ. сборник «Владимир», книга третья, 1954, стр. 176—205.

122б. Дианин С. А. Бородин. Жизнеописание, материалы и документы. Издание первое. Музгиз, М., 1955.

Рецензия: Головинский Г. Новая работа о Бородине. С. Муз., 1956, № 10, стр. 147—149.

122в. Головинский Г. Бородин. Черты стиля, приметы времени. С. Муз., 1957, № 9, стр. 85—93.

122г. Ступель А. А. П. Бородин. Л., 1957, стр. 36. (О-во по распространению политических и научных знаний).

III. Оперное творчество

а) «Князь Игорь»

123. Соловьев Н. Музыкальное обозрение. Первый концерт Бесплатной музыкальной школы. Спб. Вед., 1879, 20. I.

Ария Кончака из оп. «Князь Игорь».

124. Соловьев Н. Музыкальное обозрение. Концерты Бесплатной музыкальной школы. Спб. Вед., 1879, 1. XII. Отрывки из оп. «Князь Игорь» (Плач Ярославны, ария князя Галицкого, сцена Ярославны с девушками).

Отрицательная оценка.

125. Левенсон О. Концерты Общества любителей музыкального и драматического искусств 9 апреля (1879). Р. Вед. В книге «В концертном зале (Музыкальные фельетоны)». М., 1880, стр. 116.

Каватина из оп. «Князь Игорь», в исполнении Барцала.

126. (Кюи Ц.) Первый русский симфонический концерт. «Муз. обозрение», 1887, № 21, 29. X. Исполнение отрывков из «Князя Игоря» (увертюры и половецкого марша).

127. Е. Е. «Князь Игорь». «Нувеллист», 1890, № 7.

128. Баскин В. Театральное эхо. «Князь Игорь». Пб. Г., 1890. 24. X. О премьере оперы в Мариинском театре 23. X, 1890.

129. Соловьев Н. «Князь Игорь», опера А. П. Бородина. Нов., 1890. 24. X.

130. Я. Д. Русская опера. Спб. Вед., 1890, 24 и 25. X.

131. Эспе. Мариинский театр. Б. Вед., 1890, 25. X.

132. (Суворин А.) «Игорь», опера Бородина. Н. Вр., 1890, 24. X.

133. Суворин А. Маленькие письма, XLII. Н. Вр., 1890, 20 X.

134. К(ашк)ин Н. «Князь Игорь», опера Бородина (От нашего корреспондента). Р. Вед., 1890, 29. X.

135. Иванов М. Музыкальные наброски. А. П. Бородин и его посмертная опера «Князь Игорь». Н. Вр., 1890, 29. X.

136. Стасов В. По поводу «Князя Игоря» Бородина на Мариинской сцене. «Северный вестник», 1890, № 12 отд. II, стр. 137—147.

137. Кругликов Сем. «Князь Игорь» Бородина. Арт., 1890, № 10, стр. 147—148; № 11, стр. 165—181.

138. (Без подписи) О премьере «Князя Игоря» в Мариинском театре. Арт., 1890, № 11, стр. 181—182.

139. Обозрение деятельности императ. сцен в сезон 1890/91. С.-Петербург. Опера. ЕИТ, 1890/91, стр. 150—161.

140. Эспе. Мариинский театр. Б. Вед., 1891, 4. I.

141. Серова В. Историческая и салонная опера («Игорь» и «Пиковая дама»). Нов., 1891, № 9.

142. Ларош. «Князь Игорь». М. Вед., 1891, 3. II.

143. К(ашкин) Н. «Князь Игорь» (в постановке театра Шелапутина). Р. Вед., 1892, 10. IV.

О московской премьере оперы 8. IV, 1892, под упр. Прибика.

144. Чечотт В. «Князь Игорь» в Киеве. Арт., 1892, № 19, стр. 196—197.

145. Стасов В. Редакция «Князя Игоря» Бородина. РМГ, 1896, № 2. Приложена «Записка А. К. Глазунова о редакции «Князя Игоря» Бородина».

146. Соловьев Н. «Князь Игорь» Бородина. Б. Вед., 1896, 28. IV.

147. Ф(индейзен) Ник. Возобновление «Князя Игоря» Бородина (Мариинский театр). РМГ, 1896, № 6, стб. 645—647.

148. Бларамберг-Чернова М. Оперный спектакль в деревне (Письмо в редакцию). Р. Вед., 1896, 16. VII.

«Князь Игорь» в постановке Языковского Народного Дома, Самарской губ

149. А. Г. К постановке оперы «Игорь», Р. Сл., 1896, 22. X.

150. А. Г. Возобновление оперы «Игорь». Р. Сл., 1896, 17. XI.

О постановке оперы в театре Солодовникова 15. XI 1896, при участии Шаляпина в роли Владимира Галицкого и Цветковой в роли Ярославны.

151. К(руглик)ов С. Театральная хроника. Н. Дня, 1896, 17. XI (о том же спектакле).

152. Финдейзен Ник. «Князь Игорь» опера А. П. Бородина (Опыт разбора ее художественной стороны). РМГ, 1897, №№ 1, 3, 5—6, 7—8, 9, 10, 11.

153. Кнорозовский И. «Князь Игорь». Т. и И., 1897, № 52.

154. Гриневский А. Музыкальные беседы. «Курьер» (М.), 1898, 20. I.

155. Гриневский А. На сцене Большого театра. «Курьер», 1898 21. I.

О спектакле 19. I.

156. Гр(иневский) А. Постановка «Игоря» в Большом театре. Р. Сл., 1898, 21. I.

157. К(ашк)ин Н. «Князь Игорь». Первое представление на сцене Большого театра. Р. Вед., 1898, 21. I.

158. К(ашк)ин Н. «Князь Игорь». Р. Вед., 1898, 3. II.

158а. Обозрение деятельности импер. сцен в сезон 1897/98 г. Москва. Опера. ЕИТ, 1897/98, стр. 367—370.

159. Иванов М. Музыкальные наброски. Московская императ. опера. Н. Вр., 1898, 28. IX.

160. Северцов Юрий. «Князь Игорь». Музыкальная монография оперы А. П. Бородина. Изд. И. Кушнерева. М., 1898.

161. (Без подписи) Театр и музыка. Р. Вед., 1899, 17. I.

Исполнение «Князя Игоря» с Шаляпиным и Цветковой.

162. П. «Князь Игорь» (Мариинский театр). РМГ, 1899, № 1, стб. 18—19.

163. Случайный рецензент. Психология оперы «Князь Игорь» и ее исполнение на московской частной сцене. М., 1899.

Рецензия (В-ий Л.). М. Вед., 1899, 26. II.

164. Кюи Ц. Московская частная русская опера. «Князь Игорь» Бородина. Нов., 1899, 23. III.

165. Чечотт В. Театр и искусство. Опера. «Киевское слово», 1899, 24. IV.

166. (Без подписи) Театр и музыка. Р. Вед., 1899, 13. IX.

«Князь Игорь» в театре Солодовникова с участием Шаляпина.

167. Иванов М. Музыкальные наброски. «Князь Игорь» Бородина. Н. Вр., 1899, 1. XI.

168. Кашкин Н. Театр и музыка. «Князь Игорь» в Большом театре. М. Вед., 1900, 2. XI.

169. Покровский Н. Музыкальная драма, ее недавнее прошлое, современное положение и надежды на будущее. Спб., 1900.

См. стр. 231—234 (Резко отрицательная оценка).

170. Кругликов Сем. «Рогнеда» и «Игорь». Н. Дня, 1901, 15. VII. Князь Галицкий — Шаляпин.

171. Кругликов Сем. Два вечера в опере. Н. Дня, 1901, 16. IX. «Демон» и «Князь Игорь».

172. Б(аскин) В. «Князь Игорь» (В Новом летнем театре). Пб. Г., 1902, 14. VI.

173. Кн(орозовск)ий И. Новый летний театр. Т. и И., 1902, № 25.

174. Кругликов Семен. Театр «Эрмитаж». Н. Дня, 1903, 13. X.

175. Кашкин Н. Московский музыкальный сезон. М. Вед., 1903, 4. XII.

«Князь Игорь» в Большом театре с Шаляпиным.

176. Чешихин Всеволод. История русской оперы. 2-е изд. Спб., 1905, стр. 253—259.

177. Кругликов С. Хлеба и зрелищ (Очерк). Р. Сл., 1906, 9. VIII.

«Князь Игорь» в Грузинском саду в Москве.

178. Каратыгин. Музыкальная жизнь Петербурга. З. Р., 1906, № 11—12.

«Князь Игорь» в Народном Доме.

179. С. А. Танцы в «Князе Игоре». Ап., 1909, № 1, октябрь, хроника.

180. Кнорозовский И. Музыкальные заметки. Т. и И., 1909, № 39.

181. Т(имофеев) Г. «Князь Игорь» Бородина в Народном Доме. «Речь», 1909, 13. VIII.

182. Коптяев А. Возобновление «Игоря» в Мариинском театре., В. Вед., 1909, 23. IX.

183. Ермаков Н. Мариинский театр («Князь Игорь»). Пб. Г., 1909, 23 IX.

184. Т(имофеев) Г. «Князь Игорь» Бородина на Мариинской сцене. «Речь», 1909, 24. IX.

185. (Без подписи) Возобновление «Игоря» (Мариинский театр). РМГ, 1909, № 42, стб. 924—927.

186. О-р. Половецкий стан в «Князе Игоре». «Речь», 1909, 29. IX.

О декорациях К. А. Коровина и танцах М. М. Фокина.

187. Загуляева Юлия. Петербургские письма. М. Вед., 1909, 4. X.

188. Берн(штейн) Н. Мариинский театр. Пб. Г., 1909, 26. X.

189. Т(имофеев) Г. Мариинский театр. Ф. И. Шаляпин в «Князе Игоре». «Речь», 1909, 17. XII.

190. Эскизы костюмов и декораций (работы К. А. Коровина) для новой постановки «Князя Игоря» на Мариинской сцене. ЕИТ, 1909, вып. VI—VII.

191. Коптяев А. Опера Народного Дома. Б. Вед., 1910, 28. VIII.

192. Т(имофеев) Г. Опера в Народном Доме («Князь Игорь»). «Речь», 1910, 29. VIII.

193. Каратыгин. Опера (Обзор репертуара сезона 1909/10 г. в Мариинском театре). ЕИТ, 1910, вып. IV, стр. 117—118.

194. Ермаков Н. Мариинский театр. Пб. Г., 1911, 4. I.

195. Монахов. Мариинский театр. Пб. Г., 1911, 15. X.

«Князь Игорь» с участием Шаляпина.

196. (Без подписи). Сергиевский Народный Дом. Р. Сл., 1912, 23. XI.

Постановка «Князя Игоря» под упр. К. С. Сараджева.

197. Каратыгин. Опера. Обзор сезона 1911/12, ЕИТ, 1912, вып. IV, стр. 81—85.

198. Куров Н. «Князь Игорь». Р. Ут., 1914, 6. XI.

199. Э(нгель) Ю. «Князь Игорь». Р. Вед., 1914, 7. XI.

200. Сахновский Юрий. «Князь Игорь» на сцене Большого театра. Р. Сл., 1914, 7. XI.

201. Пр(окофьев) Гр. Московская опера. «Князь Игорь» в Большом театре. РМГ, 1914, № 47, стб. 888—889.

202. (Каратыгин). «Князь Игорь» Бородина (К 25-летию со дня первой постановки оперы). М. Сов., Хроника, 1915, № 6.

203. Прокофьев Гр. «Князь Игорь» у Зимина. РМГ, 1915, № 39—40, стб. 586—588.

204. Гунст Евг. «Князь Игорь» в опере Зимина. Р. и Ж., 1915, № 36.

205. С(ахновский) Ю. Опера Зимина. Р. Сл., 1915, 1. IX.

206. Куров Ник. «Князь Игорь». Открытие сезона в опере Зимина, Р. Ут., 1915, 2. IX.

207. Э(нгель) Ю. «Князь Игорь» (театр Солодовникова). Р. Вед., 1915, 3. IX.

208. Т(имофеев) Г. Опера в Народном Доме. «Речь», 1915, 31. X.

209. (Без подписи) «Князь Игорь» на Мариинской сцене. М. Сов., Хроника, 1915, № 7.

210. О. В. Два юбилея русской оперы. «Князь Игорь» и «Пиковая дама». РМГ, 1915, № 44, стб. 681—685.

211. Старк Эдуард (Зигфрид). Шаляпин. Изд. Р. Голике и А. Вильборг. П., 1915.

Шаляпин — Владимир Галицкий, стр. 192—193.

212. Каратыгин В. Итоги осеннего музыкального сезона. «Северные записки», 1916, янв.

«Князь Игорь» с Шаляпиным и Ермоленко.

213. Стрельников Н. «Князь Игорь». Ж. И., 1920, № 432—434.

214. Большой театр. «Пиковая дама» и «Князь Игорь». «Вестник театра», 1920, № 64.

215. Луначарский А. В. «Князь Игорь». «Культура театра», 1921, № 1.

216. Глебов Игорь (Асафьев Б. В.). Письмо о русской опере. «Князь Игорь», «Еженедельник Петрогр. гос. ак. театров», 1922, № 6.
217. Глебов Игорь (Асафьев Б. В.). Симфонические этюды. П., 1922. Intermezzo, стр. 33—37.
218. Коптяев А. «Князь Игорь» в Академическом театре оперы и балета. «Обозрение театра и спорта», П., 1922, № 25.
219. Браудо Евг. «Князь Игорь» в бывш. Мариинском театре. «Театр», 1923, № 13.
220. Es. «Князь Игорь» (бывш. Мариинский театр). Ж. И., 1924, № 1, стр. 35.
221. Канкарович А. В Мариинском театре. «Петроградская правда», 1924, 8. I.
222. Бугославский С. Театр им. Каляева. «Князь Игорь». «Зрелища», 1924, № 75, 26. II.
223. М (алко) в Н. В ленинградских театрах (Возобновление «Князя Игоря» в академич. опере). Ж. И., 1925, № 3, стр. 16.
224. Чествование первых участников «Князя Игоря». Торжественный спектакль (35-летие премьеры). Кр. Г. (веч. выпуск), 1925, 8. II.
225. А-лек. «Князь Игорь». Р. и Т., 1925, № 3.
226. Бродерсон Юр. Половецкие пляски (Постановка М. Фокина). Р. и Т., 1925, № 3.
227. Валерьянов Б. (Богданов-Березовский В.). «Князь Игорь», Ж. И., 1926, № 52.
228. К-р А. «Князь Игорь». Спектакль в Акад. Оперном театре. Ж. И., 1926, № 52, стр. 11.
229. «Князь Игорь» А. Бородина. Полное либретто с примеч. и введением С. Бугославского. Музсектор Гос. Изд., М., 1928.
230. Малков Н. П. Краткое либретто оперы «Князь Игорь», с пояснительной статьей. 3-е изд. Теакинопечать. М., 1930.
231. Абалкин Н. «Князь Игорь» в Крайгосопере. «Волжская Коммуна», Самара, 1933, 21. X.
232. Канн Е. «Князь Игорь» в Большом. Веч. М., 1934, 25. I.
233. Городинский В. «Князь Игорь». Новая постановка Большого театра. Комс. Пр., 1934, 27. I.
234. Игорева Я. Стиль «Рюсс». С. Иск., 1934, 11. II.
Об оформлении «Князя Игоря» (худ. Федоровский).
235. Хубов Георгий. Бутафорская история. «Князь Игорь» в Большом театре СССР. С. Иск., 1934, 5. III.
236. Канн Е. Как создавался «Князь Игорь». «Театр, декада», М., 1934, № 3.
237. Валерьянов Б. «Князь Игорь» на «Красном треугольнике», С. Иск., 1934, 5. IV.
238. Авраамов А. «Большой» в «Зеленом». Изв., 1934, 21. VI.
Исполнение отрывков из «Князя Игоря».
239. Поляновский Георгий. Большой театр в Парке им. Горького. «Правда», 1934, 22. VI.
240. Поляновский Георгий. Музыкальные премьеры. Р. и Т., 1934, № 5.
241. Браудо Е. Первый день театрального фестиваля. Изв., 1934, 9. IX.
242. «Князь Игорь» А. П. Бородина. Сборник статей. Изд. ГАБТ, М., 1935 (См. статьи: Хубов Г. «Бородин и его опера «Князь Игорь»; Голованов Н. «О музыке «Князя Игоря»).
243. Веселков Г. «Князь Игорь» в Азербайджанском театре оперы и балета. К гастролям в Ашхабаде. «Туркменская искра», Ашхабад, 1936, 4. VI.
244. Гринберг М. На старом спектакле. О молодых кадрах Большого театра. Веч. М., 1936, 15. XII.
245. «Князь Игорь» А. П. Бородина. Полное либретто со вступительной статьей Ив. Ремезова. Изд. «Искусство», М.—Л., 1936.

246. Кавская Н. «Половецкий стан». «Пролетарская правда», г. Калинин, 1937, 15. VI.

Акт из «Князя Игоря» в исполнении художественной самодеятельности.

247. Вениаминов В. «Князь Игорь» в Челябинском гос. областном театре оперы. «Челябинский рабочий», 1937, 27. VI.

248. «Князь Игорь». Полный текст либретто и статья Т. Поповой. Музгиз, М., 1937.

249. Келдыш Ю. Образы поэмы в русской музыке (К 750-летию «Слова о полку Игореве»). С. Иск., 1938, 26. V.

250. Живцов А. Героическая опера. «Народное творчество», 1938, № 9.

251. Барсуков Н. Народная опера «Князь Игорь» в театре оперы и балета им. Пушкина. «Горьковский рабочий», 1939, 25. I.

252. Лазарев А. Монументальный спектакль. «Князь Игорь» на сцене Харьковского гос. театра оперы и балета. «Красное знамя», Харьков, 1939, 21. II.

253. Бэлза Игорь. «Князь Игорь» в Киевском гос. академическом театре оперы и балета им. Шевченко. «Сов. Украина», Киев. 1939, 3. IX.

254. Исаков А. «Князь Игорь». «Театр. неделя», М., 1940, № 14. Творческая и сценическая история оперы.

255. Старк Э. (Зигфрид). Петербургская опера и ее мастера. Л.—М., 1940.

О Ф. И. Стравинском в роли Скулы, стр. 220—221.

256. Людмилин А. и Кушнир Б. «Князь Игорь» в Свердловском театре оперы и балета им. Луначарского. «Урал. рабочий», Свердловск, 1941, 7. I.

257. Музалевский Б. «Князь Игорь». Новая постановка. «Правда Востока», Ташкент, 1942, 3. IV.

258. Глезер Р. «Князь Игорь» (Концертное исполнение артистов Ленингр. Малого оперного театра). «Чкалов. коммуна», 1942, 31. [illegible].

259. Глебов Игорь (Асафьев Б. В.). Патриотическая идея в русской музыке. Л. и И., 1949, 1. I.

260. Глебов Игорь (Асафьев Б. В.). Русская опера. Л. и И., 1943, 13. III.

261. Розенфельд Сем. В театре им. Кирова. «Звезда», Пермь, 1943, 15. VIII.

262. Корев С. «Князь Игорь» в Большом театре. Л. и И., 1944, 22. I.

263. Семенов К. «Князь Игорь». «Моск. большевик», 1944, 26. I.

264. Иконников А. «Князь Игорь» в Большом театре. Изв., 1944, 27. I.

265. Глебов Игорь (Асафьев Б. В.). «Князь Игорь» опера Бородина (Через прошлое к будущему). С. Муз., 1944, сборник № 2. Перепечатано в книге «Б. В. Асафьев. Избранные статьи о русской музыке». Вып. I. Музгиз, М., 1952, стр. 31—40.

266. Черкашина Л. Хороший спектакль. «Князь Игорь» в Донецком музык. театре. «Социалист. Донбасс», г. Сталино (Украина), 1944, 24. IX.

267. Гинц С. Спустя три года. «Князь Игорь» в Пермском театре оперы и балета. «Звезда», Пермь, 1944, 10. XI.

268. Орлов Н. «Князь Игорь» (Премьера в театре оперы и балета им. Свердлова). «Правда Востока», Ташкент, 1945, 7. VIII.

269. Дубницкий В. «Князь Игорь». Новая постановка в театре оперы и балета им. Абая. «Казахстан. правда», Алма-Ата, 1947, I. VI.

270. Тейх М. «Князь Игорь». «Волжская коммуна», г. Куйбышев, 1948, 17. XI.

271. Фролов Н. «Князь Игорь». «Волга», Астрахань, 1949, 10. VI.

272. Кириков М. «Князь Игорь». «Сов. Сибирь», Новосибирск, 1949, 1. VIII.
273. Смольский. Б. Патриотический спектакль. «Советская Белоруссия», Минск, 1949, 19. VII.
274. Леонидов Л. «Князь Игорь». «Социалистическая Карелия», Петрозаводск, 1949, 20. VII.
275. Головинский Г. «Князь Игорь» А. Бородина (Путеводители по русской музыке). Музгиз, М.—Л., 1950.
276. Дмитриев А. К истории создания оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». С. Муз., 1950, № 11, стр. 82—88.
277. Кырвитс Х. «Князь Игорь». «Сов. Эстония», г. Таллин, 1951, 29. IV.
278. Корчинский Е. «Князь Игорь». «Красное знамя», Томск, 1951, 26. VIII.
279. «Князь Игорь». Оперное либретто (полный текст). Со вступительной статьей. Музгиз, 1952.
280. Зайдентрегер М. «Князь Игорь». «Сов. Башкирия», Уфа, 1952, 17. II.
281. Викентьев. Ю. «Князь Игорь». «Коммунист», Саратов, 1952, 23. II.
282. Збарский Г. «Князь Игорь». «Калининская правда», 1952, 6. VII.
283. Печерский П. «Князь Игорь». «Сов. Латвия», Рига, 1952, 14. VIII.
284. Светланов Е. Премьера оперы «Князь Игорь» в Риге. С. Муз., 1952, № 10, стр. 63—64.
285. Шапошников И. Патриотический спектакль. «Молот», Ростов н/Д., 1952, 29. VIII.
286. Котляревский А. Новые постановки львовских театров. «Князь Игорь». «Львовская правда», 1952, 24. XII.
287. Коваль Мариан. Опера, любимая народом. «Князь Игорь» в Большом театре. С. Иск., 1953, 3. VI.
288. Хренников Т. «Князь Игорь» на сцене Большого театра. «Правда», 1953, 29. VI.
289. Петров Н. Патриотические спектакли (Заметки зрителя). «Ульяновская правда», 1953, 19. VII.
290. Апостолов П. «Князь Игорь» в Большом театре. С. Муз., 1953, № 9, стр. 72—77.
291. Филиппенко А. *Патриотическая опера. О новой постановке* оперы «Князь Игорь» в Киевском театре оперы и балета. «Правда Украины», Киев, 1953, 17. VI.
292. Данилов А. «Князь Игорь». «Красное знамя», Сочи, 1953, 11. VII.
293. Асафьев Б. В. Народно-патриотические идеи в русской музыке (Фрагменты из неопубликованной книги «Мысли и думы»). С. Муз., 1954, № 1. См. стр. 19—21.
293а. Мигай С. Растущее мастерство. С. Культ., 1954, 11. III. «Князь Игорь» в постановке Гос. театра оперы и балета Литов. ССР.
293б. Грошева Е. Литовский театр в Москве. С. Муз., 1954, № 5, стр. 91—93.
О том же спектакле.
293в. Сосинский Е. Крупное событие в культурной жизни столицы. «Сов. Киргизия», г. Фрунзе, 1954, 16. V.
«Князь Игорь» в Киргизском гос. театре оперы и балета.
293г. Саква К. Украинский театр в Москве. С. Муз., 1954, № 7, стр. 77—78.
«Князь Игорь» в Театре оперы и балета им. Шевченко (Киев).
293д. Хучуа П. Монументальный спектакль. «Заря Востока», Тбилиси, 1955, 15.VII.
«Князь Игорь» в Театре оперы и балета им. Палиашвили.

293е. Акимов А. Заслуженный успех. «Ленинградская правда», 1956, 8. VIII.

«Князь Игорь» в Пермском театре оперы и балета. К гастролям в Ленинграде.

293ж. Головинский Г. «Князь Игорь» А. П. Бородина (Пояснение). М., 1956, стр. 50. (В помощь слушателю музыки).

293з. Нуралов Э. О некоторых моментах работы Бородина над оперой «Князь Игорь». Студенч. научн. сборник (Ереван. рус. пед. институт), т. 4, 1956, стр. 41—59.

293и. Листова Н. Опера «Князь Игорь» А. П. Бородина. Автореферат диссертации на соискание учен. степени кандидата искусствоведения (Институт истории искусств Акад. наук СССР). М., 1956, стр. 19.

б) Постановки оперы «Князь Игорь» за рубежом

294. «Князь Игорь» в Праге. «Театрал», М., 1898, № 154, стр. 42—44; Р. Сл., 1899, 26. V; 6. VI; Р. Вед., 1899, 3. VI; Н. Вр., 1899, 3. VI. Приведены отзывы пражской критики.

295. Русские спектакли в Париже. Дягилев не церемонится с Бородиным (2-й акт «Князя Игоря»). Пб. Г., 1909, 12. V.

296. Вальтер Виктор. Русские опера и балет в Париже (Письмо из Франции). «Соврем. мир», 1909, № 8, отд. 2.

О спектаклях театра Шатлэ в мае — июне 1909 (Отрывки из «Руслана и Людмилы», «Юдифи», «Князя Игоря»).

297. «Князь Игорь» в Милане. РМГ, 1909, № 38, стб. 810; РМГ, 1916, № 1, стб. 28; № 10, стб. 229.

298 «Князь Игорь» в Барселоне. Ж. И., 1923, № 6, стр. 7.

299. «Князь Игорь» в Брюсселе. Веч. Кр. Г., 1924, 13. VIII.

300. Павловский А. Русская опера в Аргентине. Ж. И., 1924, № 41, стр. 19.

301. «Князь Игорь» в Ницце (концертное исполнение). М. и Р., 1926, № 12, стр. 37.

302. М. М. Русская музыка на Западе. Р. и Т., 1927, № 9, стр. 8.

303. «Князь Игорь» в Праге. «Театр. декада», 1937, № 12, стр. 12.

304. Бэлза Игорь. Письмо из Вены. С. Иск., 1947, 18. VII. Постановка «Князя Игоря» в Вене.

305. Бэлза Игорь. «Князь Игорь» на сцене венского театра. «Огонек», 1947, № 38, стр. 28.

306. Бассаргин Б. В театрах Румынии. Из путевых заметок. «Театр», 1949, № 3, стр. 45—47.

(Есть о постановке «Князя Игоря» в Бухаресте.)

в) «Богатыри»

307. Глебов Игорь. Из забытых страниц русской музыки. «Богатыри», музыкально-историческая драма или хроника в пяти бытовых картинах В. Александрова (Крылова). Музыка собрана А. Бородиным. «Музык. летопись». Статьи и материалы под ред. А. Римского-Корсакова. Сборник I. Изд. «Мысль», П., 1922.

308. Ламм П. «Богатыри» (Материалы и документы). С. Муз., 1934, № 1.

309. Таиров А. «Богатыри» в Камерном театре. Изв., 1936, 26. X.

310. Литовский О. «Богатыри» (музыка Бородина, текст Демьяна Бедного). Новая постановка Камерного театра. С. Иск., 1936, 29. X.

311. Поляновский Георгий. «Богатыри», «Гудок», 1936, I. IX.

312. Постановление Всесоюзного Комитета по делам искусств о пьесе «Богатыри» Демьяна Бедного. «Правда», 1936, 14. XI.

313. Керженцев П. Фальсификация народного творчества. «Правда», 1936, 15. XI (Перепечатано в С. Иск., 1936, 17. XI).

IV. Симфонические произведения

314. (Кюи Ц.) Третий концерт Русского музыкального общества. Спб. Вед., 1869, 15. I. О 1-й симфонии.

315. (Кюи Ц.) Музыкальная библиография. Спб. Вед., 1876, 9. I. О 1-й симфонии. Перепечатано в «Избранных статьях» Ц. А. Кюи. Музгиз, Л., 1952, стр. 264—265.

316. Стасов В. В. Русская музыка в Париже и дома (Письмо в редакцию). Н. Вр., 1877, 11. III. Перепечатано в «Собрании сочинений», т. III, Спб., 1894, стб. 313—314; в «Избранных статьях», т. I, М., 1952, стр. 280—281.

О 2-й симфонии.

317. Соловьев Н. Музыкальное обозрение. Концерт Леоновой. Спб. Вед., 1880, 13. IV.

Муз. картина «В Средней Азии».

318. Левенсон О. Музыкальная хроника. 8-е симфоническое собрание. Р. Вед., 1881, 8. I. Перепечатано в книге «В концертном зале (Музыкальные фельетоны)». Вып. второй. М., 1881, стр. 96—98.

О 2-й симфонии.

319. Левенсон О. Музыкальная картина «В Средней Азии». В книге «Из области музыки». М., 1885, стр. 240—241.

320. (Кюи Ц.) Общедоступный русский симфонический концерт. «Музык. обозрение», 1885, № 11, 5. XII, стр. 81—82. О 2-й симфонии. Перепечатано в «Избранных статьях» Ц. А. Кюи. Л., 1952, стр. 335—336.

321. (Кюи Ц.) Концерт оркестра студентов Петербургского Университета. «Музык. обозрение», 1886, № 14, 4. I, стр. 107—108 («В Средней Азии»).

322. Кюи Ц. Первый русский симфонический концерт. Газ. «Гражданин», 1887, № 35, 4. XI. Перепечатано (в сокращенном виде) в «Избранных статьях» Ц. А. Кюи, Л., 1952. См. стр. 371—374. («В Средней Азии». 3-я симфония. Увертюра к опере «Князь Игорь». Половецкий марш).

323. Кругликов. Сем. Два русских концерта на Парижской выставке. Арт., 1889, кн. I (сент.).

Отзывы иностранной прессы о симфонических произведениях Бородина, стр. 97.

324. Стасов В. Новая русская музыка за границей. Нов., 1896, 12. III.

Отзывы лондонской прессы о 2-й симфонии Бородина.

325. Кюи Ц. Второй русский симфонический концерт. «Новости и Бирж. газета», 1897, 17. II, V. Перепечатано в «Избранных статьях» Ц. А. Кюи, Л., 1952. См. стр. 462—464.

2-я симфония и финал из оперы-балета «Млада».

326. Бугославский Сергей. Третья симфония Бородина. Краткий анализ. «Персимфанс», 1927/28, № 7, стр. 4—5.

327. Крюгер А. Вторая симфония Бородина. Изд. Ленинградск. филармонии, Л., 1937.

328. Бэлза Игорь. Вторая («Богатырская») симфония Бородина. Пояснение. Музгиз, 1951.

См. также выше, № 293, стр. 23—25. О 2-й симфонии.

V. Камерно-инструментальные произведения

329. (Кюи Ц.) Музыкальные заметки. Квартет Бородина. «Голос», 1881, 44. I. Перепечатано в «Избранных статьях» Ц. А. Кюи. Л., 1952, стр. 281—283.

330. (Кюи Ц.) Первое квартетное собрание Русского музыкального общества. «Музык. обозрение», 1885, № 2, 3. X, стр. 9—10.

1-й квартет.

331 А. Ф. Рецензия на издание Borodine A. — Petite suite. Scherzo.

(Маленькая сюита, скерцо). «Музык. обозрение», 1886, № 18, 6. II, стр. 142—143.

332. Левенсон О. Квартет Бородина. В книге «Из области музыки». М., 1885, стр. 241—242.

333. (Кюи Ц.) Пятое квартетное собрание Русского музыкального общества. «Музык. обозрение», 1888, № 5, 4, II.

2-й квартет.

334. —ский. Русское музыкальное общество. Первая серия квартетных собраний. Арт., 1891, № 12 (янв.), стр. 162—163.

1-й квартет.

См. также выше, № 325 («Маленькая сюита»).

335. Вальтер Виктор. Камерная музыка А. П. Бородина. РМГ, 1912, № 11.

336. Каратыгин. Концерты в Павловске и Сестрорецке. Ап., 1914, 6—7, стр. 107—108.

Об исполнении двух юношеских произведений Бородина — трио на тему «Чем тебя я огорчила» и ф-п. квинтета.

337. (Без подписи) Квинтет А. Бородина. С. Иск., 1938, 22. VII.

338. Соловцова Л. Камерно-инструментальная музыка А. П. Бородина. М., 1952.

339. Борисяк Андрей. Неизвестная соната Бородина. Веч. М., 1952, 22. XI.

340. Гольденвейзер А. Первое исполнение сонаты Бородина. «Правда», 1952, 30. XI.

341. Гольденвейзер А. Забытая соната Бородина. С. Муз., 1953, № 1, стр. 89—90.

341а. Головинский Г. По поводу одного «открытия». С. Муз., 1954, № 7, стр. 113.

О заимствованиях из соч. И. Гайдна в юношеском D-dur'ном квартете Бородина; см. выше в списке сочинений.

341б. Гинзбург Л. История виолончельного искусства. Книга вторая. Русское виолончельное искусство до 60-х годов XIX века. М., 1957.

Бородин как виолончелист (стр. 179—184). Ранние камерно-инструментальные произведения Бородина — смычковые трио, квинтет, секстет (стр. 411—416). Юношеские произведения Бородина для голоса с виолончелью (стр. 528—530).

VI. Вокальные произведения

342. (Кюи Ц.) Музыкальные заметки. Ряд великопостных концертов. Спб. Вед., 1869, 10. IV.

Исполнение 30. III в концерте Хвостовой романса Бородина «Сказка» («Спящая княжна»). Приведен хвалебный отзыв Даргомыжского.

343. (Кюи Ц.) Музыкальные заметки. Спб. Вед., 1870, 12. XI. Романсы А. Бородина «Спящая княжна», «Фальшивая нота», «Отравой полны мои песни». Перепечатано в «Избранных статьях Ц. А. Кюи». Л., 1952. См. стр. 173—174.

344. (Кюи Ц.) Музыкальная библиография. Романс А. Бородина «Море». Спб. Вед., 1872, 6. IX.

См. также выше, № 322 (Романсы).

345. Филонов А. Русский романс (Вечера г-жи Каменской). Арт., 1889, № 1 (сент.), стр. 84.

Бородин как автор романсов.

346. Т(имофеев) Г. Очерк развития русского романса. А. П. Бородин. РМГ, 1895, № 4, стб. 259—260.

Изложение лекции Ц. Кюи, читанной в Спб., 23. II. 1895.

347. Кюи Ц. Русский романс. Очерк его развития. Изд. Н. Финдейзена. Спб., 1896. См. стр. 69—76.

См. также выше, № 325 (Романсы).

348. Финдейзен Ник. Русский романс. Журнал «Правда», Спб., 1904, №№ 3, 5, 7.

349. Финдейзен Ник. Русская художественная песня (Романс). Изд. П. Юргенсона. М., 1905, гл. IX. «А. П. Бородин».

350. Рачинский Ив. Два слова о Пушкине и Бородине. РМГ, 1916, № 42, стб. 754.

О романсе «Для берегов отчизны дальной».

351. Рабинович А. Романсы Бородина. В кн. «Русский романс». Сборник статей под ред. Б. В. Асафьева. М.—Л., 1930, стр. 104—117.

352. Хубов Георгий. Романсы Бородина. Вступительная статья к изданию «А. Бородин. Романсы». М., 1936.

353. Кунин И. А. Бородин. Романсы и песни. Редакция П. А. Ламма (Рецензия). С. Муз., 1949, № 5, стр. 108—109.

VII. Разное

354. Стасов В. В. Письмо Листа. «Голос», 1879, 7. X. Перепечатано в «*Собрании сочинений*», т. III, Спб., 1894, стб. 501—503; в «Избранных статьях», т. 2, М., 1952, стр. 35—37.

О письме Листа к Бородину, Кюи, Лядову и Римскому-Корсакову по поводу «Парафраз».

355. Профессор С. П. Боткин о покойном проф. А. П. Бородине. Н. Вр., 1887, 18. IV.

Извлечение из речи С. П. Боткина 16. IV 1887 на заседании Общества русских врачей.

356. Стасов В. Поминки по Бородине. Нов., 1888, 15. II.

О работе над посмертными произведениями А. П. Бородина.

357. М. Ю. Г. (*Гольдштейн М. Ю.*) *Воспоминания о Бородине*. Т. и И., 1899, № 37.

Образцы музыкальных шуток Бородина (нотные примеры). Выдержки из статьи Т. и И. — в РМГ, 1899, № 38, стб. 905.

358. Финдейзен Ник. Василий Васильевич Бессель. Очерк его музыкально-общественной деятельности. Спб., 1909, стр. 86—88.

Личные отношения между Бородиным и Бесселем.

359. Лихачев Вл. Композиторы и виртуозы (Из давнего и недавнего былого). Т. и И., 1909, № 8, стр. 155—156.

Воспоминания о Бородине.

360. *Лихачев Вл. А. П. Бородин*. Т. и И., 1909, № 10, стр. 187—188.

Приведены анекдоты о Бородине.

361. Кауфман А. Портреты и силуэты (Из записной книжки старого журналиста). Жрецы и жрицы искусства. Гл. I. Журн. «Наша старина», 1917, вып. II, стр. 79—81.

Эпизоды из жизни Бородина.

362. Курбанов М. М. Отрывки из воспоминаний об А. П. Бородине (1884—1887). «Бирюч. гос. академ. театров», т. II. П., 1920, стр. 159—174.

363. Шаляпин Ф. Страницы из моей жизни (Автобиография). «Прибой», Л., 1923, стр. 216—219.

Об исполнении на вечере у Н. А. Римского-Корсакова квартета «Серенада четырех кавалеров» Шаляпиным, Римским-Корсаковым, Кюи и Ф. Блуменфельдом.

364. Василиу Д., Рутицкий Л. Первые шаги в кинодраматургии. «Иск. кино», 1952, № 8, стр. 88—92.

О фильме «А. П. Бородин».

364а. Левина Е. Александр Порфирьевич Бородин. Краткий рекомендательный указатель [литературы] (Гос. ордена Ленина Библиотека СССР им. В. И. Ленина). М., 1954.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ, ПОИМЕНОВАННЫХ В БИБЛИОГРАФИИ

(Цифры при фамилии указывают номер, под которым приведена работа того или иного автора)

А. Г. 149, 150
А-лек 225
А. Ф. 330
Абалкин Н. 231
Авраамов А. 238
Акимов А. 293е
Антонов Д. 121
Апостолов П. 290
Асафьев Б. В. 69, 84, 111а, 112, 216, 217, 259, 260, 265, 293, 307

Барсуков Н. 251
Баскин В. 30, 128, 172
Бассаргин Б. 306
Березовский В. 38
Бернандт Г. 7, 17
Беренштейн Н. 7
Бернштейн Н. 188
Бларамберг-Чернова М. 148
Блох М. 107
Богданов-Березовский В. 227, 237
Борецкий М. 32
Борисяк А. 339
Бородин А. П. 1—14, 16, 17, 17а, 17б
Боткин С. П. 355
Браудо Е. 72, 75, 76, 80, 83, 103, 219, 241
Бродерсон Юр. 226
Бугославский С. 99, 222, 229, 326
Бэлза Игорь 108, 109, 110, 111, 253, 304, 305, 328

В-ий А. 163
Валерьянов Б. см. Богданов-Березовский
Вальтер Викт. 58, 75, 296, 335
Василиу Д. 364
Вениаминов В. 247
Веселков Г. 243
Викентьев Ю. 281
Волкова Т. 16
Воскресенский П. 113

Ганслик Эд. 36
Гвидон 56
Геника Р. 64
Гинзбург Л. 341б
Гинц С. 267
Глазунов А. К. 145
Глебов Игорь см. Асафьев
Глезер Р. 258
Голованов Н. 242
Головинский Г. 122б, 122в, 275, 293ж, 341а
Гольденблюм М. 73
Гольденвейзер А. 340, 341
Гольдштейн М. Ю. 357
Городинский В. 94, 232
Гринберг М. 244
Гриневский А. 154, 155, 156
Громан-Соловцов А. 85
Грошева Е. 293б
Грушке Н. 48
Гунст Е. 204

Данилов А. 282
Дианин А. П. 23, 28, 34
Дианин С. А. 7, 81, 90, 122а, 122б
Дмитриев А. 115, 276
Дубницкий В. 269

Е. Е. 127
Ермаков Н. 183, 194

Живцов А. 250
Житомирский Д. 121

Загуляева Ю. 187
Зайдентрегер М. 280
Збарский Г. 282

Иванов-Борецкий М. 77
Иванов М. 24, 135, 159, 167
Игорева Я. 234
Иконников А. 264
Ильин М. 120, 121
Ильинский А. 42
Ипполитов-Иванов М. М. 96
Исаков А. 254

К-р А. 228
Кавская Н. 246
Канкарович А. 221
Канн Е. 232, 236
Каратыгин В. 52, 60, 67, 71, 178, 193, 197, 202, 212, 336
Каренин Вл. см. Комарова-Стасова
Карышева Т. 113
Кауфман А. 361
Кашкин Н. 47, 70, 122, 134, 143, 157, 158, 168, 175
Келдыш Ю. 87, 110а, 249
Керженцев П. 313
Кириков М. 272
Киселев В. 7, 176
Кнорозовский И. 153, 173, 180
Коваль Мариан 287
Комарова-Стасова В. Д. 82
Конский П. 79
Коптяев А. 44, 182, 191, 218
Корев С. 262
Корчинский Е. 278
Котляревский А. 286
Кочетов Н. 66
Крейн Евг. 74
Кремлев Ю. 93
Кругликов С. 43, 137, 151, 170, 171, 174, 177, 323
Крюгер А. 327
Кунин И. 353
Курбанов М. 362
Куров Н. 53, 63, 198, 206
Кушнир Б. 256
Кырвитс Х. 277
Кюи Ц. 18, 21, 126, 164, 314, 315, 320, 321, 322, 325, 329, 331, 333, 342, 343, 344, 347

Лазарев А. 252
Ламм П. 111, 308
Ларош Г. А. 26, 142
Левенсон О. 125, 318, 319, 332
Левина Е. 364а
Леонидов Л. 274
Лерер Л. 113
Ливанова Т. 116
Липаев И. 35
Листова Н. 293и
Литовский О. 310
Лихачев В. 359, 360
Луначарский А. В. 215
Людмилин А. 256

М. М. 302
Малков Н. 89, 223, 230
Маслов А. 57
Мигай С. 293а
Миклашевский Иос. 46
Монахов 195
Музалевский В. 257
Мусоргский М. П. 86, 87

Нуралов Э. 293з

О. В. 210
О-р 186
Орлов Георгий 106
Орлов Н. 268
Осетров Е. 121

П. 162
Павловский А. 300
Петров Н. 289
Печерский П. 283
Покровский Н. 169
Поляновский Г. 239, 240, 311
Попова Т. 100, 101, 105, 119, 248
Прокофьев Гр. 201, 203

Рабинович А. 351
Рачинский И. 350
Рацкая Ц. 102
Ремезов И. 118, 245
Репин И. Е. 96а
Римский-Корсаков А. Н. 86
Римский-Корсаков Н. А. 50
Розенфельд С. 261
Россихина В. 104
Рудановская М. 15
Рутицкий Л. 364

С. А. 179
Савелова З. 14
Саква К. 293г
Сахновский Ю. 54, 200, 205
Светланов Е. 284
Северцов Ю. 160
Сегал Е. 120, 121
Семенов К. 263

Серова В. С. 141
Смольский Б. 273
Соловцова Л. 338
Соловьев Н. 33, 123, 124, 129, 146, 317
Соловьев Ю. 113
Сосинский Е. 293в
Старк Эд. 211, 255
Стасов В. В. 6, 8, 19, 20, 22, 25, 29, 39, 136, 145, 316, 324, 354, 356
Стрельников Н. 213
Ступель А. 122г
Стуриков Н. 117
Суворин А. 132, 133

Таиров А. 309
Тейх М. 270
Тимофеев Г. 62, 68, 181, 189, 192, 208, 346
Трифонов П. 27
Тургенев И. С. 15
Тюнеев Б. 61

Фигуровский Н. 113
Филиппенко А. 291
Филонов А. 345
Фидейзен Н. 13, 45, 147, 152, 348, 349, 358
Фролов Н. 271

Хренников Т. 288
Хубов Г. 7, 88, 91, 92, 95, 97, 98, 235, 242, 352
Хучуа П. 293д

Чайковский М. И. 40
Черкашина Л. 266
Черногорский см. Каратыгин
Чечотт В. 31, 144, 165
Чешихин Всев. 176
Чистов Вл. 37

Шаляпин Ф. 363
Шапорин Ю. А. 111
Шапошников И. 285
Шестакова Л. И. 33а

Es 220
Энгель Ю. 41, 49, 55, 65, 199, 207
Эспе 131, 140

Я. Д. 130
Яковлев В. В. 78, 87, 111, 122
Яновский Б. 51, 59
Ярустовский Б. 114

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ *

Александр I 160
Александр II 127, 128, 169, 235, 247, 321
Александр III 19, 133, 135
Александр Арчилевич, царевич, см. Имеретинский А. А.
Александр Невский 5
Александра Андреевна, см. Столяревская А. А.
Александров Д. С. 33, 34, 38, 39, 134, 156, 162—166, 184
Александрова А. А. 134, 149, 156, 184
Алексеев П. П. 52—54, 74, 168, 171, 187
Алексей Михайлович, царь 160
д'Альбер Е. 139
Альбрехт Е. К. 202, 247, 308, 320
Аничков Е. И. 266
Антонов К. 162
Антонов С. К. 30, 31, 162—164
Антонова А. К., см. Клейнеке А. К.
Антонова Е. С. 164
Антонова М. С. 164
Антонова О. С. 31, 164
Арто-Падилла Д. 84
Арцимович В. А. 21, 315
Арчил Вахтангович, царь Карталинский 160
Асафьев Б. В. (Игорь Глебов) 5, 67, 170, 188, 350
Ауэр Л. С. 268, 269, 324, 326, 328
Афанасьев Н. Я. 36, 259, 324
«Волга», струнный квартет 259, 324
Афанасьева Е. А. («Леночка») 206, 309, 310, 312, 322, 329, 348
«Ах, не мне, бедному», см. Глинка М. И., «Иван Сусанин»
Багратиды 159, 160
Балакирев М. А. 4, 10—13, 17, 22, 41, 60—62, 67, 71—75, 82—87, 89—91, 94, 95, 99, 106, 107, 125, 130—133, 135, 157, 169, 171, 180, 181, 184, 193, 196, 203—205, 211, 214, 216, 217, 232, 241, 246, 251, 252, 255, 256, 258, 259, 261—263, 276, 277, 280, 285, 304, 306, 308, 311—313, 316, 319—326, 329, 330, 333, 338, 339
«Духи неба», романс для голоса с фортепьяно 180
«Исламей», восточная фантазия для фортепьяно 254, 323
«Тамара», симфоническая поэма 107, 135, 203, 216, 217, 308
Барцал А. И. 120, 215, 313
Бах И. С. 48
Соната для скрипки соло 48
Бейльштейн Ф. Ф. 20, 207—209, 309, 310
Бекетов Н. Н. 52
Беккерс Л. А. 52
Белинский В. Г. 42, 62
Беллé г К. 17
Беллини В. 57
«Беатриче ди Тенда», опера 57
«Норма», опера 57, 168
Бельцман Е. Е. 32, 38, 97, 162, 163, 166
Беляев М. П. 135, 147, 149, 151, 156, 185, 306, 328, 330

* Полужирным шрифтом указаны страницы, на которых даются основные биографические сведения о данном лице.

Берг 309
Березин 204
Берлиоз Г. 42, 84, 179, 319
«Бенвенуто Челлини», увертюра к опере 179
«Лелио, или Возвращение к жизни», симфоническая фантазия для хора с оркестром 84
Бернар К. 51
Бертелó П. 40
Бертенсон Л. Б. 128
Бессель В. В. 95, 97, 117, 131, 134, 138, 146, 149, 151, 252, 275, 276, 283, 319, 322, 330
Бетховен Л. 15, 42, 59, 99, 100, 113, 176, 184, 230, 259, 265, 274, 275, 286, 287, 294, 296, 324
Квартет e-moll, op. 59, № 2 183
Квартет F-dur, op. 135 259, 324
Симфонии 15, 33, 274, 275
Симфония № 8 F-dur, op. 93 176
Симфония № 9 d-moll, op. 125 12, 294, 296
Соната cis-moll, op. 27, № 2 для фортепьяно 100
Соната C-dur, op. 53 для фортепьяно 99
Соната A-dur, op. 47 («Крейцерова») для скрипки с фортепьяно 57
Трио 57
Бичурина А. А. 135, 144
Бларамберг П. И. 134, 180, 237, 317
«Мария Тюдор», опера 180, 237, 317
Блуменфельд С. М. 149, 152
Блуменфельд Ф. М. 12, 138, 149, 256, 259, 323, 324
Боккерини Л. 36
Квинтеты 36
Бородин А. П.
Allegretto Des-dur для фортепьяно в четыре руки 55
«Арабская мелодия», романс для голоса с фортепьяно 128
«Богатыри», опера-фарс 42, 65—71
«В Средней Азии», симфоническая картина 15, 124, 125, 127, 129, 134, 139, 144, 147, 180, 185, 186, 237, 260, 264—270, 279, 280, 289, 290, 317, 325—329, 331, 339, 340, 349
Вальс для фортепьяно 100, 173
«Для берегов отчизны дальной», романс для голоса с фортепьяно 131, 132, 181
«Из слез моих» («Из Гейне»), романс для голоса с фортепьяно 90, 95, 97, 170, 171, 331
Квартет № 1 A-dur 16, 100, 103, 104, 108, 114, 122, 127, 128, 144, 173, 229, 233, 246, 247, 257, 274—276, 282—285, 287, 293, 295, 299—301, 315, 320, 324, 328, 332
Квартет № 2 D-dur 130, 132, 135, 152, 183, 257, 264, 324, 326, 344, 350
Квинтет f-moll (струнный) 36
Квинтет c-moll для ф-п., двух скрипок, альта и виолончели 58—60, 169, 185
«Князь Игорь», опера 5—13, 21, 22, 37, 52, 67, 72, 82—84, 86, 93, 101—112, 115—123, 125, 126, 128, 130, 132, 133, 135—141, 143—145, 148—153, 156, 171—183, 185—188, 193, 194, 201, 202, 204—206, 212—232, 236, 242, 247, 248, 253, 254, 257, 260, 263, 283, 291, 292, 294, 296—302, 304, 307—309, 311—317, 320—326, 330, 331, 334, 345, 346, 348, 350
Концерт для флейты и фортепьяно 34
«Красавица-рыбачка», романс для голоса, виолончели и фортепьяно 36, 48, 50
«Маленькая сюита» для фортепьяно 16, 144—146, 291, 292, 294, 296
«Море», баллада для голоса с фортепьяно 15, 22, 84, 86, 87, 141, 186, 265, 278—280, 294, 296, 329—331
«Морская царевна», романс для голоса с фортепьяно 22, 73, 95, 97, 144
«Отравой полны мои песни», романс для голоса с фортепьяно 73, 85, 86, 331
«Песня темного леса», романс для голоса с фортепьяно 6, 22, 72, 76, 95, 97, 315
Полька детская («Hélène») d-moll для фортепьяно в четыре руки 32, 165

«Разлюбила красна девица», песня для голоса, виолончели и фортепьяно 36, 48
Романсы 15, 43, 147, 148, 198, 266, 267,
Секстет d-moll (струнный) 50, 52, 55
«Septain», романс для голоса с фортепьяно 146, 187
Симфонии 15, 16
Симфония № 1 Es-dur 6, 14 61, 64, 65, 72, 74—76, 111, 116, 117, 125—127, 134—136, 138, 139, 143, 144, 147—149, 152, 169, 211, 214, 232, 240, 242—244, 261—272, 274—280, 282, 311, 312, 318, 319, 325, 326, 328, 329, 341
Симфония № 2 h-moll («Богатырская») 6, 12, 75, 76, 87, 90, 91, 94, 95, 97, 98, 104, 110, 111, 113, 116, 120, 127, 128, 139, 143, 144, 147, 148, 151, 171, 172, 180, 187, 197, 208, 210, 214, 229, 242, 264—267, 270—275, 277, 278, 299, 306, 310, 315, 319, 320, 332, 345, 350
Симфония № 3 a-moll (неоконченная) 11—13, 135, 139, 141, 142, 151—153, 156, 187, 188, 332, 345, 346, 350
Скерцо b-moll для фортепьяно 145, 275, 276, 279, 280, 282, 283, 328
Скерцо b-moll для фортепьяно 37
Скерцо D-dur 135, 185
Скерцо E-dur для фортепьяно в четыре руки 55
«Слушайте, подруженьки, песенку мою», песня для голоса, виолончели и фортепьяно 36, 48
Соната для виолончели и фортепьяно 48, 166
Соната для флейты и фортепьяно 166
«Спесь», романс для голоса с фортепьяно 42, 144
«Спящая княжна», романс для голоса с фортепьяно 6, 16, 22, 72, 76, 85, 86, 143, 144, 170, 193, 282, 283, 303, 304, 330, 341, 349
«Steppenskizze», см. «В Средней Азии»
«Степной эскиз», см. «В Средней Азии»
Тарантелла D-dur для фортепьяно в четыре руки 58
Трио G-dur (струнное) 34
Трио g-moll (струнное) на тему песни «Чем тебя я огорчила» 37, 48
Трио D-dur для фортепьяно, скрипки и виолончели 50, 52, 55
«У людей-то в дому», песня для голоса с фортепьяно 128, 132, 135, 183, 248, 321
«Фальшивая нота», романс для голоса с фортепьяно 73, 85, 95, 143, 196, 305
Фантазия на тему И.-Н. Гумеля для фортепьяно 34
Фуги для фортепьяно 57, 58
«Царская невеста», неоконченная опера 71, 72, 84, 101, 172
«Чудный сад», см. «Septain»
Этюд «Le courant» для фортепьяно 34
Бородин П. И. 31, 163, 338
Бородина (рожд. Протопопова) Е. С. 5, 10, 11, 18, 32, 36, 50, 53—59, 61, 63—65, 72, 73, 75, 82—92, 94—101, 103, 104, 110, 112—119, 121, 122, 125—127, 129—134, 136—143, 145—154, 156, 157, 163, 168, 169—172, 174—176, 181, 184—188, 193, 195—197, 199, 203, 205, 217, 231, 232, 235, 236, 245, 249, 251, 254, 256, 258—260, 268, 296, 297, 303, 305, 307, 311, 313, 316, 320, 321, 324, 325, 331, 344, 345
Бородина Т. Г. 163, 338
Бородины 17, 63, 82, 88, 92, 94, 95, 99, 104, 109, 110, 117, 118, 125, 133, 134, 138, 140, 153, 172—174, 181, 187
Бортнянский Д. С. 57
«Силы небесные» 57
Борщов И. Г. 45, 46, 167
Боткин С. П. 60, 169
Браудо Е. М. 37, 76, 181, 187, 304
Бредлер 309
Бронзов А. 163
Бруггер (ди Педри) А. П. 47, 49
Брюно А. 16, 144
Булина 31, 162
Бунзен Р. 46, 47
Бурго-Дюкудрэ Л.-А. 147, 281, 329
Бутлеров А. М. 5, 55, 84, 124, 238, 239, 317
Бычков 212

Бюлер 164
Бюлов Г.-Г. фон 129, 148

Вагнер (Wagner) Р. 54, 230, 286, 287, 294—296, 319, 327, 345
«Кольцо Нибелунга», оперная тетралогия 130
«Лоэнгрин», опера 54
«Моряк-скиталец», опера 54
«Тангейзер», опера 54
«Тристан и Изольда», опера 295, 296
«Schlaf ein, holdes King», романс для голоса с фортепьяно 327
Вальц К. 70
Ванновский П. С. 133
Варварин М. С. 18, 195, 305
Варламов А. Е. 36
«Пловцы» 36
Василисин 235
Василисина Н. Н. 235
Вахрамеевич 122, 174
Вебер (Weber) К.-М. 327
Concertstück, ор. 79 для фортепьяно с оркестром 327
Вейкман И. А. 324, 326
Вейссгеймер В. 125, 240, 243, 318, 326
Велинская Ф. Н. 177
Велинская-Маркович М. А. (псевдоним Марко Вовчок) 47, 52
Вельяминов К. Н. 75, 256, 257, 264, 324
Верди Дж. 69
«Травиата», опера 40
«Трубадур» («Троваторе»), опера 40
«Эрнани», опера 69
Вержбилович А. В. 324, 326
Верстовский А. Н. 310
«Аскольдова могила», опера 208, 310
Виардо-Гарсиа П. 116, 210, 235, 311
Вильбоа К. П. 36
«Моряки», вокальный дуэт 36
Вильчковский Н. А. 137
Виноградов 156
Виноградова А. Е. («Дуняша») 174
Витгенштейн, кн. 129
Витоль И. И. 11
Вихельгауз 94
Вишневецкая Ю. Н. 301, 333
Владислав, королевич 28
Волконский, кн. 165
Володина М. И. 117, 118, 121, 122
Воскресенский А. А. 238
Вюльднер Ф. 14, 139
Вюрц (Würtz) Ш.-А. 46, 52

Габэ (Habets) А. 148, 159
Гаврушкевич И. И. 36, 37, 166
Гаде Н.-В. 36
Квартет двойной 36
Гаевский В. П. 256, 257
Гайдн И. 33
Симфонии 33
Галкин Н. В. 128, 183, 184, 246, 247, 320, 324
Гáман 74
Гарибальди (Garibaldi) Дж. 58
Гебель Ф. К. 36, 165
Квинтеты 36
Гедеá (Николай), кн. 27, 158, 159, 165
Гедеонов С. А. 92, 161, 305, 306
Гедианов А. Ст., кн. 160
Гедианов И. Ст. (Большой), кн. 27, 28, 158
Гедианов И. Ст. (Меньшой), кн. 158
Гедианов Л. Ст., кн. 28—34, 38, 48, 158—165, 337, 338, 348
Гедианов Ст. А., кн. 28, 160
Гедианов Ст. Г., кн. 27
Гедианова А. Л., см. Лукаш А. Л.
Гедианова (рожд. Исакова) М. И. 29, 30, 161, 162, 348
Гедиановы, кн. 27, 28, 158—161
Гедрим Р. 34
Гейне Г. 36, 90, 171, 326
Гейсслер Г. 20, 191, 192, 303
Гейтер 112
Гельмгольц Г. 47
Гендель Г.-Ф. 230, 316
Гербер Ю. Г. 70
Герольд Л.-И. 71
«Цампа», опера 71
Герцен А. И. 47, 57, 262
Гёте В. 112, 129, 180, 317
Гилле К. 15, 181, 186, 265, 327
Глазунов А. К. 10, 12, 14—16, 133, 138, 143, 145, 149, 151, 152, 154, 156, 187, 188, 259, 264, 271, 272, 279, 280, 285, 287, 293, 295, 314, 324, 326, 328, 330, 332, 334, 340, 346, 350
Квартет № 1 D-dur, ор. 1 12, 259, 276, 277, 324, 329
«Песни мои ядовиты», романс для голоса с фортепьяно 264, 326
Романсы (2), ор. 4 для голоса с фортепьяно 286, 287, 293, 295, 330
Симфония № 1 E-dur, ор. 5 12, 133
Сюита на тему «Sascha», ор. 2 для фортепьяно 145
Глазунова Е. П. 12, 259, 269, 324

Глазуновы 12
Глинка М. И. 17, 36, 37, 41, 42, 45, 60, 72, 87, 89, 140, 182, 183, 185, 203, 208, 230, 280, 303, 304, 306, 307, 312, 313, 325, 329, 341
«Арагонская хота», испанская увертюра 36, 341
«Жизнь за царя», см. «Иван Сусанин»
«Иван Сусанин», опера 37, 46, 182, 217, 313
«Ложится в поле мрак ночной», см. «Руслан и Людмила»
«Ночной смотр», баллада для голоса с фортепьяно 185, 325
«Ночь в Мадриде», испанская увертюра 183, 208
«Руслан и Людмила», опера 6, 17, 102, 107, 111, 118, 193, 200, 208, 213, 307, 312, 345
Глюк К.-В. 230, **316**
Гоголь Н. В. 45, 73, 210
Годáр Б. 183
Соната № 3 G-dur, ор. 9 для скрипки с фортепьяно 183
Голенищев-Кутузов А. А. 183
Голицын С. С. 337
Голицына А. С. 162, 337, 338, 348
Голицыны 20, 30
Голубев П. Г. 172
Гольдони К. 57
Гольдштейн М. Ю. («МЮГЭ») 99, 112, 114, 115, 229, 231, 315
Гольдштейн Э. Ю. 254, 315, **323**
Гончаров И. А. 162
Горбун-Гедианов А. М. 28
Горбун-Гедианова П. А. 28
Горбун-Гедианова Е. 28
Готовцев В. П. 30, 163
Готовцева А. В. 134, 185
Готовцева (в замуж. Сорокина) М. В. 32, 38, 39, 165
Готовцева (рожд. Антонова) У. К 30, 163, 164
Гофман А.-В. 48
Гофман (из Гейдельберга) 53, 55, 168
Граньé 206
Григорьев Ап. А. 320
Гриднин Ф. Д. 247, 248, 253, 254, 321
Гродецкий 248
Гуммель И.-Н. 85, 97
Квинтет, ор. 87 57
Септет (Септуор) d-moll, ор. 74 97
Трио F-dur 57, 59
Гунгль И. 33
Гунке И. К. 36, 57
Гунфальви (Хунфальви) П. 8, 102, 200, 338
Гурилев А. Л. 36
Романсы 36
Гусева Е. А. 121, 125, 133, 140, 142 161, 162, 164, 166, 174, 184, 186, 327
Гусева М. А. 125, 150, 166
Гюбертй Г. 147
Гюго В. 309

Дабэн Г. 16, 21, 288, 289, 330
Давыдов К. Ю. 138, 139, 240, 318
Дамрош Л. 14, 126, 243, 244, 319, 349
Даннеберг 92
Даргомыжский А. С. 6, 72, 75, 145, 156, 170, 183, 193, 203, 230, 304, 306, 321, 328, 324, 340
«Каменный гость», опера 72, 107, 323
«Мне все равно», романс для голоса с фортепьяно 183
«Славянская тарантелла» для фортепьяно 145
Дареджана Арчиловна, см. Имеретинская Д. А.
Дегтярев 183, 184, 324
Дельфина Антоновна 150, 296, 297, 331
Деньер 30, 32, 159, 162
Дианин А. П. 3, 13, 18, 21, 35, 95, 100, 103, 111, 112, 114, 115, 117, 118, 126, 129, 133, 141, 149, 150, 152—154, 156, 157, 159, 163, 166, 172—176, 184—188, 217, 232, 310, 313, 316, 343, 345, 346, 350
Дианин Б. А. (Борис) 133, 187
Дианин В. П. 187
Дианин Н. П. 77, 115
Дианин П. А. 114, 117, 121
Дианин Ф. П. 115
Дианина (рожд. Баланева) Е. Г. (Лиза) 89, 90, 92, 98, 99, 115, 121, 129, 133, 141, 157, 159, 162, 165, 166, 170, 171, 173—175, 181, 184—188, 350
Дианины 17
Дмитриев А. Н. 72
Добролюбов Н. А. 62
Доброславин А. П. 59, 123, 153, 175, 239, 317, 344—346, 350
Доброславина М. В. 111, 149, 152, 154, 155, 171, 174, 188, 343—347, **350**
Доброславины 92, 153
Долгоруков В. А., кн. 68
Доницетти Г. 168
Донской Л. Д. 257, **324**
Дробиш Ф. К. 36

Дубовицкий П. А. 65
Дуняша, см. Виноградова А. Е
Дупельт Л. М. 208
Дюбюк А. И. 168
Дюма Ж.-Б.-А. 51
Дюпон Ж., младший 148
Дютш Г. О. 138, 143, 328

Егоров Н. Г. 155, 346, 350
Екатерина Сергеевна, см. Бородина Е. С.
Елена Павловна, вел. кн. («Муза Евтерпа») 63, 83, 89
Елизавета Петровна, императрица 29
Ермолова М. Г. 198, 306

Жадуль Т. 15, 16, 138, 143—146, 186, 264—267, 269—280, 282—288, 294, 296, 300, 301, 326—330, 332, 333
«Lamento», романс для голоса с фортепьяно 266, 267, 270, 274—276, 300, 301, 327, 328
Жизневский А. К. 348
Жориссенн Г. (псевдоним И. Серженнуа) 16, 17, 285—288, 293—296, 330

Зайцев А. 255
Зайцев А. М. 96
Заремба Ю. 113
Захаров Н. Т. 104
«Звон-колокол», народная песня 174
Зенгер К. К. 104
Зилоти (Siloti) А. И. 14, 327
Зинин Н. Н. 5, 19—21, 35, 37, 40, 44, 46, 48, 49, 51, 55, 59, 85, 98, 103, 112, 124, 125, 135, 145, 179, 198, 238, 239, 306, 317
Зыгмунт III 28

Иван IV (Грозный) 27, 158
Ивановские 41
Ивановский С. А. 40
Ильинский В. Н. 133, 149, 213, 259, 312
Имеретинская Д. А., царевна 160
Имеретинская Е. С., царевна 40, 166
Имеретинские 159, 160
Имеритенский А. А., царевич 160
Имеретинский К., царевич 166
Иогансен А. Р. 329
Ипполитов-Иванов М. М. 133, 175, 310
Исаков И. И. 29
Исакова М. И., см. Гедианова М. И.
Исполатовская О. В. 115

Кабат И. И. 40
Кавос И. К. (Катерин Катеринович) 205, 309
Кавос К. А. 69, 309
«Князь-невидимка», опера 69
«Как у наших у ворот», русская народная песня 69
Калинин Н. И. 73
Калинина (рожд. Лодыженская) А. Н. 18, 73, 135—137, 145, 159 187, 260, 325
Кампе А. 117
Каракозов Д. В. 169
Карамзин Н. М. 101, 162, 186
Каренин Вл., см. Комарова-Стасова В. Д.
Кармалин Н. Н. 204, 205, 308
Кармалина Л. И. 95, 99, 103, 109, 111, 167, 173, 174, 196, 198, 199, 204, 205, 306, 308, 309
Каррани 57
Катерина Николаевна 194, 195, 305
Квартет на тему B-la-f, А. П. Бородина, А. К. Глазунова, А. К. Лядова и Н. А. Римского-Корсакова 151
Кекуле Ф.-А. 20, 83—85, 113
Кириллов В. И. (Васильев I) 35, 36
Кириллов (Васильев) П. И. 35, 36
Кирхгоф Г. Р. 47
Китарры М. Я. 49
Китарры, «мадам» 49, 167
Клейнеке (рожд. Антонова) А. К 19, 30—35, 38—40, 44—50, 95—97, 162, 164—166, 173
Клейнеке Х. И. 31, 32, 164, 165
Климов 39
Климченко А. М. 256, 257, 264
Козлов Н. И. 85
Кокорев В. Т. 40
Коллен Ж. 146
Коллен П. 143, 290, 331
Кологривов В. А. 75
Коля 339
Комарова-Стасова В. Д. (псевдоним Вл. Каренин) 95, 194, 348
Кондратьев Г. П. 196, 305
Коновалова П. Т. («Па») 260, 325
Кононов 88, 213
Коноплева (рожд. Федорова) Л. Е. 162
Константинов В. 255
Копп Г.-Ф.-М. 55
Корнелио 57
Корякин М. М. 184, 185, 260, 325
Кох Г. 254
Кречмар Г. 14
Кросс Г. Г. 183
Кругликов С. Н. 7, 12, 32, 134, 157
Крузенштерн И. А. 100

Крылов В. 163
Крылов В. А. 65, 66, 68, 92, 306
Крюгер 344, 350
Крюденер Ю., барон 30, 348
Кудашев Н. И., кн. 54, 82
Кудашева 54
Кузнецов 183, 184, 324
Куломзин И. А. 173
Куломзин М. А. 173
Куломзина Е. А. 100, 104, 173
Куломзины 99, 100
«Куманечек, побывай у меня», русская народная песня 70
Курбанов М. М. 149
Кюи М. Р. 291, 292, 298, 299
Кюи Ц. А. 4, 7, 11, 14—16, 18, 60, 62, 72, 73, 75, 89, 91, 92, 98, 105, 108, 109, 112, 116, 128, 129, 145, 148, 180, 183, 185, 186, 198, 201, 204, 205, 212, 215—217, 237, 240, 242, 247, 249, 250, 260, 264—267, 272, 273, 279—281, 291, 292, 294, 296—299, 305, 306, 308, 309, 313, 315, 319—321, 325, 326, 329, 331—333, 340, 343, 349, 350
Andante и Scherzo для скрипки с фортепьяно 145
«Анджело», опера 205, 309
«Ave Maria» для голоса соло и женского хора, ор. 27 297, 298, 331
«Болеро» для голоса с оркестром, ор. 17 283
Вальс и Scherzando giocoso для фортепьяно 297, 298
«Вильям Ратклиф», опера 73—75, 170, 199, 248, 249, 306, 321
«Enfant, si j'étais roi», романс для голоса с фортепьяно, ор. 23 145
«Кавказский пленник», опера 145, 148, 272, 273, 284, 294, 296, 331
«Она поет, и звуки тают», романс для голоса с фортепьяно, ор. 13 183
«Пленник», см. «Кавказский пленник»
«Ратклиф», см. «Вильям Ратклиф»
Романсы 266, 267
«Сарацин», опера 217, 313
Скерцо для оркестра 237
Тарантелла для оркестра, ор. 12 180, 185, 260, 272, 273, 325

Лабзин А. Ф. 29
Лавров Н. С. 185, 325
Ла Мара (La Mara) 319
Ламм О. П. 23, 34
Ламм П. А. 10, 68, 165, 169
Ламурё Ш. 144, 186, 329, 339, 340, 349
Лапин И. П. 122, 175
Лауб Ф. 54, 168
Лейхтенбергский Н. М., герцог 85
Леонова Д. М. 4, 10, 125, 128, 132, 179, 180, 182, 183, 230, 231, 236—238, 247, 248, 253, 254, 258, 261, 316, 317, 320, 323, 324
«Письмо после бала», вальс-каприччио для голоса с фортепьяно 180
Лермонтова Ю. В. 199, 307
Лессманн В.-И.-О. 14, 249—251, 321
Лешетицкий Ф. О. 324
Лиза, см. Дианина (Баланева) Е. Г.
Лисенко К. И. 52, 53
Лисицын 36
Лист Ф. 5, 14, 15, 42, 63, 98, 112, 113, 116—118, 128—130, 142, 146, 175, 176, 180, 181, 183, 184, 186, 201, 210—212, 215, 216, 243, 250, 255, 265, 280, 311, 313, 317, 319, 321, 323, 325, 327, 341
«Dans macabre», парафразы для фортепьяно с оркестром 142
«Consolations», пьесы для фортепьяно 327
«Легенда о св. Елизавете», оратория 249, 250, 321
«Mephisto-Walzer» № 2 для оркестра 183
«Песня о царе Фулы» для голоса с фортепьяно 180
«Pesther carneval» для фортепьяно 327
«Св. Елизавета», см. «Легенда о св. Елизавете»
Фантазия на темы из оперы «Дон-Жуан» Моцарта для фортепьяно 254, 322
Фантазия на темы из оперы «Риголетто» Верди для фортепьяно 176
«Festklänge», симфоническая поэма 341
Литвиненко Аг. Ст. (Ганя) 119, 130, 174
Лобанов 172
Лодий П. А. 257, 258, 324
Лодыженские 73
Лодыженский И. Н. 73
Лодыженский Н. Н. 73, 91, 129, 130, 134, 138, 259, 324, 325
Ломакин Г. И. 169, 285, 330
Луйзхен 32, 33, 38, 166

Луканина (рожд. Рыкачева) А. Н. 92, 94, 115, 153, 194, 195, 209, 233—236, 239, **304**, 310, 316
Лукаш (рожд. Гедианова) А. Л. 29, 30, **161**, 338, 348
Лукаш Е. Н. 48, 164
Лукаш Н. Е. 161, 348
Лукаш С. Н. (Сережа) 48, 164
Лукаши 31, 49, 161, 165
Лукка С. 56
Лядов А. К. 10, 11, 14, 116, 120, 132, 138, 151, 182, 211, 212, 214—217, 249, 250, 259, 276, 277, 283, **311**, 312, 313
«Песня» («Ты не спрашивай») для голоса с фортепьяно, ор. 1 11
«Про старину», баллада для фортепьяно, ор. 21 11
Романсы для голоса с фортепьяно, ор. 1 11
Этюд As-dur для фортепьяно, ор. 5 10, 211
Ляпунова А. С. 23, 24, 319, 348

Майнов А. 53
Майнов В. Н. 8, 101, 102, 173, 200, 201, **307**, 338, 339
Макаров 214
Маковская Е. Т. 87
Маковский К. Е. 87, 149
Малиновская 206, 207
Манассеин В. А. 155, 186, 347, **350**
Маркевич Б. М. 317
Марко Вовчок, см. Вилинская-Маркович М. А.
Мароккский марш Л. Мейера, оркестрован Г. Берлиозом 83
Марсйк П.-Ж. 147, 148
Мартинс С. 94
Матчинский И. В. 176
Мать Бородина А. П., см. Клейнеке А. К.
Мей Л. А. 71
Мейендорф (рожд. Горчакова) О. А. 146
Мейербер Дж. 65, 69, 70, 302
«Гугеноты», опера 67, 302
«На землю спустилась ночь», см. «Гугеноты»
Оперы 65
«Пророк», опера 70
«Роберт-Дьявол», опера 34, 69, 70
Мельгунов Ю. Н. 254, **323**
Мельников 255
Менделеев Д. И. 4, 5, 20, 21, 45, 46, 49—51, 53, 96, 167, 199, 303, **307**
Менделеева А. И. 167
Мендельсон-Бартольди Ф. 33, 41, 42, 115
«Прощальная песня охотников», хор, ор. 50 115
Симфония № 3 a-moll, «Шотландская», ор. 56 41
Меноччи 57, 59
Менцель О. 349
Меншуткин Н. А. 4, 20, 207—209, **309**
Мержеевский И. П. 229, **315**
Мерк 47
Мерси-Аржанто Л. де, гр. 14—16, 139, 141, 143, 144, 146, 153, 166, 186, 276—278, 282, 291, 292, 294, 296—301, 328, **329**, 330—333, 339—343, 349
Мерси-Аржанто де, муж, гр. 291, 292, 331
Мертен Э. Н. 68
Мецгер 299
Мещерская (рожд. Всеволожская) С. С. 162
Мещерские 30, 161
Мещерский И. С. 30, 162
Мещерский П. С. 30, 162
Мещерский Эл. П. 162
Микеланджело Б. 51
Миланов М. 130, 131, 251, 252, 322
Миллер А. Б. 337, **348**
Минкус Л. 92
Миролюбов А. 110, 174
Миропольская М. А. 99, 100, 108
Михаил Черниговский, кн. 5
«Млада», опера-феерия А. П. Бородина, Ц. А. Кюи, М. П. Мусоргского и Н. А. Римского-Корсакова 92—94, 102—104, 137, 141, 172, 173, 182, 197, 306
Модзалевский Б. Л. 158, 162
Моисеенко 149
Мо́лас (рожд. Пуртольд) А. Н. 73, 213, 259, 260, **304**, 312, 323
Молас Н. П. 12, 255, 256, 259, 260, **323**
Мольер Ж.-П. 57
Моцарт В.-А. 113, 323
Мусоргский М. П. («Мусинька», «Мусорянин») 7—9, 17, 39—41, 60—63, 71—73, 91, 92, 97, 99, 105, 119, 127, 128, 131, 148, 156, 166, 169, 173, 179—183, 196, 197, 199, 201, 202, 205, 206, 213, 214, 216, 217, 230, 231, 237, 238, 245, 253, 301, 305, 306, 309, 312, 313, 316, 317, 320, 322, 343, 350

«Борис Годунов», опера 8, 71, 90, 95, 97, 99, 145, 173, 196, 198, 284, 305, 306, 312, 330
Гопак, см. «Сорочинская ярмарка»
«Женитьба», опера 73
«Забытый», баллада для голоса с фортепьяно 183
«Ночь на Лысой горе», симфоническая картина 93
«Песня о блохе» для голоса с фортепьяно 180, 237, 317
«Раек», музыкальная сатира для голоса с фортепьяно 63
Скерцо B-dur для оркестра 41, 166
«Сорочинская ярмарка», опера 182
«Хованщина», опера 8, 127, 179—181, 237, 245, 317

Навашин С. Г. 140
Навашины 140, 141
Надежда Антоновна 233
Направник Э. Ф. 110, 111, 120, 127, 305, 310, 345
Некрасов Н. А. 17, 128, 132, 182, 183
Никиш А. 14, 129, 136, 262, 263, 326
Николаев А. Н. 19
Николай I 162
Николай Мирликийский 165
Никольский В. В. 213, 312
Ниссен-Саломан Г. 308

Олсуфьевы 20
Онслов Ж. 36
Квинтеты 36
Орловский Я. С. 146
Островский А. Н. 320, 321
Островский М. Н. 251, 321
Отец Бородина А. П., см. Гедианов Л. С.
Оффенбах Ж. 69—71
«Болтуны», оперетта 69, 70
«Прекрасная Елена», оперетта 69—71, 92
«Синяя борода», оперетта 69—71

Пановский Н. М. 66
«Парафразы», собрание фортепьянных пьес на неизменяемую тему А. П. Бородина, Ц. А. Кюи, А. К. Лядова и Н. А. Римского-Корсакова 11, 116, 121, 175, 215, 216, 313
Пассек Т. П. 47, 52
Пастер Л. 51, 52
Патти А. 204, 231, 308
Пачини Дж. 57, 168
Месса 57
Пашутин В. В. 155, 299, 347, 350
«Песня про горы Воробьевские» (или Жигулевские) 308
Петр I 159, 210
Петровы 105, 106
Пивоварова Н. Ф. 211, 311
Пий IX, римский папа 51
Пиккель И. Н. 324, 326
Подвысоцкая Е. П. 19
Полякова (рожд. Хвостова) А. А. 203, 307
Полянский Н. 255
Попов А. И. 263
Попов, врач 39—41
Порман 33
Прокунин В. П. 108, 308
Протопопов А. С. 65, 88, 95, 104, 109, 117, 131, 134, 138, 251, 321
Протопопов С. С. 96
Протопопов С. Ст.—168
Протопопова (рожд. Константинова) Е. А. 59, 100, 104, 115, 119, 121, 126, 134, 137, 138, 140, 150, 151, 168, 174, 184, 185, 187, 251, 260, 298, 299, 321, 331
Пургольд В. Ф. 304
Пургольды 193
Пушкин А. С. 22, 132
Пыпин А. Н. 182

Раду́ Ж.-Т. 147, 290, 331, 340, 341, 349
Разумовский А. Г. 29
Разумовский Д. В. 127
Разумовский П. А. 29
Ракинт Ю. А. 150, 296, 297, 331
Растрелли В. В. 29
Ратер Д. К. 144
Резвецов 183, 184, 324
Рейнгарт 168
Рентген Ю. 152, 333
Реньо А. В. 51
Репин И. Е. 186, 345
Решетин Н. Л. 98
Решетина (рожд. Доброславина) М. П. 350
Ридель К. 14, 117, 125, 130, 136, 139, 147, 240, 241, 262, 263, 312, 318, 326
Риман Г. 240, 318
Римская-Корсакова (рожд. Пургольд) Н. Н. 73, 95, 105, 138, 196, 197, 201, 213, 217, 232, 262, 263, 304, 307, 310, 312, 313, 316

Римские-Корсаковы («Корсаки») 149
Римский-Корсаков А. Н. 4
Римский-Корсаков М. Н. 196, 197, 305
Римский-Корсаков Н. А. («Корсаков», «Корсинька», «Римлянин») 4, 7—11, 14, 15, 18, 60, 62—64, 67, 71—73, 84, 87, 88, 91, 92, 95—98, 100, 105—108, 111, 116, 119—125, 128—131, 133—136, 138, 145, 151, 152, 154, 156, 169, 171, 172, 175, 176, 179—188, 192, 197, 198, 201—203, 205, 207, 208, 211—217, 231, 232, 237, 238, 249—253, 259, 260, 262—267, 271—273, 279, 280, 301, 304—316, 318, 320, 322—326, 328, 332, 334, 341, 343, 349, 350
«Антар», симфоническая сюита, ор. 9 129, 185, 260, 325
Квартет F-dur (струнный) 136, 262, 263, 325
«Майская ночь», опера 107, 216, 217, 313
«Псковитянка», опера 71, 73, 90, 95, 176, 179
Романсы для голоса с фортепьяно 266, 267
«Свитезянка», романс для голоса с фортепьяно, ор. 7 183
«Сербская фантазия», см. Фантазия на сербские темы
Симфония № 1 es-moll, ор. 1 60, 169
«Снегурочка», опера 131, 145, 252, 255, 322
«100 русских народных песен», сборник 108
Увертюра на русские темы, ор. 28 182, 237
Фантазия на сербские темы для оркестра, ор. 6 272, 273, 341
«Царская невеста», опера 72
«Южная ночь», романс для голоса с фортепьяно, ор. 3 180
Риттер А. А. 235
Риттер Е. (Лиза) 235
Риш А. 52
Романов Михаил Федорович, царь 27, 28
Роншен 16
Россини Дж. 65, 69, 71, 168
Оперы 65
«Севильский цирюльник», опера 46, 69, 83
«Семирамида», опера 71
Ростовцев 303
Рубинштейн А. Г. 99, 185, 230, 231, 263, 316, 325
Концерт № 4 d-moll для фортепьяно с оркестром, ор. 70 185, 325
Рубинштейн Н. Г. 127, 244, 245, 319, 320, 322
Рымашевский А. В. 248, 255

Савицкий Н. П. 66
Савич В. 51, 52
Саккетти 58
Салтыков-Щедрин М. Е. 235
Сальвадор-Даниэль Фр. 52
Самойлович А. Н. 158
Северцев Н. А. 45, 167
Сен-Клер Девилль А. 51, 52
Сен-Санс К. 5, 147, 281, 282, 329
Сенковский О. И. 185
Сеннармон 51
Серов А. Н. 36, 65, 69, 70, 75, 203
«Рогнеда», опера 65, 67, 69, 70
Сеченов И. М. 20, 45, 46
Скворцов И. П. 100
Скворцова И. А. («Идка») 100
«Слово о полку Игореве» 8, 76, 82, 101
Соколов Н. В. 98, 199, 307
Соловов Н. 207, 247, 310
Соловьев Ю. И. 19
Сорокин И. М. 38, 39, 47, 54, 56, 88, 98, 171
«Среди долины ровные», русская народная песня 70
Стасов В. В. («Бах») 4, 6—8, 12, 22, 55, 59, 60, 62, 71, 72, 76, 82, 84, 86, 92—95, 98, 99, 101, 102, 105, 106, 108, 109, 116, 119, 121, 126, 128, 132, 133, 138, 148, 149, 156, 157, 159, 162, 165—170, 172—175, 183, 186, 188, 193, 194, 196, 197, 199, 201—204, 206, 209—212, 214, 217, 229—231, 241—243, 253, 259, 261, 264, 266, 280, 301, 302, 304—306, 309—313, 315, 316, 318, 319, 325, 326, 333, 338, 339, 343, 348—350
Стасов Д. В. 135, 173, 194, 197, 206, 229, 246, 263, 304, 306, 307, 309, 311, 315, 320, 348
Стасова Н. В. 212, 311
Стасова (рожд. Кузнецова) П. С. 199, 200, 246, 307
Стасюлевич М. М. 209, 235, 239, 310
Степанов И. 255
Столяревская А. А. 105, 125, 134
Стравинский Ф. И. 123, 176, 177, 247, 320
Стуковенко Н. И. 104
Ступишин С. П. 140
Ступишина М. С. 90, 140, 170
Ступишины 88, 104
Суворин А. С. 205, 309
Сущинский П. П. 154

Танеев С. И. 9, 108
Тарханов И. Р. 246, 320
Тассинари П. 56
Тенар 52
Тизенгаузен Н. О. 348
Тимофеев А. Е. 38, 166
Толстов В. П. 350
Толстой А. К. 11
Толстой Ф. М. (псевдоним Ростислав) 75
Тринитатский А. М. 248, 321
Тургенев И. С. 52, 99, 115, 116, 167, 209, 210, 235, 236, 304, 310, 316, 317
Тюнеев Б. М. 159

Уверский Н. И. 21
Успенский М. В. 147

Фёгелер 50
Федоров Е. Ф. 165
Федоров Ф. А. 33—35, 165
Федорова (рожд. Сютеева) В. А. 164, 165
Фейт 36, 165
  Квинтеты 36
Фет (Шеншин) А. А. 320
Фигуровский Н. А. 19
Филиппов Т. И. 127, 131, 157, 180, 184, 245, 255, 320, 321
Финдейзен Н. Ф. 162
Фиораванти В. 58
  «Колумелла», опера 58
Фитингоф-Шель Б. А. 176
  «Демон», опера 176
Фольвилль Ж. 16, 17, 289, 290, 330, 331, 342, 343
  «Деревенская свадьба» («Noce au village») для солистов, хора и оркестра 290
  «Scènes champêtre», сюита для оркестра 289, 290, 331
Франк 229
Фридрейх 56

Хлебников П. А. 57, 239, 317, 344, 350
Хлебникова Н. П. 344, 350
Хомутовы 125

Цирус Г. И. 252, 322
Цыцурин Ф. С. 192, 193, 303

Чайковский П. И. 9, 14, 17, 82, 108, 127, 168, 249, 250, 322
  Квартет № 3 es-moll (струнный), ор. 30 168
  Концерт D-dur для скрипки с оркестром, ор. 35 14
  «Литургия» для смешанного хора, ор. 41 127
Чарный М. Д. 35, 166
«Чем тебя я огорчила», русская народная песня 37
Чентони 56
Чернышевский Н. Г. 62
Чех К. 207—209, 309, 310
Чистович О. Я. 344, 350
Чистович Я. А. 350
Чистяков П. П. 207, 309

Шабанова А. Н. 105
Шалфеев М. И. 172
Шашина А. С. 36, 37
Шель Б. А., см. Фитингоф-Шель Б. А.
Шерер 55
Шестакова (рожд. Глинка) Л. И. («Людма») 4, 6, 87, 89, 105, 106, 111, 135, 193, 198, 201—203, 206, 208, 213, 216, 252, 253, 256, 257, 280, 304, 308—310, 312, 313, 322, 329, 338, 339
Шиллер Ф. 112
Шоноров В. А. 101
Шопен Ф. 53, 97, 99, 139, 180, 183
  Концерт для фортепьяно с оркестром 97
  «Милочка-дева» для голоса с фортепьяно 180, 183
  Пьесы для фортепьяно 99
  Соната g-moll для виолончели и фортепьяно, ор. 65 139
  Фантазия f-moll для фортепьяно, ор. 49 53
Шостаковский П. А. 313
Шпаковский 168
Шпор (Spohr) Л. 36, 327
  Квартет двойной 36
  «Faust», опера 327
Штейн Ф. Ф. 270, 328
Штраус И. 327
Штраус Э. 15, 267, 268, 327
Штуцман 48
Шуберт К. Б. 33
Шульгоф 168
Шуман (Schumann) Р. 41, 42, 53, 99, 230, 316, 327, 344
  «Aus alten Weisen winkt es», романс для голоса с фортепьяно 327
  Вариации cis-moll, см. Симфонические этюды
  «Карнавал», цикл пьес для фортепьяно, ор. 9 99, 230
  «Новеллетты» для фортепьяно, ор. 21 344

Симфонии 41
Симфонические этюды для фортепьяно, ор. 13 99, 230, 316
Симфония № 3 Es-dur, ор. 97 41
Соната № 1 fis-moll, ор. 11 для фортепьяно 230
«Schlummerlied», пьеса для фортепьяно 53

Щербачев Н. В. («Флакон», «Шевалье») 98, 101, 106, 196, 199, 201, 276, 277, 305, 306
«Zigzags» («Зигзаги»), цикл пьес для фортепьяно 305
Щиглев М. Р. 33—37, 55, 105, 125, 130, 156, 165, 201, 248, 249, 251, 307, 321, 322
Щиглев Р. П. 33, 42
Щиглевы 42

Эйнвальд С. М. 159
Эрленмейер Э. 47, 114

Юргенсон П. И. 85, 127, 198, 244, 245, 306, 311, 319, 320
Юрьевич (рожд. Красовская) М. С. 31, 164
Юрьевич С. А. 31, 164

Якубович Н. М. 53, 55
Якубович Т. А. 176
Яновский Л. 19

Barlow, misses 48
Boorn van der 186
Cuntz 47
Klughardt A. 327
Sinfonie № 3 D-dur, op. 37 327
Murget H. 154
Oberbeck H. 327
Stassoff Zizi 172
Stucken van der 327
Tänze 327
Taubert. 327
«Wildfang» 327
Tausig C. 327
«Zigeunerweisen» 327

СОДЕРЖАНИЕ

Игорь Бэлза. Введение 3
От автора 23

АЛЕКСАНДР ПОРФИРЬЕВИЧ БОРОДИН
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Глава первая 27
Предки Бородина. Обстоятельства его рождения
Детство и юность (1833—1859)

Глава вторая 44
Поездка за границу. Женитьба. Встреча с М. А. Балакиревым и вступление в период творческой зрелости (1859—1863)

Глава третья 62
Первая симфония. «Богатыри». Романсы (1863—1869)

Глава четвертая 76
Начало работы над «Князем Игорем». Семидесятые годы (1869—1879)

Глава пятая 124
Последние годы жизни (1880—1887)

Примечания
К главе первой 158
К главе второй 167
К главе третьей 169
К главе четвертой 170
К главе пятой 179

ПИСЬМА К А. П. БОРОДИНУ

1. Г. Гейсслер. 30 марта/11 апреля 1863 г. 191
2. Ф. С. Цыцурин. 20 мая 1866 г. 192
3. Е. С. Бородина. 28 августа 1867 г. 193
4. В. В. Стасов. 28 декабря 1868 г. 193
5. В. В. Стасов. 18 апреля 1869 г. 193
6. В. В. Стасов. 28 декабря 1871 г. 194
7. А. Н. Луканина. Весна 1872 г. 194
8. М. С. Варварин. 1 января 1873 г. 195
9. М. А. Балакирев. 3 января 1873 г. 196
10. В. В. Стасов. 30 января 1873 г. 196
11. М. Н. Римский-Корсаков. 19 октября 1873 г. 196
12. В. В. Стасов. 31 декабря 1873 г. 197
13. В. В. Стасов. 31 января 1874 г. 197
14. Н. Н. Зинин. 9 марта 1874 г. 198
15. Н. Н. Зинин. 20 марта 1874 г. 198
16. Л. И. Кармалина. 6 апреля 1874 г. 198
17. В. В. Стасов. 28 сентября 1874 г. 199
18. Д. И. Менделеев. 22 октября 1874 г. 199
19. П. С. Стасова. 24 октября 1874 г. 199

20. В. Н. Майнов. 1874—1875 г. 200
21. В. В. Стасов. 17 сентября 1875 г. 201
22. Л. И. Шестакова. 17 сентября 1875 г. 201
23. В. В. Стасов. 19 сентября 1875 г. 202
24. К. К. Альбрехт. 30 октября 1875 г. 202
25. М. А. Балакирев. 12 января 1876 г. 203
26. А. А. Полякова. 15 января 1876 г. 203
27. В. В. Стасов. 30 марта 1876 г. 203
28. Л. И. Кармалина. 14 апреля 1876 г. 204
29. Л. И. Шестакова. 31 октября 1876 г. 206
30. В. В. Стасов. 4 декабря 1876 г. 206
31. В. В. Стасов. 7 декабря 1876 г. 206
32. Н. А. Римский-Корсаков. 1877 или 1879 г. 207
33. Н. А. Меншуткин. 16 февраля 1877 г. 207
34. Н. Соловов. 21 февраля 1877 г. 207
35. Л. И. Шестакова. 27 февраля 1877 г. 208
36. Ф. Ф. Бейльштейн. 4 марта 1877 г. 208
37. В. В. Стасов. Осень 1877 г.? 209
38. И. С. Тургенев. 27 октября/8 ноября 1877 г. 209
39. В. В. Стасов. 22 ноября 1877 г. 210
40. В. В. Стасов. 18 декабря 1877 г. 210
41. Н. А. Римский-Корсаков. 1877—1879 г.? 211
42. М. А. Балакирев. 14 января 1878 г. 211
43. В. В. Стасов. 6 февраля 1878 г. 211
44. В. В. Стасов. 31 марта 1878 г. 212
45. Н. А. Римский-Корсаков. 30 сентября 1878 г. 212
46. Л. И. Шестакова. 17 ноября 1878 г. 213
47. Н. А Римский-Корсаков. 18 января 1879 г. 213
48. М. А. Балакирев. 18 января 1879 г. 214
49. В. В. Стасов. 24 января 1879 г. 214
50. В. В. Стасов. 27 января 1879 г. 214
51. Н. А. Римский-Корсаков. 12 апреля 1879 г. 215
52. В. В. Стасов. 17 июня 1879 г. 215
53. Н. А. Римский-Корсаков. 8 июля 1879 г. 216
54. В. В. Стасов. 8 августа 1879 г. 229
55. Н. А. Римский-Корсаков. 10 августа 1879 г. 231
56. М. А. Балакирев. Около 10 декабря 1879 г. 232
57. А. Н. Луканина. 24 января 1880 г. 233
58. Д. М. Леонова. 28 января 1880 г. 236
59. Д. М. Леонова. 12 февраля 1880 г. 237
60. Д. М. Леонова. 15 февраля 1880 г. 238
61. А. М. Бутлеров. 3 марта 1880 г. 238
62. А. М. Бутлеров. Начало апреля 1880 г. 239
63. А. Н. Луканина. 11 мая 1880 г. 239
64. Ц. А. Кюи. Весна 1880 г. 240
65. К. Ридель. 9/21 мая 1880 г. 240
66. В. В. Стасов. 6/18 июля 1880 г. 241
67. Ф. Лист. 22 августа/3 сентября 1880 г. 243
68. Л. Дамрош. 10/22 сентября 1880 г. 243
69. Н. Г. Рубинштейн и П. И. Юргенсон. Конец октября — начало ноября 1880 г. 244
70. Т. И. Филиппов. 2 ноября 1880 г. 245
71. П. С. Стасова. 15 ноября 1880 г. 246
72. П. С. Стасова. 17 ноября 1880 г. 246
73. И. Р. Тарханов. 25 ноября 1880 г. 246
74. Н. В. Галкин. 25 декабря 1880 г. 246
75. Н. Соловов. 27 января 1881 г. 247
76. Е. К. Альбрехт. 15 февраля 1881 г. 247
77. Ф. Д. Гриднин. 30 марта 1881 г. 247
78. Р. М. Щиглев. 19 апреля 1881 г. 248

79. М. Р. Щиглев. 7 мая 1881 г. 248
80. О. Лессманн. 27 августа/8 сентября 1881 г. 249
81. М. А. Балакирев. 16 сентября 1881 г. 251
82. М. Р. Щиглев. 18 сентября 1881 г. 251
83. М. Миланов. 23 сентября 1881 г. 251
84. М. А. Балакирев. 27 сентября 1881 г. 252
85. В. В. Бессель. 23 октября 1881 г. 252
86. Л. И. Шестакова. 25 октября 1881 г. 252
87. Л. И. Шестакова. 29 октября 1881 г. 253
88. Ф. Д. Гриднин. 7 ноября 1881 г. 253
89. М. А. Балакирев. 29 ноября 1881 г. 254
90. Ф. Д. Гриднин. 29 декабря 1881 г. 254
91. Т. И. Филиппов. 1 января 1882 г. 255
92. Н. П Молас. 19 января 1882 г. 255
93. С.-Петербургский кружок любителей музыки. 29 января 1882 г. 255
94. А. Н. Молас. 1 февраля 1882 г. 256
95. Л. И. Шестакова. 10 февраля 1882—1884 г. 256
96. Дирекция Петербургского отделения Русского музыкального общества. 13 февраля 1882 г. 256
97. Дирекция Петербургского отделения Русского музыкального общества. 16 марта 1882 года 257
98. Л. И. Шестакова. 8 апреля 1882 г. 257
99. Д. М. Леонова. 12 апреля 1882 г. 258
100. М. А. Балакирев. 15 апреля 1882 г. 258
101. Н. П. Молас. 18 апреля 1882 г. 259
102. Е. П. Глазунова. Конец апреля 1882 г. 259
103. Н. П. Молас. 4 мая 1882 г. 259
104. Е. С. Бородина. 21 августа 1882 г. 260
105. Н. П. Молас. 23 сентября 1882 г. 260
106. Д. М. Леонова. Начало ноября 1882 г.? 261
107. В. В. Стасов. 1 января 1883 г. 261
108. М. А. Балакирев. 1 февраля 1883 г. 261
109. Кружок поклонников. 3 февраля 1883 г. 262
110. К. Ридель. 11/23 марта 1883 г. 262
111. М. А. Балакирев. 17 марта 1883 г. 263
112. Д. В. Стасов. 20 марта 1883 г. 263
113. В. В. Стасов и А. К. Глазунов. 4 июня 1883 г. 264
114. Дирекция Петербургского отделения Русского музыкального общества. 11 июня 1883 г. 264
115. Т. Жадуль. 21 октября/2 ноября 1883 г. 264
116. Ф. Лист и К. Гилле. Около 3/15 ноября 1883 г. 265
117. В. В. Стасов. 7 декабря 1883 г. 266
118. Т. Жадуль. 9/21 декабря 1883 г. 266
119. Э. Штраус. 15/27 декабря 1883 г. 267
120. Л. Ауэр. 5 января 1884 г. 268
121. Т. Жадуль. Март 1884 года 269
122. Е. П. Глазунова. 26 марта 1884 г. 269
123. Т. Жадуль. 30 апреля/12 мая 1884 г. 270
124. Т. Жадуль. 4/16 мая 1884 г. 271
125. Т. Жадуль. 11/23 мая 1884 г. 272
126. Т. Жадуль. Конец мая — начало июня 1884 г. 273
127. Т. Жадуль. Начало июня 1884 г. 274
128. Т. Жадуль. 15/27 июня 1884 г. 275
129. Т. Жадуль. 10/22 сентября 1884 г. 276
130. Т. Жадуль. Октябрь 1884 г. 278
131. Т. Жадуль 13/25 октября 1884 г. 279
132. Л. И. Шестакова. 16 октября 1884 г. 280
133. Л. Бурго-Дюкудрэ. 25 ноября/7 декабря 1884 г. 281
134. К. Сен-Санс. 25 ноября/7 декабря 1884 г. 281
135. Т. Жадуль. 3/15 января 1885 г. 282

136. Ц. А. Кюи. 15 января 1885 г. 283
137. В. В. Бессель. 28 января 1885 г. 283
138. Т. Жадуль. Февраль 1885 г. 284
139. М. А. Балакирев. 10 мая 1885 г. 285
140. Г. Жориссенн. 16/28 апреля 1886 г. 285
141. Г. Дабэн. 31 мая/12 июня 1886 г. 288
142. Ж. Фольвилль. Начало июня 1886 г. 289
143. Л. де Мерси-Аржанто. Конец мая — начало июня 1886 г. . 291
144. Г. Жориссенн. 10/22 июня 1886 г. 293
145. Л. де Мерси-Аржанто. 13/25 июля 1886 г. 296
146. Л. де Мерси-Аржанто. 4/16 октября 1886 г. 298
147. Т. Жадуль. Начало декабря 1886 г. 300
148. В. В. Стасов. 10 декабря 1886 г. 301

Примечания 303

ПИСЬМА, ДОКУМЕНТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ О А. П. БОРОДИНЕ

1. Л. С. Гедианов — А. С. Голицыной. 30 декабря 1829 г. . . 337
2. Справка из Тверской казенной палаты 338
3. Л. И. Шестакова — М. А. Балакиреву. 4 ноября 1873 г. . 338
4. В. Н. Майнов — В. В. Стасову. 1874—1875 г.? 338
5. Л. И. Шестакова — М. А. Балакиреву. 1 октября 1880 г. . . 339
6. Ш. Ламурё — Л. де Мерси-Аржанто. 8/20 октября 1884 г. . . 339
7. Л. де Мерси-Аржанто — Ц. А. Кюи. 9/21 октября 1884 г. . 340
8. Вырезка из парижской газеты «Фигаро» от 25 февраля/9 марта 1885 г. 340
9. Т. Радý — Л. де Мерси-Аржанто 1/13 сентября 1885 г. . . . 340
10. Два стихотворения Л. де Мерси-Аржанто 341
11. Л. де Мерси-Аржанто — Ж. Фольфилль. Начало марта 1887 г. . 342
12. В. В. Стасов — А. П. Дианину. 29 сентября 1890 г. . . . 343
13. Воспоминания Марии Васильевны Доброславиной 343

Примечания 348

Список музыкальных произведений А. П. Бородина 353
Библиография 369
Алфавитный указатель авторов, поименованных в библиографии 386
Указатель имен и названий музыкальных произведений . . . 389

Дианин Сергей Александрович
БОРОДИН

Редактор А. Быков
Техн. редактор В. Кичоровская
Корректор Я. Фунтикова
Художник П. Кузанян

Подписано к печати 24/V 1960 г. А 05190. Форм. бум. 60×92¼/16. Бум. л.—13,2. Печ. л.—26,4 (включая вклейку). Уч.-изд. л.—28,8. Тираж 4 000 экз. Заказ 2049. Гос. № 27751.

Московская типография № 6 Московского Городского Совнархоза.